РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

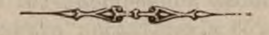
ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 4.

АПРѢЛЬ 1904 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 года).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій міръ" въ 1904 году.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1904.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 28 Апрѣля 1904 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

О необходимости сокращенія требованія новыхъ кредитовъ въ 1905 и послѣдующихъ годахъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, разсмотрѣвъ особый журналъ общаго собранія государственнаго совѣта о финансовыхъ смѣтахъ министерствъ и главныхъ управленій и о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1904 годъ, ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть соизволилъ:

Подтвердить къ руководству всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, во исполненіе ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія 13-го января 1903 года, настоятельную необходимость озаботиться возможнымъ сокращеніемъ по ввѣреннымъ имъ вѣдомствамъ требованій новыхъ кредитовъ на 1905 и послѣдующіе годы.

О таковомъ ВЫСОЧАЙШЕМЪ повелѣніи, сообщенномъ г. министру народнаго просвѣщенія государственнымъ секретаремъ и изъясненномъ въ предложеніи тайнаго совѣтника Ренара отъ 23-го января сего 1904 г. за № 2.976, объявляется по округу къ свѣдѣнію и руководству. (Циркуляръ по С.-Петербургскому учебному округу. 1904 г. № 4).

Объ ассигнованіи кредита на устройство низшихъ ремесленныхъ школъ и школъ ремесленныхъ учениковъ, а равно на организацію курсовъ професс. знаній и введеніе преподаванія ручного труда.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ ассигнованіи кредита на устройство низшихъ ремесленныхъ школъ и школъ ремесленныхъ учениковъ, а равно на организацію курсовъ профессіональныхъ знаній и введеніе преподаванія ручного труда, мнѣніемъ положилъ:

Отпускать изъ государственнаго казначейства въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1-го января 1904 года, по двадцати тысячъ руб. въ годъ на устройство низшихъ ремесленныхъ школъ и школъ ремесленныхъ учениковъ, а равно на организацію курсовъ профессіональныхъ знаній и введеніе преподаванія ручного труда.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта въ 8-й день декабря прошлаго года ВЫСОЧАЙШЕ утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. (Приложеніе къ „Циркуляру по управленію Кіевскимъ учебнымъ округомъ". 1903 г. № 1).

О допущеніи распорядительныхъ засѣданій профессорскаго дисциплинарнаго суда въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія (22 ноября 1903 г.).

Ст. 4-ая ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныхъ 24 августа 1902 г. временныхъ правилъ о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія устанавливаетъ, что вѣдѣнію сего суда подлежатъ передаваемыя ему ректоромъ (директоромъ) дѣла касательно учащихся. Отсюда слѣдуетъ, что профессорскій судъ собирается послѣ того, какъ начальникомъ учебнаго заведенія препровожденъ къ предсѣдателю суда подлежащій судебному разсмотрѣнію матеріалъ. По ст. 6-й тѣхъ же правилъ засѣданія суда назначаются предсѣдателемъ по мѣрѣ надобности. Однако, предполагается, очевидно, что засѣданія эти обусловлены наличностью возбужденнаго начальникомъ заведенія судебнаго дѣла. Нынѣ совѣтъ одного изъ университетовъ возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи предсѣдателю профессорскаго дисциплинарнаго суда назначать, независимо отъ засѣданій судебныхъ, распорядительныя засѣданія суда для обсужденія вопросовъ, относящихся къ его дѣятельности.

Означенное ходатайство министромъ народнаго просвѣщенія было признано заслуживающимъ уваженія по слѣдующимъ соображеніямъ: при возможности разсмотрѣнія судомъ студенческихъ проступковъ, совершенныхъ во время массовыхъ безпорядковъ, является весьма желательнымъ, чтобы судъ опредѣлилъ подробности своего дѣлопроизводства и намѣтилъ нѣкоторыя начала, касающіяся его отношенія къ различнымъ сторонамъ подлежащихъ его разсмотрѣнію явленій, дѣйствуя не подъ гнетомъ необходимости быстраго разрѣшенія возникшихъ вопросовъ, а спокойно обсудивъ напередъ всѣ предстоящія ему задачи. Для этой цѣли распорядительныя засѣданія, происходящія до возникновенія того или другого судебнаго дѣла, не могутъ не быть признаны полезными. Такъ какъ составъ суда мѣняется ежегодно, то и съ точки зрѣнія единообразія въ воззрѣніяхъ на дѣло и способахъ дѣйствія такой пріемъ созиданія извѣстныхъ традицій путемъ послѣдовавшихъ въ распорядительныхъ засѣданіяхъ рѣшеній имѣетъ немаловажное значеніе. Равнымъ образомъ распорядительныя засѣданія явились бы неизлишними въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлась бы основательная причина разсмотрѣть ходатайство лица, приговореннаго уже профессорскимъ судомъ и по истеченіи извѣстнаго времени заявляющаго о своемъ раскаяніи съ просьбою о смягченіи наложеннаго на него наказанія. Въ подобныхъ случаяхъ учебная администрація не должна бы оказывать снисхожденія, не запросивъ заключенія профессорскаго суда, который не пересматривалъ бы дѣла, рѣшеннаго раньше, а давалъ бы отзывъ о томъ, насколько ходатайство заслуживаетъ быть принятымъ во вниманіе.

Въ виду сего министромъ народнаго просвѣщенія 22 ноября текущаго года было испрошено всеподданнѣйшимъ докладомъ ВЫСОЧАЙШЕЕ соизво-

леніе на разрѣшеніе предсѣдателю профессорскаго дисциплинарнаго суда въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія назначать, независимо отъ засѣданій судебныхъ, распорядительныя засѣданія суда для обсужденія симъ послѣднимъ вопросовъ, относящихся къ его дѣятельности. (Циркуляръ по Рижскому учебному округу. 1904 г. № 1).

О мѣрахъ къ устраненію всѣхъ обстоятельствъ, отягчающихъ матеріальное или нравственное положеніе учительницъ народныхъ училищъ (31 января 1904 года № 4.295).

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было въ 26 день апрѣля минувшаго года преподать бывшему министру народнаго просвѣщенія указаніе, чтобы министерство всемѣрно озаботилось принятіемъ надлежащихъ мѣръ къ огражденію народныхъ учительницъ отъ тяжелыхъ нравственныхъ и бытовыхъ условій, которыя ставятъ въ безпомощное положеніе беззащитныхъ труженицъ.

Во исполненіе сего и на основаніи заключенія по сему вопросу учебно-окружныхъ управленій, за временно управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ предложеніи отъ 31 января сего года за № 4.295, проситъ попечителя учебнаго округа поручить лицамъ, ревизующимъ начальныя училища, вникать въ условія дѣятельности народныхъ учительницъ и принимать должныя мѣры къ устраненію всѣхъ обстоятельствъ, отягчающихъ матеріальное или нравственное положеніе этихъ лицъ. (Циркуляръ по Западно-Сибирскому учебному округу. 1904 г. № 2).

Къ вопросу о праздновании юбилеевъ должностныхъ лицъ. а также правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изъ повергаемыхъ на Всемилостивѣйшее Его Величества воззрѣніе наградныхъ представленій и изъ сообщеній повременной печати усмотрѣть изволилъ, что по нѣкоторымъ вѣдомствамъ продолжаютъ встрѣчаться случаи отступленій отъ точнаго смысла дѣйствующихъ постановленій относительно празднованія юбилеевъ должностныхъ лицъ, а также правительственныхъ и общественныхъ учрежденій (Св. Зак., т. III, Уст. Служб. Прав. ст. 665 и примѣч.), не взирая на ВЫСОЧАЙШУЮ волю о неуклонномъ соблюденіи относящихся до этого предмета правилъ, объявленную въ циркулярѣ Управлявшаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею, статсъ-секретаря Ренненкампфа 30 марта 1891 года.

Такъ, нерѣдко чествованіе служащихъ происходитъ въ совершенно произвольно избираемые не допускаемые закономъ сроки: по случаю десятилѣтняго пребыванія въ одной и той же должности, двадцатипяти, тридцатипяти или сорокалѣтняго состоянія на службѣ въ офицерскихъ или классныхъ чинахъ и т. п.; при этомъ, хотя формальнаго разрѣшенія высшаго начальства на сего рода празднованія не испрашивается, но по существу они ничѣмъ не отличаются отъ чествованій оффиціальныхъ. Равнымъ образомъ, вопреки общему запрещенію всякихъ подношеній юбилярамъ отъ подчиненныхъ имъ лицъ, считается возможнымъ допускать въ семъ отно-

шеніи изъятія для иконъ, заключаемыхъ часто въ цѣнные оклады, для художественныхъ ларцовъ съ адресами и т. д.

Засимъ, въ явное противорѣчіе правилу, дозволяющему праздновать юбилеи учрежденій, заведеній и обществъ лишь по истеченіи полныхъ полустолѣтій ихъ существованія, ходатайства о чествованіи такого рода юбилеевъ возбуждаются и въ иные сроки, напримѣръ, по поводу двадцатипяти, сорока или семидесятилѣтней дѣятельности установленія.

Наконецъ, несмотря на прямое запрещеніе закона, зачастую къ юбилеямъ учрежденій испрашиваются награды служащимъ въ нихъ. Между тѣмъ единственнымъ справедливымъ основаніемъ для наградныхъ представленій могутъ быть только заслуги самихъ награждаемыхъ. Добрая же слава чествуемаго установленія и оказанная имъ польза созидаются дѣйствіями лицъ, входившихъ въ его составъ за все время его существованія, а не одного лишь наличнаго ко времени наступленія юбилея служебнаго персонала. Поэтому объявленіе награды, испрошенной установленнымъ порядкомъ за дѣйствительныя служебныя отличія, если и допустимо въ день юбилея награждаемаго лица, то является совершенно неумѣстнымъ при юбилеяхъ учрежденій.

Въ Монаршей заботливости о строгомъ соблюденіи законности въ служебномъ строѣ государственныхъ учрежденій, Его Императорское Величество въ 4-й день февраля сего года ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть соизволилъ подтвердить всѣмъ вѣдомствамъ къ непремѣнному руководству, чтобы впредь означенныя выше и другія однородныя съ ними нарушенія правилъ, изданныхъ для празднованія юбилеевъ, отнюдь не были допускаемы.

О таковой Монаршей волѣ, объявленной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Главноуправляющимъ Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею къ исполненію, за временно управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, тайн. сов. И. Ренаръ, предложеніемъ отъ 29 февраля 1904 г. за № 7.444, имѣетъ честь сообщить къ надлежащему руководству по учебному округу. (Циркуляръ по Кіевскому учебному округу 1904 г. № 3).

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

По дѣлу о передачѣ Чернскимъ, Тульской губерніи, уѣзднымъ земствомъ содержимыхъ имъ начальныхъ училищъ въ вѣдѣніе мѣстнаго епархіальнаго училищнаго совѣта.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ правительствующаго сената, министру народнаго просвѣщенія [1]).

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, правительствующій сенатъ въ первомъ общемъ собраніи слушали: записку изъ дѣла по жалобамъ: а) Чернскаго уѣзднаго предводителя дворянства Павла Левицкаго и б) директора народныхъ училищъ Тульской губерніи, статскаго совѣтника Михаила Яблочкова, на постановленіе Тульскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія по предмету передачи начальныхъ школъ, содержимыхъ на средства Чернскаго уѣзднаго земства, въ вѣдѣніе епар-

---

[1]) Препровождено при предложеніи отъ 10/31 января сего 1904 г. за № 4.116.

хіальнаго училищнаго совѣта, приказали: изъ дѣла видно, что Чернское уѣздное земское собраніе, по постановленію 6-го октября 1897 г., опредѣлило передать начальныя школы, содержимыя на средства земства, въ епархіальное вѣдомство, съ субсидіей сему вѣдомству въ 6.000 р. въ годъ. Постановленіе это было обжаловано Чернскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и директоромъ народныхъ училищъ Тульской губерніи губернскому по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствію, которое оставило жалобу ихъ безъ послѣдствій, въ виду того, что закономъ не запрещена передача школъ, содержимыхъ земствомъ, въ епархіальное вѣдомство, а изъ циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 9-го октября 1886 г. за № 5.655 видно, что таковая передача допускается на практикѣ. Въ жалобахъ, принесенныхъ правительствующему сенату, Чернскій уѣздный предводитель дворянства и директоръ народныхъ училищъ Тульской губерніи, ходатайствуя объ отмѣнѣ постановленія присутствія, объясняютъ: 1) что начальныя училища, на основаніи ст.ст. 2, 10, 19 и 20 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 25-го іюня 1874 г. положенія, состоя въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, не могутъ быть передаваемы въ другое вѣдомство по постановленіямъ земскихъ собраній, но открываются и закрываются органами министерства народнаго просвѣщенія, училищными совѣтами, 2) что циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія, отъ 7-го октября 1897 г. за № 26.826 было сдѣлано распоряженіе, чтобы постановленія о передачѣ училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, въ иныя вѣдомства, подлежали исполненію не прежде, какъ по разсмотрѣніи таковыхъ постановленій мѣстнымъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ и по воспослѣдованіи соотвѣтственнаго опредѣленія такого совѣта, 3) что постановленіе земскаго собранія о передачѣ земскихъ школъ въ вѣдѣніе духовнаго вѣдомства обсуждалось въ Чернскомъ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ, каковымъ и одобрено лишь 24-го января 1898 г., т. е. уже послѣ того, какъ земская управа 20-го декабря 1897 г. сообщила епархіальному училищному совѣту о пріемѣ школъ, и 4) что земство, кромѣ того, не имѣло права передавать свои школы въ другое вѣдомство въ виду того, что многія изъ нихъ устроены и содержатся при помощи частныхъ жертвователей, которые дѣлали и дѣлаютъ пожертвованія лишь на земскія школы, а не церковно-приходскія, и въ числѣ переданныхъ въ духовное вѣдомство земскихъ школъ есть нѣсколько такихъ, на устройство которыхъ были пожертвованы капиталы съ условіемъ, что школы будутъ находиться въ вѣдѣніи уѣзднаго училищнаго совѣта. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, первое общее сената собраніе находитъ, что земскія учрежденія не лишены права прекращать ассигнованія на предметы своего хозяйства, въ томъ числѣ и на содержаніе школъ, а потому постановленіе Чернскаго уѣзднаго земскаго собранія, насколько оно касалось прекращенія ассигновокъ на земскія школы и назначенія пособія церковно-приходскихъ школамъ, не выходитъ изъ предѣловъ предоставленной земскому собранію власти. Но за симъ, самая передача земскихъ школъ въ епархіальное вѣдомство, въ виду ст.ст. 3.477, 3.478 и 3.487 уст. учеб. зав. (Св. зак. т. XI ч. I изд. 1893 г.), могла состояться лишь по предварительномъ сношеніи съ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ; въ настоящемъ же случаѣ постановленіе уѣзднаго земскаго собранія о передачѣ земскихъ школъ въ епархіальное вѣдомство, согласно никѣмъ неопровергаемому заявленію директора народныхъ училищъ Тульской губерніи, было сообщено уѣздною земскою управою еще 20-го декабря 1897 г. епархіальному училищному совѣту, съ просьбою о принятіи начальныхъ училищъ въ свое вѣдѣніе

безъ увѣдомленія о томъ уѣзднаго училищнаго совѣта, вслѣдствіе чего епархіальный училищный совѣтъ 30-го декабря 1897 г. уже сдѣлалъ распоряженіе о пріемѣ начальныхъ училищъ, а лишь послѣ сего, а именно 24-го января 1898 г., вопросъ о передачѣ школъ въ епархіальное вѣдомство подвергся обсужденію въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ. Независимо отъ сего, усматривая изъ дѣла, что многія изъ начальныхъ училищъ Чернскаго уѣзда содержатся не исключительно на земскія средства, но на спеціально пожертвованные капиталы или на совмѣстныя средства земства и частныхъ лицъ, что отопленіе и освѣщеніе нѣкоторыхъ школъ лежитъ на обязанности сельскихъ обществъ, и что на многія изъ школъ сдѣланы частными лицами единовременные взносы, и принимая во вниманіе, что на основаніи ст. 986 зак. гражд. (т. X, ч. I св. зак. изд. 1887 г.), если употребленіе пожертвованныхъ для опредѣленной надобности земству имуществъ и капиталовъ, сообразно указанному жертвователемъ назначенію, сдѣлается по измѣнившимся условіямъ невозможнымъ, то симъ имуществамъ и капиталамъ можетъ быть дано другое назначеніе не иначе, какъ по истребованіи согласія жертвователя, первое общее сената собраніе находитъ, что передача въ епархіальное вѣдомство всѣхъ тѣхъ школъ, которыя содержались Чернскимъ земствомъ при помощи пожертвованій частныхъ лицъ и обществъ, могла бы состояться лишь при испрошеніи согласія всѣхъ означенныхъ лицъ и обществъ. Между тѣмъ, согласія этого не только не было въ настоящемъ случаѣ испрошено, но нѣкоторые изъ жертвователей (свѣтлѣйшая княгиня Имеретинская, графъ Толстой, Корниловъ и друг.) прямо и категорически высказали протестъ свой противъ передачи содержимыхъ при ихъ посредствѣ училищъ въ епархіальное вѣдомство, причемъ непринесеніе ими жалобы по настоящему дѣлу въ правительствующій сенатъ отнюдь не можетъ быть разсматриваемо какъ послѣдующее согласіе на исполненіе постановленія земства и въ достаточной мѣрѣ оправдывается тѣмъ, что и помимо ихъ жалобы настоящее дѣло вошло на разсмотрѣніе правительствующаго сената. Посему и находя, что, вообще, земство могло отказаться отъ содержанія лишь тѣхъ изъ школъ, по отношенію къ которымъ имъ не было принято на себя какихъ-либо обязательствъ, первое общее сената собраніе признаетъ постановленіе Тульскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, коимъ оставлено въ силѣ постановленіе Чернскаго уѣзднаго земскаго собранія 6-го октября 1897 г., лишеннымъ законнаго основанія, а потому *опредѣляетъ*: таковое отмѣнить, поручивъ губернскому присутствію постановить новое опредѣленіе. О чемъ, для исполненія и объявленія жалобщикамъ, а равно и въ разрѣшеніе рапорта отъ 25-го іюня 1899 г. за № 5.891, министру внутреннихъ дѣлъ послать указъ, каковыми увѣдомить министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода, а въ I-й департаментъ правительствующаго сената дать знать вѣдѣніемъ. Декабря 22-го дня 1903 г.

Объявляется по округу для свѣдѣнія. (Циркуляръ по С.-Петербургскому учебному округу. 1904 г. № 4).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Объ измѣненіи формы аттестата объ окончаніи курса женскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Начальствомъ одного изъ учебныхъ округовъ возбужденъ былъ предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія вопросъ объ измѣненіи формы атте-

стата объ окончаніи курса женскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и о примѣненіи къ этимъ гимназіямъ § 67-го правилъ объ испытаніяхъ въ мужскихъ гимназіяхъ.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, на разсмотрѣніе котораго передавалось настоящее дѣло, мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. бывшимъ министромъ, призналъ, что случаи, предусмотрѣнные § 67-мъ правилъ 12-го марта 1891 г. объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій, могутъ быть и дѣйствительно бываютъ и при выпускныхъ испытаніяхъ ученицъ женскихъ гимназій, каковыя учащіяся, въ силу своеобразныхъ свойствъ женскаго организма, особенно легко подвергаются различнымъ заболѣваніямъ, неблагопріятно вліяющимъ на умственныя занятія, а потому является справедливымъ распространить дѣйствіе § 67-го упомянутыхъ правилъ и на женскія гимназіи и прогимназіи министерства народнаго просвѣщенія, впредь до выработки новаго положенія объ этихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Объ этомъ, согласно предложенію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лукьянова отъ 31-го декабря 1903 года за № 40.574, объявляется по округу для руководства въ подлежащихъ случаяхъ. (Циркуляръ по С.-Петербургскому учебному округу. 1904 г. № 4).

О томъ, чтобы представленія въ министерство народнаго просвѣщенія сопровождались соотвѣтственными заключеніями подлежащихъ учрежденій.

Въ министерство народнаго просвѣщенія нерѣдко поступаютъ представленія начальствъ учебныхъ округовъ о разъясненіи различныхъ вопросовъ, безъ заключенія по онымъ учебно-окружнаго управленія.

Вслѣдствіе сего министерство народнаго просвѣщенія въ предложеніи отъ 9-го января сего 1904 г. за № 693, проситъ на будущее время, при возбужденіи какихъ-либо вопросовъ, представлять таковые министерству съ выраженіемъ мотивированнаго мнѣнія начальства учебнаго округа и подлежащихъ педагогическихъ совѣтовъ.

Объявляется по округу для исполненія. (ib).

О нормахъ вознагражденія предсѣдателямъ педагогическихъ совѣтовъ женскихъ гимназій.

Вслѣдствіе представленія начальства одного изъ учебныхъ округовъ г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія призналъ желательнымъ впредь до изданія новаго положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ предоставить усмотрѣнію попечительныхъ совѣтовъ означенныхъ учебныхъ заведеній установленіе вознагражденія предсѣдателямъ педагогическихъ совѣтовъ оныхъ. Послѣднее могло бы производиться въ зависимости отъ средствъ каждаго учебнаго заведенія, при чемъ, въ случаѣ назначенія вознагражденія, размѣръ послѣдняго долженъ бы быть, по возможности, не ниже 300 р. въ гимназіяхъ и 150 р. въ прогимназіяхъ.

О семъ, согласно предложенію тайнаго совѣтника Зенгера отъ 11-го января сего 1904 г. за № 908, объявляется по округу, для надлежащаго, до кого касаться будетъ, исполненія. (ib).

О примѣненіи правилъ оставленія при двухклассныхъ министерскихъ училищахъ кандидатовъ для подготовленія въ учительскія семинаріи 16-го декабря 1872 г. и на оканчивающихъ ученицъ тѣхъ же училищъ.

Въ видахъ привлеченія въ составъ учительскихъ семинарій министерства народнаго просвѣщенія молодыхъ людей, происходящихъ изъ среды сельскаго населенія, министерство народнаго просвѣщенія циркулярнымъ предложеніемъ 16-го декабря 1872 года просило попечителей учебныхъ округовъ сдѣлать по округамъ слѣдующія распоряженія:

1) Чтобы изъ воспитанниковъ, оканчивающихъ курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, которые изъявятъ желаніе поступить въ учительскія семинаріи, мѣстные инспекторы народныхъ училищъ ежегодно избирали, съ утвержденія округа, нѣсколько лучшихъ учениковъ не свыше 15-лѣтняго возраста для подготовленія ихъ при мѣстномъ двухклассномъ училищѣ къ поступленію въ учительскія семинаріи въ теченіе времени до достиженія ими 16-ти лѣтъ, съ назначеніемъ каждому изъ нихъ стипендіи отъ 3 до 5 руб. въ мѣсяцъ и съ отобраніемъ предварительно отъ родителей сихъ учениковъ подписки въ томъ, что они согласны оставить дѣтей своихъ при училищѣ для означенной цѣли и не будутъ отвлекать ихъ въ учебное время отъ занятій въ училищѣ ни для какихъ домашнихъ надобностей, и что въ случаѣ, если впослѣдствіи родители не пожелаютъ, чтобы дѣти ихъ поступили въ учительскую семинарію, то обязуются выданныя ихъ дѣтямъ стипендіи возвратить сполна училищному начальству.

2) Чтобы избираемые такимъ образомъ стипендіаты, посѣщая мѣстное училище наравнѣ съ учениками оныхъ, имѣли помѣщеніе въ училищныхъ домахъ; за невозможностію же сего было разрѣшаемо имъ жить на частныхъ квартирахъ, въ мѣстахъ нахожденія училищъ, или въ домахъ родителей, смотря по удобству.

3) Означенные стипендіаты, находясь подъ ближайшимъ надзоромъ учителей училищъ, должны занимався, подъ ихъ руководствомъ, повтореніемъ предметовъ, пройденныхъ ими въ училищѣ, чтеніемъ книгъ, подходящимъ къ этимъ предметамъ, способствующихъ дальнѣйшему ихъ образованію, письменными упражненіями, а также знакомиться съ пріемами преподаванія, обучая въ училищѣ дѣтей младшаго возраста подъ наблюденіемъ учителей; главный же надзоръ за сими занятіями стипендіатовъ долженъ быть возложенъ на мѣстныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ.

4) Чтобы деньги, назначаемыя на стипендіи вышеупомянутымъ воспитанникамъ, были отпускаемы подлежащими начальствами по требованіямъ распорядителей кредитовъ, на счетъ коихъ ассигнуются стипендіи, вмѣстѣ съ жалованьемъ учителямъ двухклассныхъ училищъ, въ мѣстныя волостныя правленія, откуда учители училищъ въ установленные сроки будутъ получать причитающіяся ученикамъ стипендіи для выдачи оныхъ по принадлежности.

5) Чтобы для ознакомленія учителей двухклассныхъ училищъ, которые будутъ заниматься подготовкою кандидатовъ въ учительскія семинаріи, съ требованіями при пріемныхъ испытаніяхъ въ семинаріяхъ, директоры сихъ заведеній сообщали инспекторамъ народныхъ училищъ округа подробныя свѣдѣнія о таковыхъ требованіяхъ.

6) Чтобы учители училищъ, которымъ будетъ поручено подготовленіе вышеозначенныхъ кандидатовъ въ учительскія семинаріи, было назначаемо особое за то вознагражденіе, независимо отъ штатнаго жалованья, въ размѣрѣ, по усмотрѣнію округа, отъ 15 до 20 руб. въ годъ за каждаго стипендіата, выдержавшаго удовлетворительно экзаменъ и принятаго въ семинарію.

7) Чтобы расходы какъ по выдачѣ такого вознагражденія, такъ и по назначенію стипендій вышеупомянутымъ воспитанникамъ были относимы на счетъ суммъ, отпускаемыхъ въ вѣдѣніе дирекцій ежегодно, на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія 29-го мая 1869 г. (ст. II пп. д, е и ж) на надобности по народному образованію.

Въ виду того, что въ непродолжительномъ времени имѣютъ учреждаться женскія учительскія семинаріи, министерство признало желательнымъ, чтобы объясненныя выше правила примѣняемы были и къ дѣвицамъ, оканчивающимъ курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.

Сообщая объ этомъ въ предложеніи отъ $\frac{\text{27-го декабря 1903 г.}}{\text{22-го января 1904 г.}}$ за № 2.838, г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія счелъ нужнымъ присовокупить, что перечисленными мѣрами имѣется въ виду вообще привлеченіе къ педагогической дѣятельности въ начальныхъ народныхъ училищахъ лицъ женскаго пола изъ среды сельскаго населенія, и посему объясненныя занятія могутъ имѣть цѣлію не только подготовленіе дѣвицъ, оканчивающихъ курсъ, къ поступленію въ учительскія семинаріи, но и къ испытанію на учительское званіе, а посему примѣненіе рекомендуемыхъ мѣръ можетъ быть начато, не ожидая открытія въ данной мѣстности женской учительской семинаріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ тайный совѣтникъ Зенгеръ призналъ необходимымъ обратить особенное вниманіе на условія домашней жизни воспитанницъ, которыя будутъ избираемы для указанныхъ занятій. Представляется желательнымъ, чтобы объясненныя педагогическія занятія воспитанницъ не служили къ ослабленію ихъ семейныхъ отношеній. Поэтому проживаніе воспитанницъ въ домахъ родителей или близкихъ родственниковъ должно быть предпочитаемо помѣщенію ихъ въ училищахъ; послѣднее же должно быть допускаемо не иначе, какъ въ квартирахъ самихъ учительницъ, при условіи согласія сихъ послѣднихъ.

О семъ объявляется по округу для надлежащаго, до кого касаться будетъ, руководства. (ib).

О производствѣ при мужскихъ гимназіяхъ испытаній по латинскому языку для лицъ, желающихъ обучаться въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ. (Отн. Деп. Нар. Просв. отъ 25 ноября 1903 г., за № 36.738).

Въ разъясненіе возбужденнаго Вашимъ Превосходительствомъ въ отношеніи отъ 20 минувшаго октября, за № 21.677, вопроса Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, по приказанію г. товарища министра, имѣетъ честь увѣдомить, что лица, желающія обучаться въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ, могутъ подвергаться при мужскихъ гимназіяхъ испытанію изъ одного латинскаго языка въ объемѣ курса 4 классовъ съ тѣмъ, чтобы въ

удостовѣреніяхъ, выдаваемыхъ выдержавшимъ означенное испытаніе, было обозначаемо, на какой предметъ они выдаются. (Циркуляръ по Московскому учебному округу 1904 г. № 1).

Отношеніе Департамента Народнаго Просвѣщенія на имя Попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа: О правахъ по отбыванію воинской повинности слушателей педагогическихъ курсовъ при городскихъ училищахъ. (13 ноября 1901 года, № 35.713)

Вслѣдствіе отношенія отъ 18 минувшаго октября по вопросу о томъ, имѣютъ ли право на отсрочку по отбыванію воинской повинности обучающіеся на педагогическихъ курсахъ, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что состояніе на педагогическихъ курсахъ никакихъ правъ по отбыванію воинской повинности слушателямъ сихъ курсовъ не предоставляетъ. (Циркуляръ по Кавказскому ученому округу 1904 г. № 1).

Циркулярное предложеніе, за Министра Народнаго Просвѣщенія, г. врем. испр. об. Товарища Министра: По вопросу объ организаціи учебнаго курса въ учительскихъ семинаріяхъ. (30 ноября 1903 года, № 37.622).

На основаніи ст. I отд. II ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго, 11 марта 1902 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта открываемая въ селѣ Ровномъ, Самарской губерніи, учительская семинарія должна состоять изъ четырехъ классовъ (трехъ основныхъ и приготовительнаго) и по штату въ семинаріи положено четыре наставника.

Въ виду этого, попечителемъ Казанскаго учебнаго округа возбуждены слѣдующіе вопросы: 1) съ какими познаніямн надлежитъ принимать воспитанниковъ въ первый (приготовительный) классъ; 2) какъ должны быть распредѣлены занятія между наставниками — долженъ ли одинъ изъ нихъ быть учителемъ только въ первомъ (приготовительномъ) классѣ по всѣмъ предметамъ, или занятія во всѣхъ четырехъ классахъ могутъ быть распредѣлены между четырьмя наставниками попредметно; 3) какая таблица числа недѣльныхъ уроковъ должна быть примѣнена въ первомъ (приготовительномъ) классѣ и въ какое соотношеніе она должна быть поставлена къ таблицѣ уроковъ въ прочихъ трехъ классахъ (§ 57 Инструкціи для учительскихъ семинарій), и 4) по какой программѣ должно вестись преподаваніе въ первомъ (приготовительномъ) классѣ, и не долженъ ли учебный курсъ этого класса сопровождаться измѣненіемъ распредѣленія учебнаго матеріала въ прочихъ классахъ.

Министерство, принимая во вниманіе, что введеніе четырехлѣтняго курса обученія какъ въ Ровенской, такъ и другихъ, вновь учрежденныхъ, учительскихъ семинаріяхъ, вызвано крайнею затруднительностью прохожденія семинарскаго курса, въ его существующей постановкѣ, въ теченіе трехъ учебныхъ годовъ, и что неудобство это, одинаково ощущаемое во всѣхъ существующихъ семинаріяхъ, заставляетъ желать постепеннаго перехода въ сихъ заведеніяхъ отъ трехлѣтняго курса обученія къ четырехлѣтнему, признало

необходимымъ запросить по означеннымъ вопросамъ мнѣнія всѣхъ учебно-окружныхъ начальствъ.

Полученные отъ этихъ учрежденій отзывы препровождены были, засимъ, на разсмотрѣніе Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Нынѣ по ознакомленіи съ мнѣніями попечителей и сужденіями Ученаго Комитета,—Министерство находитъ, что вопросы, предложенные попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, должны быть разрѣшены слѣдующимъ образомъ:

1) Въ I (приготовительный) классъ надлежитъ принимать воспитанниковъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ нынѣ принимаются они въ I классъ трехклассныхъ семинарій, т. е. по испытаніи въ объемѣ курса двухклассныхъ министерскихъ училищъ, причемъ (согласно п. 2-му отдѣла II ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія 11 марта 1902 года) допускается пріемъ и въ I основной классъ, по испытаніи въ объемѣ курса двухклассныхъ училищъ и курса приготовительнаго класса семинаріи.

2) Занятія во всѣхъ классахъ должны быть распредѣлены между 4 наставниками по предметно (педагогическому совѣту принадлежитъ распредѣленіе учебныхъ предметовъ, а не классовъ).

3) Такъ какъ учебный матеріалъ, проходимый въ учительскихъ семинаріяхъ, долженъ быть распредѣленъ не на 3, а на 4 года, то, соотвѣтственно сему, должна быть выработана педагогическимъ совѣтомъ семинаріи новая таблица уроковъ, которая, по утвержденіи ея Попечителемъ учебнаго округа, и подлежитъ примѣненію впредь до изданія таковой Министерствомъ.

4) На томъ же основаніи должны быть выработаны педагогическимъ совѣтомъ и, по одобреніи ихъ Попечителемъ округа, введены въ дѣйствіе новыя программы для каждаго класса, впредь до изданія таковыхъ Министерствомъ.

Объ изложенномъ увѣдомляю Ваше Превосходительство, въ послѣдствіе отзыва Вашего на циркуляръ отъ 11 марта минувшаго года.

Циркулярное предложеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія: О служебныхъ правахъ лицъ женскаго пола, допускаемыхъ къ преподаванію въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій. (26 ноября 1903 года, № 36.819).

Увѣдомляю Ваше Превосходительство, для руководства по ввѣренному Вамъ учебному округу, что лица женскаго пола, допускаемыя на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія 29 сентября 1901 г. къ преподаванію въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій и прогимназій, могутъ пользоваться всѣми служебными правами, присвоенными учительницамъ женскихъ гимназій и прогимназій, въ томъ числѣ и пенсіонными, предоставленными имъ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ 10 іюня 1900 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ (Ж. М. Нар. Просв. мартъ 1904 г.).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Васильевъ, В. И.* 1) Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. Изданіе 7-е. М. 1904. Стр. 80. Цѣна 25 коп.—2) Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Изданіе 6-е. М. 1904. Стр. 79. Цѣна 25 коп.—3) Ариѳметика. Отношенія, пропорціи и способы рѣшенія задачъ на правила: тройныя, процентовъ, учета векселей и пр. Изданіе 5-е. М. 1904. Стр. 79. Цѣна 25 коп. (Всѣ 3—изданія А. Д. Ступина)".

— „*Виноградовъ, Павелъ.* Учебникъ всеобщей исторіи. Часть I. Древній міръ. 8-е изданіе. М. 1904. Стр. IX+186. Цѣна 60 коп." (для VIII класса мужскихъ гимназій).

— „*Виноградовъ, Павелъ.* Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. 7-е изданіе. М. 1903. Стр. II+197+XIII. Цѣна 90 к.—Часть III. Новое время. 7-е изданіе. М. 1903. Стр. 245. Цѣна 90 к." (для мужскихъ гимназій).

— „*Despréaux, E.* Première année de français à l'usage des étrangers. Librairie N. Kymmel. Riga. 1903. Стр. 128. Цѣна не обозначена." (для приготовительныхъ классовъ женскихъ гимназій и прогимназій).

— „*Злотчанскій, П.* Прямолинейная тригонометрія. 5-е изданіе. Е. П. Распопова. Одесса. 1904. Стр. 126. Цѣна 75 коп."

— „*Шульцъ, А.* Иллюстрированная нѣмецкая азбука. 8-е изданіе, Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. Стр. 79. Цѣна 45 коп." (для приготовительныхъ классовъ женскихъ гимназій).

— „*Шульцъ, А.* Новая практическая нѣмецкая грамматика. I-я часть: этимологія. Изданіе Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. Стр. 136. Цѣна 75 копѣекъ."

— „*Шульцъ, А.* Новый практическій элементарный курсъ нѣмецкаго языка. Изданіе Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. 1-й годъ обученія. 6-е изданіе. Стр. 126.—2-й годъ обученія. 4-е изданіе. Стр. 112. Цѣна каждой части 60 коп."

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Baunbach, Rudolf.* Ausgewählte Erzählungen. Съ разрѣшенія автора для русскихъ учебныхъ заведеній обработалъ *К. Р. Берентъ*. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна, 2-е. С.-Пб. 1904. Стр. 102 (въ текстѣ)+ +88 (въ приложеніяхъ). Цѣна съ приложеніями 60 коп. въ переплетѣ." (также и въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Вэрнеръ, Отто.* Пчела, ея строеніе и внутренніе органы въ карти-

нахъ, съ краткимъ текстомъ. Переводъ *В. П. Гольдингеръ.* Изданіе книжн. маг. Гросманъ и Кнебель. М. 1900. Стр. 24+III. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (также и для низшихъ училищъ, въ качествѣ класснаго пособія, пріобрѣтаемаго на средства самихъ учебныхъ заведеній).

— „*Елпатьевскій, К.* Разсказы и стихотворенія изъ русской исторіи. 2-е изданіе дополн. С.-Пб. 1904. Стр. VIII+432. Цѣна 1 руб.“ (для младшихъ классовъ).

— „Животныя и растенія всѣхъ странъ. 24 раскрашенныя картины. Изданіе Гросманъ и Кнебель. М. 1901. Цѣна ненаклеённымъ 2 руб. 40 к., наклеённымъ на полотно, въ видѣ 3-хъ большихъ стѣнныхъ таблицъ, 5 р., сброшюрованнымъ, въ видѣ атласа, въ иллюстр. перепл. 3 р.“ (также и для низшихъ училищъ, въ качествѣ класснаго пособія, пріобрѣтаемаго на средства самихъ учебныхъ заведеній, а сверхъ того и въ ученическія библіотеки этихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Зейфертъ, А.* Свинья, ея строеніе и внутренніе органы въ картинахъ, съ краткимъ текстомъ. Переводъ *В. П. Гольдингеръ.* Изданіе книжн. маг. Гросманъ и Кнебель. М. 1900. Стр. 76+X. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (также и для низшихъ училищъ, въ качествѣ класснаго пособія, пріобрѣтаемаго на средства самихъ учебныхъ заведеній).

— „*Зейфертъ, А.* Собака, ея строеніе и внутренніе органы въ картинахъ, съ краткимъ текстомъ. Переводъ *В. П. Гольдингеръ.* Изданіе книжн. маг. Гросманъ и Кнебель. М. 1900. Стр. 76+XII. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (также и для низшихъ училищъ, въ качествѣ класснаго пособія, пріобрѣтаемаго на средства самихъ учебныхъ заведеній).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Арбузовъ, В., В. Мининъ, А. Мининъ* и *Д. Назаровъ.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Изданіе 7-е, В. Думнова. М. 1903. Стр. IV+77. Цѣна 50 коп.“

— „*Арсеньева, С. Д.* Разсказы изъ русской исторіи. Царствующій домъ Романовыхъ. Изданіе училищнаго совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ. С.-Пб. 1903. Вып. I. Стр. IV+162. Цѣна 60 коп.— Вып. II. Стр. 157. Цѣна 60 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Берге, Ф.* Иллюстрированная естественная исторія. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. С. Понятскаго* съ предисловіемъ *К. А. Тимирязева.* Изданіе книжн. маг. I. Кнебель. М. 1903. Стр. XI+297. Цѣна 2 р. 75 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Рождественская звѣзда. Сборникъ разсказовъ и сказаній. Изданіе 2-е. М. 1899. Стр. 189. Цѣна 1 руб. 20 коп.“ (для младшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Спасенный и другіе разсказы. М. 1899. Стр. 261. Цѣна 1 р.“ (для средняго и старшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Забѣлинъ, Ив. Е.* Русское искусство. Черты самобытности въ древнерусскомъ зодчествѣ. Изданіе книжн. маг. Гросманъ и Кнебель. (Вопросы науки, искусства, литературы и жизни. № 23). М. 1900. Стр. 160. Цѣна 80 к.“

(для старшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Кайгородовъ, Дм.* Изъ родной природы. Хрестоматія. Часть II. Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб. 1903. Стр. II+176. Цѣна 1 р.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Компере.* Ж. Ж. Руссо и воспитаніе естественное. Перевелъ *П. Д. Первовъ.* М. 1903. Стр. 96. Цѣна 40 коп“. (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Ловягинъ, А. М.* О преподаваніи географіи (по Fr. X. Hartmann'у). Изданіе т-ва „Литература и наука“. С.-Пб. 1903. Стр. 49. Цѣна 40 коп.“ (для VIII класса женскихъ гимназій).

— „*Львовъ, В. Н.* Первое знакомство съ природой. Вып. V. Насѣкомыя. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1903. Стр. 70. Цѣна 40 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Мижуевъ, П. Г.* Янъ Амосъ Коменскій. Изданіе М. М. Ледерле. (Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ. № 16). С.-Пб. 1896. Стр. 60. Цѣна 10 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ семинарій).

— „*Павловъ, А.* Учебникъ ботаники въ восходящемъ порядкѣ. Часть 2-я. Растенія сѣмянныя. М. 1903. Стр. (109—419)+1 карта. Цѣна 1 р. 70 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ и городскихъ училищъ).

— „*Рагозина, З. А.* Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Мидіи, второго Вавилонскаго царства и возникновенія Персидской державы. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1903. Стр. XVI+522. Цѣна 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.“ (для старшаго возраста, а также и для выдачи учащимся въ награду).

— „*Риль, Алоизій.* Джіордано Бруно. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе II. П. Гершунина и К°. (Общеобразовательная библіотека подъ общею ред. *Н. А. Рубакина.* Вып. XV). С.-Пб. 1903. Стр. 52. Цѣна 30 коп.“ (для старшаго возраста).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бѣлоруссовъ, И.* Учебникъ теоріи словесности. Изданіе 20-е, доп. и перераб., В. В. Думнова. М. 1903. Стр. 124. Цѣна 50 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета, и чтобы продажная цѣна ея была понижена до 40 к.).

— „*Износковъ, Н.* Краткій курсъ естественной исторіи. Изданіе 9-е, пересм. и испр. Казань. 1903. Стр. II+362+IV. Цѣна 1 р. 50 к.“ (для женскихъ гимназій и прогимназій).

— „*Павловъ, А.* Учебникъ ботаники въ восходящемъ порядкѣ. М. 1903. Часть I-я. Растенія споровыя. Стр. 116. Цѣна 80 коп.—Часть II-я. Растенія сѣмянныя. Стр. (109—419)+I карта. Цѣна 1 р. 70 коп.“ (для реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена и цѣна ея понижена).

б) въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Frenssen, Gustav.* Jörn Uhl. Russische Schulausgabe von *M. Bruneneck.* (Deutsche Autoren. Bd. 15). Kiew. 1903. Стр. 112+24. Цѣна 60 коп.“ (для среднихъ и старшихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи продажная цѣна книги была понижена до 50 коп., и книга была исправлена по замѣчаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Болдвинъ, Д. М.* Психологія въ ея примѣненіи къ воспитанію. Переводъ съ англ. *Н. Н. Спиридонова.* Изданіе книжн. маг. „Книжное дѣло“. М. 1904. Стр. 42. Цѣна 20 коп.“—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Reychler, А.* Физико-химическія теоріи. Переводъ съ франц. *Ю. С. Залькинда* и *В. И. Яровскаго* подъ ред. *А. А. Яковкина.* Изданіе И. И. Базлова. С.-Пб. 1903. Стр. X+375. Цѣна 2 р. 50 коп.“—признать заслуживающею рекомендаціи министерства, посредствомъ особаго циркуляра, для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Борисовъ, Ѳ.* Сборникъ грамматическихъ упражненій по русскому правописанію. Изданіе 2-е, К. И. Тихомирова. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Браунштейнъ, М.* Дивре Гаіомимъ, т. е. Еврейская исторія. Изданіе „Ахіасафъ“. Часть I. Варшава. 1897. Стр. 204+41.—Часть II. Варшава. 1899. Стр. 204.—Часть III. Варшава. 1903. Стр. 232.“ (для еврейскихъ учебныхъ заведеній).

— „*Вахтеровъ, В. П.* Русскій букварь для обученія письму и чтенію русскому и церковно-славянскому. Изданіе 12-е. М. 1904. Стр. 62+I. Цѣна 15 к.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Ганъ, И. К.* Карманный словарь для правописанія по Гроту. Изданіе 3-е, испр. и доп. Вильна 1902. Стр. 74. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Гортовъ, А. К.* Прямой почеркъ. Систематическія русскія прописи. 2-е изданіе К. И. Тихомирова. М. 1903. Стр. 16. Цѣна 7 коп.“.

— „*Грековъ, Ѳ. В.* Образцы обученія письму. 1) Часть 1-ая. Первоначальное русское и церковно-славянское письмо. Изданіе 8-е. М. 1903. Стр. 20.

Цѣна 10 коп.—2) Часть 1-я. Первоначальное русское письмо. Изданіе 9-е М. 1904. Стр. 16. Цѣна 8 коп." (для городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ, а также для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Корханиди, П. М.* 1) Живое слово. Элементарный учебникъ русскаго языка по наглядно-переводному методу для греческихъ училищъ. Вып. 1-й. Изданіе 3-е. Тифлисъ. 1903. Стр. 195. Цѣна 40 коп.—2) То же для армянскихъ училищъ. Вып. 1-й. Изданіе 1-е. Тифлисъ. 1903. Стр. 188. Цѣна 40 коп.—3) То же для грузинскихъ училищъ. Изданіе 3-е. Тифлисъ. 1903 Стр. 195. Цѣна 40 коп." (для тѣхъ училищъ, для коихъ онѣ предназначены).

— „*Краевичъ, К. Д.* Физика ежедневныхъ явленій. Изданіе 4-е, испр. и дополн. *А. Л. Гершуномъ.* С.-Пб. 1903. Стр. 153. Цѣна 70 коп." (для тѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается физика).

— „*Некрасовъ, Н. Я.* Послѣ азбуки. 3-ья книга. 3-ій годъ обученія. Изданіе 4-е. Петерб. уч. маг. С.-Пб. 1904. Стр. 230. Цѣна 45 коп.".

— „*Сатаровъ, В. Н.* Практическій курсъ элементарной грамматики. Изданіе 5-е, К. Тихомирова. М. 1903. Стр. 156+IV. Цѣна 15 коп.".

— „*Сатаровъ, В. Н.* Родные посѣвы. 1-я послѣ букваря книга для класснаго чтенія. Изданіе К. Тихомирова. М. 1904. Стр. 122. Цѣна 25 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Сатаровъ, В. Н.* Русскій букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Изданіе 2-е М. 1904. Стр. 72. Цѣна 15 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Сумскій, В.* Краткая русская грамматика. 3-ій годъ обученія. Изданіе 4-е, В. В. Думнова. М. 1901. Стр. 40. Цѣна 10 коп.".

— „*Сумскій, В.* Сборникъ упражненій къ правиламъ начальнаго обученія. Изданіе 7-е, испр., В. В. Думнова. М. 1904. Стр. 76. Цѣна 20 коп.".

— „*Тихомировъ, А.* Прописи для народныхъ школъ. Изданіе 7-е, К. Тихомирова. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп.".

— „*Тихомировъ, Д. И.* 1) Начатки грамматики. 17-е изданіе. М. 1903 Стр. 126. Цѣна 15 коп.—2) Книга для церковно-славянскаго чтенія. Часть 1-я. Изданіе 23-е. М. 1904. Стр. Цѣна 30 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Тихомировъ, Д. И.* Элементарный курсъ грамматики. 70-е изданіе М. 1904. Стр. 156. Цѣна 20 коп." (для городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ, а также и для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Ушинскій, К.* Родное слово для дѣтей младшаго возраста. С.-Пб. 1904. Годъ 1-й. Изданіе 127-е. Стр. 112. Цѣна 25 коп.—Годъ 2-й. Изданіе 110-е. Стр. 188+IV. Цѣна 35 коп.".

— „*Фридбергъ, А. С.* Сафа Л'Неэмунимъ, т. е. учебникъ древне-еврейскаго языка. Варшава. 1902. Части I и II. Стр. VIII+180+52+52+67" (для еврейскихъ учебныхъ заведеній).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Данненбергъ, А.* О простыхъ звукахъ русскаго языка и о значеніи буквъ русской азбуки. Самара. 1902. Стр. 18. Цѣна 10 коп.".

— „*Корханиди, П.* Методическое руководство къ преподаванію русскаго языка по руководству того же автора: „Живое слово". Тифлисъ. 1903. Стр. 88. Цѣна 30 коп.".

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній [1]):

— „*Арциховская, Е.* Зубы и уходъ за ними. Изданіе ред. журн. „Народное образованіе“. (Школьн. библ. Кн. 16). С.-Пб. 1902. Стр. 8. Цѣна 5 коп.“.

— „*Газдановъ, И.* Рельефная карта Кавказа. Масштабъ 100 в. въ англ дюймѣ. Цѣна 5 руб.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Жизнь и подвиги преподобнаго Серафима Саровскаго. Изданіе ред журн. „Народное образованіе“ (Школьн. библ. Кн. 6). С.-Пб. 1903. Стр. 24. Цѣна 5 коп.“.

— „*Ивановъ, Александръ* (*Стронинъ*). Разсказы о жизни земной. Изданіе 2-е, испр., П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 46. Цѣна 15 коп.“.

— „*Икскуль, К.* Кичей, покаявшійся разбойникъ. Изд. ред. журн. „Народное образованіе“. (Школьн. библ. Кн. 2). С.-Пб. 1903. Стр. 32. Цѣна 7 к.“.

— „*Катаевъ, И.* Императоръ Александръ I. Изданіе Д. И. Тимковскаго (Очерки по русской исторіи для школъ и народнаго чтенія. Подъ ред. *М. В. Довнаръ-Запольскаго* и *А. А. Кизеветтеръ*). М. 1903. Стр. 170. Цѣна 30 коп.“ (также и въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Мечевъ, Т.* Школьное чтеніе. Стихотворенія для чтенія въ лицахъ. Изданіе ред. журн. „Народное образованіе“. С.-Пб. 1902. Стр. 16. Цѣна 5 к.“.

— „*Миловидовъ, Г. А.* Родная поэзія въ объяснительномъ чтеніи. Орелъ. 1904. Стр. IV+316. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Мироносицкій, А.* На школьномъ пчельникѣ. Изданіе ред. журн. „Народное образованіе“. (Школьн. библ. Кн. 10). С.-Пб. 1903. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“.

— „*Михаилъ*, іеромонахъ. Первые мученики за вѣру Христову. Изданіе ред. журн. „Народное образованіе“. (Школьн. библ. Кн. 1). С.-Пб. 1903. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“.

— „*Михаилъ*, іеромонахъ. Святые мученики временъ Траяна и Адріана Изданіе ред. журн. „Народное образованіе“. (Школьн. библ. Кн. 14). С.-Пб. 1903. Стр. 32. Цѣна 7 коп.“

— „*Мѣшковъ, Д. В.* Русскому народу о незабвенныхъ защитникахъ Севастополя. М. 1904. Стр. 50. Цѣна не обозначена.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Первовъ, П. Д.* Жители крайняго сѣвера (эскимосы). Изданіе И. И Кудряшова. М. 1903. Стр. 43. Цѣна 15 коп.“

— „*Перелыгинъ, Н. И.* Сынокъ-кормилецъ. Изъ малорусскаго быта. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 40. Цѣна 25 коп.“

— „*Полянскій, И. И.* Воздухъ и вода. Изданіе ред. журн. „Народное образованіе“. (Школьн. библ. Кн. 15). С.-Пб. 1903. Стр. 36. Цѣна 10 коп.“

— „*Рудневъ, Я. И.* Аравія и Синай. Изданіе ред. журн. „Народное образованіе“. (Школьн. библ. Кн. 17). С.-Пб. 1903. Стр. 39. Цѣна 7 коп.“

— „*Рудневъ, Я.* Сирія, Палестина и Месопотамія. Изданіе ред. журн. „На

---

[1]) Сочиненія, допущенныя въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній.

родное образованіе". (Школьн. библ. Кн. 5). С.-Пб. 1903. Стр. 31. Цѣна 5 коп."

— „*Тритъ, Мери.* Мои наблюденія надъ муравьями. Изданіе ред. журн. „Народное образованіе". (Школьн. библ. Кн. 12). С.-Пб. 1903. Стр. 20 Цѣна 5 коп."

— „*Тритъ, Мери.* Пауки и осы. Переводъ съ англ. *Б. И.* Изданіе ред. журн. „Народное образованіе". (Школьн. библ. Кн. 8). С.-Пб. 1903. Стр. 19. Цѣна 5 коп."

— „*Троицкій, Д. И.* Великій Новгородъ. Изданіе ред. журн. „Народное образованіе" (Школьн. библ. Кн. 13). С.-Пб. 1903. Стр. 47. Цѣна 20 коп."

— „*Хабачевъ, А.* Чтенія по пчеловодству. Вып. I. О выборѣ подходящаго улья. Стр. 16. Цѣна 4 коп.—Вып. II. О лѣтнемъ уходѣ за пчелами. Стр. 35. Цѣна 6 коп.—Вып. III. Объ исправленіи неблагополучныхъ пчелиныхъ семей. Стр. 16. Цѣна 4 коп. Изданіе К. И. Тихомирова. (Сельскохозяйственная библіотека. Отдѣлъ пчеловодства). М. 1903."

— „*Чеглокъ, А.* № 1. Лѣсникъ Николай. Изъ жизни медвѣдей. С.-Пб. 1904. Стр. 19,—№ 2. Разбойники лѣса. Изъ жизни рысей. С.-Пб. 1904. Стр. 16.— № 3. Исторія волчьяго семейства. Изъ жизни волковъ. С.-Пб. 1904. Стр. 20.— № 4. Несуразный звѣрь. Изъ жизни лосей. С.-Пб. 1904. Стр. 20.—№ 5. Отчего я не сдѣлался охотникомъ. Изъ жизни дикихъ козъ. С.-Пб. 1904. Стр. 13.—№ 6. Мой ежикъ. Изъ жизни ежей. С.-Пб. 1904. Стр. 16.—№ 7. Сусликъ. Изъ жизни сусликовъ. С.-Пб. 1904. Стр. 18.—№ 8. Степной орелъ. Изъ жизни орловъ. С.-Пб. 1904. Стр. 16.—№ 9. Скопа. Изъ жизни рѣчныхъ скопъ. С.-Пб. 1904. Стр. 24.—№ 10. Какъ моя сорока попала въ газету. Изъ жизни сорокъ. С.-Пб. 1904. Стр. 19.—№ 11. Несчастная птица. Изъ жизни кукушекъ. С.-Пб. 1904. Стр. 16.—№ 12. Синицы. Изъ жизни синицъ. С.-Пб. 1904. Стр. 21.— № 13. Водяной. Изъ жизни оляпокъ. С.-Пб. 1904. Стр. 18.—№ 14. Баба. Изъ жизни пеликановъ. С.-Пб. 1904. Стр. 16.—№ 15. Живой камень. Изъ жизни черепахъ. С.-Пб. 1904. Стр. 15.—№ 16. Слово знаетъ. Изъ жизни змѣй. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна каждой книжки 5 коп." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Чижовъ, Е.* Звѣздные вечера. Первое знакомство со звѣздами и созвѣздіями. М. 1903. Стр. 113+II. Цѣна 25 коп."

— „*Яковлевъ, Л. (Л. Ставровскій).* Разсказъ объ Амурѣ и о Зеленомъ Клину. № 305. М. 1902. Стр. 63. Цѣна 3 коп."

— „*Ященко, А.* Звѣрки-землекопы. (Кротъ и сусликъ). Изданіе ред. журн. „Народное образованіе". (Школьн. библ. Кн. 4). С.-Пб. 1903. Стр. 12 Цѣна 5 коп."

г) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки [1]):

— „*Власовъ, И.* Къ вопросу о луговомъ мотылькѣ (Botys sticticalis L) Изданіе Вѣдомостей С. Х. и С. Промышленности. Кіевъ 1902. Стр. 18 Цѣна 15 коп."

---

[1]) Книги, допущенныя въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— „*Гайке, И. И.* Практическое плодоводство (для средних и восточных губерній). М. 1903. Стр. 191. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Горелейченко, К. М.* Около здоровья крестьянъ. Ставрополь. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „*Дремцовъ, С. П.* Бесѣды объ улучшеніи луговъ и о посѣвѣ травъ. Изданіе В. С. Маишеева. (Сельская библ. № 1). Вятка. 1899. Стр. 54. Цѣна 20 коп.“

— „*Заикинъ, Ф.* Бесѣды о травосѣяніи въ крестьянскихъ хозяйствахъ южной полосы Россіи. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь подъ ред. *И. Горбунова-Посадова.* Книжка 9-ая). М. 1901. Стр. 16. Цѣна 2 коп.“

— „*Зандъ, Жоржъ.* Заколдованный или говорящій дубъ. Сказка. Переводъ съ франц. *Н. И. Перелыгина.* Изданіе М. В. Клюкина. (Библ. сказокъ). М. 1899. Стр. 64. Цѣна 15 коп.“

— „*Ильинскій, А. И.* Свѣтлякъ. Повѣсть. М. 1902. Стр. 32. Цѣна 20 коп

— „*Кабештовъ, И. И.* Практическіе совѣты по свиневодству. 2-е изданіе. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903. Стр. 73. Цѣна 60 коп.“

— „*Крыловъ.* Басни. Полное собраніе. Изданіе 4-е, А. Я. Панафидина. М. 1902 Стр. 315. Цѣна 15 коп.“

— „*Львовъ, Вл.* 1) Новая Земля, ея природа, животный міръ, промыслы и населеніе. М. 1903. Стр. 75. Цѣна 25 коп.—2) Русская Лапландія и русскіе лопари. М. 1903. Стр. 81. Цѣна 25 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ и для публичныхъ чтеній).

— „*Малицкій, П. И.* Тула. Историческій очеркъ города. Тула. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— *Мурашкинцевъ, Н.* Ветеринарія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству (ветеринарное акушерство). Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1901. Книжка 1-я. Стр. 40. Цѣна 10 коп.—Книжка 2-я Стр. 20. Цѣна 5 коп.—Книжка 3-я. Стр. 44. Цѣна 12 коп.—Книжка 4-я. Стр. 38. Цѣна 6 коп.“

— „*Мусинъ-Пушкина, О. И.* Какъ вести пчелъ въ ульѣ Дадана. 2-е испр. изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1902. Стр. VIII+83. Цѣна 25 коп.“

— „Народное благо. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ семейнаго чтенія и самообразованія. 6-й годъ изданія. М. 1903. Цѣна на годъ съ дост. и перес. 3 р.“

— „*Носиловъ, К. Д.* Въ городахъ Хингана. Изъ недавнихъ событій въ Манчжуріи. (Школьн. библ.) М. 1904. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „Отчетъ коммиссіи по организаціи общеобразовательныхъ чтеній для фабрично-заводскихъ рабочихъ города Москвы за 1902—1903 академическій годъ. М. 1903. Стр. 105. Цѣна не обозначена.“

— „Раздѣлъ. Разсказъ крестьянина. № 38. М. 1902. Стр. 32. Цѣна $1^1|_2$ коп.“

— „*Рахмановъ, В. В.* О работахъ, вредныхъ для здоровья, и о томъ, какъ уберечь себя отъ нихъ. № 183. М. 1898. Стр. 170. Цѣна не обозначена.“

— „Семья и ея задачи. Книга для родителей и воспитателей, составленная родителями и друзьями дѣтей подъ ред. *Акселя Арсталя.* Разработ. и доп. для русскихъ читателей переводъ съ норвежскаго подлинника *А.* и *П. Ганзенъ.* Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. Стр. 461. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 коп.“

— „*Соковнинъ, П. Н.* Уходъ за кобылой и выращиваніе жеребятъ. Изданіе 2-е. Курскъ. 1903. Стр. 20 Цѣна 10 коп.“

— „*Тихомировъ, А.* Умъ и воля животныхъ. М. 1903. Стр. 67. Цѣна не обозначена.“

— „*Чеховъ, Ан.* Бѣлолобый. Разсказъ. Изданіе М. В. Клюкина (Добрыя души. № 36). М. 1899. Стр. 15. Цѣна 3 коп.“

— „*Эберсъ, Г.* „Человѣкъ бо есмь“. (Homo sum). Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. Москва. Стр. 340. Цѣна 1 р.“

— „*Эртель, А.* И. Повѣсть о жадномъ мужикѣ Ермилѣ. Изданіе Посредника. № 23. М. 1902. Стр 63. Цѣна 3 коп.“

2. Допустить *условно* слѣдующую книгу:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Царуцкій, В.* Уроки финскаго языка. Часть 1-я. С.-Пб. 1904. Стр. 113. Цѣна 1 р.“ (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ введено обученіе финскому языку, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее ея изданіе было тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданія: „*Грековъ, Ѳ. В.* Образцы обученія письму. Часть 2-ая. Французское и нѣмецкое письмо. М. 1904. Стр. 16. Цѣна 15 коп.—Часть 5-я. Письмо шрифтами рондо, готическимъ, фрактурнымъ, славянскимъ и др. Изданіе 5-е. М. 1904. 24 табл. Цѣна 40 коп.“—допустить въ качествѣ учебныхъ пособій для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „*Волковъ, Н.* Русская масленица и историческія данныя о ней. Владикавказъ. 1897. Стр. 31. Цѣна не обозначена.“—Допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ: „Природа и люди Россіи. Общедоступныя книжки подъ ред. *А. А. Ивановскаго.* Изданіе книжн маг. С. Курнинъ и К°. М. 1901. 1) *Пирамидова, В.* Прибалтійскій край. Стр. 32. Цѣна 10 коп.—2) *Добрякова, А. Ф.* Остяки. Стр. 32. Цѣна 10 коп.—3) *Вульфсонъ, Э. С.* Киргизы. Стр. 79. Цѣна 10 коп.“—допустить для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Изданіе: „Вѣстникъ учителей рисованія. Ежемѣсячный художественно-педагогическій журналъ. Редакторъ-издатель *А. И. Смирновъ.* Подписная цѣна 3 р. въ годъ.“—допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книгу, составленную инженеръ-технологомъ *Л. Лейхманомъ*, подъ заглавіемъ: „Руководство по крашенію кожи. С.-Пб. 1902 г. Цѣна 3 руб.“—

допустить въ основныя и ученическія библіотеки химико-техническихъ училищъ, а равно и въ фундаментальныя библіотеки ремесленныхъ учебныхъ заведеній по кожевенной спеціальности.

— Книгу *В. Пантелѣева*, подъ заглавіемъ: „Общіе методы анализа въ нефтяномъ производствѣ. Москва. 1903 г. Цѣна 1 р.“—допустить въ фундаментальныя библіотеки химико-техническихъ училищъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „*Э. Жераръ.* Электрическая тяга. Переводъ съ французскаго *Шателена* и *Миткевича.* С.-Пб. 1902 г. Цѣна 6 р.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.

— Книгу, подъ заглавіемъ: „Методическое руководство къ преподаванію кройки, съ примѣрными уроками по кройкѣ и домашнему счетоводству. Составила *Э. Надеждина*, начальница Кронштадтской женской прогимназіи съ общеобразовательно-профессіональными при ней классами. Цѣна, съ чертежами для класснаго обученія кройкѣ 2 р 50 к.“—одобрить для женскихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаются рукодѣлія.

— Книгу: „*Ж. Лаффаргъ.* Практическое руководство для электротехниковъ. Электрическія установки и управленіе ими. Переводъ съ француз. языка *Ѳ. Ф. Александрова.* Изданіе *П. В. Луковникова.* С.-Пб. 1902 года. Цѣна 2 р. 75 к.“—одобрить для библіотекъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

— Книгу *Б. П. Налимова*: „Бесѣды по вопросамъ гигіены въ плодовомъ саду. Астрахань. 1903. Цѣна 75 к.“—допустить въ библіотеки тѣхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, въ которыхъ преподается садоводство и плодоводство.

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Въ засѣданіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 8-го декабря 1903 г. слушали (ст. V) мнѣніе о книгѣ:

Штоль, Г. В. Разсказы изъ исторіи для школы и для дому (sic!). Переводъ съ нѣмецкаго. Книга первая. Передняя Азія и Греція. Стр. 193.— Книга вторая. Римская исторія. Стр. 158. Изданіе третье, исправленное. С.-Пб. 1903. Цѣна 1 р. Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова.

По выслушаніи доклада спеціалиста, предсѣдатель ученаго комитета предъявилъ комитету четыре экземпляра книги Г. В. Штоля „Разсказы изъ исторіи для школы и для дому“ въ изданіяхъ разныхъ годовъ. На заглавныхъ листахъ и на обложкахъ этихъ экземпляровъ значится слѣдующее На 1-мъ экземплярѣ: „Типографія І. Мордуховскаго (бывш. Неклюдова), Офиц. № 7—14. 1874 г.“ Цензурнаго дозволенія нѣтъ. На 2-мъ экземплярѣ: „Изданіе второе, исправленное. Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 линія, № 45) 1884 г.“. Цензурное дозволеніе отъ 15-го октября 1883 г. На 3-мъ экземплярѣ: „Изданіе третье, исправленное. Въ типографіи В. Безобразова и Комп. 1890 г.“, а на оборотѣ титула: „Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 4-го ноября 1889 года“. Наконецъ, на 4-мъ экземплярѣ представленномъ нынѣ книгопродавцемъ Карбасниковымъ: „Изданіе третье, исправленное. Типографія и литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27. 1903 г.“. Цензурнаго дозволенія нѣтъ.

Изъ сличенія означенныхъ экземпляровъ оказалось, что всѣ они совершенно тожественны не только по содержанію текста, не заключающаго въ себѣ и въ позднѣйшихъ изданіяхъ никакихъ исправленій или измѣненій противъ изданія 1874 года, но и по числу страницъ, по качеству и цвѣту бумаги, значительно пожелтѣвшей отъ времени, по характеру шрифта и по опечаткамъ, какъ въ текстѣ книги, такъ даже и въ приложенномъ къ ней перечнѣ опечатокъ; иными словами всѣ эти экземпляры различаются между собою только обложкою и заглавнымъ листомъ. Изъ этого съ полною несомнѣнностью можно заключить, что книгопродавецъ Карбасниковъ, представляя въ ученый комитетъ отпечатанную 30 лѣтъ тому назадъ книгу въ новой обложкѣ, на которой представленъ 1903 годъ и отмѣчено „изданіе третье, исправленное", имѣлъ въ виду ввести въ заблужденіе ученый комитетъ и вызвать содѣйствіе послѣдняго къ распространенію въ публикѣ залежавшагося изданія путемъ опубликованія о выходѣ въ свѣтъ этого, якобы новаго изданія 1903 г., въ спискахъ книгъ, печатающихся ежемѣсячно въ *Журналѣ Министерства.*

Посему и принимая во вниманіе, что книга Штоля „Разсказы изъ исторіи для школы и для дому" въ настоящее время значительно устарѣла по содержанію, необходимо:

1) признать представленную книгопродавцемъ Карбасниковымъ книгу не заслуживающею никакого поощренія со стороны министерства народнаго просвѣщенія;

2) исключить ее, какъ устарѣлую по содержанію, изъ „Опыта каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія" и изъ „Каталога книгъ и періодическихъ изданій для безплатныхъ народныхъ читаленъ", въ коихъ она помѣщена въ изданіи 1884;

3) выписку изъ настоящаго журнала ученаго комитета напечатать въ извлеченіи въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* и въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*;

4) копію выписки препроводить для свѣдѣнія въ главное управленіе по дѣламъ печати;

и 5) на будущее время при разсмотрѣніи представляемыхъ въ ученый комитетъ новыхъ изданій книгъ тщательно сравнивать ихъ съ прежними изданіями.

Ученый комитетъ, обсудивъ вышеизложенное, единогласно присоединился къ заключенію г. предсѣдателя.

Изложенное опредѣленіе комитета утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.

Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Германіи.

(Продолженіе).

VIII.

Вопросъ объ организаціи женскихъ классическихъ гимназій. Первые опыты совмѣстнаго обученія въ гимназіяхъ Бадена и Вюртемберга.

Женскія учебныя заведенія Германіи, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, мы называли женскими гимназіями, такъ какъ роль описанныхъ нами учебныхъ заведеній совершенно соотвѣтствуетъ роли нашихъ русскихъ женскихъ гимназій и, кромѣ того, тѣ и другія весьма сходны и по своимъ учебнымъ планамъ.

Теперь мы должны сказать, что описанныя нами учебныя заведенія въ Германіи не носятъ названія гимназій, а называются, какъ мы видѣли, „höhere Mädchenschulen", т. е. въ буквальномъ переводѣ—„высшія школы для дѣвицъ". Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ „гимназіями" въ Германіи могутъ называться лишь такія школы, въ которыхъ учатъ обоимъ (классическая гимназія или просто гимназія) или одному (латинскому) древнему языку (реальная гимназія).

Относясь сравнительно равнодушно къ нуждамъ женскаго образованія и будучи въ общемъ весьма невысокаго мнѣнія объ умственныхъ дарованіяхъ женщинъ, правительственныя власти Пруссіи и Германіи вообще, какъ мы видѣли, лишь въ сравнительно недавнее время согласились придать извѣстную планомѣрность системѣ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, но курсъ ихъ организовали совершенно независимо отъ курса мужскихъ гимназій или реальныхъ училищъ, чѣмъ, по мысли законодателей, исключалась и всякая возможность распространенія на женскія учебныя заведенія аналогичныхъ названій. Пренебрежительное отношеніе правительственныхъ властей къ женскимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ выражается,

какъ мы знаемъ, и въ томъ, что, напр., прусское правительство до сихъ поръ оставляетъ „höhere Mädchenschulen“ въ вѣдѣніи властей, которымъ въ области мужского образованія подчинены лишь начальныя школы.

Практическія неудобства такого обособленія мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній сказались въ полной мѣрѣ, какъ только возникъ вопросъ о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій въ университетахъ. Тѣ же власти, которыя придали женскимъ учебнымъ заведеніямъ описанную организацію, указывали на недостаточность подготовки, получаемой женщинами въ средней школѣ, для слушанія университетскихъ лекцій.

Нѣмецкимъ женщинамъ, желавшимъ получить высшее образованіе, приходилось ѣхать въ Швейцарію, и такъ называемый Allgemeiner Deutscher Frauenverein съ 1879 г. сталъ даже собирать деньги для образованія фонда на пособія женщинамъ, ѣдущимъ учиться за границу. Спустя десять лѣтъ, знакомая намъ дѣятельница по женскому образованію, Елена Ланге, организовала (въ Берлинѣ) курсы для подготовки къ экзамену, которымъ должны были подвергаться въ Швейцаріи *) нѣмки, пріѣзжавшія туда для поступленія въ университеты (die Vorbereitung zur Scweizer Matura... da man in Deutschland damals zum Abiturium noch nicht zugelassen wurde).

Это, конечно, нельзя было считать удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса. Вотъ почему около того же времени возникло спеціальное женское общество, называвшееся „Frauenverein Reform“ и имѣвшее задачей основаніе женскихъ классическихъ гимназій съ курсомъ, параллельнымъ мужскимъ гимназіямъ, а также и достиженіе всѣми законными способами уравненія правъ женщинъ и мужчинъ въ отношеніи доступа ко всѣмъ образовательнымъ учрежденіямъ въ особенности же въ университеты **), равно какъ и доступа къ такъ называемымъ либеральнымъ профессіямъ. Душой и организаторомъ новаго общества была (и остается) г-жа Кетлеръ (Frau I. Kettler), издающая съ 1887 г. журналъ подъ названіемъ „Frauenberuf“.

Между тѣмъ, г-жа Ланге, имѣя въ виду, что, недалеко, можетъ быть, время, когда и въ Германіи женщинъ будутъ допускать къ экзамену на аттестатъ зрѣлости, рѣшила организовать соотвѣтствен-

---

*) G. Bäumer. „Geschichte und Stand der Frauenbildung in Deutschland“, 123 („Handhuch der Frauenbewegung“, III Theil).

**) G. Bäumer. „Die Geschicte der Frauenbewegung in Deutschland“. 89 („Handbuch der Frauenbewegung“, I Theil).

ные курсы, имѣющіе специальной задачей подготовку къ такому экзамену. Основаніе курсовъ, а не полной женской классической гимназіи объясняется, съ одной стороны, опасеніемъ (какъ это оказалось впослѣдствіи, совершенно основательнымъ), что открытіе полной гимназіи не будетъ разрѣшено, и съ другой слѣдующимъ весьма важнымъ соображеніемъ: принимая на курсы лицъ, уже окончившихъ höhere Mädchenschule, можно было быть увѣреннымъ, что кандидатками на аттестатъ зрѣлости явятся дѣвушки, искренно желающія учиться и трудиться и имѣвшія возможность проявить свои лингвистическія способности на занятіяхъ новыми языками.

Гимназическіе курсы, основанные въ Берлинѣ Еленой Ланге, существуютъ до настоящаго времени. Въ 1896 г., первыя дѣвицы, окончившія курсы, выдержали очень успѣшно испытаніе на аттестатъ зрѣлости (Reifeprüfung), на организацію котораго, наконецъ, согласилось прусское правительство, учредивъ для этого спеціальную коммиссію (Prüfungskommission) при такъ называемой Königliches Luisengymnasium и при нѣкоторыхъ другихъ гимназіяхъ. Между 1896 и 1899 гг., изъ числа 16 дѣвицъ, окончившихъ берлинскіе гимназическіе курсы, 8 стали изучать въ университетѣ медицину, 4 филологическія науки и 2 вышли замужъ.

Берлинскіе курсы, какъ видно изъ послѣдующаго ихъ описанія, не могутъ быть поставлены въ параллель съ существующими у насъ курсами для быстраго и болѣе чѣмъ поверхностнаго изученія латинскаго языка, съ цѣлью пріобрѣтенія права поступленія въ женскій медицинскій институтъ.

Дѣвицы, желающія поступить на берлинскіе курсы, должны быть не моложе 15 лѣтъ; онѣ должны выдержать экзаменъ по программѣ полнокурсной женской гимназіи. Курсы разсчитаны на 4 года и раздѣлены на 8 семестровъ. Классныя занятія происходятъ послѣ обѣда; педагогическій персоналъ состоитъ частью изъ лучшихъ преподавателей мужскихъ гимназій, частью изъ учительницъ.

Программа занятій такова:

Unterkursus.

Зимній семестръ *): нѣмецкій (2 часа), латинскій (6 час.), греческій (4 часа), французскій (2), географія (2), естествознаніе (2).

Лѣтній семестръ: латинскій (4), греческій (3), исторія (2), математика (4), остальные предметы въ томъ же размѣрѣ, какъ въ зимній семестръ.

---

*) Съ октября.

Mittelkursus.

Зимній семестръ: нѣмецкій (2), латинскій (4), греческій (3), французскій (2), исторія (2), географія (2), физика (2).

Лѣтній семестръ: Законъ Божій (2), нѣмецкій (2), остальные предметы, какъ и въ зимній семестръ, кромѣ географіи, занятія которой прекращаются.

Oberkursus B.

Зимній семестръ: Законъ Божій (2), нѣмецкій (2), латинскій (4), греческій (3), французскій (2), исторія (2), математика (4) физика (2).

Лѣтній семестръ: латинскій (5), греческій (4), остальные предметы, какъ и въ зимній семестръ.

Oberkursus A.

Законъ Божій (2), нѣмецкій (2), латинскій (5), греческій (4), французскій (2), исторія (2), математика (4), физика (2).

Г-жа Мэри Листеръ, посѣтившая гимназическіе курсы Елены Ланге, отзывается о преподаваніи на этихъ курсахъ въ самыхъ лестныхъ, выраженіяхъ, особенно о постановкѣ занятій латинскимъ языкомъ *). Впрочемъ, уже изъ одной продолжительности занятій видно, что курсы г-жи Ланге представляютъ настоящее учебное заведеніе, что весьма понятно, если принять во вниманіе, что и самый экзаменъ дѣвицъ, желающихъ получить аттестатъ зрѣлости, не представляетъ вовсе пустой формальности.

Черезъ полгода послѣ открытія г-жой Ланге гимназическихъ курсовъ въ Берлинѣ, подобные курсы были открыты въ Лейпцигѣ Allgemeiner deutscher Fräuenverein подъ руководствомъ г-жи (Fräulein) Виндшейдъ **), дочери извѣстнаго, нынѣ покойнаго профессора юридическаго факультета Лейпцигскаго университета. Незадолго передъ тѣмъ, г-жа Виндшейдъ была удостоена степени доктора философіи Гейдельбергскимъ университетомъ---первый случай присужденія докторской степени нѣмецкой женщинѣ германскимъ университетомъ.

На Лейпцигскіе курсы принимаются по экзамену дѣвицы окончившія höhere Mädchenschule, не моложе 16 лѣтъ (въ Берлинѣ 15); занятія продолжаются $4^1/_2$ (въ Берлинѣ 4) года. Обученіе происхо-

---

*) „Higher Schools for girls in Germany“, 248.

**) Windscheid.

дитъ днемъ съ 8 до 12 утра; плата 120 марокъ за семестръ, слѣдовательно, 240 за годъ *).

Въ общемъ, программа лейпцигскихъ курсовъ сходится съ программой курсовъ г-жи Ланге, но въ Лейпцигѣ удѣляется еще больше времени древнимъ языкамъ и математикѣ, т. е. тѣмъ именно предметамъ, которые или вовсе не изучаются въ женскихъ гимназіяхъ, или изучаются въ гораздо меньшемъ размѣрѣ (математика).

Курсы, основанные Allgemeiner deutscher Frauenverein въ Лейпцигѣ, идутъ очень хорошо; число учащихся въ 1899 г. переходило за 60, а теперь, вѣроятно, подходитъ уже къ 100. Въ упомянутомъ году дѣвицы, окончившія курсы, держали первый разъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости при Королевской гимназіи въ Дрезденѣ и поддержали честь своего учебнаго заведенія и женскаго дѣла вообще, чѣмъ доставили лишній аргументъ ревнителямъ женскаго образованія.

Въ то время, какъ въ Берлинѣ и Лейпцигѣ были основаны гимназическіе курсы, въ южной Германіи, а именно въ Карлсруэ была сдѣлана попытка организаціи женскаго классическаго образованія въ нѣсколько иной формѣ. Эта попытка была сдѣлана обществомъ Verein Frauenbildungsreform (впослѣдствіи принявшемъ названіе Frauenbildung—Frauenstudium).

Въ Карлсруэ была основана шестиклассная женская классическая гимназія, куда (сначала былъ открытъ лишь первый классъ) стали принимать дѣвочекъ не моложе 12 лѣтъ, уже окончившихъ младшее отдѣленіе (Unterstufe) обыкновенной женской гимназіи. Первый классъ назывался Untertertia, такъ какъ ему хотѣли придать характеръ параллельнаго этому классу мужской классичесской гимназіи **). Впрочемъ, полной параллели не могло быть съ Untertertia, такъ какъ дѣвочкамъ приходилось здѣсь только начинать занятія латинскимъ языкомъ, которому ученики Untertertia учатся уже третій годъ; поэтому, начинаемыя въ этомъ классѣ мальчиками занятія греческимъ языкомъ дѣвочкамъ надо было отложить до слѣдующаго года. Впрочемъ, съ другой стороны, дѣвочки имѣли больше знаній по французкому языку, чѣмъ ученики Untertertia. Въ 1897 г., по нѣкоторымъ причинамъ, описываемая нами гимназія перешла въ вѣдѣніе города и составляетъ такъ называемое гимназическое отдѣле-

---

*) Подробное описаніе этихъ курсовъ можно найти въ цитированномъ сочиненіи американскаго профессора Болтона.

**) Курсъ нѣмецкихъ гимназій состоитъ изъ слѣдующихъ 9 классовъ, начиная съ младшаго: Sexta, Quinta, Quarta (младш. отдѣл.), Untertertia, Obertertia, Untersecunda (средн. отдѣл.), Obersecunda, Unterprima, Oberprima.

ніе (Gymnasialabtheilung), параллельное *старшему* отдѣленію höhere Mädchenschule города Карлсруэ.

Въ теперешней своей организаціи это гимназическое отдѣленіе, или, иначе, гимназическіе женскіе классическіе классы имѣютъ такую программу занятія *):

Untertertia (средній возрастъ 12 лѣтъ): Законъ Божій (2 часа), нѣмецкій (3), латинскій (10), французскій (3), исторія (2), географія (2), математика (алгебра и геометрія—4 часа), естествознаніе (2), гимнастика (2); итого—32 урока въ недѣлю.

Obertertia (средній возрастъ 13 лѣтъ). Тѣ же предметы, что и въ предшествующемъ году, при такомъ же распредѣленіи часовъ занятій.

Obersecunda (средній возрастъ 15 лѣтъ): Законъ Божій (2), нѣмецкій (3), латинскій (8), греческій (8), французскій (2), римская исторія (2), математика (3), естествознаніе (2), англійскій (по желанію,—одинъ часъ), рисованіе и гимнастика (3 часа на оба предмета); итого 34 часа въ недѣлю.

Oberprima (средній возрастъ 17 лѣтъ): Законъ Божій (2), нѣмецкій (3), латинскій (8), греческій (8), французскій (2), новая исторія (3), физика (2), математика (4), англійскій (по желанію,—одинъ часъ), гимнастика (1); итого—32 часа.

„Гимназическіе классы", говоритъ г-жа Мэри Листеръ, „помѣщаются въ зданіи, примыкающемъ къ höhere Mädchenschule и имѣютъ одного общаго съ этимъ послѣднимъ учрежденіемъ директора Лелейна (Herr Hofrath Dr. Löhlein). Ближайшее завѣдываніе классами принадлежитъ Fräulein Gernet, получившей докторскую степень въ Гейдельбергѣ и преподающей математику и физику. Остальной педагогическій персоналъ состоитъ изъ мужчинъ, между которыми нѣсколько преподавателей мужскихъ гимназій".

„Постановка преподаванія прекрасна. Я никогда не видѣла, чтобы такія молодыя дѣвочки исполняли столь трудныя работы. Правда, классы небольшіе и ученицы отличаются прилежаніемъ, тѣмъ не менѣе все-таки удивляешься поразительнымъ успѣхамъ. Трудно было повѣрить, что ученицы Untertertia, которыхъ я слышала, начали занятія латинскимъ языкомъ всего какихъ нибудь 6 недѣль тому назадъ. Надо думать, что отчетливость, ясность и вѣрность отвѣтовъ объясняются отчасти и необычайно высокимъ уровнемъ преподаванія"...

„То же самое надо сказать и относительно класса Untersecunda, гдѣ мнѣ въ первый разъ пришлось наблюдать дѣвочекъ, учащихся

---

*) M. Lyster. „Higher Schools for Girls in Germany", 250–251.

греческому языку. Онѣ переводили довольно трудное мѣсто и отвѣчали на разные грамматическіе вопросы, относившіеся къ переведенному тексту“ *)...

Такимъ же образомъ г-жа Листеръ отзывается и объ урокахъ математики, на которыхъ ей удалось побывать.

Въ 1899 г. состоялся первый выпускъ учеищъ, окончившихъ гимназическіе классы города Карлсруэ; дѣвицы держали затѣмъ экзаменъ при мужской гимназіи и всѣ были удостоены аттестатовъ зрѣлости.

Курсы и классы, подобные вышеописаннымъ, возникли въ послѣднее время и въ другихъ городахъ Германіи: въ Кенигсбергѣ, Баденъ-Баденѣ, Гамбургѣ, Штутгартѣ, Мангеймѣ, Бреславлѣ, Ганноверѣ и Франкфуртѣ **). Однако, женскихъ классическихъ гимназій не удалось пока организовать нигдѣ, такъ какъ правительственныя власти отказываютъ въ своей санкціи, ссылаясь на возможное переутомленіе дѣвочекъ и предлагая вмѣсто гимназій устраивать курсы на подобіе берлинскихъ или гимназическіе классы въ родѣ тѣхъ, которые существуютъ въ Карлсруэ. Такимъ образомъ, не осуществились, напр., попытки основать полныя классическія женскія гимназіи въ Бреславлѣ (1898 г.), во Франкфуртѣ на Майнѣ, Кельнѣ и Мюнхенѣ; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ основаны вмѣсто этого гимназическіе курсы 4 или 5-лѣтней продолжительности.

Дѣло въ томъ, что многіе нѣмецкіе педагоги, а также и учебныя власти настроены противъ организаціи женскихъ классическихъ гимназій. Даже среди лицъ, сочувствующихъ, вообще, женскому образованію, нѣкоторыя смотрятъ на дѣло такимъ же образомъ, опасаясь, какъ они говорятъ, вреда отъ напряженія, котораго потребуютъ усвоеніе значительнаго курса и приготовленіе къ экзаменамъ (на аттестатъ зрѣлости). Всего два года тому назадъ на съѣздѣ, организованномъ Обществомъ для распространенія женскаго образованія (Verein für das höhere Mädchenschulwesen), происходившемъ въ Hildesheim'ѣ, затронутый нами вопросъ вызвалъ продолжительный обмѣнъ мнѣній. Директоръ одной большой женской гимназіи, докторъ Веспи (Wespi), изъ Ганновера прочелъ очень интересный докладъ „Mädchengymnasium und höhere Mädchenchule“. Въ своемъ докладѣ Веспи доказывалъ, что пока обычная женская гимназія (höhere Mädchenchule) будетъ оставаться на современной

*) См. предшествующее примѣчаніе.

**) Данныя о времени основанія этихъ женскихъ гимназическихъ курсовъ, продолжительности занятій и т. п. можно найти въ приложеніи (таблица VII) къ цитированной статьѣ г-жи Беймеръ („Handbuch der Frauenbewegung“, Band. III).

высотѣ, нѣтъ никакой необходимости основывать классическія женскія гимназіи. Правда, говоритъ докладчикъ, для женщинъ, желающихъ изучать медицину, необходимо окончаніе классической школы, и для нихъ должны быть основаны какія-нибудь учрежденія, гдѣ бы онѣ могли готовиться къ экзамену на аттестатъ зрѣлости. Наилучшимъ изъ такихъ учрежденій можно, пожалуй, считать гимназическіе курсы, на подобіе тѣхъ, какіе существуютъ въ Берлинѣ и Лейпцигѣ и куда дѣвицы поступаютъ, уже окончивши обыкновенную женскую гимназію"... „Поэтому, было бы очень жаль, продолжалъ затѣмъ Весии, если бы были организованы особыя женскія гимназіи, такъ какъ въ такія гимназіи могли бы направиться наиболѣе даровитыя дѣвочки, отъ чего неизбѣжно понизился бы уровень обыкновенныхъ гимназій. Кромѣ того, ученицы классическихъ гимназій могли бы пострадать въ отношеніи физическаго развитія, вслѣдствіе чрезмѣрности умственныхъ занятій съ первыхъ лѣтъ ученія".

„Нельзя болѣе сомнѣваться въ томъ, говоритъ Весии, что женщины могутъ въ извѣстный промежутокъ времени усвоить такой же объемъ знаній, какъ и мужчины, но вѣдь вопросъ еще, согласно ли это съ ихъ дѣйствительнымъ интересомъ и счастіемъ. Не будемъ спорить противъ того, что женщины одарены въ умственномъ отношеніи одинаково съ мужчинами; однако, изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что для нихъ нужно такое же образованіе и воспитаніе, какъ и для мужчинъ".

Изъ того отношенія, которое встрѣтилъ на упомянутомъ съѣздѣ резюмированный здѣсь докладъ, можно, повидимому, заключить, что значительное большинство мужчинъ, занимающихся преподаваніемъ въ женскихъ гимназіяхъ, раздѣляютъ мнѣніе доктора Весии. Сообразно съ такимъ настроеніемъ, съѣздъ вотировалъ резолюцію, въ которой было признано желательнымъ, чтобы для женщинъ, ищущихъ классическаго образованія, были основаны особые гимназическіе курсы независимо отъ существующаго типа обыкновенной женской гимназіи.

Существуютъ, разумѣется, среди нѣмецкаго общества и даже среди самыхъ нѣмецкихъ педагоговъ другія теченія, болѣе радикальныя, которыя гораздо болѣе благопріятны разнымъ сторонамъ женскаго движенія и, въ томъ числѣ, стремленію возможно облегчить для женщины доступъ къ высшему образованію и къ такъ называемымъ либеральнымъ профессіямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь весь вопросъ о женскихъ классическихъ гимназіяхъ возникъ на этой почвѣ, вслѣдствіе чего за женскія классическія гимназіи приходилось стоять людямъ, въ общемъ, совсѣмъ не сочувствовавшимъ классическому образованію даже и для маль-

чиковъ. Однако, разъ классическія гимназіи являются обязательнымъ преддверіемъ университета, надо организовать ихъ и для женщинъ, говорили сторонники женскихъ правъ. Они нерѣдко отдавали при этомъ преимущество гимназіямъ передъ разными курсами, такъ какъ окончаніе обыкновенной гимназіи (10 лѣтъ) да еще курсовъ (4—4$^1/_2$ года) слишкомъ затягивало для женщинъ среднее образованіе, которое при этихъ условіяхъ, въ лучшихъ случаяхъ, продолжалось почти до 21 года (при поступленіи въ гимназію шести лѣтъ и при непрерывномъ успѣшномъ ученьѣ).

Положеніе получилось вообще весьма оригинальное. Консервативные элементы общества, стоящіе за привилегіи классической школы въ виду якобы особыхъ, одной ей свойственныхъ достоинствъ и незамѣнимаго вліянія на общее развитіе человѣка, въ то же время противились организаціи подобной школы для женщинъ изъ-за опасеній послѣдующихъ притязаній женщинъ на доступъ къ высшему образованію, а затѣмъ и къ либеральнымъ профессіямъ.

Радикальные элементы общества, въ общемъ не сочувствующіе классическому образованію, добивались устройства женскихъ классическихъ гимназій и могли противящимся имъ консерваторамъ ставить на видъ всѣ многорѣчивые и многобразные аргументы послѣднихъ въ пользу яко бы незамѣнимыхъ развивающихъ свойствъ занятій классическими языками для молодыхъ умовъ!..

Положеніе дѣла разомъ измѣнилось, когда два года тому назадъ германскіе университеты стали допускать къ изученію права и медицины учениковъ реальныхъ гимназій (съ однимъ латинскимъ языкомъ) и реальныхъ училищъ (Oberrealschulen). Вопросъ о полныхъ женскихъ классическихъ гимназіяхъ почти совершенно упразднился самъ собою, вслѣдствіе чего въ большинствѣ гимназическихъ женскихъ курсовъ занятія греческимъ языкомъ были прекращены—лучшее доказательство чисто внѣшнихъ причинъ, побуждавшихъ дѣвицъ къ такимъ занятіямъ.

Упраздненіе привилегій классической мужской школы поставило на очередь еще одинъ весьма важный вопросъ въ области женскаго образованія, вопросъ, бывшій, впрочемъ, и ранѣе нѣсколько разъ предметомъ обсужденія на разныхъ съѣздахъ и конференціяхъ, организованныхъ женскими образовательными и иными обществами. Мы говоримъ о стремленіи многихъ ревнителей женскаго образованія возможно приблизить курсъ женскихъ гимназій (höhere Mädchenschule) къ курсу мужскихъ реальныхъ училищъ. Послѣ указанной выше реформы правилъ, нормирующихъ доступъ въ университеты, это стремленіе, само собой разумѣется, стало особенно важнымъ и своевременнымъ; въ самомъ дѣлѣ, пройдя курсъ реальнаго училища,

дѣвицы усвоили бы себѣ очень хорошее образованіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечили бы себѣ по меньшей мѣрѣ нравственное право на доступъ въ университетъ. Первый опытъ этого рода былъ сдѣланъ городомъ Мангеймомъ, гдѣ съ 1901 года было организовано женское реальное училище, въ качествѣ параллельнаго отдѣленія обыкновенной женской гимназіи, причемъ первая параллель начинается съ IV класса.

Въ Баденѣ поступили еще болѣе радикально, а именно, было рѣшено допустить въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ совмѣстное обученіе лицъ обоего пола. Какъ видно изъ данныхъ, собранныхъ частнымъ путемъ спеціально для сборника „Handbuch der Frauenbewegung“, въ настоящее время въ 19 мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ (3 гимназіи и 16 реальныхъ училищъ) насчитывается болѣе 350 дѣвочекъ, проходящихъ общій курсъ наукъ съ мальчиками. По примѣру Бадена пошелъ и Вюртембергъ, гдѣ, по тѣмъ же даннымъ, въ 11 мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ насчитывается болѣе 80 дѣвочекъ *).

IX.

Учебныя заведенія для подготовки женщинъ къ педагогической дѣятельности; педагогическіе курсы или семинаріи.

Въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ современнаго культурнаго міра, педагогическая профессія была одной изъ первыхъ, гдѣ женскій трудъ получилъ болѣе или менѣе значительное примѣненіе. Впрочемъ, въ Германіи (въ особенности въ Пруссіи) общественныя власти согласились на участіе женщины въ преподаваніи въ начальныхъ (и тѣмъ болѣе въ среднихъ) школахъ весьма неохотно и только подъ сильнымъ давленіемъ неизбѣжной необходимости. Надо сказать, при этомъ, что въ Германіи уже давно къ учительскому труду допускаются лишь лица, обладающія извѣстнымъ дипломомъ; между тѣмъ, въ силу невысокой платы за учительскій трудъ въ народныхъ школахъ и вслѣдствіе огромнаго роста самаго числа этихъ школъ, объясняемаго, какъ мы знаемъ, строгимъ проведеніемъ въ жизнь принципа обязательности обученія, въ силу всего этого число молодыхъ людей, выпускаемыхъ учительскими семинаріями, оказалось совершенно недостаточнымъ. Такимъ образомъ, волей-неволей пришлось обратиться къ женскому труду, который къ тому же имѣлъ и преимущество дешевизны **). Съ другой стороны,

*) См. таблицу VII въ приложеніи къ статьѣ Bäumer „Geschichte und Stand der Frauenbildung in Deutschland“.

**) Gertrud Bäumer. „Der Stand der Frauenbildng in Deutschland“, 98.

стремленіе женщинъ обезпечить себѣ извѣстную экономическую самостоятельность направляло ихъ на педагогическое поприще, какъ на такое, гдѣ, по крайней мѣрѣ, въ области частнаго преподаванія на женскій трудъ былъ всегда болѣе или менѣе значительный спросъ.

Вотъ причина возникновенія при весьма значительномъ числѣ женскихъ гимназій вышеупомянутыхъ педагогическихъ курсовъ (Seminar), окончаніе которыхъ обезпечивало молодымъ дѣвушкамъ право педагогической дѣятельности не только въ начальныхъ, но, какъ мы увидимъ ниже, частью даже и въ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Поэтому даже въ Пруссіи, гдѣ, какъ мы уже говорили, правительство наименѣе охотно примирилось съ необходимостью допущенія женщинъ-учительницъ въ народныя школы, число учительницъ за тридцать лѣтъ между 1861 и 1891 г. увеличилось *въ семь* разъ, тогда какъ число учителей даже и *не удвоилось*.

Переходимъ теперь къ характеристикѣ способовъ подготовки женскаго педагогическаго персонала начальныхъ и среднихъ школъ Германіи вообще и Пруссіи въ особенности, въ виду доминирующаго положенія послѣдней въ Германской имперіи.

Какъ мы уже сказали, ни одна женщина (какъ и ни одинъ мужчина) въ Германіи не можетъ быть учительницей, не выдержавъ предварительно извѣстнаго экзамена.

Женщинѣ, желающей получить право преподаванія, доступны въ Пруссіи слѣдующіе спеціальные экзамены.

Экзаменъ на званіе обыкновенной учительницы (Lehrerinnenprüfung). Выдержаніе этого экзамена даетъ право преподаванія въ начальныхъ и, частью, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Экзаменъ на званіе старшей или научной учительницы (Wissenschaftliche Lehrerinnenprüfung). Къ этому экзамену, установленному только *съ 1894 г.*, допускаются лишь такія женщины, которыя имѣютъ уже дипломъ обыкновенной учительницы и обладаютъ пятилѣтней педагогической практикой. Экзаменъ предполагается для женщинъ, желающихъ получить право преподаванія въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій.

Существуетъ, наконецъ, и еще особое испытаніе на право быть начальницей женскаго учебнаго заведенія (Schulvorsteherinnenprüfung). Къ этому испытанію допускаются только лица, успѣшно выдержавшія тотъ или другой изъ вышеупомянутыхъ экзаменовъ и имѣющія не менѣе 5 лѣтъ учебной практики, при чемъ, чтобы быть начальницей женскаго учебнаго заведенія съ 7 или большимъ числомъ классовъ, требуется во всякомъ случаѣ выдержаніе второго изъ упомянутыхъ выше экзаменовъ, т. е. обладаніе дипломомъ старшей учи-

тельницы *). Впрочемъ, по крайней мѣрѣ, въ Пруссіи этотъ послѣдній экзаменъ имѣетъ значеніе исключительно въ видахъ занятія должности начальницы частнаго учебнаго заведенія, такъ какъ во главѣ огромнаго большинства общественныхъ женскихъ гимназій (höhere Mädchenschule) стоятъ директора **).

Чтобы покончить съ этимъ экзаменомъ (на право начальницы женскаго учебнаго заведенія), скажемъ, что лица, ему подвергающіяся, держатъ устное испытаніе по теоріи и исторіи воспитанія и пишутъ сочиненіе на тему, относящуюся къ практикѣ педагогическаго дѣла.

Какъ мы говорили, для подготовки обыкновенныхъ учительницъ служатъ такъ называемыя учительскія семинаріи (Lehrerinnenseminare) или, какъ мы ихъ ранѣе называли, педагогическіе курсы. Въ настоящее время въ Германіи насчитывается 115 женскихъ педагогическихъ курсовъ или семинарій; 24 основаны и содержатся правительственными властями, 42—городомъ и 49—частными лицами; иначе сказать, здѣсь, какъ и въ области средняго женскаго образованія, доминирующую роль играютъ города и частная инициатива.

Почти всѣ женскіе педагогическіе курсы состоятъ при женскихъ гимназіяхъ (höhere Mädchenschule) составляя, однако, особое ихъ отдѣленіе. Педагогички практикуются въ тѣхъ же гимназіяхъ, подъ руководствомъ своихъ наставникомъ (не надо забывать при этомъ, что въ нѣмецкихъ женскихъ гимназіяхъ имѣется всегда элементарное отдѣленіе, параллельное курсу народной школы, хотя и съ нѣкоторыми отличіями отъ послѣдней). Есть нѣсколько педагогическихъ курсовъ, существующихъ въ качествѣ самостоятельныхъ учебныхъ заведеній; здѣсь слушательницамъ приходится уже практиковаться въ другихъ школахъ.

Условія пріема на курсы, вообще говоря, вездѣ одинаковы: требуется быть не моложе 16 лѣтъ, представить свидѣтельство объ окончаніи курса гимназіи и почти всегда выдержать, кромѣ того, вступительный экзаменъ.

Такъ какъ педагогическіе курсы во многихъ мѣстахъ являются единственнымъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ можно продолжать ученье, начатое въ гимназіи, то, какъ это весьма естественно, многія дѣвушки посѣщаютъ эти классы, вовсе не имѣя въ виду заниматься впослѣдствіи педагогической дѣятельностью; нѣкоторыя изъ нихъ учатся всѣмъ предметамъ и посѣщаютъ всѣ практическія и иныя занятія, другія бываютъ только на урокахъ по тѣмъ предметамъ,

---

*) „Die deutsche Frau im Beruf“. Berlin, 1902, 337 („Handbuch der Frauenbewegung“, IV Theil).

**) Ibidem.

которыя ихъ особенно интересуютъ. Есть основаніе думать, что участіе такихъ слушательницъ, для которыхъ прохожденіе курса при этомъ не представляетъ вопроса о кускѣ хлѣба, скорѣе благотворно дѣйствуетъ на большинство ихъ подругъ, принужденныхъ смотрѣть на свои занятія съ иной точки зрѣнія.

Ниже мы приводимъ примѣры расписанія уроковъ въ педагогическихъ курсахъ или семинаріяхъ Бадена и Пруссіи.

Расписаніе уроковъ на педагогическихъ курсахъ Бадена.

КЛАССЫ	III.	II.	I. Обязательн.	По желанію.
Законъ Божій	2	1	2	—
Нѣмекій яз.	4	4	5	—
Французскій яз.. . .	4	4	8	—
Англійскій яз. . . .	4	4	7	—
Ариѳметика	3	3	—	—
Исторія	3	3	3	—
Географія	2	2	—	—
Физич. геогр.	2	2	—	—
Естествознаніе . . .	1	1	—	—
Педагогика	2	3	1	—
Практическ. занятія обученіемъ	1	1	1	—
Пѣніе	2	2	—	1
Рисованіе	1	1	—	2
Рукодѣлье	1	1	—	1
Гимнастика	1	1	1	—
Всего	33	34	28	4

Расписаніе уроковъ на педагогическихъ курсахъ Пруссіи.

КЛАССЫ.	I.	II.	III.
Законъ Божій. . . .	2	2	2
Нѣмецкій яз. . . .	4	4	4
Французскій яз. . .	4	4	4
Англійскій яз. . . .	4	4	4
Ариѳметика.	2	2	2
Исторія	2	2	2
Географія.	1	1	1
Естествознаніе. . .	2	2	2
Рисованіе	1	2	2

Чистописаніе	1	—	—
Рукодѣлье	2	2	2
Пѣніе	1	2	2
Гимнастика	1	2	2
Педагогика	2	1	1
Практическія занятія обученіемъ .	6	—	—
Итого	34	30	30

Большинство государствъ Германіи, при организаціи педагогическихъ курсовъ или семинарій, вообще говоря, слѣдуютъ примѣру Пруссіи; кое-гдѣ имѣются однако болѣе или менѣе значительныя особенности. Между прочимъ, многіе находятъ неудобнымъ прусскій порядокъ, согласно которому кандидатки держатъ экзаменъ только одинъ разъ и, притомъ, въ самомъ концѣ курса, вслѣдствіе чего приходится всѣ три года заниматься всѣми предметами, не исключая наиболѣе элементарныхъ, какъ это, впрочемъ, видно изъ приведеннаго выше расписанія.

Въ семинаріяхъ Бадена бываетъ два экзамена: одинъ—въ концѣ второго года обученія; въ этотъ экзаменъ входятъ всѣ элементарные предметы. Кандидатки, выдержавшія такой экзаменъ, получаютъ право преподаванія въ начальныхъ школахъ. Тѣ, которыя остаются на третій годъ, могутъ спеціализировать свои занятія на томъ или иномъ циклѣ предметовъ и, по выдержаніи экзамена, получаютъ право преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ. Начинаютъ онѣ свою преподавательскую дѣятельность съ младшихъ классовъ, но могутъ, если сумѣютъ обнаружить свои знанія и способности, сдѣлаться впослѣдствіи преподавательницами старшихъ классовъ, такъ какъ въ Баденѣ нѣтъ особаго испытанія на званіе старшей учительницы или, иначе, учительницы старшихъ классовъ.

Не останавливаясь на организаціи педагогическихъ семинарій въ другихъ государствахъ Германіи, скажемъ лишь, что, напр., въ Вюртембергѣ курсъ ихъ двухлѣтній и заканчивается шестинедѣльными репетиціонными классами, за которыми слѣдуетъ государственный экзаменъ въ особой коммссіи. Такъ подготовляются начальныя учительницы. Для подготовки учительницъ женскихъ гимназій служатъ особые трехлѣтніе курсы (Königliches höheres Lehrerinnenseminar) въ Штутгартѣ. Въ этомъ отношеніи Вюртембергъ представляетъ исключеніе *), такъ какъ, вообще говоря, въ Германіи однѣ и тѣ-же семинаріи служатъ для подготовки

*) „Handbuch der Fraen bewegung“ III Theil, 101 и IV Theil, 342.

начальныхъ учительницъ и учительницъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, при чемъ послѣднія остаются обыкновенно въ семинаріяхъ годомъ дольше или подвергаются болѣе серьезному экзамену.

Конечно, все это объясняется пренебрежительнымъ отношеніемъ властей къ женскимъ гимназіямъ, элементарнымъ характеромъ преподаванія въ нихъ, а также и тѣмъ обстоятельствомъ, что фактически преподаваніе въ старшихъ классахъ гимназіи, по крайней мѣрѣ, въ общественныхъ гимназіяхъ находится до сихъ поръ преимущественно въ рукахъ мужчинъ съ университетскимъ образованіемъ.

Согласно дѣйствующимъ постановленіямъ, въ большинствѣ союзныхъ государствъ женщины не допускаются къ экзамену на званіе учительницы ранѣе достиженія ими 19 лѣтъ. Дипломъ на званіе учительницы можно пріобрѣсти:

1) выдержавъ выпускной экзаменъ въ одной изъ государственныхъ семинарій или

2) выдержавъ особое испытаніе въ спеціально для этого назначаемой коммиссіи или

3) выдержавъ выпускной экзаменъ въ одной изъ общественныхъ семинарій, которымъ дано право производить такіе экзамены.

Частныя семинаріи, вообще говоря, лишены права выдавать дипломъ на званіе начальной учительницы, между тѣмъ, какъ мы видѣли, изъ общаго числа женскихъ семинарій частныя составляютъ почти половину.

Въ народныхъ школахъ, женщины учатъ не только въ классахъ для дѣвочекъ или въ смѣшанныхъ, но иногда и въ классахъ для мальчиковъ. Съ теченіемъ времени, положеніе учительницъ все болѣе и болѣе сравнивается съ положеніемъ учителей, хотя до сихъ поръ все еще остается разница въ оплатѣ труда тѣхъ и другихъ. Принципъ полнаго равенства вознагражденія учителей и учительницъ за одинъ и тотъ же трудъ введенъ пока только въ Саксоніи. Въ Пруссіи, жалованье учительницъ составляетъ $^4/_5$ жалованья учителя, въ Баваріи съ 1903 г. даже $^5/_6$.

О томъ, въ какомъ размѣрѣ примѣняется женскій трудъ въ области начальной народной школы, позволяетъ судить слѣдующая таблица*).

	Число учительницъ.	Число учителей.
Пруссія (1896 г.).	10,152	68,449
Баварія (1898 г.).	7,319	18,664

*) Gertrud Bäumer, цит. сочин., 102.

Баденъ (1899 г.)	387	3,602
Вюртембергъ (1899 г.). . . .	31	3,359
Саксонія (1899 г.)	401	10,003
	18,290	104,117

Подобныя отношенія между числомъ учителей и учительницъ мы находимъ и въ другихъ менѣе значительныхъ государствахъ Германіи. Такимъ образомъ, и въ области народной школы, учительницамъ принадлежитъ въ Германіи второстепенное положеніе. Какъ можно судить по одному соотношенію только что приведенныхъ цифръ, даже въ начальной школѣ учителями женщинъ являются мужчины.

П. Мижуевъ.

(Продолженіе будетъ).

Внѣшкольное образованіе во Франціи *).

(Общеобразовательные дополнительные курсы).

Дополнительные общеобразовательные курсы во Франціи являются главнымъ образомъ дѣломъ частныхъ лицъ. Если правительство вмѣшивается въ ихъ дѣла, то по большей части для того, чтобъ выразить свое одобреніе или поощреніе преподавателямъ и преподавательницамъ путемъ выдачи имъ почетныхъ дипломовъ, медалей и другихъ наградъ, такъ какъ денежная поддержка со стороны правительства очень незначительна. Помогаютъ имъ въ городахъ, главнымъ образомъ, частные кружки, которые получаютъ субсидіи отъ городскихъ управленій, а отчасти и правительство. Такъ, въ 1901—1902 г. дополнителные курсы получили 2.270.000 франковъ отъ муниципалитетовъ и conseils generaux;—320.000 фр. отъ правительства; 2.500.000 фр. отъ частныхъ лицъ (сюда относятся взносы, пожертвованія, плата за нѣкоторыя лекціи).

Въ деревняхъ очень часто сельскіе учителя не только отдаютъ безвозмездно свой трудъ и свое время, но нерѣдко несутъ и нѣкоторые расходы по этимъ учрежденіямъ. Это не помѣшало, однако, удивительному росту дополнительныхъ общеобразовательныхъ курсовъ.

Эд. Пети (Ed. Petit), составитель офиціальнаго доклада „по изслѣдованію общеобразовательныхъ дополнительныхъ курсовъ для взрослыхъ и подростковъ", свидѣтельствуетъ, что движеніе въ этомъ направленіи расширяется и увеличивается съ каждымъ годомъ во Франціи: „Доктора, адвокаты, инженеры, мировые судьи, заслуженные учителя, учительницы—всѣ способствуютъ устройству народныхъ

*) Матеріалъ для этого доклада, читаннаго на послѣднемъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и професс. образованію, заимствованъ изъ офиціальнаго органа французской республики и изъ отчета Политехнической Ассоціаціи, доставленнаго автору главнымъ секретаремъ Общества г. Малетрасомъ. а также изъ отчета Ронскаго Общества профессіональнаго образованія, доставленнаго директоромъ г. Ланге.

чтеній, бесѣдъ и послѣдовательныхъ курсовъ. „Профессора и преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній присоединяются къ этой воспитательной миссіи“.

Изъ рапортовъ правительственныхъ инспекторовъ видно, какое вліяніе оказываютъ эти просвѣтительныя учрежденія не только на юношество, но и на взрослое населеніе: „мужчины, женщины, дѣти, люди всѣхъ возрастовъ стремятся въ помѣщенія школъ, которыя во многихъ городахъ и деревняхъ стали уже слишкомъ тѣсны, чтобъ вмѣстить организуемыя въ нихъ вечернія и воскресныя собранія“, говорится въ отчетѣ Ed. Petit. „Школа все болѣе и болѣе стремится сдѣлаться народнымъ домомъ“, пишетъ инспекторъ изъ Вуарона (Voiron). „Школа становится все болѣе и болѣе притягательнымъ центромъ, куда приходятъ обучаться, получать нужныя свѣдѣнія и разумно развлекаться. Это—лучшій и незамѣнимый народный центръ“, пишетъ другой инспекторъ изъ Алжира. „Вечернія школы“,—пишетъ инспекторъ изъ Витрэ, „распространяютъ практическія знанія, необходимыя и полезныя. Но въ то же время онѣ преслѣдуютъ болѣе возвышенную цѣль—подготовить молодыхъ людей къ пониманію своихъ правъ и къ исполненію своихъ общественныхъ и гражданскихъ обязанностей“.

Отчетъ Эд. Пети распадается на четыре отдѣла: 1) просвѣтительныя учрежденія (дополнительные общеобразовательные курсы для взрослыхъ и юношества, народныя чтенія, бесѣды, просвѣтительные кружки, народные университеты); 2) школьныя общества взаимопомощи, ученическія взаимновспомогательныя общества, общества взаимопомощи бывшихъ учениковъ, школьные патронаты; 3) лица, посвятившія себя дѣлу дополнительнаго образованія среди народа; 4) финансовая часть (помощь общественная, частная и государственная).

Главное вниманіе отчета сосредоточивается на общеобразовательныхъ курсахъ для взрослыхъ и юношества, на народныхъ чтеніяхъ, конференціяхъ, или бесѣдахъ и просвѣтительныхъ кружкахъ.

Число курсовъ для взрослыхъ и юношества 1901—1902 г. достигло громадной цифры 43.044 (28.703 для юношей и 14.341 для дѣвушекъ), 5.000 курсовъ предназначены еще для обученія спеціальнымъ знаніямъ. Посѣщаемость курсовъ 1901—1902 г. была очень значительна: среднимъ числомъ 400.000 юношей и 200.000 дѣвушекъ.

Наибольшій контингентъ слушателей доставляли города Парижъ и Лилль. Конечно, это объясняется многочисленностью населенія, а никакъ не особою, сравнительно съ другими городами, любовью къ просвѣщенію, такъ какъ во всѣхъ другихъ частяхъ Франціи видно такое же ревностное отношеніе къ дѣлу со стороны учителей. Особенно до-

стойны уваженія тѣ учителя и учительницы, которые, часто не получая вознагражденія, мужественно свершали свое дѣло, несмотря на неблагопріятныя мѣстныя условія, и объединяли въ стѣнахъ школы тѣхъ, которые въ годы дѣтства должны были покинуть ее.

Наибольшимъ успѣхомъ пользовались курсы по спеціальнымъ предметамъ и тѣ, которые способствовали умственному развитію. Какъ образецъ, приводимъ одинъ учебный планъ, осуществляемый въ одной мѣстности, гдѣ населеніе занимается, главнымъ образомъ, сельскимъ хозяйствомъ:

Французскій языкъ: изученіе родного языка, орѳографія; выработка слога; умѣнье писать письма.

Ариѳметика и метрическая система; свѣдѣнія изъ практической геометріи; торговая и сельскохозяйственная бухгалтерія.

Исторія и государственное устройство Франціи, преимущественно съ 1789 года; конституція 1875 года; права и обязанности гражданина.

Географія Франціи и колоніи ея.

Ученіе о нравственности; общественныя обязанности; справедливость и благотворительность, солидарность.

Гигіена: вредъ алкоголя и табака для здоровья.

Сельскохозяйственныя свѣдѣнія: почва, удобреніе, улучшеніе земли, сѣвооборотъ, изученіе культуры растеній данной мѣстности, земледѣльческія орудія, скотъ и уходъ за ними и т. д.

Рисованіе и музыка.

Въ другихъ мѣстностяхъ были введены курсы по почтовому, телеграфному, желѣзнодорожному дѣлу, а въ приморскихъ департаментахъ—по мореплаванію и рыболовству; въ промышленныхъ мѣстностяхъ—по ремесламъ, торговлѣ и т. п.

Также устраивались курсы для полуграмотныхъ солдатъ: благодаря покровительству военнаго министра, во многихъ городахъ, гдѣ стоятъ полки, учителя вмѣстѣ съ офицерами организовали курсы для полуграмотныхъ солдатъ. Ихъ обучали письму, ариѳметикѣ; устраивали чтенія и бесѣды, которыя должны были способствовать ихъ развитію. Ed. Petit, посѣтившій эти курсы во многихъ мѣстахъ Франціи, говоритъ о той громадной патріотической услугѣ, которую оказываютъ учителя своей родинѣ, занимаясь съ запоздалыми учениками, которыхъ болѣзнь, бѣдность и другія причины отдалили отъ школы. Изъ отчета Ed. Petit видна тѣсная связь между преподавательскимъ персоналомъ и учениками и желаніе преподавателей приспособить обученіе къ мѣстнымъ потребностямъ жителей даннаго района, а также совмѣстная съ учениками обработка программъ для учебнаго года. „Всѣ благородныя и настойчивыя усилія наставни-

ковъ“, говоритъ Ed. Petit, „сдѣлавшихся добровольными учителями народа, клонились къ тому, чтобы дать спеціальныя знанія и общее образованіе ученикамъ вечернихъ классовъ, выработать въ нихъ нравственныя понятія и создать характеръ будущихъ гражданъ“. Это двойное направленіе, утилитарное и гуманитарное, все время имѣлось въ виду въ теченіе 1901—1902 года. „Очень часто“, пишетъ инспекторъ изъ Дижона, „слушатели просили преподавателей пополнить ихъ образованіе, и учителя, не увлекаясь узко утилитарными задачами, которыя шли бы въ ущербъ истинному просвѣщенію, дополняли умственное и нравственное развитіе молодыхъ людей путемъ чтеній и бесѣдъ“.

Хотя курсы носили утилитарный характеръ, пишетъ инспекторъ изъ Orne,—однако здѣсь прочитывалось много прозаическихъ и поэтическихъ произведеній нашихъ лучшихъ писателей, внушалась любовь къ земледѣлію, и порицалась эмиграція изъ деревень въ города, и т. п.

Это обученіе и единеніе въ совмѣстной работѣ учителей и учащихся рабочихъ создавали дружескую связь, взаимную симпатію и близость между людьми различныхъ классовъ, что служило залогомъ въ прочности и производительности данной работы.

Для распространенія просвѣщенія среди народа во Франціи образовались многочисленные кружки, изъ которыхъ нѣкоторые достигали блестящихъ результатовъ. Мы назовемъ только нѣкоторые изъ нихъ: „Association Polytechnique“, „Association Phylotechnique“, „Ligue française de l' nseignement“, „Societé Nationale de conférences populaires des amis de l'enseignement laïque“, „L' Association des instituteurs pour l'éducation et le patronage de la jeunesse“. „La societé d'enseignement profess. du Rhone. (Въ 1896—1897 во Франціи было 1.300 обществъ по отчету Ed. Petit. Однихъ провинціальныхъ кружковъ въ настоящее время насчитывается до 500).

Мы коснемся трехъ крупныхъ и видныхъ парижскихъ кружковъ, которые заботятся объ открытіи, развитіи и расширеніи общеобразовательныхъ курсовъ: „Societé d'enseignement moderne“, „Association Polytechnique“, и „Association Philotechnyque“.

„Societé d'enseignement moderne“ открыло 42 курса; для покрытія издержекъ по нимъ и учрежденія стипендій лучшимъ ученикамъ въ цѣляхъ дальнѣйшаго ихъ образованія (напр., для поѣздки за-границу) оно организовало громадную лотерею съ 20.000 выигрышей. Вещи для лотереи были получены въ даръ отъ министровъ, негоціантовъ, ремесленниковъ и др.

Самымъ старымъ и вліятельнымъ кружкомъ по распространенію дополнительныхъ общеобразовательныхъ курсовъ считается однако

во Франціи „Association Polytechnique“. Этотъ кружокъ былъ основанъ въ 1830 году бывшими учениками политехнической школы съ цѣлью содѣйствія образованію рабочихъ и ремесленниковъ. Своимъ девизомъ ассоціація приняла слова: „Pour la patrie, les sciences et la gloire“.

Въ 1830 году этотъ кружокъ открылъ 14 курсовъ, въ 1835—26 курсовъ, въ 1840—33 курса, въ 1848—37 курсовъ.

Въ 1849 году нѣсколько учителей отдѣлились отъ этого кружка и образовали новое общество подъ названіемъ: „Association Philotechnique“, преслѣдовавшее такія же общеобразовательныя цѣли.

До 1858 года число курсовъ, основанныхъ кружкомъ Association Polytechnique“, оставалось безъ измѣненія; но вскорѣ это число начинаетъ быстро возрастать и доходить до 151 въ 1869 г.

За свою плодотворную дѣятельность ассоціація была признана правительствомъ общественно-полезнымъ учрежденіемъ.

Въ 1880 году эта ассоціація праздновала 50-лѣтіе своего существованія. Гамбетта, присутствовавшій на торжествѣ, обратился къ преподавателямъ и дѣятелямъ ассоціаціи съ рѣчью, въ которой сказалъ, между прочимъ, слѣдующія слова: „Продолжайте ваше прекрасное дѣло, работайте, раскидывайте сѣти: вы являетесь ловцами людей“.

Въ теченіе послѣдней четверти прошлаго столѣтія число курсовъ въ Парижѣ, открытыхъ политехнической ассоціаціей, выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1875 г. — 174 еженедѣльныхъ курсовъ, 1885—435, 1895—575, 1901—1902—776.

Эти 776 еженедѣльныхъ курсовъ составили въ общемъ 16.296 лекцій. Слушателей насчитывалось болѣе 15.000 человѣкъ, преподавателей до 800 ч. Всѣ курсы были публичны, безплатны и исключительно свѣтскаго характера. Они читались ежедневно отъ 8-ми до 10 часовъ вечера и отъ 8-ми до 12-ти ч. утра по воскреснымъ днямъ и служили для распространенія полезныхъ прикладныхъ знаній среди рабочихъ, ремесленниковъ, торговыхъ людей и т. д. Преподавателями этихъ курсовъ состояли лица разныхъ профессій: много было инженеровъ и бывшихъ учениковъ политехнической школы, но также адвокатовъ, врачей, ученыхъ, художниковъ, публицистовъ, чиновниковъ, ремесленниковъ и др. Никто не получалъ вознагражденія: всѣ работали безвозмездно. Курсы читаются въ разныхъ городскихъ зданіяхъ и въ помѣщеніяхъ среднихъ и начальныхъ школъ. Одно отдѣленіе курсовъ помѣстилось во дворцѣ Трокадеро. Курсы по законовѣдѣнію и судопроизводству нашли себѣ пріютъ въ стѣнахъ суда.

Не менѣе быстро развивался другой кружокъ—„Association Philo-

technique“. Въ 1899—1900 гг. онъ открылъ въ Парижѣ въ теченіе учебнаго сезона 551 еженедѣльныхъ курсовъ. Въ послѣдніе годы эта ассоціація открыла еще курсы новыхъ языковъ, музыкальную секцію съ вокальнымъ и инструментальнымъ отдѣленіемъ и курсы для солдатъ. На публичныхъ чтеніяхъ этого кружка перебывало въ теченіе 6 мѣсяцевъ до 50.000 слушателей. Нѣкоторые изъ профессоровъ этого кружка вели научныя и литературныя бесѣды, имѣвшія заслуженный успѣхъ. Всѣ общеобразовательные дополнительные курсы закрываются въ концѣ марта; только по просьбѣ учениковъ нѣкоторые изъ нихъ затягиваются на болѣе продолжительное время.

Въ 1902 г. 22-го іюня кружокъ „Association Polytechnique“ закончилъ свои занятія торжественнымъ актомъ, на которомъ раздавались награды учителямъ и ученикамъ. Громадный залъ дворца Трокадеро былъ переполненъ народомъ. Въ первыхъ рядахъ сидѣли получившіе награды. Зрители занимали остальныя мѣста. На эстрадѣ предсѣдательское кресло занималъ министръ народнаго просвѣщенія; тутъ же находились другіе представители власти, предсѣдатель ассоціаціи Г. Brouardel *) и представители другихъ просвѣтительныхъ Обществъ. Торжественный актъ начался съ національнаго гимна (марсельезы), исполненнаго военнымъ оркестромъ. По окончаніи гимна министръ произнесъ рѣчь, въ которой сообщилъ собранію объ успѣхахъ, сдѣланныхъ курсами въ послѣдніе годы. Затѣмъ выступилъ предсѣдатель кружка г. Бруардель. Онъ указалъ, что ихъ общество взяло на себя новую задачу: онъ рѣшило открыть борьбу съ туберкулезомъ и организовать рядъ лекцій по этому вопросу. Послѣ этого говорилъ государственный секретарь. Онъ обратился между прочимъ къ дѣятелямъ курсовъ съ такимъ пожеланіемъ: „Работайте и обучайте юношество. Старайтесь возвыситься сами духовно путемъ образованія, труда и нравственнаго самоусовершенствованія. Будьте людьми, способными содѣйствовать благополучію нашей республиканской Франціи въ наступившемъ столѣтіи, въ теченіе котораго предстоитъ рѣшить такъ много научныхъ вопросовъ“.

По окончаніи рѣчей министръ приступилъ къ раздачѣ наградъ. Сперва были розданы награды учителямъ и учительницамъ. Безвозмездно работавшіе въ теченіе 20-ти лѣтъ получили серебряныя медали; трудившіеся безвозмездно въ теченіе 10-ти лѣтъ были награждены бронзовыми медалями. Затѣмъ выдавались награды лучшимъ ученикамъ. Такъ какъ число ихъ было слишкомъ велико (около 1.500), то выданы были въ этотъ день только высшія награды (остальныя выдавали

---

*) Членъ медицинской академіи въ Парижѣ, деканъ медиц. факультета.

въ мэріяхъ). Награды состояли изъ стипендій (для поѣздки за границу) изъ сберегательныхъ книжекъ въ 100, 50 и 20 франковъ и пр., медалей, книгъ и разныхъ вещей, соотвѣтствовавшихъ занятіямъ учениковъ. Давались, напримѣръ, фотографическіе аппараты (для слушателей курсовъ по фотографіи), готовальни (для учениковъ по классу черченія) и т. д. Президентъ республики принесъ въ даръ двѣ вазы севрскаго фарфора. Онѣ были выданы самымъ лучшимъ ученикамъ: одному юношѣ и одной дѣвушкѣ.

Вторая часть акта состояла изъ концерта. Въ немъ принимали участіе артисты парижскихъ театровъ и ученики музыкальныхъ классовъ кружка.

Два другихъ кружка „Association Philotechnique", „Societé d'enseignement moderne" закончили свои занятія также торжественнымъ актомъ, на которомъ выдавались награды. Торжество перваго кружка состоялось 29-го іюня въ залахъ дворца Трокадеро, а второго кружка—6-го іюня въ залѣ Сорбоны.

Общеобразовательные курсы идутъ рука объ руку съ публичными чтеніями, которыя являются какъ бы дополненіемъ къ послѣднимъ и ихъ украшеніемъ. То, что въ предшествующіе годы являлось только частнымъ почином, становится въ настоящее время общественною задачею и незамѣнимою частью народнаго образованія. Публичныя чтенія устраиваются для учениковъ вечернихъ классовъ и для семей, а также въ общественныхъ собраніяхъ и на небольшихъ вечеринкахъ.

Празднованіе столѣтія В. Гюго дало публичнымъ чтеніямъ громадный толчокъ. Курсы, ассоціаціи по народному образованію, патронаты и другія благотворительныя учрежденія устраивали цѣлый рядъ торжественныхъ празднествъ въ честь В. Гюго. Повсюду раздавались поэтическія или прозаическія произведенія безсмертнаго писателя. Но если В. Гюго имѣлъ свою недѣлю и свой годъ, то и другіе писатели одинаково привлекали вниманіе публики, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ школьные инспектора въ своихъ докладахъ: „Вкусъ публики къ чтенію все болѣе совершенствуется, и классики пріобрѣтаютъ все болѣе многочисленныхъ сторонниковъ. Эти чтенія развиваютъ кромѣ того въ народѣ склонность къ посѣщенію школьныхъ и общественныхъ библіотекъ".

„Мы,—говоритъ Э. Пети,—знаемъ изъ массы отвѣтовъ инспекторовъ о литературныхъ и научныхъ вкусахъ народа въ городахъ и въ деревняхъ и въ разныхъ частяхъ Франціи. Такъ, въ Бельфорѣ въ 1901—1902 г. зимою по вечерамъ читались на общеобразовательныхъ курсахъ: Расинъ, Корнель, Мольеръ, Вольтеръ, Доде, Т. Готье, В. Гюго, Маргеритъ, Гюи де Мопассанъ; на публичныхъ чтеніяхъ читали драматическія вещи нашихъ лучшихъ драматурговъ (съ распре-

дѣленіемъ ролей); въ центральной Франціи читали на курсахъ и народныхъ чтеніяхъ не только беллетристическія вещи, но географическія, историческія и научныя; въ западной части Франціи большимъ успѣхомъ пользовались прозаическія произведенія Мишле, Шатобріана, Абу, Ж. Верна, В. Гюго, поэтическія произведенія Корнеля, Мольера, Мюсе, Ламартина, и др“.

Народныя конференціи, или бесѣды шли во Франціи на ряду съ чтеніями и достигли въ 1901—1902 г. громадной цифры до 125.000 сеансовъ. На эти конференціи привлекалось до 3.000.000 слушателей. Эти бесѣды были очень разнообразны: то слушателямъ давались географическія, историческія и научныя свѣдѣнія, сопровождаемыя волшебнымъ фонаремъ; то имъ указывалось на вредъ алкоголя и эмиграціи изъ деревень въ города; то внушалась любовь къ родинѣ и т. д.

При выборѣ темъ для бесѣдъ устроители конференцій имѣли въ виду удовлетвореніе тѣхъ умственныхъ потребностей, которымъ учебныя занятія не давали достаточной пищи.

Педагогическій музей въ 1901—1902 году предоставилъ устроителямъ конференцій и публичныхъ чтеній 31.104 вида; Общество популярныхъ народныхъ конференцій (Societé nationale de conferances populaires) присоединило свои работы къ работамъ музея и выпустило 100.000 печатныхъ брошюръ для публичныхъ чтеній, 6,730 прозаическихъ и поэтическихъ вещей, 1.350 хоровъ въ два и три голоса; 530 театральныхъ пьесъ и 154 фонографа.

Несомнѣнную пользу оказываетъ въ этомъ отношеніи еще французская Образовательная Лига („La ligue française de l'enseignement“), которая открыла въ 1900—1901 г. 205 центральныхъ мѣстъ, гдѣ должны были быть сосредоточены коллекціи видовъ; въ 1901—1902 г. она открыла уже 294 центра, откуда пускались въ оборотъ 1.718 серій видовъ. Всѣхъ экземпляровъ въ совокупности было 42.950.

Конференціи, или бесѣды устраивались также въ полкахъ. До 1900 года онѣ были въ очень примитивномъ состояніи. Только въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ онѣ достигли болѣе блестящихъ результатовъ. Здѣсь велись научныя и сельско-хозяйственныя бесѣды, читались и ставились на сцену произведенія Мольера, Лабиша, организовывались хоры и т. д. Всѣ эти занятія не имѣли принудительнаго характера, и солдатамъ предоставлялась полная свобода ходить на чтеніе или заниматься своими собственными дѣлами. Недавно циркуляромъ военнаго министра было разрѣшено перенести эти чтенія въ залы, предназначенныя для военныхъ игръ и гимнастики. При этомъ будущія собранія привѣтствуются названіями: „Солдатскіе салоны“.

Эта просвѣтительная задача въ казармахъ идетъ тѣмъ же побѣдо-

носнымъ путемъ, какъ и дѣло народнаго образованія въ вечернихъ классахъ.

Такъ, напримѣръ, въ Парижѣ и другихъ городахъ Франціи друзья народнаго образованія устроили нѣсколько лѣтъ тому назадъ Солдатскіе очаги (иначе сказать клубы), гдѣ солдаты могли бы проводить свободное время съ пользой для себя. Одинъ изъ этихъ очаговъ особенно выдѣляется своею роскошью и удобствами среди другихъ, ему подобныхъ. Въ 1901 году 21-го декабря былъ открытъ друзьями народнаго образованія образцовый „солдатскій очагъ" (въ Венсеннѣ). Онъ занимаетъ цѣлый домъ, очень комфортабельно меблированный. Здѣсь находятся книги, рояль, билліардъ, всевозможныя игры и всѣ письменныя принадлежности. Все находится въ полномъ распоряженіи посѣтителей и лежитъ на ихъ отвѣтственности. Всѣ чувствуютъ себя свободно и непринужденно. По просьбѣ посѣтителей здѣсь были открыты безплатные курсы рисованія, математики и родного языка. Вотъ въ какихъ словахъ описываетъ этотъ „очагъ" г. Бошеронъ, взявшій на себя порученіе вести это дѣло: „Въ большомъ, хорошо натопленномъ и освѣщенномъ залѣ перваго этажа сидятъ молодые люди вокругъ стола; одни играютъ въ домино (карты запрещены), другіе пишутъ письма на родину, третьи стоятъ вокругъ рояля и слушаютъ играющаго товарища, четвертые оживленно говорятъ и спорятъ между собою. Во второмъ этажѣ, гдѣ находится библіотечный залъ, видно много молодыхъ людей съ книгами въ рукахъ: одни читаютъ поэтическія произведенія, другіе—историческія книги или романы. Всюду чувствуется порядокъ и непринужденность".

Въ 1864 году въ Ліонѣ было основано Ронское общество профессіональнаго образованія. (Societé d'enseignement professionel du Rhone). Цѣлью этого общества было образовать профессіональные и общеобразовательные курсы для взрослыхъ рабочихъ и служащихъ. Въ Ліонѣ скопляется обыкновенно многочисленное рабочее населеніе и громадное количество служащихъ по торговой части. Для тѣхъ и для другихъ были необходимы курсы, гдѣ рабочій людъ могъ бы съ пользой проводить свободное время и пополнить свои знанія и, пріобрѣтя необходимыя полезныя спеціальныя свѣдѣнія, разумно исполнять свои обязанности. Для этихъ рабочихъ небольшая группа людей рѣшила призвать на помощь частную инициативу, чтобъ открыть курсы, которые были бы аналогичны съ курсами, основанными вышеупомянутыми обществами (Association Polytechnique et Association Philotechnique).

Среди лицъ, принимавшихъ горячее участіе въ этой просвѣтительной дѣятельности, было не мало знаменитыхъ людей. Первое

собраніе этого общества состоялось въ 1864 году (въ Palais du commerce) подъ предсѣдательствомъ представителя политехнической ассоціаціи. Вновь основавшееся общество рѣшило добиваться своей цѣли тремя способами: конференціями, библіотеками и лекціями. Конференціи устраивались зимою передъ тысячной толпою и руководились профессорами, учеными и литераторами Ліона, Парижа и другихъ городовъ. Темами служили исключительно научные, литературные и экономическіе вопросы. Среди знаменитыхъ людей, принимавшихъ участіе въ конференціяхъ, можно назвать: Лессепса, Лабулэ, Левассера и т. д. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при участіи декана юридическаго факультета, конференціи устраивались профессорами юридическаго и словеснаго факультетовъ.

Въ помощь конференціямъ была открыта центральная библіотека съ цѣлымъ рядомъ отдѣленій. Въ одной только центральной библіотекѣ находилось болѣе 2.800 томовъ. Учащимся было предоставлено право обмѣнивать книги ежедневно отъ 8-ми до 10-ти часовъ вечера.

Лекціи читались ежедневно по вечерамъ отъ 8—10 часовъ, въ воскресенье — по утрамъ. Каждый курсъ читался отъ октября до апрѣля мѣсяца, два или три раза въ недѣлю *). Для открытія новаго курса требовалось, чтобы по крайней мѣрѣ 20 учениковъ выразили желаніе слушать его. Если на какомъ-либо курсѣ учениковъ оказывалось меньше 20-ти человѣкъ, то по рѣшенію администраціи онъ закрывался. Исключеніе дѣлалось только для нѣкоторыхъ спеціальныхъ предметовъ. Число курсовъ въ Ліонѣ достигло въ 1901—1902 годахъ громадной цифры, до 154-хъ, съ 6.835 учениками: изъ этого числа учениковъ 1.426 человѣкъ не отсутствовало въ теченіе учебнаго сезона ни одного раза.

Открытіе такого значительнаго числа курсовъ объясняется слѣдующими причинами: чтобъ заставить рабочее населеніе учиться послѣ трудового дня, и чтобы у него хватило времени пообѣдать до вечернихъ занятій, — общество рѣшило разбросать курсы по всѣмъ кварталамъ города и, такимъ образомъ, приблизиться къ трудящемуся люду. Благодаря этому, оно достигло блестящихъ результатовъ. Курсы, на которые является слишкомъ большой запросъ среди рабочихъ, устраиваются обыкновенно въ каждомъ кварталѣ отдѣльно какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ; тѣ курсы, которые имѣютъ значеніе только для нѣкоторой части рабочихъ, какъ, напримѣръ, счетоводство и техническое рисованіе, организуются тамъ, гдѣ всего болѣе сосредоточено рабочее населеніе съ механическихъ заво-

---

*) По просьбѣ учениковъ, 53 курса читались въ теченіе лѣта.

довъ. Слѣдующіе предметы преподаются на курсахъ: письмо, грамматика, счетъ и элементарная математика, высшая математика, прикладная механика, геометрія, общая и прикладная физика, устройство котловъ и паровиковъ, общая химія и промышленная химія, фотографія, геологія, ботаника, зоологія, счетоводство, торговое право, языки, англійскій, нѣмецкій, итальянскій и испанскій, рисованіе орнаментовъ и предметовъ, черченіе, черченіе машинъ, рисованіе по столярному и слесарному производствамъ и ювелирныхъ вещей, рисованіе каретнаго, обойнаго и пеньковаго производствъ, лѣпная работа изъ воска для ювелировъ, лѣпка изъ глины, гигіена вообще и въ частности гигіена жилищъ, теорія производства тканей, кройка, швы, изготовленіе выкроекъ, примѣрка, домашнее хозяйство и кулинарное искусство, литература, исторія, географія, теорія воспитанія, политическая экономія пѣніе и гимнастика.

Профессіональные курсы имѣютъ своей задачею развить рабочаго человѣка, дать ему понятіе о тѣхъ предметахъ, надъ которыми онъ работаетъ, дать ему чисто теоретическія, а не практическія свѣдѣнія. Преподавателямъ предоставляется полная свобода при веденіи курсовъ, такъ какъ *имъ* приходится считаться со знаніями и потребностями учениковъ. Но главное вниманіе общества сосредоточивается на выборѣ преподавателей: они должны заинтересовать учениковъ своимъ предметомъ и заставить ихъ работать (преподаватели платные).

При записяхъ ученики вносятъ три франка за право посѣщать всѣ лекціи. Кто не въ состояніи заплатить, тотъ освобождается отъ взноса. За аккуратное посѣщеніе курсовъ общество даетъ ученикамъ въ знакъ награды похвальные отзывы. Въ 1880 году общество рѣшило выдавать награды тѣмъ лицамъ, которыя получили, по крайней мѣрѣ, 6 похвальныхъ отзывовъ о правильномъ посѣщеніи курсовъ. За правильнымъ посѣщеніемъ курсовъ наблюдаютъ коммиссары, которые избираются учениками въ количествѣ 4-хъ человѣкъ съ каждаго курса. Они ведутъ записи присутствующихъ, пишутъ письма отсутствующимъ и узнаютъ о причинѣ отсутствія; ведутъ переговоры съ профессорами отъ имени товарищей и т. д. Эти коммиссары должны присутствовать при ежемѣсячныхъ собраніяхъ совѣта и, такимъ образомъ, заставить учениковъ входить въ интересы общества. Такъ какъ иногда встрѣчаются слушатели зрѣлаго возраста и мало грамотные, то коммиссары берутъ на себя трудъ обучить ихъ чтенію и письму и подготовлять къ курсамъ.

Въ концѣ каждаго года въ большихъ общественныхъ зданіяхъ происходитъ раздача наградъ самымъ достойнымъ ученикамъ, гдѣ присутствуетъ иногда до 6 или 7 тысячъ народу. Въ главѣ собранія

всегда присутствуетъ какое-либо знаменитое лицо. Ученики добиваются получить награды, которыя выдаются имъ администраціей, по предложенію профессоровъ или экзаменаціоннаго совѣта, гдѣ принимаются во вниманіе не только способности учениковъ, но и аккуратность посѣщенія курсовъ и хорошее исполненіе задаваемыхъ работъ. Умилительно видѣть, когда къ наградамъ присуждаются дочь и мать, отецъ и сынъ, которые сидятъ вмѣстѣ и съ торжественнымъ видомъ ожидаютъ награды за свое ревностное ученіе.

Курсы помѣщаются по большей части въ даровыхъ помѣщеніяхъ (городскія школы, лицеи, морскія и торговыя школы). Эта помощь города и образованныхъ учрежденій оказываетъ курсамъ громадную услугу и дѣлаетъ большое сбереженіе въ ихъ кассѣ. Такъ, въ 1901—1902 на 6.835 человѣкъ, обучавшихся въ 154 различныхъ курсахъ, израсходовано только 91.909 франковъ, что поразительно мало.

Въ 1878 году 29-го ноября Ронское общество профессіональнаго образованія было признано правительствомъ учрежденіемъ общеполезнымъ и достойнымъ всякихъ завѣщаній.

Вышеизложенныя данныя о внѣшкольномъ образованіи во Франціи указываютъ на то, какое громадное значеніе имѣетъ частный починъ во Франціи въ дѣлѣ народнаго образованія, и на удивительную отзывчивость всѣхъ классовъ французскаго общества, которое идетъ на встрѣчу этому полезному дѣлу своимъ трудомъ, своими денежными средствами и предоставленіемъ своихъ помѣщеній. Благодаря этому дѣло народнаго образованія сразу и повсемѣстно двинулось впередъ и достигло уже высокой степени развития *).

Н. А. Гольцева.

---

*) Открытіе частныхъ школъ и учебныхъ заведеній во Франціи регулируется такъ называемой явочной системой. Лицо, желающее открыть то или иное учебное или общеобразовательное заведеніе, обязано заявить объ этомъ надлежащимъ властямъ и, кромѣ того, должно удовлетворять извѣстнымъ формальнымъ условіямъ, какъ, напр., имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, быть французскимъ подданнымъ, имѣть дипломъ, и другимъ условіямъ, которыя, впрочемъ, нѣсколько варьируются въ зависимоси отъ того, какое именно—низшее, среднее или высшее учебное заведеніе желаютъ открыть. Въ общемъ явочная система обезпечиваетъ полную свободу открытія тѣхъ или иныхъ образовательныхъ учрежденій и является однимъ изъ самыхъ разумныхъ путей для согласованія государственныхъ потребностей со свободной частной иниціативой.

Гимназія восьмидесятыхъ годовъ.

1. Приготовительный классъ.

Разговоры и предположенія о томъ, что слѣдовало бы и пора было бы отдать меня въ гимназію, велись между моими отцомъ и матерью не въ моемъ присутствіи, и въ моихъ дѣтски-наивныхъ фантазіяхъ, которымъ я сильно отдавался въ семи-восьмилѣтнемъ возрастѣ, гимназія не играла никакой роли. По этой то причинѣ, вѣроятно, первое извѣстіе о предстоящемъ поступленіи моемъ въ гимназію явилось длл меня большой неожиданностью, и подробности, при которыхъ состоялось это важное въ моей жизни событіе, довольно сильно запечатлѣлись въ моей памяти.

Однажды вечеромъ матушка принарядила меня особенно нарядно; отецъ взялъ меня за руку и повелъ къ знакомымъ его К—амъ, разсказавъ по дорогѣ, что старшій мальчикъ К—овъ уже гимназистъ, въ приготовительномъ классѣ, что я тоже поступлю въ гимназію и что сегодня вечеромъ у К—овъ будетъ преподаватель приготовителнаго класса, который меня проэкзаменуетъ, насколько я подготовленъ къ поступленію въ приготовительный классъ. Отецъ увѣщевалъ меня не робѣть, не смущаться, давать толковые отвѣты, а если я чего не знаю, чтобы я такъ и отвѣчалъ: „этого я не знаю“. Я былъ мальчикомъ робкимъ и застѣнчивымъ, но предстоящій экзаменъ меня не пугалъ, такъ какъ я умѣлъ уже бѣгло читать, писалъ для моихъ лѣтъ довольно недурно, даже зналъ всѣ четыре дѣйствія, чѣмъ мои сверстники, напримѣръ, похвалиться не могли. Я уже тогда очень любилъ читать книжки, не ограничивался дѣтскими сказками, но перечиталъ всѣ тѣ нѣсколько переводныхъ романовъ и переплетенныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, которые составляли библіотеку моихъ родителей, и радовался, идя на экзаменъ, больше всего тому, что будучи гимназистомъ, я получу возможность читать интересныя книги. Когда мы пришли къ К—амъ, преподаватель приготовительнаго класса мѣстной второй гимназіи Федоръ Ивановичъ Стрѣльцовъ (будемъ такъ называть его) былъ уже тамъ. Сначала мнѣ дали воз-

можность поиграть съ моими сверстниками, дѣтьми К—овъ, а затѣмъ позвали въ парадную комнату, и Федоръ Ивановичъ подвергъ меня экзамену. Я вспоминаю отлично, что на его вопросы отвѣчалъ довольно бойко, безъ запинокъ, прочиталъ нѣсколько строкъ изъ какой то книги, а задачу рѣшилъ быстро и легко. Но выводъ Федора Ивановича былъ таковъ, что мнѣ для поступленія въ приготовительный классъ нужно еще подучиться. Вспоминаю, что это обстоятельство почему то мало задѣло мое самолюбіе и оставило меня равнодушнымъ къ моей дальнѣйшей судьбѣ. Когда же Федоръ Ивановичъ, поужинавъ и выпивъ водки и вина, ушелъ, мой отецъ сталcя еще со мною у К—овъ, и я слышалъ, какъ К—ъ убѣждалъ моего отца, что подготовка—одна только формальность, что съ его сыномъ была точно такая же исторія и что, наконецъ, кто готовится у Федора Ивановича, тотъ будетъ обязательно принятъ. Онъ, К—ъ переговоритъ съ Федоромъ Ивановичемъ и все хорошо устроитъ.

Въ теченіе всего лѣта, что то мѣсяца три, я ходилъ заниматься къ Федору Ивановичу на домъ. Федоръ Ивановичъ занимался не со мной однимъ особо: насъ было мальчиковъ десять. Всѣ собирались, въ опредѣленный часъ, раза два или три въ недѣлю (точно не помню), садились вокругъ большого круглаго стола, и Федоръ Ивановичъ диктовалъ намъ кое-что изъ книги, задавалъ задачи, заставлялъ читать вслухъ и т. п. Мнѣ эти занятія давались легко, и если среди моихъ товарищей были нѣкоторые даровитые и понятливые мальчики, то другіе, наоборотъ, были большими тупицами, и благодаря имъ мы, принадлежавшіе къ первой группѣ, пользовались кое-какими льготами при распредѣленіи степени внимательности Федора Ивановича къ каждому изъ насъ въ отдѣльности.

Чѣмъ ближе дѣло подвигалось къ экзаменамъ, тѣмъ все усерднѣе Федоръ Ивановичъ занимался съ наиболѣе тупыми изъ своихъ учениковъ, хотя мы всѣ, по существу, знали, что, кто занимается у Федора Ивановича, тотъ будетъ въ гимназію принятъ внѣ всякаго сомнѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, Федоръ Ивановичъ бралъ съ каждаго изъ своихъ частныхъ учениковъ за подготовку не меньше двадцати пяти рублей, что носило на половину характеръ скрытой взятки, и нѣкоторые изъ насъ слышали объ этомъ въ домѣ своихъ родителей, какъ и мой отецъ разсказывалъ кой-кому, что безъ этого рода „хабара“ Федоръ Ивановичъ не принимаетъ въ руководимый имъ приготовительный классъ. Наконецъ, наши совмѣстныя занятія у него окончились, и наступилъ день экзаменовъ. Экзаменовалъ насъ тотъ же Федоръ Ивановичъ. Въ передней набралось много родителей съ ихъ сыновьями, а на лѣстницѣ, на площадкѣ, стоялъ Федоръ Ивановичъ и вызывалъ по списку экзаменующихся. Меня наибо-

лѣе всего интересовалъ вицъ-мундиръ Федора Ивановича. Наконецъ, Федоръ Ивановичъ назвалъ мою фамилію, и я пошелъ по лѣстницѣ въ большой и просторный классъ. Экзаменовалось мальчиковъ пятьдесятъ. Федоръ Ивановичъ сѣлъ на каѳедру и сначала продиктовалъ намъ нѣсколько фразъ изъ какой то книжки. Я вспоминаю, что меня эти фразы поразили своей простотой, ибо у Федора Ивановича на дому мы писали гораздо болѣе трудную диктовку. Когда диктовка окончилась, Федоръ Ивановичъ сталъ экзаменовавшихся подзывать къ себѣ, и я былъ не мало удивленъ, когда первымъ по очереди былъ подозванъ я. Подойдя къ каѳедрѣ, я протянулъ тетрадку мою Федору Ивановичу, который, посмотрѣвъ написанное мною, нашелъ одну ошибку, а затѣмъ задалъ мнѣ задачу, которую я долженъ былъ рѣшить сейчасъ же на доскѣ и которая меня опять-таки поразила своей простотой и несложностью. Быстро и легко я рѣшилъ задачу и былъ отпущенъ Федоромъ Ивановичемъ домой, такъ что свидѣтелемъ того, насколько успѣшно экзаменовались другіе мальчики, я не былъ. Спустя недѣлю велѣно было всѣмъ придти, чтобы узнать о результатахъ экзаменовъ. Я былъ увѣренъ, что экзаменъ выдержалъ, но отецъ, бывшій во всемъ, что такъ или иначе относилось къ гимназіи и моему воспитанію въ ней, весьма строгимъ формалистомъ, послалъ меня въ назначенный часъ узнать о томъ, принятъ ли я, хотя самъ въ этомъ былъ весьма увѣренъ. Я пришелъ въ гимназію, гдѣ снова въ передней толпилось много родителей и мальчиковъ, но сторожъ сказалъ, что сегодня о результатахъ пріема объявлять еще не будутъ, и я отправился къ К—амъ, въ первый разъ безъ кого либо изъ родителей и въ первый же разъ безъ предварительнаго разрѣшенія ихъ. Тамъ разыскалъ меня обезпокоенный отецъ и прочиталъ мнѣ внушительную нотацію, такъ что заявленіе его о томъ, что я уже приннтъ, что я уже—гимназистъ, было мало торжественнымъ и мною принято съ довольно смѣшанными чувствами.

Изо дня въ день въ нашемъ классѣ у Федора Ивановича было три урока: русскій языкъ, ариѳметика и чистописаніе. Расписанія уроковъ, какъ въ другихъ старшихъ классахъ, мы не имѣли, и два долгихъ года подрядъ я зналъ, что первымъ урокомъ будетъ у насъ русскій языкъ, вторымъ урокомъ — ариѳметика, а третьимъ—чистописаніе. Въ какихъ либо измѣненіяхъ этого расписанія не было необходимости, такъ какъ всѣ три предмета преподавалъ одинъ и тотъ же Федоръ Ивановичъ. Въ половинѣ девятаго утра онъ аккуратно входилъ въ классъ въ своемъ старомъ и засаленномъ вицъ-мундирѣ, съ журналомъ подъ мышкой, и преподавалъ намъ русскій языкъ. Спустя часъ онъ выходилъ съ журналомъ подъ мышкой куда то на

другой конецъ корридора, гдѣ помѣщалась страшная для насъ, малышей, учительская, чтобы черезъ пять минутъ снова явиться къ намъ и развивать намъ тонкости науки, именуемой ариѳметикой. Во второй разъ, медленной походкой онъ выходилъ на время перемѣны изъ класса, чтобы теперь уже черезъ десять минутъ въ третій разъ придти въ классъ и посвящать насъ въ тайны каллиграфіи. Наконецъ, раздавался звонокъ, возвѣщавшій начало такъ называемой большой перемѣны, и послѣ молитвы Федоръ Ивановичъ выходилъ степенно изъ класса, чтобы придти туда уже только на слѣдующее утро и повторить ту же программу. И такъ изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, даже изъ года въ годъ. Надо ли удивляться, если Федоръ Ивановичъ былъ не человѣкъ, а какая то живая машина, автоматически двигавшаяся и совершавшая порученное ей дѣло обученія пятидесяти мальчугановъ русскому языку, ариѳметикѣ и чистописанію?

Я знавалъ Федора Ивановича и позже, когда уже научился сколько нибудь распознавать своихъ учителей и воспитателей, когда старый вицъ-мундиръ Федора Ивановича пересталъ внушать мнѣ не только респектъ и чувство страха, но даже простое уваженіе. Это былъ добрый и скромный человѣкъ, но совершенно непригодный для роли педагога и воспитателя. Я не знаю, какое онъ получилъ образованіе, давшее ему возможность преподавать въ приготовитеаьномъ классѣ (въ другихъ классахъ онъ никогда не преподавалъ), не знаю, каковы были тѣ условія, которыя побудили или заставили его избрать этого рода занятіе, но знаю лишь одно: онъ былъ совершенно непригоденъ для роли воспитателя, а между тѣмъ онъ былъ не только нашимъ единственнымъ учителемъ, но и класснымъ наставникомъ, то есть, говоря проще, воспитателемъ. Отъ воспитателя же мы требуемъ, не готоря уже о другихъ качествахъ, хотя бы терпѣливости, ровности характера и справедливости, полной, педантически проведенной справедливости по отношенію ко всѣмъ его воспитанникамъ. Всѣ эти качества не входили, однако, въ кругъ добродѣтелей Федора Ивановича, не входили не потому, что онъ былъ человѣкомъ злымъ, грубымъ и суровымъ, а просто потому, что онъ своимъ крохотнымъ умомъ не могъ додуматься до такихъ простыхъ истинъ, что отъ воспитателя требуется кое-что иное, кромѣ вицъ-мундира и журнала подъ мышкой. Иногда онъ былъ добръ, иногда почему то сердитъ, и въ зависимости отъ этого та мелочь, которая всегда разрѣшалась, сегодня уже ученикамъ строго воспрещалась. Еще только вчера то или другое намъ, малышамъ, сходило съ рукъ вполнѣ безнаказанано; сегодня, въ зависимости отъ настроенія Федора Ивановича, за этотъ пустякъ уже полагалось наказаніе, въ видѣ ли „угла“

или „безъ обѣда“ на одинъ часъ. Гимназисты, даже въ самыхъ низшихъ классахъ, какъ это не разъ было замѣчено, умѣютъ приспособляться къ замѣченнымъ ими слабостямъ своихъ учителей и, пользуясь подчасъ этимъ даромъ въ отрицательномъ смыслѣ, съ другой стороны они вырабатываютъ себѣ извѣстныя правила отношенія къ каждому отдѣльному учителю, соотвѣтственно его слабостямъ, его симпатіямъ или нелюбви къ чему либо. Къ Федору Ивановичу намъ приспособиться было трудно, въ виду именно указанной измѣнчивости его характера. Мы ее замѣчали, между тѣмъ какъ Федоръ Ивановичъ въ своемъ невѣдѣніи простыхъ педагогическихъ истинъ рѣшительно не подозрѣвалъ о ней.

Понедѣльникъ былъ для насъ всегда тяжелымъ днемъ: Федоръ Ивановичъ по воскресеньямъ аккуратно напивался пьянымъ и по понедѣльникамъ утромъ бывалъ угрюмъ и мраченъ. Онъ всходилъ на каѳедру медленнѣе обыкновеннаго, дольше, чѣмъ всегда, дѣлалъ какія-то для насъ таинственныя замѣтки въ журналѣ, и сердца наши трепетали, потому что тотъ, кого въ этотъ день Федоръ Ивановичъ вызывалъ первымъ, чувствовалъ на себѣ всю тяжесть власти еще не успѣвшаго, какъ слѣдуетъ, отрезвиться воспитателя и учителя. Тотъ, кого Федоръ Ивановичъ вызывалъ въ понедѣльникъ утромъ первымъ или однимъ изъ первыхъ, шелъ къ доскѣ словно на закланіе, и отвѣтъ, оцѣнивавшійся въ другіе дни той или другой отмѣткой, въ понедѣльникъ на первомъ урокѣ оцѣнивался единицей меньше, не говоря уже о томъ, что Федоръ Ивановичъ ворчалъ, хмурился, бросалъ на всѣхъ насъ суровые взгляды и придирался ко всему, къ чему возможно и даже невозможно было придраться. Углы оказывались въ такіе дни переполненными провинившимися, и по понедѣльникамъ оставалось „безъ обѣда“ вдвое или втрое больше учениковъ, нежели въ другіе дни. Помню, однажды въ числѣ вызванныхъ однимъ изъ первыхъ въ понедѣльникъ утромъ былъ и я. Федоръ Ивановичъ что-то такое велѣлъ написать или переписать на дому, и, вызвавъ къ доскѣ человѣкъ пять учениковъ, какъ онъ это часто дѣлалъ, велѣлъ имъ показать свои тетрадки. Первымъ пришлось протянуть свою тетрадку мнѣ. Почеркъ мой никогда не отличался каллиграфическими достоинствами, и если въ данномъ недостаткѣ, допустимъ, виновенъ былъ больше я самъ, нежели мой учитель чистописанія, то, во всякомъ случаѣ, для Федора Ивановича мой скверный почеркъ не былъ чѣмъ либо новымъ, неизвѣстнымъ. Теперь же, какъ только онъ взглянулъ въ мою тетрадку, она полетѣла черезъ высокую доску къ выходной двери. Не зная, что мнѣ дѣлать, я остался, какъ стоялъ у доски.

— Это твоя тетрадь или нѣтъ? зарычалъ Федоръ Ивановичъ.

— Моя.

— Чего же ты ея не поднимаешь? Или ты ждешь, чтобы я ее поднялъ?

Я безпрекословно поднялъ тетрадку и снова сталъ у доски Но Федоръ Ивановичъ потребовалъ записную тетрадь. Онъ ставилъ отмѣтки тотчасъ же, какъ только отпускалъ ученика отъ доски, и мы должны были выходить на вызовъ обязательно съ записной тетрадью въ рукахъ. Не говоря ни слова, Федоръ Ивановичъ поставилъ мнѣ по русскому языку, въ соотвѣтствующей графѣ, единицу и прогналъ на мѣсто. Я, конечно, не смѣлъ протестовать или жаловаться; но вспоминаю, что слезы стояли у меня на глазахъ, и придя домой часовъ въ двѣнадцать, я, не успѣвъ даже раздѣться и снять ранецъ, разрыдался. Я аппеллировалъ къ чувству справедливости отца, но только значительно позже понялъ, почему ни мой отецъ, ни отецъ кого-либо изъ моихъ сверстниковъ не могли заступаться за насъ даже въ самыхъ явныхъ случаяхъ несправедливаго отношенія.

Какъ малыши, мы очень мало понимали изъ того, что творится вокругъ насъ въ гимназіи, и кое-что объясняли по дѣтски — своеобразно, многому же только удивлялись, не понимая причины или не доискиваясь ея. Сказалъ намъ кто-то, что Федоръ Ивановичъ по воскресеньямъ и праздникамъ запиваетъ, а потому по понедѣльникамъ и въ дни послѣпраздничные угрюмъ и озлобленъ; мы этому вѣрили и дальше это передавали, какъ это до насъ твердили предшествующіе намъ классы „приготовишекъ". Когда, бывало, внезапно среди недѣли Федоръ Ивановичъ являлся въ классъ такимъ же хмурымъ и суровымъ, какъ въ понедѣльникъ, мы говорили другъ другу во время перемѣны, что онъ, вѣроятно, опять напился, и еще больше дрожали на урокахъ, ибо къ понедѣльникамъ, какъ къ днямъ особаго испытанія, мы уже начали привыкать и готовились къ нимъ. При всей нашей дѣтской наивности мы не могли не замѣтить, что Федоръ Ивановичъ не держался среди другихъ учителей гимназіи, какъ равный между равными, а какъ какой-то парій, всегда подобострастно, всегда съ ласковой улыбочкой и съ написанной на лицѣ готовностью угодить и услужить. Когда же въ нашъ приготовительный классъ входилъ директоръ или инспекторъ гимназіи, Федоръ Ивановичъ вскакивалъ съ каѳедры еще быстрѣе, чѣмъ подымались ученики со своихъ партъ. Онъ почтительно стоялъ передъ грознымъ высшимъ начальствомъ гимназіи, руки по швамъ, на вытяжку, и давалъ самые односложные отвѣты: „да" или „нѣтъ". Въ болѣе пространныя объясненія онъ никогда не входилъ, и если наи-

болѣе бойкіе изъ нашей среды утверждали, что Федоръ Ивановичъ трусить больше передъ директоромъ, нежели они, то и Федору Ивановичу надо отдать справедливость: онъ никогда не жаловался на насъ, какъ на шалуновъ, но, наоборотъ, старался всегда, чтобы начальство имѣло самое лучшее мнѣніе о нашемъ классѣ, а также и о его воспитательныхъ и преподавательскихъ способностяхъ.

Я вспоминаю, что мои „четвертныя отмѣтки" круглый годъ были однѣ и тѣ же: по русскому языку и ариѳметикѣ по четверкѣ, по чистописанію—три. На экзаменѣ я опять-таки получилъ двѣ четверки, но, тѣмъ не менѣе, былъ оставленъ на второй годъ въ приготовительномъ классѣ. Дѣло въ томъ, что отецъ отдалъ меня въ гимназію, когда мнѣ исполнилось только восемь лѣтъ, а тогда существовало правило, по которому моложе десяти лѣтъ мальчики въ первый классъ не допускались. Отецъ принималъ различныя мѣры, хлопоталъ у попечителя учебнаго округа, но ничего не помогло, и я вынужденъ былъ просидѣть второй годъ въ томъ же приготовительномъ классѣ, проходя подъ руководствомъ того же Федора Ивановича во второй разъ то, что мною уже было одинъ разъ успѣшно пройдено. Я тянулъ эту однообразную канитель долгій годъ, имѣлъ въ четвертныхъ отмѣткахъ опять-таки двѣ четверки и одну тройку, и единственнымъ моимъ утѣшеніемъ было то, что дома я имѣлъ возможность поглощать много книгъ, соотвѣтствующихъ моему возрасту. Наконецъ, я перешелъ въ первый классъ, но мое „знакомство" съ Федоромъ Ивановичемъ не прекратилось: подросъ мой младшій братъ, и отецъ подготовку его въ приготовительный классъ поручилъ опять-таки за двадцать пять рублей тому же Федору Ивановичу. Я сопровождалъ брата, какъ старшій, на уроки къ Федору Ивановичу и сидѣлъ, скучая два часа, пока онъ занимался съ нѣсколькими мальчуганами. Теперь дѣла Федора Ивановича пошли, очевидно, на пониженіе: онъ жилъ уже не въ свѣтлой и просторной комнатѣ, куда я ходилъ къ нему два года назадъ, а гдѣ-то въ темномъ подвалѣ, у какой-то толстой бабы, являвшейся въ классную во время занятій и мѣшавшей Федору Ивановичу заниматься съ, дѣтьми. Незадолго до экзаменовъ Федора Ивановича сразилъ неожиданный ударъ: изъ Петербурга получился циркуляръ о закрытіи при гимназіяхъ приготовительныхъ классовъ. Пѣсенка Федора Ивановича была спѣта. Родители учениковъ перестали посылать ихъ къ нему для подготовки, и хотя онъ завѣрялъ ихъ и моего отца, что успѣетъ подготовить мальчиковъ ко времени экзаменовъ въ первый классъ, это казалось немыслимымъ. Федоръ Ивановичъ ссылался на протекцію, которую онъ де можетъ оказать, но экзаменовалъ уже не онъ, и изъ его обѣщаній ничего не вышло: никто

изъ мальчиковъ, внезапно экзаменовавшихся въ первый классъ, не былъ принятъ. Съ закрытіемъ же приготовительнаго класса, и Федоръ Ивановичъ окончательно исчезъ изъ нашей гимназіи. Сначала онъ занимался частными уроками, все ссылаясь на протекцію, которую можетъ оказать, но учениковъ у него было мало, и платить по двадцати пяти рублей теперь уже никому въ голову не приходило. Каковы были истсчники жизни Федора Ивановича затѣмъ, я не знаю. Помню лишь, что, когда я однажды игралъ съ сверстниками у воротъ того дома, гдѣ мы жили, ко мнѣ внезапно подошелъ Федоръ Ивановичъ. Онъ былъ пьянъ и сильно измѣнился за тотъ годъ, что я его не видѣлъ. Лицо огрубѣло, длинные волосы мокрыми прядями лежали на вспотѣвшемъ лбу. Онъ спросилъ, дома ли отецъ, и пошелъ къ моимъ родителямъ наверхъ. Робко послѣдовалъ я за нимъ, опасаясь, не имѣетъ ли его неожиданный приходъ какой-либо связи съ моими занятіями въ гимназіи. Оказалось, что Федоръ Ивановичъ зашелъ вполнѣ случайно, увидѣвъ и узнавъ меня на улицѣ. Отецъ принялъ его очень радушно, долго бесѣдовалъ съ нимъ, хотя тотъ былъ пьянъ, а потому, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, мраченъ и не особенно разговорчивъ, угощалъ его водкой и виномъ и не отпускалъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не поужиналъ съ нами. Федоръ Ивановичъ говорилъ кое-что о своихъ связяхъ, о той протекціи, которую ему такъ легко оказать поступающимъ ученикамъ, и я съ большимъ интересомъ слушалъ, какъ онъ заплетающимся языкомъ пояснялъ нѣкоторые циркуляры и распоряженія покойнаго министра народнаго просвѣщенія Делянова, о которыхъ тогда много говорили.

Послѣ этого, Федоръ Ивановичъ захаживалъ къ намъ еще нѣсколько разъ. Обыкновенно, мѣсяца три-четыре, а то и больше, мы о немъ не слыхали ничего, пока въ одинъ прекрасный вечеръ онъ неожиданно являлся съ визитомъ. Приходилъ онъ почти всегда навеселѣ, не отказывался отъ ужина и водки, много разсказывалъ о томъ, что теперь жизнь его сложилась очень неудачно, винилъ во всемъ правительство, закрывшее приготовительные классы, и, чѣмъ дальше, тѣмъ все смѣлѣе и рѣзче начиналъ онъ критиковать гимназическій строй и различныя распоряженія по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Отецъ не любилъ, чтобы я и братъ, поступившій въ реальное училище, слышали эти критическія сужденія и отсылалъ насъ спать или въ нашу комнату. Однажды, прощаясь послѣ ужина, Федоръ Ивановичъ попросилъ у отца рубль. Отецъ исполнилъ его просьбу. Въ другой разъ, приблизительно черезъ полгода, онъ повторилъ свою просьбу, и отецъ снова не отказалъ. Явившись снова черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Федоръ Ивановичъ попросилъ уже два

рубля, указывая на свою грязную и изорванную одежду. Отецъ далъ ему двѣ рублевыя бумажки, и я слышалъ, какъ Федоръ Ивановичъ клялся, что не пропьетъ эти деньги, а исправитъ свой костюмъ. Какъ онъ поступилъ въ тотъ разъ, мнѣ неизвѣстно, но въ ближайшіе разы онъ являлся всегда грязнымъ и оборваннымъ, и вмѣсто воротничка съ галстухомъ на шеѣ появился какой-то засаленный шарфъ. Отецъ принималъ его любезно, какъ всегда, ставилъ передъ нимъ графинчикъ съ водкой и, при прощаніи, по собственной иниціативѣ давалъ ему каждый разъ рубль.

Такъ прошло, въ общемъ, года три-четыре, пока, наконецъ, Федоръ Ивановичъ прекратилъ и эти рѣдкіе визиты къ намъ, и что съ нимъ сталось, мнѣ и по сію пору вполнѣ неизвѣстно.

2. **Наши директора и инспектора**.

Директоръ гимназіи былъ для насъ, учениковъ приготовительнаго класса, не только высшимъ представителемъ гимназической власти, но какимъ-то недосягаемымъ, полу-миѳическимъ существомъ. Мы директора, какъ человѣка, не знали, не знали, добръ ли онъ, или нѣтъ, суровъ или снисходителенъ, не знали, что онъ любитъ и что, наоборотъ, ему непріятно. Мы знали только, что онъ, директоръ, имѣетъ неограниченную власть надъ всѣми нами, и если нашъ учитель и воспитатель Федоръ Ивановичъ стоялъ передъ директоромъ на вытяжку, то мы, малыши, и подавно боялись директора и трепетали не только передъ нимъ лично, но и передъ каждымъ упоминаніемъ имени его и каждой угрозой отъ имени директора. Мы знали, что существуетъ еще болѣе высокое начальство: окружные инспектора, время отъ времени пріѣзжавшіе въ гимназію и заходившіе въ нашъ классъ, попечитель округа, также посѣщавшій гимназію разъ или два раза въ годъ и вносившій вмѣстѣ съ собою въ стѣны гимназіи повальное чувство паники,—но и окружные инспектора, и попечитель были словно рѣдкими грозами, налетавшими на гимназію; настоящимъ же олицетвореніемъ начальнической власти и недреманнаго ока былъ и оставался для насъ директоръ. Мы были очень мало освѣдомлены о тѣхъ функціяхъ, выполненіе которыхъ возложено на директора гимназіи, и что бы намъ, малышамъ, ни разсказали о директорѣ, все принималось на вѣру. Помню, кто-то разсказалъ въ классѣ, будто во время большой перемѣны, когда учениковъ всѣхъ старшихъ классовъ выпускали на небольшой дворъ гимназіи, директоръ сидитъ въ какомъ-то таинственномъ уголку на верхнемъ корридорѣ и слѣдитъ черезъ подзорную трубку за поведеніемъ учениковъ, причемъ послѣдніе директора не видятъ,

а онъ видитъ всѣхъ до единаго. Мы благодарили Бога, что наши уроки кончаются до большой перемѣны; мы настолько вѣрили въ правдоподобность этого разсказа, что если бы намъ пришлось тогда во время большой перемѣны гулять во дворѣ, многіе не рѣшились бы рѣзвиться и испуганно озирались бы по сторонамъ, не глядитъ ли на нихъ черезъ свою трубку директоръ. Прогуливаясь въ корридорахъ во время маленькихъ перемѣнъ, мы, вообще, старались обходить учительскую возможно дальше, а если видѣли, что на другомъ концѣ корридора навстрѣчу кому либо изъ насъ подвигается фигура директора, мы робко поворачивали вспять, и даже наиболѣе рѣзвые изъ нашей среды становились тише воды, ниже травы.

Въ первые годы моего пребыванія въ гимназіи, каждый годъ у насъ былъ новый директоръ. Почему это происходило, почему къ началу учебнаго года мы имѣли и новаго директора, — этого мы, ученики низшихъ классовъ, не знали, и намъ объ этомъ никто ничего не говорилъ. По существу, это было намъ и вполнѣ безразлично, ибо для насъ важна была тогда еще не личность директора, съ тѣми или другими отличительными свойствами ея, а фигура директора, какъ носителя предержащей гимназической власти. Тѣмъ не менѣе, кое-какія стороны характера того или другого нашего директора бросались въ глаза и намъ, въ особенности болѣе наблюдательнымъ изъ нашей среды. Я вспоминаю, напримѣръ, что первый нашъ директоръ, при которомъ я поступилъ въ гимназію, былъ человѣкомъ, умѣвшимъ всѣмъ внушать симпатію къ себѣ. Невысокаго роста, но стройный и изящный, съ длинными сѣдыми бакенбардами, онъ не шелъ по корридору, а словно священнодѣйствовалъ, и каждое движеніе его ногъ каждый его жестъ,—все было красиво и изящно, какъ и одѣтъ онъ былъ всегда изящно и съ иголочки. Проходя по корридору, онъ вѣжливо и, такъ сказать, старательно отвѣчалъ на поклоны гимназистовъ, не ограничиваясь, какъ это дѣлали нашъ инспекторъ и почти всѣ учителя, небрежнымъ кивкомъ головы. Гимназисты это, конечно, замѣчали и умѣли цѣнить эту черту въ директорѣ, а тѣ, кого нашъ директоръ дарилъ еще своей милой и пріятной улыбкой, почитали себя совсѣмъ польщенными. Ученики старшихъ классовъ, вѣроятно, больше входили въ общеніе съ директоромъ; мы же, малыши, только замѣчали, что въ то время какъ нашъ инспекторъ во время перемѣнъ прямо таки налеталъ на насъ, словно коршунъ на свою добычу, и щедро раздавалъ направо и налѣво замѣчанія и наказанія, директоръ никогда въ корридорѣ никого изъ насъ не останавливалъ и никому замѣчаній не дѣлалъ.

Когда я седьмого августа пришелъ въ гимназію, чтобы вторично занять мѣсто въ приготовительномъ классѣ, намъ сказали, что у

насъ новый директоръ. Лишь нѣсколько лѣтъ спустя я узналъ, что первый директоръ вышелъ въ отставку. Онъ остался жить въ нашемъ городѣ и позже, когда я уже былъ въ старшихъ классахъ, и мнѣ позволялось ходить на бульваръ для прогулки, я сталъ часто встрѣчать моего бывшаго директора. Онъ нисколько не измѣнился, былъ такъ же, какъ и раньше, одѣтъ чисто и съ иголочки, и попрежнему развѣвались его длинныя сѣдыя бакенбарды, внушая къ владѣльцу ихъ уваженіе и симпатіи. Мнѣ не трудно было прослѣдить, что мой бывшій директоръ ходитъ всегда въ городскую публичную библіотеку, выстроенную въ нашемъ городѣ вблизи бульвара. Гимназисты, знавшіе и помнившіе этого бывшаго директора, говаривали въ шутку, что онъ получилъ отъ министерства народнаго просвѣщенія почетную должность ежедневнаго посѣтителя публичной библіотеки. Дѣйствительно, онъ ходилъ туда ежедневно, и спустя снова нѣсколько лѣтъ, когда я уже не былъ гимназистомъ и также получилъ возможность ходить въ публичную библіотеку, я встрѣчалъ его часто тамъ, всегда изящнаго, тщательно одѣтаго, всегда улыбающагося и всегда внушающаго къ себѣ уваженіе и респектъ.

Нашъ второй директоръ былъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Высокій, рослый и широкоплечій, онъ тяжело ступалъ по корридорамъ, напоминая своей неуклюжестью медвѣдя, и одинъ его суровый взглядъ приводилъ насъ, гимназистовъ, въ ужасъ и трепетъ. Онъ имѣлъ привычку сильно выпячивать свою исполинскую грудь, увѣшанную большимъ количествомъ орденовъ, и очень часто одѣвалъ еще и ярко-красную ленту черезъ плечо. Эта лента внушала намъ, приготовишкамъ, особый страхъ, вѣроятно, потому, что кто-то разсказалъ намъ, будто тѣ директора, которые носятъ ленту,—генералы. Я не знаю, каковъ былъ чинъ нашего директора, но во всей его огромной фигурѣ было нѣчто генеральски-внушительное. Когда онъ останавливалъ на корридорѣ какого-либо малыша и дѣлалъ ему замѣчаніе или спрашивалъ о чемъ-то, гимназистикъ обыкновенно дрожалъ всѣмъ тѣломъ и отъ испуга едва могъ выговорить слово. Не знаю, какое впечатлѣніе производило это на директора, но фактъ тотъ, что онъ никогда не старался успокоить испуганнаго и дрожащаго гимназистика или приласкать его болѣе или менѣе привѣтливыми словами. Къ намъ, въ приготовительный классъ, онъ въ первое время очень часто заходилъ, такъ какъ его сынишка поступилъ въ нашу же гимназію, въ число учениковъ и воспитанниковъ Федора Ивановича. Сначала намъ, приготовишкамъ, это обстоятельство очень льстило: шутка ли, вмѣстѣ съ нами учится сынъ самого директора. Шалуны и лѣнивцы даже надѣялись на какія-то особыя

вольности по этой причинѣ. Но частые визиты директора въ нашъ классъ не нравились ни намъ, ни Федору Ивановичу, который былъ всегда настторожѣ. Сынъ директора былъ мальчикомъ порядочнымъ, не ябедникомъ,—но все же мы, всѣ остальные, не могли съ нимъ сдружиться, такъ какъ опасались, что черезъ него директоръ узнаетъ о многихъ нашихъ шалостяхъ, проказахъ и плохомъ прилежанiи. Федоръ Ивановичъ также, несомнѣнно, тяготился этимъ неукоснительнымъ косвеннымъ контролемъ, и не знаю, произошелъ ли какой либо конфликтъ, или директоръ самъ понялъ неудобства подобнаго положенiя вещей, но только мѣсяца черезъ два сынъ директора былъ переведенъ въ одну изъ другихъ мѣстныхъ гимназiй. Мы всѣ обрадовались этому обстоятельству, такъ какъ визиты грознаго директора въ нашъ классъ стали значительно рѣже, а кромѣ того, мы еще подѣтски радовались, что теперь то сыну директора придется смѣнить красную рубашечку, которую онъ носилъ въ теченiе двухъ мѣсяцевъ, сидя съ нами въ одномъ классѣ, на обычную гимназическую куртку, какую мы носили, и локоны его ему ужъ, конечно, придется остричь, какъ насъ всѣхъ заставляли стричься подъ гребенку.

Вспоминается мнѣ, что два раза случай столкнулъ меня близко, лицомъ къ лицу, съ директоромъ, и оба раза я, при всей моей дѣтской наивности, понималъ, что директоръ поступилъ не такъ, какъ онъ долженъ былъ поступить, что слѣдовало бы поступить совсѣмъ, совсѣмъ иначе. Вотъ эти два случая. Шинельная была у насъ устроена близъ физическаго кабинета, и рѣдко я одѣвалъ шинель безъ того, чтобы не заглянуть въ окна полутемнаго физическаго кабинета, гдѣ стояло такъ много таинственныхъ и причудливыхъ машинъ и аппаратовъ. Однажды, вмѣстѣ со мной въ окна кабинета заглядывалъ еще одинъ гимназистикъ, и мы не замѣтили, какъ сзади насъ очутился самъ директоръ. Онъ тронулъ моего товарища за плечо. Тотъ обернулся и замеръ на мѣстѣ, а я поспѣшилъ незамѣтно ретироваться, стараясь ближе держаться спасительной шинельной.

— Какъ твоя фамилiя?—спросилъ директоръ.

Мальчикъ отвѣтилъ.

— Въ какомъ ты классѣ?

— Въ приготовительномъ.

— Какъ ты учишься?

Мальчикъ смолчалъ, не зная, повидимому, что отвѣтить.

— Я спрашиваю, какiя у тебя отмѣтки.

— Четвертныя или за недѣлю?—едва проговорилъ мальчикъ.

— Ну, четвертныя.

— Три, три и четыре.

— Это мало,—внушительно сказалъ директоръ.—Ты такой рослый мальчикъ и красивый мальчикъ, ты долженъ учиться лучше.

Мальчикъ молчалъ. Я вздохнулъ облегченно, чувствуя въ голосѣ директора нотку благожелательности.

— Ты православный?—спросилъ еще директоръ.

— Еврей,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Жиденокъ?—переспросилъ директоръ. Такой красивый мальчикъ и жиденокъ... Совсѣмъ не похожъ.

И директоръ всей своей грузной фигурой двинулся дальше.

Въ другой разъ дѣло обстояло такъ. Съ наступленіемъ весны насъ и во время маленькихъ перемѣнъ выпускали на дворъ. Многіе изъ моихъ товарищей бѣгали, рѣзвились и играли въ „ловитки". Я принадлежалъ къ тѣмъ, которые любили играть въ мячикъ. Намъ разрѣшалось приносить маленькіе мячи съ собою, и во время перемѣнъ мы играли. А такъ какъ во дворѣ играть было неудобно, какъ потому, что тамъ было слишкомъ много народу, такъ и потому, что легко было выбить тамъ стекла, мы играли, обыкновенно, въ подворотнѣ, гдѣ стѣны были безъ оконъ и гдѣ поэтому можно было упражняться „въ классы". Игра въ подворотнѣ намъ никогда никѣмъ не возбранялась. Однажды калитка открывается, и съ улицы входитъ нашъ грозный директоръ. Мы, конечно, остановились и стали кланяться. Директоръ же,—о ужасъ! тоже остановился среди насъ.

— Я разрѣшилъ вамъ выходить на дворъ, — сказалъ онъ: но только на дворъ, такъ какъ вы должны дышать свѣжимъ воздухомъ. Вы же злоупотребляете моимъ разрѣшеніемъ и проводите время въ подворотнѣ. Кто вамъ разрѣшилъ играть въ подворотнѣ?

На грозный окрикъ не послѣдовало отвѣта.

— Перепишите ихъ всѣхъ, обратился директоръ къ подоспѣвшему „помощнику класснаго наставника": я ихъ оставляю сегодня на часъ „безъ обѣда".

Мы отсидѣли положенный часъ „безъ обѣда", отнынѣ въ подворотню боялись даже заглянуть, но особымъ уваженіемъ къ мудрости и справедливости нашего директора даже и тогда, при всей нашей дѣтской наивности и неопытности, не прониклись. Во дворѣ въ мячъ играть было неудобно, какъ я уже сказалъ, вслѣдствіе того, что вокругъ двора шли четыреугольникомъ стеклянные корридоры, и еще по той причинѣ, что гимназисты старшихъ классовъ находили особое удовольствіе въ томъ, что выхватывали у малышей изъ рукъ мячи и забрасывали ихъ на крышу. Мы жаловались „помощнику класснаго наставника" и Федору Ивановичу; нѣкоторые изъ насъ, лишившись мяча, горько плакали, но мы никогда не слышали, чтобы

нашъ директоръ строго воспретилъ ученикамъ старшихъ классовъ забрасываніе нашихъ мячей. Когда же мы, къ началу новаго учебнаго года, перешли изъ наемнаго дома въ прекрасное и вмѣстительное зданіе, построенное спеціально для нашей гимназіи, насъ во дворъ перестали выпускать, вслѣдствіе чего само собой прекратилось и наше общее пристрастіе къ игрѣ въ мячъ.

Воспрещеніе выпускать учениковъ во дворъ исходило, несомнѣнно, отъ новаго директора, появившагося въ стѣнахъ нашей гимназіи вмѣстѣ съ переходомъ ея въ новое помѣщеніе. Смысла этого воспрещенія мы не понимали, потому что къ услугамъ гимназіи имѣлся теперь огромный вмѣстительный дворъ, да и выстроена была гимназія на окраинѣ города, гдѣ воздухъ былъ гораздо чище и лучше, нежели въ центрѣ большого города. Къ тому-же новый директоръ, воспретившій это, былъ человѣкомъ несомнѣнно гуманнымъ и просвѣщеннымъ. Это говорили намъ ученики старшихъ классовъ, объ этомъ разсказывали кой-кому изъ насъ родители, и это наполовину понимали и мы сами. Новый директоръ былъ человѣкомъ прежде всего мягкимъ и обходительнымъ. Онъ степенно проходилъ по корридорамъ, отвѣчалъ на поклоны гимназистовъ и всегда улыбался своей добродушной улыбкой. Въ противоположность „генералу", онъ никогда ни на кого не кричалъ, никого не разносилъ, а, наоборотъ, говорилъ спокойнымъ, усовѣщивающимъ голосомъ, побуждая шалуновъ исправиться и нерадивыхъ стать прилежными. Большую долю участія онъ однажды проявилъ лично ко мнѣ. У меня какъ-то пошла кровь носомъ во время урока, и я, отпросившись, вышелъ изъ класса къ умывальникамъ, устроеннымъ въ концѣ корридора, какъ разъ напротивъ двери, ведущей въ квартиру директора. Я стоялъ, наклонившись надъ умывальникомъ, и старался унять кровь, когда вдругъ директоръ вышелъ изъ своей квартиры. Замѣтивъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ, участливо спросилъ, часто ли бываетъ у меня кровотеченіе, подалъ нѣсколько совѣтовъ и, велѣвъ подождать, ушелъ къ себѣ на квартиру. Черезъ минуту, онъ снова вышелъ съ полотенцемъ и ватой въ рукахъ. Замѣтивъ мою робость, онъ мягко велѣлъ мнѣ вытереться его полотенцемъ, засунуть ватку въ носъ и отправиться домой, сказавши предварительно въ классѣ, что меня отпустилъ директоръ домой. Такихъ случаевъ участія и сердечнаго отношенія къ воспитанникамъ было нѣсколько, и директоръ пользовался благодаря этому нашей общей любовью. Но не прошло и полугода, какъ вдругъ по гимназіи разнеслась вѣсть, что нашъ директоръ переведенъ въ другую гимназію. Такъ оно и было, и мнѣ еще долго приходилось слышать отъ знакомыхъ воспитанниковъ той гимназіи, что всѣ они лю-

бятъ своего директора за его мягкость, ласковость и обходительность.

Что то около года къ намъ новаго директора не назначали, и обязанности его исполнялъ спеціально для этого назначенный новый инспекторъ Чеховскій (будемъ называть его такъ, удобства ради), совмѣщавшій въ своей персонѣ директорскія прерогативы и инспекторскую власть. Онъ, вѣроятно, нашелъ, что его предшественники сильно распустили воспитанниковъ, и весьма энергично принялся за полное и коренное преобразованіе нашего внутренняго гимназическаго строя. То, что прежде было разрѣшено и дозволено, теперь оказывалось воспрещеннымъ; то, что раньше считалось легкой шалостью, не заслуживающей наказанія, теперь возводилось въ степень серьезнаго проступка, и главнымъ стремленіемъ Чеховскаго было, повидимому, полное искорененіе живости и рѣзвости въ воспитанникахъ подчиненной ему гимназіи. Во дворъ насъ по-прежнему не выпускали, бѣгать же и рѣзвиться по корридорамъ было строжайше воспрещено. Чеховскій распорядился, чтобы во время перемѣнъ ученики также не останавливались въ корридорахъ ни въ одиночку, ни тѣмъ болѣе группами. Всѣ обязаны были ходить по корридорамъ, держась вдоль правой или лѣвой стѣнки и разминаясь обязательно вправо. Ходить вдвоемъ разрѣшалось, втроемъ же было уже воспрещено. Бѣгать по лѣстницѣ воспрещалось, какъ и вообще ученики тѣхъ классовъ, которые были расположены наверху, должны были гулять лишь въ верхнемъ корридорѣ, а ученики низшихъ классовъ обязаны были прогуливаться только въ корридорѣ нижняго этажа. Чеховскій самъ расхаживалъ по корридорамъ и слѣдилъ, чтобы это его распоряженіе строго выполнялось. Ученики, при встрѣчѣ съ нимъ, должны были останавливаться, поворачиваться лицомъ къ нему (то, что у военныхъ называется становиться „во фронтъ“) и кланяться самымъ почтительнымъ и внимательнымъ образомъ, причемъ онъ самъ никого отвѣтнымъ поклономъ или даже кивкомъ головы не удостоивалъ. Та же форма поклоновъ введена была и при встрѣчахъ въ корридорахъ съ кѣмъ-либо изъ преподавателей. Одинъ поклонъ не освобождалъ отъ обязательности другихъ поклоновъ при встрѣчахъ въ тотъ же день, даже въ ту же перемѣну, и особенно страдали отъ этого ученики тѣхъ классовъ, которые были расположены наверху, около учительской. Бѣдняги-гимназисты то и дѣло останавливались и раскланивались.

Въ классахъ оставаться на время перемѣнъ было строго воспрещено. Чеховскій заботился, вводя эту мѣру, не о вентиляціи и освѣженіи классовъ, а о томъ, чтобы ученики не списывали другъ у друга задачъ и письменныхъ работъ, а также чтобы они не подзуб-

ривали заданное къ ближайшему уроку. Гулять же по корридору съ учебникомъ въ рукахъ—означало очень часто выдавать себя съ головой, потому что среди нашихъ учителей были такіе, которые вызывали именно тѣхъ, кого они замѣтили случайно передъ урокомъ углубившимися въ учебникъ. Чеховскій повтореніе уроковъ на перемѣнахъ къ наказуемымъ проступкамъ не относилъ, но углубленіе въ учебникъ не освобождало никого отъ обязанности остановиться и поклониться. По его распоряженію, нашъ учитель гимнастики долго и старательно обучалъ насъ, какъ останавливаться и кланяться, какъ снимать фуражку при встрѣчахъ съ кѣмъ-либо изъ преподавателей на улицѣ, какъ подходить къ г. инспектору съ просьбой, за сколько шаговъ отъ него останавливаться и, почтительно поклонившись, ждать, пока онъ спроситъ въ чемъ дѣло, какъ подходить, будучи вызваннымъ къ доскѣ, какъ кланяться, уходя на свое мѣсто и т. п. Затѣмъ, помощники классныхъ наставниковъ насъ то и дѣло наставляли, какъ входить въ классъ, какъ выходить изъ него парами и группами, не толкаясь и не спѣша, какъ одѣваться въ шинельной, терпѣливо ожидая очереди и добровольно строясь въ ряды, какъ ходить по улицамъ и т. д. Наконецъ, Чеховскій ввелъ одно нововведеніе, заставившее всѣхъ насъ приходить на полчаса раньше въ гимназію: такъ называемыя общія молитвы. До него молитвы произносились каждымъ классомъ отдѣльно, передъ началомъ перваго урока. Учитель входилъ въ классъ, и дежурный тотчасъ читалъ утреннюю молитву, длившуюся минуту-двѣ. По распоряженію Чеховскаго, гимназисты должны были собираться на полчаса раньше и тотчасъ занимать свое обычное мѣсто въ классѣ. По командѣ помощника класснаго наставника, мы всѣ выходили изъ класса и строились въ корридорѣ въ пары. Построившись, мы шли наверхъ подъ предводительствомъ того же помощника, въ нашу домовую церковь. Туда собирались одинъ за другимъ всѣ классы, приходили также кое-кто изъ преподавателей, и всѣ ждали, пока явится Чеховскій и займетъ свое мѣсто впереди всѣхъ, у алтаря. Спеціально выбранные имъ для этого ученики читали наизусть нѣсколько утреннихъ молитвъ, и въ томъ же порядкѣ, „классъ за классомъ, водили „помощники классныхъ наставниковъ“ насъ въ наши классныя помѣщенія. Черезъ нѣсколько минутъ являлся преподаватель, и начинался первый урокъ.

А пока мы всѣ стояли наверху въ церкви, внизу, въ шинельной, располагался педель и занимался переписью опоздавшихъ на молитву. Входъ въ гимназію былъ устроенъ такъ, что никто изъ опоздавшихъ не могъ проникнуть въ нее, миновавъ контроль. Педель всегда стоялъ у столика, за которымъ сидѣлъ швейцаръ, и какъ будто бы не обращалъ вниманія на тѣхъ гимназистовъ, которые

входили по одиночкѣ. Но какъ только опоздавшій снималъ шинель или вѣшалъ фуражку на предназначенное для нея мѣсто, педель, описавъ небольшой кругъ, пересѣкалъ дорогу запоздавшему, освѣдомлялся о его фамиліи и предлагалъ ему въ вѣжливой формѣ къ началу большой перемѣны явиться въ кабинетъ г. инспектора. Пришлось и мнѣ побывать тамъ, и даже неоднократно. Обставлялось это слѣдующимъ образомъ. Всѣ опоздавшіе (человѣкъ шесть-восемь, а то и всѣ десять, позже меньше) собирались въ кабинетѣ инспектора и выстраивались въ шеренгу. Если инспекторъ былъ у себя въ кабинетѣ, онъ не подымалъ головы и не смотрѣлъ на насъ. Если его не было, онъ являлся довольно скоро, иногда же заставлялъ насъ ждать десять и двадцать минутъ, не давая намъ возможности позавтракать и лишая насъ свободы на время большой перемѣны. Наконецъ, Чеховскій входилъ или подымался съ кресла, бралъ въ руки приготовленный списочекъ опоздавшихъ и дѣлалъ перекличку. На лицо оказывались всегда всѣ. Тогда онъ прочитывалъ намъ болѣе или менѣе длинную нотацію, въ которой говорилось о значеніи молитвы, о благонравіи и хорошемъ поведеніи, о лѣности и опаздываніи, какъ вѣрнѣйшемъ признакѣ ея, и еще о многомъ подобномъ. Меня эти нотаціи нисколько не вели на путь улучшенія и исправленія, и если я, проспавъ позже обыкновеннаго или почему либо замѣшкавшись дома, снова опаздывалъ на общую молитву, я съ тѣмъ же равнодушіемъ слушалъ варіантъ оскомину набившей въ концѣ концовъ рѣчи Чеховскаго. А онъ видно считалъ себя ораторомъ и старался произвести на насъ сильное впечатлѣніе. Для этого онъ выставлялъ одну ногу впередъ, расправлялъ нѣсколько грудь или дѣлалъ одной рукой угрожающіе жесты, а другою рукой поглаживалъ свои пушистые черные бакенбарды. Гораздо непріятнѣе было то, что онъ не ограничивался однѣми нотаціями, но вслѣдъ за ними слѣдовало и наказаніе. За каждое опозданіе полагалось полчаса „безъ обѣда“, но количество этихъ получасовъ измѣрялось количествомъ опозданій. Такимъ образомъ, опоздавшій въ первый разъ сидѣлъ только полчаса, опоздавшій во второй разъ—цѣлый часъ, опоздавшій въ четвертый разъ—два часа и т. д. Два или три часа „безъ обѣда“—это уже чувствительное наказаніе, и если выходило такъ, что за одинъ и тотъ же проступокъ насъ наказывали каждый разъ все строже и строже, то больше всего насъ злило, что никакія уважительныя причины Чеховскимъ не принимались во вниманіе. Опоздалъ—значитъ долженъ быть наказанъ. До него и послѣ его режима мы ничего подобнаго не знали. Преемникъ Чеховскаго отмѣнилъ тотчасъ же эти общія молитвы и далъ намъ такимъ образомъ лишніе полчаса въ наше распоряженіе.

Если кто-либо опаздывалъ, наказаніе зависѣло отъ класснаго наставника или отъ того учителя, который давалъ первый урокъ. Если опоздавшій называлъ сколько-нибудь уважительную причину, классные наставники не наказывали въ подобныхъ случаяхъ. Если опоздавшій входилъ непосредственно за преподавателемъ, ему разрѣшалось тотчасъ же пойти на мѣсто. Если же тотъ запаздывалъ на пять-десять минутъ, онъ еще стоялъ у стѣнки болѣе или менѣе долго, ожидая разрѣшенія сѣсть, и на этомъ инцидентъ считался исчерпаннымъ. Опозданіе на полчаса отмѣчалось уже въ журналѣ и вело къ объясненію съ класснымъ наставникомъ, который требовалъ, чтобы были указаны уважительныя причины опозданія или было предъявлено письмо отъ родителей. Такъ было до Чеховскаго, нѣсколько строже было при его преемникѣ, но режимъ, введенный Чеховскимъ, уже не повторялся.

Чтобы покончить съ этимъ періодомъ междуцарствія, я долженъ еще добавить, что до Чеховскаго, при первыхъ двухъ изъ обрисованныхъ выше трехъ директоровъ, нашимъ инспекторомъ былъ нѣкій Чепинскій, по происхожденію полякъ. Онъ преподавалъ въ старшихъ классахъ математику и, какъ завѣряли ученики старшихъ классовъ, никогда никому изъ нихъ не ставилъ больше тройки, какъ бы хорошо ни отвѣчалъ и рѣшалъ задачи вызванный имъ ученикъ. Объ этомъ знали и говорили также родители воспитанниковъ, и весь городъ повторялъ фразу, сказанную будто бы однажды Чепинскимъ и ставшую у насъ въ городѣ „классической“:

— На пятерку знаетъ математику Богъ, на четыре знаю ее я, ученикъ же можетъ знать ее лишь на три.

Изо всѣхъ нашихъ преподавателей, да и преподавателей другихъ гимназій и реальныхъ училищъ, имѣвшихся въ большомъ числѣ въ нашемъ городѣ, Чепинскій былъ самой популярной въ городѣ фигурой. Происходило это по той простой причинѣ, что Чепинскій, не ограничиваясь надзоромъ за воспитанниками своей гимназіи, распространилъ его и на воспитанниковъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній города и являлся настоящей грозой для гимназистовъ, реалистовъ и учениковъ коммерческаго училища. Въ стѣнахъ гимназіи Чепинскій, высокій, сухой и изможденный старикъ, внушавшій страхъ малышамъ однимъ своимъ видомъ, злыми глазами, острымъ носомъ, впавшими щеками и длинной сѣдой бородой, умѣлъ выростать во время перемѣны положительно изъ земли. Казалось, опасность не грозитъ ни откуда, и мы могли свободно побѣгать и пошалить въ коррридорѣ, какъ вдругъ среди насъ выростала фигура Чепинскаго на ея длинныхъ тонкихъ ногахъ, и тотъ, кто получалъ только часъ „безъ обѣда“ въ награду за свою рѣзвость, почиталъ

себя еще счастливымъ. Въ классъ Чепинскій не входилъ, а положительно влеталъ, дѣлая огромные шаги и подпрыгивая на носкахъ, причемъ онъ являлся всегда въ тотъ моментъ, когда въ классѣ происходила маленькая свалка, ссора или бой „на кулачки“ между наиболѣе рѣзвыми, когда весь классъ усердно занимался до прихода учителя пусканіемъ шариковъ и стрѣлъ. Замѣтивъ своимъ орлинымъ взоромъ виновниковъ, Чепинскій щедро назначалъ болѣе или менѣе суровыя наказанія, и пуще всего доставалось дежурнымъ, которые обязаны были слѣдить за порядкомъ и „записывать“ всѣхъ провинившихся въ чемъ либо. У насъ въ классѣ чрезвычайно не любили, когда дежурные „доносили“ на товарищей, и подчасъ жестоко мстили, если на вопросъ Чепинскаго дежурные называли тѣхъ, кто только что дрался или пускалъ стрѣлы черезъ весь классъ. Дежурные, не желая играть роль ябедниковъ, но и не будучи въ силахъ справиться съ расшалившимися товарищами, сторожили у дверей, не покажется ли изъ учительской Чепинскій; но онъ всегда прятался за угломъ въ корридорѣ или взлеталъ вверхъ по лѣстницѣ, перескакивая черезъ три ступеньки. Шалуны опять застигались на мѣстѣ, и дежурнымъ опять таки „влетало“, такъ что многіе изъ насъ весьма охотно отказались бы отъ этого „отличія“, если бы осмѣлились заявить о своемъ отказѣ классному наставнику.

Любопытно, что, слѣдя такъ строго за порядкомъ въ классахъ до начала уроковъ и за благопристойностью въ корридорахъ, Чепинскій позволялъ бѣгать, шумѣть и рѣзвиться во дворѣ, когда насъ туда въ весенніе мѣсяцы выпускали, но только во дворѣ. Если какой либо гимназистикъ, разгоряченный игрой „въ ловитки“, до звонка ли или послѣ звонка быстро и шумно взбѣгалъ по лѣстницѣ, Чепинскій былъ уже тутъ какъ тутъ, и гимназистъ меньше, чѣмъ двумя часами, „безъ обѣда“ не отдѣлывался. Я вспоминаю, что однажды зимою выпалъ весьма глубокій снѣгъ, смѣнившійся теплой и солнечной погодой. Насъ выпустили во время большой перемѣны во дворъ. Чепинскій вышелъ также во дворъ, собралъ всѣхъ гимназистовъ вокругъ себя и предложилъ играть въ снѣжки. Нечего и говорить, что предложеніе было принято нами всѣми восторженно. Мы раздѣлились на двѣ партіи, и подъ руководствомъ самого Чепинскаго началась настоящая баталія, продолжавшаяся добрыхъ двадцать минутъ. Когда одинъ изъ первыхъ брошенныхъ „снѣжковъ“ попалъ въ стекло, и оно съ трескомъ разлетѣлось въ дребезги, мы положительно замерли, ожидая строжайшаго слѣдствія и наказанія виновнику, но Чепинскій громко крикнулъ: „Ничего! Починимъ!“ и игра продолжалась. Въ эти двадцать минутъ выбито было нѣсколько дюжинъ стеколъ, вставленныхъ въ тотъ же день на счетъ гимнази-

ческихъ суммъ, и нѣкоторые смѣльчаки изъ нашей среды цѣлили не столько въ противниковъ, сколько въ стекла гимназическихъ коридоровъ. Нѣсколько снѣжковъ попали въ Чепинскаго, но онъ шутилъ и подзадоривалъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ этой безвинной баталіи. Когда звонокъ возвѣстилъ конецъ большой перемѣны, мы разбѣжались по классамъ, но живость и рѣзвость наши на этотъ разъ были больше обыкновеннаго: кто захватилъ съ собой нѣсколько снѣжковъ, а кто продолжалъ баталію обычнымъ кулачнымъ способомъ. Но влетѣлъ никѣмъ своевременно незамѣченный Чепинскій, и всѣ замѣченные имъ въ излишней рѣзвости получили по два часа „безъ обѣда".

Какъ я уже сказалъ, Чепинскій былъ грозой для всѣхъ гимназистовъ и воспитанниковъ другихъ средне-учебныхъ заведеній въ городѣ. Онъ появляется всюду: на бульварѣ, на скверахъ, въ паркѣ, на людныхъ улицахъ, въ театрахъ и въ циркѣ и ловилъ, ловилъ несчастныхъ гимназистовъ и реалистовъ. У кого гербъ едва держался на фуражкѣ, у кого не доставало пуговицы на шинели или на курткѣ, кто громко разговаривалъ на улицѣ, кто одѣтъ былъ не по предписанію, кто шелъ съ слишкомъ большой группой товарищей, кто раскланялся съ нимъ, Чепинскимъ, недостаточно почтительно, кто шелъ по улицѣ позже установленнаго часа, кто сидѣлъ въ театрѣ или циркѣ недостаточно чинно, кто сидѣлъ, останавливался или ходилъ тамъ, гдѣ гимназистамъ сидѣть, останавливаться или ходить было воспрещено, кто проявлялъ излишнюю живость въ публичныхъ мѣстахъ,—всѣхъ замѣчалъ Чепинскій, ко всѣмъ подлеталъ какъ-то неожиданно, подпрыгивая на носкахъ, и у всѣхъ онъ освѣдомлялся о фамиліи и классѣ. „Своихъ" онъ наказывалъ лично на слѣдующій день въ гимназіи, относительно постороннихъ онъ писалъ десятки и сотни рапортовъ по принадлежности. Благодаря этому, Чепинскаго боялись и страшились всѣ, и его знали родители всѣхъ воспитанниковъ средне-учебныхъ заведеній города, потому что не было, кажется, ни одного гимназиста или реалиста, который не былъ бы хоть разъ „пойманъ" ретивымъ инспекторомъ нашимъ. Когда его перевели въ третью гимназію, мы вздохнули облегченно, но отъ зоркаго ока Чепинскаго не избавились: изо дня въ день въ нашу гимназію поступали рапорты Чепинскаго, и всегда одинъ изъ оставленныхъ безъ обѣда „сидѣлъ" обязательно „изъ-за" Чепинскаго. Отъ знакомыхъ гимназистовъ третьей гимназіи мы слышали разсказы о строгостяхъ свирѣпствовавшаго теперь тамъ Чепинскаго, и мы всѣ, зная, что онъ дослуживаетъ свой срокъ, ждали съ нетерпѣніемъ его отставки. Но срокъ отставки былъ продленъ ему два раза на нѣсколько лѣтъ, и еще долго Чепинскій былъ величайшей грозой для всѣхъ гимназистовъ, реалистовъ и другихъ воспитанниковъ въ нашемъ городѣ... **М. Сукенниковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русскіе писатели и вопросы воспитанія и народнаго образованія.

Вопросы воспитанія и народнаго образованія принадлежатъ къ числу такихъ, которыми интересовались и всегда будутъ интересоваться величайшіе умы человѣчества. Въ исторіи педагогіи мы встрѣчаемъ имена и величайшихъ законодателей, политиковъ и величайшихъ мыслителей древняго и новаго міра. Не менѣе дороги были эти вопросы и для писателей, которые, по выраженію Пушкина, „всегда стоятъ впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности“. Правда, величайшіе представители словеснаго искусства почти всегда обращаются къ уму и чувству взрослыхъ людей. Но многое изъ того, что въ извѣстное время было написано для взрослыхъ, впослѣдствіи становится достояніемъ школы, и такимъ образомъ, великіе писатели являются воспитателями не только взрослыхъ людей, но также и подрастающихъ поколѣній, иначе говоря, являются педагогами.

Русская литература особенно выдается своимъ воспитательнымъ значеніемъ и вліяніемъ. Еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, было сказано: „Наша литература была учительницею народною и воспитательницею. Она шла впереди развитія общественнаго. Она была провозвѣстницей всѣхъ благородныхъ чувствъ и побужденій; она развивала для общества высокія понятія нравственности, правды и добра; она указывала ему цѣли стремленій“ *) Послѣ того, какъ были написаны приведенныя строки, русская литература завоевала весь цивилизованный міръ, но прежній ея характеръ не только не измѣнился, а получилъ еще большую опредѣленность и силу. Въ концѣ XIX вѣка историкъ русской литературы имѣлъ полное право сказать: „Наша литература никогда не замыкалась въ сферѣ чистохудожественныхъ интересовъ и всегда была каѳедрой, съ которой раздавалось учительное слово. Всѣ крупные дѣятели нашей литера-

*) Буличъ. „Сумароковъ и современная ему критика“. Спб. 1854. Стр. 101—102.

туры въ той или другой формѣ отзывались на потребности времени и были художниками-проповѣдниками *).

Но, обращаясь со своимъ учительнымъ словомъ къ образованнымъ классамъ общества, русскіе писатели въ то же время не забывали о дѣтяхъ, не забывали о народѣ и съ глубокимъ интересомъ относились къ вопросамъ воспитанія и народнаго образованія.

I.

Уже отецъ новой русской литературы, Кантемиръ, ратовавшій за просвѣщеніе и бичевавшій невѣжество въ своихъ сатирахъ, живо интересовался и вопросами воспитанія. Подражая XIV сатирѣ Ювенала, Кантемиръ, находясь подъ несомнѣннымъ вліяніемъ „Мыслей о воспитаніи“ Локка, посвятилъ спеціально воспитанію одну изъ девяти своихъ сатиръ, написанную въ Парижѣ въ 1739 году. Въ крайне неуклюжихъ силлабическихъ стихахъ и въ примѣчаніяхъ къ нимъ авторъ сатиры высказалъ цѣлый рядъ свѣтлыхъ и возвышенныхъ педагогическихъ идей.

Не столько природа, сколько плохое воспитаніе является главной причиной человѣческихъ пороковъ и несовершенствъ—такова основная идея седьмой сатиры Кантемира. По его мнѣнію, воспитаніемъ могутъ быть подавлены или, по крайней мѣрѣ, ослаблены неблагопріятные продукты наслѣдственности, если только раціональное воспитаніе начать тогда, „когда младенецъ чуть изъ утробы матери вышелъ“. Кантемиръ говоритъ:

Каково-бъ съ природы рукъ сердце намъ ни пало,
Есть, есть время нѣкое, въ коемъ злу не мало.
Склонность уймемъ, буде всю истребить не можемъ,
И утвердиться въ добрѣ доброму поможемъ.
Время то суть первыя младенчества лѣта.

И дальше:

Большу часть всего того, что въ насъ, приписуемъ
Природѣ, если хотимъ изслѣдовать зрѣло,
Найдемъ воспитанія одного быть дѣло.

Первенствующее значеніе сатирикъ придаетъ воспитанію нравственному. „Насажденіе добродѣтели, говоритъ онъ, есть главнѣйшее дѣло воспитанія“.

---

*) Венгеровъ. „Основныя черты исторіи новѣйшей рус. литературы“. Спб. 1899. Стр. 9.

Главно воспитанія въ томъ состоитъ дѣло,
Чтобъ сердце, страсти изгнавъ, младенчее зрѣло
Въ добрыхъ нравахъ утвердить, чтобъ чрезъ то полезенъ
Сынъ твой былъ отечеству, межъ людьми любезенъ
И всегда желателенъ; къ тому всѣ науки
Концу и искусства всѣ должны подать руки.

Для достиженія этой цѣли, по словамъ Кантемира, не должно чрезмѣрно утруждать дѣтей, но нужно наставлять ихъ исподволь, потому что, „безпеременно дѣтямъ твердя строгіе уставы, наскучишь". Нужно дѣйствовать на дѣтей больше ласкою, чѣмъ строгостью, потому что „ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ, чѣмъ суровость въ цѣлый годъ", и, кромѣ того, строгость вызываетъ и ненависть къ обученію. Не нужно обличать и ругать дѣтей въ присутствіи постороннихъ, особенно слугъ, потому что, такимъ образомъ, притупишь въ нихъ любовь славы, любовь добраго имени: кто часто передъ людьми опозоренъ, стыда уже не боится". Не должно—продолжаетъ Кантемиръ, страшить дѣтей угрозами и побоями, ибо тѣмъ пресѣчешь въ нихъ хвальную и нужную смѣлость...

„Всего приличнѣе младенца побуждать къ добрымъ дѣламъ надеждою похвалъ.

Такимъ способомъ учинишь ему добродѣтель любезну".

Особенное вниманіе обращаетъ Кантемиръ на пользу хорошихъ примѣровъ.

Примѣръ наставленія всякаго сильнѣе:
Онъ и скотовъ слѣдовать родителямъ учитъ.

Поэтому онъ требуетъ крайней осторожности въ выборѣ кормилицы, дядьки и домашней прислуги, потому что „все, что окружаетъ младенца, произвести въ немъ нравъ помогаетъ". Еще болѣе строгія требованія предъявляетъ Кантемиръ къ поведенію родителей въ присутствіи ихъ дѣтей.

По его словамъ, „слуги суть язва дѣтей", но родителей злѣе

Всѣхъ примѣръ. Часто дѣти были бы честнѣе,
Если бъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали.

Далѣе Кантемиръ восклицаетъ:

Съ какимъ лицомъ журить сына ты посмѣешь,—
Когда своимъ наставлять его не умѣешь
Примѣромъ, когда въ тебѣ видитъ то всечасно,
Что винишь, и ищетъ онъ, что хвалишь, напрасно?

При ожиданіи гостей, продолжаетъ сатирикъ, все въ домѣ приводится въ порядокъ, а о томъ, чтобы „поберечь младенцевъ глазъ", никто не заботится, хотя „гостя ближе дѣти, большу бережь ты для нихъ долженъ бы имѣти" *).

Для настоящаго времени педагогическіе взгляды Кантемира не представляютъ ничего новаго, хотя еще далеко не всѣ они вошли въ жизнь; но для первой половины XVIII вѣка, когда даже Посошковъ рекомендовалъ строгость при воспитаніи, гуманные взгляды и требованія Кантемира были громаднымъ шагомъ впередъ. Не даромъ Бѣлинскій въ 1845 году сдѣлалъ такой отзывъ о VII сатирѣ Кантемира: „Эта сатира исполнена такихъ здравыхъ, гуманныхъ понятій о воспитаніи, что стоила бы и теперь быть напечатанной золотыми буквами; и не худо было бы, если бы вступающіе въ бракъ заучивали ее наизусть".

Сатиры Кантемира впервые были напечатаны въ Россіи въ 1762 году, когда уже замолкала торжественная лира Ломоносова и заканчивалась его многообъемлющая просвѣтительная дѣятельность. Хорошо извѣстно, какую страстную борьбу велъ онъ „съ непріятелями наукъ россійскихъ", стараясь всѣми средствами „о умноженіи учениковъ въ гимназіи и студентовъ въ университетѣ и о распространеніи наукъ въ Россіи". Извѣстно также, какое дѣятельное участіе принималъ Ломоносовъ въ основаніи Московскаго университета, настаивая, между прочимъ, на опредѣленіи въ уставѣ „довольнаго числа профессоровъ и жалованныхъ студентовъ" и на учрежденіи гимназіи, „безъ которой университетъ, какъ пашня безъ сѣмянъ" **). Кромѣ того знаменитый ученый принималъ живое участіе въ основаніи Академіи Художествъ, высказалъ мысль объ учрежденіи университета въ Кіевѣ и много хлопоталъ о преобразованіи университета, существовавшаго при Академіи Наукъ. Особенный интересъ представляетъ административно-педагогическая дѣятельность Ломоносова съ 1758 года, когда въ его непосредственное завѣдываніе были отданы университетъ и гимназія при Академіи Наукъ ***).

До Ломоносова оба эти учебныя заведенія влачили самое печальное существованіе и не достигали намѣченной для нихъ цѣли— подготовлять русскихъ ученыхъ. Ломоносовъ немедленно же про-

---

*) Сочиненія Кантемира.. Спб. 1867. Т. I, стр. 148—168.

**) Самую мысль объ учрежденіи университета въ Москвѣ, а также составленіе соотвѣтствующаго проекта, напечатаннаго въ „Полномъ собраніи законовъ", приписываютъ Ломоносову.

***) Порученіе Ломоносову академической гимназіи проектировалось Нартовымъ еще въ 1742 году, а въ 1756 г. Ломоносовъ составилъ правила для академической гимназіи.

извелъ цѣлый рядъ перемѣнъ. Прежде всего онъ устроилъ общежитія для студентовъ и для гимназистовъ, которые раньше жили далеко отъ Академіи, неаккуратно посѣщали лекціи и уроки, „претерпѣвали скудость въ пищѣ и ходили по большей части въ рубищахъ". На первыхъ же порахъ были составлены Ломоносовымъ и „узаконенія для учащихся въ гимназіи", свидѣтельствующія, что воспитаніе нравственное занимало его не менѣе, чѣмъ воспитаніе умственное *). Какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіи Ломоносовъ ввелъ болѣе правильныя занятія, вслѣдствіе чего явилась возможность гимназистовъ переводить въ разрядъ студентовъ, а студентовъ посылать для ученой подготовки за границу, чего раньше почти не дѣлалось. Будучи убѣжденъ, что инспекторомъ надъ русскими „долженъ быть природный россіянинъ", Ломоносовъ выжилъ изъ гимназіи инспектора Модераха и назначилъ на его мѣсто Котельникова. Еще раньше нѣмецкій языкъ преподаванія въ низшихъ классахъ гимназіи былъ замѣненъ русскимъ. Кромѣ того, Ломоносовъ добился увеличенія числа казенныхъ стипендій въ гимназіи со 40 до 60 (по 36 руб. каждая), а въ университетѣ съ 20 до 30 (по 100 руб. каждая), добился пріобрѣтенія отдѣльнаго дома для университета и гимназіи и, наконецъ, возбудилъ ходатайство объ увеличеніи размѣра гимназической стипендіи съ 36 руб. до 48 рублей.

---

*) Нравственныя правила эти очень элементарны: въ обязанность гимназистамъ ставится „простирать крайнее прилежаніе къ наукамъ", „учителямъ оказывать себя весьма вѣжливо и уклонно,—а особливо не досаждать грубыми словами", „отбѣгать отъ ссоръ междуусобныхъ, а особливо отъ безчестныхъ браней и отъ дракъ, не попрекать другого природными недостатками и не злобствовать", „не производить ссоръ и шуму", „не мѣшать другимъ въ ученьи", „гордостью и грубостью никого не огорчать, но больше учтивостью и снисходительствомъ привлекать къ своему любленію". „пустыхъ словъ подлыхъ и соромскихъ въ разговорѣ остерегаться", „остерегаться самохвальства, хвастовства, а паче всего лганья", „блюстись лакомства и гулянья и больше удаляться отъ неприличнаго и худого сообщества" и т. д. Кромѣ того гимназистамъ ставится въ обязанность „наблюдать чистоту... при столѣ, въ содержаніи книгъ, постели и платья" „Кто внѣшнимъ видомъ, прибавляетъ при этомъ Ломоносовъ, ведетъ себя гадко, тотъ показываетъ не токмо свою лѣность, (но) и подлые нравы". Особенно подчеркивается Ломоносовымъ вредъ лѣности. „Лѣность, говорится въ правилахъ, всего вреднѣе учащимся: того ради всячески должно продолѣвать оную послушаніемъ, воздержаніемъ, бдѣніемъ и терпѣніемъ (Билярскій. „Матеріалы для біографіи Ломоносова". Спб. 1865. Стр. 378—379). Крайняя элементарность этихъ правилъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что воспитанники гимназіи были почти сплошь изъ низшихъ сословій, и между ними оказывались столь испорченные юноши, что ихъ приходилось исключать изъ гимназіи, наказывать батожьемъ и отдавать въ солдаты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ломоносовъ заботился о снабженіи гимназистовъ учебными пособіями и о составленіи для нихъ учебныхъ руководствъ. Между прочимъ, подъ руководствомъ Ломоносова была составлена на русскомъ и латинскомъ языкахъ грамматика для младшаго класса гимназіи. Для гимназистовъ же, по всей вѣроятности, Ломоносовъ поручилъ Котельникову перевести на русскій языкъ и „Orbis pictus“ Коменскаго.

Много препятствій встрѣчалъ Ломоносовъ въ своей административно-педагогической дѣятельности со стороны академической канцеляріи, но, несмотря на всѣ эти пропятствія, неутомимый труженикъ незадолго до своей смерти имѣлъ удовольствіе, хотя не совсѣмъ согласно съ истиною, заявить, что, благодаря его стараніямъ, въ четыре года изъ гимназіи произошли (въ студенты) уже двадцать человѣкъ, а въ одно правленіе Шумахерово въ тридцать лѣтъ не произошло ни единаго человѣка“ (Билярскій, стр. 779). Правда, Ломоносовъ не былъ особенно строгъ при выборѣ лицъ, поступавшихъ въ гимназію: послѣ его смерти среди гимназистовъ и студентовъ, по донесенію Котельникова, оказалась „почти половина отчасти пьяницъ, забіякъ, лѣнивыхъ, непонятныхъ и въ ученіи никакого успѣха не оказавшихъ“ (Билярскій, с. 745). Но трудно винить Ломоносова за эту неразборчивость: желающихъ учиться въ гимназіи было такъ мало, что даже казенныя стипендіи далеко не всѣ были заняты*).

Скорѣе слѣдуетъ поставить Ломоносову въ особую заслугу его старанія привлечь въ гимназію и университетъ какъ можно болѣе учащихся, хотя бы они „были всѣ изъ самой подлости“, какъ выразилась академическая канцелярія. „Мое единственное желаніе, писалъ онъ въ 1760 году, состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вождѣленное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы“.

Вообще, Ломоносовъ всегда ратовалъ за самый широкій доступъ къ высшему образованію для всѣхъ сословій. Критикуя академическій „регламентъ“ 1747 года, не допускавшій въ университетъ лицъ, положенныхъ въ подушный окладъ, Ломоносовъ писалъ: „другія европейскія государства наполнены людьми учеными всякаго званія, однако ни единому человѣку не запрещено въ университетахъ учиться, кто бы онъ ни былъ, и въ университетѣ тотъ студентъ почтеннѣе, кто больше научился; а чей онъ сынъ, въ томъ нѣтъ нужды“ (Билярскій, с. 448). Регламентами, составленными Ломоносовымъ для университета и гимназіи, въ число студентовъ и гим-

---

*) Послѣ смерти Ломоносова въ гимназіи было 47 учениковъ, а стипендій было 60.

назистовъ допускались и лица податныхъ сословій. Когда же противъ этого допущенія высказался академикъ Фишеръ, Ломоносовъ отвѣчалъ: „удивленія достойно, что не впалъ въ умъ господину Фишеру, какъ знающему латынь, Горацій и другіе ученые и знатные люди въ Римѣ, которые были выпущенные на волю изъ рабства, когда онъ только презрѣнно уволенныхъ помѣщичьихъ людей отъ гимназіи отвергаетъ" *).

Вопросы элементарнаго образованія также близко принимались Ломоносовымъ къ сердцу. Въ его „Разсужденіи о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа" цѣлая глава (къ сожалѣнію, не дошедшая до насъ) была посвящена „исправленію нравовъ и большему народа просвѣщенію". Такъ какъ въ единственной дошедшей до насъ главѣ этого „разсужденія" проектируется распространеніе въ народѣ медицинскихъ книжекъ (о повивальномъ искусствѣ и о лѣченіи дѣтскихъ болѣзней), „чтобы священники и грамотные люди, читая, могли сами знать и другихъ наставленіемъ пользовать",—то мы едва ли ошибемся, сдѣлавъ предположеніе, что Ломоносовъ считалъ необходимымъ самое широкое распространеніе грамотности для устраненія тѣхъ препятствій, которыя мѣшали и теперь еще мѣшаютъ „размноженію и сохраненію россійскаго народа". Это предположеніе подтверждается и сохранившейся запиской Ломоносова „Объ обязанностяхъ духовенства". „Одно главное дѣло въ томъ состоитъ,—говорится въ этой запискѣ,—что вездѣ, гдѣ только есть церковь, должны попы и причетники учить грамотѣ, за общую плату всего прихода, и не давать бѣгать по улицамъ малымъ ребятамъ, кои еще ни въ какую работу не годятся. Мнѣ кажется, отъ пяти до десяти, а иногда до 12 лѣтъ могутъ сколько-нибудь грамотѣ научиться и закону" **).

Ратуя за интересы просвѣщенія и въ засѣданіяхъ Академіи Наукъ, и въ своихъ публичныхъ и университетскихъ лекціяхъ, и въ бесѣдахъ съ Шуваловымъ, Ломоносовъ не могъ не говорить объ этомъ самомъ дорогомъ для него предметѣ и въ своихъ поэтическихъ и ораторскихъ произведеніяхъ. Въ своихъ одахъ, въ своихъ похвальныхъ словахъ, въ своихъ торжественныхъ рѣчахъ, наконецъ, въ своихъ посланіяхъ Ломоносовъ доказываетъ пользу наукъ вообще и особенно для Россіи, прославляетъ Петра Великаго и Елизавету за ихъ заботы о просвѣщеніи, призываетъ русскихъ студентовъ „показать,

---

*) *Пекарскій.* „Исторія Академіи Наукъ", т. II, стр. 674. Спб. 1873.

**) „Лѣтописи русской литературы и древности", изд. Н. Тихонравовымъ. Т. I, отд. III, стр. 197—198. М. 1859.

Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать,—

привѣтствуетъ восшествіе на престолъ Екатерины II, называя ее „Минервой“, которая изгонитъ изъ Россіи тьму невѣжества, создавши повсюду прекрасные храмы для просвѣщенія и т. д. Даже ходатайство объ утвержденіи привилегіи петербургскаго университета Ломоносовъ подкрѣпляетъ „просительными стихами“.

Особенное вниманіе обращаетъ Ломоносовъ на естественныя науки, не только потому, что онѣ составляли его спеціальность, но еще больше потому, что эти науки онъ считалъ болѣе другихъ необходимыми для Россіи. Въ этомъ отношеніи характерна ода, написанная въ 1750 году; въ ней Ломоносовъ призываетъ въ Россію „счастливыя науки“ и называетъ механику, химію, астрономію, географію и, наконецъ, метеорологію.

Подводя итоги сказанному, нельзя не признать, что, хотя спеціально педагогическихъ трудовъ,—если не считать грамматики, риторики и „Краткаго россійскаго лѣтописца“, долго служившихъ учебниками,—Ломоносовъ намъ и не оставилъ, но его многосторонняя и неутомимая просвѣтительная дѣятельность даетъ ему право на одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ не только въ исторіи русскаго просвѣщенія, но и въ исторіи русской педагогіи. „Ломоносовъ,—говоритъ г. Демковъ,—замѣчательный русскій педагогъ“, создавшій изъ своихъ учениковъ „цѣлое общество ученыхъ педагоговъ“, какъ теоретиковъ, такъ и практиковъ. „Положивъ начало русской науки, онъ далъ начало и русской научной педагогіи“ *).

Современникъ и литературный противникъ Ломоносова, „отецъ русскаго театра“, Сумароковъ также близко принималъ къ сердцу интересы просвѣщенія. Въ своихъ трагедіяхъ, списанныхъ съ французскихъ образцовъ, онъ вкладываетъ въ уста героевъ возвышенныя и гуманныя идеи о чести, долгѣ, любви къ отечеству, о свободѣ, вѣротерпимости и даже о воспитаніи и образованіи; въ своихъ комедіяхъ и сатирахъ онъ бичуетъ невѣжество, считая его источникомъ всякой неправды; въ похвальномъ словѣ Петру Великому онъ доказываетъ пользу наукъ и просвѣщенія; въ словѣ на день коронованія Екатерины II онъ совѣтуетъ создать „великолѣпный храмъ ненарушимаго правосудія“, но прежде основать училища для подготовленія исполнителей новыхъ законовъ; въ словѣ „На новый 1769 годъ“ онъ доказываетъ необходимость имѣть въ Россіи просвѣщенныхъ учителей; въ сатирѣ „Хоръ къ превратному свѣту“ онъ

---

*) *Демковъ.* „Исторія русской педагогіи“. Ч. II, стр. 171. Спб. 1897.

колетъ глаза русскому дворянству указаніемъ, что за границей всѣ дворянскія дѣти учатся въ школахъ, что даже „учатся за моремъ и дѣвки“. Наконецъ, въ словѣ на открытіе Академіи Художествъ и въ „нѣкоторыхъ статьяхъ о добродѣтели“ Сумароковъ знакомитъ насъ со своими педагогическими взглядами.

„Рожденіе наше созданіе есть, говоритъ онъ, а воспитаніе есть наше преображеніе изъ грубаго и испорченнаго естества, изъ вредоноснаго себѣ и обществу, во благопристойное, исправленное, и себѣ и обществу полезное“. Такимъ образомъ, по мнѣнію Сумарокова, „воспитаніе есть почтеннѣе рожденія; всякое животное рождается, но единый благовоспитанный человѣкъ дѣйствіями премудрому Божеству уподобляется“. Раздѣляя мнѣніе Руссо о вредѣ наукъ для нравственности, Сумароковъ выдвигалъ нравственное воспитаніе на первый планъ. „Возсіяли науки, говоритъ онъ, и погибла простота, а съ нею чистота сердца. Полезнѣе быти неучеными прежнихъ незлобивыхъ вѣковъ, нежели нынѣшнихъ учеными и ко вреду общества безъ воспитанія возращенными. Лучше безумный и честный человѣкъ, нежели разумный и безчестный, хотя безумцы и рѣдко честны бываютъ, ибо они порокамъ и наглости искусителей, какъ трости вѣтрамъ и бурямъ, подвержены“. Разсуждая далѣе о пользѣ воспитанія, Сумароковъ говоритъ: „Потребно хорошее воспитаніе, дабы люди, и не коснувшіеся премудрости, и по единой привычкѣ правильно разсуждали. Однѣ великія души великія качества имѣютъ, а хорошее воспитаніе и малыя души въ распорядкѣ жизни великимъ душамъ уподобляетъ. Та причина невѣжеству, что нѣтъ довольнаго къ очищенію сердца воспитанія... Премудрыми весь міръ сдѣлати нельзя, а благовоспитанными можно... Воспитаніе болѣе власти надъ нами имѣетъ, нежели сама премудрость. Вотъ, колико воспитаніе роду человѣческому полезно“ *).

Но одного воспитанія, по мнѣнію Сумарокова, еще недостаточно. Кромѣ воспитанія (нравственнаго), необходимо еще „ученіе“, т. е. воспитаніе умственное. „Воспитаніе въ добродѣтели потребно безъ сумнѣнія, говорится въ „Нѣкоторыхъ статьяхъ о добродѣтели“, но оно можетъ быть только преддверіемъ ея; ибо воспитаніе безъ поддерживанія ученіемъ и честнымъ собесѣдованіемъ, слабо ко удержанію насъ на пути истины... Едина о добродѣтели проповѣдь, коль она ни вѣроятна, легко исторженна быти можетъ малѣйшимъ противогласіемъ. Похвально воспитаніе, но къ нему честное потребно обхожденіе, а сверхъ того ученіе“. „О честности, говорится далѣе,— одна только система: ...дѣлай то другому, чего себѣ желаешь. Кратка и проста сія наука, но развращенному разуму и испорченному сердцу

*) Сочиненія Сумарокова. М. 1878. Т. II, сс. 264—267.

весьма трудна, ибо противоборствіе невѣжества и пристрастія должно быти опровергаемо великою силою просвѣщенія. А воспитаніе къ тому только дорогу очищаетъ. Мука еще не хлѣбъ, слѣдовательно, и не пища еще: воспитаніе становится пищею добродѣтели тогда, когда оно установится просвѣщеніемъ, безъ котораго оно подобно орѣху, не имущему еще ядра, или яйцу, не произведшему еще цыпленка" *).

Сумароковъ, какъ извѣстно, былъ противникомъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, между прочимъ, на томъ основаніи, что „нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій *еще* не имѣетъ". Можно думать, что прежде освобожденія крестьянъ онъ считалъ необходимымъ распространеніе среди нихъ просвѣщенія. По крайней мѣрѣ, въ „Нѣкоторыхъ статьяхъ о добродѣтели" Сумароковъ высказывается за самое широкое распространеніе образованія „Многіе думаютъ, говоритъ онъ, будто просвѣщеніе однимъ начальникамъ имѣти надобно; но блаженство общества состоитъ не въ начальникахъ однихъ и не въ однихъ знатныхъ господахъ. Когда де, говорятъ, люди всѣ просвѣщены будутъ, такъ не будетъ повиновенія и слѣдовательно никаково порядка. Сія система принадлежитъ малымъ душамъ и безмозглымъ головамъ". „Сія гадкая система, по мнѣнію Сумарокова, если не отъ невѣжества и гордости, то конечно отъ нечестія" **).

Укоряя русское дворянство за пренебрежительное отношеніе къ воспитанію и обученію дѣтей и „домочадцевъ", т. е. слугъ, Сумароковъ указывалъ на примѣръ императрицы Екатерины. „Не чудно ли это, говоритъ онъ, мы своихъ дѣтей не учимъ, а государыня и чужихъ дѣтей обучати старается". И къ учрежденію женскихъ институтовъ и къ реформѣ, произведенной Бецкимъ въ кадетскомъ корпусѣ, Сумароковъ относился съ большимъ сочувствіемъ. „Дѣвицы, воспитуемыя въ монастырѣ, говоритъ онъ, не только своихъ чадъ просвѣщать будутъ, но и мужей поправятъ, ежели только будетъ удобно". Сравнивая прежній и преобразованный корпусъ, Сумароковъ писалъ: „тамо обучали насъ быти солдатами, а здѣсь притомъ обучаютъ быть и людьми" ***). Одно только не нравилось Сумарокову въ просвѣтительной дѣятельности Бецкаго, это—крайнее пристрастіе его къ французскому языку. Порошинъ въ своихъ „Запискахъ" говоритъ, что Сумароковъ назвалъ „дураками" и Бецкаго и Тауберта за то, что одинъ „робятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ", а другой—на нѣмецкомъ. По мнѣнію же Сумарокова, „должно дѣтей воспитывать въ Россіи на языкѣ россійскомъ".

---

*) Сочиненія Сумарокова. Т. VI, сс. 232—234.

**) Сочиненія Сумарокова. Т. VI, сс. 240—241.

***) Сочиненія Сумарокова. Т. VI, с. 242.

Интересъ къ вопросамъ воспитанія и обученія заставилъ Сумарокова въ концѣ жизни выступить даже на поприще практической педагогіи. Кромѣ краткаго „Наставленія ученикамъ", присоединеннаго къ разсужденію „О правописаніи", онъ составилъ „Наставленіе младенцамъ", заключающее, какъ гласитъ подзаглавіе, „мораль, исторію и географію". Это—маленькая книжка въ два печатныхъ листа, гдѣ исторія представлена именами русскихъ правителей, начиная съ Владиміра Св., географія представлена названіями странъ и городовъ, а мораль—краткими нравственными изреченіями *).

И Ломоносову и Сумарокову суждено было дожить до новой эпохи въ исторіи русскаго просвѣщенія и русскаго воспитанія—до эпохи *Екатерины II*, когда до крайности преувеличивали роль педагогіи и думали даже путемъ раціональнаго воспитанія „создать новую породу отцовъ и матерей". Просвѣщенная императрица въ теченіе всей своей жизни сильно интересовалась вопросами воспитанія и народнаго образованія. Какъ правительнииа, она отмѣтила свое царствованіе основаніемъ воспитательныхъ домовъ и учрежденіемъ городскихъ школъ подъ именемъ главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ, преобразованныхъ въ началѣ XIX вѣка въ гимназіи и уѣздныя училища. Какъ писательница, Екатерина оставила намъ цѣлый рядъ педагогическихъ трудовъ и цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, также не чуждыхъ педагогическаго значенія.

Въ XIV главѣ знаменитаго „Наказа" и въ инструкціи князю Салтыкову, воспитателю старшихъ внуковъ императрицы, мы встрѣчаемся съ ея педагогическими идеями, усвоенными при содѣйствіи

---

*) На каждой страницѣ этой книжки находится по три собственныхъ имени и по одному нравственному совѣту. Первая страница представляетъ такой видъ:

Владиміръ
Европа
Любите Бога
Петербургъ
Первый христіанскій государь.

На остальныхъ страницахъ примѣчанія объ историческомъ лицѣ иногда нѣтъ. Изреченія, помѣщенныя въ „Наставленіи младенцамъ", слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: „любите Бога, любите государя, любите отечество, любите ближняго, любите истину, чтите родителей, будьте человѣколюбивы, будьте жалостливы, давайте милостыню, храните дружбу, не будьте скоропостижны, не будьте медленны, не будьте злопамятны, будьте опрятны, держите данное слово, будьте учтивы, не будьте робки, не будьте наглы, не будьте излишне отважны, не будьте расточительны, не будьте скупы, будьте скромны, не спорьте излишно, умѣряйте гнѣвъ, не гордитеся никѣмъ, не ползайте ни передъ кѣмъ, не ласкайте (т. е. не льстите) никому, не будьте вѣтрены, будьте осторожны, будьте воздержны, будьте благородны".

и посредствѣ Бецкаго изъ сочиненій Монтаня, Локка и отчасти Руссо. „Наказъ“ признаетъ самымъ надежнымъ, хотя въ то же время и самымъ труднымъ средствомъ сдѣлать людей лучшими— „приведеніе въ совершенство воспитанія“ (§ 248). Правила воспитанія признаются первыми основаніями, пріуготовляющими насъ быть гражданами. Всякому гражданину императрица ставитъ въ обязанность учить дѣтей страху Божію, какъ „началу всякаго цѣломудрія“, учить любви къ отечеству, уваженію къ правительству и законамъ. „Всякій родитель, говорится дальше, долженъ воздерживаться при дѣтяхъ своихъ не только отъ дѣлъ, но и отъ словъ, клонящихся къ неправосудію и насильству... и не дозволять и тѣмъ, которые окружаютъ дѣтей его, давать имъ такіе дурные примѣры... Онъ запретить долженъ дѣтямъ и тѣмъ, кои около нихъ ходятъ, чтобъ не лгали, ниже въ шутку: ибо ложь изо всѣхъ вреднѣйшій есть порокъ *).

Такимъ образомъ, уже въ „Наказѣ“ отдается рѣшительное предпочтеніе воспитанію нравственному. Еще характернѣе въ этомъ отношеніи инструкція князю Салтыкову, составленная на двадцать лѣтъ позже „Наказа“. „Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру, говорится въ этой инструкціи, составляютъ все воспитаніе. Языки и знанія суть меньшая часть воспитанія ихъ высочествъ. Добродѣтели и добронравіе... составлять должны главнѣйшую часть ихъ воспитанія. Когда добродѣтели и добронравіе вкоренятся въ душахъ дѣтей, все прочее пріидетъ ко времени“.

Согласно этому взгляду, раздѣлявшемуся большинствомъ русскихъ писателей и педагоговъ XVIII вѣка, Екатерина послѣ наставленій относительно физическаго воспитанія, особенно настоятельно совѣтуетъ „отдалять отъ дѣтей худые и порочные примѣры“, не употреблять лжи и обмана даже въ шуткахъ. развивать „правила человѣколюбія и благоволенія ко всякой твари“, не исключая цвѣтовъ, „поваживать дѣтей къ учтивости“ даже со слугами и простолюдинами, отдалять ихъ отъ высокомѣрія и т. д. Интересны и немногочисленныя сравнительно указанія императрицы относительно обученія великихъ князей. Инструкція старается придать обученію по возможности національный характеръ. Хотя не всѣ учебные предметы изучаются на родномъ языкѣ, но требуется чтобы дѣти „русское письмо и языкъ... знали какъ возможно лучше“, и предписывается „отъ 11 до 15 лѣтъ употреблять по нѣскольку часовъ въ день для Россіи во всѣхъ ея частяхъ“.

Еще прежде, чѣмъ была написана „Инструкція“ князю Салтыкову, императрица, сама руководившая первоначальнымъ воспита-

*) Сочиненія императрицы Екатерины II. Спб. 1849. Т. I, сс. 85—86.

ніемъ своихъ внуковъ, составила для нихъ „нарочитыя книжицы“, а именно: азбуку, „разговоры и разсказы“, „гражданское начальное ученіе“ (съ „китайскими мыслями и совѣтами“) „записки“, „выбранныя россійскія пословицы“ и, кромѣ того, двѣ сказки: о царевичѣ Хлорѣ и о царевичѣ Февеѣ. Почти всѣ эти книжки, не всегда доступныя дѣтскому возрасту, какъ по языку, такъ и по содержанію, отъ начала до конца пропитаны нравоучительнымъ элементомъ. Исключеніе представляютъ „Записки“, сообщающія не мало отрывочныхъ географическихъ свѣдѣній, не всегда, впрочемъ, вѣрныхъ и точныхъ, а иногда прямо курьезныхъ *); но и въ этой книжкѣ сплошь и рядомъ встрѣчаются нравоучительные разговоры и разсказы **).

Комедіи Екатерины II не лишены также педагогическаго интереса. Кромѣ проповѣди гуманныхъ идей въ духѣ „Наказа“, кромѣ осмѣянія грубости и невѣжества, суевѣрій и пороковъ, увлеченія иностраннымъ и презрѣнія къ отечественному, императрица изображаетъ намъ (въ комедіи „О, время!“) старинные взгляды на образованіе женщины, обрекавшіе ее на круглое невѣжество („меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ“) и выводитъ на сцену нѣсколько педагоговъ, одинъ другого хуже. Такъ, въ комедіи „Госпожа Вѣстникова съ семьей“ изображенъ учитель французъ, который былъ прежде кучеромъ и котораго хотятъ замѣнить бывшимъ скороходомъ; въ комедіи „Обманщикъ“ изображены француженка Грибужъ, научившая свою воспитанницу только „бѣлиться, румяниться да волосы растрепать“, и французъ Роти, который прежде „шатался голъ по улицамъ и по трактирамъ“. Изображенный въ комедіи „Недоразумѣніе“ учитель Потачкинъ не былъ кучеромъ и не шлялся по трактирамъ, онъ человѣкъ ученый, онъ можетъ составить „о воспитаніи... выпись изъ древнихъ греческихъ и латинскихъ писателей“, но зато этотъ ученый педагогъ—„педантъ, ласкатель и лицемѣръ“, и, кромѣ того, нерѣдко играетъ роль домашняго шута, за что получаетъ „щелчковъ тьму, да тычка безъ счету“.

Обличеніе недостатковъ семейнаго воспитанія и изображеніе курьезныхъ педагоговъ—одна изъ самыхъ обычныхъ темъ въ комедіяхъ и сатирахъ второй половины XVIII вѣка. Почти каждый, кто только сочинялъ комедіи или издавалъ сатирическіе листки, считалъ

*) Такъ, напримѣръ, о Волгѣ, запад. Двинѣ и Днѣпрѣ говорится, что эти рѣки «начало свое имѣютъ въ Псковской губерніи, въ Великолуцкихъ болотахъ“ (§ 31); на Шпицбергенѣ „деревья, по причинѣ великой стужи, вверхъ не растутъ, но разстилаютъ вѣтви по землѣ ниже грибовъ“ (§ 59).

**) См. „Педагогическія сочиненія“ императрицы Екатерины II въ изданіи Суворина.

своимъ долгомъ осмѣять невѣжественныхъ родителей вмѣстѣ съ привозными „гофмейстерами" и доморощенными „мастерами". Но никто изъ русскихъ писателей не стяжалъ на этомъ поприщѣ такой славы и извѣстности, какъ *Фонвизинъ*. По заявленію кн. Вяземскаго „исправленіе русскаго воспитанія было постоянною цѣлью автора („Недоросля") почти во всѣхъ произведеніяхъ его". И дѣйствительно, съ вопросами воспитанія мы встрѣчаемся какъ въ оконченныхъ, такъ и въ неоконченныхъ комедіяхъ Фонвизина. Величайшій русскій комикъ XVIII вѣка далъ намъ яркія картины безобразнаго семейнаго воспитанія въ столичныхъ городахъ и въ помѣщичьихъ усадьбахъ производившагося при пособіи кучеровъ и мозольныхъ операторовъ, недоучившихся семинаристовъ и полуграмотныхъ солдатъ.

Образы фонвизинскихъ „отцовъ" и „дѣтей" и ихъ наставниковъ русскихъ и иностранныхъ, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы стоило на нихъ останавливать вниманіе; но нельзя не упомянуть о педагогическихъ взглядахъ Фонвизина, вложенныхъ имъ въ уста Стародума. Такъ же, какъ и Екатерина II, Фонвизинъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе воспитанію нравственному. „Умъ, коль онъ только что умъ,—сущая бездѣлица... Прямую цѣну уму даетъ благонравіе. Безъ него умный человѣкъ—чудовище. Оно (т. е. благонравіе) неизмѣримо выше всей бѣглости ума... Главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ—благонравіе... Наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу". Все это говорится отъ лица Стародума. Но въ перепискѣ Фонвизина подобные же педагогическіе взгляды мы встрѣчаемъ за десять лѣтъ до появленія „Недоросля". Лучше не быть никакъ воспитану, писалъ Фонвизинъ гр. Петру Панину 6 апрѣля 1772 года, нежели такъ развращенну, какъ многіе у насъ воспитываются! Объ исправленіи ума столь много у насъ помышляютъ, сколь мало объ исправленіи сердца, не зная того, что добродѣтельное сердце есть первое достоинство человѣка, и что въ немъ одномъ только искать и находить можно блаженство жизни нашея".

„Всему причиной воспитаніе", говорилъ Фонвизинъ въ молодости устами Добролюбова (въ „Бригадирѣ") и держался этого убѣжденія до конца своей жизни. Найдя во Франціи страшное „развращеніе нравовъ", онъ объяснилъ это тѣмъ, что воспитаніе у французовъ „пренебрежено до невѣроятности". „Воспитаніе во Франціи, писалъ онъ изъ Ахена $^{18}/_{29}$ сентября 1778 года, ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія, и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе полагаютъ, чтобъ

одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ; но, чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ".

Понятно, что при такомъ отношеніи къ французскому воспитанію Фонвизинъ не могъ считать хорошими воспитателями для русскаго юношества даже представителей французскаго дворянства. „Каждый французскій дворянинъ, говорится въ томъ же письмѣ, при всей своей глупой гордости, почтетъ за великое себѣ счастіе быть принятымъ гувернеромъ къ сыну нашего знатнаго господина. Множество изъ нихъ мучили меня неотступными просьбами достать имъ такія мѣста въ Россіи; но какъ исполненіе ихъ просьбъ было бы убійственно для невинныхъ, доставшихся въ ихъ руки, то уклонился я отъ сего злодѣянія и почитаю долгомъ совѣсти не способствовать тому злу, которое въ отечествѣ нашемъ уже довольно вкореняется". Очевидно, на всѣхъ французскихъ гувернеровъ Фонвизинъ смотрѣлъ такими же глазами, какъ на шевалье Какаду, изображеннаго въ „Разговорѣ у княгини Халдиной". Всѣ они, по его мнѣнію, такъ же, какъ и этотъ „пустоголовый французъ, изъ побродягъ самая негодница", могли вселять въ сердца своихъ учениковъ только „ненависть къ отечеству, презрѣніе ко всему русскому и любовь къ французскому".

Еще ближе стоялъ къ вопросамъ воспитанія современникъ Фонвизина, „переимчивый *Княжнинъ*", извѣстный своими трагедіями и комедіями. „Какъ секретаря Бецкаго и ближайшаго его сотрудника по воспитательнымъ учрежденіямъ, Княжнина особенно занимали вопросы о правильномъ воспитаніи и образованіи" (Порфирьевъ). Эти вопросы затрагиваются имъ и въ комедіяхъ и въ публичныхъ рѣчахъ. Въ своей рѣчи, произнесенной въ Академіи Художествъ въ 1779 году, Княжнинъ доказываетъ, что „единое воспитаніе" можетъ приготовить человѣка для пользованія свободой, и что „благонравіе съ великими талантами должно тѣсно сопряжено быть". Поборникомъ нравственнаго воспитанія является Княжнинъ и въ рѣчи, произнесенной въ Кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ преподавалъ русскую словесность. „Остроумный и развращенный человѣкъ, говоритъ авторъ „Вадима", пагубнѣе невѣжи (т. е. невѣжды) простодушнаго" *).

Съ интересующей насъ точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія и величайшій русскій лирикъ XVIII вѣка, *Державинъ*. Хотя „пѣвецъ Фелицы" и не придавалъ особенно серьезнаго значенія поэзіи,

---

*) Сочиненія Княжнина, т. II, 592, 599. Спб. 1848. См. тамъ же и „Отрывки изъ риторики", составленной Княжнинымъ для своихъ учениковъ.

сравнивая ее съ лимонадомъ *), тѣмъ не менѣе „великое нравственное и воспитательное вліяніе его произведеній“ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ рѣдкой одѣ Державина мы не находимъ идей правды и добра, которыя являются основными мотивами всей его поэзіи. Науки, просвѣщеніе и воспитаніе также нерѣдко затрагиваются въ одахъ Державина. Шувалова онъ прославляетъ за „ободреніе наукъ“ и за „насажденіе училищъ“, Екатерину — за то, что она „просвѣщаетъ свой народъ“, Бецкаго за то, что онъ „художества изящны и воспитанье насаждалъ“, княгиню Т. В. Юсупову — за то, что, „обнявъ науки и искусства“, она „сама воспитываетъ дѣтей своихъ“ и т. д.

Какъ администраторъ, Державинъ проявилъ рѣдкое для своего времени усердіе при учрежденіи народныхъ училищъ въ Тамбовской губ. Благодаря его энергіи при сборѣ пожертвованій **) и отыскиваніи учителей, было открыто шесть народныхъ училищъ, главное въ Тамбовѣ и пять малыхъ въ уѣздныхъ городахъ Тамбовской губерніи. Онъ разъяснялъ купцамъ и мѣщанамъ пользу училищъ, всѣми средствами, не исключая полицейскихъ, привлекалъ учащихся, хлопоталъ о пріобрѣтеніи школьныхъ пособій, выписывая изъ Москвы даже карандаши и грифеля, присутствовалъ на экзаменахъ, просиживая цѣлые часы и предлагая вопросы, слѣдилъ за ходомъ обученія нѣсколькихъ крестьянскихъ мальчиковъ графа А. Р. Воронцова и т. д. И все это Державинъ дѣлалъ не изъ одного административнаго усердія, а также и вслѣдствіе сознанія пользы просвѣщенія ***).

Такъ какъ тамбовское дворянство не желало отдавать своихъ сыновей въ главное народное училище, а другихъ учебныхъ заведеній, кромѣ духовной семинаріи и гарнизонной школы, въ Тамбовѣ не было, то Державинъ завелъ у себя на дому, вмѣстѣ съ театральными представленіями и обученіемъ танцамъ, уроки грамоты и ариѳметики ****).

Талантъ писателя также былъ употребленъ Державинымъ для

---

*) Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

**) Самъ Державинъ оказался наиболѣе щедрымъ жертвователемъ: онъ далъ сто рублей.

***) *Гротъ*. Жизнь Державина. Спб. 1880. Гл. XI.

****) „Судя по тамбовскимъ архивнымъ документамъ, говоритъ г. Дубасовъ, Державинъ былъ ревнителемъ народнаго просвѣщенія по призванію“. По свидѣтельству того-же изслѣдователя тамбовской старины, учрежденныя Державинымъ школы пришли въ упадокъ вскорѣ послѣ того, какъ поэтъ-губернаторъ уѣхалъ въ Петербургъ.

пользы народнаго просвѣщенія въ Тамбовѣ. Онъ составилъ рѣчь, которая была произнесена, при открытіи училища, однодворцемъ Захарьинымъ, и сочинилъ „прологъ“, представленный на домашней сценѣ. Въ рѣчи Державина, которая вызвала слезы тамбовскихъ слушателей и заставила прослезиться отъ умиленія самое императрицу, прославляется „прозорливая монархиня“ за то, что „обратила человѣколюбивый взоръ свой на простой народъ и, не взирая на адскую политику коварныхъ умовъ, что ни обогащать ни научать черни не должно, повелѣла установить и открыть народныя школы, въ которыхъ всякаго состоянія людямъ отверзты къ просвѣщенію двери“.

Особенный эффектъ произвела та часть рѣчи, съ которою Захарьинъ обратился къ своему сыну, и въ которой Державинъ высказалъ свой взглядъ на пользу и значеніе образованія. „Слушай, сынъ мой; услышь меня и ты, простой народъ: ты будешь человѣкомъ! Здѣсь, почерпая твердыя основанія православной вѣры нашей и понимая великія истины евангельскаго благовѣстія, ты будешь безъ суевѣрія и безъ ханжества прямымъ христіаниномъ. Здѣсь, навыкая обязанностямъ гражданина, ты будешь послушнымъ сыномъ, вѣрнымъ супругомъ, чадолюбивымъ отцомъ, надежнымъ пріятелемъ, мирнымъ сосѣдомъ, благопокорнымъ начальству подчиненнымъ, ревностнымъ къ службѣ государя твоего подданнымъ. Ты не преломишь совѣсти на судѣ, не пощадишь груди своей въ сраженіяхъ за пользу отечества и за славу своего монарха. Здѣсь пріобыкнешь ты быть не тунеядцемъ, помня, что всякъ земнородный долженъ въ трудахъ своихъ снѣсти хлѣбъ свой. Здѣсь уразумѣешь ты движеніе тѣлъ и будешь разумнымъ ремесленникомъ. Здѣсь обрѣтешь познаніе причинъ естества и будешь домовитымъ хозяиномъ, богатымъ нивъ пахаремъ, разумѣющимъ свойство земли и время повѣрить оной сѣмена свои. Словомъ, ты будешь *человѣкомъ*: ибо Екатерина Великая желаетъ управлять *людьми*“ *).

Тѣ же приблизительно мысли, только въ поэтической формѣ, высказываются и въ „Прологѣ“. Тамъ изображенъ спустившійся съ облаковъ „геній или духъ просвѣщенія“, съ учебной доской и грифелемъ, приглашающій къ себѣ всѣхъ, безъ различія званія и состоянія:

Внимай меня, кто бъ ни былъ ты таковъ!
Убогій и богачъ, подвластный и свободный,
И пахарь и купецъ, и рабъ и благородный.
Послушайте! себѣ желаетъ кто добра,
Дражайшаго стократъ и злата и сребра,

---

*) Сочиненія Державина, 2-е академическое изд. Т. VII, сс. 156—161.

Котораго никакъ не похищаютъ воры,
Не подкопаетъ тать: не медля будьте скоры,
Спѣшите всѣ ко мнѣ богатство подобрать.
Я чувствовать учу прямую честь,
Я разумъ знаньемъ наполняю;
Просите у меня: все дать я обѣщаю,
Что можетъ честь
Принесть
И сердце воспалить къ поступкамъ благороднымъ.

Далѣе, въ уста „генія“ Державинъ влагаетъ слѣдующія строки:

Кто хочетъ добрымъ быть и честнымъ гражданиномъ,
Любезнѣйшимъ отцомъ, послушнымъ кроткимъ сыномъ,
Супругомъ ласковымъ, сосѣдомъ не сварливымъ,
Судьею справедливымъ,
Единымъ словомъ: кто хочетъ быть счастливымъ—
Учитесь и трудитесь“ *).

Знаменитый въ свое время *Херасковъ*, котораго современники величали русскимъ Гомеромъ, также заслуживаетъ упоминанія въ исторіи русской педагогіи. Болѣе сорока лѣтъ жилъ онъ въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ Московскимъ университетомъ, между прочимъ, въ званіи его директора, а потомъ куратора. Онъ любилъ окружать себя университетскою молодежью, поощряя ее къ литературнымъ занятіямъ; онъ настоялъ на введеніи въ университетѣ лекцій на русскомъ языкѣ; будучи кураторомъ, онъ покровительствовалъ просвѣтительной дѣятельности Новикова и Шварца, содѣйствовалъ открытію при университетѣ „Педагогической семинаріи“ и положилъ начало „Благородному пансіону“, откуда вышелъ цѣлый рядъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей, въ томъ числѣ Жуковскій и Лермонтовъ.

---

*) Сочиненія Державина. Т. IV, сс. 6—15. И позже Державину, какъ администратору, пришлось высказаться по вопросу о народномъ образованіи. Въ 1800 году, во время командировки для изслѣдованія причинъ голода въ Бѣлоруссіи, Державинъ написалъ записку объ устройствѣ быта бѣлорусскихъ евреевъ. Изъ десяти отдѣловъ этой записки два послѣдніе посвящены политическому и нравственному образованію и просвѣщенію евреевъ. Проектируя цѣлый рядъ стѣснительныхъ для евреевъ мѣропріятій, между прочимъ, выселеніе части ихъ изъ Бѣлоруссіи и уничтоженіе кагаловъ, Державинъ въ то же время писалъ, что еврейскія школы и синагоги должны быть покровительствуемы законами, хотя обученіе въ школахъ и должно производиться подъ надзоромъ (въ городахъ — городничихъ, а въ уѣздахъ—земской полиціи). Далѣе въ той же запискѣ Державинъ проектировалъ реорганизацію еврейскихъ школъ по прусскому образцу. (Соч. Державина, VII, 319—331).

Прежде чѣмъ перейти къ знаменитымъ русскимъ писателямъ XIX вѣка, необходимо упомянуть еще *Новикова*, который въ области изящной словесности значенія не имѣетъ, но занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ не только въ исторіи русскаго просвѣщенія, но и въ исторіи русской педагогіи. Какъ типографщикъ, онъ напечаталъ цѣлыя сотни книгъ самаго разнообразнаго содержанія, въ томъ числѣ много учебныхъ руководствъ для дѣтей и взрослыхъ; какъ книгопродавецъ, онъ заботился о распространеніи книгъ не только въ городахъ, но и въ селахъ; какъ благотворитель, онъ устроилъ въ Петербургѣ два училища для бѣдныхъ дѣтей. Наконецъ, въ своихъ сатирическихъ и нравоучительныхъ журналахъ Новиковъ удѣлялъ не мало мѣста вопросамъ воспитанія.

Уже въ первыхъ сатирическихъ журналахъ Новикова, въ „Трутнѣ", „Живописцѣ" и „Кошелькѣ", рядомъ съ рѣзкимъ обличеніемъ невѣжества, мы находимъ сатиры на французскихъ „побродягъ", развращающихъ русское юношество; на заграничныя путешествія, превращающія „россійскаго поросенка" въ „совершенную свинью"; на домашнее воспитаніе въ помѣщичьихъ семьяхъ, гдѣ мать читаетъ дѣтямъ французскіе любовные романы, а отецъ сѣчетъ крестьянъ, и т. д. Въ позднѣйшихъ журналахъ Новикова, начиная съ „Утренняго Свѣта" и кончая „Покоящимся Трудолюбцемъ", напечатанъ цѣлый рядъ оригинальныхъ и переводныхъ статей и сочиненій какъ о воспитаніи вообще, такъ и объ отдѣльныхъ педагогическихъ вопросахъ. Особенный интересъ представляетъ напечатанное въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ" большое сочиненіе „О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общеполезныхъ знаній и всеобщаго благополучія". М. И. Демковъ считаетъ этотъ трактатъ „лучшимъ изъ педагогическихъ сочиненій XVIII вѣка", а проф. Незеленовъ ставитъ его даже выше „Мыслей о воспитаніи" Локка *). Въ сочиненіи этомъ „единое воспитаніе" признается, подлиннымъ творцомъ добрыхъ нравовъ", а „образованіе сердца"—„первымъ, великимъ дѣломъ воспитанія". „Воспитаніе, по мнѣнію анонимнаго автора, состоитъ наипаче въ томъ, чтобъ стараться образовать разумъ и сердце дитяти (и) чрезъ то самолучшимъ образомъ приводить его къ добродѣтели, религіи и христіанству".

Если въ этомъ сочиненіи „образованіе сердца" все-таки замѣтно предпочитается развитію ума, зато въ другихъ статьяхъ Новиковскихъ журналовъ, вопреки распространенному въ XVIII вѣкѣ взгляду о

---

*) И проф. Незеленовъ и г. Демковъ приписываютъ это анонимное сочиненіе Новикову, хотя вѣроятнѣе всего, что оно написано его сотрудникомъ и другомъ, проф. Шварцемъ.

преимуществѣ нравственнаго воспитанія передъ умственнымъ, доказывается равноправность и тѣсная взаимная связь воспитанія и образованія. Кромѣ этой коренной поправки къ педагогическимъ теоріямъ XVIII вѣка, въ Новиковскихъ журналахъ былъ высказанъ цѣлый рядъ разумныхъ и гуманныхъ взглядовъ и требованій. Въ нихъ отрицаются тѣлесныя наказанія и вообще суровое обращеніе съ дѣтьми; на мѣсто безграничнаго авторитета родителей и воспитателей ставится авторитетъ истины и добра; признаются полезными для образованія какъ древніе языки, такъ и естественныя науки; общественное воспитаніе предпочитается домашнему; за женщиной признается право на такое-же образованіе, какимъ пользуется и мужчина; для учителей требуется общественное уваженіе и лучшее матеріальное положеніе; пропагандируется сократическій методъ обученія и т. д. *) Слѣдуетъ также напомнить, что въ 1785—1789 годахъ Новиковъ издавалъ въ видѣ приложенія къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ первый въ Россіи журналъ для дѣтей подъ заглавіемъ „Дѣтское чтеніе для сердца и разума“.

М. Столяровъ.

---

*) Незеленовъ. „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 годовъ“. Спб. 1875. Демковъ. „Исторія рус. педагогіи“. Ч. II, главы XXXVI и XXXVIII. Спб. 1897.

Праздникъ русскихъ женщинъ.

(25-лѣтіе Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ).

I.

Знаменательный юбилей.

21 ноября только что истекшаго 1903 г. въ Петербургѣ справлялся одинъ знаменательный юбилей—двадцатипятилѣтіе существованія Высшихъ женскихъ курсовъ. Присутствовать на этомъ юбилеѣ пожелало такое значительное число лицъ, что администрація курсовъ была поставлена въ сильное затрудненіе и выдавала входные билеты съ большой разборчивостью. На юбилеѣ присутствовали министръ народнаго просвѣщенія и его товарищъ, бывшій товарищъ генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго по управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія И. В. Мѣщаниновъ и многіе выдающіеся представители ученаго міра и учебной администраціи разныхъ вѣдомствъ.

Празднованіе началось въ 2 ч. дня молебствіемъ и провозглашеніемъ вѣчной памяти покойнымъ учредителямъ, благотворителямъ, профессорамъ и слушательницамъ курсовъ. Затѣмъ директоръ курсовъ открылъ засѣданіе и предоставилъ слово А. П. Философовой, одной изъ самыхъ выдающихся дѣятельницъ русскаго женскаго движенія вообще и въ особенности всѣхъ тѣхъ проявленій этого движенія, которыя связаны съ возникновеніемъ и поддержаніемъ высшихъ женскихъ курсовъ. Анну Павловну встрѣтили долгіе, горячіе аплодисменты всего собранія, не позволявшіе ей говорить. Смущеннымъ отъ волненія голосомъ Анна Павловна произнесла, обращаясь къ собранію, приблизительно слѣдующія слова:

„Позвольте мнѣ подѣлиться съ вами тѣми отрадными чувствами, которыя переполняютъ (А. П. говорила, какъ предсѣдательница Комитета Общества для доставленія средствъ Высшимъ женскимъ курсамъ) нашу душу. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ никто не думалъ о счастьѣ дожить до этого момента. Какъ же намъ не ра-

доваться! Настанетъ время, когда мы, старые дѣятели, должны будемъ сойти со сцены. Мы уйдемъ съ чувствомъ вѣры въ будущее, и эту вѣру хотѣлось бы внушить и вамъ. Вѣрьте, что никакія преграды не могутъ пріостановить побѣдоноснаго шествія по пути знанія и свѣта". Эти слова были покрыты столь же горячими и продолжительными аплодисментами, какъ и самое появленіе передъ собраніемъ А. П. Философовой.

Не останавливаясь на послѣдующихъ чтеніяхъ и рѣчахъ—директора курсовъ, сказавшаго нѣсколько словъ по поводу многообразной и плодотворной дѣятельности женщинъ, окончившихъ курсы, В. П. Тарновской, прочитавшей отчетъ за 25 лѣтъ дѣятельности общества для доставленія средствъ курсамъ, и проф. И. И. Боргмана, перваго секретаря совѣта курсовъ, прочитавшаго краткій и прекрасно составленный историческій очеркъ развитія курсовъ,—не останавливаясь на этихъ рѣчахъ и чтеніяхъ, такъ какъ мы ознакомимся съ указанными въ нихъ фактами и цыфрами изъ послѣдующаго изложенія, мы перейдемъ прямо къ характеристикѣ адресовъ и привѣтствій, присланныхъ курсамъ въ этотъ знаменательный для нихъ день.

Всѣхъ адресовъ было болѣе 70; въ числѣ ихъ мы находимъ адреса отъ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ учрежденій (Академія Наукъ, Главная физическая обсерваторія), отъ ученыхъ и разныхъ иныхъ обществъ (Императорское Вольное Экономическое Общество, И. Географическое Общество, Р. И. Техническое Общество, Физико-Химическое Общество, Историческое и Философское общеста, Литературный фондъ, Педагогическое Общество Взаимопомощи, Женское Взаимно-благотворительное Общество и т. д., и т. д.), отъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга, не исключая даже военныхъ (Николаевская Инж. Академія, Михайловская Артил. Академія) и Духовной Академіи. Чтеніе адресовъ продолжалось болѣе трехъ часовъ и вызывало все время выраженія энтузіазма со стороны собранія,—энтузіазма, объясняемаго частью горячими словами сочувствія дѣлу высшаго женскаго образованія, которыми весьма естественно были преисполнены адреса, частью личностью читавшихъ, большинство которыхъ имѣетъ за собой крупныя общественныя заслуги въ томъ или иномъ отношеніи, и нерѣдко даже именно въ области высшаго женскаго образованія (г.г. Фаминцынъ, Боргманъ, Бородинъ, Карѣевъ и др.).

Чтеніе адресовъ затянулось до восьмого часа и такимъ образомъ собранію, открытому, какъ мы упомянули, въ 2 ч., пришлось отказаться отъ выслушанія болѣе чѣмъ полутораста привѣтственныхъ телеграммъ, присланныхъ разными иногородними учрежденіями и

лицами, а также и нѣкоторыми изъ видныхъ государственныхъ научныхъ дѣятелей, которые, живя въ С.-Петербургѣ, почему-либо не могли лично присутствовать на юбилеѣ курсовъ. Изъ числа такихъ привѣтствій достаточно назвать письмо члена государственнаго совѣта П. С. Ванновскаго, оставившаго прочную по себѣ память за свое короткое, но чрезвычайно плодотворное по своимъ начинаніямъ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, и телеграмму Д. И. Менделѣева, бывшаго много лѣтъ профессоромъ В. Ж. Курсовъ.

Привѣтственныя телеграммы были получены также отъ всѣхъ русскихъ университетовъ отъ нѣкоторыхъ иныхъ иногороднихъ высшихъ учебныхъ заведеній, отъ попечителей всѣхъ учебныхъ округовъ и наконецъ отъ нѣкоторыхъ заграничныхъ женскихъ обществъ (отъ союза нѣмецкихъ женскихъ обществъ, отъ шведскаго національнаго союза женщинъ, отъ Голландскаго женскаго общества и т. д.).

Мы не имѣемъ, конечно, возможности знакомить читателей съ содержаніемъ сколько нибудь значительной части адресовъ и привѣтствій, присланныхъ В. Ж. курсамъ, и позволимъ себѣ привести только два адреса, чтобы показать, какими словами русское общество, въ лицѣ наиболѣе видныхъ и компетентныхъ представителей, отозвалось на юбилей самаго замѣчательнаго по широтѣ своихъ задачъ высшаго женскаго учебнаго заведенія въ Россіи.

Первымъ былъ прочитанъ адресъ отъ Академіи Наукъ А. С. Фаминцынымъ. Вотъ что онъ прочиталъ: „Императорская Академія Наукъ въ общемъ собраніи 4 октября поручила намъ, академикамъ И. П. Бородину, С. Ф. Ольденбургу и А. С. Фаминцыну, привѣтствовать Высшіе женскіе курсы съ юбилеемъ двадцатипятилѣтія ихъ существованія. Мы исполняемъ это пріятное и лестное для насъ порученіе съ тѣмъ большимъ удовольстяіемъ, что настоящее юбилейное торжество исключительно по своему значенію...

„Мы привѣтствуемъ отъ имени Академіи Наукъ Высшіе женскіе курсы съ тѣмъ, что въ столь короткій срокъ удалось энергіи немногихъ лицъ на частныя средства съ незначительнымъ лишь пособіемъ отъ правительства создать изъ ничего первую высшую женскую школу, цвѣтущую и роскошно обставленную, Высшіе женскіе курсы, гдѣ занимается болѣе тысячи слушательницъ, и которые не безъ основанія могутъ заявлять право на названіе „университетъ для женщинъ“.

„Мы привѣтствуемъ самоотверженныхъ членовъ комитета, съ неутомимымъ стараніемъ содѣйствующихъ процвѣтанію курсовъ доставленіемъ необходимыхъ денежныхъ средствъ, и нераздѣльно съ

ними привѣтствуемъ и совѣтъ профессоровъ, которому курсы обязаны выполненіемъ трудной и главной задачи—развитія въ слушательницахъ курсовъ любви къ наукѣ и жажды знанія. Мы привѣтствуемъ многочисленныхъ слушательницъ курсовъ какъ настоящихъ, такъ и окончившихъ уже свое образованіе съ тѣмъ, что онѣ на двадцатипятилѣтнемъ опытѣ наглядно показали, что русская женщина, чуткая къ разнообразнымъ запросамъ общества, способна и къ занятію отвлеченными научными задачами".

Затѣмъ читался адресъ отъ Петербургскаго университета, заслуживающій нашего вниманія вслѣдствіе фактической близости университета къ курсамъ во всѣ періоды существованія послѣднихъ, особенно же въ первые и наиболѣе трудные годы зарожденія курсовъ. Адресъ былъ прочитанъ ректоромъ университета г. Ждановымъ.

„Совѣтъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета привѣтствуетъ высшіе женскіе курсы съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ ихъ учебной дѣятельности.

„Возникшіе при посредствѣ частной инціативы, курсы, быстро развиваясь, давно уже достигли большого значенія въ русскомъ обществѣ. Изъ своихъ стѣнъ они выпустили 16,910 женщинъ, озаренныхъ свѣтомъ науки".

„При посредствѣ бывшихъ своихъ слушательницъ они содѣйствовали распространенію знанія въ самыхъ далекихъ углахъ нашего отечества; они послужили и къ поднятію уровня положенія женщинъ въ обществѣ. Россія можетъ гордиться тѣмъ, что общество само, своимъ почином, нашло возможность создать первое высшее учебное заведеніе для женщинъ и могло не только поддержать, но и матеріально обезпечить курсы, требующіе большихъ затратъ на свое содержаніе".

„Профессорамъ петербургскаго университета курсы были близки съ самаго момента ихъ возникновенія".

„Профессора за одно съ курсами переживали горе и радость во всѣ эпохи ихъ существованія. Нынѣ, въ день торжественнаго праздника курсовъ, совѣтъ профессоровъ сердечно желаетъ курсамъ дальнѣйшаго процвѣтанія и скорѣйшаго ихъ обращенія въ университетъ для женщинъ".

Мы не находимъ возможнымъ приводить другихъ адресовъ, прочитанныхъ въ день знаменательнаго для русскихъ женщинъ юбилея высшихъ женскихъ курсовъ, какъ ни цѣнны многія высказанныя въ нихъ мысли, какъ ни дороги многія выраженныя въ нихъ пожеланія. Вмѣсто этого мы имѣемъ въ виду изложить на послѣдующихъ страницахъ главные моменты чрезвычайно любопытной и поучи-

тельной исторіи высшихъ женскихъ курсовъ, руководствуясь прекрасной книгой *), выпущенной ко дню юбилея Комитетомъ „Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ". Эта книга имѣетъ около 450 страницъ, причемъ большую ея часть составляетъ крайне цѣнная монографія г-жи Анненской, носящая заглавіе „Историческій очеркъ возникновенія и дѣятельности „Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ". Статья г-жи Анненской тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія русскаго общества, что она заключаетъ въ себѣ многія такія данныя, которыя въ первый разъ дѣлаются достояніемъ гласности. Въ статьѣ г-жи Анненской имѣется 9 рисунковъ съ видомъ зданія курсовъ, общежитія, обсерваторіи, химическаго кабинета, библіотеки, столовой и кухни и 6 плановъ разныхъ этажей и всего вообще помѣщенія курсовъ.

Чрезвычайно цѣнную часть книги, изданной Комитетомъ, составляетъ историческая записка о ходѣ преподаванія разныхъ предметовъ за все время существованія курсовъ; въ составленіи этой записки участвовалъ весь наличный составъ профессоровъ и преподавателей курсовъ (каждый писалъ о своемъ спеціальномъ предметѣ).

Большое значеніе для оцѣнки общественнаго значенія курсовъ имѣетъ составленный г-жой Вѣтвѣницкой весьма обстоятельный „Очеркъ дѣятельности общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ". Здѣсь между прочимъ собраны и разработаны данныя о послѣдующей дѣятельности курсистокъ.

Цитированное изданіе Комитета заканчивается небольшимъ очеркомъ дѣятельности недавно возникшаго при курсахъ „Общества вспомоществованія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ". Очеркъ составленъ баронессой Нольде.

Таковъ трудъ, который мы попытаемся резюмировать на послѣдующихъ страницахъ, останавливаясь на самыхъ крупныхъ фактахъ заслуживающей серьезнаго вниманія исторіи самаго замѣчательнаго высшаго женскаго учебнаго заведенія въ Россіи.

Для составленія своей статьи мы пользовались также любопытными воспоминаніями В. В. Стасова **) о своей покойной сестрѣ, имя которой неразрывно связано съ исторіей петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.

---

*) „С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ (1878—1903). Очерки и матеріалы". Спб. 1903.

Ко дню юбилея курсовъ вышло также 4-е изданіе „Памятной книжки окончившихъ курсъ на Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ 1882—89 и 1893—1903 гг.".

**) „Надежда Васильевна Стасова. Очерки и воспоминанія". Спб. 1879.

II.

Зарожденіе идеи высшаго женскаго образованія въ Россіи.

Необычайный подъемъ всего тона русской жизни, послѣдовавшій за Крымской кампаніей, обнаружившей всю несостоятельность прежняго режима, выразился между прочимъ и въ томъ интересѣ, который стали возбуждать педагогическіе вопросы. Въ іюнѣ 1856 г. появилась въ „Морскомъ Сборникѣ" знаменитая статья Пирогова „Вопросы жизни", составляющая нѣкоторымъ образомъ эру въ развитіи здравыхъ педагогическихъ идей въ Россіи.

„Для женщины", говоритъ г-жа Анненская, „Пироговъ требовалъ такого же общечеловѣческаго воспитанія, такого же, какъ для мужчины, развитія мысли и воли; но если постановка мужского образованія сильно грѣшила противъ выставленныхъ принциповъ, то еще болѣе противорѣчила имъ тогдашняя система воспитанія женщинъ построенная на началахъ, совершенно противоположныхъ взглядамъ Пирогова".

Существовавшія въ то время женскія учебныя заведенія (институты) были не только плохи по своей организаціи: они были, кромѣ того весьма малочисленны и доступны только дочерямъ дворянъ и чиновниковъ. Само министерство народнаго просвѣщенія пришло, наконецъ, къ сознанію всей важности вопроса, какъ это видно изъ того, что въ томъ самомъ 1856 г., когда появилась цитированная статья Пирогова, министръ народнаго просвѣщенія Норовъ, подалъ Императору Александру II всеподданнѣйшую записку, въ которой между прочимъ писалъ слѣдующее:

„Въ системѣ народнаго образованія по сіе время преимущественное вниманіе правительства было обращено на образованіе мужскаго пола. Институты для дѣвицъ... предназначены для ограниченнаго числа дочерей дворянъ и чиновниковъ; лица же средняго состоянія, особенно въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, лишены возможности дать дочерямъ своимъ необходимое образованіе... Поэтому *учрежденіе открытыхъ школъ для дѣвицъ... было бы величайшимъ благодѣяніемъ* для отечества"... На эту записку послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „*Приступить къ соображеніямъ* объ устройствѣ... въ губернскихъ городахъ школъ, приближенныхъ по курсу къ гимназіямъ"...

Осуществляя Высочайшее повелѣніе, министръ запросилъ разныхъ относящихся къ вопросу свѣдѣній у попечителей учебныхъ округовъ, которые однако въ большинствѣ случаевъ выразили „мало сочувствія идеѣ открытыхъ всесословныхъ училищъ для дѣвицъ"...

Пока министерство народнаго просвѣщенія собирало свѣдѣнія и отзывы попечителей, вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи, носившее тогда названіе IV отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, по иниціативѣ извѣстнаго русскаго педагога, инспектора Павловскаго Института Н. А. Вышнеградскаго и съ одобренія принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго (Главноуправляющаго IV отдѣленіемъ), основало въ 1858 г. первое открытое женское училищъ съ гимназическимъ курсомъ. Это училище приняла подъ свое покровительство Императрица Марія Александровна, почему получило названіе Маріинскаго. Такимъ образомъ, была основана въ Петербургѣ нынѣшняя Маріинская гимназія, послужившая образцомъ, по которому были организованы всѣ остальныя петербургскія и провинціальныя женскія гимназіи, состоящія въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи.

Это произошло, какъ мы сказали, въ 1858 г. Насколько уже тогда было велико стремленіе русскихъ женщинъ къ знанію, видно изъ того, что въ томъ-же 1858 г. женщины впервые появились въ качествѣ постороннихъ слушательницъ въ петербургскомъ университетѣ, куда въ то время былъ свободный доступъ всѣмъ желающимъ. „На лекціяхъ профессоровъ, пользовавшихся особенною популярностью“, говоритъ г-жа Анненская, „можно было видѣть чиновниковъ, офицеровъ, священниковъ. Явились и женщины: сначала только двѣ сестры Корсины, потомъ Богданова, Блюмеръ и многія другія. Студенты сразу отнеслись къ этому нововведенію съ большимъ сочувствіемъ,... большинство профессоровъ тоже сочувствовали появленію женщинъ въ университетѣ. Большинство, но, къ сожалѣнію, не всѣ: такъ, одинъ изъ нихъ, чтобы отвадить молодую дѣвушку отъ слушанія лекцій естественныхъ наукъ, нарочно прибѣгалъ къ циническимъ выраженіямъ при объясненіи простѣйшихъ явленій природы“... *).

Такимъ образомъ, въ концѣ 50-хъ годовъ въ Россіи возникъ вопросъ о совмѣстномъ обученіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Само министерство народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго съ 1861 г. стоялъ одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей этой достопамятной эпохи Ал. Вас. Головнинъ, относилось совершенно серьезно къ этому вопросу и, собирая данныя для предполагаемой реформы университетскаго устава, предложило университетскимъ совѣтамъ высказаться по поводу того, „могутъ-ли лица женскаго пола быть допускаемы къ слушанію университетскихъ лекцій совмѣстно со студентами“.

Совѣты всѣхъ университетовъ, за исключеніемъ Московскаго и Дерптскаго, отвѣтили на этотъ вопросъ утвердительно. Въ то время,

*) „С.-Петербургскіе В. Ж. Курсы за 25 лѣтъ“, стр. 9—10.

когда отвѣты университетовъ были обсуждаемы въ министерствѣ, возбуждая рѣзкія разногласія, въ Петербургскомъ университетѣ происходили безпорядки; было произведено много арестовъ, и въ числѣ арестованныхъ оказалась одна изъ женщинъ, посѣщавшихъ университетъ. Это чисто случайное обстоятельство сильно повліяло однако на коммиссію, пересматривавшую университетскій уставъ: большинствомъ голосовъ коммиссія отнеслась отрицательно къ вопросу о допущеніи женщинъ въ университеты. Это мнѣніе вошло и въ самый университетскій уставъ 1863 г., въ силу котораго женщинамъ запрещалось посѣщеніе университетовъ.

Это былъ большой ударъ для русскихъ женщинъ того времени. Наиболѣе энергичныя и смѣлыя изъ нихъ не хотѣли однако примириться съ этимъ фактомъ, такъ какъ не считали нормальнымъ, чтобы женщинамъ былъ отрѣзанъ единственный въ то время путь къ усвоенію серьезнаго научнаго образованія.

Эти женщины ждали только случая, чтобы возможно болѣе громко заявить о своихъ желаніяхъ. Такой случай представился въ концѣ 1867 г., когда въ Петербургѣ происходилъ первый съѣздъ русскихъ естествоиспытателей. 2 января 1868 г. секретаремъ съѣзда и до нынѣ благополучно здравствующимъ академикомъ (тогда молодымъ профессоромъ) А. С. Фаминцынымъ была прочтена въ общемъ засѣданіи записка слѣдующаго содержанія, представленная съѣзду „отъ кружка женщинъ“ одной изъ замѣчательныхъ русскихъ писательницъ, нынѣ уже покойной, но тогда молодой, полной энергіи женщиной Е. И. Конради *).

„Комитетъ съѣзда русскихъ естествоиспытателей“... читаемъ мы въ запискѣ Е. И. Конради, „называетъ съѣздъ дѣломъ общимъ для всѣхъ, кому дорого распространеніе естествознанія въ Россіи. Слова эти позволяютъ надѣяться, что почтенное собраніе не откажетъ принять къ свѣдѣнію голосъ изъ той среды русскаго общества, которая, хотя до сихъ поръ не имѣла возможности заявить себя активно на поприщѣ естествознанія, тѣмъ не менѣе имѣетъ самыя уважительныя причины дорожить распространеніемъ этой важной отрасли образованія, какъ во имя собственнаго умственнаго преуспѣянія, такъ и во имя другихъ еще болѣе священныхъ интересовъ. Среда эта—русскія женщины, матери и воспитательницы подрастающаго поколѣнія“...

„Тѣ изъ членовъ съѣзда, которые посвятили себя преимущественно педагогической дѣятельности, знаютъ, что вниманіе и пыт-

---

*) Мы приводимъ извлеченіе изъ замѣчательной записки г-жи Конради. Въ статьѣ г-жи Анненской перепечатанъ полностью этотъ важный документъ по исторіи высшаго женскаго обрезованія въ Россіи.

ливость ребенка сами собой направляются прежде всего на окружающіе его предметы, на внѣшнюю природу. Это вниманіе и эта пытливость проявляются задолго до поступленія въ школу, задолго даже до того времени, когда ребенку дадутъ въ руки первую книгу. Обязанность отвѣчать на безконечные вопросы ребенка и руководить этой любознательностью, которая составляетъ первый признакъ пробуждающагося сознанія, падаетъ естественно на мать"...

„Но какъ же подготовлены женщины къ великой обязанности, возлагаемой на нихъ самой природой и складомъ общественнаго быта? Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство женщинъ... чужды даже тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній, безъ которыхъ всякое дальнѣйшее занятіе науками становится безплоднымъ блужданьемъ въ потемкахъ... Съ каждымъ новымъ шагомъ все болѣе чувствуютъ онѣ, чего имъ недостаетъ, все яснѣе сознаютъ, какъ мало одной доброй воли, однихъ налету схваченныхъ понятій".

„Въ виду такой неотвратимой необходимости выходъ одинъ: учиться на скорую руку, самоучкой... И точно, во многихъ отрасляхъ науки, нельзя сказать, чтобы этотъ способъ не приносилъ извѣстной пользы... Совсѣмъ иное дѣло естественныя науки... Тутъ необходимы физическіе кабинеты, зоологическіе музеи и т. п... Гдѣ же намъ учиться, чтобы быть въ состояніи воспитывать нашихъ дѣтей?—Вопросъ этотъ возникаетъ самъ собой, и возникаетъ не въ однихъ только провинціальныхъ захолустьяхъ, но и въ университетскихъ центрахъ и въ столицахъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ спеціальныхъ и общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, снабженныхъ всѣми необходимыми пособіями для изученія естественныхъ наукъ, гдѣ по всѣмъ вѣроятіямъ нашлось бы въ сословіи преподавателей достаточное число лицъ, готовыхъ подѣлиться своими знаніями съ посторонней публикой, не принадлежащей къ корпораціи ихъ настоящихъ слушателей"...

„Состоя подъ покровительствомъ г. министра народнаго просвѣщенія, съѣздъ имѣетъ возможность ходатайствовать о проведеніи въ жизнь той или иной мѣры, которую онъ сочтетъ наилучшею, чтобы сдѣлать русскихъ матерей не номинальными, а дѣйствительными руководительницами первоначальнаго образованія ихъ дѣтей, насколько это образованіе соприкасается со спеціальной отраслью знанія, составляющей цѣль самаго съѣзда"..

Засѣданіе происходило въ большой актовой залѣ университета, вмѣщающей до 2.500 человѣкъ, и она была полна. Е. И. Конради была выслушана съ полнымъ вниманіемъ. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія комитета съѣзда проф. Бекетовъ (одинъ изъ „дѣлопроизводителей", т. е. секретарей съѣзда) объявилъ, что комитетъ

вполнѣ сочувствуетъ мыслямъ, выраженнымъ г-жей Конради, но что „по мнѣнію г. предсѣдателя и дѣлопроизводителей съѣзда, не имѣетъ возможности обсуждать этого дѣла, такъ какъ въ немъ нѣтъ особаго педагогическаго отдѣла“ *).

Итакъ, съѣздъ уклонился отъ какой-либо инициативы въ вопросѣ, поднятомъ кружкомъ женщинъ, отъ имени котораго представила записку Е. И. Конради. Но этимъ дѣло не кончилось. Содержаніе записки Конради получило широкую извѣстность: въ Петербургѣ, Москвѣ и даже въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи усиленно дебатировался и въ прессѣ и въ особенности въ частныхъ кружкахъ. Результатомъ всего этого движенія оказалась подача въ теченіе мая того же 1868 г. трехъ (11, 13 и 31 мая) коллективныхъ прошеній на имя ректора петербургскаго университета. Эти прошенія, составляющія какъ бы продолженіе одно другого, въ общемъ были подписаны почти 400 лицами. Вотъ, что мы читаемъ въ томъ прошеніи, которое было подано 13 мая:

„Мы просимъ гг. профессоровъ ходатайствовать объ открытіи правильныхъ курсовъ для женщинъ по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ. Просимъ о разрѣшеніи этихъ лекцій въ стѣнахъ университета, въ часы, свободные отъ занятій студентовъ, или въ другомъ зданіи, вмѣщающемъ тѣ же учебныя пособія, какъ-то: химическую лабораторію, физическій кабинетъ и проч. Цѣль наша — поднять уровень женскаго образованія вообще и въ то же время дать возможность нѣкоторымъ способнымъ личностямъ достичь знанія, нужнаго для занятія мѣстъ преподавательницъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ... Плату и всѣ расходы, могущіе встрѣтиться при открытіи лекцій, слушательницы принимаютъ на себя“.

Инициаторами и организаторами всего этого дѣла были и понынѣ здравствующія А. П. Философова и В. П. Тарновская и уже покойныя Е. И. Конради, Е. Н. Воронина, О. А. Мордвинова, Н. В. Стасова и М. В. Трубникова.

Ректоръ университета (К. К. Кесслеръ) отнесся вполнѣ серьезно къ полученнымъ имъ прошеніямъ и передалъ ихъ на разсмотрѣніе совѣта университета. Совѣтъ съ своей стороны выбралъ коммиссію изъ профессоровъ Бекетова, Сухомлинова, Бауера и А. С. Фамин-

*) „Петербургскіе Высшіе Женскіе Курсы за 25 лѣтъ“, стр. 19. Мы считаемъ нужнымъ оговориться, что въ послѣдующемъ изложеніи мы часто дословно воспроизводили отдѣльныя фразы или даже нѣсколько фразъ подрядъ изъ монографіи г-жи Анненской, не находя нужнымъ пестрить свою статью постоянными цитатами.

цына и поручилъ этой коммиссіи обсудить прошеніе женщинъ и представить соотвѣтственный докладъ. Все это, равно какъ и составленіе и обсужденіе доклада, было дѣломъ нѣсколькихъ дней, такъ какъ уже 5 іюня на имя М. В. Трубниковой—кстати сказать, одной изъ достопамятныхъ піонерокъ женскаго движенія въ Россіи *)—было послано письмо слѣдующаго содержанія:

„Совѣтъ Петербургскаго университета, по выслушаніи доклада особой коммиссіи, назначенной для обсужденія ходатайства лицъ женскаго пола о допущеніи ихъ къ слушанію лекцій.., постановилъ, объявить просительницамъ: 1) что Совѣтъ выражаетъ свое полное сочувствіе стремленію организовать правильные, дѣльные, но отнюдь не популярные курсы по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ; 2) что открытіе университетскихъ аудиторій для предполагаемыхъ курсовъ Совѣтъ находитъ неудобнымъ и вообще предоставляетъ матеріальную часть организаціи лекцій самимъ просительницамъ, и 3) что по полученіи просительницами отъ министра народнаго просвѣщенія разрѣшенія на открытіе сихъ курсовъ и по представленіи въ Совѣтъ университета подписавшимися полнаго плана матеріальной стороны дѣла, Совѣтъ займется не только пересмотромъ этого плана, но и приметъ на себя съ удовольствіемъ устройство учебной части, такъ какъ многіе члены университетскаго сословія выразили уже свое согласіе участвовать въ предполагаемыхъ курсахъ“.

По полученіи отвѣта ректора, пишетъ г-жа Анненская, у М. В. Трубниковой (10 іюня 1868 г.) собрались нѣсколько женщихъ, подписавшихъ прошеніе 11 мая, и профессора А. Н. Бекетовъ, А. С. Фаминицынъ и А. С. Усовъ. „На этомъ собраніи было рѣшено подать министру народнаго просвѣщенія прошеніе о разрѣшеніи открыть курсы, предположенные профессорами; искать помѣщенія для этихъ курсовъ и избрать изъ числа 400 женщинъ, подписавшихся подъ прошеніемъ, коммиссію для организаціи матеріальной стороны дѣла“. Составленіе прошенія министру взяли на себя М. В. Трубникова и А. Н. Бекетовъ.

Самая подача прошенія состоялась уже осенью и притомъ поздней осенью, а именно 26 ноября, причемъ къ министру явились А. Р. Воронина, Н. В. Стасова и А. П. Философова. Университетъ со своей стороны уполномочилъ проф. А. Н. Бекетова поддержать ходатайство женщинъ и представить министру записку по тому же поводу

---

*) См. о ней въ книгѣ В. В. Стасова „Надежда Васильевна Стасова. Воспоминанія и очерки“. 1899 г.

отъ Совѣта. Н. В. Стасова въ своихъ воспоминаніяхъ описываетъ слѣдующимъ образомъ аудіенцію у графа Толстого.

„Разговоръ былъ довольно странный. Первое, что министръ отвѣтилъ на нашу просьбу было: А деньги? Вы затѣваете милліонное дѣло, а говорите, что денегъ нѣтъ, и хотите содержать университетъ только сборами со слушательницъ. Да вѣдь это немыслимо"... Однимъ словомъ, продолжаемъ мы цитировать воспоминанія Стасовой, „министръ много препирался, говорилъ, что это затѣя нашего кружка, что этого совсѣмъ не надо для женщины, что она выйдетъ замужъ и всѣ науки въ сторону, и что этого только малое число желаетъ. Когда же мы указывали на массу подписей... онъ отвѣтилъ: Да это все бараны! Вы запѣвалы, а имъ все равно, на что и куда идти— мода, вотъ и все"...

„Въ концѣ концовъ графъ Толстой сказалъ: Я долженъ вамъ сказать, что навѣрное Императоръ не разрѣшитъ университета. Все, что можно будетъ устроить, это публичныя лекціи... Я пришлю вамъ отвѣтъ" *)...

Отвѣтъ послѣдовалъ только черезъ мѣсяцъ (21 декабря) въ письмѣ на имя А. П. Философовой. Въ этомъ письмѣ графъ Толстой приводитъ отзывъ попечителя петербургскаго учебнаго округа, которому онъ предложилъ высказаться по поводу прошенія женщинъ. Попечитель (князь Ливенъ) высказалъ рядъ возраженій противъ устройства систематическихъ лекцій университетскаго характера, указывая главнымъ образомъ на казавшіяся ему непреодолимыми денежныя затрудненія и считая достаточными для женщинъ занятія болѣе элементарнаго характера. Къ этому отзыву попечителя министръ со своей стороны прибавилъ: „Сочувствуя стремленію женщинъ получить высшее образованіе, я полагалъ бы въ настоящее время наиболѣе удобнымъ: устроить для сего общія публичныя лекціи, т. е. совокупно для мужчинъ и женщинъ на основаніи существующихъ нынѣ о публичныхъ лекціяхъ постановленій, буде гг. профессора университета изъявятъ на это согласіе."

Отвѣты министра, пишетъ г-жа Анненкая, былъ тяжелымъ ударомъ для интеллигентныхъ женщинъ не только Петербурга, но и всей Россіи. „Изъ него было ясно, что правительственное учрежденіе, предназначенное пещись о просвѣщеніи страны, не намѣрено оказывать поддержки дѣлу высшаго образованія женщинъ; мало того, оно ставитъ ему преграды: профессора университета требовали, чтобы курсы для женщинъ были „правильные, дѣльные, отнюдь не попу-

*) В. В. Стасовъ, цитир. книга, стр. 181—182. Мы опустили нѣсколько второстепенныхъ подробностей, характеризующихъ эту интересную аудіенцію у Толстого.

лярные"; министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ исключительно „публичныя лекціи", притомъ „общія", т. е. не для однѣхъ женщинъ, а совмѣстно съ мужчинами! Приходилось рѣшить важный вопросъ: отказаться ли отъ задуманнаго дѣла, отложивъ его до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, или, воспользовавшись разрѣшеніемъ, хлопотать объ устройствѣ хотя бы публичныхъ лекцій.

Ректоръ университета (Кесслеръ) и профессора совѣтовали послѣднее:

— Отказаться всегда успѣете, говорили они, а второго разрѣшенія не скоро добьетесь!

Главными сторонницами открытія лекцій были г-жа Стасова и Трубникова. Послѣ многихъ ожесточенныхъ и жаркихъ преній большинство пришло къ тому же убѣжденію и высказалось въ пользу того, чтобы удовлетвориться тѣмъ, что дано. Стасова и Трубникова взяли на себя хлопоты по отысканію помѣщенія для лекцій, а профессора обѣщали составить программы этихъ лекцій. Весной этого же 1869 г. въ министерство былъ предоставленъ проектъ лекцій петербургскихъ профессоровъ. 29 ноября 1869 г., т. е. почти черезъ два года послѣ обращенія И. Конради къ съѣзду естествоиспытателей и чрезъ годъ послѣ описанной выше аудіенціи у министра народнаго просвѣщенія и подачи ему прошенія, послѣдовало офиціальное разрѣшеніе министра на устройство публичныхъ курсовъ для мужчинъ и женщинъ въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ, день 29 ноября 1869 г. можно въ нѣкоторомъ смыслѣ считать началомъ высшаго женскаго образованія въ Россіи.

III

Публичныя лекціи, какъ первая форма высшаго женскаго образованія въ Россіи.

Итакъ, разрѣшеніе министра организовать лекціи было получено, и программы, составленныя профессорами петербургскаго университета, были утверждены. Оставалось привести въ исполненіе дѣло, которое потребовало столь долгихъ и настоятельныхъ хлопотъ. Первой заботой было, конечно, отысканіе подходящаго помѣщенія для будущихъ лекцій. По докладу начальника (тогда называвшагося президентомъ Медико-Хирургической Академіи) Военно-Медицинской Академіи П. А. Нороновича, съ самаго начала необыкновенно сочувственно относившагося къ дѣлу организаціи лекцій, графъ Д. А. Милютинъ (военный министръ) разрѣшилъ читать публичныя лекціи въ аудиторіяхъ Медико-Хирургической Академіи по вечерамъ, когда кончаются занятія студентовъ. Профессора университета на

всякій случай сообщили министру народнаго просвѣщенія о любезности, оказанной графомъ Д. А. Милютинымъ. „Министру это, повидимому, не понравилось“, говоритъ г-жа Анненская, „и онъ отвѣчалъ, что можетъ отвести для лекцій другое помѣщеніе, болѣе подходящее“. Надо сказать, что Толстой былъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ Сѵнода и потому имѣлъ право на двѣ казенныя квартиры. Онъ предложилъ подъ курсы часть своего помѣщенія (которое имъ не было занимаемо) въ домѣ министерства народнаго просвѣщенія, у Чернышева моста.

Въ помѣщеніе, предназначенное для чтенія лекцій, надо было провести газъ для освѣщенія и закупить необходимую мебель. У кружка распорядительницъ не было ровно никакихъ средствъ. Дѣло въ томъ, что еще въ началѣ (1869) года онѣ просили разрѣшенія публиковать въ газетахъ о сборѣ пожертвованій на организуемое ими дѣло и о подпискѣ на слушаніе лекцій, но имъ было отказано (5 апрѣля 1869) на томъ основаніи, что „удовлетвореніе этой просьбы можетъ послѣдовать лишь тогда, когда будутъ представлены и утверждены программы будущихъ лекцій. Однако и послѣ того, какъ лекціи были окончательно разрѣшены, графъ Толстой все таки не разрѣшилъ объявленій о пріемѣ пожертвованій въ ихъ пользу и говорилъ, что это разрѣшеніе не будетъ имъ дано „до тѣхъ поръ, пока не упрочится существованіе учрежденія“ и не обозначится его направленіе“ *).

Не смотря на запрещеніе публиковать въ газетахъ о пріемѣ пожертвованій, нѣкоторыя частныя пожертвованія, преимущественно отъ женщинъ, все таки получались. Такъ, М. А. Тургенева пожертвовала тысячу рублей на химическую лабораторію. Кромѣ того, многіе заранѣе записывались на лекціи. Въ двѣ недѣли было продано болѣе 700 билетовъ, и это дало возможность сдѣлать въ помѣщеніи для лекцій первыя наиболѣе необходимыя приспособленія.

20 января 1870 г. послѣдовало торжественное открытіе лекцій. Въ 8 час. вечера было отслужено молебствіе, на которомъ присутствовалъ между другими лицами и министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой. Затѣмъ проф. Ор. Ѳ. Миллеръ прочелъ передъ переполненной слушателями и слушательницами аудиторіей лекцію по исторіи русской литературы.

Вначалѣ по недостатку средствъ лекціи читались только по

---

*) Послѣднія фразы, равно какъ и цитированныя выраженія графа Толстого, заимствованы нами почти дословно изъ статьи г-жи Анненской (стр. 40), которая здѣсь, какъ и во многихъ иныхъ случаяхъ, не указываетъ, откуда ею взяты тѣ или иныя изъ приводимыхъ ею фактовъ или словъ.

6 предметамъ: по русской исторіи (Бестужевъ-Рюминъ) исторіи русской литературы (О. Миллеръ), ботаникѣ (Бекетовъ), зоологіи (Вагнеръ), анатоміи (Овсянниковъ) и химіи (Менделѣевъ). Лекціи читались 4 раза въ недѣлю по вечерамъ ради удобства профессоровъ и слушательницъ, изъ которыхъ многія днемъ были заняты преподавательской или какой-либо иной дѣятельностью. Плата назначена была за отдѣльный предметъ 2 р. 50 к. за полугодіе, за всѣ предметы 25 р. и за каждую отдѣльную лекцію 25 коп.

Такъ какъ въ первое время на курсахъ не было никакихъ пособій, профессора привозили съ собой микроскопы, анатомическіе препараты и проч. По праздникамъ и воскреснымъ днямъ они устраивали практическія занятія со слушательницами и позволяли имъ работать въ университетскихъ лабораторіяхъ и кабинетахъ въ часы, свободные отъ занятій студентовъ.

„Публика посѣщавшая лекціи", говоритъ г-жа Анненская, „была самаго разнообразнаго характера, особенно вначалѣ: среди нея были серьезно занимавшіяся женщины, которыя рѣшили посвятить себя научной дѣятельности,... были барыни, пріѣзжавшія ради моды или любопытства; были подростки, появлявшіеся въ сопровожденіи маменекъ и гувернантокъ, были слушательницы вполнѣ развитыя, относившіяся къ лекціямъ не только сознательно, но и критически; были и полуобразованныя дѣвушки, съ трудомъ улавливавшія смыслъ профессорскихъ словъ. Мужской элементъ отличался такой же, если не большей, разнокалиберностью, такъ какъ рядомъ съ людьми, сочувствовавшими дѣлу и искавшими на лекціяхъ удовлетворенія своимъ умственнымъ запросамъ, являлись франты, высматривавшіе „хорошенькихъ" и мечтавшіе завести романъ съ „нигилисточкой".

„Мало по малу однако всѣ элементы, не подходящіе къ университетскимъ аудиторіямъ, стали исчезать. Лекціи читались такъ серьезно, значительный контингентъ слушателей, а въ особенности слушательницъ, относился къ нимъ такъ дѣловито, что люди, мало развитые, плохо подготовленные, сознали свое безсиліе слѣдить за ними и удалились... Контингентъ слушателей выравнивался, но вмѣстѣ съ тѣмъ и убывалъ, а расходы по курсамъ росли... Кружокъ распорядительницъ рѣшилъ тогда обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ (А. Тимашеву) съ просьбой дозволить имъ напечатать, что въ редакціи одной изъ петербургскихъ газетъ принимаются пожертвованія въ пользу лекцій, а также и подписка на слушаніе оныхъ. На эту просьбу послѣдовалъ рѣшительный отказъ".

„Пришлось инымъ путемъ добывать необходимыя средства. Былъ устроенъ музыкально-литературный вечеръ, который имѣлъ блестящій успѣхъ. Несмотря на запрещеніе газетныхъ объявленій частныя

пожертвованія продолжали поступать, и благодаря имъ первый семестръ заключился не только безъ дефицита, но даже съ нѣкоторымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами". *)

Въ слѣдующемъ учебномъ году (1870—1871) были прибавлены нѣсколько новыхъ предметовъ и въ числѣ ихъ два, относящихся къ юридическимъ наукамъ: уголовное право (Таганцевъ) и государственное право (Градовскій). Между тѣмъ курсамъ надо было искать новое помѣщеніе, такъ какъ, согласно сообщенію графа Толстого, прежнее ихъ помѣщеніе нужно было для министерства внутреннихъ дѣлъ. Послѣ многихъ хлопотъ распорядительницамъ удалось найти для курсовъ новый пріютъ въ гимназіи при Историко-Филологическомъ институтѣ **). Между тѣмъ 12 марта 1871 г. Петербургскій оберъ-полицціймейстеръ ***) Треповъ представилъ записку министру внутреннихъ дѣлъ, въ которой говорилъ, что курсы, „объ устройствѣ которыхъ настойчиво хлопочутъ руководительницы такъ называемаго женскаго движенія", въ образовательномъ отношеніи лишены всякаго значенія. „На ряду съ химіей и физіологіей читаются государственное и уголовное право, и на ряду съ ними словесность. Такимъ образомъ, три факультета соединяются въ одномъ, и отъ каждаго читаются лишь предметы, для которыхъ нашелся свободный профессоръ. Государственное и уголовное право читаютъ два молодыхъ профессора, Градовскій и Таганцевъ, повидимому, изъ моды... Они проповѣдуютъ вредныя истины..." Въ запискѣ названы по именамъ „главныя руководительницы и подстрекательницы" женскаго движенія (при чемъ, по словамъ г-жи Анненской, названы фамиліи и такихъ женщинъ, которыя никогда не были въ помѣщеніи курсовъ). „Отсюда нигилистическое направленіе можетъ распространяться неудержимо и здѣсь имѣетъ всѣ способы созрѣвать во взаимныхъ бесѣдахъ". Треповъ указывалъ на неудобства, происходившія, по его мнѣнію, отъ отсутствія инспекціи, вслѣдстіе чего „въ антрактахъ мужчины и женщины долго прохаживаются по корридору въ потемкахъ".

Исходя изъ всѣхъ сообщаемыхъ имъ данныхъ, Треповъ находилъ нужнымъ или закрыть курсы, или допускать на нихъ только женщинъ, такъ какъ „совмѣстность нигдѣ въ высшихъ и даже элементарныхъ хорошо организованныхъ школахъ не допускается ****)

Послѣдствіемъ этой записки было Высочайшее повелѣніе отъ 9 марта 1871 г.: разсмотрѣть дѣло въ особомъ совѣщаніи изъ мини-

*) „Петербургскіе В. Ж. Курсы за 25 лѣтъ", стр. 44.

**) На Васильевскомъ островѣ.

***) Такъ называлась тогда должность петербургскаго градоначальника.

****) Цит. сочин., 45—46.

стровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и петербургскаго оберъ-полицiймейстера. Совѣщаніе однакожъ не согласилось съ мнѣніемъ генералъ-адъютанта Трепова и рѣшило оставить лекціи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали ранѣе.

Между тѣмъ въ слѣдующій учебный годъ (1872—73) курсамъ пришлось опять искать новаго помѣщенія. На этотъ разъ распорядительницамъ удалось выхлопотать разрѣшеніе пользоваться по вечерамъ Владимірскимъ городскимъ училищемъ. Это помѣщеніе, какъ и два предшествовавшія, представляло много неудобствъ и потребовало значительныхъ расходовъ, которые частью были возмѣщены тѣмъ, что министерство народнаго просвѣщенія сочло возможнымъ дать курсамъ, въ качествѣ субсидіи, въ 1872 г.—1.400 и въ 1873 г.—1.000 рублей. Кромѣ того, новое помѣщеніе представляло во всякомъ случаѣ то преимущество, что находилось въ центральной части города, и потому могло привлекать большее число слушательницъ и слушателей. Съ переходомъ въ помѣщеніе Владимірскаго училища лекціямъ былъ приданъ болѣе систематическій характеръ: юридическія науки были оставлены, но зато по другимъ предметамъ занятія были разсчитаны на двухлѣтнюю продолжительность. Мы считаемъ не лишнимъ напомнить при этомъ нашимъ читателямъ, что 1872 годъ представляетъ вообще нѣкоторую эру въ развитіи высшаго женскаго образованія. Многія русскія женщины, не находя возможнымъ удовлетвориться тѣмъ довольно жалкимъ суррогатомъ женскаго университета, который представляли собой петербургскія публичныя лекціи, устремились массами заграницу, и притомъ, главнымъ образомъ, въ Швейцарію, гдѣ уже съ 60-ыхъ годовъ стали допускать въ университетахъ совмѣстное обученіе лицъ обоего пола. Замѣчательно, что главный контингентъ слушательницъ швейцарскихъ университетовъ доставляла Россія.

Если мы вспомнимъ теперь, насколько велика была въ 60-хъ и 70-хъ годахъ русская политическая эмиграція въ Швейцарію и другія страны Зап. Европы, мы легко поймемъ, какъ неизбѣжно было увлеченіе политикой молодыхъ дѣвушекъ, хотя, уѣзжая за границу, эти дѣвушки думали исключительно о полученіи высшаго образованія, въ которомъ имъ отказывали на родинѣ.

Такого рода обстоятельство заставило задуматься и высшія русскія сферы, чѣмъ, главнымъ образомъ, слѣдуетъ объяснить нѣкоторый поворотъ, происшедшій въ отношеніи правительства къ высшему женскому образованію въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Въ это время по Высочайшему повелѣнію была учреждена даже особая коммиссія изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и главнаго начальника (бывшаго) III отдѣленія собственной

Его Императорскаго Величества канцеляріи для обсужденія мѣръ, которыми можно было бы остановить наплывъ русскихъ женщинъ въ швейцарскіе университеты. Коммиссія признала, что „потребность въ серьезно образованныхъ воспитательницахъ постоянно увеличивается, что профессорскіе курсы въ Петербургѣ и Москвѣ *) не имѣютъ строгаго и законченнаго характера“... и что поэтому „чрезвычайно важно и существенно необходимо учрежденіе высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній со строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, основаннымъ на изученіи историко-филологическихъ предметовъ“ **).

Какъ видно изъ только что приведенныхъ словъ, коммиссія упоминаетъ въ нихъ о московскихъ женскихъ курсахъ, организація которыхъ незадолго предъ тѣмъ была разрѣшена проф. Герье. Это разрѣшеніе слѣдуетъ также поставить въ связь съ желаніемъ правительства остановить такъ или иначе отъѣздъ русскихъ женщинъ за границу. Наконецъ, то же обстоятельство не осталось, надо думать, безъ вліянія и на открытіе въ томъ же 1872 году женскихъ медицинскихъ курсовъ, хотя не малая доля заслуги этого великаго дѣла принадлежитъ бывшему въ то время военному министру и понынѣ благополучно здравствующему графу Д. А. Милютину (какъ извѣстно, эти курсы были основаны при Медико-Хирургической Академіи, состоящей въ вѣдѣніи военнаго министерства).

Однако стремленіе русскихъ женщинъ къ высшему образованію было такъ значительно, способы удовлетворенія его въ Россіи такъ ограничены, атмосфера общественной жизни въ Зап. Европѣ и, въ особенности, въ Швейцаріи такъ привлекательна, что потокъ слушательницъ, прибывавшихъ изъ Россіи въ Швейцарію не прекращался, вслѣдствіе чего въ маѣ (21) 1873 г. въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ было напечатано такое обращеніе къ русскимъ женщинамъ, учившимся за границей (мы приводимъ лишь наиболѣе существенныя мѣста изъ правительственнаго сообщенія):

„Въ началѣ 60-хъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились за границу для слушанія лекцій въ Цюрихскомъ университетѣ. Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣдніе два года начало быстро возростать, и въ настоящее время въ Цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ“... „Одновременно съ возростаніемъ числа русскихъ студентокъ коноводы эми-

---

*) Здѣсь разумѣются разрѣшенные въ 1872 г. Женскіе Курсы профессора Герье.

**) Цитировано по статьѣ г-жи Анненской, стр. 52.

граціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи. Въ средѣ русской молодежи обоего пола образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ. Славянское соціально-демократическое общество, центральный революціонный славянскій комитетъ, славянская и русская секціи интернаціональнаго общества открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ не мало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ... Политическая агитація увлекаетъ молодыя, неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе... Вовлеченныя въ политику дѣвушки подпадаютъ подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію, привозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и подъ покровомъ фиктивнаго брака доходятъ до забвенія началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ“...

„Нельзя забывать, что эти женщины возвратятся когда-нибудь въ Россію и будутъ женами, матерями, воспитательницами. Нельзя не остановиться на страшномъ вопросѣ: какое поколѣніе могутъ возрастить такія женщины?“

„Правительство не можетъ и не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ нравственнаго растлѣнія, подтачивающаго часть, хотя и незначительную, русской молодежи. Оно сознаетъ свою непремѣнную обязанность бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось употребить всѣ зависящія мѣры, впрочемъ преимущественно предупредительныя. Правительство постоянно съ сочувствіемъ относилось къ потребности высшаго образованія для женщинъ, являющейся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, учреждены особые педагогическіе курсы, если и не имѣющіе характеръ высшихъ учебныхъ заведеній, то тѣмъ не менѣе значительно превышающихъ общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того, Министерство Народнаго Просвѣщенія разрѣшило въ Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университета въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при Императорской Медико-Хирургической Академіи учрежденъ въ видѣ опыта особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушерокъ, и въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ же курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ меди-

цинскіе факультеты. Независимо отъ сего, въ настоящее время Высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній со строго опредѣленнымъ планомъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ".

„Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возможность пріобрѣсти научныя знанія въ предѣлахъ отечества"...

Возвращаясь далѣе къ увлеченію русскихъ женщинъ, учащихся за границей, политической дѣятельностью, правительственное сообщеніе заканчиваетъ всѣ указанные въ немъ факты и соображенія слѣдующими словами:

„Правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ Цюрихскій университетъ и политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя послѣ 1 января 1874 г. будутъ продолжать слушать лекціи въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ-либо экзаменамъ или въ какое-либо русское учебное заведеніе".

„Правительство надѣется, что такое заблаговременное заявленіе избавитъ его отъ печальной необходимости подвергать кого-либо означеннымъ ограниченіямъ *)".

Это правительственное сообщеніе послѣдовало, какъ мы знаемъ, весной 1873 г. Слѣдующій учебный годъ „Владимірскіе курсы" (какъ ихъ называли часто въ то время по занимаемому имъ помѣщенію) оставались еще въ помѣщеніи Владимірскаго училища, но затѣмъ имъ опять пришлось искать себѣ новаго пріюта. „Въ зданіяхъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія", говоритъ г-жа Анненская, „для нихъ не находилось мѣста, и учредительницы курсовъ обратились съ просьбой къ тогдашнему директору женскихъ гимназій, подвѣдомственныхъ IV отдѣленію собственной Е. И. В. канцеляріи, И. Т. Осинину".

„Осининъ согласился дать разрѣшеніе на то, чтобы лекціи читались по вечерамъ въ помѣщеніи Василеостровской женской гимназіи, но съ условіемъ, чтобы ихъ посѣщали исключительно женщины. Министерство народнаго просвѣщенія ничего не имѣло противъ та-

---

*) Это правительственное сообщеніе приводится полностью въ книгѣ „Высшіе Женскіе Курсы за 25 лѣтъ", 59—61.

жого измѣненія первоначальнаго устава лекцій, и онѣ такимъ образомъ окончательно утратили свой смѣшанный характеръ" *).

Такимъ образомъ, получила, наконецъ, осуществленіе, по совершенно случайнымъ обстоятельствамъ, первоначальная идея устроительницъ лекцій—создать учрежденіе, имѣющее задачи дополнять существующее въ Россіи *женское* образованіе.

Зато переходъ „Владимірскихъ курсовъ" на Васильевскій островъ, имѣвшій въ то время гораздо больше, чѣмъ теперь, характеръ окраины (вслѣдствіе малаго развитія коночныхъ сообщеній), сопровождался значительнымъ паденіемъ числа слушательницъ, а слѣдовательно и матеріальныхъ средствъ, которыхъ и раньше едва ли хватало на содержаніе курсовъ.

Это обстоятельство, а равно и назначеніе Высочайше утвержденной коммиссіи для выработки проекта высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній заставили распорядительницъ по соглашенію съ профессорами пріостановить чтеніе лекцій съ конца 1875 года.

IV.

Работы коммиссіи по организаціи высшаго женскаго образованія въ Россіи.

Мы уже упоминали о томъ, что еще въ 1872 г. была учреждена по Высочайшему повелѣнію коммиссія изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и главнаго начальника (бывшаго) III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи. Мы знаемъ также, что эта коммиссія пришла къ тому заключенію, что „учрежденіе высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній чрезвычайно важно и существенно необходимо". Результатомъ занятій этой предварительной коммиссіи, рѣшавшей вопросъ принципіально, и тѣхъ обстоятельствъ, которыя были уже указаны въ вышеприведенномъ правительственномъ сообщеніи отъ 21 мая 1873 г., было назначеніе по Высочайшему повелѣнію отъ 28 сентября того же года новой коммиссіи для составленія самаго проекта устава высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ и Москвѣ.

Предсѣдателемъ коммиссіи былъ назначенъ статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ, членами: А. И. Георгіевскій, В. Х. Лемоніусъ, И. И. Беллерминовъ, Савиновъ (отъ мин. нар. просв.), Осининъ, Лядовъ и Рашевскій (отъ IV отдѣленія).

Проектъ, на которомъ остановилось большинство коммиссіи, можно резюмировать такимъ образомъ.

---

*) Цитир. сочин. 62.

Высшія женскія училища имѣютъ цѣлью приготовленіе учительницъ для всѣхъ классовъ женскихъ учебныхъ заведеній. Предметы преподаванія распредѣляются на пять отдѣленій или группъ (въ числѣ предметовъ мы не находимъ ни одного отдѣла естествознанія, нѣтъ даже такого предмета, какъ химія). *На всѣхъ отдѣленіяхъ*, кромѣ отдѣленія физики и математики, изучается обязательно *латинскій* языкъ, причемъ это дѣлается на томъ основаніи, что латинскій языкъ требуется отъ преподавателей мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Слушательницы физико-математическаго отдѣленія, избавляемыя отъ обязательныхъ занятій латинскимъ языкомъ, не допускаются къ преподаванію въ старшихъ классахъ. Математику въ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ слѣдуетъ проходить въ объемѣ курса мужскихъ гимназій.

10 февраля 1875 г. докладъ коммиссіи былъ представленъ графу Толстому вмѣстѣ съ отдѣльнымъ мнѣніемъ Осинина, протестовавшаго противъ того, чтобы навязывать высшимъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ узко педагогическія задачи, равно какъ и противъ неумѣстнаго введенія въ курсъ этихъ заведеній латинскаго языка. Докладъ коммиссіи былъ переданъ также главноуправляющему IV отдѣленіемъ принцу П. Г. Ольденбургскому, который черезъ годъ (8 февраля 1876 г.) прислалъ свое заключеніе по этому поводу графу Толстому, причемъ это заключеніе было вполнѣ согласно съ мнѣніемъ Осинина *)

Графъ Толстой присоединился къ отзыву принца и составилъ Государю соотвѣтственный докладъ, который получилъ 9 апрѣля 1876 г. Высочайшее утвержденіе. Согласно послѣдовавшему Высочайшему повелѣнію, министру нар. просв. было предоставлено право открывать высшіе женскіе курсы въ университетскихъ городахъ, привлекая къ занятію на этихъ курсахъ профессоровъ университета.

Вслѣдъ за опубликованіемъ Высочайшаго повелѣнія начались хлопоты объ устройствѣ или, вѣрнѣе, о возобновленіи высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ. Для этого потребовалось почти два года, такъ какъ предварительно пришлось выработать подробный проектъ организаціи учебной части будущихъ курсовъ и передать этотъ проектъ въ министерство, которое поручило разсмотрѣніе его ученому комитету. Министръ потребовалъ, кромѣ того, чтобы всѣ хлопоты о женскихъ курсахъ велись отъ имени какого-либо профессора, который считался бы въ глазахъ министерства отвѣтственнымъ за нихъ лицомъ. Министръ отклонилъ при этомъ кандидатуру А.

---

*) Отдѣльное мнѣніе Осинина о заключеніи принца П. Г. Ольденбургскаго приводится полностью въ статьѣ г-жи Анненской.

Н. Бекетова и указалъ на Бестужева-Рюмина, какъ на человѣка, пользующагося его полнымъ довѣріемъ.

Учредительницы курсовъ обратились тогда съ соотвѣтственными просьбами къ проф. Бестужеву-Рюмину, котораго не безъ труда удалось уговорить *) принять на себя отвѣтственность за проектируемые курсы. Таково происхожденіе того названія „Бестужевскіе курсы“, которое они имѣли въ ближайшій послѣдующій періодъ ихъ существованія.

Черезъ два слишкомъ года послѣ подачи нерваго прошенія объ учрежденіи высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ уставъ ихъ былъ наконецъ утвержденъ министерствомъ въ маѣ 1878; отъ попечителя петербургскаго учебнаго округа было получено офиціальное увѣдомленіе о разрѣшеніи на открытіе курсовъ.

П. Г. Мижуевъ.

(Окончаніе будетъ).

---

*) Проф. Бестужевъ-Рюминъ отказывался принять на себя отвѣтственность за курсы, ссылаясь на болѣзнь и преклонный возрастъ.

Педагогическій процессъ.

(*Продолженіе*).

V.

О педагогическомъ идеалѣ.

Pour modifier la nature humaine, il faut aussi, avant tout, se rendre compte de ideal, auquel on veut aboutir.
Metchnikoff, Etudes sur la nature humaine.

Если идеалосообразное усовершенствованіе личности составляетъ самую сущность педагогическаго процесса, то, очевидно, необходимо ближе разсмотрѣть свойства педагогическаго идеала. Ограничиться однимъ указаніемъ, что этотъ идеалъ имѣетъ общественный характеръ, невозможно; нужно знать, откуда почерпать педагогическій идеалъ? Кто долженъ его составлять и какъ, изъ какихъ элементовъ?

Очевидно, кто воспитываетъ. тотъ и долженъ составлять педагогическій идеалъ. Конечно, воспитывающій можетъ взять откуда нибудь готовый идеалъ, руководиться въ своей дѣятельности какими-либо указаніями другого лица; но тогда руководящее лицо и вообще тотъ дѣятель, то учрежденіе, отъ которыхъ заимствуется идеалъ, и долженъ его составлять. Во всякомъ случаѣ первоисточникомъ педагогическихъ идеаловъ служитъ та или другая отдѣльная личность.

Личные идеалы ни для кого необязательны, кромѣ авторовъ ихъ. Какъ же скоро дѣло идетъ о воспитаніи не одного дитяти, а многихъ, личный идеалъ не имѣетъ, повидимому, никакого практическаго значенія. Отецъ можетъ еще, пожалуй, воспитать своего сына такъ, какъ ему вздумается, согласно составленному имъ идеалу, не раздѣляемому, можетъ быть, рѣшительно ни однимъ человѣкомъ въ мірѣ; но прилагать такой идеалъ къ веденію, напримѣръ, школьнаго дѣла нельзя до тѣхъ поръ, пока личный идеалъ остается личнымъ и не войдетъ въ общественное сознаніе. Съ чисто личными идеа-

лами могутъ происходить лишь опыты ихъ примѣненія на практикѣ, съ согласія и по уговору съ заинтересованными лицами; руководствоваться же личными идеалами въ широкихъ размѣрахъ практика будетъ лишь тогда, когда личный идеалъ превратится въ общественный.

Такимъ образомъ, оказывается какъ-будто бы, что первоисточникъ педагогическихъ идеаловъ—личность воспитателя—не можетъ создать, при всѣхъ усиліяхъ, руководящаго педагогическаго идеала. Но выходъ изъ этого затрудненія уже намѣченъ въ оговоркѣ, что личный идеалъ можетъ имѣть на практикѣ весьма ограниченное приложеніе только до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается достояніемъ общественнаго сознанія. А мы можемъ утверждать, что каждый личный идеалъ въ извѣстной мѣрѣ есть непремѣнно общественный идеалъ и именно народный, составленный въ духѣ той національности, къ которой принадлежитъ авторъ идеала.

У каждаго народа бываютъ свои идеалы, сознаваемые съ большею или меньшею ясностью. Народные идеалы о правдѣ и кривдѣ, о хитрости и умѣ, о мужествѣ, дружбѣ, самопожертвованіи и о другихъ человѣческихъ идеальныхъ свойствахъ берутся не съ вѣтра, а возникаютъ и развиваются изъ народной исторіи, народныхъ языка и религіи, народнаго быта, народнаго общественно-политическаго устройства, т. е. изъ такихъ глубокихъ основъ народной жизни, которые неизбѣжно составляютъ элементы сознанія и развитія какъ цѣлаго народа, такъ и каждой личности, принадлежащей къ данному народу. Слѣдовательно, доля народности неизбѣжно будетъ въ идеалахъ каждой личности, принадлежащей къ народности; идеалъ отдѣльной личности въ большей или меньшей степени будетъ народнымъ, оставаясь въ то же время личнымъ. Какъ сынъ или дочь, будучи отдѣльной отъ родителей, самостоятельной личностью, есть плоть отъ плоти и кость отъ костей своихъ родителей, такъ и личный идеалъ, развиваясь на почвѣ народнаго и обусловливаясь имъ въ самой своей сущности, имѣетъ въ то же время печать личнаго творчества, остается личнымъ.

Народные идеалы не могутъ оставаться безъ измѣненія: они постоянно вырабатываются, дополняются и сокращаются, находятся въ состояніи непрерывнаго роста, вмѣстѣ съ народною жизнью поднимаются и опускаются, особенно же въ тѣсной связи находятся съ культурой народа, выражая ея лучшія стремленія и достигнутые успѣхи. Въ народѣ большинство членовъ мало образовано, что неизбѣжно отражается на свойствахъ самого идеала; между тѣмъ народный идеалъ долженъ быть проникнутъ культурою, долженъ впитать въ себя лучшія стремленія и идеи выдающихся представителей

народа на различныхъ путяхъ его дѣятельности. Слѣдовательно, народный идеалъ находится въ существенной зависимости отъ идеаловъ отдѣльныхъ лицъ, воплощающихъ въ себѣ лучшія стороны, свойства и стремленія народной жизни.

Такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ между личными и народными идеалами существуетъ постоянное взаимное вліяніе: личные идеалы строятся на почвѣ народныхъ, такъ какъ и народъ и отдѣльная личность живутъ и развиваются при однихъ и тѣхъ же основныхъ условіяхъ; а народные идеалы мало-по-малу измѣняются подъ вліяніемъ личныхъ. Личные и народные идеалы не противоположности, исключающія одна другую, а взаимно восполняющія и исправляющія одно другое начала, причемъ въ этомъ перекрестномъ вліяніи болѣе дѣятельная прогрессивная роль принадлежитъ личнымъ идеаламъ, а консервативная, умѣряющая—народнымъ. Отдѣльная личность легче склонна ко всякаго рода перемѣнамъ и увлеченіямъ, чѣмъ народъ; отвлеченныя идеи истины, добра и красоты скорѣе могутъ воодушевить ее, чѣмъ цѣлый народъ, массѣ котораго эти идеи мало доступны.

Личные педагогическіе идеалы, развиваясь на почвѣ народныхъ, могутъ принимать въ своемъ развитіи два главныя направленія: болѣе узкое и болѣе широкое. Въ первомъ направленіи національно-личный педагогическій идеалъ будетъ имѣть склонность превратиться въ сословный, а во второмъ—въ общечеловѣческій.

Въ большинствѣ случаевъ народъ или племя раздѣляется на сословія, выполняющія особенныя отправленія въ общественно-государственной жизни. Между сословіями очень часто бываютъ нелады, возникаетъ прямая, открытая и упорная вражда, составляющая весьма видный элементъ внутренней жизни народа. Борьба ведется за имущественныя и государственно-правовыя выгоды, причемъ сословія раздѣляются на высшія, низшія и среднія между ними. Обособленность сословій и классовъ подъ вліяніемъ борьбы увеличивается; сословія стремятся замкнуться и не допускать постороннихъ, чужаковъ, въ свои нѣдра, такъ что, напримѣръ, браки между разносословными лицами признаются неудобными. Высшее развитіе общественно-государственной жизни въ данномъ направленіи — это кастовый строй государства, когда сословія бываютъ наисильнѣйше обособлены и наистрожайше замкнуты.

Какъ скоро рознь между сословіями достигаетъ высокой степени, она необходимо отражается и на постановкѣ воспитанія въ сословіяхъ: возникаютъ сословные и классовые педагогическіе идеалы. Каждое сословіе хочетъ учить и воспитывать своихъ дѣтей по своему, хочетъ строить свои особенныя школы, въ которыхъ учили-бы тому,

что нужно для сословной дѣятельности, для ея успѣха и развитія, безъ всякой заботы объ интересахъ другихъ сословій. Являются сословныя школы, которыя также обособляются отъ другихъ; двери ихъ наглухо запираются для дѣтей другихъ сословій, и такимъ путемъ кастовыя убѣжденія, предразсудки и стремленія рано и глубоко въѣдаются въ мягкія дѣтскія души.

У насъ была довольно строгая сословность образованія при Александрѣ I и Николаѣ I. При Александрѣ II совершился поворотъ въ пользу безсословности образованія, а нынѣ опять замѣчается сильное теченіе въ пользу сословности. Основа сословныхъ идеаловъ образованія двойная: стремленіе приспособить образованіе къ будущей дѣятельности образующагося, сдѣлать его вполнѣ жизненнымъ, и классовой эгоизмъ. Въ классовыхъ педагогическихъ идеалахъ видно стремленіе закрѣпить грани между сословіями, построить между ними твердыя перегородки такъ, чтобы былъ затрудненъ переходъ изъ одного сословія въ другое. Кто въ какомъ сословіи родился, такъ въ этомъ сословіи и оставайся всю жизнь, получай соотвѣтственное потребностямъ сословія образованіе и не задавайся никакими широкими, выходящими за предѣлы сословія, цѣлями. Сословные идеалы суть выраженіе стремленія къ господству однихъ классовъ надъ другими, т. е. высшихъ надъ низшими, а потому обыкновенно защищаются представителями высшихъ сословій, пользующихся выгодами за счетъ и во вредъ низшихъ сословій. Между представителями послѣднихъ обыкновенно не бываетъ защитниковъ сословныхъ идеаловъ.

Сословные образовательные идеалы собственно совершенно чужды педагогіи и представляютъ собою созданіе главнымъ образомъ политическое, а не педагогическое. Вывести изъ какого-либо педагогическаго начала сословность воспитанія и образованія невозможно. Изъ того, что организмъ развивается самобытно, и что личность должна быть всесторонне усовершенствуема, никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что дворяне должны получать такое образованіе, а крестьяне другое, и что входъ послѣднимъ въ школы первыхъ долженъ быть воспрещенъ. Эта мысль можетъ быть продиктована сословнымъ эгоизмомъ, политикой, но не педагогіей. Политика можетъ внушить мысль о необходимости держать низшіе классы народа въ полномъ невѣжествѣ; педагогія при такихъ планахъ не причемъ: она совершенно чужда эгоизму сословій и не можетъ дать основаній для притѣсненія одного общественнаго класса другимъ. Результатами сословности образованія обыкновенно бываютъ насилованіе природныхъ способностей и склонностей дѣтей, гибель талантовъ, пониженіе умственнаго и нравственнаго уровня страны и искусственное увеличеніе

розни между сословіями. Въ педагогическомъ отношеніи образованіе должно отличаться единствомъ принципа и системы и приспособляться къ различнымъ способностямъ дѣтей, а не къ различнымъ сословіямъ. Главнѣйшее же приспособленіе образованія къ жизни есть не сословность воспитанія, а общеобразовательность его, сопутствуемая профессіональностью или спеціальностью, причемъ всѣ виды образованія должны быть доступны всѣмъ, единственно въ зависимости лишь отъ подготовки и матеріальныхъ средствъ.

Такимъ образомъ, личное творчество въ области педагогическихъ идеаловъ едва ли можетъ направляться съ успѣхомъ въ сторону сословныхъ и классовыхъ интересовъ: они слишкомъ узки и тенденціозны, совершенно по своей сущности чужды педагогіи и возникаютъ главнымъ образомъ изъ эгоизма высшихъ сословій. Педагогъ долженъ сознавать, долженъ отдавать себѣ явный отчетъ въ томъ, что сословный идеалъ не есть педагогическій идеалъ, что не существуетъ сословной педагогики, а потому, какъ скоро онъ въ свой идеалъ вноситъ черты сословности, то это значитъ, что онъ изъ области педагогіи выступилъ, что онъ—внѣ ея и вдался въ политику. А не можетъ быть ничего хуже, какъ взяться за какое-нибудь дѣло и потомъ смѣшать его съ совершенно другимъ, особеннымъ. Выходитъ не два и не полтора, а Богъ знаетъ что. Національный идеалъ, дробясь на сословные, мельчаетъ, становится узкимъ, непригоднымъ для широкой дѣятельности, подобно рѣкѣ, разбивающейся на множество рукавовъ въ устьѣ, мелкихъ, узенькихъ и не представляющихъ такихъ удобствъ для плаванія большихъ судовъ, какъ рѣка въ ея нераздѣльномъ и могучемъ теченіи. Національные идеалы всегда выше и шире сословныхъ: настоящій національный идеалъ совмѣщаетъ въ себѣ сущность всѣхъ сословныхъ, отбрасывая ихъ односторонности и спеціальныя сословныя черты. Національный идеалъ есть выраженіе стремленій народнаго духа, а не интересовъ того или другого класса общества.

Личное творчество въ созданіи педагогическихъ идеаловъ можетъ идти въ направленіи, противоположномъ сословности, именно въ сторону общечеловѣчности. Направленіе это возникаетъ столь же естественно, какъ и первое.

Каждый народъ есть, въ нѣкоторомъ родѣ, особенная организація, какъ бы отдѣльная личность, имѣющая на все свои особенныя воззрѣнія. Владѣя своимъ особеннымъ языкомъ, религіей, особенностями быта и общественно-государственнаго строя, каждый народъ владѣетъ и своими идеалами. Но эти идеалы, подобно самимъ народамъ, не чужды недостатковъ, далеки отъ совершенства. Каждый народъ, со всѣми его идеалами, есть замкнутое и ограниченное цѣлое, пред-

ставляющееся довольно узкимъ и одностороннимъ по сравненію съ другими подобными цѣлыми. Одинъ народъ не можетъ воплощать въ себѣ всевозможное человѣческое совершенство, и народная вѣра въ избранничество извѣстнаго народа, его особенное предопредѣленіе и судьбы, въ его превосходство надъ всѣми другими обыкновенно не имѣетъ достаточныхъ основаній. Большинство даже полудикихъ, самыхъ ничтожныхъ племенъ считаетъ себя избранниками среди другихъ людей. У каждаго народа есть свои достоинства и недостатки, какъ и у отдѣльныхъ лицъ, и сосудовъ совершенства и добродѣтели невозможно найти ни между лицами, ни между народами, что не мѣшаетъ впрочемъ ни тѣмъ, ни другимъ быть нетерпимыми другъ къ другу, не мѣшаетъ національному самомнѣнію и самопревозношенію и подчасъ довольно презрительному отношенію къ другимъ народамъ. Очень часто бываетъ, что даже культурные народы относятся къ другимъ народамъ, также болѣе или менѣе культурнымъ, какъ къ низшимъ, а не какъ къ равнымъ сотрудникамъ на безконечной нивѣ развитія. Сословная рознь и сословный эгоизмъ перерождаются въ международную рознь и международный эгоизмъ; самопревозношеніе націй есть расширенное самопревозношеніе сословій. Что внутри одного государства совершается въ скромныхъ сравнительно размѣрахъ, то на международной сценѣ повторяется въ громадномъ масштабѣ.

Въ виду указанныхъ недостатковъ, присущихъ національнымъ идеаламъ, главнымъ образомъ національной ограниченности и нетерпимости, что дѣлать педагогу, стремящемуся къ созданію такого педагогическаго идеала, который вполнѣ одобряли бы его разумъ и совѣсть? Очевидно, представляется необходимымъ перейти границы національнаго идеала. Если кто берется за воспитаніе, тотъ долженъ убѣдиться въ полной разумности и состоятельности педагогическаго идеала, быть искренно, по совѣсти и разуму, ему преданнымъ, такъ какъ педагогическая дѣятельность есть дѣятельность по разумному убѣжденію и по совѣсти. Какъ можно, принадлежа къ извѣстному сословію, не соглашаться съ идеалами этого сословія и становиться на сторону болѣе широкихъ національныхъ идеаловъ, такъ можно не соглашаться и съ этими послѣдними: вѣдь народные идеалы измѣнчивы, развиваются; имъ присущи недостатки и односторонности, какъ и самой народной жизни. Нельзя слѣдовать идеалу, который оказывается несовершеннымъ, не идеаломъ; нельзя осуществлять то, что разумъ признаетъ неосновательнымъ, а совѣсть вреднымъ. Нужно предоставить свободу отдѣльнымъ личностямъ въ составленіи и осуществленіи идеаловъ, иначе народные идеалы замрутъ въ одномъ положеніи и не будутъ развиваться. А остановка въ развитіи идеаловъ

обозначаетъ остановку въ развитіи жизни, есть признакъ ея оскудѣнія и приближающейся народной смерти.

Куда же обратиться педагогу, сознавшему недостатки національнаго идеала и желающему его усовершенствовать? Очевидно, къ идеаламъ другихъ народовъ. Но эти послѣдніе столь же ограниченны и односторонни, какъ и родной національный; совершенства ни въ самихъ народахъ, ни въ ихъ идеалахъ нѣтъ. Слѣдовательно, нужно обратиться не къ одному народу, а ко многимъ, разсмотрѣть ихъ идеалы и цѣнными чужими свойствами пополнить недостатки своего національнаго идеала; народное нужно сочетать съ инонароднымъ, съ всенароднымъ и общечеловѣческимъ. Но возможно ли это сдѣлать при различіяхъ и односторонностяхъ національныхъ идеаловъ? Не значитъ ли это стремиться совмѣстить несовмѣстное по самому существу?

Многіе такъ и думаютъ, имѣя въ виду два основанія: культурно-историческіе типы человѣчества и народный идеалъ человѣка, которому слѣдуетъ педагогическій процессъ.

Ученіе о культурно-историческихъ типахъ защищалъ Данилевскій. Онъ полагалъ, что обычное дѣленіе исторіи человѣчества по главнѣйшимъ степенямъ его развитія (древняя, средняя, новая) неудобна, такъ какъ это дѣленіе второстепенное, а не главное. Естественная система исторіи должна заключаться въ различеніи культурно-историческихъ типовъ развитія, какъ главнаго основанія ея дѣленій, отъ степеней развитія, по которымъ только эти типы, а не совокупность историческихъ явленій могутъ подраздѣляться. Каждый типъ представляетъ въ то же время и самобытную цивилизацію. Типы эти слѣдующіе: 1) египетскій, 2) китайскій, 3) ассирійско-вавилоно-финикійскій, халдейскій или древне-семитическій, 4) индійскій, 5) иранскій, 6) еврейскій, 7) греческій, 8) римскій, 9) ново-семитическій, или аравійскій, 10) германо-романскій, или европейскій и 11) славянскій. Одинъ изъ основныхъ законовъ развитія каждаго типа тотъ, что „начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другого типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее для себя, при большемъ или меньшемъ вліяніи чуждыхъ, ему предшествовавшихъ или современныхъ, цивилизацій“. Дѣйствительность этого закона оправдывается Данилевскимъ ссылками на національный характеръ всѣхъ элементовъ цивилизаціи: науки, искусства, религіи, общественности. Напримѣръ, римляне, покоривъ весь извѣстный въ ихъ время міръ, насильственно пытались передать свою цивилизацію покореннымъ народамъ. Но это имъ не удалось, какъ не удавались подобныя попытки и прежде: все вѣковое господство Рима и распространеніе

римской цивилизаціи имѣли своимъ результатомъ только подавленіе ростковъ самобытнаго развитія покоренныхъ народовъ. Ничего другого и ждать нельзя.

Понятіе объ общечеловѣческомъ не только не имѣетъ въ себѣ ничего реальнаго и дѣйствительнаго, но оно у́же, тѣснѣе, ниже понятія о племенномъ или народномъ, потому что послѣднее, включая по необходимости первое, присоединяетъ къ нему нѣчто особое, дополнительное, которое именно и должно быть развиваемо и сохраняемо. Слѣдовательно, общечеловѣческаго не только нѣтъ въ дѣйствительности, но и желать быть имъ—значить желать довольствоваться общимъ мѣстомъ, безцвѣтностью, отсутствіемъ оригинальности. Общечеловѣческой цивилизаціи не существуетъ и не можетъ существовать, потому что это была-бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота. Иное дѣло всечеловѣческое, которое надо отличать отъ общечеловѣческаго; оно, безъ сомнѣнія, выше всякаго отдѣльно-человѣческаго, или народнаго, но оно и состоитъ только изъ совокупности всего народнаго; оно несовмѣстимо и неосуществимо въ какой-бы то ни было одной народности. Всечеловѣческой цивилизаціи, къ которой можно было-бы примкнуть, такъ-же не существуетъ и не можетъ существовать, какъ и общечеловѣческой, потому что это идеалъ, достижимый совмѣстнымъ развитіемъ всѣхъ культурно-историческихъ типовъ, своеобразною дѣятельностью которыхъ проявляется историческая жизнь человѣчества въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. *).

Если есть культурно-историческіе типы, и они совершенно своеобразны, то, очевидно, и педагогическій процессъ, въ нихъ совершающійся, долженъ быть тоже вполнѣ своеобразенъ и націоналенъ, а потому пополнять недостатки одного народнаго педагогическаго идеала цѣнными свойствами другихъ невозможно. Эту послѣднюю мысль съ полною рѣзкостью высказалъ Ушинскій. По его представленію, всякая историческая живая народность есть самое высокое и самое прекрасное созданіе Божіе на землѣ, и воспитанію остается только черпать изъ этого богатаго и чистаго источника. Общей системы воспитанія для всѣхъ народовъ не существуетъ. Частности воспитанія могутъ быть международными; частности воспитанія можно заимствовать одному народу у другого; основы-же, цѣль, главное направленіе различны у каждаго народа, самобытны. Въ основаніи особой идеи воспитанія у каждаго народа лежитъ особенная идея о человѣкѣ, о томъ, каковъ долженъ быть человѣкъ по понятіямъ народа. Каждый народъ имѣетъ свой особенный идеалъ

*) Данилевскій, „Россія и Европа“. Изд. 4. СПБ. 1889. Гл. IV, V и VI.

человѣка и требуетъ отъ своего воспитанія воспроизведенія этого идеала въ отдѣльныхъ личностяхъ. Идеалъ человѣка у каждаго народа соотвѣтствуетъ народному характеру, опредѣляется общественною жизнью народа, развивается вмѣстѣ съ его развитіемъ. Народный идеалъ человѣка видоизмѣняется въ каждомъ народѣ по сословіямъ, но всѣ эти видоизмѣненія носятъ одинъ и тотъ-же національный типъ въ разныхъ степеняхъ его развитія: это отраженіе одного и того-же образа въ разныхъ сферахъ общества. Какъ нельзя жить по образцу другого народа, какъ-бы заманчивъ ни былъ этотъ образецъ, такъ точно нельзя воспитываться по чужой педагогической системѣ, какъ-бы ни была она стройна и хорошо обдумана. Основанія воспитанія, цѣль его и главное направленіе различны у каждаго народа и опредѣляются народнымъ характеромъ, тогда какъ педагогическія частности могутъ свободно переходить и часто переходятъ отъ одного народа къ другому. Пользованіе иностраннымъ педагогическимъ опытомъ безвредно только тогда, когда основанія общественнаго образованія твердо положены самимъ народомъ. Система общественнаго воспитанія, вышедшая не изъ общественнаго убѣжденія, какъ-бы хитро она ни была обдумана, окажется безсильною и не будетъ дѣйствовать ни на личный характеръ человѣка, ни на характеръ общества. Она можетъ приготовлять техниковъ, но никогда не будетъ воспитывать полезныхъ и дѣятельныхъ членовъ общества *).

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что каждая народность представляетъ до нѣкоторой степени своеобразную личность, особенное мышленіе, свое собственное пониманіе природы и людскихъ отношеній. Проф. Градовскій справедливо замѣтилъ, что „народность дѣйствуетъ воспитательно на человѣческую личность потому, что она сама есть собирательная и нравственная личность“ **). Но изъ-за присущихъ каждой народности особенныхъ свойствъ никогда не нужно забывать о существенномъ сходствѣ между людьми, о единствѣ рода человѣческаго. Собственно между людьми гораздо больше сходнаго, чѣмъ различнаго, причемъ сходства гораздо важнѣе и существеннѣе различій. Едва ли кто будетъ спорить, что основные законы строенія, организаціи человѣка и его развитія физическаго и духовнаго, одни и тѣ же для всѣхъ племенъ и народовъ земли. На основаніи

---

*) Ушинскій, „Собраніе педагогическихъ сочиненій“. СПБ., 1875. Ст. о народности въ общественномъ воспитаніи.

**) Градовскій, (Собраніе сочиненій т. 6-й. Спб. 1901. Статьи и публичныя лекціи о національномъ вопросѣ). Стр. 261.

этого существеннаго сходства всѣ люди и составляютъ одинъ классъ существъ; не будь существеннаго сходства между людьми въ организаціи и развитіи, одну часть людей пришлось бы списать въ классъ животныхъ, а для другой измыслить новый классъ—сверхъ людей, полуангеловъ, титановъ и т. п.

Точно также едва ли кто будетъ спорить противъ того, что у людей мышленіе одинаково по существу, а потому логика одна, а не много, и результаты логическуго мышленія, т. е. наука, одни и тѣ же. Въ мышленіи одинъ народъ можетъ преимущественно пользоваться однимъ методомъ, а другой — другимъ; въ научной сферѣ одинъ народъ можетъ увлекаться больше одной наукой, чѣмъ другой, или одной ея стороной, однимъ отдѣломъ больше, чѣмъ другимъ,—но вся область мышленія, всѣ его пріемы, вся наука въ цѣломъ доступны всѣмъ людямъ. Пока наука развивается, формируется, въ процессъ ея разработки, изслѣдованія отдѣльныхъ сторонъ, вопросовъ, даже пріемовъ можно съ достаточною опредѣленностью прослѣдить національныя особенности умовъ, работавшихъ надъ нею; но какъ скоро наука или отдѣлъ ея окончательно формируется и приводится къ выраженію однимъ широкимъ началомъ или закономъ, всѣ національныя примѣси исчезаютъ и наука является общечеловѣческой, обязательной для каждаго мыслящаго ума. Въ основныхъ законахъ математики, астрономіи, физики, химіи кто же найдетъ національные оттѣнки? Это—истины, и какъ таковыя, общечеловѣчны. Древняя греческая наука принята, какъ общечеловѣческое достояніе, западными европейскими народами; а новая наука этихъ послѣднихъ переносится въ Америку, Австралію, Японію, отчасти Китай и въ другія страны. Человѣческое мышленіе представляетъ ряды отдѣльныхъ національныхъ теченій, которыя всѣ сливаются, наконецъ, въ одинъ потокъ, въ которомъ теряется всякая примѣсь національности. Около Казани или Нижняго знатокъ можетъ различить въ Волгѣ воду Камы и Оки отъ волжской; но около Астрахани никто этого различія сдѣлать не въ состояніи: тамъ одна вода—волжская.

Точно также пріобрѣтенія матеріальной кутьтуры, нѣсколько измѣнясь согласно осбенностямъ климатовъ и странъ, по существу остаются тѣми же самыми для всѣхъ людей. Защита тѣла отъ измѣненій тимпературы, постройка жилищъ, способы передвиженія, орудія для воздѣлыванія почвы, борьбы со звѣрями и т. п. — все это одно и то же по своей сущности всюду.

Есть культурныя явленія человѣческой жизни, имѣющія менѣе сходства, чѣмъ перечисленныя, каковы народные языки, религіи, искусство, бытъ. Но и этими проявленіями существенно ли раздѣ-

ляются народы одинъ отъ другого, воздвигаются ли между ними непереходимыя стѣны? Нѣтъ, языки различны, но и при различіяхъ въ нихъ есть сходства. Языки дѣлятся на родственныя группы, и каждый языкъ, принадлежащій къ данной группѣ, имѣетъ весьма много сходнаго со всѣми другими языками, принадлежащими къ той же группѣ. А отдѣльныя группы языковъ, при всѣхъ различіяхъ, также имѣютъ значительныя сходства—вѣдь языки суть органы человѣческой мысли, по сущности одинаковой у всѣхъ людей. Религіи различны, но сущность религіознаго сознанія одна и та же у всѣхъ людей. Буддизмъ и христіанство—религіи, съ виду, весьма различныя; но нѣтъ ли между ними больше существенныхъ сходствъ, чѣмъ существенныхъ различій? Основные религіозно - нравственные идеалы въ своей глубочайшей основѣ одинаковы, и придумать что либо особенное въ этомъ отношеніи весьма трудно. Совершенно тѣ же соображенія можно высказать и относительно искусства и быта. Они своеобразны до нѣкоторой степени у отдѣльныхъ народовъ, но взятые въ цѣломъ, составляютъ одну линію развитія. Искусство одного народа служитъ продолженіемъ и развитіемъ искусства другого, при чемъ художественная дѣятельность болѣе ранняго народа служитъ основой художественной дѣятельности позднѣйшаго. Утвержденіе нѣкоторыхъ, хорошо выраженное Данилевскимъ, что „всякій истинный художникъ творитъ самобытно и начинаетъ, такъ сказать, сызнова. Шекспиръ могъ бы написать свои трагедіи, еслибы и не было прежде него Эсхила и Софокла; но Ньютонъ немыслимъ безъ Эвклида, безъ Коперника и Кеплера“,—не доказано. Искусство насквовь пропитано интеллектуальными элементами, развивается вмѣстѣ съ культурой, опираясь на нее, и не можетъ существовать и развиваться отдѣльно, независимо отъ развитія другихъ сторонъ жизни. Высокое искусство не можетъ быть у варварскихъ народовъ. Бытъ народовъ бываетъ наиболѣе своеобразенъ въ томъ случаѣ, когда народы ведутъ обособленную жизнь; какъ же скоро начинаются частыя взаимныя сообщенія, сейчасъ же начинаются и многочисленныя взаимныя заимствованія, вліянія, приводящія прежнюю разность къ значительному сходству.

Такимъ образомъ, между народами гораздо больше сходнаго, чѣмъ различнаго. Тотъ, кто изучитъ жизнь и дѣятельность одного народа, тотъ пойметъ основныя пружины дѣятельности и всѣхъ другихъ народовъ. Борьба съ сосѣдями, борьба сословій, развитіе идеальной стороны жизни и матеріальной культуры—вотъ что встрѣтится всюду въ разныхъ формахъ, степеняхъ и положеніяхъ. У людей умъ тотъ же, страсти тѣ же, тѣ же главенствующіе инстинкты, чувства и настроенія; а потому и исторія народовъ по существу одинакова.

Одинъ народъ переживаетъ собственно то же, что и любой другой, какъ фазы жизни и развитія одного человѣка по существу совершенно сходны съ фазами жизни и развитія всякаго другого человѣка. Какіе различные узоры вышьются на этой одинаковой основной ткани—все это будетъ составлять второстепенное различіе, а не главное, не по существу.

Признавая единымъ, по организаціи и законамъ развитія, все человѣчество, единою по существу человѣческую культуру, признавая народныя особенности чертами второстепенными и дополнительными къ основнымъ человѣческимъ свойствамъ, естественно и педагогическій процессъ, совершающійся въ народахъ, признавать одинаковымъ же по существу и различнымъ лишь въ частностяхъ, какъ разъ наоборотъ тому, что утверждалъ Ушинскій. Его взглядъ на этотъ вопросъ совершенно несостоятеленъ. Невозможно думать, чтобы общій ходъ развитія дѣтей нѣмецкихъ, французскихъ, русскихъ былъ существенно различенъ, настолько, чтобы каждому народу требовалась особенная педагогика. Если же эти народы въ своемъ развитіи и дѣятельности подлежатъ вліянію однихъ и тѣхъ же физическихъ, химическихъ, физіологическихъ и соціальныхъ законовъ, то какимъ образомъ въ воспитаніи, заключающемся, прежде всего, въ вспомоществованіи естественному развитію силъ человѣка, не можетъ, будто бы, быть ничего общаго, одинаковаго, кромѣ мелочей и частностей; возможно ли, что французъ образуется и воспитывается, будто бы, на одинъ ладъ, нѣмецъ—на другой, русскій — на третій, по своей особенной народной педагогикѣ. Если изъ-за примѣси національныхъ свойствъ отрицать возможность общечеловѣческой теоріи воспитанія, то по той же причинѣ слѣдуетъ отрицать возможность и народнаго воспитанія. Каждый народъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько племенъ и каждое племя имѣетъ свои особенности. Въ каждомъ малороссѣ есть нѣчто особенное по сравненію съ великоруссомъ и бѣлоруссомъ, и его воспитаніе и развитіе имѣетъ нѣкоторыя особенныя спеціальныя свойства. Далѣе, каждое племя будетъ распадаться на жителей той или другой мѣстности, имѣющихъ свои особенности, напримѣръ, великоруссы на москвичей, владимірцевъ, тверичей и т. д. По словамъ Грибоѣеова, на всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ. Москвичи распадутся на сословія, а эти послѣднія на отдѣльныхъ личностей, потому что каждое отдѣльное лицо развивается и образуется на свой ладъ. Такимъ образомъ, мы придемъ къ такому заключенію, что единственно годной и состоятельной педагогикой можетъ быть признана лишь педагогика отдѣльнаго лица, т. е. отвергнемъ педагогику, какъ науку, искусство и вообще какъ дѣятельность, имѣющую приложеніе ко

многимъ и многому. Всюду мы будемъ видѣть тогда существенныя различія въ развитіи и воспитаніи и не замѣчать сходства. Общее и единое тогда исчезнетъ, и мы очутимся тогда въ морѣ безконечнаго множества отдѣльныхъ безсвязныхъ явленій, въ которомъ не будетъ мѣста ни наукѣ, ни искусству, ни какой-либо дѣятельности, имѣющей въ своей основѣ общія начала.

Тѣ логическія слѣдствія, которыя необходимо вытекаютъ изъ строгаго проведенія національной точки зрѣнія на культуру и педагогическій процессъ, нѣсколько смущали самихъ защитниковъ національзма. Они иногда отказывались отъ нѣкоторыхъ слѣдствій усвоенной точки зрѣнія, смягчали ее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, запутывались въ противорѣчія. Такъ, Ушинскій, превознося народность и сравнительно низко цѣня науку, тѣмъ не менѣе не могъ не признать, что безъ науки воспитанію обойтись нельзя, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ допустить въ народныхъ педагогіяхъ нѣчто общее, касающееся не частностей, а самыхъ основъ. Точно также не могъ онъ не обратить вниманія на значеніе христіанскихъ началъ для правильной постановки воспитанія у христіанскихъ народовъ. Вслѣдствіе этого Ушинскій пришелъ, наконецъ, къ признанію, что основы воспитанія общи всѣмъ, по крайней мѣрѣ, христіанскимъ народамъ, и что такихъ основъ, кромѣ народности, двѣ: христіанство и наука. „Къ этимъ двумъ основамъ (христіанству и народности) общественнаго воспитанія у каждаго европейскаго народа присоединяется еще третья, о которой также (какъ и о христіанствѣ) мы не будемъ распространяться, потому что и она не входитъ въ область нашей статьи (О народности въ общественномъ образованіи). Эта третья основа естъ наука“. Такія сужденія находятся въ полномъ противорѣчіи съ чисто національной точкой зрѣнія на педагогическій процессъ.

Точно также Дильтей въ своей извѣстной статьѣ (Über die Möglichkeit einer allgemeingültigen pädagogischen Wissenschaft *) склонялся къ отрицанію общечеловѣческой педагогики, потому что педагогическіе идеалы, внушаемые этикой, имѣютъ историческій характеръ и, какъ таковые, ограничены и условны. Взгляды на конечную цѣль человѣческой жизни весьма различны и измѣнчивы, и ни одна нравственная система не могла до настоящаго времени достигнуть всеобщаго признанія. Съ другой стороны, педагогика должна основываться на психологіи, а части психологіи, особенно нужныя педагогикѣ—о чувствованіяхъ и волѣ—до сихъ поръ далеки отъ строгой научной обработки. Такимъ образомъ, общечеловѣческая научная педаго-

---

*) Sitzungsberichte der kgl. preuss. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Jahrgang 1888. Zweiter Halbband. Juni-December 1888. S. 807—832.

гика оказывается невозможной, и тѣ, которые выдавали какую-либо педагогическую систему за общечеловѣческую, обманывались, временное и мѣстное принимая за вѣчное и всеобщее. Всенародная, такъ сказать, естественная педагогика—близкая родственница естественнаго богословія, естественнаго права, которыя вытѣснены исторической школой: такая педагогика есть „аномалія въ современной наукѣ“.

Слѣдовательно, общечеловѣческой педагогики нѣтъ, она невозможна. А на самомъ дѣлѣ оказывается, что она возможна; именно ея основа, по мнѣнію Дильтея, заключается въ формальномъ понятіи совершенства. Между разными элементами и направленіями душевной жизни должна быть тѣсная связь, которая и образуетъ совершенство развитія, составляетъ норму или правило, неизмѣнное и твердое среди измѣняющихся историческихъ условій развитія. Содержаніе воспитательнаго идеала бываетъ исторически условнымъ и относительнымъ, а абстрактная форма совершенства, напротивъ, общечеловѣчна. Такимъ образомъ, общечеловѣческая педагогика, только что изгнанная въ однѣ двери, сейчасъ же входитъ въ другія, хотя бы и съ нѣкоторымъ ограниченіемъ своего прежняго положенія.

Основное заключеніе, къ которому мы приходимъ, то, что превознесеніе народности превыше всего ошибочно. Данилевскій говоритъ, что для всякаго славянина, „послѣ Бога и его святой церкви, идея славянства должна быть высшею идеею, выше свободы, выше науки, выше просвѣщенія, выше всякаго земного блага“. Очевидно, столь же высокой должна быть идея каждой другой народности для лицъ, принадлежащихъ къ другимъ народностямъ. Ушинскій утверждаетъ, что „всякая живая историческая народность есть самое высокое и самое прекрасное созданіе Божіе на землѣ, и воспитанію остается только черпать изъ этого богатаго и чистаго источника“... Все это—преувеличеніе, слишкомъ замѣтное; народность далеко не самое высокое созданіе Божіе на землѣ. Народности временны, смѣняютъ одна другую на исторической сценѣ; народности односторонни и взаимно дополняются; народности несовершенны и стремятся къ созданію всесторонней совершенной культуры, которая, какъ воплощающая въ себѣ самыя лучшія усилія всѣхъ народностей, драгоцѣннѣе и выше всякихъ отдѣльныхъ культурно-историческихъ типовъ. Свобода, наука, просвѣщеніе выше народности; они вѣчны и всеобщи. Въ народности все мѣняется: и языкъ, и вѣра, и общественно-пополитическій строй, и бытъ. Въ человѣчествѣ также все мѣняется, но основныя его культурно-научныя пріобрѣтенія и идеи остаются тѣми же, если не вѣчно, то на весьма продолжительное время. Древнія образованныя народности давнымъ давно исчезли, но ихъ идеи еще живы. Односторонность народности и ея недостатки можно по-

нять, можно бороться съ ними, можно быть выше народности, но выше человѣчества быть нельзя, сверхчеловѣковъ не существуетъ. Что такое человѣческая личность? Это есть общія свойства человѣческія, облеченныя въ одежду народности и обнаруживающіяся нѣсколько особеннымъ, индивидуальнымъ, образомъ; это есть, выражаясь языкомъ Спинозы, модусъ субстанціи. Не въ модусѣ дѣло, а въ субстанціи. Конечно, не нужно игнорировать народныя и индивидуальныя черты въ человѣкѣ, стремиться не давать имъ хода и значенія, въ виду одинаковости человѣческой природы, такъ какъ эти второстепенныя черты оттѣняютъ людей, придаютъ разнообразіе и оживленіе человѣчеству, безъ нихъ жизнь была бы не въ жизнь; но не нужно и раздувать эти черты въ главныя, изъ-за нихъ не видѣть единства человѣческаго рода и учить презирать другіе народы, безконечно высоко превознося свой народъ. Родъ человѣческій—единое стадо, его культура, по своему существу, также едина и педагогическій процессъ въ основѣ своей одинаковъ всюду. Различія въ немъ, при обстоятельномъ изслѣдованіи, всегда окажутся далеко меньшими сходствъ; сходное—главное; различное—второстепенное. Педагогическій процессъ долженъ быть направляемъ тѣмъ всепроникающимъ убѣжденіемъ, что всѣмъ людямъ присуще стремленіе къ идеалу общественности, знаніямъ, но что это основное общечеловѣческое стремленіе, въ силу различныхъ причинъ, выражается у разныхъ народовъ по своему—различными языками и религіями, различнымъ общественнымъ строемъ и бытомъ. Всѣ народности въ большей или меньшей степени односторонни и могутъ взаимно пополнять одна другую; народнаго совершенства нѣтъ.

Утверждая все это, мы не должны, конечно, забывать, что національное ограниченіе общечеловѣческихъ свойствъ неизбѣжно, а съ другой стороны, что національныя черты дополняютъ общечеловѣческія частными, особенными чертами и служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ жизни, колорита, разнообразія, оттѣнковъ въ общечеловѣческой и народной дѣятельности. Каждый народъ во всемъ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ религіи, и въ общественности ищетъ и находитъ свое особенное, открываетъ такія стороны, которыхъ не замѣчаетъ другой народъ, словомъ въ общій потокъ жизни вноситъ свою струю. Уничтожьте эти оттѣнки, эту своеобразность струй житейскаго моря, эту ограниченность національнаго мышленія и чувствованія, и жизнь сдѣлается однообразнѣе, вялѣе, монотоннѣе, жить будетъ скучнѣе, чѣмъ теперь. Національность есть неизбѣжная ограниченность, но вмѣстѣ и значительная сила для всесторонняго развитія жизни и дѣятельности; національности, вмѣстѣ взятыя, даютъ полноту и жизни и наукѣ и искусству и религіи. Въ этомъ

смыслѣ можно признать правильными слова Хомякова, цитированныя проф. Градовскимъ въ вышеуказанномъ его сочиненіи *): за страннымъ призракомъ погнались у насъ многіе. Общеевропейское, общечеловѣческое! Но оно нигдѣ не является въ отвлеченномъ видѣ. Вездѣ все живо, все народно. А думаютъ же иные обезнародить себя и уйти въ какую то чистую, высокою сферу. Разумѣется, имъ удается только уморить всю жизненность и, въ этомъ мертвомъ видѣ, не взлетѣть на высоту, а такъ сказать, повиснуть въ пустотѣ, т. е. изобразить изъ себя „Магометовъ гробъ".

Такимъ образомъ, вполнѣ естественно, что человѣкъ, сживаясь съ народностью, говоря, мысля и чувствуя, какъ другіе изъ его народа, достигаетъ сознанія, что національность—это онъ самъ, его собственное я, и сознательно начинаетъ любить и цѣнить свою національность. Вполнѣ естественно, что возникаетъ любовь къ отечеству: но нежелательны народная гордость, высокомѣрное отношеніе къ другимъ народностямъ, вражда къ нимъ, потому что другія народности не такъ говорятъ, не такъ Богу молятся, живутъ по другому. Національности своеобразны, и педагогическій процесъ, въ нихъ совершающійся, также своеобразенъ въ извѣстной степени, но не исключительно. Народности сходны по существу, и педагогическій процессъ, въ нихъ совершающійся, одинаковъ по существу. Слѣдовательно, восполненіе недостатковъ одного народнаго педагогическаго идеала достоинствами другого возможно.

Педагогу, желающему руководится ясно сознаваемымъ идеаломъ, предстоитъ сложная и трудная задача—разобраться въ народныхъ идеалахъ. Народный идеалъ видоизмѣняется по сословіямъ, развивается вмѣстѣ съ народной культурой, выражается во множествѣ отдѣльныхъ проявленій, не воплощаясь ни въ одномъ изъ нихъ въ цѣлости. Поэтому уловить народный идеалъ при сложности его элементовъ и чертъ, при измѣнчивости по классамъ и сословіямъ и при постоянномъ его ростѣ и колебаніяхъ въ зависимости отъ колебаній жизни и культуры, весьма трудно; весьма трудно дать ему опредѣленный обликъ, твердую осязательную форму, сдѣлать настолько яснымъ и убѣдительнымъ, чтобы имъ можно было руководиться въ такой практической дѣятельности, каково воспитаніе.

Формулировавъ народный идеалъ, нужно подвергнуть его критическому разсмотрѣнію, сравнить съ идеалами другихъ народовъ и выяснить такимъ путемъ сильныя и слабыя свойства національнаго идеала. Тогда откроется возможность восполненія его цѣнными свойствами идеаловъ другихъ народовъ. Одного общечеловѣческаго, всенароднаго педагогическаго идеала не существуетъ. У людей нѣтъ

---

*) Т. 6-й Собранія сочиненій. стр. 360.

общечеловѣческой религіи, нѣтъ общечеловѣческаго языка; интересы даже образованныхъ народовъ часто противоположны, а ихъ исторія и настоящее положеніе весьма различны; бытовой складъ, общественная дѣятельность, политическое устройство не одинаковы; искусство національно, и даже наука не чужда нѣкоторой національной окраски. Поэтому одинъ всенародный общечеловѣческій педагогическій идеалъ невозможенъ, хотя, несомнѣнно, существуютъ однѣ и тѣ же основы и задачи воспитанія—помощь саморазвитію личности и ея усовершенствованіе. Но эти всенародные, общечеловѣческіе элементы педагогическаго процесса не составляютъ педагогическаго идеала. Идеалъ есть, хотя и духовное, но живое и образное цѣлое, воплощающее въ себѣ желаемое и ожидаемое извѣстнымъ народомъ отъ своихъ согражданъ, есть совокупность привлекательныхъ цѣнныхъ чертъ, есть совершенно опредѣленная путеводная для жизни звѣзда. Идеалъ русскаго и китайца не одинъ и тотъ же, а основные элементы педагогическаго процесса одни и тѣ же. Педагогическій идеалъ вноситъ различіе въ одинаковый вездѣ по существу педагогическій процессъ, видоизмѣняетъ его; къ постоянному и вѣчному онъ прибавляетъ временное и измѣнчивое. Присутствіе въ педагогическомъ процессѣ общечеловѣческихъ элементовъ еще не даетъ никакихъ мотивовъ для дѣятельности, не представляетъ живого образца, которому можно было бы слѣдовать въ воспитаніи. Эти мотивы, эта двигательная сила даются воспитанію національными идеалами.

Слѣдовательно, педагогическій идеалъ заключаетъ въ себѣ три рода элементовъ: личные или субъективные, народные или національные и всенародные или общечеловѣческіе. Субъективный элементъ состоитъ въ томъ, что все дѣло постройки педагогическаго идеала есть работа извѣстнаго лица, результатъ его творчества, и, конечно, на такой личной работѣ отражаются свойства творца, глубина его пониманія и ширина захвата или нѣкоторая поверхностность и узость ума и другія свойства. Творецъ сообщаетъ своему творенію нѣкоторый личный оттѣнокъ, накладываетъ личную печать. Матеріалъ для своего настроенія создатель педагогическаго идеала заимствуетъ прежде всего и больше всего изъ національныхъ идеаловъ, сводя ихъ къ единству, очищая отъ сословныхъ и классовыхъ примѣсей и освобождая національные идеалы отъ свойственныхъ имъ односторонности и замкнутости. Такая критическая переработка національныхъ идеаловъ возможна лишь при сопоставленіи національныхъ идеаловъ съ идеалами другихъ народовъ, безпристрастномъ взвѣшиваніи свойствъ тѣхъ и другихъ и расширеніи и дополненіи національнаго идеала цѣнными и желательными чертами

другихъ, инонародныхъ идеаловъ. Разумное воспитаніе можетъ руководиться лишь идеаломъ, такъ и на такихъ основаніяхъ построеннымъ.

Построенный указаннымъ способомъ педагогическій идеалъ, по своей сущности, неизбѣжно будетъ всенароднымъ, общечеловѣческимъ, хотя творецъ его, какъ замѣчено, прежде всего и больше всего будетъ почерпать матеріалъ для своего построенія изъ народныхъ идеаловъ. Дѣло въ томъ, что человѣческая природа и основныя народныя стремленія повсюду, на всемъ земномъ шарѣ, одинаковы, и какъ скоро національные идеалы освобождаются отъ присущихъ имъ односторонностей и недостатковъ, то они сейчасъ же сближаются между собою и становятся удобопріемлемыми въ большей или меньшей степени для всѣхъ народовъ. Національныя спеціальныя черты остаются, но не составляютъ сущности, а лишь дополненіе; онѣ окрашиваютъ одинъ и тотъ же идеалъ въ разные цвѣта, придаютъ ему различную форму, дѣлаютъ его съ виду непохожимъ на идеалы другихъ народовъ; но на самомъ дѣлѣ существенное тожество педагогическихъ идеаловъ дополнительными національными чертами нисколько не затрогивается.

Въ самомъ общемъ видѣ педагогическій идеалъ можетъ быть очерченъ такъ: прежде всего, каждый воспитываемый долженъ быть образуемъ, какъ добрый общественникъ. Эта черта идеала не есть какое либо спеціально-національное качество, а свойство общечеловѣческое, всенародное. Его сущность заключается въ отчетливомъ сознаніи, что общественность есть второй воздухъ, которымъ мы духовно дышимъ на подобіе того, какъ тѣлесно дышимъ атмосфернымъ воздухомъ. Безъ воздуха жить человѣкъ не можетъ, безъ общественности также. Общественность есть свойство прямо противоположное эгоизму и личной замкнутости и состоитъ въ обязанности и охотѣ работать съ другими, совмѣстно, сливать свое я въ дружное сообщество съ другими такими же я.

Чтобы понять, насколько проста и естественна эта обязанность работать сообща съ другими, для этого нужно только хорошенько себѣ выяснить, что для личности человѣка данъ языкъ, дана религія, какъ отразилось на ней долгое житье въ государственномъ союзѣ, снабженномъ твердымъ порядкомъ и законностью, что дали развитію человѣка наука, искусство, бытъ въ его различныхъ формахъ, словомъ, все то, что создала людская общественность. Если немножко подумать обо всемъ этомъ, то окажется, что человѣкъ по самой своей природѣ есть общественникъ, что личное его я неотдѣлимо отъ общественнаго я, что онъ по самой природѣ есть членъ обще-

ства, могущій жить, только дыша общественнымъ воздухомъ, дѣйствуя совокупно съ другими.

Совмѣстная съ другими работа не обозначаетъ отказа отъ своего личнаго я и отдѣльныхъ личныхъ интересовъ, а требуетъ лишь согласія, гармоніи стремленій отдѣльныхъ личностей. Въ совмѣстной дружной работѣ дѣятелей между другими я есть и данное отдѣльное я. Оно не забыто, оно не погибло: оно только вошло въ союзъ съ другими я и свой личный интересъ соединило съ подобными же личными интересами другихъ я. Съ этой точки зрѣнія воспитаніе невозможно безъ товарищества, а товарищество безъ образованія всякаго рода обществъ, кружковъ, союзовъ, преслѣдующихъ разнообразныя частныя цѣли. Дитя должно входить членомъ въ эти частныя общества и учиться въ нихъ дѣйствовать сообща. Пусть дѣти образуютъ общества для чтенія извѣстныхъ книгъ, совмѣстнаго изученія какого либо языка или предмета, для устройства библіотеки, экскурсій, защиты птицъ отъ преслѣдованій, разнаго вида спорта и т. п. Чѣмъ больше будетъ такихъ обществъ, тѣмъ лучше, тѣмъ шире и разностороннѣе практика дѣтей, какъ общественниковъ.

Съ возрастомъ и по мѣрѣ усвоенія плодовъ общественности—культуры, у воспитываемыхъ мало-по-малу должно формироваться сознаніе общественной культурной обязанности. Каждое новое поколѣніе, такъ сказать, сидитъ на плечахъ предшествующаго и пользуется его трудомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой громадный трудъ вложенъ въ обработку земли, въ проложеніе путей сообщенія, въ постройку жилищъ, въ устройство быта и всего домашняго обихода! Всѣмъ этимъ добромъ мы пользуемся даромъ, какъ наслѣдники предшествующихъ поколѣній. Мы должны почтить нашихъ отцовъ-трудолюбцевъ, бережно сохранивъ все цѣнное, ими сдѣланное; мы должны исполнить и обязанность своего поколѣнія—присоединить хотя бы одно зерно къ полученному наслѣдству и, такимъ образомъ, передать его слѣдующему за нами поколѣнію, нашему наслѣднику, не уменьшеннымъ, а увеличеннымъ. Таково требованіе общественности: широко пользуйся наслѣдственнымъ добромъ — культурой и передавай ее слѣдующимъ поколѣніямъ не ослабленной, а усиленной. Добрый общественникъ есть безпристрастный оцѣнщикъ полученнаго по наслѣдству культурнаго достоянія, его хранитель и множитель. Конечно, въ этомъ случаѣ сфера дѣятельности каждаго различна, примѣнительно къ объему культурнаго наслѣдства, имъ полученнаго.

Эти основныя свойства добраго общественника раскрываются, уясняются и дополняются нѣсколькими другими, болѣе частными, чертами, которыя необходимо отмѣтить. Первая дополнительная

черта — уваженіе къ своей собственной личности и параллельное уваженіе къ личности другого. Эта черта вытекаетъ изъ свойствъ добраго общественника. Если человѣкъ серьезно и искренно соединяется съ другими для совмѣстной культурной работы, если онъ сознаетъ, что всѣ блага общественности созданы такою дружною дѣятельностью людей, то у него, какъ хранителя и посильнаго продолжателя такой дѣятельности, неизбѣжно должно возникать сознаніе цѣнности своей дѣятельности, а вмѣстѣ и своей личности. Его сотоварищи по работѣ, конечно, представляютъ такія же личности, какъ и его собственная. Но уважающій себя культурный работникъ не можетъ быть добрымъ общественникомъ, не имѣя вмѣстѣ съ обязанностями и соотвѣтствующихъ культурно-общественныхъ правъ. Если мы будемъ требовать отъ гражданина: будь добрымъ общественникомъ, но въ то же время предпишемъ ему, какъ онъ долженъ представлять Бога и вѣровать въ него, какимъ способомъ спасать свою душу, если мы воспретимъ ему свободно и гласно высказывать свои мнѣнія, совѣщаться о своихъ дѣлахъ съ сотоварищами, если мы всѣ дѣла его, какъ общественника, члена извѣстнаго цѣлаго, будемъ рѣшать за него сами, а ему предоставимъ безнедоимочную уплату податей, исполненіе воинской повинности и неустанный трудъ отъ колыбели до могилы, то наше требованіе не можетъ быть исполнено, потому что гражданинъ поставленъ въ невозможность быть на дѣлѣ добрымъ общественникомъ. Онъ можетъ быть при такихъ условіяхъ покорнымъ подданнымъ, но не добрымъ общественникомъ. Тѣ страны и общества, въ которыхъ существуютъ подобныя условія гражданской дѣятельности, суть, въ сущности своей, полудикія страны, хотя бы въ нихъ существовали университеты и академіи наукъ, хотя бы въ обыденной жизни богатыхъ классовъ примѣнялось электричество, а въ войскахъ и флотѣ были введены бездымный порохъ и подводныя лодки.

Между тѣмъ, громадное большинство человѣчества, въ большей или меньшей мѣрѣ, живетъ въ невозможныхъ условіяхъ: нѣтъ сознанія цѣнности своей личности, нѣтъ уваженія личности другихъ, нѣтъ условій благотворнаго культурнаго труда. Всюду опека, руководительство самозванныхъ руководителей, раболѣпство, вынужденное и добровольное приниженіе. Нѣкогда римскіе цезари прямо объявляли себя богами: въ честь ихъ воздвигались храмы и алтари, а они своихъ лошадей посылали присутствовать въ сенатъ. Такого дикаго раболѣпства нынѣ нѣтъ; но сознанія своего человѣческаго достоинства и гордости культурнаго труженика очень мало, а въ сенаты и до сихъ поръ нерѣдко посылаютъ засѣдать людей, своими талантами немногимъ превосходящихъ цезарскаго коня. При такихъ

условіяхъ жизни выполненіе задачи — быть добрымъ общественникомъ—становится чрезвычайно труднымъ и даже прямо невозможнымъ. Такимъ образомъ, въ число свойствъ добраго общественника необходимо включить уваженіе своей и чужой личности, право на основныя условія благотворности культурнаго труда, на свободу дѣятельности.

Наконецъ, въ ряду дополнительныхъ свойствъ добраго общественника должно быть и еще одно—самодѣятельность, способность иниціативы. Общественникъ, входя въ союзъ съ другими общественниками, не теряетъ своей личности. Его я гармонически сочетается съ другими я, его личные интересы становятся въ извѣстной мѣрѣ общественными, а общественные его личными; но его личная своеобразность и извѣстная обособленность не пропадаютъ, а сохраняются. И должны сохраняться. Общество есть собраніе личностей, а общественная жизнь—гармонически объединенная и уравновѣшенная жизнь личностей. Въ совокупномъ трудѣ личностей должна быть иниціатива и самодѣятельность, должны быть вожаки и сознательно, свободно дѣйствующіе члены общества. Общество не есть панургово стадо. А кромѣ общихъ дѣлъ, у каждаго есть свои частныя личныя дѣла, которыя всецѣло покоятся на его отвѣтственности. Успѣхъ или неуспѣхъ ихъ находятся въ прямой зависимости отъ его способности иниціативы, выдержанности, настойчивости и умѣлости. Поэтому и свойства добраго общественника и личное положеніе каждаго требуютъ широкаго развитія самодѣятельности, а воспитаніе должно быть построено такимъ образомъ, чтобы этому свойству былъ предоставленъ полный просторъ.

Такимъ образомъ, самая сущность педагогическаго идеала выражается словами: добрый общественникъ. Свойства добраго общественника можно понимать такъ и иначе, на первый планъ выдвигать то одно, то другое, сообразно народному идеалу; къ указаннымъ свойствамъ можно прибавлять другія; по требованію мѣста, времени и обстоятельствъ — педагогическій идеалъ, какъ и все человѣческое, измѣнчивъ; но основа идеала, его общій обликъ общечеловѣчны и останутся тѣми же всюду. Виды общественности многоразличны, государственный строй также, но сама общественность, какъ гармоническій союзъ отдѣльныхъ я, соединившихся для дружной культурной работы, всюду одна и та же.

Естественно спросить: начерченный идеалъ добраго общественника есть ли только общечеловѣческій всенародный идеалъ, или вмѣстѣ и національный? Имѣетъ ли онъ корни въ сознаніи и міровоззрѣніи русскаго народа? Несомнѣнно да.

Русскій идеалъ выражается не въ одинаковыхъ формахъ въ

различныхъ классахъ и слояхъ народа: онъ разнообразится особенно въ зависимости отъ степени образованія, причемъ существенныя черты остаются общими самымъ различнымъ формамъ идеаловъ. Если наблюдать простой народъ, народныя массы, то легко замѣтить, кого народъ признаетъ своими героями, наиболѣе воплощающими его сокровенный идеалъ. Это суть, во-первыхъ, святые подвижники, люди, побѣдившіе соблазны и прелести міра, всецѣло отдавшіеся служенію Богу и духовно-нравственному руководительству людьми, къ которымъ народъ и приходитъ массами за совѣтами въ трудныхъ случаяхъ своей жизни. Это—старцы Зосимы, кроткіе, многоопытные, быстро проникающіе въ чужую душу, легко понимающіе чужое горе и находящіе въ своей душѣ отзвукъ на него и мудрый совѣтъ. Это вообще строгіе монахи и простые серьезные міряне, ведущіе благочестивую жизнь, стоящіе выше обыденной сутолоки и мелочей, наполняющихъ сознаніе членовъ людского муравейника. Въ такихъ людяхъ народъ чтитъ, очевидно, преданность высшимъ религіозно-нравственнымъ стремленіямъ, видитъ своихъ духовныхъ вождей и руководителей; это его герои-общественники высшаго порядка, въ дѣятельности которыхъ осуществились наиболѣе драгоцѣнныя черты человѣческой природы.

Второй рядъ героевъ—это лица, проявившія особенную энергію и самопожертвованіе на служеніи отечеству, понимаемому какъ государство, защищавшія его съ особымъ мужествомъ отъ непріятельскаго нашествія, „на брани убіенные" и вообще лица, сослужившія государству крупную службу, соединенную съ личнымъ самопожертвованіемъ, въ родѣ Сусанина, купца Иголкина и т. п. Въ крестьянскихъ избахъ, наряду съ изображеніями Сергія Радонежскаго и Серафима Саровскаго, висятъ изображенія генераловъ—героевъ, сокрушившихъ непріятельскія арміи. Въ такихъ людяхъ народъ чтитъ общественно-государственную службу, самопожертвованіе гражданское, государственное. По народному сознанію, оказывается, что не только небесныя, т. е. религіозно-нравственныя дѣла требуютъ своихъ героевъ, но и земныя, т. е. общественно-государственныя; народъ высоко цѣнитъ самопожертвованіе и руководительство не только религіозно-нравственное, но и гражданское.

Наконецъ, народъ высоко чтитъ силу и выдержку въ перенесеніи ударовъ судьбы, въ терпѣливости, въ сохраненіи силы духа среди разнаго рода обрушившихся на человѣка нежданно-негаданно бѣдствій. Въ разсматриваемомъ отношеніи у народа есть особенные герои—это невинные страдальцы и разные несчастненькіе, вплоть до блаженныхъ, тѣ не по своей винѣ незадачливые люди, про кото-

рыхъ говорится въ народной поговоркѣ, что Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. Въ почитаніи этихъ героевъ сказывается уваженіе народа къ стойкости въ несчастіяхъ, къ сохраненію подъема и силы духа среди самыхъ бѣдственныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, словомъ, къ характеру и вмѣстѣ кротости человѣка.

Идеалы болѣе образованныхъ слоевъ общества по существу тѣ-же самые, что и простонародные, потому что идеалы обусловливаются основнымъ строеніемъ общества и главнѣйшими потребностями человѣка, что вполнѣ доступно пониманію и простого необразованнаго народа; но формы различны. Народъ, по недостатку образованія, не понимаетъ спеціально-культурныхъ видовъ дѣятельности и готовъ подчасъ признавать ихъ зломъ, когда они на самомъ дѣлѣ добро. Между тѣмъ образованные слои общества и ставятъ чрезвычайно высоко именно культурную дѣятельность ради общества и государства, соединенную съ личнымъ самопожертвованіемъ. Врачъ, сестра милосердія, самоотверженно работающіе среди эпидемически больныхъ, для образованнаго общества суть герои; народъ-же, плохо понимающій подобные виды дѣятельности, бываетъ готовъ видѣть въ нихъ отравителей, въ лекарствахъ ядъ, въ больницахъ—мѣста для убійства, въ дезинфекціи вещей—намѣренное разореніе и т. п. Врачей народъ иногда не только не благодаритъ за ихъ дѣятельность, но и бьетъ ихъ и даже убиваетъ. Также подозрительно, недовѣрчиво онъ относится и ко всѣмъ другимъ лицамъ, проповѣдывающимъ соціальныя и хозяйственныя улучшенія: въ нихъ онъ также нерѣдк оусматриваетъ весьма опасныхъ нововводителей, приближающихся къ нему съ потаенными злокозненными цѣлями.—Ученый, отправляющійся къ сѣверному полюсу и ради любознательности претерпѣвающій страшный холодъ и голодъ, заболѣвающій цынгой, разрушающій свое здоровье, ему мало понятенъ и мало въ его глазахъ героиченъ, тогда какъ онъ полный герой для образованнаго общества.

Несмотря на видимое полное и рѣшительное противорѣчіе идеаловъ простонароднаго и культурнаго, сущность ихъ одна и та-же, а разница заключается лишь въ формахъ, въ которыя отлился одинъ и тотъ-же идеалъ. И здѣсь и тамъ рѣчь идетъ о безкорыстномъ служеніи обществу и государству, соединеннымъ съ личнымъ самопожертвованіемъ. Это сходство по существу между простонародными и культурными идеалами выражается особенно ясно въ нѣкоторыхъ культурныхъ идеалахъ, именно въ тѣхъ, въ которыхъ указывается на неестественность нѣкоторыхъ частныхъ проявленій культуры, на слишкомъ большую сложность и утонченность культурныхъ

потребностей, на необходимость поэтому для культурнаго общества бо̀льшей простоты быта и обстановки, уменьшеніе потребностей, естественной жизни въ природѣ и пользы для каждаго физическаго труда. Словомъ, проповѣдь опрощенія, хожденія въ народъ, сокращенія культурныхъ потребностей есть не что иное, какъ проповѣдь о сближеніи простонародныхъ и культурныхъ идеаловъ. Культурное общество кое что должно сбросить съ себя, опроститься; простой народъ долженъ кое въ чемъ образоваться, и тогда культурное общество и сѣрая масса сольются въ своихъ идеалахъ въ одно гармоническое цѣлое.

Такимъ образомъ, въ народныхъ русскихъ идеалахъ, культурныхъ и некультурныхъ, мы всюду встрѣчаемъ одинъ и тотъ же основной, лишь различно развиваемый и выражаемый, образъ добраго общественника. Но, конечно, въ этомъ идеалѣ, при подробнѣйшемъ его разсмотрѣніи, могутъ встрѣчаться и получать видное значеніе нѣкоторыя другія, чисто русскія, дополнительныя черты. Такъ, многими замѣчено, что у русскаго народа очень слабо развито сознаніе законности. Къ законамъ русскій человѣкъ относится довольно равнодушно, а часто и весьма неуважительно. Особеннымъ вліяніемъ они у него не пользуются, и большого руководительнаго значенія въ жизни онъ имъ не придаетъ. Нужно жить не по человѣческому закону, а по божьему, по совѣсти, руководиться не гражданскимъ и уголовнымъ уложеніемъ, а требованіями и голосомъ своей души. Законъ есть нѣчто внѣшнее и весьма несовершенное, отягченное массой формальностей и бумажнаго производства, нѣчто рѣшительно неспособное охватить жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, а потому часто весьма непригодное въ жизни и несправедливое. Съ положеніемъ fiat justitia, pereat mundus—русскій человѣкъ никогда не согласится: это прямо противорѣчитъ его убѣжденію въ недостаточности всякаго рода законовъ. Многовѣковымъ тяжелымъ опытомъ русскій народъ убѣдился, что законы не ограждаютъ его личности и интересовъ отъ насилія сильныхъ и хитрыхъ, что съ массой законовъ въ рукахъ его грабятъ и утѣсняютъ на законныхъ, будто бы, основаніяхъ, что законы часто пишутся не въ общенародныхъ, а въ классовыхъ интересахъ—помѣщиковъ, дворянъ, чиновниковъ, купцовъ. Поэтому огражденіе себя закономъ онъ не считаетъ достаточнымъ, твердымъ, такъ какъ законъ всегда можно обойти и растолковать и вкривь и вкось; онъ ищетъ такого огражденія себя не внѣ, а внутри человѣка, въ его совѣсти, въ его человѣческомъ достоинствѣ и порядочности; онъ обращается къ самому источнику законовъ—разуму и чувству справедливости человѣка. Отсюда жизнь

по закону имѣетъ не особенно высокую въ его глазахъ цѣну; такъ называемою корректностью его прельстить нельзя; жизнь по совѣсти, по Божьи, по душѣ—вотъ истинно высокая жизнь, вотъ идеалъ, къ осуществленію котораго нужно стремиться; въ сознаніи народа законники, крючкотворцы и ловкіе грабители стоятъ на одной линіи. А у другихъ народовъ, въ ихъ идеалахъ, законность играетъ видную роль.

П. Каптеревъ.

Гигіеническій отдѣлъ выставки «Дѣтскій міръ».

Выставка по гигіенѣ дѣтскаго возраста должна служить нагляднымъ образцомъ правильнаго ухода за ребенкомъ и воспитанія его. Необходимость для родителей и воспитателей знакомства съ основными требованіями гигіены ясно вытекаетъ изъ установленнаго опытомъ факта, что растущій и развивающійся организмъ ребенка гораздо болѣе нуждается въ раціональномъ уходѣ, чѣмъ организмъ взрослый. Если ребенокъ правильно воспитывается, то онъ выростаетъ здоровымъ физически и вполнѣ развитымъ умственно. Совершенно другое наблюдаемъ мы при неправильномъ и нераціональномъ уходѣ за ребенкомъ, при отсутствіи въ современномъ обществѣ примитивныхъ свѣденій по гигіенѣ дѣтскаго возраста. Печальныя послѣдствія подобнаго положенія вещей наглядно подтверждаются слѣдующими фактами. Европейская Россія или вѣрнѣе только 52 ея губерніи теряютъ ежегодно болѣе 2.000,000 дѣтей. Число дѣтей, страдающихъ хроническими болѣзнями, какъ рахитъ и золотуха, достигаетъ въ крупныхъ городахъ 80% всѣхъ больныхъ дѣтей. Наконецъ, въ русскихъ школахъ врачи отмѣтили за послѣдніе годы болѣе 30% дѣтей слабаго физическаго развитія. Какой соціальный и матеріальный ущербъ несетъ государство отъ подобной дѣтской смертности, которая существуетъ въ нашемъ отечествѣ? Сколько калѣкъ и слабыхъ, неспособныхъ къ самостоятельному труду, взрослыхъ даютъ такія распространенныя среди дѣтскаго населенія болѣзни, какъ рахитъ, сифилисъ и золотуха? Наконецъ, какъ можетъ достигнуть современная школа полнаго развитія всѣхъ способностей ребенка, если изъ этой школы выходятъ люди отсталые въ физическомъ развитіи, нерѣдко слабые и больные? Вотъ рядъ вопросовъ, надъ которыми серьезно призадумается каждый русскій человѣкъ, сердцу котораго дорого дальнѣйшее развитіе и процвѣтаніе нашего отечества.

Современное положеніе гигіены дѣтскаго возраста очень далеко отъ идеала, такъ-какъ гигіеническія свѣдѣнія въ обществѣ, даже интеллигентномъ, слишкомъ недостаточны и мало распространены.

Если же изучить тѣ пріемы воспитанія и леченія дѣтей, которые примѣняются въ нашихъ деревняхъ, то можно придти въ ужасъ. Достаточно указать здѣсь на русскія „зыбки“, на свивальники и на соски изъ чернаго жеваннаго хлѣба, которыми пичкаютъ младенцевъ. Все это простые, общеизвѣстные обычаи, но они стоятъ нашему государству много милліоновъ дѣтскихъ жизней.

Наглядное обученіе представляетъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ какъ для распространенія гигіеническихъ свѣденій, такъ и для борьбы съ предразсудками, существующими въ народѣ и даже среди интеллигентной публики. Выставка по гигіенѣ дѣтскаго возраста должна представить всѣ предметы, примѣняющіеся при уходѣ за ребенкомъ съ момента его рожденія и до школьнаго возраста включительно. На ряду съ вещами гигіеническими и полезными здѣсь должны находиться и вещи, приносящія ребенку непосредственный вредъ, который иллюстрируется подходящими моделями или рисунками. При соблюденіи означенныхъ условій и при надлежащихъ объясненіяхъ, которыми сопровождаются всѣ выставки, польза отъ нагляднаго обученія слишкомъ ясна и не требуетъ уже дальнѣйшихъ доказательствъ. Съ этой точки зрѣнія можно только привѣтствовать идею выставки по гигіенѣ дѣтскаго возраста и осуществленіе этой идеи тѣмъ болѣе, что въ Россіи, которая такъ нуждается въ гигіеническомъ воспитаніи дѣтей, выставка „Дѣтскій Міръ“ является первою.

Къ сожалѣнію, какъ я не разъ уже заявлялъ въ печати, гигіеническій отдѣлъ выставки былъ устроенъ въ послѣдніе 4—5 недѣль передъ открытіемъ и естественнымъ образомъ получилъ только помѣщеніе, остававшееся свободнымъ. Недостатокъ времени и недостатокъ мѣста не могли не отозваться на полнотѣ отдѣла. Но я долженъ сказать на основаніи опыта, что не меньше препятствій встрѣтили устраивавшіе его врачи въ полной неподготовленности русскихъ фирмъ и учрежденій къ гигіеническимъ выставкамъ. Положеніе гигіены дѣтскаго возраста въ Россіи не выдерживаетъ даже снисходительной критики, а отсутствіе гигіеническихъ свѣдѣній въ публикѣ имѣетъ послѣдствія плачевныя. Чтобы не оказаться голословнымъ, я позволю себѣ остановиться нѣсколько на этихъ важныхъ пунктахъ. Не называя здѣсь фамилій и учрежденій, по причинамъ понятнымъ, тѣмъ болѣе, что такихъ названій пришлось бы привести не мало, я ограничусь лишь слѣдующими примѣрами. Такъ, одна извѣстная петербургская фирма на просьбу сдѣлать нѣкоторыя гигіеническія усовершенствованія въ своихъ вещахъ отвѣтила намъ отказомъ, мотивируя его тѣмъ соображеніемъ, что „ея вещи и безъ этихъ усовершенствованій охотно раскупаются публи-

кою“. Другая фирма высказала претензію, что она не получила приглашенія заблаговременно. Когда-же ей сослались на печатные бланки, разосланные въ маѣ, то представитель фирмы заявилъ, будто русскимъ купцамъ читать некогда. Два крупныя благотворительныя учрежденія, которыя я приглашалъ лично, сперва согласились принять участіе въ выставкѣ, а черезъ недѣлю отказались, находя срокъ для выставки невозможно короткимъ. Приведенные мною факты сильно тормозили устройство гигіеническаго отдѣла, такъ-что, потерявъ болѣе 2-хъ недѣль на подобныя приглашенія, я вынужденъ былъ расчитывать только на врачей и фирмы, лично мнѣ извѣстныя. Это обстоятельство подало поводъ къ нѣкоторымъ обвиненіямъ меня въ печати, что гигіеническій отдѣлъ выставки не полонъ, что дѣло выставокъ есть вопросъ общественный, что Россія можетъ выставить въ 100 разъ больше, чѣмъ она представила въ настоящій моментъ и проч. Часть этихъ обвиненій, очевидно, кроется, въ томъ фактѣ, что за краткостью срока было абсолютно невозможно пригласить участвовать всѣ учрежденія; часть обвиненій легко объясняется нежеланіемъ прочитать каталогъ выставки раньше, чѣмъ писать. Наконецъ, нѣкоторыя обвиненія свидѣтельствуютъ лишь о полномъ незнакомствѣ авторовъ съ постановкою дѣла гигіены дѣтскаго возраста въ нашемъ отечествѣ. Въ видахъ истины я не считалъ себя вправѣ умолчать объ этихъ критическихъ взглядахъ, но въ то же время нахожу дальнѣйшія объясненія совершенно безполезными, такъ-какъ успѣхъ гигіеническаго отдѣла среди публики былъ громадный, и результаты, которыхъ достигъ этотъ отдѣлъ, настолько важны, что вполнѣ удовлетворяютъ всѣхъ врачей, участвовавшихъ въ его устройствѣ.

Что-же представлялъ собою гигіеническій отдѣлъ? Что показалъ онъ поучительнаго публикѣ и даже новаго для врачей? На первомъ планѣ я лично долженъ поставить здѣсь экспонаты лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи. Дѣло это, совершенно новое, обязано своимъ возникновеніемъ и развитіемъ въ Россіи энергіи А. П. Нечаева. Въ теченіе 7 лѣтъ изслѣдованы были г. Нечаевымъ и его учениками 50.000 воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній и дѣтей перваго возраста. Трудъ большой, и для знакомыхъ съ постановкою изслѣдованій, съ кропотливостью работы трудъ этотъ является прямо поразительнымъ. Не входя въ детали самихъ изслѣдованій, которыя любезно демонстрировались на выставкѣ помощниками г. Нечаева и имъ самимъ, я остановлюсь исключительно на практическихъ результатахъ, достигнутыхъ уже подобными изслѣдованіями, какъ болѣе понятныхъ для лицъ, не посвященныхъ въ самое дѣло. Изъ выставленныхъ діаграммъ и таблицъ съ

очевидностью вытекаютъ слѣдующія требованія отъ педагоговъ. I. Дѣвочки въ возрастѣ 12—14 лѣтъ, а мальчики 13—15 лѣтъ выказываютъ ослабленіе способности воспріятія, что легко объясняется усиленнымъ ростомъ и развитіемъ большинства дѣтей въ этомъ періодѣ. Отсюда ясный по практической важности выводъ объ облегченіи учебныхъ занятій въ эти года. II. Изслѣдованіе памяти учащихся показываетъ, что память бываетъ различная у отдѣльныхъ лицъ (зрительная, слуховая и пр.). Лицамъ съ опредѣленнымъ типомъ памяти особенно легки для изученія извѣстные предметы и, наоборотъ, трудны—другіе. III. Умственная работа отдѣльныхъ индивидуумовъ можетъ быть подведена подъ различные типы; такъ, одни ученики втягиваются въ занятія, выказывая постепенное повышеніе памяти, другіе, наоборотъ, постепенно утомляются; третьи относятся къ типу неопредѣленному. IV. Среди предметовъ, наиболѣе утомляющихъ школьниковъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ латинскій и греческій языки.

Вотъ тѣ немногія данныя, которыя я могу привести здѣсь въ виду недостатка мѣста; но и этихъ данныхъ надѣюсь вполнѣ достаточно, чтобы отмѣтить всю важность и необходимость подобныхъ изслѣдованій. Долженъ замѣтить, что посѣтившіе выставку пріѣхавшіе изъ провинцій на съѣздъ учителя отдали полную справедливость трудамъ г. Нечаева и полученнымъ имъ результатамъ. Главная практическая заслуга экспериментальной психологіи состоитъ въ томъ, что она даетъ возможность изучить научнымъ способомъ способности каждаго ученика, индувидуализировать его и затѣмъ распредѣлить учениковъ на группы, требующія извѣстнаго метода преподаванія.

Затѣмъ, чтобы не удаляться въ сторону, я позволю себѣ маленькій скачокъ въ пространствѣ и перейду къ описанію образцоваго класса, устроеннаго по указаніямъ доктора М. И. Рейха. Здѣсь весьма наглядно были представлены лучшіе типы освѣщенія классовъ: свѣтомъ разсѣяннымъ и отраженнымъ. Оба освѣщенія хорошо извѣстны врачамъ; но для большинства посѣтителей они представляли совершенную новость, и этотъ фактъ служитъ лишнимъ подтвержденіемъ недостатка гигіеническихъ свѣдѣній въ нашей интеллигенціи. Результаты подобнаго невѣдѣнія весьма наглядно подчеркиваетъ таблица развитія близорукости у нашихъ гимназистовъ. Между тѣмъ какъ въ Германіи наибольшій % близорукихъ (51) приходится на наборщиковъ, въ Московскихъ гимназіяхъ % близорукихъ для 8-го класса 52%! Это фактъ, надъ которымъ пора-бы призадуматься. Одною изъ главныхъ причинъ для развитія близорукости послѣ недостаточнаго освѣщенія служитъ антигигіеничная мебель. Въ примѣр-

номъ классѣ былъ выставленъ рядъ лучшихъ скамеекъ изъ Америки, Швеціи, Германіи, а также усовершенствованные скамейки Рейха. Всѣ эти модели являются въ Россіи впервые, и надо быть очень благодарнымъ доктору Рейху, что онъ не только выписалъ ихъ изъ-за границы, но и подробно описалъ въ отдѣльной брошюрѣ, которая является такимъ образомъ прямымъ результатомъ выставки и окажется весьма полезною для нашихъ педагоговъ. Вопросъ о школьной мебели очень важенъ въ гигіеническомъ отношеніи, такъ какъ продолжительное сидѣніе на плохо устроенныхъ скамейкахъ, на которое обречены наши школьники, легко вызываетъ искривленіе позвоночника, близорукость, нервную утомляемость и боли. Лучшимъ доказательствомъ того вниманія, которое оказывается этому вопросу заграницею, служитъ фактъ, что до настоящаго времени изобрѣтено около 200 типовъ школьныхъ скамеекъ.

Вредъ для нѣжнаго организма ребенка отъ неправильнаго сидѣнія цѣлыми часами въ классѣ былъ представленъ на выставкѣ гипсовыми слѣпками изъ Ортопедической клиники В.-Мед. Академіи. „Однимъ изъ самыхъ частыхъ условій для неправильнаго развитія дѣтскаго тѣла является пребываніе въ школѣ“, пишетъ въ каталогѣ выставки профессоръ Турнеръ. Объясненіе это вызвало газетную замѣтку, что профессоръ не описываетъ нормальной постановки школы. Но дѣло Ортопедической клиники заключается въ томъ, чтобы исправлять вредныя послѣдствія антигигіеническихъ условій и демонстрировать ихъ публикѣ. Обзоръ выставленныхъ слѣпковъ представлялъ громадный интересъ не только для публики, но и для врачей, такъ-какъ въ музеѣ клиники собрано не малое число рѣдкихъ препаратовъ.

Физическое воспитаніе ребенка начинается съ момента его рожденія. Насколько важенъ для новорожденныхъ правильный уходъ, легко видѣть изъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ за послѣдніе года для Петербурга докторомъ Почобутомъ. На 34.000 ежегодно рождающихся въ Петербургѣ дѣтей умираетъ около 9.000, не достигнувъ конца перваго года, и притомъ 1.800 младенцевъ умираетъ отъ врожденной слабости. Другими словами, несмотря на развитіе городомъ акушерской помощи бѣдному населенію, дѣти продолжаютъ гибнуть отъ недостаточнаго ухода. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоръ А. И. Лебедевъ указалъ на необходимость устройства особыхъ пріютовъ для недоношенныхъ дѣтей. Идея эта въ настоящее время осуществлена, но, къ сожалѣнію, въ видѣ отдѣльнаго учрежденія, а не при каждомъ родильномъ пріютѣ, гдѣ матери моглибы остаться въ качествѣ прислуги, и гдѣ не было-бы скученности дѣтей. Насколько мало развитъ въ Россіи уходъ за дѣтьми недоно-

шенными, видно уже изъ того факта, что особые ящики (кувезы) для воспитанія такихъ дѣтей выписываются изъ-за границы. Необходимость равномѣрной и болѣе высокой, чѣмъ окружающая насъ, температуры для воспитанія недоносковъ объясняется неспособностью ихъ регулировать образованіе и отдачу собственнаго тепла. Эта неспособность была наглядно иллюстрирована кривыми температуры отъ недоношенныхъ дѣтей—въ кувезахъ и воспитывающихся безъ грѣлокъ. Кривыя представлены были спеціалистомъ докторомъ В. П. Жуковскимъ изъ Надеждинскаго родовспомогательнаго дома. Что касается до кувезъ, то московская фирма Швабе выставила образцы сдѣланныхъ ею усовершенствованныхъ грѣлокъ, особенно пригодныхъ для воспитанія недоношенныхъ дѣтей въ частныхъ семьяхъ. Фирма Дютиль въ двухнедѣльный срокъ изготовила кувезу по образцу заграничныхъ.

Недостатокъ гигіеническаго воспитанія особенно наглядно виденъ изъ большой таблицы дѣтской смертности, которая была составлена на основаніи официіальныхъ данныхъ Статистическаго Комитета работавшимъ въ Дѣтской клиникѣ докторомъ Никитенко. Таблица эта обратила на себя вниманіе какъ прессы, такъ и публики. Въ общемъ фактъ громадной дѣтской смертности выражается слѣдующими цыфрами: Въ 52 губерніяхъ Европейской Россіи родится ежегодно 4.400.000, а умираетъ дѣтей до 15 лѣтъ 2.100.000, причемъ особенно высокою смертностью отличаются чисто русскія по населенію центральныя губерніи, гдѣ умираетъ болѣе половины родившихся. Фактъ подобной смертности настолько поразилъ публику, что многіе высказывали сомнѣніе въ точности приведенныхъ свѣдѣній... Къ сожалѣнію, наши официіальные отчеты допускаютъ возможность и даже вѣроятность сомнѣнія только въ отношеніи неполноты регистраціи, и весьма вѣроятно, что дѣйствительная смертность выше, чѣмъ представленная отчетами... Послѣ этого объясненія мнѣ было очень грустно прочесть въ одной газетѣ (по счастью, единственной) странное разсужденіе какъ бы о необходимости высокой дѣтской смертности при высокой рождаемости. Очевидно, авторъ статьи или не былъ даже на выставкѣ, или не обратилъ должнаго вниманія на выставленныя докторомъ В. И. Гребенщиковымъ діаграммы, которыя показывали число выживающихъ на 10.000 новорожденныхъ до 90 лѣтъ въ Россіи и другихъ государствахъ. Изъ этихъ кривыхъ наглядно вытекаютъ всѣ потери, которыя несетъ наше отечество отъ громадной дѣтской смертности въ соціальномъ и матеріальномъ отношеніяхъ сравнительно съ другими государствами; ни одинъ истинно русскій человѣкъ не можетъ утѣшаться тѣмъ, что населеніе Россіи достаточно прибываетъ, когда оно могло бы увеличиваться вдвое

быстрѣе. Каждое зло легко пресѣчь въ началѣ; но столь же легко оно становится непоправимымъ, если относиться къ серьезнымъ вещамъ съ неподобающимъ легкомысліемъ. Причины дѣтской смертности очень разнообразны. Никто не станетъ спорить, что недостаточныя матеріальныя условія равно, какъ и необразованность народа, представляютъ главные факторы этого бѣдствія. Но, съ другой стороны, также ясно для каждаго, что эти причины потребуютъ для своего устраненія десятки лѣтъ, а въ теченіе этого времени дѣти будутъ умирать въ тѣхъ-же милліонныхъ размѣрахъ. Можно-ли съ спокойною совѣстью и легкимъ сердцемъ смотрѣть на эту смертность и относиться созерцательно къ такому народному бѣдствію? Изученіе быта русскаго народа и условій дѣтской смертности ясно показываютъ, что причины этой смертности различны и что во многихъ мѣстахъ онѣ могутъ быть если не совершенно устранены, то въ значительной степени ослаблены помощью несложныхъ мѣропріятій. Такъ, земскіе врачи давно уже отмѣтили, что во многихъ мѣстахъ смертность грудныхъ дѣтей среди инородцевъ оказывается значительно меньшею, чѣмъ среди населенія православнаго; между тѣмъ прочія климатическія и бытовыя условія совершенно одинаковы. Во многихъ мѣстахъ существуютъ народные обычаи крайне невѣжественные: такъ, посыпаютъ тѣло новорожденнаго солью, встряхиваютъ его головою внизъ, сажаютъ слабыхъ дѣтей въ жарко натопленную закрытую печь и прочее. Наконецъ, есть цѣлыя губерніи, гдѣ для воспитанія и призрѣнія дѣтей ровно ничего не дѣлается, гдѣ общество или не знаетъ о существованіи самого зла, или не освѣдомлено объ общепринятыхъ средствахъ борьбы съ послѣднимъ.

Предметы ухода за новорожденными и вообще дѣтьми у различныхъ народностей, населяющихъ Россію, были собраны на выставкѣ исключительно благодаря любезности Екатеринбургскаго Общества любителей естествознанія. Они показываютъ намъ, что въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи существуютъ обычаи крайне разнообразные, но, къ сожалѣнію, общіе въ томъ отношеніи, что повсюду отсутствуютъ примитивныя свѣдѣнія по гигіенѣ. Такъ, сартскія и армянскія люльки лишаютъ ребенка свободы движеній, а наши русскія „зыбки“ лишаютъ его свѣта и вызываютъ укачиваніемъ рѣзкія нарушенія въ мозговомъ кровообращеніи. Общераспространенный въ деревняхъ обычай спеленывать младенцевъ узкими свивальниками не только задерживаетъ правильное развитіе груди и конечностей, но вызываетъ и серьезныя препятствія для правильнаго тока крови. На ряду съ моделью туго спеленутаго ребенка мы видимъ примѣняющіеся въ Европѣ конвертики, вполнѣ доступные даже для бѣднаго класса населенія. Достоинства гигіены заключаются въ томъ, что ея глав-

ныя требованія могутъ быть выполнены безъ особыхъ затратъ, и чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ скромнѣе эти требованія.

Новорожденный младенецъ нуждается прежде всего въ груди своей матери, въ чистомъ содержаніи, чистомъ воздухѣ и свободѣ своихъ немногочисленныхъ движеній. Всѣ эти требованія могутъ быть выполнены какъ богатыми, такъ и бѣдными родителями при единственномъ условіи—разумномъ отношеніи матери къ своему младенцу. Но это разумное отношеніе немыслимо при отсутствіи первоначальныхъ свѣдѣній по гигіенѣ. Какъ производится перевязка пуповины, какъ купать ребенка, какіе бандажи употребляются при частыхъ грыжахъ пупка и какая лучшая присыпка для новорожденныхъ—вотъ рядъ вопросовъ, на которые отвѣчаютъ экспонаты фирмы Бюлера. Одежда грудныхъ дѣтей—очень проста, но и здѣсь необходимы извѣстныя познанія о матеріи и покроѣ дѣтскихъ вещей. Особенно грѣшатъ въ этомъ отношеніи матери, которыя укутываютъ ребенка въ тяжелыя, теплыя одѣяла, пеленаютъ его тѣло, а на голову надѣваютъ непроницаемый для воздуха толстый чепчикъ съ давящими тесемками. Нормальное дѣтское приданое отъ роспашонки до длиннаго фланелеваго платья включительно было выставлено фирмою Духновской; всѣ вещи сдѣланы сообразно требованіямъ гигіены.

Здѣсь же необходимо сказать нѣсколько словъ о нормальной дѣтской комнатѣ, модель которой устроена была на выставкѣ по указаніямъ доктора А. Д. Зотова. Въ русскихъ семьяхъ до сихъ поръ держится антигигіеническій обычай отводить для дѣтей самыя плохія комнаты, сохраняя лучшія для пріема гостей; при этомъ забывается основное требованіе, что ребенокъ болѣе, чѣмъ взрослый, нуждается въ воздухѣ и что онъ не временный, а постоянный и первый членъ семьи. Необходимыя условія для дѣтей—избытокъ воздуха и свѣта, затѣмъ отсутствіе пыли и источниковъ заразы. Въ нормальной дѣтской собрана была вся необходимая мебель и устроено наиболѣе раціональное отопленіе съ вентиляціею въ видѣ печи Лукашевича. Недостатокъ времени для устройства гигіеническаго отдѣла отразился и на дѣтской: при отыскиваніи вещей пришлось взять вещи дорогія, такъ какъ только въ этихъ вещахъ соблюдены были требованія гигіены: бѣлая окраска мебели, закругленіе угловъ, возможность мыть всѣ предметы влажною тряпкою. Это обстоятельство снова вызвало газетную замѣтку о доступности подобной дѣтской только очень богатымъ людямъ. Очевидно, что гигіеническія свѣдѣнія настолько мало еще распространены въ публикѣ, что упускается простая возможность сдѣлать по указаннымъ образцамъ тѣ же вещи, но изъ болѣе дешеваго матеріала.

Самое главное условіе для правильнаго развитія грудного ре-

бенка—это нормальное питаніе. Ростъ и развитіе ребенка происходятъ съ особенною быстротою въ теченіе перваго года жизни: младенецъ, вѣсящій при рожденіи 3.000 граммъ, удваиваетъ свой вѣсъ къ 5—6 мѣсяцамъ и утраиваетъ его къ концу перваго года жизни. Естественно, что при этихъ условіяхъ онъ долженъ получать относительно громадныя количества пищи. Но въ то же время природа снабдила организмъ новорожденнаго органами пищеваренія очень нѣжными и далеко не совершенными по функціи. Если вдуматься, однако, въ эту кажущуюся нецѣлесообразность природы, то и она можетъ получить совершенно иное объясненіе. Природа неумолима въ своихъ основныхъ законахъ и требуетъ, чтобы всѣ млекопитающіеся вскармливались грудью матери. Въ женскомъ молокѣ мы находимъ всѣ питательныя вещества, необходимыя для жизни и развитія молодого индивида; въ то же время эти вещества находятся въ женскомъ молокѣ въ формѣ наиболѣе легко и удобоваримой; кромѣ того, молоко это не содержитъ бактерій, имѣетъ температуру тѣла, и наконецъ, въ послѣднее время въ немъ открыты еще особые ферменты, которые способствуютъ самоперевариванію. Присутствіе этихъ ферментовъ значительно облегчаетъ работу пищеварительныхъ органовъ, и несовершенство въ строеніи послѣднихъ не только компенсируется, но и является какъ бы требованіемъ природы для грудного кормленія младенца. Каждая мать обязана кормить своего ребенка. Но, къ сожалѣнію, какъ соціальныя, такъ и другія условія нашего времени не всегда допускаютъ правильное исполненіе этого закона природы. Естественнымъ и наиболѣе удобнымъ суррогатомъ женскаго молока служитъ молоко коровы. Изъ выставленныхъ таблицъ вѣса и роста дѣтей видно однако, что искусственныя условія не въ силахъ замѣнить условій натуральныхъ: грудныя дѣти, вскармываемыя коровьимъ молокомъ, значительно уступаютъ въ вѣсѣ и развитіи дѣтямъ, питающимся женскимъ молокомъ. Но искусственная пища не лишена и многихъ побочныхъ бѣдъ. Коровье молоко представляетъ удобную почву для развитія различныхъ бактерій, а послѣднія измѣняютъ его составъ и вырабатываютъ вещества, вредныя для ребенка. Число микробовъ, спеціально свойственныхъ коровьему молоку, довольно значительно. Докторъ Н. К. Шульцъ выставила 18 облигатныхъ видовъ и, кромѣ того, 12 видовъ патологическихъ микробовъ, случайно попадающихъ въ молоко и отравляющихъ ребенка. Значеніе послѣднихъ видно изъ того, что среди нихъ находятся бактеріи туберкулеза и дифтеріи. Естественно, что при обычномъ загрязненіи молока микробами оно требуетъ особыхъ манипуляцій въ видѣ кипяченія, стерилизаціи, пастеризаціи, чтобы оградить ребенка отъ возможной инфекціи. Рядъ приборовъ для клиническаго изслѣдованія и для ки-

пяченія молока наиболѣе, современныхъ и усовершенствованныхъ, представила московская фирма Ѳ. Швабе.

Въ дальнѣйшей жизни младенца молоко, благодаря большому содержанію въ немъ воды, становится уже пищею недостаточно питательною, и мы прибѣгаемъ къ прикорму ребенка—кашками, бульономъ. Здѣсь къ услугамъ является реклама, и цѣлый рядъ премированныхъ фабрикатовъ иногда даже съ врачебными отзывами ставитъ интеллигентную мать, заботящуюся о своемъ ребенкѣ, въ положеніе безвыходное. Рекомендуются средства не только очень дорогія, но и прямо безполезныя. Какъ примѣръ одной изъ самыхъ ярыхъ рекламъ, можно указать на Санатогенъ Bauer'а, который не миновалъ и промышленнаго отдѣла выставки „Дѣтскій Міръ". Чтобы рѣшить, насколько удовлетворяетъ та или другая дѣтская мука главнымъ требованіямъ питанія ребенка, въ Академической дѣтской клиникѣ давно примѣняется очень удобный методъ микроскопическаго анализа, при помощи котораго въ нѣсколько минутъ можно рѣшить, какое количество бѣлковъ, декстрина, крахмала и клѣтчатки даетъ та или другая мука. Микроскопическія картины подобныхъ анализовъ представлены были докторомъ Дементьевымъ. Наглядность и легкость метода дѣлаютъ его общедоступнымъ. Однако, насколько мнѣ извѣстно, онъ не примѣнялся еще до сихъ поръ дѣтскими врачами.

Когда грудной ребенокъ достаточно разовьется, то онъ вступаетъ въ новый періодъ прорѣзыванія зубовъ—время, котораго очень боятся нѣкоторыя матери и замѣтимъ — совершенно напрасно, такъ-какъ у здороваго ребенка прорѣзываніе зубовъ происходитъ незамѣтно и безъ всякихъ даже второстепенныхъ болѣзненныхъ явленій. Экспонаты школы Вонгль-Свидерской показываютъ время и порядокъ выхода зубовъ, взаимное отношеніе зубовъ молочныхъ и постоянныхъ, а также нѣкоторыя неправильности въ расположеніи вышедшихъ уже зубовъ и методы ихъ исправленія.

Окончаніе грудного періода жизни ребенка представляетъ витрина доктора Горна, завѣдующаго оспопрививательнымъ институтомъ Вольно-Экономическаго Общества. Благодѣтельные результаты открытія Дженнера признаны всѣмъ свѣтомъ и подтверждены 100-лѣтнимъ опытомъ. Если и существуютъ ярыя нападки на оспопрививаніе, то причина ихъ лежитъ въ глубокомъ недоразумѣніи. Съ одной стороны, защитники оспопрививанія упускаютъ изъ вида, что улучшеніе общихъ санитарныхъ условій не менѣе важная мѣра въ борьбѣ со всѣми эпидеміями, чѣмъ вакцинація. Съ другой стороны, противники послѣдней пользуются для доказательствъ безполезности оспопрививанія исключительно методомъ статистическимъ, забывая, что современная статистика даже въ культрныхъ странахъ не лишена въ этомъ вопросѣ

значительныхъ ошибокъ. Въ витринѣ доктора Горна собраны всѣ приборы, употреблявшіеся прежде для добыванія и прививки вакцины, а также представлены и современныя техническія усовершенствованія въ дѣлѣ оспопрививанія.

Когда ребенокъ подрастетъ, костюмъ его становится болѣе сложнымъ; особаго вниманія заслуживаютъ лифчики, подвязки и обувь. Цѣлесообразныя модели первыхъ предметовъ представляютъ куклы, одѣтыя фирмою Духновской. Относительно обуви можно только изумляться, какъ мало обращаютъ на нее вниманія матери и особенно оптовые торговцы обувью, и какъ часто видимъ мы въ результатѣ нераціональной обуви развитіе мозолей и даже уродствъ на нѣжныхъ пальцахъ ребенка. Образцы нормальной дѣтской обуви представилъ сапожникъ Зегеръ.

Далѣе слѣдуетъ возрастъ, когда ребенокъ начинаетъ домашнее ученіе. Въ вопросѣ о границахъ этого возраста дѣтскіе врачи согласны, что обученіе разговорное иностраннымъ языкамъ можно начинать съ 5 лѣтъ; обученіе-же грамотѣ не ранѣе 6—7-лѣтняго возраста. По моему мнѣнію, изученіе практическое иностранныхъ языковъ можетъ начинаться уже съ 3-лѣтняго возраста, но при условіи, что иностранные языки усваиваются по одному, а не всѣ заразъ *).

Требованія гигіены при домашнемъ обученіи ребенка не рѣдко нарушаются въ интеллигентномъ обществѣ; въ результатѣ этихъ уклоненій дѣти поступаютъ уже въ гимназію близорукими, нервными, съ искривленіями позвоночника. Докторъ Леонтьевъ въ Москвѣ и профессоръ Эрисманъ въ Петербургѣ отмѣтили среди нашихъ гимназистовъ 10—13% близорукихъ уже въ первомъ классѣ. Естественно, что каждая мать должна быть знакома съ главными гигіеническими правилами при началѣ обученія ребенка. На выставкѣ была посажена кукла, представлявшая 6—7-лѣтнюю дѣвочку за грамматикою доктора Покровскаго. Основное правило состоитъ въ томъ, чтобы ребенокъ сидѣлъ прямо съ ногами, упирающимися въ полъ, и спиною, прислоненною къ спинкѣ стула; разстояніе книги отъ глазъ по прямой линіи—1 метръ. Печать грамматики довольно крупная, съ соблюденіемъ другихъ гигіеническихъ требованій отъ учебниковъ. Недостатокъ вниманія со стороны педагоговъ къ печати учебниковъ составляетъ довольно крупное зло. Къ сожалѣнію, явленіе это распространенное, и изъ 115 учебниковъ, изслѣдованныхъ докторомъ Ром-

---

*) Съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго профессора, автора статьи, мы никакъ не можемъ согласиться. По нашему убѣжденію, практическое изученіе иностраннаго языка можетъ начаться не ранѣе семи лѣтъ, когда ребенокъ уже овладѣлъ родною рѣчью. *Ред.*

мулъ, только 15 отвѣчали вполнѣ гигіеническимъ требованіямъ; между тѣмъ всѣ разсмотрѣнные учебники „одобрены“ и рекомендованы для школъ и гимназій. То же самое приходится сказать о письмѣ или, вѣрнѣе, о преимуществахъ прямого письма надъ косымъ. Преимущества эти наглядно представляютъ 2 моментальныя фотографіи, снятыя г. Булла по моему указанію съ класса.

Довольно важный вопросъ представляютъ собою далѣе игры маленькихъ дѣтей. Въ игрѣ ребенокъ знакомится съ окружающимъ его міромъ; играя, онъ постепенно совершенствуетъ свои чувства, развиваетъ характеръ и умъ. Отсюда понятно, что мы должны были озаботиться выборомъ подходящихъ игрушекъ, а также и книгъ для первоначальнаго чтенія. Здѣсь были представлены резиновыя игрушки, указано, какія изъ нихъ безусловно вредны для ребенка, а также были выбраны нѣсколько книгъ, подходящихъ по содержанію и печати для первоначальнаго чтенія дѣтей.

Послѣдній весьма важный въ гигіеническомъ отношеніи вопросъ представляютъ собою физическія игры ребенка. Чѣмъ болѣе ребенокъ двигается и рѣзвится, тѣмъ лучше и вѣрнѣе состояніе его здоровья. Это драгоцѣнное правило забывается иногда матерями или остается имъ неизвѣстнымъ, и въ результатѣ особенно воспитанные благонравные дѣти, тихіе и скромные, оставляютъ обыкновенно со стороны врачебной желать весьма и весьма многаго. Къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи физическія игры прививаются довольно туго. Дѣтскіе сады получили свое развитіе только въ послѣднее время, а гимнастическіе классы для дѣтей основаны еще позднѣе. Естественно, что при указанныхъ условіяхъ отдѣлъ этотъ оказался далеко не соотвѣтствующимъ своему научному значенію. Тѣмъ не менѣе госпожа Клокова представила образцовый дѣтскій садъ, И. М. Радецкій фотографіи основанныхъ имъ дѣтскихъ садовъ и отчеты о нихъ, а стараніями капитана Алексѣева былъ собранъ цѣлый рядъ гимнастическихъ аппаратовъ, и были устроены имъ-же два гимнастическихъ праздника для дѣтей. Жаль, что короткое время выставки и недостатокъ помѣщенія для гигіеническаго отдѣла не позволили популяризировать эти праздники болѣе широкимъ образомъ.

Насколько важны и необходимы физическія упражненія для русскихъ школьниковъ, наглядно свидѣтельствуютъ собраныя нами литературныя данныя о физическомъ развитіи дѣтей въ различныхъ школахъ. Изъ представленныхъ на выставкѣ таблицъ ясно видно, что дѣло физическаго развитія учащихся оставляетъ желать весьма многихъ улучшеній; особенно плохо оно поставлено въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ около $1/_2$ воспитанницъ оказываются слабаго развитія, нервными и малокровными. Вспомнимъ здѣсь, что

эти физическія недостатки отмѣчаются въ самомъ разгарѣ роста и общаго развитія организма, тогда сдѣлается вполнѣ понятною слабость нашихъ интеллигентныхъ женщинъ, неспособность ихъ къ рожденію здоровыхъ, крѣпкихъ дѣтей и все болѣе развивающаяся неспособность къ вскармливанію грудью собственнаго ребенка. Вина предковъ падаетъ въ этомъ отношеніи на ни въ чемъ неповинное потомство.

Но не важно обстоитъ дѣло съ физическимъ развитіемъ и въ народныхъ городскихъ и даже сельскихъ школахъ. Большой контингентъ дѣтей слабыхъ и истощенныхъ грозитъ вырожденіемъ въ будущемъ, грозитъ и въ настоящее время вредными послѣдствіями. Первыми жертвами всѣхъ инфекціонныхъ болѣзней падаютъ обыкновенно слабые и хронически больные дѣти; они распространяютъ заразу, и заботы объ укрѣпленіи ихъ здоровья составляютъ не только прямую обязанность современнаго общества, но и одну изъ могучихъ мѣръ въ борьбѣ съ постоянными эпидеміями скарлатины, дифтерита и чахотки, трехъ бичей нашихъ крупныхъ городовъ. Въ Западной Европѣ эта истина уже понята, и общество принимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ оздоровленію будущаго поколѣнія. Въ Россіи, если сравнить ужасную карту смертности со скромно пріютившеюся въ углу гигіеническаго отдѣла картою санаторій и школьныхъ дачъ, то слишкомъ очевидно, что дѣло благотворительности еще находится въ зародышѣ и ограничивается исключительно крупными центрами, какъ Петербургъ и Москва. Мало того, даже дѣтскихъ больницъ, за исключеніемъ столицъ, во всей Россіи не насчитается и десятка. Естественно, что больничный отдѣлъ не можетъ быть полнымъ, и въ виду краткости времени оказалось, что только одна больница принца Ольденбургскаго могла приготовиться къ выставкѣ въ 2-недѣльный срокъ. Въ помѣщеніи этой больницы на выставкѣ мы находимъ интересныя таблицы заболѣваемости дѣтей по возрастамъ, таблицы смертности въ Петербургѣ отъ инфекціонныхъ дѣтскихъ болѣзней и рядъ весьма простыхъ и цѣлесообразныхъ приспособленій въ уходѣ за больными дѣтьми, которыя были изобрѣтены директоромъ этой больницы. К. А. Раухфуссъ устраиваетъ уже не первую дѣтскую больницу въ Россіи, и представленный имъ домашній *box* для изоляціи заразныхъ больныхъ, приборъ для передвиженія кроватей, больничная мебель и аппаратъ для массовой пастеризаціи молока обратили на себя особенное вниманіе публики, что служило лишній разъ подтвержденіемъ необходимости подобныхъ выставокъ, какъ „Дѣтскій Міръ".

Дѣти въ виду своей слабости и безпомощности нуждаются больше въ покровительствѣ и защитѣ, чѣмъ взрослые. Правда, они не умѣютъ

заявлять своихъ правъ; они не могутъ поднять своего голоса, чтобы указать на неотложныя, необходимыя мѣры... Но неужели одинъ видъ страдающаго ребенка меньше говоритъ человѣческому сердцу, чѣмъ просьбы о пособіи или требованіе справедливости? Въ Скандинавскихъ государствахъ дѣло дѣтской благотворительности поставлено на широкихъ началахъ. Здѣсь существуетъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ и въ то же время несомнѣнно полезныхъ учрежденій, которыя имѣютъ главною цѣлью широкую защиту и покровительство будущимъ гражданамъ. Дѣтская благотворительность настолько обширна и разнообразна, что учрежденія, сюда относящіеся, свободно заняли-бы весь Таврическій дворецъ. У насъ это дѣло еше новое. Не удивительно, что на 150 разосланныхъ въ разные города приглашеній съ просьбою доставить свѣдѣнія о существующихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ для дѣтей, мы получили небольшія посылки только изъ Москвы, Кіева, Одессы, Нижняго-Новгорода, Оренбурга и Екатеринбурга. Изъ Петербургскихъ учрежденій въ виду недостатка мѣста присутствовали также немногіе, но лучшіе представители дѣтской благотворительности. Такъ, экспонентами были „Виндавская Санаторія“, первая приморская санаторія для туберкулезныхъ дѣтей, пріютъ „Царицы Небесной“ для призрѣнія дѣтей эпилептиковъ и идіотовъ, ясли при Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и др. Немного въ общемъ представлено было здѣсь пріютовъ; но повторяю, если-бы они собраны были даже всѣ, то это оказалось-бы каплею для такого обширнаго государства, какъ Россія. Дѣло призрѣнія дѣтей — дѣло Божіе, завѣщанное православному народу самимъ Спасителемъ! Но для того, чтобы эта истина проникла въ сознаніе всего общества, ее приходится повторять, какъ можно чаще и устно, и письменно, и путемъ наглядныхъ примѣровъ.

Насколько мало еще проникли въ русское общество гигіеническія познанія и необходимыя свѣдѣнія о природѣ ребенка, легко видѣть изъ положенія соотвѣтствующей литературы. Книжная фирма Риккеръ не только выставила всѣ русскія изданія по воспитанію и гигіенѣ ребенка, но даже издала особый каталогъ такихъ книгъ на всѣхъ языкахъ. Книги русскихъ авторовъ занимаютъ по числу изданій, какъ и слѣдовало ожидать, послѣднее мѣсто. Чѣмъ чаще будутъ устраиваться выставки, подобныя „Дѣтскому міру“, тѣмъ больше будутъ распространяться въ обществѣ необходимыя жизненныя правила гигіены. Первый шагъ всегда самый трудный какъ для ребенка, такъ и для взрослыхъ. Будемъ надѣяться, что польза нагляднаго обученія станетъ общепризнанной, результаты-же подобнаго обученія не заставятъ себя долго ждать.

Научно-гигіеническій отдѣлъ выставки былъ скроменъ: далеко

не всѣ вещи могли быть собраны; многіе изъ очень хорошихъ предметовъ скрывались въ виду недостатка помѣщенія въ скромныхъ углахъ, въ слабомъ освѣщеніи заставленной экспонатами комнаты. Тѣмъ не менѣе эти скромныя карты, эти простыя безгласныя цыфры съумѣли открыть путь къ сердцу русскаго человѣка. Русская пресса въ лицѣ ея лучшихъ представителей обратила свое вниманіе на беззащитныхъ, гибнущихъ милліонами дѣтей. Вѣковой вопросъ о дѣтской смертности въ Россіи получилъ наконецъ желанное разрѣшеніе. Въ сознаніе общества проникла мысль о необходимости жестокой борьбы съ этой смертностью, и Богъ дастъ, близко осуществленіе „Союза борьбы съ дѣтскою смертностью въ Россіи". Международной выставкѣ „Дѣтскій Міръ" принадлежитъ по праву первая заслуга въ этомъ дѣлѣ; и этотъ результатъ, достигнутый выставкою, говоритъ каждому русскому сердцу несравненно больше, чѣмъ самая красивая и блестящая печатная похвала.

Профессоръ Н. П. Гундобинъ.

Выразительное чтеніе въ средней школѣ.

Одинъ изъ первыхъ писателей-педагоговъ Квинтиліанъ въ своемъ трактатѣ „о подготовкѣ ораторовъ“ *) указывалъ на необходимость для будущаго оратора занятій выразительнымъ чтеніемъ, которыя должны придать его рѣчи необходимую отчетливость и ясность. Квинтиліанъ имѣетъ въ виду исключительно только будущаго оратора; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тѣми же самыми доводами, которыми пользуется Квинтиліанъ для доказательства необходимости выразительнаго чтенія для оратора, можно доказать, насколько эти занятія полезны и даже необходимы для всякаго общественнаго дѣятеля вообще. И тѣмъ не менѣе до самаго послѣдняго времени выразительное чтеніе не находило себѣ мѣста въ стѣнахъ какъ западной, такъ и нашей школы. Это тѣмъ болѣе странно, что текущая жизнь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе требуетъ отъ современнаго дѣятеля чуть ли не на каждомъ поприщѣ какъ разъ тѣхъ самыхъ свойствъ, которыя достигаются путемъ занятій выразительнымъ чтеніемъ.

По существу дѣла занятія эти распадаются на три части, изъ которыхъ первая преслѣдуетъ чисто техническое развитіе органовъ рѣчи: постановку голоса, исправленіе неправильностей дыханія и т. п. Вторая имѣетъ въ виду выработку такихъ свойствъ рѣчи, которыми достигается ея выразительность, и наконецъ, третья должна придать рѣчи и въ частности чтенію характеръ художественнаго совершенства.

Самой сложной частью этихъ занятій несомнѣнно является первая, требующая громадныхъ усилій и значительной траты времени. При идеальной постановкѣ дѣла эти занятія слѣдовало бы совершенно выдѣлить изъ преподаванія выразительнаго чтенія въ особый предметъ съ особымъ преподавателемъ-спеціалистомъ, который долженъ былъ бы предварительно разработать естественный матеріалъ уча-

*) Кн. I глава II. См. мою брошюру „Античная декламація“, стр. 14 сл.

щагося, освободивъ его рѣчь отъ всѣхъ тѣхъ физическихъ недостатковъ, которые поддаются исправленію, и только въ такомъ уже, такъ сказать, очищенномъ видѣ передавать учащагося въ руки спеціалиста по выразительному чтенію въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но даже въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, напримѣръ, на драматическихъ курсахъ по цѣлому ряду причинъ такая постановка является пока, къ сожалѣнію, дѣломъ только болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго *), и теперь приходится довольствоваться полумѣрами. Но, къ счастью, занятія выразительнымъ чтеніемъ во второй ихъ части таковы, что при правильной постановкѣ ихъ и при продолжительномъ времени, имъ посвященномъ, въ извѣстной степени благодаря постояннымъ упражненіямъ и напряженной работѣ органовъ рѣчи достигаются тѣ же результаты, къ которымъ стремится и первая часть этого курса. Что касается до третьей части этихъ занятій, которыя должны быть посвящены выработкѣ художественныхъ сторонъ рѣчи, то опытъ показываетъ, что выучиться читать художественно въ полномъ смыслѣ этого слова можетъ только тотъ, кто помимо хорошо разработанной техники обладаетъ еще и природнымъ талантомъ, обладанія которымъ школа, конечно, не можетъ требовать отъ каждаго изъ своихъ питомцевъ. Съ этимъ можно мириться еще и потому, что *художественное* чтеніе, какъ и всякое искусство, является въ сущности роскошью, правда, весьма желательной, но во всякомъ случаѣ выходящей изъ круга насущныхъ потребностей, удовлетворенію которыхъ служитъ какъ разъ чтеніе *выразительное*; поэтому послѣднее и должно преимущественно имѣть мѣсто въ школѣ. Сверхъ того, занятія выразительнымъ чтеніемъ пробуждаютъ и скрытый талантъ къ художественному чтенію у тѣхъ изъ учащихся, которые имъ располагаютъ, но еще не успѣли его проявить.

Уже по самому составу своего матеріала уроки выразительнаго чтенія заслуживаютъ самаго искренняго сочувствія со стороны школы. Кто изъ лицъ, имѣющихъ дѣло съ питомцами современной школы, не замѣчалъ, къ великому своему прискорбію, почти полнаго незнакомства нашихъ учениковъ, и съ нашими, и съ европейскими поэтами? Имена Шекспира, Шиллера, Гете, Гейне, Байрона и еще цѣлаго ряда первостепенныхъ классиковъ для большинства нашихъ учениковъ— звукъ пустой. То же самое надо сказать и относительно большинства русскихъ писателей, произведенія которыхъ успѣли потерять характеръ злободневности. Всякій знаетъ, какихъ страшныхъ усилій стоитъ пріохотить учащихся къ серьезному литературному чтенію,

*) См. Ю. Э. Озаровскій. „Наше драматическое образованіе". СПБ. 1900, стр. 67—76.

тѣмъ болѣе, что преподаватели словесности, связанные по рукамъ и по ногамъ строго опредѣленной программой, не имѣютъ достаточно времени для внимательнаго контроля и правильной организаціи внѣклактнаго чтенія учащихся. И вотъ тутъ то уроки выразительнаго чтенія могли бы сослужить прекрасную службу: учащіеся, вырабатывая выразительность своего чтенія на изученіи поэтическихъ образцовъ, постепенно разучили бы значительное число стихотвореній, а главное, безъ всякихъ почти принудительныхъ мѣръ втянулись бы въ самостоятельное чтеніе поэтовъ.

Всякій, кто хоть немного занимался выразительнымъ чтеніемъ, знаетъ, что для того, чтобы хорошо прочесть любое стихотвореніе, необходимо его подвергнуть всестороннему разбору: надо предварительно выяснить себѣ стиль даннаго стихотворенія, его литературный колоритъ; затѣмъ нужно взвѣсить мельчайшія детали стихотворенія, опредѣляя какъ ихъ взаимное отношеніе, такъ и самостоятельную роль каждой мелочи въ частности. Только послѣ такой весьма пристальной черновой работы возможно правильное размѣщеніе интонацій, соблюденіе паузъ, нормировка темпа чтенія и т. п. Такимъ образомъ, въ составѣ занятій выразительнымъ чтеніемъ входитъ самое внимательное изученіе особенностей выполняемаго стихотворенія, какъ необходимое условіе правильной его передачи. Учащіеся пріучаются вдумываться въ мельчайшіе изгибы поэтической мысли и вообще сознательно относиться къ читаемому тексту. О томъ, насколько это развиваетъ художественный вкусъ и критическій навыкъ учащихся, едва ли нужно особенно распространяться, тогда какъ теперь при бѣгломъ чтеніи „про себя" ученики пріучаются скользить по тексту, на ходу схватывая главнымъ образомъ остовъ фабулы стихотворенія, совершенно не задумываясь надъ формой стихотворенія и минуя сотни красотъ, изъ которыхъ слагается художественная сумма стихотворенія и которыя могутъ быть уловлены только при томъ пристальномъ „смаковании" стихотворенія, безъ котораго его нельзя хорошо прочесть.

Наконецъ, выразительное чтеніе даетъ матеріалъ для одного изъ самыхъ желательныхъ способовъ заполненія школьныхъ досуговъ. Въ то время, какъ устройство школьныхъ спектаклей, на которомъ такъ настаивали, и не безъ основанія, педагоги стараго времени, встрѣчаетъ цѣлый рядъ весьма сложныхъ затрудненій и является далеко не всегда осуществимымъ, хотя бы даже по денежнымъ соображеніямъ, чтеніе вслухъ драматическихъ произведеній по ролямъ является крайне желательнымъ и очень полезнымъ видомъ развлеченія учащихся, не требуя почти никакихъ затратъ и приспособленій. Авторъ этихъ строкъ съ глубокой благодарностью вспоминаетъ покойнаго

нынѣ В. Г. Аппельрота, подъ руководствомъ котораго онъ участвовалъ въ чтеніяхъ, организованныхъ этимъ даровитымъ педагогомъ для учениковъ Московской первой гимназіи.

Въ томительно однообразные вечера среди монотонной обстановки гимназическаго пансіона за нѣсколько лѣтъ былъ прочитанъ нами чуть ли не весь Островскій; не разъ перечитывалась вся Трилогія Ал. Толстого и цѣлый рядъ трагедій Шекспира.

Сколько юношескаго восторга, сколько жаркихъ споровъ и чистыхъ поэтическихъ мечтаній родилось въ эти далекіе вечера; какъ они согрѣли и скрасили нашу сѣренькую и тусклую гимназическую жизнь! Но для этого нуженъ былъ энтузіастъ учитель, который контрабандой вводилъ такія чтенія въ гимназическій обиходъ; и будь у насъ правильно организовано это дѣло, мы имѣли бы больше времени, а главное, больше средствъ и умѣнья.

Поэтому заслуживаютъ особеннаго вниманія попытки ввести преподаваніе выразительнаго чтенія въ обиходъ нашей школы. Первымъ, кто занялся этимъ дѣломъ болѣе или менѣе серьезно, явился покойный директоръ 1-ой Петербургской военной гимназіи Е. К. Баумгартенъ, придававшій этимъ занятіямъ, организованнымъ въ шестидесятыхъ годахъ, большое значеніе и способствовавшій всѣми средствами лучшему ихъ устройству. По свидѣтельству покойнаго В. П. Острогорскаго, чтенія эти принесли большую пользу, потому что ученики, отличавшіеся хорошимъ чтеніемъ въ гимназіи, организовали и продолжаютъ организовывать цѣлый рядъ чтеній какъ для своихъ товарищей офицеровъ, такъ и для солдатъ *).

Но первымъ, кто поставилъ это дѣло на правильную дорогу и вложилъ въ него всѣ силы своей вѣчно юной души, былъ не кто иной, какъ только что названный В. П. Острогорскій. Пробужденіе въ себѣ любви къ художественному чтенію В. П. въ разговорѣ съ авторомъ этихъ строкъ объяснялъ тѣмъ, что еще въ годы своего студенчества ему приходилось на вакаціяхъ ради заработка служить въ театрѣ въ качествѣ актера. Между прочимъ, В. П., по его собственнымъ словамъ, два лѣтнихъ сезона прослужилъ въ Новгородѣ,— фактъ не отмѣченный, насколько мнѣ извѣстно, ни однимъ изъ біографовъ В. П.; а между тѣмъ, онъ объясняетъ многія особенности въ характерѣ и вкусахъ покойнаго педагога и, прежде всего, его любовь къ театру, которому онъ остался вѣренъ до гробовой доски. Когда, по окончаніи университета, В. П. записался въ ряды присяжныхъ педагоговъ, онъ не порвалъ связи съ театромъ, а наоборотъ, старался по возможности внести въ школу струю искусства. И вотъ,

*) См. В. Острогорскій. „Выразительное чтеніе“. Москва 1898. стр. 16.

связанный по рукамъ и по ногамъ опредѣленной программой, В. П. все-таки умудрялся отъ обязательныхъ занятій отводить нѣкоторое время чтенію съ учениками и русскихъ, и иностранныхъ поэтовъ. Уже въ бытность свою преподавателемъ Ларинской гимназіи В. П. старался втиснуть уроки выразительнаго чтенія въ программу русскаго языка, и это ему удавалось, хотя, конечно, только до извѣстной степени. Эти чтенія, такъ выгодно разнообразившія преподаваніе, придавали урокамъ В. П. особенный интересъ, который засвидѣтельствованъ воспоминаніями многихъ бывшихъ его учениковъ по Ларинской гимназіи *).

На гораздо болѣе солидную почву могъ поставить В. П. эти занятія съ осени 1888 г., когда былъ приглашенъ преподавать литературу на драматическіе курсы при СПБ. театральномъ училищѣ. Здѣсь онъ, во-первыхъ, нашелъ чрезвычайно отзывчиваго сотрудника и единомышленника въ лицѣ артиста В. Н. Давыдова, а во-вторыхъ, ихъ общіе ученики оказались очень способными и глубоко преданными осуществителями этого дѣла. Среди нихъ съ особеннымъ увлеченіемъ отдались этому дѣлу только что выпущенные тогда на сцену артисты В. И. Петровъ и Ю. Э. Озаровскій, изъ которыхъ первый въ началѣ девятидесятыхъ годовъ сталъ давать уроки желающимъ ученикамъ СПБ. 8 гимназіи. При ближайшемъ ихъ участіи и при содѣйствіи В. Н. Давыдова, черезъ нѣсколько лѣтъ В. П. Острогорскій основалъ въ Петербургѣ кружокъ любителей художественнаго чтенія, въ программу котораго главнымъ образомъ входила популяризація искусства выразительнаго чтенія, путемъ распространенія его въ обществѣ и въ школѣ.

Викторъ Петровичъ особенно заботился о томъ, чтобы придать занятіямъ кружка педагогическій характеръ и принялъ живѣйшее участіе въ рядѣ чтеній, устроенныхъ кружкомъ для среднеучебныхъ заведеній. Постомъ 1901 г. В. П. Острогорскій прочелъ отъ кружка лекцію о выразительномъ чтеніи ученицамъ Кронштадской женской гимназіи. Лекція эта была выполнена по слѣдующей программѣ:

1. Что такое выразительное чтеніе? a) Чтеніе механическое (слухъ); b) чтеніе толковое, логическое (умъ); c) чтеніе художественное (воображеніе и чувство). 2) Отъ чего зависитъ выразительное чтеніе? Голосъ, дыханіе, произношеніе; рычаги; тонъ; логическія ударенія, паузы, темпъ. 3) Какое значеніе имѣетъ искусство чтенія? Развитіе легкихъ, исправленіе произношенія, обращеніе вниманія

---

*) Особенно интересны воспоминанія проф. И. М. Гревса, помѣстившаго въ „Мірѣ Божьемъ" 1903, № 8 очень теплыя воспоминанія о своемъ гимназическомъ учителѣ.

на каждое слово; осмысливаетъ статью, осмысливаетъ чтеніе наизусть; запасъ словъ и выраженій; удовольствіе для себя и для другихъ. 4) Можно ли выучиться искусству читать? 5) Заключеніе: объ особомъ значеніи искусства чтенія для женщинъ *).

Отдѣльныя положенія этой лекціи, прочитанной со свойственнымъ В. П. энтузіазмомъ, иллюстрировались чтеніемъ образцовъ артистами нашего Александринскаго театра.

Лекція эта имѣла громадный успѣхъ не только среди ученицъ, но и у представителей учебнаго начальства, по докладу котораго Августѣйшая покровительница гимназіи Великая Княгиня Александра Іосифовна повелѣла ввести преподаваніе выразительнаго чтенія въ программу занятій этой гимназіи, гдѣ уроки эти и до сихъ поръ даются В. И. Петровымъ съ все возрастающимъ интересомъ къ дѣлу со стороны ученицъ. Такимъ образомъ, лекція эта имѣла чрезвычайно важные практическіе результаты, что и заставило кружокъ повторить ее въ нѣкоторыхъ другихъ столичныхъ и провинціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, **) причемъ необходимо отмѣтить, что наибольшее сочувствіе организація такихъ чтеній встрѣтила со стороны военно-учебныхъ заведеній въ лицѣ Августѣйшаго Начальника ихъ главнаго управленія Великаго Князя Константина Константиновича.

Но придавая громадное педагогическое значеніе такимъ чтеніямъ, В. П. прекрасно понималъ, что занятія эти не будутъ правильно поставлены до тѣхъ поръ, пока не будетъ достаточнаго кадра опытныхъ и толковыхъ преподавателей выразительнаго чтенія, такъ какъ артисты Императорскихъ театровъ, занятые своими прямыми обязанностями по службѣ въ театрѣ, не могутъ въ достаточной степени обслуживать провинцію. Поэтому завѣтной мечтой В. П. было обученіе выразительному чтенію учителей какъ среднихъ, такъ и начальныхъ учебныхъ заведеній. Съ этою цѣлью В. П. составилъ цѣлый рядъ статей по методикѣ выразительнаго чтенія, большая часть содержанія которыхъ вошла въ составъ его учебника „Выразительное чтеніе“, составляющаго одинъ изъ томиковъ Тихоміровской „Библіотеки Дѣтскаго чтенія“ и успѣвшаго до 1898 г. выйти уже 4-ымъ изданіемъ. Но съ особеннымъ удовольствіемъ откликнулся В. П. на предложеніе Владимірскаго губернскаго земства прочесть на организуемыхъ имъ лѣтомъ курсахъ для учителей и учитель-

---

*) Воспроизвожу программу буквально по собственноручному черновому наброску В. П., сохраненному въ дѣлахъ кружка.

**) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ по болѣзни В. П. Острогорскаго вмѣсто него выступалъ Ю. Э. Озаровскій.

ницъ народныхъ школъ рядъ лекцій по выразительному чтенію. *).

В. П., конечно, принялъ это предложеніе и лѣтомъ 1900 г. прочелъ во Владимірѣ рядъ лекцій, которыя имѣли такой успѣхъ, что, кромѣ учителей, для которыхъ онѣ предназначались, заинтересовали и многихъ другихъ представителей мѣстнаго общества.

Какъ опытный педагогъ, В. П. не ограничился однѣми только теоретическими лекціями, но также организовалъ и рядъ практическихъ занятій, которыя чрезвычайно заинтересовали участниковъ, со многими изъ которыхъ у В. П. потомъ завязалась оживленная переписка по вопросамъ о насажденіи занятій выразительнымъ чтеніемъ въ начальной школѣ. Надо было видѣть, съ какой любовью и съ какимъ восторгомъ вспоминалъ В. П. объ этихъ „Владимірскихъ дняхъ". Отголосокъ этого успѣха проникъ въ печать, и на слѣдующее лѣто В. П. былъ приглашенъ для такихъ же самыхъ занятій Курскимъ губернскимъ земствомъ.

Въ настоящее время дѣло это продолжается: такъ, осенью 1903 года на курсахъ, ежегодно организуемыхъ въ Павловскѣ для учителей начальныхъ школъ С.-Петербургской губерніи, выразительное чтеніе преподавалъ Ю. Э. Озаровскій. Но занятія на подобныхъ курсахъ могутъ имѣть, въ виду ихъ краткости, значеніе только побудительнаго характера, указывая слушателямъ, какая польза можетъ быть извлечена изъ занятій тѣмъ или другимъ предметомъ. Для достиженія же болѣе или менѣе осязательныхъ результатовъ необходимы занятія въ теченіе болѣе продолжительнаго срока, почему В. П. и мечталъ о введеніи выразительнаго чтенія, какъ предмета постояннаго преподаванія въ учительскомъ институтѣ. На 17 марта 1902 г. была назначена его пробная лекція въ Институтѣ, которой онъ придавалъ чрезвычайное значеніе именно въ виду того, что его слушателямъ, будущимъ учителямъ, знакомство съ выразительнымъ чтеніемъ, на его взглядъ, было особенно полезно и важно узнать этотъ предметъ сразу же въ подлежащемъ освѣщеніи. Но болѣзнь заставила отложить эту лекцію на неопредѣленный срокъ, а 24 марта В. П. не стало. Однако дѣло, честь созданія котораго въ значительной степени принадлежитъ почившему, не умерло вмѣстѣ съ нимъ.

Въ настоящее время въ Петербургѣ можно назвать нѣсколько среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ выразительнымъ чтеніемъ начи-

---

*) См. „Выразительное чтеніе, какъ учебный предметъ средняго образованія" („Педагогическій Сборникъ". 1883 г. №№ 9, 10). „Выразительное чтеніе, какъ предметъ обученія" („Педагогическій листокъ". 1895. Іюль-сентябрь). „Нѣсколько примѣрныхъ уроковъ обученія выразительному чтенію". (Тамъ же).

наютъ заниматься съ возрастающимъ интересомъ; преподается оно также и на курсахъ, организованнымъ Главныхъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній для воспитателей и преподавателей.

Годъ тому назадъ былъ моментъ, когда это дѣло чуть не стало на совершенно прочную почву. Въ началѣ 1902 г. тогдашній министръ народнаго просвѣщенія генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій созвалъ коммиссію для реорганизаціи средней школы. Выработка программы по русскому языку была поручена особой подкоммиссіи, во главѣ которой сталъ, покойный нынѣ, проф. А. И. Кирпичниковъ. Человѣкъ очень живой и отзывчивый на всякое свѣжее слово, Александръ Ивановичъ призналъ крайне желательнымъ введеніе занятій выразительнымъ чтеніемъ въ кругъ обязательныхъ предметовъ гимназическаго курса. Онъ исходилъ при этомъ главнымъ образомъ изъ той очевидной пользы, которую эти занятія должны принести преподаванію русской словесности. Подкоммиссія вполнѣ присоединилась къ мнѣнію своего предсѣдателя, который и повелъ отъ ея имени переговоры съ кружкомъ любителей художественнаго чтенія, совѣту котораго предлагалъ выработать программу по выразительному чтенію въ видѣ проекта. Но, какъ извѣстно, генералъ-адъютантъ Ванновскій покинулъ свой постъ ранѣе, чѣмъ занятія коммиссіи успѣли принять окончательную форму, и въ числѣ многихъ незавершенныхъ дѣлъ ея оказался и проектъ о введеніи выразительнаго чтенія въ курсъ нашихъ гимназій.

Очевидно, теперь дѣло о введеніи выразительнаго чтенія въ курсъ нашихъ школъ находится въ томъ фазисѣ своего развитія, что, можно думать, не за горами то время, когда это дѣло изъ области мечтаній перейдетъ въ міръ осязательной дѣйствительности. Однимъ изъ признаковъ этого можетъ служить хотя бы то, что еще въ 1895 г. попечитель казанскаго учебнаго округа издалъ циркуляръ за № 12, въ которомъ находится „списокъ произведеній для выразительнаго чтенія въ женскихъ гимназіяхъ казанскаго округа". Откликомъ на этотъ циркуляръ является только что вышедшій „Сборникъ произведеній русской словесности, принятыхъ въ женскихъ гимназіяхъ казанскаго учебнаго округа подъ редакціей В. П. Брюханова. Авось съ теченіемъ времени примѣру казанскаго округа послѣдуютъ и остальные и мѣра, предложенная для женскихъ гимназій, будетъ распространена и на мужскія.

Но прежде чѣмъ это осуществится, необходимо позаботиться объ удовлетвореніи нуждъ первостепенной важности, причемъ правильное рѣшеніе вопроса только и можетъ обезпечить успѣхъ преподаванію выразительнаго чтенія. Я имѣю въ виду подготовку учителей выразительнаго чтенія, наличный составъ которыхъ по числу своему

крайне недостаточенъ. Въ столицахъ преподаваніемъ выразительнаго чтенія могутъ заниматься и занимаются артисты казенной драмы; но и тутъ въ нихъ оказался бы недостатокъ, если бы преподаваніе это было распространено на болѣе широкій кругъ учебныхъ заведеній. Въ провинціи артисты могутъ явиться въ качествѣ преподавателей только тамъ, гдѣ существуютъ болѣе или менѣе серьезныя театральныя предпріятія съ прочно осѣвшими артистами, потому что частая смѣна преподавателей не можетъ не отразиться самымъ гибельнымъ образомъ на постановкѣ дѣла. Такимъ образомъ, для большинства учебныхъ заведеній надо создать преподавателей выразительнаго чтенія помимо сценическихъ дѣятелей. Для этого надо прежде всего ввести преподаваніе выразительнаго чтенія въ тѣ учебныя заведенія, изъ которыхъ выходитъ большинство нашихъ преподавателей. На первомъ планѣ здѣсь надо поставить университеты и филологическіе институты.

Въ сущности предлагаемая мѣра не представляетъ собою ничего необычайнаго: въ Московскомъ университетѣ уже въ 1892 г. ведетъ занятія выразительнымъ чтеніемъ И. А. Булдинъ, ученикъ знаменитаго Самарина, рано оставившій сцену для преподавательской дѣятельности. Уроки его полезны не только для филологовъ, но также и для юристовъ, которые теперь ради усиленія средствъ своей рѣчи часто вынуждены бываютъ тратиться на частные уроки декламаціи, что, конечно, доступно далеко не всѣмъ. Думаю также, что и научное достоинство университета пострадало бы очень мало, если бы онъ допустилъ въ свои стѣны уроки декламаціи, послѣ того, какъ онъ пріютилъ уже уроки и музыки, и даже шведской гимнастики, на что, конечно, никто сѣтовать не вздумаетъ.

Не менѣе, чѣмъ въ университеты, необходимо ввести эти занятія въ Историко-Филологическихъ Институтахъ и во вновь организуемомъ Педагогическомъ Жен. Институтѣ. Получивъ здѣсь знакомство съ выразительнымъ чтеніемъ, наши педагоги могли бы восполнить теперешній недостатокъ въ преподавателяхъ этого предмета и взять на себя веденіе того дѣла, отъ котораго ничего, кромѣ пользы, ждать нельзя. Съ особеннымъ вниманіемъ надо вводить курсъ выразительнаго чтенія также и въ программу нашихъ военныхъ училищъ, питомцы которыхъ по выходѣ въ армію сталкиваются съ солдатами, которыхъ необходимо для пользы военнаго же дѣла развить умственно; для этого имъ надо читать и читать; чтеніе это будетъ имѣть успѣхъ только тогда, когда читающій ясной и выразительной манерой чтенія сумѣетъ привлечь вниманіе слушателей. При существующемъ положеніи вещей, когда ряды арміи наполняются въ значительной степени неграмотными новобранцами, взятыми отъ

сохи, на русскаго офицера жизнь помимо обязанностей боевого инструктора возлагаетъ также и отвѣтственную миссію народнаго учителя, почему и необходимо, чтобы наши юнкера еще въ военныхъ училищахъ получали надлежащую подготовку и для этой стороны своей дѣятельности. И тутъ мы опять встрѣчаемся съ выразительнымъ чтеніемъ, которое настойчиво стучится въ двери нашей средней и и высшей школы съ полнымъ правомъ на самое внимательное къ себѣ отношеніе.

До сихъ поръ шла рѣчь только о той роли, которую суждено играть выразительному чтенію въ примѣненіи къ нашей общественной дѣятельности, находящей себѣ съ каждымъ днемъ все болѣе широкій просторъ. Но и въ самой интимной жизни отдѣльной семьи выразительное чтеніе можетъ сослужить великую службу. Мать-воспитательница или замѣняющая ее чужая гувернантка своимъ чтеніемъ и могутъ, и должны пріохотить ребенка къ живому слову, внушить ему любовь къ чтенію, на которое онъ будетъ глядѣть, какъ на развлеченіе, а не какъ на докучливый предметъ механическихъ операцій. Конечно, этого не будетъ въ томъ случаѣ, если онъ отъ старшихъ услышитъ мертвое, вялое и сухое чтеніе, не превращаемое въ увлекательное живое слово. Вотъ причина, почему выразительное чтеніе никоимъ образомъ не должно ограничивать кругъ своихъ учениковъ мужчинами, которымъ предстоитъ почетная работа общественныхъ дѣятелей: съ неменьшимъ правомъ должно оно войти также и въ стѣны нашихъ женскихъ гимназій и институтовъ, изъ которыхъ выходятъ будущія матери и воспитательницы.

Б. Варнеке.

О хедерахъ.

(Продолженіе).

II.

Борьба правительства противъ вреднаго вліянія меламдовъ. Законы 13 ноября 1844 г., 3 мая 1855 г. и 5 ноября 1856 г. Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія 7 октября 1853 года. Принципъ правительства возможно менѣе вмѣшиваться въ религіозное обученіе евреевъ. Законы 4 мая 1859 и 1 марта 1893 г. Высочайшія повелѣнія 24 октября 1875 г., 29 апрѣля 1877 г, 14 апрѣля 1878 г. и 9 марта 1879 г.

„Меламдъ" —говоритъ г. Бѣлецкій,—это своеобразный цвѣтокъ, выросшій на почвѣ еврейства" *). Можно предполагать, что профессія меламда и хедеры ведутъ свое начало изъ глубокой древности **); но русское правительство впервые обратило вниманіе на меламдовъ и хедеры въ началѣ 40-ыхъ годовъ минувшаго XIX-го столѣтія.

---

*) „Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ". Стр. 30.

**) Моисей заповѣдуетъ обязательное домашнее обученіе закону вѣры (Второзаконіе, гл. 6, ст. 7). „Священникъ Іошуа бенъ Гамала (I в. по Р. Хр.) установилъ во всѣхъ городахъ Іудеи обязательное школьное обученіе дѣтей, начиная съ семилѣтняго возраста. Рядомъ съ такими воспитательными школами существовали высшія законоучительныя школы или академіи". (Д-ръ С. Бекъ и д-ръ М. Браннъ. „Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени". Переработалъ и дополнилъ С. М. Дубновъ. Т. I. Одесса. 1898 г. Стр. 170). Рисуя картину школьной жизни въ еврейскихъ общинахъ Польши и Литвы въ первой половинѣ XVII вѣка, писатель того времени (Натанъ Ганноверъ) говоритъ: „При начальникѣ іешивы (т. е. высшей талмудической школы) состоялъ особый служитель, который ежедневно обходилъ первоначальныя школы („хедеры") и наблюдалъ, чтобы дѣти въ нихъ усердно учились и не шатались безъ дѣла. Разъ въ недѣлю, по четвергамъ, ученики первоначальныхъ школъ обязательно собирались въ домъ „школьнаго попечителя" („габая"), который экзаменовалъ ихъ въ томъ, что они прошли за недѣлю; и если кто-нибудь ошибался въ отвѣтахъ, то служитель билъ того крѣпко плетьми, по приказанію „попечителя", а также подвергалъ его великому осрамленію передъ прочими

Въ Высочайше утвержденной 22 іюня 1842 г. запискѣ министра народнаго просвѣщенія говорится: „Нельзя не обратить сугубаго вниманія на домашнее воспитаніе евреевъ, находящееся въ совершенномъ пренебреженіи какъ по недостатку надзора и отчетности, такъ и въ особенности по неимѣнію правилъ для домашнихъ учителей или меламдовъ, составляющихъ отдѣльный многочисленный классъ людей, которые присвоиваютъ себѣ произвольно право заниматься воспитаніемъ и обученіемъ юношества съ самаго нѣжнаго возраста, безъ всякаго ручательства въ образѣ мыслей и часто безъ малѣйшихъ способностей къ исполненію своихъ обязанностей“ *).

„Съ сороковыхъ годовъ правительствомъ постоянно принимаемы были мѣры съ цѣлію ослабленія вреднаго на евреевъ вліянія невѣжественныхъ и фанатическихъ меламдовъ“ **).

До 1859 г. правительство заботилось, съ одной стороны, о возможно строгомъ надзорѣ за дѣятельностью меламдовъ, а съ другой стороны, о сокращеніи числа ихъ и даже объ искорененіи самой ихъ профессіи.

Въ силу Высочайшаго указа 13 ноября 1844 г. ***) и тогда же утвержденной записки министра народнаго просвѣщенія „О главныхъ основаніяхъ образованія евреевъ“, еврейскія частныя учебныя заведенія и еврейскіе домашніе учителя „подчинены надзору Министерства Народнаго Просвѣщенія и общимъ по сей части правиламъ, съ нужными по существу дѣла измѣненіями“; содержаніе же хедеровъ и право меламдовъ заниматься частнымъ преподаваніемъ еврейскаго вѣроученія обусловлено полученіемъ каждый годъ дозволительнаго свидѣтельства. Въ означенной запискѣ признается необходимымъ, „для уменьшенія вреднаго вліянія домашнихъ учителей или меламдовъ на домашнее воспитаніе еврейскаго юношества, принять слѣдующія мѣры: 1) затруднять выдачу дозволительныхъ свидѣтельствъ тѣмъ евреямъ, кои еще не занимались обученіемъ, подвергая ихъ строгому испытанію не только въ предметахъ еврейскаго закона, но и въ общихъ наукахъ, и 2) по приготовленіи, въ достаточномъ числѣ, учителей въ раввинскихъ училищахъ прекра-

---

мальчиками, дабы онъ помнилъ и въ слѣдующую недѣлю учился бы лучше. По пятницамъ же, еженедѣльно, мальчиковъ экзаменовалъ самъ рошъ-іешива (т. е. начальникъ іешивы). Оттого-то и былъ страхъ въ дѣтяхъ, и учились они усердно“ (ibid стр. 321—322).

*) Сборн. пост. по Мин. Нар. Пр., т. II, отд. II, изд. 2-ое, Спб. 1876 г. стр. 350.

**) Выписка изъ журналовъ Комитета Министровъ 7 октября и 8 ноября 1875 г. См. Сборн. пост. по Мин. Нар. Пр., т. VI, стр. 1164—1165.

***) Второе Полное Собраніе Законовъ, т. XVII, № 15.771.

тить вовсе выдачу дозволительныхъ свидѣтельствъ на домашнихъ учителей закона тѣмъ, кои не обучались въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ“ *).

Въ 1853 году Комитетъ Министровъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія о состоявшемся Высочайшемъ повелѣніи, „чтобы домашніе еврейскіе учители, или меламды, не иначе были допускаемы

*) Сборн. пост. по Мин. Нар. Пр., т. II, Спб. 1876 г., стр. 527.—Тогда же были утверждены министромъ народнаго просвѣщенія „Временныя правила о подчиненіи еврейскихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, равно какъ домашнихъ учителей, надзору Министерства Народнаго Просвѣщенія“, болѣе или менѣе подробно опредѣляющія кругъ обязанностей меламдовъ (§§ 37—46) и содержателей хедеровъ (§§ 12—27), при чемъ меламдамъ, своевременно,—въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня объявленія этихъ правилъ,—заявившимъ подлежащему учебному начальству о своей дѣятельности, предоставлялось право на полученіе дозволительнаго свидѣтельства безъ испытанія; отъ всѣхъ же прочихъ для полученія такого свидѣтельства требовалось предварительное испытаніе. (См. тотъ же Сборникъ, стр. 528 и слѣд.).—„Въ видахъ уменьшенія числа существовавшихъ тогда меламдовъ, предложеніемъ 13-го декабря 1845 года, было разъяснено, что меламды могутъ безпрепятственно исполнять свои обязанности лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они состояли при полученіи перваго свидѣтельства на право обученія. Если они желали перемѣнить мѣсто жительства, то въ новомъ мѣстѣ жительства они могли приняться за исполненіе учительскихъ обязанностей лишь по выдержаніи экзамена... Въ силу предложенія отъ мая 1846 года, меламдамъ и содержателямъ хедеровъ, въ 1846 году, было объявлено, что въ слѣдующій разъ, т. е. въ 1847 году при возобновленіи свидѣтельствъ они будутъ подвергаемы предварительному испытанію какъ въ грамматическомъ знаніи еврейскаго языка, такъ и въ другихъ предметахъ, кои имъ преподавать дозволено. Въ 1849 году, послѣдовало новое, еще болѣе стѣснительное для меламдовъ распоряженіе: они должны были съ 1849 года подвергаться испытанію не только по еврейскимъ предметамъ, но и по языкамъ: русскому и нѣмецкому, хотя размѣры требовавшихся по языкамъ знаній были очень не велики“. (Бѣлецкій, стр. 98—99; ср. Сборникъ распоряженій по Министерству Нар. Просвѣщенія, т. II, изд. 1866 г., стр. 1057). „Но черезъ годъ это распоряженіе пришлось отмѣнить. Принимая въ уваженіе съ одной стороны, что, по образу своего воспитанія, меламды и содержатели хедеровъ могутъ находиться въ затрудненіи на счетъ испытаній въ русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а съ другой,—неимѣніе въ виду достаточнаго числа учителей закона еврейскаго, могущихъ замѣнить ихъ, министръ народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ предписалъ, чтобы тѣмъ меламдамъ, которые до изданія въ 1849 году правилъ объ испытаніи ихъ занимались преподаваніемъ закона еврейскаго въ талмудъ-торахъ, хедерахъ и частныхъ домахъ, были выдаваемы и впредь дозволительныя свидѣтельства безъ испытанія въ языкахъ русскомъ и нѣмецкомъ, но съ тѣмъ, чтобы 1) они держали испытанія въ предметахъ еврейскихъ по своимъ священнымъ книгамъ; 2) имѣли руководства, отъ Министерства для нихъ изданныя и 3) являлись ежегодно для перемѣны свидѣтельствъ и уплаты по нимъ денегъ“. (Бѣлецкій, стр. 102—103).

къ обученію еврейскихъ дѣтей, какъ по строгомъ выдержаніи экзамена, сообразнаго цѣли правительства, чтобы число меламдовъ было всемѣрно ограничиваемо и чтобы они находились въ постоянной и положительной зависимости отъ училищнаго начальства". Вслѣдствіе этого министръ народнаго просвѣщенія, циркулярнымъ предложеніемъ отъ 7 октября 1853 года, поручилъ попечителямъ учебныхъ округовъ сдѣлать распоряженія о томъ: 1) „чтобы всѣ меламды и содержатели хадаримовъ были впредь подвергаемы испытаніямъ на точномъ основаніи изданныхъ о томъ въ 1849 году правилъ, и чтобы тѣмъ изъ нихъ, кои до 1-го января 1855 г. не исполнятъ этой обязанности, не были возобновляемы свидѣтельства на означенныя званія", и 2) о неослабномъ надзорѣ за частнымъ обученіемъ евреевъ, „чтобы никто изъ лицъ, не имѣющихъ установленнаго дозволенія, не занимался обученіемъ дѣтей и чтобы содержатели частныхъ еврейскихъ училищъ исполняли въ точности постановленныя для нихъ правила и требованія начальства, не выходя при преподаваніи предметовъ изъ объема, опредѣленнаго для каждаго рода училищъ въ программахъ, утвержденныхъ министерствомъ" *).

3-го мая 1855 года было Высочайше утверждено положеніе Комитета объ устройствѣ евреевъ,—распубликованное 7-го іюня, „что по истеченіи двадцати лѣтъ никто не можетъ быть опредѣленъ въ раввины и учители еврейскихъ предметовъ, кромѣ кончившихъ курсъ въ еврейскихъ раввинскихъ училищахъ или въ общихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и получившихъ изъ тѣхъ и другихъ заведеній узаконенныя свидѣтельства или аттестаты" **).

Въ Высочайше утвержденномъ 5 ноября 1856 года мнѣніи Государственнаго Совѣта указаны обязанности: 1) раввиновъ и ихъ помощниковъ—„строго наблюдать, чтобы никто изъ евреевъ, не имѣющихъ установленнаго свидѣтельства на званіе меламда или содержателя частной школы, подъ какимъ бы то ни было названіемъ, отнюдь не занимался обученіемъ дѣтей евреевъ предметамъ еврейскаго закона и языка, и чтобъ лица, снабженныя свидѣтельствами учебнаго начальства преподавали исключительно тѣ только предметы, кои въ сихъ свидѣтельствахъ означены, и не иначе, какъ по руководствамъ и программамъ, утвержденнымъ симъ начальствомъ" (п. 3), и 2) „учебнымъ начальствамъ и полиціи — удостовѣряться: не дѣлается-ли раввинами потворства меламдамъ, въ нарушеніе изданныхъ на сей предметъ отъ учебнаго начальства правилъ" (п. 4) ***).

---

*) Сборн. распоряженій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, т. III, изд. 1867 г., стр. 158—159.

**) Вт. Полн. Собр. Зак., т. XXX, № 29, 276.

***) В. П. С. З., т. XXXI, № 31, 104.

Съ 1859 года отношенія правительства къ меламдамъ существенно измѣняются.

Въ журналѣ бывшаго комитета объ устройствѣ быта евреевъ отъ 12-го марта 1859 года, на основаніи котораго состоялось Высочайшее повелѣніе 4 мая 1859 г., вошедшее въ ст. 968 т. IX, изд. 1876 г., указано на необходимость какъ можно менѣе вмѣшиваться въ религіозное обученіе евреевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайшее повелѣніе 4 мая 1859 г. срокъ выдачи свидѣтельствъ на право обученія еврейскому закону вѣры лицамъ, не окончившимъ курса въ раввинскихъ училищахъ или въ общихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, ограничивало 10-ью годами. О меламдахъ въ этомъ повелѣніи сказано: „Меламдамъ (домашнимъ учителямъ), неопороченнымъ въ поведеніи или законопреступныхъ поступкахъ и не замѣченныхъ въ особомъ проявленіи фанатизма, продолжать выдачу ежегодныхъ свидѣтельствъ на основаніи порядка, учрежденнаго бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Уваровымъ. По истеченіи же десяти лѣтъ, выдачу дозволительныхъ свидѣтельствъ ограничить только прежними меламдами, а вновь поступающихъ опредѣлять не иначе, какъ изъ обучавшихся въ раввинскихъ училищахъ или въ общихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ 1875 же году привести въ полное дѣйствіе указъ 7-го іюня 1855 года, по которому чрезъ 20 лѣтъ домашними учителями могутъ быть исключительно только евреи, обучавшіеся въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ“ (п. 3). „Учителей въ ешиботахъ и талмудъ-торахъ, какъ равно содержателей частныхъ училищъ и пансіоновъ и учителей оныхъ опредѣлять съ настоящаго времени изъ людей, получившихъ надлежащее образованіе; но мѣру сію не распространять на домашнее обученіе, которое производится меламдами въ своихъ домахъ, или на квартирахъ, и ограничивается небольшимъ числомъ учениковъ“ (п. 4). „На избираемыхъ изъ болѣе вліятельныхъ и образованныхъ евреевъ почетныхъ блюстителей при казенныхъ еврейскихъ училищахъ, возложить также наблюденіе, чтобы домашніе учители или меламды постепенно были замѣщаемы людьми, получившими образованіе въ раввинскихъ училищахъ или въ общихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“ (п. 5) *).

Вопреки предположеніямъ правительства, евреи, оканчивавшіе курсъ въ раввинскихъ училищахъ или въ общихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не посвящали себя занятіямъ меламда, имѣя возможность избрать болѣе выгодную дѣятельность; да и самыхъ такихъ лицъ, въ сравненіи съ требовавшимся количествомъ

*) Вт. П. С. З., т. XXXIV, № 34, 461.

меламдовъ, было немного. Поэтому управлявшій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ представленіи отъ 25 сентября 1875 г. въ Комитетъ Министровъ, просилъ объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія о невоспрещеніи заниматься обученіемъ еврейскихъ дѣтей закону ихъ вѣры евреямъ, имѣющимъ свидѣтельства на званіе не ниже частнаго начальнаго учителя. „Предоставивъ управлявшему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія войти съ представленіемъ объ этомъ въ установленномъ законодательномъ порядкѣ," Комитетъ Министровъ испросилъ 24 октября 1875 г. Высочайшее соизволеніе „на продленіе существовавшаго до 3 мая 1875 г. порядка выдачи меламдскихъ свидѣтельствъ еще на два года, т. е. по 3 мая 1877 года." *) Въ 1877 г. 29 апрѣля, 1878 г. 14 апрѣля и 1879 г. 9 марта, по положеніямъ Комитета Министровъ, послѣдовали Высочайшія соизволенія на продолженіе означеннаго порядка сначала по 3 мая 1878 г., потомъ по 3 мая 1879 года и, наконецъ, „безъ обозначенія особаго срока, но впредь до окончательнаго разсмотрѣнія дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ и изданія новаго закона объ евреяхъ, занимающихся преподаваніемъ еврейскаго вѣроученія." **)

Если въ 1859 г. правительство признало необходимымъ возможно менѣе вмѣшиваться въ обученіе еврейскому закону вѣры, ***)

---

*) Сб. постан. по М. Н. П. т. VI, Спб. 1878 г., стр. 1164 и слѣд.

**) Сб. пост. т. VII, Спб. 1884 г., ст. 999.

***) Основываясь на этомъ, учрежденная при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Коммиссія по устройству быта евреевъ, въ которую былъ переданъ на заключеніе представленный въ Государственный Совѣтъ проектъ правилъ о меламдахъ съ требованіемъ отъ нихъ званія не ниже частнаго учителя, высказалась, въ журналѣ засѣданія 30 декабря 1875 года, противъ правительственной регламентаціи религіознаго обученія евреевъ. По мнѣнію этой Коммиссіи, „если правительство, согласно сознанной имъ въ 1859 г. необходимости, признаетъ и въ настоящее время возможнымъ не вмѣшиваться въ религіозное ученье евреевъ, то для него должно быть безразлично, кто именно будетъ заниматься вѣроученіемъ: меламды или учители съ другими наименованіями. Потому изъ законодательства и изъ правительственной регламентаціи должно быть исключено все, что относится до еврейскаго вѣроученія, и всѣ заботы о выборѣ вѣроучителей должны быть предоставлены исключительно самимъ евреямъ, безъ всякаго въ этомъ дѣлѣ вмѣшательства и даже безъ какого бы то ни было его посредства, хотя бы оно имѣло видъ простой рекомендаціи. При такомъ взглядѣ, всѣ требованія и условія, предполагаемыя для меламдовъ, дѣлаются совершенно излишними." Въ подтвержденіе своей мысли о необходимости отмѣнить правительственную регламентацію дѣятельности меламдовъ, названная Коммиссія указывала также на отсутствіе этой регламентаціи въ отношеніи обучающихъ магометанскому вѣроученію муллъ, фанатизмъ которыхъ сравнительно съ фанатизмомъ меламдовъ представляется болѣе опаснымъ для госу-

то закономъ 1 марта 1893 г. предоставлена евреямъ почти полная свобода въ этомъ отношеніи. По закону 1 марта 1893 г., „свидѣтельство на званіе меламда и на обученіе еврейскихъ дѣтей закону ихъ вѣры, а равно чтенію и письму по-еврейски въ частныхъ школахъ или частныхъ домахъ, либо на собственной квартирѣ“ (п. 1) въ правѣ получить всякій еврей, „по уплатѣ имъ отъ одного до трехъ рублей“ (п. 4), „не подвергаясь никакому испытанію“ (п. 1) *).

Утвержденныя Министромъ Народнаго Просвѣщенія 5 сентября 1893 г. „Правила о порядкѣ примѣненія закона 1 марта 1893 г. о частныхъ учителяхъ еврейскаго закона вѣры—меламдахъ,“ ограничиваясь регламентаціей хедеровъ въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи (§§ 15, 16, 17, 21), не касаются почти ихъ учебно-воспитательной части. Такимъ образомъ, для нихъ не имѣется ни установленныхъ программъ, ни одобренныхъ руководствъ.

Существующій надзоръ за хедерами **) является недостаточной гарантіей противъ вреднаго вліянія на дѣтей со стороны меламдовъ. Какъ бы ни былъ великъ контингентъ привлеченныхъ къ наблюденію за хедерами лицъ христіанскаго исповѣданія, послѣдніе не въ состояніи слѣдить за преподаваніемъ меламдовъ, вслѣдствіе непониманія жаргона, на которомъ ведется это преподаваніе, и если могутъ подмѣтить какіе-либо непорядки въ обозрѣваемыхъ хедерахъ, то развѣ лишь внѣшніе. Наблюденіе за направленіемъ преподаванія въ хедерѣ доступно только евреямъ.

Но про евреевъ, на которыхъ былъ возложенъ въ 40-хъ годахъ надзоръ за еврейскими учебными заведеніями, г. Бѣлецкій пишетъ: „Возможно-ли было ожидать, что евреи быстро усвоятъ себѣ правительственныя воззрѣнія на задачи образованія евреевъ и не будутъ скрывать отъ учебнаго начальства случаевъ уклоненія меламдовъ отъ исполненія данныхъ имъ программъ? Вѣдь это были сами ученики хедеровъ и талмудъ-торъ, воспитанные въ полнѣйшемъ ува-

---

дарства. Впрочемъ, членъ Коммиссіи отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія Корниловъ остался при мнѣніи о цѣлесообразности проектированныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія правилъ (Дѣло Канцеляріи Попечителя Рижскаго учебн. окр. № 323-ій 1879 г.).

*) „Но, въ случаѣ надобности, отъ директора и инспектора народныхъ училищъ зависитъ удостовѣриться въ благонадежности просителя путемъ сношенія съ подлежащимъ гражданскимъ начальствомъ“ (п. 3).

**) Надзоръ за ними, по 22 и 23 §§ названныхъ правилъ, возложенъ: на директора и инспектора народныхъ училищъ,—„въ помощь которымъ, для непрерывности надзора, могутъ быть назначаемы завѣдывающіе городскими училищами, смотрители уѣздныхъ училищъ, а также и завѣдывающіе начальными училищами“,—на полицію и общественнаго раввина.

женіи къ обычаямъ и преданіямъ евреевъ. Не были-ли поэтому многіе изъ нихъ рѣшительно расположены помогать воспитавшимъ ихъ меламдамъ вести дѣло преподаванія совершенно въ прежнемъ духѣ"? *). Подобнымъ образомъ и въ настоящее время едва-ли можно признать вполнѣ надежнымъ надзоръ за хедерами со стороны лицъ еврейскаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ, не безъ основанія евреи, какъ увидимъ ниже (стр. 45), признаютъ хедеръ своимъ „автономнымъ учрежденіемъ" **).

М. Успенскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Бѣлецкій, стр. 93.

**) Въ Привислянскомъ краѣ дѣйствуютъ „Правила для открытія и содержанія еврейскихъ вѣроисповѣдныхъ школъ (хедеровъ и пр.) въ губерніяхъ Привислинскаго края", утвержденныя въ 1888 году, существенная особенность которыхъ заключается въ ихъ предписаніи обязательнаго преподаванія въ хедерахъ русскаго языка.

Значеніе четырехгодичнаго курса обученія въ народной школѣ.

Вопросъ о четырехгодичномъ курсѣ обученія въ сельской школѣ нерѣдко поднимается въ періодической печати и на учительскихъ съѣздахъ и курсахъ. Наконецъ, въ настоящее время Педагогическое Общество, состоящее при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, задалось цѣлью—придти къ тому или другому разрѣшенію его путемъ письменнаго опроса по этому предмету лицъ, близко соприкасающихся со школой, т. е. народныхъ учителей и учительницъ. Нужно ожидать, что учащіе въ большинствѣ выскажутся за увеличеніе срока пребыванія дѣтей въ школѣ до четырехъ лѣтъ, какъ это и выяснилось на многихъ учительскихъ курсахъ. Принципіальную сторону этого дѣла, конечно, никто не будетъ оспаривать; но относительно того, чѣмъ собственно вызывается введеніе четырехгодичнаго срока обученія,—мнѣнія различны: одни имѣютъ въ виду расширеніе такимъ образомъ школьной программы, другіе стоятъ только за основательное обученіе въ предѣлахъ нынѣ дѣйствующей программы.

Въ интеллигентной части русскаго общества, внимательно слѣдящей за народнымъ образованіемъ, уже давно существуетъ мнѣніе, что дѣти, окончившія курсъ въ начальныхъ школахъ, не удовлетворяютъ современному требованію грамотности. Приводится масса фактовъ, иллюстрирующихъ это положеніе.

Особенно рельефно выступаетъ рецидивъ безграмотности бывшихъ воспитанниковъ сельскихъ школъ въ то время, когда они по достиженіи совершеннолѣтія призываются къ отправленію общественно-государственныхъ обязанностей. Между тѣмъ училищный совѣтъ, по окончаніи экзаменаціонныхъ испытаній, формально утверждаетъ знанія учениковъ свидѣтельствами. Отсюда возникаетъ слѣдующая дилемма: или школьная программа требуетъ увеличенія, или, не измѣняя программы, срокъ обученія долженъ быть продолженъ. Но одно ясно,—современная народная школа такъ же страдаетъ недо-

статками въ учебномъ отношеніи, какъ и среднеобразовательныя учебныя заведенія.

На офиціальномъ языкѣ педагогическихъ учрежденій курсъ народной школы обыкновенно именуется трехгодичнымъ, хотя въ сущности онъ сводится къ трехзимнему. (Въ настоящей статьѣ имѣются въ виду школы южно-центральныхъ губерній Россіи и преимущественно Рязанской). Если мы подсчитаемъ количество учебныхъ дней въ году, то ихъ окажется не болѣе 120—130. Между тѣмъ въ программахъ, утвержденныхъ М. Н. П. 7 февраля 1897 года, по этому поводу содержится слѣдующее указаніе: „Программы составлены для школъ, гдѣ дѣти учатся въ теченіе трехъ лѣтъ и не менѣе шести мѣсяцевъ въ году, не считая праздниковъ. Это количество времени слѣдуетъ считать наименьшимъ для правильнаго обученія въ школѣ. Если школа находится при неблагопріятныхъ условіяхъ, то слѣдуетъ увеличить время обученія, но не сокращать программы". Разница между срокомъ, назначеннымъ программой, и дѣйствительнымъ—достигаетъ въ году до 60 дней, а въ теченіе трехъ лѣтъ—180, т. е. какъ разъ цѣлаго учебнаго года.

Учебное время распредѣлено въ программѣ между отдѣльными предметами слѣдующимъ порядкомъ: Законъ Божій—6 часовъ, церковно-славянская грамота—3 часа, русскій языкъ—8 часовъ, чистописаніе — 2 часа, ариѳметика — 5 часовъ, итого 24 часа. Кромѣ того, полагается 3 часа на церковное пѣніе и 2 часа на гимнастику. Въ этомъ отношеніи отступленій отъ программы учитель не долженъ допускать, такъ какъ подобное требованіе программа предъявляетъ въ категорической формѣ — „...расписаніе обязательно для каждаго народнаго училища. Оно можетъ быть измѣнено, по особо уважительнымъ причинамъ, лишь съ дозволенія мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ". Если принять дѣйствительный учебный годъ за 126 дней или 18 недѣль, то окажется, что на Законъ Божій полагается въ теченіе 3-хъ лѣтъ 324 часа, церковно-славянскую грамоту—162 часа, русскій языкъ—432 часа, чистописаніе—108, ариѳметику—270 часовъ, церковное пѣніе—162 часа и гимнастику—108 часовъ.

Посмотримъ, что можетъ быть пройдено учащимися въ теченіе 1.566 часовъ.

Интеллектуальное развитіе дошкольнаго возраста дѣтей сельскаго населенія весьма бѣдно: ихъ міровоззрѣніе узко, лексиконъ скуденъ. Неудивительно, что одно только объяснительное чтеніе беретъ много учебнаго времени. Для большей очевидности сравнимъ двѣ книги для чтенія Баранова — обѣ онѣ назначены для сельскихъ школъ — одна въ 1-мъ году обученія, другая—въ 3-мъ. На первыхъ урокахъ, какъ только дѣти изучатъ 12—15 буквъ, имъ встрѣчаются такія

слова: ура, Раиса, уста, осока, миска, силки, улитка, котомка, сутки и пр. Какъ ни просты и общеупотребительны подобныя слова, однако, крестьянскимъ дѣтямъ ихъ приходится объяснять и, нужно сознаться, иногда совершенно безполезно. Какъ, напр., объяснить слова „осока“, „улитка“, если обозначаемые ими предметы въ данной мѣстности совсѣмъ не встрѣчаются? Съ педагогической точки зрѣнія цѣлесообразнѣе всего было бы показать изображенія имъ этихъ предметовъ на картинѣ; но, къ сожалѣнію, наши школы очень бѣдны наглядными пособіями. Можетъ быть, легче на слѣдующихъ ступеняхъ обученія? Приведемъ выдержку изъ книги того же автора, назначенной для 3 года обученія. „Петербургъ отличается правильностью своей постройки: улицы его широки, прямы и тѣсно обстроены красивыми домами. На обширныхъ площадяхъ и скверахъ поставлены памятники: возлѣ Зимняго дворца въ видѣ высокой колонны стоитъ памятникъ Александру I-му, а близъ Аничкова дворца стоитъ памятникъ Екатеринѣ Великой. Въ Петербургѣ сосредоточены всѣ высшія государственныя учрежденія: Правительствующій Сенатъ, Святѣйшій Синодъ, министерства“. Какъ далеко дѣти должны шагнуть въ умственномъ развитіи, чтобы отъ „осоки“ и „улитки“ перейти къ „колоннамъ“ и „скверамъ“! Какимъ богатымъ запасомъ знаній правовыхъ отношеній должны обладать они, чтобы въ состояніи имѣть представленіе о Сенатѣ! Безъ сомнѣнія, такого знанія, при настоящей постановкѣ учебнаго дѣла, у дѣтей не можетъ быть; слѣдовательно, никакія объясненія здѣсь не помогутъ, а только еще больше затемнятъ дѣло. Власть рисуется крестьянскимъ дѣтямъ въ видѣ старосты, урядника, старшины... Этими ли данными воспользуется учитель, чтобы дать ученикамъ понятіе о Сенатѣ? Остается сказать имъ, что Сенатъ—высшее государственное учрежденіе,—такъ и дѣлаетъ большинство учащихъ. Подобное объясненіе напоминаетъ того анекдотическаго учителя, который, тщетно стараясь объяснить ученикамъ устройство часовой пружины, наконецъ, сказалъ имъ, что она имѣетъ форму спирали! Еще большія затрудненія встрѣчаютъ дѣти при чтеніи отдѣла міровѣдѣнія. Всѣ эти иностранныя слова: полюсы, меридіаны, полярные круги, фазы луны и т. п. мелькаютъ предъ ними пестрымъ калейдоскопомъ, ничего не говорящимъ ихъ уму и воображенію.

Далѣе, программа 1897 г. требуетъ отъ учениковъ народной школы знакомства съ краткой исторіей и географіей Россіи. Нужно замѣтить, что статьи такого рода читаются только въ 3-мъ отдѣленіи, т. е. на нихъ приходится часть уроковъ изъ 40 часовъ русскаго языка. Въ теченіе такого короткаго срока немыслимо сколько-нибудь основательно познакомить дѣтей съ природой и этнографіей такой

обширной страны, какъ Россія; еще труднѣе ввести ихъ въ причинную связь событій, создавшихъ наше могучее государство. Правда, экзаменаціонныя требованія ограничиваются только перечисленіемъ фактовъ, нисколько не касаясь ихъ взаимодѣйствія; но такой методъ изученія исторіи признанъ уже не достигающимъ цѣли.

Съ объснительнымъ чтеніемъ тѣсно связано письменное изложеніе мыслей. Сообразно съ требованіемъ программы ученики должны умѣть составлять въ концѣ 3-го года обученія несложныя описанія по данному плану. Но практика пошла дальше: на экзаменахъ отъ учащихся требуютъ связнаго, послѣдовательнаго изложенія прочитанной имъ статьи по-одному заголовку. Такое требованіе предполагаетъ въ ученикѣ значительное развитіе мыслительной способности. Для удовлетворитеельнаго исполненія работы, учащійся долженъ обладать развитой памятью, имѣть запасъ словъ и литературныхъ оборотовъ, умѣть вникать въ соотношенія между понятіями и суммировать ихъ такъ, чтобы въ результатѣ придти къ идеѣ статьи. Выше было указано, что сельскія дѣти до поступленія въ школу имѣютъ въ своемъ распоряженіи весьма ограниченный запасъ словъ; способность къ сужденіямъ развита въ нихъ слабо. Поэтому неосновательно требовать отъ нихъ, чтобы они удовлетворительно усвоили курсъ за 12—13 мѣсяцевъ пребыванія въ школѣ.

Говоря о письменномъ изложеніи мыслей, мы имѣли въ виду только логико-стилистическую сторону дѣла, не касаясь орѳографіи. Между тѣмъ, послѣдняя на экзаменахъ имѣетъ первенствующее мѣсто. Тщетно возстаютъ противъ такого ненормальнаго явленія и въ печати, и на учительскихъ съѣздахъ,—снисхожденія къ освященному традиціей письму вовсе не замѣчается. Зло, приносимое правописаніемъ въ народныхъ школахъ, гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ; объ истинныхъ размѣрахъ его, кромѣ учащихъ, знаютъ немногіе. Достаточно сказать, что во многихъ школахъ на механическую выработку правописанія тратится 1—2 ч. ежедневно въ одномъ только старшемъ отдѣленіи, такъ что учащіе стыдятся записывать уроки диктанта подъ собственнымъ названіемъ въ классный журналъ, заполняя графы какими нибудь фиктивными уроками. Такимъ образомъ около половины самаго драгоцѣннаго времени въ старшемъ отдѣленіи тратится съ единственной цѣлью—научить дѣтей употребленію буквъ ѣ, і, ь и пр. Нечего и говорить, какъ осмысленно могло бы быть использовано это время. Что же заставляетъ учащихъ съ такимъ рвеніемъ относиться къ занятіямъ, въ крайнемъ случаѣ — сомнительнымъ? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ,—экзаменаціонныя требованія. Если принять во вниманіе, что письменныя испытанія по русскому языку производятся прежде дру-

гихъ экзаменовъ, и что они въ сущности сводятся къ испытаніямъ въ орѳографіи, такъ какъ ученикъ, сдѣлавшій болѣе шести грамматическихъ ошибокъ,—несмотря ни на какія успѣхи въ прочихъ предметахъ—къ дальнѣйшимъ экзаменамъ не допускается,—станетъ понятнымъ учердіе учащихъ по отношенію къ орѳографіи. Довести дѣтей до орѳографически-правильнаго письма въ теченіе трехъ зимъ, не отнимая уроковъ отъ прочихъ предметовъ, нельзя,—даже при идеальныхъ методахъ преподаванія грамматики.

Переходя затѣмъ къ ариѳметикѣ, мы видимъ, что и здѣсь трехходичнаго курса недостаточно для основательнаго знакомства съ нею въ предѣлахъ программы. Сельскія дѣти, поступающія въ школу, во многихъ случаяхъ даже не владѣютъ умѣньемъ присчитыванія и отсчитыванія одной единицы въ предѣлѣ перваго десятка. Нерѣдко можно встрѣтить дѣтей, которыя безошибочно не могутъ сосчитать до десяти. И вотъ такое-то примитивное знаніе служитъ исходнымъ пунктомъ, отъ котораго ученики должны дойти къ концу третьяго года обученія до умѣнья производить устно 4 дѣйствія въ предѣлѣ 1.000, владѣть 4 д. для рѣшенія задачъ на именованныя числа, вычислять плошади и объемы, знать метрическую систему мѣръ и пр. Немудрено, что большое количество учениковъ остается на повторительный курсъ въ какомъ-либо отдѣленіи, исключительно вслѣдствіе неуспѣшнаго занятія ариѳметикой. Живая дѣтская мысль, воспитанная на конкретныхъ примѣрахъ, не въ состояніи справиться съ громадной работой абстрактнаго характера, и въ результатѣ, вопреки писанной программѣ,—четвертый годъ обученія.

Для Закона Божія отводится наибольшее число часовъ; однако, нельзя сказать, чтобы достаточно. Въ самомъ дѣлѣ, дѣти, являющіяся въ школу, не обладаютъ самыми основными познаніями въ области религіи. Такъ, напр., они не имѣютъ правильнаго понятія не только о троичности лицъ Божества, но и о Богѣ, смѣшивая икону съ Богомъ; два-три знакомыхъ имъ по имени святыхъ возводятся ими на степень Божества. Законоучитель, начиная съ изученія молитвъ, долженъ довести учениковъ къ концу курса до полнаго усвоенія религіозныхъ истинъ, какъ онѣ открываются въ священной исторіи, катехизисѣ и богослуженіи православной церкви. Центръ тяжести, какъ и въ прочихъ предметахъ, переносится на старшее отдѣленіе. „Въ третьемъ году ученія,—говорится въ программѣ,— „дѣти возводятся на болѣе высокую ступень религіознаго знанія: тѣ же истины вѣры и нравственности, которыя составляютъ душу ихъ молитвъ, которыя даютъ внутренній духовный смыслъ священно-историческимъ событіямъ, будутъ преподаны имъ въ формѣ догматической при объясненіи символа вѣры и десяти заповѣдей. Въ это

же время они, какъ члены православнаго христіанскаго общества, ознакомятся и съ главнѣйшими дѣйствіями общественнаго богослуженія".

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ искусствахъ (пѣніи и чистописаніи) и гимнастикѣ. Для нихъ положено программой 7 часовъ въ недѣлю.

На самомъ дѣлѣ самое большее, что можно сдѣлать, безъ риска оставить дѣтей безграмотными,—это отвести нѣсколько уроковъ для чистописанія; пѣніе же и гимнастика остаются лишь на бумагѣ. Хотя и очень печально, что физическое воспитаніе учениковъ и такое важное искусство, какъ пѣніе, школой игнорируются, но при настоящей постановкѣ учебнаго дѣла учитель сельской школы стоитъ предъ слѣдующей альтернативой: или, пренебрегши пѣніемъ и гимнастикой, научить дѣтей грамотѣ или, занявшись гимнастикой и пѣніемъ, оставить ихъ полуграмотными. Послѣдняго учитель, конечно, не можетъ желать какъ въ виду цѣлей народной школы, такъ и принятаго имъ обязательства — воспитанія и обученія ввѣренныхъ ему дѣтей.

Онъ естественно стремится къ тому, чтобы, устранивъ все, хотя бы косвенно вліяющее, но непосредственно не ведущее къ цѣли, выиграть время для достиженія прямыхъ цѣлей обученія.

Итакъ, ни одинъ предметъ изъ курса начальной сельской школы не можетъ быть основательно усвоенъ учениками въ трехгодичный періодъ обученія. Если это такъ, то спрашивается, какое соображеніе руководило иниціаторами школьнаго дѣла при установленіи именно такого срока? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, придется коснуться исторіи возникновенія народныхъ школъ въ Россіи.

Въ дореформенную эпоху народнаго образованія, въ широкомъ значеніи этого слова, можно сказать, не существовало. Удаленныя другъ отъ друга на десятки верстъ, училища грамоты, руководимыя малограмотными причетниками и солдатами, самое большее, что могли дать своимъ ученикамъ, это — умѣнье кое-какъ писать и читать, преимущественно книги богослужебныя. Да и такая грамота составляла удѣлъ избранныхъ, процентное отношеніе которыхъ къ массѣ было ничтожно. Такимъ образомъ, знаменательный день 19 февраля 1861 г. засталъ народъ на низкой ступени развитія. Освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, законодатель тѣмъ самымъ далъ толчекъ къ умственному нравственному и экономическому преуспѣянію освобожденныхъ. Но воспользоваться всѣми плодами великой эпохи освобожденія можно было только въ будущемъ: народныя массы были еще инертны: заманчиво прекрасныя перспективы, рисовавшіяся въ умѣ интеллигенціи, были для нихъ чѣмъ-то чуждымъ.

Нужно было подготовить народъ къ сознанію возможности и доступности для него просвѣщенія.

Такая задача выпала на долю реформированной школы.

Однако, взглядъ народа на новую школу былъ попрежнему довольно узокъ и одностороненъ: она рисовалась въ его воображенiи той же дореформенной „учебой“ съ ясно выраженнымъ колоритомъ духовности, но только санкцiонированной правительствомъ. Само правительство, насаждая школы съ трехлѣтнимъ курсомъ, не задавалось сразу широкими цѣлями, а имѣло въ виду только самую элементарную грамотность.

Такимъ образомъ, народныя школы имѣли своей задачей, хотя сколько-нибудь, расширить умственный кругозоръ народа. Это были предвозвѣстники грядущей культуры, первыя звѣздочки, засверкавшiя въ непроглядной тьмѣ. Онѣ сослужили свою службу и дали то, что могли дать и что особенно нужно было въ данное время.

Миновало уже слишкомъ сорокъ лѣтъ, какъ порвалась цѣпь, связывавшая барина и мужика, тормозившая нѣсколько столѣтiй культурное развитiе русскаго народа. Съ той знаменательной эпохи народъ, хотя медленно, но неуклонно двигается по пути прогресса, и каждый шагъ его становится шире, увѣреннѣе.

Жизнь предъявляетъ ему рядъ новыхъ запросовъ, на которые онъ долженъ такъ или иначе отвѣчать. Такимъ образомъ, школа должна соотвѣтствовать современнымъ народнымъ требованiямъ. Но это возможно лишь подъ условiемъ, если она отрѣшится отъ старыхъ традицiй, станетъ чутко прислушиваться къ народнымъ нуждамъ и идти имъ навстрѣчу. Современная народная школа уже сдѣлала попытку въ этомъ направленiи: программа 1897 г. значительно увеличила курсъ начальныхъ училищъ.

Увеличенiе программы должно бы повлечь за собою соотвѣтственное увеличенiе срока обученiя. Однако, этого не случилось. При такомъ положенiи вещей, учителю ничего не остается болѣе дѣлать, какъ пройти программу въ три зимы. Что принесетъ ученикамъ въ будущемъ такое форсированное обученiе,—объ этомъ уже заботиться не приходится. И вотъ, въ результатѣ получается странное и печальное явленiе: хорошiй ученикъ, отлично выдержавшiй испытанiе, чрезъ нѣсколько лѣтъ оказывается полуграмотнымъ.

Отсюда возникаетъ слѣдующее требованiе: не сокращая программы, нужно продолжить срокъ обученiя въ народныхъ школахъ. Только при такомъ условiи учащiеся будутъ имѣть возможность прочно закрѣпить въ памяти прiобрѣтенныя свѣдѣнiя. Здѣсь умѣстно обратить вниманiе на одну особенность преподаванiя въ народной школѣ, а именно—ороографiю. Мы уже видѣли, какъ много она отнимаетъ времени, и притомъ совершенно непроизводительно (опрошенные по этому поводу учителя народныхъ школъ утверждаютъ, что по окон-

чаніи курса бывшими учениками прежде всего забывается ороографія). Сокращеніе требованій по правописанію могло-бы увеличить учебное время на 25%. Этотъ плюсъ съ большою пользою можно бы употребить на чтеніе художественной литературы.

Относительно продолжительности учебнаго курса народной школы необходимо замѣтить, что въ принципѣ желателенъ пятигодичный курсъ, конечно, съ расширенной программой. Но если принять во вниманіе соціально-экономическія условія, въ которыя поставлена народная масса, введеніе такого курса встрѣтитъ большія затрудненія. Зато четырехгодичный курсъ, какъ минимальный, долженъ быть введенъ въ большинство земскихъ школъ. Возраженіе, которое иногда приходится слышать, будто бы при четырехгодичномъ курсѣ, въ силу его продолжительности, очень немногіе ученики будутъ заканчивать его,—неосновательно. Уже и теперь, собственно говоря, въ народныхъ школахъ имѣетъ мѣсто четырехгодичное обученіе, такъ какъ только способные ученики не остаются на повторительный годъ въ какомъ-нибудь отдѣленіи. Такимъ образомъ, ничего нѣтъ легче, какъ санкціонировать закономъ то, что уже выработала жизнь.

Остается еще одно и самое серьезное возраженіе, которое можно выставить противъ четырехгодичнаго срока обученія, это—необходимость имѣть для каждой школы по два учителя, что не по силамъ земствамъ. Правда, на съѣздѣ рязанскихъ учителей, бывшемъ въ 1902 г. подъ предсѣдательствомъ М. А. Дроздова, выяснилось, что одинъ учитель не въ состояніи заниматься съ 4 отдѣленіями. Однако, при нѣкоторомъ усиліи и финансовая сторона дѣла разрѣшится въ благопріятномъ смыслѣ. Съ предоставленіемъ земству новыхъ способовъ взиманія сборовъ съ народонаселенія и, между прочимъ, земской недоимки ресурсы его значительно увеличатся. Наконецъ, и теперь во многихъ школахъ, гдѣ количество учащихся превышаетъ 60 человѣкъ, имѣются по два учителя на три отдѣленія. Въ такихъ школахъ слѣдуетъ немедленно ввести четырехгодичный курсъ, что уже и дѣлается въ 20 школахъ Рязанскаго уѣзда съ 1903—1904 учебнаго года. Въ тѣхъ школахъ, гдѣ земство, вслѣдствіе малаго количества учащихся, не признаетъ возможнымъ имѣть по два учителя, введеніе четырехгодичнаго курса невозможно, за исключеніемъ способа пріема и выпуска учениковъ чрезъ годъ. Нужно надѣяться, что съ введеніемъ всеобщаго обученія и особенно съ привлеченіемъ въ училища женскаго элемента, число школъ менѣе, чѣмъ съ 60-ю учащимися, значительно сократится. Тогда необходимость заставитъ имѣть для каждаго народнаго училища по 2—3 учителя, и такимъ образомъ идея четырехгодичнаго курса разрѣшится въ утвердительномъ смыслѣ.

А. А. Ковалевъ.

Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію въ 1903 г.

(*Продолженіе*) *).

Губерніи: *Курская, Воронежская, Орловская, Тамбовская, Пензенская.*

Переходя къ *Курской* губерніи, являющейся соединительнымъ звеномъ юга съ сѣверомъ, мы прежде всего отмѣтимъ, что въ 1903 году закончилось *десятилѣтіе знаменитой Коммиссіи курскаго губернскаго земства по народному образованію.* Вотъ что по этому поводу писали мы въ „*Русскихъ Вѣдомостяхъ*" **).

„14-го декабря истекаетъ десятилѣтіе существованія учрежденной курскимъ губернскимъ земствомъ коммиссіи по народному образованію, „дѣятельность которой, — какъ говорится въ „историческомъ очеркѣ" 35-лѣтія курскаго губернскаго земства,—составитъ одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи курскаго губернскаго земства". И не одного курскаго земства, — добавимъ мы: названная коммиссія имѣла большое значеніе въ постановкѣ начальнаго народнаго образованія во всей земской Россіи. Она организована была въ ту пору, когда губернскія земства только что стали выступать въ активной роли на поприще просвѣщенія народныхъ массъ, и на первыхъ же порахъ выработала широкій взглядъ на это первостепенной важности земское дѣло. Сначала коммиссія состояла изъ нѣсколькихъ, избранныхъ губернскимъ собраніемъ,—въ засѣданіи 14-го декабря 1893 г.,— гласныхъ ***), а затѣмъ въ среду ея вошли представители уѣздовъ, избранные уѣздными земскими собраніями изъ числа ихъ губернскихъ гласныхъ, а также предсѣдатели уѣздныхъ управъ. Черезъ годъ, въ 1894 г., предсѣдателемъ коммиссіи былъ избранъ князь

---

*) См. „*Русскую Школу*", № 3 за 1904 г.

**) „*Р. Вѣд.*", № 324 за 1903 г.

***) Въ томъ числѣ такіе выдающіеся гласные, какъ В. Е. Якушкинъ, А. Н. фонъ-Рутценъ, К. П. Арнольди.

Петръ Дмитріевичъ Долгоруковъ, который въ этомъ званіи состоялъ до 1902 года, когда земская дѣятельность его была неожиданно прервана. Трудно было сдѣлать болѣе удачный выборъ. Энергичный, образованный, всею душей преданный земскому дѣлу вообще и дѣлу народнаго образованія въ особенности, кн. Долгоруковъ, не покладая рукъ, работалъ въ теченіе всего указаннаго времени, возбуждая и ободряя своею кипучею, неослабною дѣятельностью всѣхъ членовъ коммиссіи, все земство. Основною задачей коммиссія поставила себѣ введеніе въ Курской губерніи всеобщаго обученія. Поэтому прежде всего обращено было вниманіе на изысканіе средствъ для осуществленія этой задачи. Уже въ 1895 году, по докладу коммиссіи, губернское земство постановило образовать капиталъ въ 180.000 р. посредствомъ внесенія въ смѣту губернскихъ расходовъ въ теченіе десяти лѣтъ по 18.000 р. Одна часть этой ежегодной ассигновки предназначалась на выдачу сельскимъ обществамъ безвозвратныхъ пособій, другая—для безпроцентныхъ ссудъ. Для ссудъ на сооруженіе училищныхъ зданій былъ, по предложенію коммиссіи, употребленъ съ 1896 года и другой капиталъ, а именно завѣщанный умершимъ губернскимъ гласнымъ Е. М. Ждановымъ, въ размѣрѣ 105.000 р. Сначала ссуды изъ него выдавались процентныя, а съ 1898 г.,—по иниціативѣ той же коммиссіи,—безпроцентныя, срокомъ на десять лѣтъ и съ уплатой ежегодно $^1/_{10}$ части въ погашеніе. Въ слѣдующіе годы ассигнованіе губернскаго земства на выдачу безвозвратныхъ пособій еще болѣе увеличивается и въ 1899 и 1900 гг. на этотъ предметъ назначалось по 45.000 р. въ годъ, а въ 1903 г. — 48.000 р. Второю заботою коммиссіи послѣ увеличенія числа школъ было повышеніе качественнаго уровня учительскаго персонала и улучшеніе матеріальнаго быта его. Съ послѣдней цѣлью была установлена прогрессивная прибавка къ жалованью учителей на половинныхъ расходахъ уѣздныхъ и губернскаго земствъ, по пятилѣтіямъ, при условіи извѣстнаго образовательнаго ценза учителей и учительницъ; кромѣ того, на тѣхъ же условіяхъ съ уѣздными земствами установлено правильное пособіе на воспитаніе дѣтей учащихъ (до 80-ти р. на одного учащагося въ годъ). Для повышенія образовательнаго уровня учащихъ и расширенія ихъ умственнаго кругозора коммиссія заботилась о возможномъ улучшеніи существующей учительской семинаріи, внесла предложеніе губернскому земству объ открытіи второй семинаріи, хлопотала о субсидированіи частной женской учительской школы Л. Н. фонъ-Рутценъ, въ которой съ 1900 г. воспитывается по 60-ти земскихъ стипендіатокъ, и, наконецъ, съ 1897 г. начали устраивать превосходные педагогическіе курсы, привлекающіе учителей не только изъ всей земской, но и неземской Россіи и даже

изъ Сибири, какъ это было въ 1902 г. На эти курсы приглашались и приглашаются выдающіеся лекторы и педагоги. Въ спискѣ ихъ мы встрѣчаемъ такія имена, какъ Бунаковъ, Вагнеръ, Вахтеровъ, Ковальскій, Нечаевъ, Острогорскій, Рожковъ, Рихтеръ, Тихоміровъ, Шохоръ-Троцкій, Якобсонъ и др. Считая недостаточными изложенныя мѣропріятія для повышенія уровня учащихъ, губернское земство, по иниціативѣ коммиссіи, основало при всѣхъ уѣздныхъ управахъ на половинныхъ расходахъ съ уѣздными земствами центральныя учительскія библіотеки (по 500 р. каждая), которыя съ 1901 года правильно пополняются новыми книгами, а съ 1900 г. коммиссія съ цѣлью облегчить учащимъ пріобрѣтеніе педагогическихъ книгъ снабжаетъ ихъ таковыми изъ книжнаго склада съ уступкою 50% стоимости. Для улучшенія качественной стороны школьнаго обученія всѣ земскія школы съ 1895 г. снабжены и снабжаются ученическими библіотеками по 25-ти р. каждая съ ежегоднымъ пополненіемъ книгами на 10 р. (двухкомплектнымъ школамъ на 20 р.), а съ 1901 г. всѣ земскія школы снабжаются и коллекціями наглядныхъ пособій по 12 р. каждая. Не ограничиваясь школьнымъ образованіемъ, коммиссія обратила серьезное вниманіе и на внѣшкольное, а именно на развитіе народныхъ библіотекъ, вечерне-повторительныхъ занятій со взрослыми и устройство курсовъ для нихъ, на приглашеніе разъѣздныхъ учителей, которые бы занимались съ лицами, ранѣе окончившими школу".

„Въ самомъ городѣ Курскѣ при губернской земской управѣ по иниціативѣ коммиссіи съ просвѣтительными цѣлями организованы: центральный книжный складъ съ уѣздными отдѣленіями, справочно-педагогическое отдѣленіе, музей наглядныхъ пособій".

„Въ 1899 г. коммиссіей возбужденъ былъ вопросъ объ организаціи надзора за школьнымъ дѣломъ и за внѣшкольными просвѣтительными учрежденіями со стороны губернскаго и уѣздныхъ земствъ; и теперь уже во многихъ уѣздныхъ земствахъ Курской губерніи учреждены съ этою цѣлью особые столы по народному образованію, во главѣ которыхъ стоятъ компетентныя лица".

„Упомянемъ, наконецъ, о всеземской выставкѣ по народному образованію, устроенной въ 1902 г. въ Курскѣ губернскимъ земствомъ по иниціативѣ все той же коммиссіи губернскаго земства по народному образованію".

Увы!—курское губернское земство не только не отмѣтило этого важнѣйшаго событія въ своей жизни, но оно, въ сущности говоря, въ 1903 году сильно умалило значеніе своей коммиссіи.

Слѣдуетъ замѣтить, что, для возможно успѣшнаго хода дѣла, въ коммиссію привлечены были лучшія интеллигентныя силы, а въ томъ

числѣ и лица, не состоящія гласными. Эти лица, въ концѣ концовъ, избирались коммиссіею и получали въ ней полное право гражданства. Нужно ли говорить, что кромѣ громадной пользы отъ такой организаціи больше ничего не было. Но тѣ, для которыхъ народное образованіе является, какъ говорится, бѣльмомъ на глазу, которые всѣми силами стремятся возвратить населеніе къ киммерійскому мраку, въ 1903 г. постарались сузить дѣятельность коммиссіи.

По примѣру вологодскаго земства, коммиссія курскаго губернскаго земства по народному образованію обратилась къ московскому губернскому земству съ просьбой принять на себя устройство къ Москвѣ всероссійской выставки по народному образованію.

Курскимъ губернскимъ земствомъ, между прочимъ, было возбуждено ходатайство о дополненіи устава пенсіонной кассы министерства народнаго просвѣщенія и курской земской эмеритальной кассы въ смыслѣ предоставленія кассамъ права, при переходѣ учителей земскихъ школъ въ училища, содержимыя министерствомъ, и обратно, перечислять взаимно изъ кассы въ кассу полную стоимость правъ на пенсію самого переходящаго лица, его жены и дѣтей. На это важное ходатайство отвѣтъ не былъ полученъ; но по слухамъ министерство народнаго просвѣщенія, разсматривая возбужденный курскимъ земствомъ вопросъ, нашло, что онъ касается по существу не однихъ учителей курскаго земства, а имѣетъ общее значеніе для всѣхъ земскихъ учителей, и потому предложило передать его на обсужденіе всѣхъ земствъ, которыя имѣютъ эмеритальныя или пенсіонныя кассы.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, и въ 1903 году въ Курскѣ состоялись педагогическіе курсы. На нихъ занятія по рисованію велись по такъ называемому американскому методу и состояли, между прочимъ, изъ лѣпки, изъ вырѣзанія и наклеиванія различныхъ фигуръ изъ разноцвѣтной бумаги, изъ рисованія съ натуры карандашомъ и акварельными красками. Для большаго выясненія возможности провести этотъ предметъ въ начальную школу была образована небольшая четырехгруппая школа съ дѣтьми 8-ми—12-ти-лѣтняго возраста. Одновременно демонстрировались работы американскихъ школъ.

Придавая большую важность внѣклассному чтенію учащихся въ земскихъ школахъ и внѣшкольному образованію, Курское земство ежегодно тратитъ болѣе 20-ти тыс. на школьныя и народныя библіотеки.

Чтобы обезпечить наиболѣе успѣшную дѣятельность этихъ библіотекъ и ближе ознакомить народныхъ учителей съ существующими книгами для дѣтей и народа, губернское земство проектировало на названныхъ учительскихъ курсахъ предложить учителямъ рядъ бесѣдъ по обзору дѣтской и народной литературы, пригласивъ для

этихъ бесѣдъ особаго руководителя. Съ этою цѣлью въ началѣ 1903 года было возбуждено соотвѣтственное ходатайство передъ попечителемъ учебнаго округа. На это ходатайство лѣтомъ, т. е. уже послѣ разрѣшенія и открытія самыхъ курсовъ, наблюдатель курсовъ, г. Арбековъ, увѣдомилъ губернскую управу, что онъ не признаетъ возможнымъ разрѣшить проектированныя земствомъ занятія; свой отказъ онъ мотивировалъ какъ многопредметностью курсовъ (русскій языкъ, ариѳметика, географія, гигіена) и крайнею незначительностью времени, назначеннаго для нихъ, такъ еще тѣми соображеніями, что въ библіотеки народныхъ училищъ допускаются книги, только одобренныя министерствомъ народнаго просвѣщенія, и отзывы объ этихъ книгахъ помѣщаются въ Журн. Мин. Нар. Просв.; что выборъ книгъ для училищныхъ библіотекъ даже изъ одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія принадлежитъ не учителямъ, а главнымъ образомъ учебному начальству, и, наконецъ, нужныя свѣдѣнія по дѣтской литературѣ могутъ быть сообщены руководителемъ курсовъ по русскому языку. Насколько основательны разсужденія окружного инспектора, можно заключить уже изъ того, что, какъ всѣмъ извѣстно, въ Журн. Мин. Нар. Пр. никогда не помѣщается даже краткихъ отзывовъ объ одобренныхъ или допущенныхъ въ библіотеки книгахъ. Далѣе, многопредметность курсовыхъ занятій, если о ней и можетъ быть рѣчь, создалась не по иниціативѣ земства, а въ силу требованія начальства учебнаго округа пригласить непремѣнно руководителей по русскому языку и ариѳметикѣ; затѣмъ, время, намѣченное для курсовъ, согласно самимъ правиламъ о нихъ 1875 г., можетъ быть удлинено до шести недѣль; наконецъ, въ настоящее время народные учителя фактически руководятъ школьными и народными библіотеками и, слѣдовательно, были бы рады систематически познакомиться съ дѣтской и народной литературой, чтобы сумѣть воспользоваться ею въ педагогическихъ цѣляхъ; литература эта теперь очень обширна, и для бесѣдъ о ней требуется особый спеціалистъ. Кромѣ бесѣдъ по обзору дѣтской и народной литературы, на курсахъ не разрѣшены лекціи по „отечественному законовѣдѣнію“, для которыхъ былъ приглашенъ земствомъ проф. Гессенъ.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ въ Курской губерніи при нѣкоторыхъ земскихъ школахъ устраивались вечернія занятія со взрослыми, причемъ спеціально для веденія этихъ занятій приглашались отдѣльные учителя; такіе учителя назывались „передвижными“, такъ какъ каждый изъ нихъ велъ занятія въ продолженіе зимы не въ одной, а въ трехъ школахъ и, стало быть, долженъ былъ часто передвигаться изъ одного села въ другое.

Въ 1903 году вечернія занятія по постановленіямъ уѣздныхъ

земскихъ собраній должны были производиться въ восьми уѣздахъ: Грайворонскомъ, Курскомъ, Щигровскомъ, Суджанскомъ, Новооскольскомъ, Дмитріевскомъ, Фатежскомъ и Обоянскомъ. Но дирекціей народныхъ училищъ выяснено, что принятая курскимъ земствомъ система передвижныхъ учителей для занятій со взрослыми министромъ внутреннихъ дѣлъ признана неправильной и незаконной, вслѣдствіе чего и ранѣе установленный земствомъ порядокъ веденія занятій со взрослыми при помощи передвижныхъ учителей не долженъ быть допускаемъ.

Губернское земское собраніе сессіи 1901 г. постановило ходатайствовать предъ правительствомъ объ измѣненіи порядка разрѣшенія и наблюденія за внѣшкольными просвѣтительными учрежденіями, какъ-то: народными библіотеками, воскресными школами, книжными складами при школахъ, народными чтеніями и т. п. Оно ходатайствовало чтобы впредь право разрѣшенія поименованныхъ просвѣтительныхъ учрежденій принадлежало уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, а также и о томъ, чтобы тѣмъ же совѣтамъ принадлежало наблюденіе за внѣшкольными учрежденіями просвѣщенія. Въ 1903 г. министерство народнаго просвѣщенія по поводу этого ходатайства препроводило въ губернскую управу свои соображенія, которыя просилъ обсудить. Въ соображеніяхъ этихъ говорится слѣдующее: 1) если губернское земство въ своемъ ходатайствѣ имѣетъ въ виду публичныя библіотеки, учреждаемыя по правиламъ 15-го мая 1890 года, то ни разрѣшеніе на учрежденіе этихъ библіотекъ, ни наблюденіе за ними не могутъ быть представлены уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, какъ органамъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ означенныя библіотеки подчинены надзору министерства внутреннихъ дѣлъ. Что же касается народныхъ библіотекъ, учреждаемыхъ при начальныхъ училищахъ на точномъ основаніи ст. IV журнала совѣта министра народнаго просвѣщенія 30-го января 1867 года, то правило о сихъ библіотекахъ предположено пересмотрѣть; 2) воскресныя школы при народныхъ училищахъ и въ настоящее время находятся въ вѣдѣніи уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ (о воскресныхъ школахъ внѣ училищъ въ соображеніяхъ министерства ничего не говорится); 3) уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ и въ настоящее время принадлежитъ наблюденіе за тѣми складами учебниковъ, учебныхъ пособій и классныхъ принадлежностей, которые устраиваются при училищахъ по п. 18-му приложенія къ ст. 50-й т. XI Св. Зак., учрежденіе же всякихъ другихъ складовъ книгъ можетъ быть разрѣшаемо только на основаніи общихъ законоположеній и притомъ каждый разъ по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія; 4) порядокъ разрѣшенія народ-

ныхъ чтеній по закону 28-го января 1901 года настолько упрощенъ, что предоставленіе права на разрѣшеніе этихъ чтеній училищнымъ совѣтамъ вообще снова поставило бы это дѣло въ такія условія, которыя неизбѣжно стали бы только тормозить его, такъ такъ собранія уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ бываютъ рѣдко и нерегулярно. Возложеніе же наблюденія за народными чтеніями на уѣздные училищные совѣты повело бы только къ тому, что чтенія эти остались бы безъ опредѣленнаго отвѣтственнаго за нихъ лица. Что же касается народныхъ чтеній, устраиваемыхъ при начальныхъ народныхъ училищахъ, подчиненныхъ училищнымъ совѣтамъ, то правилами 3-го декабря 1902 г. разрѣшеніе такихъ чтеній предоставлено училищнымъ совѣтамъ.

Нѣсколько уѣздныхъ земствъ Курской губерніи за послѣдніе годы получаютъ отъ министерства народнаго просвѣщенія субсидіи на содержаніе земскихъ школъ, по 200 рублей на школу въ годъ.

Субсидіи эти по нѣкоторымъ уѣздамъ поступали въ распоряженіе не земскихъ управъ, а инспекторовъ народныхъ училищъ. Губернское земское собраніе 1902 года ходатайствовало о томъ, чтобы на будущее время казенныя субсидіи выдавались земскимъ управамъ, причемъ сами управы въ такомъ случаѣ обязаны были отчетностью предъ контрольною палатой. Въ 1903 г. отъ министерства получился отвѣтъ, что вопросъ этотъ министерствомъ переданъ на заключеніе учебно-окружныхъ начальствъ.

Въ концѣ 1903 года въ коммиссіи по народному образованію Курскаго губернскаго земства въ присутствіи многихъ губернскихъ гласныхъ разсматривался докладъ члена коммиссіи Л. Н. Рутценъ „по вопросу о реформѣ средней школы" *).

Въ докладѣ развивалась та мысль, что въ настоящее время, когда въ области средней школы сдѣланы лишь нѣкоторыя частичныя преобразованія, положеніе средняго образованія едва ли не ухудшилось еще болѣе. Во всякомъ случаѣ оно никого не удовлетворяетъ: ни сторонниковъ, ни противниковъ реформы. Переходя къ вопросу о томъ, почему преобразованіе школы идетъ такъ туго и такъ отстаетъ отъ назрѣвшихъ потребностей, г-жа Рутценъ говоритъ, что объясненіе этого факта слѣдуетъ прежде всего искать въ томъ, что реформа обсуждается и проводится келейно и притомъ чисто канцелярскимъ путемъ. Для того же, чтобы дѣло было поставлено раціонально, необходимо привлечь къ участію въ немъ и по возможности больше спеціалистовъ, а также представителей земскихъ учрежденій, кото-

*) Мы приводимъ этотъ докладъ, такъ какъ онъ имѣетъ связь и съ начальнымъ народнымъ образованіемъ, какъ это будетъ видно изъ его содержанія.

рымъ и предоставить руководящую роль. Исходя изъ того факта, что Курское губернское земство не разъ выступало съ ходатайствами передъ правительствомъ о нуждахъ средняго образованія, и что въ настоящій моментъ, столь критическій въ судьбѣ русской школы, на губернскомъ земствѣ вновь лежитъ обязанность опредѣленно высказаться по этому вопросу и довести до свѣдѣнія правительства о настоящихъ нуждахъ въ этомъ дѣлѣ трехмилліоннаго населенія губерніи, котораго земство является представителемъ, г-жа Рутценъ закончила свой докладъ просьбой къ коммиссіи предложить губернскому собранію сдѣлать слѣдующія постановленія: 1) признать, что современное положеніе средней школы совершенно неудовлетворительно, что школа эта нуждается теперь же въ коренномъ преобразованіи согласно желаніямъ общества; 2) ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы проектъ реформы былъ выработанъ какъ спеціалистами въ лицѣ представителей, выбранныхъ отъ педагогическихъ совѣтовъ учебныхъ заведеній и отъ учебныхъ обществъ, такъ и представителями земскихъ учрежденій, въ частности представителями курскаго губернскаго земства; 3) довести до свѣдѣнія правительства нижеслѣдующія главнѣйшія положенія, могущія, по мнѣнію курскаго земства, служить основаніемъ реформы: I. Классическая школа утрачиваетъ свое привилегированное положеніе единственной полноправной системы образованія. II. Средняя школа должна быть общеобразовательная. III. Программа младшихъ классовъ всѣхъ учебныхъ заведеній одинакова и по возможности закончена; старшіе развѣтвляются на нѣсколько отдѣленій съ преобладаніемъ въ каждомъ той или иной отрасли знаній. Въ числѣ ихъ могутъ имѣть мѣсто въ соотвѣтствующемъ отдѣленіи и древніе языки. Частнымъ школамъ предоставлять право серьезнаго отступленія отъ общаго установленнаго типа. IV. Права всѣхъ отдѣленій школы на поступленіе въ высшія учебныя заведенія равны. V. Устанавливается непосредственная связь между низшею и среднею школой, причемъ городскія училища представляютъ изъ себя младшіе классы средней школы. VI. Школьный строй измѣняется: нравственное и матеріальное положеніе учителей улучшается. VII. Увеличивается значеніе педагогическихъ совѣтовъ и самостоятельность каждой школы. VIII. Весь учебный курсъ и все преподаваніе строится на принципахъ раціональной педагогики и ведется лицами, спеціально подготовленными. IX. Между школами и родителями устанавливается тѣсная связь. X. Представители общества имѣютъ вѣскій голосъ въ рѣшеніи школьныхъ вопросовъ какъ организаціонныхъ,—выбора типа учебнаго заведенія, педагогическаго персонала и т. д.,—такъ равно и учебно-воспитательныхъ.

Коммиссія единогласно приняла докладъ г-жи Рутценъ и внесла его въ губернское собраніе.

Закончимъ наши свѣдѣнія о губернскомъ земствѣ сообщеніемъ, что оно постановило въ 1903 г. ввести санитарную организацію во всей губерніи и увеличить жалованье всѣмъ учителямъ съ образовательнымъ цензомъ до 300 рублей.

Изъ уѣздныхъ земствъ Курской губерніи приведемъ нѣкоторыя данныя о суджанскомъ, старооскольскомъ, щигровскомъ и курскомъ уѣздныхъ земствахъ.

Суджанское земство издало отчетъ о дѣятельности земской публичной библіотеки, существующей при суджанской земской управѣ.

Интересна, между прочимъ, приложенная къ отчету статистическая табличка, дающая довольно любопытныя свѣдѣнія о числѣ подписчиковъ по профессіямъ, о количествѣ прочитанныхъ ими книгъ по каждому отдѣлу отдѣльно и проч. Для уѣзднаго города земская библіотека представляется довольно богатой книгами; всего имѣется свыше 6.000 томовъ, которые распредѣляются по отдѣламъ такъ: 1) богословія, философія, психологія, логика—136 томовъ; 2) педагогика, методика, школьное дѣло—68 т.; 3) беллетристика, исторія литературы, критика—1.966 т.; 4) исторія, географія, путешествія—381 т.; 5) естествовѣдѣніе—76 т.; 6) анатомія, физіологія, гигіена—28 т.; 7) прикладная математика—42 т.; 8) сельское хозяйство—40 т.; 9) общественно-юридическія науки—109 т.: 10) смѣсь и справочныя изданія—251 т. и 11) журналы—3.228. Въ отчетномъ году журналовъ было выписано 20, а именно: „Вѣстникъ Европы“, „Русское Богатство“, „Міръ Божій“, „Русская Мысль“, „Вѣстникъ иностранной литературы“, „Русская Старина“, „Историческій Вѣстникъ“, „Вѣстникъ Всемірной Исторіи“, „Русская Школа“, „Вѣстникъ Воспитанія“, „Образованіе“, „Русскій Начальный Учитель“, „Педагогическій Листокъ, „Вопросы Философіи и Психологіи“, „Научное Обозрѣніе“, „Народное Хозяйство“, „Всходы“, „Дѣтское Чтеніе“, „Юный Читатель“, „Природа и Люди“.

Въ теченіе года было выдано всего 5.934 книги, что составляло въ среднемъ по 26-ти книгъ на каждаго подписчика, изъ которыхъ 59%—безплатныхъ и 41%—платныхъ. Къ первымъ принадлежатъ земскіе учителя, учительницы, фельдшера, фельдшерицы. Изъ цыфровыхъ данныхъ отчета видно, что земскіе учителя и учительницы по прежнему преобладаютъ среди читателей надъ прочими профессіями подписчиковъ.

Старооскольское земское собраніе въ 1903 году ходатайствовало предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ увеличеніи за счетъ казны содержанія законоучителей земскихъ школъ и испра-

шивало на это увеличеніе ежегоднаго пособія въ 3.225 руб. Въ 1903 г. былъ полученъ отвѣтъ, что ходатайство старооскольскаго земства отклонено какъ за ограниченностью кредита, отпущеннаго въ названномъ году министерствомъ въ распоряженіе харьковскаго учебнаго окружнаго начальства, такъ и въ виду значительности суммы (3.225 руб.), потребной на указанный въ ходатайствѣ предметъ для одного только уѣзда харьковскаго учебнаго округа, въ составъ котораго входятъ пять губерній съ 61-мъ уѣздомъ и одна область съ 9-ю округами.

Постановленіемъ уѣзднаго старооскольскаго земскаго собранія 1903 г. содержаніе народныхъ школъ въ уѣздѣ принято на полный счетъ земства, на что ассигновано пока 4.000 руб. Постановлено ходатайствовать передъ губернскимъ земствомъ объ увеличеніи ассигновки на школьное строительство.

Въ 1903 году выдано безвозвратно обществамъ пособія на постройку школъ 17.800 руб.

Щигровское земское собраніе постановило ходатайствовать предъ правительствомъ о предоставленіи земскимъ гласнымъ права посѣщать въ году и во время экзаменовъ церковно-приходскія школы и школы грамоты. Въ виду неудовлетворительности преподаванія закона Божія земское собраніе постановило просить разрѣшенія земскимъ учителямъ преподавать въ школахъ Законъ Божій.

Въ щигровскую управу поступило интересное предложеніе по вопросу о содѣйствіи земства церковнымъ библіотекамъ.

Щигровская управа ходатайствовала передъ курскимъ губернаторомъ о разрѣшеніи открыть двѣ читальни въ селахъ Змѣницѣ и Гуровѣ и представила въ качествѣ наблюдателей за читальнями мѣстныхъ священниковъ. На это ходатайство губернаторъ сообщилъ управѣ, что мѣстные священники по многочисленности возложенныхъ на нихъ обязанностей не могутъ принять на себя наблюденіе за предположенными читальнями; имѣя же въ виду, что при церквахъ селъ Змѣница и Гурова существуютъ уже церковныя библіотеки, губернаторъ предложилъ управѣ, не признаетъ ли она болѣе цѣлесообразнымъ присоединить открываемыя земствомъ библіотеки къ библіотекамъ церковнымъ подъ завѣдываніемъ членовъ причта.

Курскимъ уѣзднымъ земствомъ въ зиму 1902 г. былъ сдѣланъ первый опытъ распространенія въ народѣ книгъ чрезъ посредство книгоноши.

Новизна дѣла, отсутствіе книжнаго склада и другія неблагопріятныя условія сдѣлали то, что первые мѣсяцы торговли дали далеко не блестящіе результаты. Но все-таки въ теченіе этихъ мѣсяцевъ книгоноша продалъ 3.847 книгъ, стоимостью отъ 1 коп. до

40 к.; въ томъ числѣ повѣсти, разсказы и другія беллетристическія произведенія составляли 84%; кромѣ того картинъ продано приблизительно на 20 руб. Всего продано книгъ и картинъ на 127 руб. Уѣздное земское собраніе, справедливо придавая огромное значеніе дѣлу распространенія хорошей книги среди сельскаго населенія, постановило и въ 1903 году продолжать торговлю книгоноши. На устройство народныхъ чтеній въ уѣздѣ собраніе ассигновало 500 р.

Переходя къ *Воронежской* губерніи, начнемъ съ того, что воронежское экстренное губернское земское собраніе постановило возбудить ходатайство объ уничтоженіи правила о разграниченіи полвъ на урокахъ для взрослыхъ, о расширеніи программъ, о независимости закрытія занятій отъ одного лица — инспектора, объ отмѣнѣ требованія о прiисканіи двухъ лицъ для завѣдыванія библіотеками-читальнями въ виду затруднительности прiисканія этихъ лицъ, о расширеніи каталоговъ для читаленъ въ томъ смыслѣ, чтобы указывались лишь запрещаемыя книги. Собраніе поручило губернской управѣ разработать вопросъ объ отмѣнѣ фиксаціи земскаго обложенія съ тѣмъ, чтобы вопросъ былъ вначалѣ разсмотрѣнъ очередными уѣздными собраніями, а затѣмъ докладъ былъ представленъ очередному губернскому собранію. Кромѣ того поручено было тому-же собранію представить „о пересмотрѣ въ полномъ объемѣ и взаимной связи всѣхъ мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня учителей".

Во время педагогическихъ курсовъ, бывшихъ въ Воронежѣ въ 1903 г., происходили, между прочимъ, совѣщанія учащихъ въ народныхъ школахъ относительно различныхъ нуждъ и запросовъ народнаго образованія.

Вопросы, подлежавшіе обсужденію на совѣщаніяхъ, были слѣдующіе: 1) о введеніи четырехгодичнаго курса въ народной школѣ; 2) о большей продуктивности занятій въ воскресныхъ школахъ; 3) о школьныхъ и ученическихъ библіотекахъ и 4) объ упорядоченіи и большей систематизаціи дѣла веденія народныхъ чтеній, какъ оно существуетъ въ настоящее время въ губерніи. По этимъ вопросамъ учащимися представлены были обстоятельные и мотивированные доклады.

По первому вопросу они высказались о желательности введенія въ курсъ народной школы 4-го года, но съ тѣмъ, чтобы этотъ годъ не былъ обязателенъ для всѣхъ учащихся, а предоставленъ на свободное усмотрѣніе ихъ; какъ показываетъ практика, и теперь уже при трехгодичномъ курсѣ, находятся изъ учащихся желающіе посѣщать школу по окончаніи курса. Если же сдѣлать обязательнымъ посѣщеніе школы на 4-й годъ, то это, пожалуй, послужитъ въ яв-

ный ущербъ земскимъ школамъ; родители учащихся будутъ тогда отдавать ихъ въ церковно-приходскія школы, гдѣ курсъ ученія трехгодичный. По вопросу о постановкѣ дѣла народныхъ чтеній по селамъ и деревнямъ высказано было пожеланіе, чтобы каждая школа непремѣнно имѣла свой волшебный фонарь и коллекцію свѣтовыхъ картинъ, періодически освѣжаемыхъ и пополняемыхъ; чтобы въ каждомъ уѣздномъ городѣ было открыто филіальное отдѣленіе коммиссіи народныхъ чтеній; чтобы ученическія чтенія производились отдѣльно отъ чтеній для взрослыхъ; чтобы чтеніямъ предпосылалось сжатое изложеніе имѣющей быть прочитанной статьи и принимались въ соображеніе лекторскія способности учащаго.

По поводу ходатайства воронежскаго губернскаго земскаго собранія объ устройствѣ для учителей народныхъ школъ Воронежской губ. общеобразовательныхъ курсовъ министерство народнаго просвѣщенія увѣдомило, что особый отдѣлъ ученаго комитета министерства, на разсмотрѣніе коего былъ переданъ настоящій вопросъ, полагалъ возможнымъ удовлетворить означенное ходатайство съ тѣмъ, чтобы были приняты во вниманіе слѣдующія соображенія.

Общеобразовательные курсы не должны быть соединяемы съ курсами спеціально-педагогическими, потому что достиженіе двухъ цѣлей на однихъ и тѣхъ же курсахъ представляется весьма затруднительнымъ. Выборъ учителей для курсовъ зависитъ отъ директора или инспектора народныхъ училищъ, отъ которыхъ исходитъ и предложеніе объ открытіи общеобразовательныхъ курсовъ въ той или другой мѣстности. Такія предложенія вносятся на обсужденіе въ училищные совѣты, которые изыскиваютъ потребныя для курсовъ средства, входятъ для сего въ сношенія какъ съ земскими и городскими общественными учрежденіями, такъ и съ частными лицами. Вмѣстѣ съ этимъ слѣдовало бы представить земству, а также и другимъ общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ заявлять директору о своемъ желаніи устроить курсы съ принятіемъ на себя потребныхъ для сего расходовъ. Разрѣшеніе общеобразовательныхъ курсовъ принадлежитъ власти попечителя округа по сношеніи съ мѣстною губернскою властью. Руководители курсовъ приглашаются учрежденіями и лицами, предоставляющими средства для курсовъ, но не иначе какъ по соглашенію съ директоромъ народныхъ училищъ, который и представляетъ ихъ къ утвержденію попечителя округа по предварительномъ собраніи о нихъ всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній. Наблюдателемъ курсовъ назначается попечителемъ округа директоръ народныхъ училищъ или другое лицо учебнаго вѣдомства. На общеобразовательныхъ курсахъ число учителей-слушателей курсовъ опредѣляется сообразно мѣстнымъ условіямъ попе-

чителемъ округа по сношенію съ мѣстною губернскою властью. Курсы эти предназначаются для учителей и во всякомъ случаѣ не должны быть публичными. Вмѣстѣ съ тѣмъ ученый комитетъ открытіе упомянутыхъ курсовъ полагалъ возможнымъ при непремѣнномъ условіи соблюденія требованій, установленныхъ ученымъ комитетомъ въ отношеніи другихъ уже разрѣшенныхъ общеобразовательныхъ курсовъ для учителей, а именно: а) чтобы на эти курсы были допущены только тѣ учителя, кои получили спеціальное образованіе или прошли среднее учебное заведеніе, б) чтобы программы курсовъ были утверждены попечителемъ учебнаго округа. Съ таковымъ мнѣніемъ ученаго комитета по настоящему дѣлу согласился министръ народнаго просвѣщенія, но съ тѣмъ, чтобы программы курсовъ были предварительно представлены въ министерство.

Очевидно, что при условіяхъ, какія создало министерство народнаго просвѣщенія для общеобразовательныхъ курсовъ, послѣдніе теряютъ всякій смыслъ, и уже, во всякомъ случаѣ, закрытые курсы эти „общеобразовательными" никоимъ образомъ быть не могутъ.

Изъ уѣздныхъ земствъ Воронежской губерніи *Воронежское* уѣздное земское собраніе постановило:

Выразить благодарность извѣстному педагогу Н. Ѳ. Бунакову за его 19-ти лѣтнюю плодотворную педагогическую дѣятельность въ предѣлахъ Воронежскаго уѣзда, открыть въ селѣ Петинѣ земскую школу взамѣнъ существовавшей здѣсь школы Н. Ѳ. Бунакова (въ настоящее время закрытой) и ходатайствовать о наименованіи этой школы имени Н. Ѳ. Бунакова. Кромѣ того собраніе постановило снестись по телеграфу съ Н. Ѳ. Бунаковымъ относительно пріобрѣтенія въ собственность земства выстроеннаго имъ въ Петинѣ зданія для школы, театра, библіотеки и проч. Прекрасное зданіе это, выстроенное Н. Ѳ. Бунаковымъ всего годъ тому назадъ и стоившее ему около 17-ти тыс. рублей, стоитъ наглухо заколоченное, и если земство не пріобрѣтетъ его, то придется продать его на сносъ, такъ какъ оно выстроено спеціально для разныхъ просвѣтительныхъ учрежденій и совершенно непригодно въ деревнѣ для какихъ бы то ни было хозяйственныхъ цѣлей. Владѣлецъ же его и строитель Н. Ѳ. Бунаковъ, не имѣя возможности продолжать свою просвѣтительную дѣятельность, вынужденъ былъ продать свое имѣніе и переѣхалъ на жительство въ гор. Острогожскъ. При петинской школѣ г. Бунакова была собрана имъ въ теченіе многихъ лѣтъ богатѣйшая коллекція учебныхъ пособій. Коллекцію эту г. Бунаковъ намѣревался принести въ даръ Воронежскому земству, о чемъ и довелъ до свѣдѣнія уѣздной и губернской управъ. Уѣздная управа отнеслась къ этому предложенію весьма уклончиво, а губернская „за-

была" о немъ и вспомнила лишь тогда, когда коллекція эта была уже отправлена по частямъ въ другія губерніи по просьбѣ другихъ земствъ. Такимъ образомъ, благодаря чрезмѣрной сдержанности и осторожности управъ наша губернія лишилась весьма богатой и цѣнной коллекціи учебныхъ пособій.

Бобровское уѣздное земское собраніе въ 1903 году подтвердило постановленіе 1902 года объ осуществленіи всеобщаго обученія въ уѣздѣ ко дню пятидесятилѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Какъ видно изъ одобреннаго собраніемъ доклада завѣдующаго хозяйственною частью земскихъ школъ Г. С. Матвѣева, для осуществленія всеобщаго обученія нужно открыть еще 117 новыхъ школъ, постройка которыхъ вычислена въ 319 тыс. руб. Земское собраніе указало на слѣдующіе источники, изъ которыхъ предполагается почерпнуть эти средства: 1) губернское земство уже рѣшило выдать уѣзду въ безвозвратное пособіе на постройку школъ 72 тыс. руб. и 2) уѣздное земство ассигновало на постройку школъ за свой счетъ 55.500 руб. Такимъ образомъ, въ распоряженіи уѣзднаго земства будетъ 127.500 руб., а недостаточную сумму 191.500 р. земское собраніе рѣшило просить у правительства, причемъ собраніе высказалось, что теперь, съ введеніемъ винной монополіи, сельскія общества Бобровскаго уѣзда лишились ежегоднаго дохода въ размѣрѣ 120.000 р., которые получались ими ранѣе за право разрѣшенія питейной торговли въ чертѣ крестьянской осѣдлости и которые тратились на общественныя нужды. Кромѣ того земское собраніе высказалось за повышеніе цѣны ведра казеннаго вина на 40 коп. съ тѣмъ, чтобы этотъ налогъ поступалъ въ земство на постройку и содержаніе школъ. Но если бы правительство не удовлетворило подобнаго ходатайства земское собраніе постановило въ ближайшемъ будущемъ обсудить вопросъ о заключеніи долгосрочнаго займа на постройку школъ. Сверхъ того Бобровское земство съ 1898 года ежегодно выдаетъ сельскимъ обществамъ ссуды на постройку школьныхъ зданій. Требованія со стороны крестьянъ на эти ссуды съ каждымъ годомъ увеличиваются, и платежи по этимъ ссудамъ поступаютъ отъ крестьянъ весьма исправно. Сверхъ 80-ти народныхъ библіотекъ, существующихъ при школахъ, земское собраніе рѣшило открыть еще пять библіотекъ и на пополненіе всѣхъ этихъ библіотекъ ассигновало 1.125 р. Далѣе, земское собраніе нашло необходимымъ учредить постоянную коммиссію по народному образованію, въ составъ которой, кромѣ управы, избраны восемь гласныхъ, причемъ предсѣдателю, избираемому самою коммиссіей, предоставлено право приглашать въ составъ коммиссіи и другихъ лицъ.

Заслуживаетъ также вниманія забота земства объ улучшеніи быта учащихъ. Въ 1902 г. земское собраніе повысило жалованье и ввело періодическія прибавки учительскому персоналу, благодаря чему въ текущемъ году кандидатами на освободившіяся учительскія мѣста явились лица съ болѣе высокимъ образовательнымъ цензомъ, а въ 1903 г. собраніе рѣшило вносить за всѣхъ учителей, получающихъ въ годъ не болѣе 300 р. (такихъ учителей въ уѣздѣ 123 чел.), 3-хъ рублевый членскій взносъ въ общество взаимопомощи лицъ, служащихъ въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ Воронежской губ. По смѣтѣ на 1904 г. на народное образованіе назначено 75 тыс. руб. при общей смѣтѣ въ 294 тыс. р.

Наконецъ, *Коротоякское* земское собраніе постановило ходатайствовать о разрѣшеніи земству торговли книгами въ уѣздѣ и на ярмаркахъ.

Обозрѣніе *Орловской* губерніи мы начнемъ съ распоряженія тамошняго епархіальнаго начальства. Желая изолировать церковно-приходскую школу и придать ей узкій духовный характеръ въ прямой ущербъ просвѣтительнаго значенія, орловское епархіальное начальство распорядилось, вопреки закону, чтобы учительницами церковно-приходскихъ школъ впредь не назначались окончившія курсъ гимназій, а исключительро воспитанницы епархіальнаго училища.

Мы сказали, что эта энциклика противорѣчитъ закону. И въ самомъ дѣлѣ, существуетъ Высочайше утвержденное 1-го апрѣля 1902 г. „Положеніе“ о церковныхъ школахъ вѣдомства православнаго исповѣданія, а въ этомъ „Положеніи“ говорится: „учащіе въ церковно-приходскихъ школахъ избираются изъ лицъ. имѣющихъ свидѣтельство на званіе учителя и учительницы начальныхъ училищъ или окончившихъ курсъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній“. Здѣсь, какъ видно, не только не дается преимуществъ епархіальнымъ училищамъ, но вовсе о нихъ и не упоминается.

Въ 1902 году Орловскимъ губернскимъ земствомъ было возбуждено передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайство: 1) чтобы въ школьныя библіотеки были допущены всѣ книги, не запрещенныя ученымъ комитетомъ для народныхъ библіотекъ; 2) чтобы въ учительскія библіотеки были разрѣшены всѣ книги, не запрещенныя для публичныхъ библіотекъ, 3) чтобы при библіотекахъ сельскихъ школъ было разрѣшено образовать особые отдѣлы для взрослыхъ въ библіотекахъ.

По первымъ двумъ пунктамъ министерство отклонило ходатайство, по третьему же пункту разъяснило, что на образованіе при библіотекахъ для сельскихъ школъ особыхъ отдѣловъ для взрослыхъ

по каталогу книгъ, допускаемыхъ въ иародныхъ библіотекахъ, земство имѣетъ уже право въ силу изданныхъ циркуляровъ.

Отъ директора народныхъ училищъ Орлов. губ. Орловскою губернскою земской управой въ 1903 г. былъ полученъ запросъ по поводу возбужденнаго однимъ изъ губернскихъ земствъ вопроса объ образованіи министерствомъ народнаго просвѣщенія фонда для выдачи ссудъ земствамъ и городамъ на постройку зданій начальныхъ училищъ на льготныхъ условіяхъ.

Вслѣдствіе этого министерство народнаго просвѣщенія просило начальство московскаго учебнаго округа, къ которому принадлежитъ и Орлов. губ., сообщить заключенія и свѣдѣнія по слѣдующимъ вопросамъ: 1) представляется ли желательнымъ образованіе подобнаго фонда; 2) изъ какихъ источниковъ, кромѣ казны, можетъ быть образованъ этотъ фондъ; 3) кому, на какой срокъ и на какихъ основаніяхъ могутъ быть выдаваемы ссуды изъ предполагаемаго фонда, и 4) въ какомъ размѣрѣ потребуются означенныя ссуды для нуждъ московскаго учебнаго округа. Приведенные вопросы попечитель московскаго учебнаго округа просилъ директора народныхъ училищъ внести на заключеніе губернскихъ училищныхъ совѣтовъ и губернскаго земства и представить начальству московскаго учебнаго округа требуемыя цыфровыя данныя въ сводахъ по губерніи. Въ виду этого г. директоръ просилъ земскую управу сообщить свое заключеніе по вышеприведеннымъ вопросамъ и цыфровыя данныя отдѣльно по уѣздамъ Орловской губ.

Губернское земское собраніе по этому поводу постановило ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, 1) чтобы суммы, ассигнуемыя въ распоряженіе попечителя округа на нужды начальныхъ школъ, въ виду полной случайности настоящаго ихъ распредѣленія, впредь ассигновывались при участіи губернскихъ и уѣздныхъ земствъ; 2) выдача субсидіи не должна ничѣмъ ограничивать учредительскихъ правъ земства.

Чтобы не возвращаться болѣе къ Орловскому губернскому собранію, сообщимъ здѣсь и о другихъ его постановленіяхъ. Оно, между прочимъ, ходатайствовало о предоставленіи проектируемому обществу взаимопощи учителямъ и учительницамъ школъ права открытія филіальныхъ отдѣленій въ губерніи.

Рѣшили устроить въ 1904 году временные педагогическіе курсы въ Брянскѣ и ходатайствовать объ оказаніи правительствомъ субсидіи на школьныя нужды земствамъ: елецкому—въ 42.000 руб., ливенскому—въ 20.000 руб.

По докладамъ А. А. Стаховича собраніе единогласно постановило ходатайствовать о закрытіи, въ виду вреда въ педагоги-

ческомъ отношеніи, сберегательныхъ кассъ при начальныхъ училищахъ.

Вышеизложенное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія обсуждалось въ 1903 году орловскимъ и ливенскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Изъ нихъ *Орловское*, принявъ во вниманіе, что однимъ изъ главныхъ условій такого субсидированія является ограниченіе права земства выбирать преподавателей въ субсидируемыя училища, высказалось противъ принятія предложенія министерства.

Ливенское тоже признало невозможнымъ принять субсидію на предлагаемыхъ министерствомъ условіяхъ и единогласно постановило ходатайствовать предъ министерствомъ о выдачѣ пособія въ размѣрѣ 41.447 р. на школьныя нужды, указанныя въ циркулярѣ министерства, но безъ ограниченія правъ училищнаго совѣта.

Изъ всѣхъ земствъ Орловской губерніи, включая и губернское, къ слову сказать, очень отставшее отъ другихъ губернскихъ земствъ въ дѣлѣ народнаго образованія, наибольшую энергію въ просвѣщеніи населенія проявляетъ *елецкое* уѣздное земство, причемъ выдающимся дѣятелемъ въ этой сферѣ является тамъ уѣздный предводитель дворянства А. А. Стаховичъ. Его энергія и искренняя преданность дѣлу народнаго образованія сдѣлали многое для названнаго уѣзда.

Въ 1903 году уѣздный училищный совѣтъ, по докладу предсѣдателя А. А. Стаховича „О выборѣ учебниковъ для начальныхъ школъ Елецкаго уѣзда“, рѣшилъ: 1) просить земскую управу совмѣстно съ совѣщательнымъ при ней органомъ по народному образованію и съ инспекторомъ народнаго училища обсудить и намѣтить лучшіе учебники, желательные для выписки на предстоящій учебный годъ; 2) въ виду громадныхъ недостатковъ книги „Наше родное“ прекратить выписку этого учебника, дабы постепенно вывести его изъ употребленія въ школахъ Елецкаго уѣзда.

Первое свое предложеніе докладчикъ основывалъ на циркулярѣ министерства народнаго просвѣщенія 25-го іюня 1886 г., предоставляющемъ земствамъ посылать въ свои училища непосредственно отъ себя книги и пособія изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Кромѣ того докладчикъ указывалъ на крайнюю желательность того, чтобы учащіе, какъ непосредственные работники, примѣняющіе учебники въ школахъ, имѣли голосъ и въ выборѣ ихъ.

Второе предложеніе,—о прекращеніи дальнѣйшей выписки „Нашего родного“,—основано на крайней неудовлетворительности этой книги, давно уже установленной педагогической критикой.

Въ связи съ этимъ докладомъ мы приведемъ здѣсь и статью А. А. Стаховича,—помѣщенную въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ"—о земскихъ цѣляхъ въ Елецкомъ уѣздѣ, имѣющую большое значеніе.

Вотъ ея содержаніе:

„Потребность народа въ чтеніи удовлетворяется преимущественно такъ называемою лубочною литературой. Это—фактъ общеизвѣственый. Точно также едва ли есть надобность доказывать, что преподносимая лубочниками народу умственная пища не отличается доброкачественнымъ содержаніемъ. Поэтому необходимо бороться самыми рѣшительными мѣрами съ распространіемъ въ деревнѣ изданій Губанова, Шарапова, Прѣснова, Бриллiантова и др.

„Для этого, разумѣется, надо прежде всего противопоставить обращающейся среди сельскаго населенія книжкѣ лубочнаго типа книгу иного рода, дешевую и отвѣчающую здоровымъ духовнымъ запросамъ читателя изъ народа. Здѣсь самъ собой возникаетъ вопросъ о томъ, есть ли на-лицо такая книга. Но мы не будемъ сейчасъ останавливаться на этомъ вопросѣ. Цѣль нашей статьи—показать, что и при настоящихъ условіяхъ есть полная возможность открыть хорошей книгѣ дорогу въ среду сельскаго населенія.

„Какъ извѣстно, книга идетъ въ народъ главнымъ образомъ двумя путями: черезъ библіотеки и черезъ продажу.

„Первый способъ,—конечно, весьма желательный,—распространенія литературныхъ произведеній въ деревнѣ очень дорогъ, такъ какъ для достиженія замѣтныхъ результатовъ потребуетъ учрежденія весьма значительнаго числа этихъ библіотекъ, и кромѣ того онъ не можетъ быть использованъ широко, такъ какъ въ силу дѣйствующихъ нынѣ правилъ о безплатныхъ библіотекахъ далеко не всякая хорошая книга находитъ себѣ мѣсто въ народной библіотекѣ (спец. каталогъ для библіотекъ-читаленъ).

„Въ болѣе выгодныхъ условіяхъ находится развивающаяся изъ года въ годъ продажа книгъ земствами, и на усиленіе ихъ дѣятельности слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе. Было бы весьма желательно, чтобы земства открывали филіальныя отдѣленія книжныхъ складовъ въ уѣздахъ. Эта мѣра, несомнѣнно, приблизитъ хорошую книгу къ народу. Но она далеко не исчерпываетъ еще всего того, что можетъ и должно быть сдѣлано при настоящихъ условіяхъ.

„Практика лубочныхъ издателей ясно показываетъ, что однимъ изъ лучшихъ способовъ распространенія въ деревнѣ литературныхъ произведеній является розничная продажа книгъ такъ называемыми офенями. Примѣру лубочниковъ послѣдовали нѣкоторыя земства и, конечно, достигли, сравнительно, блестящихъ результатовъ. Земства эти слѣдующія: саратовское губернское, вятское, пермское, новоузенское, курское уѣздное, елецкое и нѣкоторыя другія. Но большинство земствъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣетъ своихъ офеней. Объясняется это тѣмъ, вѣроятно, что многія земства считаютъ разносную торговлю книгами черезъ офеней мѣрой и дорогой, и не вполнѣ оправдывающей своими результатами тѣхъ издержекъ, съ которыми сопряжено примѣненіе ея на практикѣ. Такой пессимистическій взглядъ нельзя не признать ошибочнымъ, основаннымъ на недостаточно полномъ знакомствѣ съ самою постановкой этого дѣла.

„Чтобы разсѣять сомнѣнія въ цѣлесообразности разносной торговли

книгами черезъ офеней, я позволю себѣ сослаться на опытъ елецкаго земскаго книжнаго склада, который уже въ теченіе $3^1/_2$ лѣтъ пускаетъ въ обращеніе книги черезъ своихъ офеней.

„Прежде всего мѣра эта не дорога и большихъ затратъ со стороны земства не требуетъ.

„Въ 1901 года офени нанимались елецкимъ складомъ на слѣдующихъ условіяхъ: имъ отпускался товаръ въ кредитъ (до 50 руб.) по пониженнымъ цѣнамъ, съ сохраненіемъ въ пользу склада сверхъ оплаты за провозъ 2—5% прибыли; продавать они могли по самостоятельно назначаемымъ цѣнамъ и брать всю прибыль въ свою пользу; сверхъ того складъ приплачивалъ имъ отъ 5 до 10 р. въ мѣсяцъ. На такихъ условіяхъ складомъ нанято было въ разное время четверо офеней. Работали они отъ двухъ до пяти мѣсяцевъ, съ ноября 1901 года и до апрѣля 1902 г. За весь этотъ періодъ времени земству пришлось заплатить имъ въ видѣ жалованья 158 р. 67 коп. Съ сентября 1902 года было нанято всего двое офеней и притомъ на нѣсколько измѣненныхъ условіяхъ. Теперь они уже получаютъ отъ склада 15 р. въ мѣсяцъ и 10 коп. съ каждаго вырученнаго рубля, но товаръ берутъ изъ склада безъ всякой уступки съ розничныхъ цѣнъ, какъ это дѣлалось раньше, и обязаны продавать его по цѣнамъ, выставленнымъ на книгахъ самимъ складомъ. Нанятые на такихъ условіяхъ двое офеней работали: одинъ—съ сентября 1902 г. до мая 1903 г., другой—съ сентября 1902 г. до апрѣля 1903 г. Въ видѣ жалованья складъ уплатилъ имъ за это время около 260 р. Сумма небольшая. Что касается процентовъ съ вырученной суммы, которые складъ обязанъ отчислять въ пользу офеней, то они, во первыхъ, не достигаютъ крупныхъ размѣровъ, а во-вторыхъ, не могутъ идти въ счетъ издержекъ земства, такъ какъ отчисленія эти дѣлаются изъ прибылей склада.

„Изъ сказаннаго ясно, что содержаніе офеней не такъ ужъ дорого обходится.

„Насколько же цѣлесообразна продажа книгъ черезъ офеней, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ теченіе осени 1901 г. и зимы 1902 г. четыре офеней продали 2.958 книгъ на 68 руб. $49^1/_2$ к., 3.089 картинъ на 83 р. 43 к. и прочаго товара на 67 р. $66^1/_2$ к., всего, слѣдовательно, на 219 р. 59 к. Въ теченіе осени 1902 г. и зимы 1903 г. выручка офеней значительно возросла. Ими было продано 2.666 книгъ на 173 р. $46^1/_2$ к., 2.775 картинъ на 116 р. $93^1/_2$ к. и прочаго товара на 40 р. 49 к., всего—на 330 р. 89 к., больше, чѣмъ за предыдущій періодъ на 111 р. 30 к., или на 50,7%.

Книгъ на этотъ разъ продано меньше, чѣмъ въ предшествующіе годы; зато валовая выручка за книги увеличилась на 104 р. 97 к., что свидѣтельствуетъ о томъ, что офенями продавались книги болѣе дорогія и, слѣдовательно, болѣе соотвѣтствующія своему просвѣтительному назначенію.

„Въ наступившую нынѣ сессію очередныхъ собраній губернскія земства, навѣрное, удѣлятъ достаточно вниманія какъ вопросамъ народнаго начальнаго образованія вообще, такъ и вопросамъ о наиболѣе цѣлесообразныхъ способахъ распространенія хорошихъ книгъ въ народѣ въ частности.

„Удѣляя такъ много вниманія дѣлу народнаго образованія, затрачивая крупную часть своихъ бюджетовъ, огромныя суммы на удовлетвореніе этой насущнѣйшей народной нужды, выпуская изъ своихъ школъ ежегодно

многія сотни тысячъ грамотныхъ, земства не могутъ равнодушно относиться къ тому, что будутъ читать питомцы его школъ, на что послужитъ пріобрѣтенная ими грамота. Изучивъ довольно обстоятельно вопросъ о борьбѣ съ лубочною литературой, могу убѣжденно удостовѣрить, что пока большинство земствъ не обзаведется собственными книгоношами, немного „хорошихъ“ книгъ будетъ доходить до народа; духовную пищу ему будегъ продолжать доставлять главнымъ образомъ тотъ же лубокъ—произведенія „подворотныхъ“ писателей. Земства встрѣчаютъ, правда, не мало затрудненій, иногда непреодолимыхъ препятствій при учрежденіи земскихъ книгоношъ. Мало ли вообще во всѣхъ отрасляхъ своей дѣятельности приходится земству встрѣчать затрудненій, препятствій. Это не должно ихъ обезкураживать. При извѣстной настойчивости можно устранить, разъяснить всякое недоразумѣніе. Иначе же, какъ недоразумѣніями, нельзя объяснить творимыя земству препоны при посылкахъ въ уѣзды книгоношъ“.

Сообщимъ еще объ одномъ интересномъ елецкомъ начинаніи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ по инипіативѣ и на средства частныхъ лицъ, преимущественно учащихъ въ начальныхъ школъ, возникъ при елецкой земской управѣ музей естественно-научный и наглядныхъ пособій. При субсидіяхъ уѣзднаго и губернскаго земства это симпатичное учрежденіе постепенно развивалось.

Въ 1903 году елецкій комитетъ попечительства о народной трезвости, руководствуясь указаніями министерства финансовъ, отпустилъ въ распоряженіе этого музея субсидію въ 600 руб., на которую были пріобрѣтены недостающій инвентарь и нѣсколько коллекцій и препаратовъ по ботаникѣ и біологіи; вмѣстѣ съ тѣмъ по инипіативѣ своего предсѣдателя, предводителя дворянства А. А. Стаховича, комитетъ просилъ своего члена г. Кестнера, преподавателя естественныхъ наукъ въ гимназіи, сдѣлать въ теченіе зимняго сезона рядъ систематическихъ демонстрацій и разъясненій приборовъ и коллекцій музея для болѣе сознательнаго и умѣлаго использованія музея учащими и завѣдующими библіотеками-читальнями при чайныхъ попечительствахъ. Это являлось особо желательнымъ потому еще, что на бывшихъ въ 1903 году земскихъ общеобразовательныхъ курсахъ въ Ельцѣ учащіе пріобрѣли нѣкоторыя элементарныя познанія по физикѣ, химіи и біологіи. Существенно важно было закрѣпить эти познанія практическими занятіями и бесѣдами. Первая демонстрація происходила въ залѣ земскаго дома. О ней были извѣщены всѣ завѣдующіе чайными и библіотеками-читальнями при нихъ комитета о народной трезвости (въ городѣ и уѣздѣ ихъ около 70) и нѣсколько учащихъ. Большинство завѣдующихъ чайными—учащіе въ начальныхъ училищахъ. Демонстрація и бесѣда прошли очень оживленно; слушали (приблизительно 60 человѣкъ) г. Кестнера съ захватывающимъ интересомъ. Но къ концу бесѣды явился инспекторъ народныхъ училищъ и объявилъ предсѣдателю комитета, что онъ

считаетъ эту бесѣду „незаконнымъ съѣздомъ учителей“, о чемъ онъ донесетъ своему начальству, которое, по всей вѣроятности, приметъ мѣры, чтобы подобные „съѣзды“ не повторялись. Очевидно, возникнетъ переписка и, по всей вѣроятности, пререканіе двухъ вѣдомствъ— (финансовъ и народнаго просвѣщенія); тѣмъ временемъ, къ сожалѣнію, по всей вѣроятности, прекратится весьма полезное начинаніе комитета.

Любой европеецъ не понялъ бы поведенія г. инспектора народныхъ училищъ. Пришелъ и закрылъ. Зачѣмъ? Почему? Вѣроятно потому же, почему Мымрецовъ Глѣба Успенскаго считалъ необходимымъ всѣхъ „держать и не допущать“...

А вотъ и еще „недопущеніе“, хотя уже другого вѣдомства, о которомъ мы говорили уже въ началѣ обзора Орловской губерніи.

На ходатайство *Брянскаго* уѣзднаго училищнаго совѣта о допущеніи сельскихъ учителей и учительницъ къ преподаванію Закона Божія въ земскихъ училищахъ взамѣнъ тѣхъ священниковъ, которые обременены различными требами и рѣдко посѣщаютъ школу, въ 1903 г. было получено „отношеніе“ орловскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, коимъ разрѣшается инспектору народныхъ училищъ назначать учительницъ изъ окончившихъ епархіальное училище. Непризнаніе таковаго за учителями и учительницами, окончившими курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ и гимназіяхъ, орловскій епархіальный училищный совѣтъ мотивируетъ тѣмъ, что учительницы епархіи болѣе всѣхъ подготовлены къ этой миссіи.

Относительно *Тамбовской* губерніи у насъ имѣются данныя объ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ *тамбовскомъ* н *моршанскомъ*.

Въ *Тамбовскомъ* уѣздѣ содержаніе земскихъ школъ, зданія которыхъ выстроены сельскими обществами на ссуду отъ земства, лежало на обязанности этихъ обществъ, на что расходъ достигалъ отъ 540 р. до 700 р. по каждой школѣ.

Расходъ этотъ считался сельскими обществами слишкомъ обременительнымъ, послѣдствіемъ чего явилась пріостановка въ требованіи ссудъ на постройку школьныхъ зданій. Въ виду этого уѣздное земское собраніе рѣшило съ 1903 года содержаніе школъ, выстроенныхъ на ссуды, принять на земскій счетъ. Результатомъ этой мѣры явилось со стороны сельскихъ обществъ усиленное требованіе ссудъ на постройку школъ. По 1-е января 1904 г. заявлено ходатайство о ссудѣ на 51.600 р. для постройки 14-ти школъ. До этого времени ежегодный размѣръ ссудъ не превышалъ 10.000 рублей, и въ уѣздномъ земствѣ за два послѣдніе года осталось 18.000 руб. изъ ассигнованныхъ на этотъ предметъ. Для удовлетворенія поступившихъ ходатайствъ, кромѣ средствъ уѣзднаго земства, испраши-

вается губернскою управой разрѣшеніе на позаимствованіе 20.000 руб. изъ запаснаго страховаго капитала.

Моршанское земское собраніе постановило произвести повѣрочныя испытанія новобранцевъ, получившихъ изъ начальныхъ народныхъ училищъ свидѣтельства объ окончаніи курса.

Испытанію подвергнуто 125 новобранцевъ, изъ коихъ только незначительный процентъ падаетъ на лицъ, обучавшихся въ городскомъ 3-хъ-классномъ, реальномъ и частныхъ училищахъ, остальные же всѣ вышли изъ земскихъ и церковно-приходскихъ школъ. Знаніе новобранцевъ по Закону Божію почти исключительно ограничивается общеупотребительными молитвами и отчасти символомъ вѣры. Причина коренится, повидимому, въ томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что занятія по Закону Божію не регулярны вслѣдствіе пастырскихъ обязанностей оо. законоучителей. Испытаніе по церковнославянскому чтенію дало совершенно безнадежные результаты. Если и были рѣдкіе случаи бойкаго чтенія, то они все-таки сопровождались полнымъ отсутствіемъ сознательности и разумѣнія читаемаго. Самые отрадные результаты получены по русскому чтенію. Сознательное отношеніе къ читаемому, правильное пониманіе знаковъ препинанія и, наконецъ, умѣніе передавать прочитанное,—все это, по общему признанію экзаменаторовъ, характеризуетъ новобранцевъ въ большей степени, чѣмъ оканчивающихъ курсъ той и другой школы. Великую роль здѣсь играетъ, конечно, книга, являющаяся главнымъ средствомъ внѣшкольнаго дальнѣйшаго образованія для каждаго абитуріента нашей начальной школы. Какъ ни мало распространена книга въ деревнѣ, спросъ на нее такъ или иначе удовлетворяется, какъ это можно судить по свѣдѣніямъ самихъ новобранцевъ. Многіе изъ нихъ очень характерно пишутъ, что они читали книги „всякаго сословія“, т. е. военныя, духовныя и свѣтскія, съ наивною увѣренностью предполагая, что и книги дѣлятся, подобно людямъ, на сословія. Большинство новобранцевъ, изъ церковно-приходскихъ школъ преимущественно, читали священную исторію или вообще „божественныя“ книги, сказки и „военныя“ книги, напримѣръ, о Суворовѣ и т. п. Часть новобранцевъ изъ земскихъ школъ также указываетъ на книги военнаго содержанія; но многіе заинтересовались и читали книги историческія, путешествія и беллетристику—Гоголя, Григоровича, Гончарова и др. Испытанія по ариѳметикѣ ограничились устнымъ рѣшеніемъ задачъ. Оказалось, что школьная учеба дала желанные плоды. Не говоря уже о томъ, что испытуемые свободно и быстро производили въ умѣ всѣ четыре дѣйствія надъ числами и безошибочно обращались съ таблицей умноженія,—они въ рѣшеніи задачъ вполнѣ сознательно шли отъ извѣстнаго къ

неизвѣстному, ясно излагали планъ рѣшенія и даже сохранили живую память о нѣкоторыхъ типическихъ пріемахъ рѣшенія задачъ, выработанныхъ школьною практикой.

Пензенское губернское земство по примѣру предшествующихъ семи лѣтъ и въ 1903 году устроило курсы для народныхъ учителей.

Въ прощальной рѣчи одинъ изъ учителей высказалъ, что элементарные курсы перестали удовлетворять потребности и что учителя Пензенской губерніи желали бы расширить свое образованіе на общеобразовательныхъ курсахъ. Представитель земства отнесся въ этой мысли съ большимъ сочувствіемъ и подалъ нѣкоторую надежду, что подобные курсы будутъ устроены въ Пензѣ на будущій годъ. Въ день закрытія курсовъ происходило экстренное общее собраніе пензенскаго общества взаимопомощи народныхъ учителей, на которомъ было разсмотрѣно нѣсколько интересныхъ вопросовъ. До сего времени общество ограничивалось выдачею пособій и устройствомъ общежитій для учительскихъ дѣтей, помѣщенныхъ въ среднія учебныя заведенія г. Пензы, на 30 дѣвочекъ и 40 мальчиковъ. Въ настоящее время дѣятельность общества расширяется: съ весны 1903 г. при обществѣ организовано посредническое бюро для доставленія заработка его членамъ; постановленіемъ собранія въ лѣтнее засѣданіе рѣшено организовать при обществѣ кассу взаимопомощи на случай смерти или потери трудоспособности на тѣхъ же началахъ, какъ касса литераторовъ, и возбуждено ходатайство о разрѣшеніи обществу выдавать краткосрочныя ссуды, согласно новому параграфу, внесенному въ нормальный уставъ этихъ обществъ. Сверхъ того возбуждено ходатайство передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ освобожденіи дочерей народныхъ учителей отъ платы за ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ министерства. Къ сожалѣнію, пензенское общество небогато средствами, такъ какъ членскіе взносы поступаютъ не аккуратно, земская субсидія (1.900 руб.) недостаточна для покрытія расходовъ по общежитію (каждый пансіонеръ обходится въ 110 р., а плата съ родителей всего 60 руб.) и дефицитъ приходится пополнить шаблонными средствами—спектаклями, лекціями и т. п. Въ 1902 году значительную сумму дало изданіе біографіи Гоголя и Жуковскаго къ юбилею, принесшее до 600 руб. чистаго дохода. Въ 1903 году предпринимается изданіе очерка царствованія Императора Александра II за 3 коп.

И. П. Бѣлоконскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія.

„Русское правописаніе“ академика К. Грота, въ основу котораго положены „Спорные вопросы русскаго правописанія“ (II томъ „Филологическихъ разысканій“, по изданію 1885 г.), является въ настоящее время справочной книгой, къ которой прежде всего обращаются за разрѣшеніемъ тѣхъ или иныхъ орѳографическихъ затрудненій.

Въ виду такого значенія „Руководства“ Грота общепринятымъ въ настоящее время правописаніемъ можно считать то, которое установлено покойнымъ академикомъ. Однако, такая распространенность „Руководства“ Грота не обусловливаетъ полнаго согласія съ предлагаемымъ имъ правописаніемъ со стороны лицъ, которыя могутъ или считаютъ себя въ правѣ такъ или иначе судить о вопросахъ орѳографіи. Первое же изданіе „Русскаго правописанія“ въ 1885 году вызвало многочисленныя и разнообразныя замѣчанія, на которыя и отвѣтилъ—отчасти, по крайней мѣрѣ—авторъ „Руководства“ въ брошюрѣ „Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ „Русское правописаніе“ (1886 г.).

Однако разъясненія эти удовлетворили далеко не всѣхъ, такъ какъ вплоть до нашихъ дней продолжаютъ раздаваться голоса противъ „гротографіи“, какъ иронически окрестили орѳографію, предложенную Гротомъ, хотя въ сущности *своей орѳографіи* академикъ Гротъ и не предлагалъ.

Такое отношеніе къ „Руководству“ Грота является, несомнѣнно, доказательствомъ того, что вопросы, такъ или иначе разрѣшаемые Гротомъ, глубоко затрогивали и затрогиваютъ интересы многихъ. Это и понятно, такъ какъ вопросъ о правописаніи является однимъ изъ тѣхъ живыхъ вопросовъ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе ко многимъ сторонамъ нашей жизни. Особенно же близко соприкасается этотъ вопросъ съ интересами школы, на обязанности которой лежитъ научить учащихся болѣе или менѣе свободно и сознательно владѣть роднымъ словомъ какъ въ живой рѣчи, такъ и

на письмѣ. Болѣе или менѣе ясное сознаніе недостатковъ общепринятаго правописанія по „Руководству“ Грота должно было, конечно, привести къ мысли принять соотвѣтствующія мѣры къ искорененію этихъ недостатковъ, особенно такихъ, которые наиболѣе затрудняютъ усвоеніе правилъ правописанія. Уничтоженіе же этихъ затрудненій имѣетъ особенно важное значеніе опять-таки преимущественно по отношенію къ современной школѣ, которая должна не только дать извѣстныя знанія и навыки, но и позаботиться о томъ, чтобы всѣ эти знанія и навыки, подготовляющіе человѣка къ трудовой жизни, могли быть усвоены учащимися при минимальной тратѣ силъ съ ихъ стороны.

Какія же мѣры предлагались и предлагаются для того, чтобы уничтожить по возможности недостатки общепринятаго правописанія и такимъ образомъ облегчить усвоеніе его?

Одни, сознавая всѣ трудности, сопряженныя съ кореннымъ измѣненіемъ началъ нашей орѳографіи, ограничиваются лишь частными измѣненіями и предлагаютъ исключить тѣ правила, которыя касаются лишь немногихъ или единичныхъ словъ и формъ. Другіе идутъ дальше и, видя источникъ зла въ томъ, что академикъ Гротъ подчиняетъ наше правописаніе разнороднымъ принципамъ (собственно этимологическому, фонетическому и традиціонному), указываютъ на необходимость бо́льшей послѣдовательности въ примѣненіи какого-либо одного изъ принциповъ; при этомъ, удѣляя традиціонному принципу лишь незначительное мѣсто или вовсе отвергая его, одни отдаютъ преимущество этимологическому началу, другіе фонетическому.

Всѣ эти указанія, однако, носили по бо́льшей части слишкомъ общій характеръ, а потому трудно было судить, насколько проще и легче станетъ наше правописаніе, если на дѣлѣ рѣзко измѣнить отношеніе между тѣми началами, которыя положены въ основу орѳографіи академикомъ Гротомъ.

Въ 1898 году, появился трудъ, который представляетъ собою попытку вовсе уничтожить потребность въ „Русскомъ правописаніи“ Грота и замѣнить его руководствомъ болѣе короткимъ, простымъ и удобопонятнымъ. Мы имѣемъ въ виду „Опытъ упрощенія русскаго правописанія“, составленный Л. Ф. Воеводскимъ, орд. профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Разсмотрѣніе названнаго труда почтеннаго профессора и составляетъ предметъ настоящей статьи.

Оцѣнивая „Опытъ“ проф. Воеводскаго, мы постараемся предъявлять къ нему лишь тѣ требованія, на которыя даютъ право „Пре-

дисловіе“ автора и то руководящее начало, которое положено имъ въ основу нашего правописанія.

Въ началѣ „Предисловія“ мы знакомимся съ взглядомъ проф. Воеводскаго на „Руководство“ Грота: оно, по словамъ автора „Опыта“, „страдаетъ столь крупными и очевидными недостатками, что нѣтъ необходимости указывать на нихъ особо. Нагляднымъ доказательствомъ непригодности изложенныхъ въ немъ правилъ служитъ уже то обстоятельство, что самъ авторъ, несмотря на то, что его правила правописанія занимаютъ 120 страницъ, счелъ однако нужнымъ въ концѣ книги прибавить для справокъ еще и обширные списки словъ, занимающіе 40 страницъ въ два столбца“.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ „Руководствѣ“ Грота можно найти недостатки, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже крупные, особенно, если не обращать вниманія на ту цѣль, которую преслѣдовалъ авторъ „Руководства“ при выборѣ того или иного начертанія словъ.

Главный недостатокъ видятъ обыкновенно въ томъ, что академикъ Гротъ, при установленіи правописанія отдѣльныхъ словъ, не разграничиваетъ строго тѣхъ началъ, которыя положены имъ въ основу нашего правописанія: во многихъ случаяхъ — даже тогда, когда въ этомъ нѣтъ, повидимому, никакой необходимости,—авторъ „Руководства“ отступаетъ отъ начала этимологическаго, которое, по его мнѣнію, должно преобладать по отношенію къ русскому правописанію, и отдаетъ предпочтеніе началу фонетическому и традиціонному,—послѣднему даже въ такихъ иногда случаяхъ, когда получается начертаніе слова, не объяснимое ни съ этимологической точки зрѣнія, ни съ фонетической.

Но, во первыхъ, всѣ такія отступленія на практикѣ отъ начала этимологическаго, которыхъ вовсе ужъ не такъ много, обозначены въ „Руководствѣ“ и разъяснены съ достаточной ясностью; кромѣ того, изъ предисловія къ „Руководству“ мы узнаемъ и общую причину указанныхъ отступленій: „желая привести русское правописаніе къ единообразію“, академикъ Гротъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наше правописаніе „установилось давно уже, хотя и не всегда правильно“, не находилъ удобнымъ измѣнять его, „потому что такого рода измѣненія могли бы только поколебать существующее соглашеніе и вызвать новыя разнорѣчія въ нашемъ письмѣ“. „Поэтому принято было за правило по возможности держаться утвердившагося обычая, отступая отъ него только тогда, когда общеупотребительныя начертанія оказывались положительно *невѣрными* или слишкомъ *непослѣдовательными*“. Еще яснѣе основная идея Грота выражена въ его брошюрѣ „Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ

Русское правописаніе“: „не преобразовывать, говорится здѣсь, русское правописаніе, вообще стоящее на вѣрномъ пути, взялись мы, а желали только упорядочить его, соображаясь съ господствующимъ обычаемъ, исправляя лишь явно ошибочное, рѣшая сомнѣніе въ сложныхъ случаяхъ, приводя въ сознаніе то, что́ писалось безсознательно“ (стр. 2).

Такимъ образомъ, если въ чемъ и можно упрекнуть автора „Руководства“, то развѣ лишь въ излишней, при введеніи новаго, осторожности, которая, однако, станетъ намъ вполнѣ понятна, если мы внимательно прочтемъ въ „Филологическихъ разысканіяхъ“ подробное изложеніе многихъ попытокъ—какъ у насъ, такъ и у другихъ европейскихъ народовъ—рѣзко измѣнить существующее правописаніе: обыкновенно такія попытки не приводили ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, и, наоборотъ, легко прививались тѣ измѣненія, которыя постепенно, а не рѣзко нарушали привычное правописаніе.

Намъ кажется, что при такихъ условіяхъ можно было бы и „особо“ поговорить о недостаткахъ „Руководства“, такъ какъ въ такомъ случаѣ выяснилось бы, что тѣ недостатки, какіе есть въ „Руководствѣ“, могутъ быть исправлены сообразно съ указаніями самого же Грота*), и что недостатки эти вовсе не такъ ужъ велики, чтобы изъ-за нихъ и весь трудъ академика Грота можно было считать никуда негоднымъ.

Видѣть же „наглядное доказательство непригодности“ правилъ „Руководства“ въ томъ, что въ концѣ его приложенъ для справокъ словарь, едва ли возможно, такъ какъ словарь этотъ присоединенъ вовсе не потому, чтобы авторъ „Руководства“ считалъ приводимыя имъ правила неудобными для примѣненія ихъ на практикѣ, а потому, что хотѣлъ дать возможность, при минимальной затратѣ времени, узнать правописаніе интересующаго почему-либо слова; для болѣе же любознательныхъ указаны при словахъ, помѣщенныхъ въ словарѣ, и страницы текста, гдѣ можно найти объясненіе правописанія этого слова.

Встрѣчаются, положимъ, въ словарѣ и такія слова, которыхъ въ текстѣ мы не найдемъ. Но правописаніе однихъ изъ такихъ словъ вполнѣ подчиняется правиламъ „Руководства“; правописаніе другихъ, особенно такихъ, которыя могутъ показаться неясными по своему составу, объяснено въ самомъ словарѣ; нѣкоторыя же слова, осо-

---

*) Указанія эти мы можемъ найти и въ „Руководствѣ“, но еще больше въ „Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія“, дающихъ обильный матеріалъ для выясненія отношенія между живою рѣчью и письмомъ.

бенно коренныя, не находятъ себѣ мѣста въ правилахъ потому, что не поддаются какому-либо опредѣленному научному объясненію.

Приложивъ словарь, Гротъ тѣмъ самымъ далъ возможность пользоваться безъ особаго труда своею книгою большему кругу лицъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ вопросахъ правописанія: „Руководствомъ“ воспользуется и тотъ, кто интересуется лишь практической стороной дѣла, и тотъ, кто, зная основы правописанія, колеблется почему-либо въ какомъ-нибудь частномъ случаѣ, и тотъ, кто, зная о существованіи различныхъ написаній извѣстнаго слова, захочетъ справиться, какое начертаніе и почему слѣдуетъ считать болѣе правильнымъ. Однимъ словомъ, словарь Грота есть лишь справочный указатель, какъ называетъ его самъ Гротъ, и отношеніе его къ „Руководству“ въ сущности таково же, какъ и вообще предметныхъ указателей при книгахъ съ болѣе или менѣе сложнымъ содержаніемъ къ этимъ послѣднимъ. Если приложеніе указателя при „Руководствѣ“ Грота считать доказательствомъ негодности его, то можно, пожалуй, признать негодной, напримѣръ, „Историческую грамматику“ Буслаева, такъ какъ и при ней мы находимъ указатель словъ, съ той или другой стороны—и со стороны orѳографической, — разъясненныхъ въ учебникѣ; можно также признать негодными и правила, напр., латинской или греческой грамматики въ тѣхъ учебникахъ, при которыхъ находятся подробные указатели словъ съ обозначеніемъ ихъ конструкцій, разсматриваемыхъ въ руководствѣ.

Нельзя, конечно, отрицать, что правилъ въ „Руководствѣ“ дѣйствительно много, что вообще усвоеніе нашего правописанія дѣло вовсе не шуточное; но развѣ Гротъ въ этомъ виноватъ? Вѣдь выдуманныхъ правилъ, основанныхъ на личномъ произволѣ, мы не найдемъ въ „Руководствѣ“.

Если ужъ искать виноватыхъ, то слѣдовало бы обратить вниманіе на тотъ путь, по которому, въ силу особо сложившихся историческихъ обстоятельствъ, пошло наше правописаніе; слѣдовало бы обратить вниманіе и на то отношеніе, какое существуетъ вообще между живою рѣчью и письмомъ.

Что касается косвенно выраженнаго упрека въ томъ, что правила, изложенныя въ „Руководствѣ“, занимаютъ цѣлыхъ 120 страницъ, то и этотъ упрекъ едва ли справедливъ. Во-первыхъ, правила правописанія отдѣльныхъ словъ и ихъ сочетаній, за которыя собственно подвергается нападкамъ Гротъ, занимаютъ всего 80 страницъ, такъ какъ послѣднія 20 страницъ заняты изложеніемъ ученія о знакахъ препинанія, а первыя 20—изложеніемъ фонетики; во-вторыхъ, надо имѣть въ виду, что на этихъ 80 страницахъ мы находимъ не правила только, а и толкованія этихъ правилъ, объясненія, иной

разъ весьма подробныя, на какихъ именно основаніяхъ дается такое, а не иное правило. Принимая во вниманіе такой способъ изложенія въ „Руководствѣ", едва ли можно значительный объемъ книги объяснять непригодностью правилъ, которыя, сами по себѣ, заняли бы мѣста во много разъ меньше.

Считая, такимъ образомъ, правила, изложенныя въ „Руководствѣ" Грота, непригодными по ихъ многочисленности и разнообразію, профессоръ Воеводскій „совокупность разнообразныхъ правилъ „Руководства..." старался... замѣнить системою, построенною на основныхъ принципахъ установившагося правописанія, устранивъ по возможности всѣ случайныя уклоненія". „Вмѣстѣ съ тѣмъ", продолжаетъ далѣе авторъ „Опыта", „имѣя въ виду, что для начертанія русскихъ словъ, какого бы они ни были происхожденія, требованіе знанія говоровъ, церковно-славянскаго и иностранныхъ языковъ не соотвѣтствуетъ основному характеру русскаго правописанія, я счелъ нужнымъ формулировать всѣ правила такъ, чтобы для ихъ примѣненнія требовалось только знаніе русскаго языка съ его литературнымъ произношеніемъ и знакомство съ элементарною этимологіею и синтаксисомъ этого языка" *). Идея, несомнѣнно, прекрасная. Если дѣйствительно оказывается возможнымъ тѣ правила, которыя мы находимъ въ „Руководствѣ", замѣнить болѣе простыми, если многіе случаи правописанія, которые теперь требуютъ иной разъ каждый отдѣльнаго объясненія, возможно соединить вмѣстѣ и подвести подъ одно общее правило, сохраняя при этомъ основные принципы нашего правописанія, то тѣмъ лучше, конечно.

Въ сущности, слѣдовательно, за исключеніемъ немногихъ уклоненій, изъ которыхъ важнѣйшимъ, по словамъ проф. Воеводскаго, является уничтоженіе буквы *ѣ*, писать мы будемъ такъ же, какъ теперь; но за то усвоеніе правописанія будетъ значительно облегчено, такъ какъ правилъ будетъ несравненно меньше, охватывать они будутъ большее число явленій, самыя правила уже поэтому будутъ формулированы болѣе опредѣленно; не будетъ и тѣхъ уклоненій отъ правилъ, исключеній, которыхъ дѣйствительно не мало при теперешней системѣ правописанія. Несомнѣнно, такая система правописанія должна быть удобна какъ для тѣхъ, которые уже привыкли къ теперешнему начертанію словъ, такъ какъ отвыкать придется отъ немногаго, такъ особенно для тѣхъ, которые еще незнакомы ни съ какой системой правописанія. Кромѣ того, тѣ незначительныя, повидимому, требованія въ отношеніи предварительныхъ знаній, какія предъявляетъ проф. Воеводскій къ лицамъ, желающимъ пользоваться

---

*) Предисловіе, стр. I.

его системой, также въ весьма значительной степени могутъ упростить и облегчить усвоеніе правописанія.

Смущаетъ насъ одно обстоятельство.

Всякая система правописанія, достойная этого имени, должна, кромѣ другихъ требованій, удовлетворять еще одному важному условію: правила ея должны быть формулированы такъ, чтобы всѣ, кому доступно пониманіе этихъ правилъ, писали на основаніи ихъ одинаково, за исключеніемъ немногихъ — конечно, всегда возможныхъ — уклоненій; въ противномъ же случаѣ и системы никакой не надо.

Возможно ли, однако, ожидать такого единообразія—въ большинствѣ, по крайней мѣрѣ, случаевъ—при примѣненіи системы проф. Воеводскаго?

Въ этомъ можно, кажется, сомнѣваться, если имѣть въ виду, что систему свою проф. Воеводскій желаетъ основать на возможно широкомъ примѣненіи фонетическаго начала и въ то же время оставить въ большинствѣ случаевъ теперешнее начертаніе словъ. Опорою, слѣдовательно, при начертаніи словъ должно служить произношеніе—конечно, литературное, какъ говоритъ проф. Воеводскій.

Но можно ли сказать безъ всякихъ ограниченій, что опора эта представляется безусловно надежной, притомъ для всѣхъ въ одинаковой степени?

Едва ли. Во-первыхъ, и въ литературномъ произношеніи мы находимъ безчисленное множество разнообразныхъ неопредѣленныхъ звуковъ, для которыхъ, однако, не имѣется въ нашемъ алфавитѣ вполнѣ соотвѣтствующихъ знаковъ; письменное изображеніе этихъ звуковъ, при наличномъ составѣ алфавита и при господствѣ фонетическаго начала, не можетъ, въ свою очередь, не отличаться разнообразіемъ, которое едва ли могутъ уничтожить даже самыя лучшія правила. Во-вторыхъ, нельзя сказать, чтобы на практикѣ, въ устахъ всѣхъ вообще образованныхъ людей, такъ называемая литературная рѣчь представляла собою—по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ оттѣнкамъ произношенія—полное единство, что объясняется отчасти мѣстными особенностями произношенія, которыя въ рѣчи образованнаго человѣка лишь сглаживаются въ большей или меньшей степени, но далеко не всегда совсѣмъ уничтожаются, а отчасти также вліяніемъ на произношеніе написаннаго слова, которое, въ зависимости отъ разнообразныхъ условій, бываетъ не всегда одинаково; требовать же знанія литературнаго языка въ его, такъ сказать, идеальномъ видѣ едва ли возможно отъ тѣхъ, для облегченія которыхъ предназначенъ „Опытъ". Стоитъ лишь прислушаться къ говору, господствующему у насъ на югѣ даже среди образованныхъ людей, чтобы убѣдиться въ томъ, что ужъ пестроты-то во всякомъ

случаѣ будетъ не мало въ письмѣ, если его дѣйствительно подчинить произношенію.

Доказательствомъ же того, что указываемое нами разногласіе относительно литературнаго произношенія того или иного слова можетъ быть даже между такими лицами, которыхъ, кажется, вовсе ужъ нельзя заподозрить въ незнаніи литературнаго языка, служитъ, между прочимъ, „Опытъ" проф. Воеводскаго: форму, напр., *уплоченъ*, съ звукомъ *о* въ произношеніи, проф. Воеводскій не считаетъ возможнымъ признать литературною, не соглашаясь такимъ образомъ съ Гротомъ, который форму *уплаченъ* признаетъ правильной лишь на письмѣ; точно также не соглашается, очевидно, съ Гротомъ проф. Воеводскій и относительно произношенія глаголовъ многократнаго вида на *ывать*, *ивать*, рекомендуя, напр., форму *озабачивать* вмѣсто *озабочивать*, которую находимъ у Грота.

При господствѣ въ правописаніи начала этимологическаго различіе въ оттѣнкахъ произношенія не можетъ имѣть вліянія на единообразіе письма; но это однообразіе будетъ нарушаться при подчиненіи правописанія фонетическому началу.

Смущаетъ насъ и замѣчаніе проф. Воеводскаго о томъ, что для примѣненія его системы требуется знаніе элементарной грамматики.

Мы не станемъ распространяться о томъ, что понятіе объ элементарной грамматикѣ—въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, объема свѣдѣній — вовсе не такъ ужъ опредѣленно, чтобы можно было во всѣхъ случаяхъ, не боясь быть неточнымъ, пользоваться имъ. Остановимся лишь на одномъ неудобствѣ такой ссылки на элементарную этимологію и элементарный синтаксисъ въ „Опытѣ" проф. Воеводскаго.

Какъ бы ни были незначительны, по мнѣнію проф. Воеводскаго, тѣ отступленія отъ общепринятаго правописанія, которыя могутъ явиться результатомъ примѣненія его правилъ, во всякомъ случаѣ его система, его правила отличаются отъ системы общепринятой.

Между тѣмъ, всѣ наши такъ называемые элементарные учебники грамматики, преслѣдующіе цѣль практическую, при всѣхъ различіяхъ въ отношеніи объема свѣдѣній и ихъ разработки, строятся по одному типу — примѣнительно къ правописанію. Какая же система правописанія имѣется при этомъ въ виду?

Пока, по крайней мѣрѣ, общепринятая система, разработанная Гротомъ. Слѣдовательно, ознакомившись съ элементарной грамматикой въ обычномъ ея видѣ, мы тѣмъ самымъ ознакомимся съ основами, по крайней мѣрѣ, общепринятаго въ настоящее время правописанія. Что же придется намъ дѣлать съ пріобрѣтенными свѣдѣ-

ніями, когда мы, послѣ изученія элементарной грамматики, примемся за изученіе системы проф. Воеводскаго?

На вопросъ этотъ не такъ легко отвѣтить, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Самый простой, повидимому, отвѣтъ могъ бы быть такой: если система проф. Воеводскаго вполнѣ замѣняетъ теперешнюю, негодную систему, то, при примѣненіи правилъ, изложенныхъ въ „Опытѣ“, слѣдуетъ вовсе отказаться отъ того, что нами уже усвоено въ области общепринятаго правописанія при изученіи элементарной грамматики. Но въ чемъ же удобства такого изученія орѳографіи, въ чемъ „упрощеніе“? Сперва, значитъ, мы должны научиться писать по общепринятой системѣ, затѣмъ пріобрѣтенные навыки и знанія забыть, какъ нѣчто непригодное, и опять начать работу надъ пріобрѣтеніемъ новыхъ знаній и навыковъ, нерѣдко противорѣчащихъ прежнимъ.

Такая работа, быть можетъ, и не особенно обременительна для лицъ, привыкшихъ свободно распоряжаться своими знаніями и привычками, но она слишкомъ неудобна и тяжела для тѣхъ, которые знаютъ лишь элементарную грамматику,— можетъ при этомъ получиться такая система, въ которой нельзя будетъ найти ни начала ни конца. Однако, указанное нами рѣшеніе нельзя признать вѣрнымъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ „Опытѣ“ мы вовсе не находимъ нѣкоторыхъ элементарныхъ правилъ общепринятаго правописанія, хотя, какъ можно судить на основаніи орѳографіи самого проф. Воеводскаго, правила эти приняты во вниманіе. Выводъ отсюда такой: одни правила общепринятаго правописанія слѣдуетъ принять, а другія уничтожить. Но что же именно принять и что уничтожить? Прямо на этотъ вопросъ проф. Воеводскій не отвѣчаетъ, и намъ остается на основаніи его собственной орѳографіи, независимо отъ его правилъ, догадываться, какія именно изъ прежнихъ правилъ остаются все же въ силѣ.

Едва ли, однако, это удобно. Во избѣжаніе указанныхъ нами недоразумѣній слѣдовало бы или точно обозначить, какія именно свѣдѣнія въ области правописанія необходимо оставить неприкосновенными, или — что было бы несравненно удобнѣе—составить элементарную грамматику примѣнительно къ новой системѣ правописанія. Тогда бы мы могли быть увѣрены, что, изучивъ элементарную грамматику и ознакомившись съ „Опытомъ“ проф. Воеводскаго, мы знаемъ все, что нужно для правильнаго примѣненія его системы.

Перейдемъ теперь къ самому „Опыту“ проф. Воеводскаго.

„Опытъ“ раздѣленъ на 3 главы: 1) „Употребленіе буквъ“, 2) „Внѣшняя форма словъ“, 3) „Знаки препинанія“.

Въ I главѣ излагаются „основная система обозначенія звуковъ

русскими буквами“, „общія правила русскаго правописанія“, „правила объ употребленіи отдѣльныхъ буквъ“; во II главѣ говорится о дѣленіи рѣчи на слова, о сліяніи словъ и объ употребленіи прописныхъ буквъ; III глава посвящена ученію о постановкѣ знаковъ препинанія.

Послѣдняя глава—самая обширная: на ея долю изъ 22 страницъ всего „Опыта“ удѣлено 10 страницъ, т. е. почти половина всей книги.

Такимъ образомъ, въ отношеніи объема „Опытъ“ проф. Воеводскаго стоитъ несравненно выше „Руководства“ Грота: то, что у Грота занимаетъ 100 страницъ (фонетика, правила правописанія отдѣльныхъ словъ и ихъ сочетаній), у проф. Воеводскаго умѣщается всего на 12 страницахъ.

Попробуемъ разсмотрѣть „Опытъ“ въ другихъ отношеніяхъ.

Такъ какъ отдѣльныя правила правописанія, предлагаемыя проф. Воеводскимъ, могутъ быть вполнѣ поняты и болѣе или менѣе правильно оцѣнены только тогда, когда мы хорошенько ознакомимся съ тѣми началами, которыя положены въ основаніе этихъ правилъ, то мы и обратимся прежде всего къ тому мѣсту „Опыта“, гдѣ авторъ его говоритъ объ основныхъ принципахъ нашей орѳографіи.

„Въ русскомъ правописаніи“, говорится въ § 5 „Опыта“, господствуетъ *фонетическій принципъ*, т. е., слова пишутся вообще такъ какъ произносятся. *Этимологическій принципъ*, требующій сохраненія основной формы этимологическихъ элементовъ (составныхъ частей слова: корней, префиксовъ, и суфиксовъ), примѣняется только въ тѣхъ случаяхъ, когда при достаточной ясности этимологическаго состава сохраненіе основной формы возможно безъ рѣзкаго нарушенія фонетическаго принципа“ *).

Такимъ образомъ, проф. Воеводскій руководящимъ началомъ нашего правописанія признаетъ произношеніе (литературное, конечно), а этимологическому началу отводитъ лишь второстепенное мѣсто.

Не будемъ останавливаться на вопросѣ, насколько умѣстно въ настоящее время подчинять наше правописаніе принципу фонетическому—вопросъ этотъ, до коренного, по крайней мѣрѣ, преобразованія нашего алфавита, долженъ быть рѣшенъ отрицательно, какъ объ этомъ не разъ уже говорилось.

Становясь на точку зрѣнія проф. Воеводскаго относительно преобладанія фонетическаго начала, обратимъ вниманіе лишь на то, какъ разграничиваетъ авторъ „Опыта“ сферы дѣйствія обоихъ принциповъ—фонетическаго и этимологическаго.

---

*) „Опытъ“, § 5, стр. 3.

Какъ видно изъ приведеннаго нами „основного правила“ въ § 5, примѣненіе этимологическаго принципа возможно лишь при соблюденіи двухъ условій: 1) этимологическій составъ слова (корни, префиксы, суфиксы) долженъ быть достаточно ясенъ, 2) при достаточной ясности этимологическаго состава не должно быть рѣзкаго нарушенія фонетическаго принципа.

Слѣдовательно, если мы захотимъ примѣнить это основное правило на практикѣ, при обдумываніи, какъ написать то или другое слово, то должны поступать такъ: прежде всего мы должны спросить себя, достаточно ли ясенъ для насъ этимологическій составъ даннаго слова; если окажется, что не ясенъ, то спокойно будемъ писать это слово такъ, какъ оно произносится; если же, съ другой стороны, мы увидимъ, что составъ слова для насъ ясенъ, то мы должны, принимая во вниманіе произношеніе, рѣшить еще вопросъ о томъ, будетъ ли изображеніе слова, сообразно съ его составомъ, рѣзкимъ нарушеніемъ фонетическаго принципа, или нѣтъ.

Какъ видимъ, примѣненіе основного правила, предлагаемаго проф. Воеводскимъ, далеко не такъ просто, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, что обусловливается, между прочимъ, неопредѣленностью тѣхъ требованій, какія предъявляетъ авторъ „Опыта“.

Въ самомъ дѣлѣ: неужели можно сказать, что въ словахъ „при достаточной ясности этимологическаго состава“ и „безъ рѣзкаго нарушенія фонетическаго принципа“ заключается вполнѣ опредѣленное содержаніе, не вызывающее никакихъ недоразумѣній, понимаемое всѣми одинаково?

Вѣдь то, что по отношенію къ этимологическому составу слова достаточно ясно для одного, — для другого можетъ быть не достаточно ясно, а для третьяго и вовсе неясно *).

Положимъ, проф. Воеводскій въ примѣчаніи къ этому же параграфу говоритъ, что этимологическій составъ слова слѣдуетъ считать яснымъ въ томъ случаѣ, когда онъ „не требуетъ для своего уразумѣнья ничего, кромѣ знанія русскаго языка, и элементарной грамматики“. Но вѣдь это опять-таки слова, вовсе не имѣющія вполнѣ опредѣленнаго содержанія.

Что значитъ—знаніе русскаго языка? Умѣніе ли только говорить литературнымъ языкомъ и понимать его, или нѣчто большее?

Если подъ знаніемъ русскаго языка разумѣть лишь умѣніе пра-

---

*) Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду ту предварительную подготовку, которой требуетъ проф. Воеводскій, т.-е. знаніе элементарной грамматики и литературнаго произношенія, чего, конечно, недостаточно для того, чтобы составъ слова могъ быть достаточно ясенъ въ научномъ смыслѣ.

вильно говорить по русски, то вѣдь одно это вовсе не гарантируетъ одинаковости пониманія этимологическаго состава слова, такъ какъ въ этомъ отношеніи чутье языка, на которое, какъ мы увидимъ дальше, ссылается проф. Воеводскій, не у всѣхъ же одинаково. Если же разумѣть подъ этимъ знаніемъ нѣчто большее, то что же именно? Все это слѣдовало бы выяснить, такъ какъ такая неопредѣленность требованій, не давая намъ прочной опоры, вовсе не упрощаетъ дѣла.

Быть можетъ, пониманію этимологическаго состава словъ поможетъ знаніе элементарной грамматики, на что и указываетъ проф. Воеводскій? Отчасти, конечно, такъ. Во всякомъ случаѣ элементарная грамматика, каковъ бы ни былъ объемъ свѣдѣній, собщаемыхъ ею, можетъ указать путь, который ведетъ къ такому пониманію. Но и здѣсь останавливаетъ насъ неопредѣленность требованій проф. Воеводскаго.

Нагляднымъ доказательствомъ этого могутъ служить тѣ примѣры, которые приводитъ проф. Воеводскій для разъясненія того, какъ слѣдуетъ пользоваться принципомъ фонетическимъ и этимологическимъ (§ 5, стр. 4).

Въ числѣ словъ, которыя слѣдуетъ писать по произношенію вслѣдствіе *неясности* этимологическаго состава ихъ, проф. Воеводскій помѣщаетъ такія слова: *востокъ*, *распря*, *везде*, *склянка*, *свадьба*, *Полоцкъ*, *розчитать*, *розказать*, *розпросить* *).

Можно, конечно, согласиться съ тѣмъ, что знанія элементарной грамматики въ томъ или иномъ объемѣ и „знанія русскаго языка съ его литературнымъ произношеніемъ“ можетъ быть недостаточно для того, чтобы опредѣленно рѣшить вопросъ о составѣ словъ *свадьба*, *разсчитать*, *разсказать*, *разспросить;* но тѣхъ же знаній, на нашъ взглядъ, вполнѣ достаточно для того, чтобы понять составъ словъ *склянка*, *вездѣ*, *востокъ*, *распря*, даже слова *Полоцкъ*, если почему-либо извѣстно названіе рѣки, отъ которой получилъ названіе этотъ городъ. Вѣдь считаетъ же проф. Воеводскій возможнымъ и даже необходимымъ пониманіе этимологическаго состава въ словахъ, напр., *исподволь*, *искаженіе*, такъ какъ пишетъ ихъ въ текстѣ „Опыта“, сообразно съ своими правилами, *изподволь*, *изкажснье* **), т. е. на основаніи этимологическаго состава.

Неужели можно рѣшительно сказать, что пониманіе, при указанныхъ знаніяхъ, состава послѣднихъ словъ легче, чѣмъ пониманіе его въ приведенныхъ выше словахъ?

Чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ руководствоваться въ опредѣленіи состава словъ?

---

*) Въ приведенныхъ словахъ сохранена орфографія подлинника.

**) §§ 11, 22.

Автору „Опыта" слѣдовало бы, какъ кажется, не только точнѣе опредѣлить, какъ мы уже говорили объ этомъ, объемъ свѣдѣній, необходимыхъ для правильнаго примѣненія его правилъ, но и указать, какими именно предѣлами должно ограничиваться *пониманіе* состава словъ у пишущихъ, такъ какъ несомнѣнно, что одинъ и тотъ же объемъ свѣдѣній изъ области той или иной науки вовсе не обусловливаетъ собою одинаковаго пониманія ея явленій вообще. Такъ какъ послѣднее требованіе выполнить едва ли возможно, то, во избѣжаніе недоразумѣній, проф. Воеводскому слѣдовало бы составить словарь, въ которомъ должны быть обозначены всѣ тѣ слова, составъ которыхъ, по его мнѣнію, не можетъ быть ясенъ для пишущаго при тѣхъ знаніяхъ его, которыя рекомендуются въ „Опытѣ".

Возможно ли при такой неопредѣленности требованій точное примѣненіе основного правила „Опыта"?

Впрочемъ, если бы проф. Воеводскій и опредѣлилъ, положимъ, minimum тѣхъ свѣдѣній по грамматикѣ, которыя кажутся ему желательными, то этимъ отчасти уничтожилась бы лишь неясность его словъ; но нельзя было бы уничтожить тѣхъ неудобствъ, которыя неизбѣжны при примѣненіи на практикѣ основного правила „Опыта".

Предположимъ, что цѣлая группа лицъ, владѣющихъ литературною рѣчью, изучила вполнѣ основательно элементарную грамматику въ опредѣленномъ объемѣ,—въ объемѣ, напр., учебника Кирпичникова, при чемъ особенное вниманіе было обращено на изученіе того отдѣла грамматики, гдѣ говорится о составѣ словъ; предположимъ даже, что все изученное въ объемѣ учебника воспринято ими совершенно одинаково. Возможно ли, однако, предположить, что и при такихъ условіяхъ пониманіе состава словъ (тѣхъ, конечно, словъ, которыя не разобраны въ учебникѣ) во всѣхъ случаяхъ будетъ одинаково? Несомнѣнно, нѣтъ, такъ какъ такое пониманіе обусловливается не однимъ знаніемъ элементарной грамматики, но и чутьемъ языка, которое не у всѣхъ одинаково, и особой смѣтливостью, которая также не у всѣхъ одинакова.

А если такъ, то какое же можетъ быть единообразіе въ правописаніи? Вѣдь каждый будетъ писать такъ, какъ *ему* кажется правильнымъ, руководствуясь чисто субъективными соображеніями. Такое разнообразіе будетъ не въ единичныхъ случаяхъ, какъ это допускается при теперешней системѣ правописанія, при чемъ эти случаи и указываются и объясняются, а въ очень и очень многихъ случаяхъ. Едва ли такое разнообразіе желательно вообще; едва ли его можетъ желать и проф. Воеводскій. Какъ же избѣжать такого разнообразія? При той формулировкѣ основного правила, какая дается проф. Воеводскимъ, и при тѣхъ требованіяхъ, какіе предъ-

являются имъ къ пользующимся правилами „Опыта“, остается, какъ мы говорили уже, одно: составить полный списокъ тѣхъ словъ, этимологическій составъ которыхъ не можетъ считаться яснымъ. Впрочемъ, и при такомъ условіи едва-ли возможно избѣгнуть затрудненій. Вѣдь если указанія проф. Воеводскаго относительно этимологическаго состава словъ будутъ вполнѣ совпадать съ тѣми данными, какія найдемъ въ наукѣ о языкѣ, то въ чемъ же тогда будетъ заключаться облегченіе для пишущихъ? Если же нѣтъ, если при составленіи предполагаемаго списка слѣдуетъ руководиться лишь знаніемъ элементарной грамматики, то, не говоря уже о другихъ затрудненіяхъ, возможно ли ручаться, что въ тѣхъ словахъ, составъ кототорыхъ предполагается яснымъ съ точки зрѣнія составителя списка, составъ этотъ на самомъ дѣлѣ будетъ ясенъ для всѣхъ пишущихъ? Придется, пожалуй, составить и другой списокъ, въ который должны войти тѣ слова, составъ которыхъ слѣдуетъ считать яснымъ.

Еще рѣзче и нагляднѣе недостатки предлагаемаго основного правила обнаружатся въ школѣ.

Положимъ, ученики извѣстнаго класса изучили все то, что требуется для сознательнаго примѣненія основного правила правописанія; учитель, убѣдившись, что всѣ ученики одинаково знаютъ пройденное (беремъ идеальный случай), сообщаетъ, въ доступной для учениковъ формѣ, основное правило—должно же быть оно сообщено, чтобы ученики не потерялись въ массѣ мелочей. Какъ долженъ поступить учитель, если нѣсколько учениковъ--даже одинъ—напишутъ, напр., въ диктовкѣ одно и то же слово различно, при чемъ будетъ вполнѣ ясно, что такое разнообразіе въ написаніи явилось вслѣдствіе неодинаковаго пониманія состава слова—одному составъ извѣстнаго слова показался яснымъ, и онъ написалъ его сообразно съ этимъ составомъ, не находя при такомъ начертаніи рѣзкаго нарушенія фонетическаго принципа; а другому составъ этого же слова показался неяснымъ, и онъ изобразилъ его сообразно съ произношеніемъ.

Руководствуясь теперешней системой правописанія, учитель будетъ знать, какъ ему поступить въ такомъ случаѣ: онъ объяснитъ составъ слова, и ученикъ, написавшій по произношенію, будетъ знать въ чемъ его ошибка, будетъ постепенно пріучаться къ различенію этимологическаго состава словъ. Но что дѣлать, если руководствоваться основнымъ правиломъ проф. Воеводскаго? Что дѣлать, если ученикъ, написавшій по произношенію, отвѣтитъ, что онъ написалъ такъ на томъ основаніи, что ему неясенъ составъ слова, и это на самомъ дѣлѣ такъ, хотя товарищи его вполнѣ правильно поняли составъ того же слова и написали сообразно съ этимъ составомъ? Оставить его въ покоѣ и предоставить ему и впредь и это слово, и другія, составъ которыхъ

для него не ясенъ, писать такъ же, какъ и раньше? Но, во-первыхъ, въ такомъ случаѣ мы допустимъ разнообразіе въ письмѣ, которому и границъ не будетъ, а во-вторыхъ, легко можетъ случиться, что вскорѣ и всѣ ученики перестанутъ понимать составъ словъ—зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ утруждать себя и стараться понять составъ слова, когда можно и безъ этого обойтись?

Такое же недоразумѣніе явится и тогда, когда всѣ ученики напишутъ слово по произношенію (напр., слово „искаженіе", которое, вслѣдствіе ясности этимологическаго состава, получаетъ у проф. Воеводскаго форму „изкаженье"), дѣйствительно не понимая его состава, хотя для учителя онъ и ясенъ.

Возможно ли и въ такомъ случаѣ признать законною орѳографію учениковъ, хотя бы, съ точки зрѣнія учителя, она и была явно ошибочною?

Если нѣтъ, если, во избѣжаніе произвола въ орѳографіи, учитель долженъ въ указанныхъ нами случаяхъ выяснить этимологическій составъ словъ и исправить слова, написанныя сообразно съ произношеніемъ, то это же, конечно, онъ долженъ будетъ дѣлать и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, пріучая такимъ образомъ учениковъ къ болѣе правильному пониманію этимологическаго состава словъ. Но чѣмъ же при разъясненіи словъ долженъ руководствоваться учитель? Такъ какъ для учителя обязательно знаніе науки о языкѣ, то, опредѣляя составъ того или иного слова, учитель долженъ будетъ принять во вниманіе всѣ тѣ явленія въ языкѣ, которыя признаются законными въ наукѣ о немъ.

Понятно, что и учащіеся, подъ вліяніемъ учителя, будутъ все болѣе и болѣе пріучаться къ внимательному и строгому разбору состава словъ, и въ концѣ концовъ у нихъ прочно заляжетъ въ сознаніи, что прежде, чѣмъ написать извѣстное слово, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на составъ его; образуется въ концѣ концовъ привычка писать слова преимущественно на основаніи состава ихъ.

Если такъ, то какую же роль тогда долженъ играть фонетическій принципъ?

Если при начертаніи слова мы прежде всего должны сообразоваться съ его составомъ и считать начертаніе слова, согласное съ произношеніемъ его, неправильнымъ, когда составъ его признается вообще яснымъ, то, очевидно, на первый планъ выступаетъ уже принципъ этимологическій, а не фонетическій, который въ такомъ случаѣ теряетъ всякую почти цѣнность. Говоримъ „почти", такъ какъ, по словамъ проф. Воеводскаго, при ясности этимологическаго состава надо еще сообразоваться съ тѣмъ, не представляетъ ли этимологическое начертаніе *рѣзкаго* нарушенія фонетическаго принципа.

Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а именно при *рѣзкомъ* нарушеніи правильнаго произношенія, слѣдуетъ, несмотря на ясность этимологическаго состава, писать слово такъ, какъ оно произносится.

Но для безошибочнаго примѣненія такого ограниченія этимологическаго принципа необходимо точно опредѣлить, что именно слѣдуетъ считать *рѣзкимъ* нарушеніемъ фонетическаго принципа.

Находимъ ли мы такое точное указаніе на этотъ счетъ въ „Опытѣ“ проф. Воеводскаго? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Положимъ, въ примѣчаніи къ разбираемому нами параграфу проф. Воеводскій говоритъ: „О томъ, въ какихъ случаяхъ нарушеніе фонетическаго принципа не считается рѣзкимъ, см. слѣдующіе параграфы“ (§ 5, стр. 3—4); на самомъ дѣлѣ, однако, такихъ указаній въ слѣдующихъ параграфахъ мы вовсе не находимъ.

Быть можетъ, приведенными выше словами проф. Воеводскій хочетъ сказать, что при самой формулировкѣ правилъ въ слѣдующихъ параграфахъ имъ уже обращено вниманіе на то, чтобы начертаніе словъ сообразно съ этими правилами не представляло рѣзкаго нарушенія фонетическаго принципа? Такое пониманіе словъ проф. Воеводскаго, при отсутствіи точныхъ указаній, въ какихъ случаяхъ нарушеніе фонетическаго принципа не считается рѣзкимъ, кажется намъ единственно возможнымъ. Но какъ съ такимъ пониманіемъ примирить тѣ начертанія отдѣльныхъ словъ, которыя предлагаются въ „Опытѣ“?

Вѣдь эти начертанія то вполнѣ соотвѣтствуютъ произношенію, то представляютъ собою самыя разнообразныя отступленія отъ него— отъ самыхъ незначительныхъ до самыхъ, на обычный взглядъ, рѣзкихъ. Такъ, напр., проф. Воеводскій пишетъ: *цыфра*, *ищу*, *счастье*, *изчадье*, *возходъ*, *отверзтье*, *мыться*, *встанте*, *папенка*, *извозщикъ*, *найдти*... Можно ли сказать, что указанныя нами начертанія словъ въ одинаковой степени соотвѣтствуютъ произношенію, что нѣтъ среди нихъ такихъ, которыя бы представляли рѣзкое нарушеніе произношенія, какъ, напр., *найдти*, *мыться*? Неужели проф. Воеводскій руководствуется отсутствіемъ рѣзкаго нарушенія произношенія, когда формѣ *найти*, предлагаемой Гротомъ, предпочитаетъ форму *найдти*?

Едва ли можетъ помочь въ разъясненіи вопроса о границахъ рѣзкаго нарушенія фонетическаго принципа и то указаніе нѣсколькихъ случаевъ этимологическаго начертанія при рѣзкомъ нарушеніи фонетическаго принципа, которое приведено въ разбираемомъ § 5 въ качествѣ исключенія изъ основного правила. Въ этомъ исключеніи проф. Воеводскій говоритъ о несогласномъ съ произношеніемъ

начертаніи словъ на *бль*, *вль*, (рубль, журавль) и род. пад. ед. ч. на *го* (добраго, его) *). Если мы сопоставимъ это указаніе рѣзкаго нарушенія фонетическаго принципа съ ссылкой проф. Воеводскаго на слѣдующіе параграфы, въ которыхъ будто мы найдемъ разъясненіе того, въ какихъ случаяхъ нарушеніе фонетическаго принципа не считается рѣзкимъ, то придемъ къ такому выводу: рѣзко расходятся съ произношеніемъ лишь этимологическія начертанія словъ *рубль*, *журавль* (*и корабль*) и начертанія род. пад. ед. ч. полныхъ именъ прилагат. и мѣстоименій на *го*; всѣ же остальныя этимологическія начертанія, допущенныя въ „Опытѣ", не представляютъ рѣзкаго нарушенія фонетическаго принципа. Но почему же начертаніе, напр., слова *добраго* болѣе противорѣчитъ другихъ? Пиовдимому, точка зрѣнія на стенень рѣзкости нарушенія произношенія взята произвольная, что и понятно въ виду крайней трудности опредѣленно указать признаки нарушенія произношенія, которыми каждый пишущій могъ руководствоваться безошибочно. А если такъ, то зачѣмъ же „рѣзкое нарушеніе фонетическаго принципа" вводить въ основное правило и въ зависимость отъ него ставить возможность примѣненія принципа этимологическаго? Приходится, слѣдовательно, при примѣненіи основного правила опираться на то, что не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ признаковъ. При такихъ условіяхъ основное правило можетъ, пожалуй, и рушиться.

Итакъ, соображая все сказанное нами объ основномъ правилѣ „Опыта", мы можемъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Если основное правило слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что мѣриломъ ясности этимологическаго состава словъ возможно считать субъективное сужденіе пишущаго, то мы должны признать неизбѣжное въ такомъ случаѣ разнообразіе въ правописаніи, чего однако, повидимому, не желаетъ проф. Воеводскій; кромѣ того, какъ мы видѣли, при такомъ пониманіи основного правила этимологическій принципъ де facto можетъ быть вовсе уничтоженъ, что также не соотвѣтствуетъ дѣйствительному взгляду проф. Воеводскаго, какъ это видно изъ дальнѣйшаго изложенія въ „Опытѣ".

---

*) Странной нѣсколько кажется намъ формулировка указаннаго исключенія. Проф. Воеводскій говоритъ такъ: „рѣзкое нарушеніе фонетическаго принципа представляютъ: окончанія—*бль*,—*вль*, (напр., пишется *рубль*, *журавль*, а слышится обыкновенно *рупъ*, *журавъ*), и окончаніе род. пад. ед. ч.—*го* (пишется *добраго*, *его*, а слышится *добраво*, *ево*)". Очевидно, въ данномъ случаѣ проф. Воеводскій беретъ въ основу не слуховыя впечатлѣнія, какъ долженъ былъ дѣлать, предлагая при начертаніи словъ обращать вниманіе прежде всего на произношеніе, а зрительныя. Такая формулировка можетъ имѣть мѣсто лишь при обученіи чтенію, а не письму.

Если же мѣриломъ ясности состава словъ слѣдуетъ считать научныя данныя, то въ такомъ случаѣ почти вовсе уничтожится принципъ фонетическій, которому при такихъ условіяхъ отводится скромное мѣстечко лишь тамъ, гдѣ соблюденіе этимологическаго принципа ведетъ къ рѣзкому нарушенію произношенія, и на первый планъ выступаетъ принципъ этимологическій, съ чѣмъ также не долженъ соглашаться проф. Воеводскій, такъ какъ въ такомъ случаѣ мы придемъ къ „Руководству" академика Грота. Кромѣ того, отсутствіе болѣе или менѣе точныхъ и опредѣленныхъ указаній на то, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ рѣзкимъ нарушеніемъ фонетическаго принципа, лишаетъ пишущаго прочной опоры при примѣненіи какъ этимологическаго, такъ и фонетическаго принципа.

Вообще же разбираемое нами правило, которое должно быть положено въ основу правописанія, выражено настолько неопредѣленно и даже противорѣчиво, что при примѣненіи на практикѣ оно само себя уничтожаетъ; неопредѣленность же и сбивчивость основного правила являются результатомъ того, что авторъ „Опыта", задумавъ ради облегченія пишущихъ положить въ основу фонетическій принципъ и такимъ образомъ измѣнить существующее отношеніе между двумя принципами, пожелалъ въ то же время сохраннть по возможности то же начертаніе словъ, какое господствуетъ теперь при совершенно иномъ отношеніи между двумя принципами.

Указанные нами недостатки формулировки основного правила съ особенною ясностью обнаружатся тогда, когда мы разсмотримъ частныя правила, предлагаемыя проф. Воеводскимъ, и обратимъ вниманіе на то, въ какомъ отношеніи находятся эти частныя правила къ правилу основному.

П. А. Селивановъ.

(*Продолженіе будетъ*).

О темахъ ученическихъ сочиненій.

(Замѣтки педагога).

(Окончаніе).

IV.

Нѣкоторыя изъ темъ, представленныхъ обозрѣнію публики, имѣли очень неясную форму выраженія, напр.: „Глубокій старецъ и младенецъ [1])“, „Черты ретрограднаго романтизма въ балладѣ Жуковскаго“, „Людмила“, „Объясненіе происхожденія характера Евгенія Онѣгина [2])“. Въ послѣднемъ сочиненіи ученикъ дѣлаетъ, между прочимъ, такое замѣчаніе: „Къ счастью, онѣгинскій типъ существовалъ въ русскомъ обществѣ не долго. Новое умственное движеніе мало-по-малу взяло рѣшительный перевѣсъ... и уже въ 40-хъ годахъ Бѣлинскій отзывается объ Онѣгинѣ, какъ о типѣ, уже отжившемъ“. Все это учителемъ обчеркнуто безъ указанія причины обчерка. Ученику не ясенъ его промахъ. Нѣтъ нужды пестрить тетрадку ученика постоянными замѣчаніями, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые педагоги, выписывая изъ Грота цѣлыя правила противъ ученической ошибки, но въ данномъ случаѣ замѣтка была бы не лишней. Она дала бы ученику поводъ для самостоятельныхъ размышленій...

Къ не совсѣмъ яснымъ темамъ по своей формулировкѣ должно отнести: „Что составляетъ защиту отечества противъ внѣшнихъ враговъ?“ [3]).

„О народной словесности“ [4]), „О баснѣ и басняхъ Крылова“ [5]), „Интересъ чтенія басенъ Крылова“ [6]), „Содержаніе и значеніе элегіи

[1]) Ловичское реальн. учил. VI кл.

[2]) Обѣ темы даны въ IV Варшавской гимн. VII кл.

[3]) Изюмское реальное училище, VII кл.

[4]) Кіевская 2-я гимн., VI кл.

[5]) Владикавказское реал. учил., VI кл.

[6]) Орловская гимн., VII кл. Интересъ басенъ *безконеченъ.*

„Тэонъ и Эсхинъ“ [1]). Въ послѣдней темѣ ученики, конечно, не встрѣтятъ препятствія для передачи „содержанія“; но смутное значеніе „Тэона и Эсхина“ безспорно составитъ для нихъ камень преткновенія. Неопредѣленный также характеръ носитъ тема—„Счастье по Жуковскому“, разсчитанная, повидимому, тоже на интерпретацію „Тэона и Эсхина“. Не ясна тема: „Отношеніе Гоголя къ лицамъ, изображаемымъ въ его произведеніяхъ“ [2]). О какомъ отношеніи и къ какимъ лицамъ (ихъ такъ много въ произведеніяхъ Гоголя) долженъ писать ученикъ?

Встрѣчаются сочиненія даже на такую тему: „Литературный переводъ „Слова о Полку Игоревѣ“ [3]). Неизвѣстно, какими педагогически-образовательными соображеніями руководился педагогъ, давшій эту тему; но во всякомъ случаѣ давать ученикамъ переводъ неяснаго и по мѣстамъ совершенно не возстановленнаго еще текста хотя бы и замѣчательнаго литературнаго памятника не педагогично.

При невозможности выработать вполнѣ ясный планъ неопредѣленной и широкой темы, ученикъ вынуждается пустословить. Тема: „Воззрѣнія Карамзина“ [4]) открываетъ, напр., слишкомъ широкій просторъ для пустословія. О какихъ именно воззрѣніяхъ историка должна быть въ данномъ случаѣ рѣчь? Или темы: „Значеніе литературы XVI в.“ [5]), „Романъ и поэма“ [6]). О чемъ говорить на эти темы? Конечно, заглавіе вещь условная, и въ русской литературѣ извѣстно много произведеній даже лучшихъ писателей, заглавія которыхъ не совсѣмъ отвѣчаютъ содержанію. Даже такія произведенія, какъ „Полтава“, „Капитанская дочка“, „Герой нашего времени“ и др. не выражаютъ вполнѣ своими заглавіями содержанія. Но темы ученическихъ работъ въ видахъ дидактическихъ должны быть формулированы возможно точнѣе и опредѣленнѣе. По тѣмъ же соображеніямъ широки и потому не совсѣмъ пригодны темы—„Взглядъ Пушкина на русскую женщину“, „Несторъ и Карамзинъ“ [7]), „Литература и наука въ первую половину XIX в.“ [8]).

Искусственной представляется намъ тема: „Личность и міросозерцаніе Гоголя по лирическимъ отступленіямъ въ „Мертвыхъ душахъ“ [9]). Лирическія отступленія въ „Мертвыхъ душахъ“ вовсе

---

[1]) Владикавк. реал. учил., VI кл.
[2]) Варшавская IV гимн., VIII кл.
[3]) Ставропольская гимн., VII кл.
[4]) Орловская гимн., VII кл.
[5]) Владикавказское реал. учил., VI кл.
[6]) Виленская 2-я гимн., VIII кл.
[7]) Рижское реальное учил. императора Петра I-го, дополнител. классъ.
[8]) Ловичское реальное учил., VII кл.
[9]) Рижское реальн. учил. Императ. Петра I-го, дополн. классъ.

не такъ характерны для личности Гоголя, какъ можетъ показаться ученикамъ согласно требованію этой темы. Лирика „Мертвыхъ душъ" имѣетъ не столько біографическое, сколько *національно-русское* значеніе.

Или тема „Народно-поэтическіе отголоски въ „Словѣ о Полку Игоревѣ" [1]). Давно извѣстно, что ученики старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ съ трудомъ находятъ „народно-поэтическіе отголоски" въ такихъ произведеніяхъ русской литературы, какъ стихотворенія Жуковскаго, Кольцова, Лермонтова, Пушкина. Гдѣ же имъ найти и сознательно осмыслить эти отголоски въ столь древнемъ и вдобавокъ филологически-спутанномъ матеріалѣ, какъ „Слово о Полку Игоревѣ"? Замѣтимъ, кстати, что лучшіе наши историки-литературы (напр., Галаховъ) видѣли въ древней народной словесности не откровеніе народности, а болѣе или менѣе художественное проявленіе безыскусственнаго творчества.

Тема „Отраженіе христіанскихъ идеаловъ въ поэтическихъ произведеніяхъ Жуковскаго тоже не ясна. Область христіанскихъ идеаловъ безконечна, а сантиментально-романтическія произведенія даютъ столь богатый матеріалъ разнородныхъ и неопредѣленныхъ по своему качеству чувствъ, что запутаться въ этой области ученику очень легко. Даже такія произведенія, какъ „Тэонъ и Эсхинъ", „Судъ Божій надъ епископомъ", по своей условности, не отражаютъ въ надлежащей формѣ христіанскихъ идеаловъ.

„Сравненіе взглядовъ Пушкина и Лермонтова на поэта и его служеніе обществу" [2]), или „Пророкъ Пушкина" и „Пророкъ" Лермонтова" [3]), какъ темы, имѣютъ тотъ существенный недостатокъ, что Пушкинъ и Лермонтовъ въ своихъ взглядахъ на поэта существенно мало чѣмъ отличались другъ отъ друга. Сравненіе ихъ взглядовъ можетъ дать производительную работу ученому, но не ученику. Мысль ученика работаетъ живѣе, когда сравниваемые взгляды имѣютъ болѣе замѣтныя черты отличія.

Опытъ показалъ, что даже такія по существу незамысловатыя темы, какъ „Идеалъ счастья по „Домострою" или „Умныя рѣчи Стародума" [4]) „Почему „Слово о Полку Игоревѣ" — поэтическое произведеніе" [5]), представляютъ нѣкоторое затрудненіе для шестиклассниковъ и семиклассниковъ.

---

[1]) Кіевская 2-я гимназія, VI классъ.

[2]) Виленская 2-я гимназія, VIII классъ.

[3]) Ловичское реал. учил., VI кл. На этомъ сочиненіи поставлена единица. Явленіе рѣдкое среди выставоч. тетрадей.

[4]) Варшавская IV гимн., VI кл.

[5]) Ловичское реальное учил., VII кл.

Тема восьмиклассниковъ „Хорошія и дурныя стороны жизни „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“ [1]) съ большимъ успѣхомъ могла бы быть дана ученикамъ VII или даже VI класса. Восьмиклассникамъ тутъ нечего дѣлать.

Въ противоположность безбрежнымъ по своему содержанію темамъ, другія сочиненія своею формальною опредѣленностью не даютъ свободнаго движенія мысли учащагося.

Напримѣръ, такая тема: „Планъ, изложеніе содержанія, главная мысль и стилистическія особенности стихотворенія Лермонтова— „Вѣтка Палестины“ [2]) Прочитавъ такую тему, не скажешь, что это работа восьмиклассника: скорѣе подумаешь, что въ VIII классѣ по ошибкѣ дали тему среднихъ классовъ гимназіи. Планъ работы при такой темѣ не входитъ въ задачу мысли ученика. Онъ данъ самой формулировкой темы. Ученику (восьмикласснику) остается лишь подвести нехитрый матеріалъ подъ данныя рубрики.

Давая слишкомъ широкія темы, учителя иногда въ тоже время требуютъ узкаго на нихъ отвѣта. Какъ наиболѣе типичный примѣръ въ этомъ родѣ приведемъ одну выдержку изъ сочиненія, писаннаго на широкую тему: „Содержаніе и изобразительныя средства народной лирики“ [3]). Ученикъ, разсуждая по данному вопросу, пришелъ, между прочимъ, къ такому выводу: „большинство пѣсенъ русскихъ проникнуто глубокимъ (слово зачеркнуто учителемъ) грустнымъ чувствомъ и покорностью своей, часто жестокой и неумолимой, судьбѣ. Это зависитъ отъ трехъ причинъ: прежде всего надъ Русской землей тяготѣло въ продолженіе двухъ вѣковъ ненавистное татарское иго. Вторая причина заключается въ тяжелыхъ семейныхъ условіяхъ: неудачный бракъ, бѣдность и горе, стремленіе къ свободѣ, которая была недоступна (о свободѣ зачеркнуто учителемъ), все это вызвало горькія жалобы, которыя выливались народомъ въ задушевной пѣснѣ (учитель пишетъ на поляхъ: „это всегда и вездѣ было и не у русскихъ племенъ“). Наконецъ, сама природа нашей страны не могла дать веселыхъ мотивовъ“. Вся эта тирада (заимствованная, между прочимъ, у Филонова) обчеркнута съ надписью: „Къ темѣ не относится“. (?).

Стремленіе учителей быть возможно точными въ формулировкѣ темъ ведетъ иногда къ излишнему нагроможденію словъ, замысловатости и, вмѣсто ясности темы, придаетъ ей многословную туманность. Напр., нельзя сказать, чтобы такія темы были въ литературномъ отношеніи удачно формулированы: „Какіе недостатки ли-

[1]) Виленская 2-я гимназія, VIII классъ.

[2]) Уфимская мужская гимназія, VIII кл.

[3]) Ставропольская гимназія, VIII кл.

тературы и причины ихъ изображены въ сатирѣ „Чужой толкъ“, [1]) „Чѣмъ отличается отношеніе Ноздрева къ покупкѣ мертвыхъ душъ Чичиковымъ, сравнительно съ отношеніемъ къ ней Манилова и Коробочки“? [2]).

Неудобна тема такой формулировки: „Древне-русскій лѣтописецъ на основаніи изученныхъ отрывковъ изъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Темы съ отсылками къ прочитанному не должны имѣть мѣста. Адресъ къ „изученному“ всегда могъ бы быть замѣненъ, безъ ущерба для формулировки, точнымъ указаніемъ необходимыхъ отрывковъ.

Сочиненій на пословицы и изреченія нельзя признать работами, вполнѣ согласными съ дидактическими требованіями. Дѣло въ томъ, что всѣ почти пословицы, какъ условное выраженіе ходячей мудрости, имѣютъ относительное значеніе. Могутъ-ли, напр., ученики правильно разсуждать на тему „Скупость—не глупость“ или „Стыдъ не дымъ, глазъ не выѣстъ“? А вѣдь пословицъ въ этомъ родѣ — масса.

Пословицъ съ безусловнымъ содержаніемъ очень мало. Не говоримъ уже о томъ, что есть много пословицъ, взаимно ограничивающихъ и даже исключающихъ другъ друга. Не нужно быть особеннымъ мыслителемъ, чтобы открыть парадоксальность многихъ пословицъ. Поэтому, едва ли слѣдуетъ считать умѣстными такія темы, хотя бы и для послѣдняго класса: „Куй желѣзо - пока горячо“ [3]), „Не суйся въ воду—не спросяся броду“ [4]) „За двумя зайцами погонишься—ни одного не поймаешь“, [5]) „На льстивыя рѣчи не мечись, на грубую правду не сердись“. [6]) Почти каждое „pro“ можетъ здѣсь имѣть и „contra“.

Тема „Съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься“ или „Вліяніе общества на развитіе человѣка [7])“ неудобна тѣмъ, что вводитъ совершенно излишнюю двойную формулировку.

А также тема „Корни ученія горьки, а плоды его сладки“—въ первой своей половинѣ заключаетъ принципіально-неточную мысль,

---

[1]) Кіевская 2-я гимназія, VII кл.

[2]) Омская мужская гимназія, VII классъ.

[3]) Ловичское реальное училище, VIII классъ.

[4]) Рижское реальное училище Императора Петра I-го, VI класса.

[5]) Рижское реальное училище императора Петра I-го, дополнительный классъ.

[6]) Кіевская 2-я мужская гимназія, VI классъ.

[7]) Владикавказское реальное училище, VI класса.

которую не слѣдовало бы въ такой категорической формѣ дѣлать предметомъ разсужденій учениковъ [1]).

Темы на изреченія хотя бы и лучшихъ русскихъ писателей тоже не особенно хороши, если судить о нихъ по выставочнымъ сочиненіямъ. Вотъ для образца сочиненіе на тему въ видѣ эпиграфа: „Я—царь, я—рабъ, я—червь, я—Богъ" [2]). Столь неясная по своему содержанію тема естественно разбивала мысли учениковъ и не давала имъ возможности сосредоточиться на чемъ-нибудь твердо.

Ученики слабо различали понятія темы... и учитель на одномъ изъ лучшихъ сочиненій, представленныхъ на эту тему, долженъ былъ написать такія рецензіи: „лучше бы разсмотрѣть эти понятія въ отдѣльности, потому что въ нихъ есть свои оттѣнки", „между этими понятіями есть разница" и т. под. Или, напр., тема въ видѣ такого изреченія Сумарокова: „Встала Русь передъ врагомъ, и битва грянула Донская" [3]).

Въ данномъ случаѣ ученику приходится думать еще надъ мыслью самой темы, а потомъ уже надъ ея содержаніемъ. Удачнѣе были написаны учениками сочиненія на изреченія изъ драмы „Борисъ Годуновъ": „Жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста", [4]) или „Наука сокращаетъ намъ опыты быстротекущей жизни" [5]).

Нѣкоторые педагоги, повидимому, склонны давать изреченія въ качествѣ темъ только лишь на томъ основаніи, что они принадлежатъ извѣстнымъ въ литературѣ писателямъ. Основаніе—недостаточное; а если принять во вниманіе, что изреченія, вырванныя изъ текста, часто теряютъ въ своей колоритности, то даже—и не логичное. Приверженность къ классикамъ не должна быть педантична. Между тѣмъ, какъ трудно бываетъ избѣжать этой педантичности, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать почтенный трудъ Гаврилова („Руководство къ веденію и составленію ученическихъ сочиненій"), въ которомъ находимъ, между прочимъ, даже и такія темы:

„Онъ (Петровъ) любилъ мое младенчество такъ же, какъ я любилъ его мужество" [6]), или „Безуменъ славы рабъ!" и дал. [7]) То и другое—изреченія Карамзина. Непригодность многихъ изреченій и

---

[1]) Виленская 2-я гимназія, VIII классъ и Орловская, VI классъ. Разъясненіе этой пословицы, какъ темы см. въ Ж. М. Н. Пр. 1876 г., ноябрь. „Наша педагог. литература," стр. 9.

[2]) Орловская гимназія, VI классъ.

[3]) Орловская гимназія, VI классъ.

[4]) Ловичское училище, VII классъ.

[5]) Пермское реал. учил. VII классъ.

[6]) Стр. 99, выраженіе Карамзина.

[7]) 96 стр., выраженіе Карамзина.

пословицъ въ качествѣ темъ („Слава—дымъ, свѣтъ—судья лукавый“, Жуковскаго, „Береги здоровье съ молоду, а честь—подъ старость“, „Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей“—Пушкина, „Намъ святые боги дали усладительный языкъ“—Жуковскаго, „Блаженъ, кто знаетъ сладострастіе высокихъ мыслей и стиховъ“, „Предразсудокъ! Онъ обломокъ древней правды“—Баратынскаго) давно указана въ педагогической литературѣ [1]). Слѣдовало бы поэтому ограничить количество темъ на пословицы, которыхъ очень много дается въ качествѣ темъ для сочиненій не только въ старшихъ, но и въ младшихъ классахъ.

Одною изъ могущественныхъ мѣръ правильной постановки письменныхъ литературныхъ работъ должно служить *письменное изложеніе сути прочитанныхъ книгъ* и сужденіе о нихъ въ видѣ дневниковъ или спеціальныхъ записей о прочитанномъ. Если справедливо, что наведеніе, обобщеніе и классификація суть элементарныя основы всякаго письменнаго сочиненія, то нужно согласиться, что въ распоряженіи педагога нѣтъ лучшаго средства для выработки этихъ основъ, какъ самостоятельное сведеніе мыслей учащимися по поводу тѣхъ или другихъ крупныхъ произведеній русской литературы. Извѣстно, что есть очень образованные люди, которые развились не потому, что изощряли свое мышленіе на урочныхъ школьныхъ работахъ, а потому, что читали и умѣли разобраться въ читаемомъ, умѣли отдѣлить главное отъ второстепеннаго... Эти люди, быть можетъ, даже не зная, что такое планъ и сочиненіе въ школьномъ смыслѣ, посредствомъ чтенія улавливали построеніе статей и чутьемъ угадывали сущность стиля. Внимательное, толковое чтеніе вліяетъ притомъ же на развитіе ороографической наблюдательности или, если можно такъ выразиться, памяти зрѣнія. Развѣ мало примѣровъ, что ученики прежнихъ учебныхъ заведеній вынужденной перепиской лекцій (при недостаткѣ учебниковъ) достигали полнаго безошибочнаго владѣнія стилемъ родной рѣчи?

Вотъ почему письменные отчеты о прочитанныхъ книгахъ имѣютъ громадное дидактическое значеніе для навыка къ письменнымъ работамъ. Но насколько можно было судить по учебнымъ экспонатамъ выставки, педагоги среднихъ заведеній мало какъ-то обращали вниманія на эту весьма понятную сторону развитія учениковъ. Письменные отчеты о прочитанныхъ учениками книгахъ были выставлены, кажется, только варшавскимъ учебнымъ округомъ.

---

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1876 г., II кн., „Наша педагогическая литература“ стр. 6—10. „Русская школа“, мартъ 1898 г. „Вопросы, относящіеся, къ письменному испытанію зрѣлости по русскому языку“.

V.

Темы *историческаго* содержанія особенно важны тѣмъ, что заставляютъ учаниковъ вдумываться въ фактическую связь историческихъ событій и являются хорошимъ средствомъ развитія преимущественно эмпирическаго склада мысли.

Владикавказское реальное училище обращало на себя вниманіе огромнымъ большинствомъ темъ по общей исторіи западной Европы. Таковы темы: „Усиленіе королевской власти во Франціи", „Филиппъ II и его борьба съ Нидерландами", „Тридцатилѣтняя война", „Феодализмъ и борьба съ нимъ монархіи", „Образованіе Прусскаго королевства", „Реформація въ западной Европѣ" и др. Ученическія сочиненія на эти темы представляли болѣе или менѣе связный сухой пересказъ историческихъ фактовъ, извѣстныхъ ученикамъ преимущественно изъ учебниковъ.

Нѣкоторую самодѣятельность мысли проявили ученики въ сочиненіяхъ: „Сравненіе исторіи съ лѣтописью" [1]), „Отношеніе царя къ боярамъ по сочиненіямъ Іоанна Грознаго и князя Андрея Курбскаго [2]). Послѣдняя тема заставила писавшихъ прочитать извѣстную полемику Іоанна Грознаго съ Андреемъ Курбскимъ и вдуматься въ ея смыслъ. Нѣсколько педантичныя работы были вызваны темами историческими: „Сравненіе воспитанія по „Домострою" и по „Духовной" Татищева" [3]), „Пріемы юго-западныхъ проповѣдниковъ (учитель поправилъ—„проповѣдей") по „Стефану Яворскому" [4]). Послѣдняя тема навела мысль учениковъ на очень обширный планъ, въ который вошли: люблинская унія, церковная унія, братства, образованіе школъ въ юго-западной Россіи, Кіевская академія и т. п. Едва-ли это нужно.

Въ VIII классѣ той же ставропольской гимназіи учениками писанъ цѣлый рядъ историческихъ сочиненій: „Заслуга св. Кирилла и Меѳодія", „Бытъ русскихъ славянъ X вѣка", „Владиміръ Мономахъ какъ служилый князь русскій", „Идеи, которыя проводитъ Іоаннъ Грозный въ своихъ сочиненіяхъ", „Отношеніе Ломоносова къ Петру Великому" и др. Содержаніе сочиненій соотвѣтствуетъ порядку исторической преемственности тѣхъ явленій и лицъ, которыхъ касаются темы.

А темы VIII класса: „Историческіе факты и личности въ народныхъ пѣсняхъ", „Характеристика Петра Великаго по поэмѣ „Пол-

---

[1]) Виленская 2-я гимназія, VIII кл.

[2]) Ставропольская гимназія, VI классъ.

[3]) Ставропольская гимназія, VI классъ.

[4]) Ставропольская гимназія, VI классъ.

тава“ Пушкина и по исторіи“, — сближая историческій матеріалъ съ литературнымъ, знакомятъ учениковъ съ пріемами широкаго литературно-историческаго изслѣдованія.

Сюда же должно отнести очень содержательныя и для сообразительныхъ учениковъ не трудныя темы: „Нужды и потребности русскаго общества по словеснымъ памятникамъ XVI в.“ [1]), „Какія изобрѣтенія и открытія могутъ считаться великими и почему?“ [2]) „Значеніе лѣтописи“ [3]). „Значеніе просвѣтительныхъ мѣръ Петра I“ [4]) „Характеристика патріарха Филиппа II по исторіи Карамзина“ [5]). Обращало на себя общее вниманіе толково исполненное сочиненіе на тему: „Чѣмъ русскій человѣкъ можетъ гордиться въ своей исторіи?“ [6]) Сочиненію былъ предложенъ хорошій эпиграфъ:

„Qui proficit in litteris,
Sed deficit in moribus,
Non procedit, sed recedit...“

Такъ какъ „порядокъ есть альфа и омега всякой исторіи“ [7]), то главное, что особенно нужно предвидѣть учителю исторіи, это—чтобы порядокъ историческаго изложенія фактовъ не принялъ характера механическаго пересказа. Между тѣмъ такія темы, какъ „Образованіе Литовскаго княжества и русское вліяніе на Литву“ [8]), „Проявленіе патріотизма въ русскомъ народѣ въ смутное время“ [9]), „Тридцатилѣтняя война“, „Феодализмъ и борьба съ нимъ монархіи“, „Образованіе Прусскаго королевства“ [10]) и др.—чаще всего пишутся въ формѣ группировки однихъ фактовъ. Ученики старшихъ классовъ такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы идти къ высшему типу письменныхъ историческихъ работъ, требующихъ вдумчивости въ значеніе событій и фактовъ, въ сущности возвращаются къ старой уже извѣстной формѣ разсказа, т. е. къ тому, что требуется отъ учениковъ низшихъ классовъ. Неудивительно, что приходится нерѣдко слышать мнѣніе гимназистовъ послѣднихъ классовъ о сравнительной легкости сочиненій по исторіи. Поэтому, темы въ видѣ приведенныхъ

[1]) Кіевская 2-я гимназія, VI классъ.

[2]) Кіевская 2-я гимназія, VII классъ.

[3]) Владикавказское реальное училище, VI классъ.

[4]) Орловская гимназія, VI классъ.

[5]) Ташкентская гимназія, VII классъ.

[6]) Рижская Александровская гимназія, VI классъ.

[7]) Гербстъ: „По вопросу о преподаваніи въ среднихъ школахъ“. Майнцъ 1869 г. „Педагог. сборн.“ 1891 г. іюнь, стр. 511.

[8]) Владикавказское реальное училище, VI классъ.

[9]) Варшавская IV гимназія, VI классъ.

[10]) Всѣ три темы даны въ VI кл. Владикавказскаго реальнаго училища.

только тогда могутъ быть исполнены вполнѣ удовлетворительно, когда учащіеся хорошо понимаютъ не только преемственность историческихъ фактовъ, но и ихъ значеніе въ исторіи того или другого народа, государства, страны, эпохи.

Такъ же, какъ и въ области литературныхъ темъ, и по исторіи даются иногда темы, разсчитанныя или на спеціальность или на слишкомъ широкій горизонтъ мысли. Напримѣръ, сочиненіе: „Значеніе иностранцевъ въ Московскомъ государствѣ и отношеніе къ нимъ русскихъ“ [1])—очень хорошо, но неудобно тѣмъ, что здѣсь собственно не одна, а двѣ темы, хотя и близкія по содержанію, но совершенно различныя по постановкѣ. Не всякій ученикъ сумѣетъ разобраться въ этихъ двухъ обширныхъ областяхъ мысли. Учебный матеріалъ, устно сообщаемый въ классѣ на эту тему, не гарантируетъ ея вѣрнаго рѣшенія. Опредѣленнѣе формулированы относящіяся къ этому же циклу темы: „Причины обособленія Россіи отъ западной Европы въ древній періодъ русской исторіи и слѣдствія этого обособленія“ [2]), „Значеніе иностранцевъ для Московской Руси“ [3]). Нельзя также признать вполнѣ опредѣленной тему: „Зачатки умственнаго движенія въ XIV и XV вѣкахъ и проявленіе ихъ“ [4]). О какихъ „зачаткахъ“ можетъ писать шестиклассникъ, когда самыя „умственныя движенія“ и смѣны ихъ недостаточно выяснены въ учебникѣ и потому представляются неясными умственному взору реалиста.

Юбилеи историческихъ лицъ должны особенно пробуждать умственную самодѣятельность учащихся... Пріятно было прочитать на сочиненіи одного ученика замѣтку учителя: „Отъ шестого домашняго сочиненія ученикъ былъ освобожденъ, такъ какъ писалъ для торжественнаго акта по случаю столѣтія со дня рожденія А. С. Грибоѣдова сочиненіе на тему: „Оцѣнка комедіи „Горе отъ ума“ со стороны художественной“ [5]).

Тема „О вліяніи монгольскаго ига на Русь“, встрѣчающаяся почти во всѣхъ гимназіяхъ, написана почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Тутъ безспорно сказывается повсемѣстное нежелательное вліяніе одного и того же учебника, которымъ однимъ ученики только и пользовались при писаніи сочиненія. А между тѣмъ въ исполненіи этой именно темы, въ виду ея большой школьной популярности, хотѣлось бы видѣть самостоятельность учениковъ.

---

[1]) Ученики VII класса Омской мужской гимназіи.
[2]) Ливенское реальное училище, VI классъ.
[3]) Ливенское реальное училище, VI классъ.
[4]) Кіевская 2-я гимназія, VI классъ.
[5]) Варшавская IV гимназія, VII классъ.

Даже такая тема, какъ „Идеальный образъ древне-русскаго князя"—по лѣтописи Нестора, былинамъ, Поученію Владиміра Мономаха и Слову о полку Игоревѣ" [1])—не избѣжала книжнаго вліянія. Ученикъ ограничился тѣмъ, что выбралъ изъ учебниковъ разныя мѣста, относящіяся къ „образу князя", и поставилъ ихъ рядомъ, не проявивъ даже въ классификаціи учебнаго матеріала надлежащей самодѣятельности, что прямо вытекало изъ существа задачи.

Въ педагогической литературѣ указанъ, между прочимъ, особый родъ историческихъ темъ, требующихъ *связи фактовъ чрезъ всѣ историческіе періоды* (древнія, среднія и новыя времена). Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ: „Передача цивилизаціи отъ одного народа къ другому, отъ первыхъ историческихъ временъ до нашихъ дней", „Торговля въ древности, среднихъ вѣкахъ и въ новомъ времени". „Европейскіе народы, которые въ различныя времена селились по африканскому берегу", „Колонизація финикіянъ, грековъ, римлянъ и германцевъ", „Военные походы изъ Европы въ Азію", „Нашествія изъ Азіи въ Европу", „Значеніе Сициліи въ ходѣ исторіи", „Возникновеніе, процвѣтаніе и исчезновеніе государствъ и народовъ", „Раздоры въ важнѣйшихъ народахъ и государствахъ", „Войны за возвращеніе потерянной свободы", „Война для защиты независимости" [2]) и т. п. Темы этого рода могутъ быть очень разнообразны. Главный ихъ недостатокъ тотъ, что ими совершенно устраняется *историческая* связь событій. Поэтому пользованіе ими должно быть очень осторожнымъ. Дать тему не трудно; можно спрашивать обо всемъ, но вредъ отъ худо исполненной по винѣ учителя темы трудно исправимъ.

Съ историческими сочиненіями тѣсно связаны сочиненія *по географіи*. Ихъ, впрочемъ, очень не много. Можно подумать, что учителя географіи считаютъ себя мало заинтересованными въ томъ, чтобы ученики умѣли хорошо писать. Такія темы, какъ „Европа и Америка", [3]) „Значеніе Сибири для Россіи", [4]) „Значеніе русскихъ рѣкъ", [5]) „Значеніе воды въ природѣ", [6]) „Горы какъ источникъ разныхъ видовъ богатства" [7]) — чаще всего даются въ видѣ классныхъ работъ и въ серіи гимназическихъ темъ звучатъ, какъ исключеніе. Значительнымъ количествомъ хорошо исполненныхъ темъ по географіи выдѣлялось рижское реальное училище Импер. Петра I-го: „Гроза и ея значеніе въ природѣ", „Значеніе горъ", „Значеніе элект-

---

[1]) Изюмское реальное училище, VII классъ.

[2]) „Объ экзаменѣ исторіи при окончаніи курса". „Педагогическ. сборн. 1891 г. № 6. [3]) Томское Александр. реал. учил. VI, кл. [4]) Пермское реальн. учил. VI кл. [5]) Ловичское реал. уч., VI кл. [6]) Ловичское реальн. уч. VII кл". [7]) Ловичское реальн. учил., VII кл.

ричества въ природѣ и жизни человѣка", „Причины превосходства Европы предъ другими частями свѣта". Впрочемъ, только послѣдняя тема была дана, какъ домашнее сочиненіе. Остальныя темы—классныя.

Что касается физики, математики и естествознанія, то по этимъ предметамъ работы въ видѣ сочиненій совершенно отсутствовали. Между тѣмъ, едва ли нужно доказывать, что точныя науки имѣютъ громадное вліяніе на образованіе корректности мысли и правильности слога [1]).

Попадалось нѣсколько темъ натуръ - философскаго характера (если можно такъ выразиться объ ученическихъ работахъ). Сюда относятся такія работы: „Вліяніе природы на человѣка и человѣка на природу", [2]) „Когда человѣку приходится бороться съ природою, и какъ онъ борется съ ней" [3]), „Природа—другъ и врагъ человѣка" [4]). Вопросы касаются важнѣйшихъ сторонъ жизни человѣка, могутъ пробудить интересъ и любознательность въ ученикахъ и дать серьезную работу для мышленія. „Цѣль жизни человѣка въ связи съ его ролью въ природѣ" [5])—хорошая философская тема для восьмиклассниковъ. Но такая тема „Изученіе природы пріятно, полезно и свято" [6]) вызывала у учениковъ недоумѣнія. Ученикъ старшаго класса не сумѣлъ разобраться въ трехъ понятіяхъ, съ точки зрѣнія которыхъ требовалось говорить объ изученіи природы. Въ частности, послѣднее понятіе („свято") осталось для него даже непонятнымъ. Рецензія учителя: „Слѣдовало бы доказать, что изученіе природы свято, т. е. приводитъ къ познанію Бога".

VI.

Темы *на философскіе вопросы* должны быть просты и кратки. Здѣсь болѣе всего должно слѣдовать изреченіямъ: „non multa, sed multum", ‚simplex est veri sigillum"... Распространенность философскихъ мыслей очень часто можетъ перейти въ многословіе и болтливость. Поэтому педагоги рижскаго учебнаго округа, любящіе философскія темы, поступали вполнѣ цѣлесообразно, когда требовали отъ учениковъ въ этого рода работахъ краткости. Ученики VI класса рижскаго реальнаго училища Императора Петра I-го пишутъ классныя сочиненія въ 8—10 строчекъ на такія темы: „Счастье въ насъ,

[1]) Хорошую статью, въ которой развита эта мысль, мы встрѣтили въ „Педагогич. сборн." 1890 г. „О вліяніи точныхъ наукъ на образованіе слога". [2]) Орловская гимн., VII кл. [3]) Ливенское реал. учил., VI кл. [4]) Ливенское реал. учил., VII кл. [5]) Рижское реал. учил., Импер. Петра I-го, дополнит. классъ. [6]) Рижское реал. учил. Импер. Петра I-го, дополнительный классъ.

а не внѣ насъ", „Совѣсть да будетъ тебѣ судьей", „Значеніе дара слова въ жизни человѣка", „Цѣль жизни человѣка", Почему наши юношескія мечты не исполняются"? [1])

Такого же краткостью и серьезностью темъ отличаются работы учениковъ одесскаго учебнаго округа. Ученики V класса ананьевской гимназіи пишутъ, напримѣръ, разсужденіе „Объ отношеніи къ природѣ первобытнаго человѣка". Въ сочиненіи раскрывается возникновеніе многобожія у первобытныхъ людей, выясняются элементы изначальныхъ религій (добрыя и злыя божества, борьба началъ свѣта и тьмы). Въ VI классѣ отъ учениковъ потребовали объясненія „происхожденія пословицъ", „народныхъ пѣсенъ", краткой исторіи книгопечатанія" (начиная съ іероглифовъ), а въ VIII классѣ—даже „исторіи развитія литературнаго слога и языка" (эпиграфомъ послѣдней работы ученикъ поставилъ изреченіе Бюффона: „Le style c'est l'homme"), выясненія вопроса о „значеніи поэзіи въ ряду другихъ искусствъ". Разумѣется, такія темы потребовали отъ учениковъ большого напряженія мысли, а требованіе быть краткими заставило ихъ включать многосодержательныя мысли въ немногословныя выраженія. Конечно, не всѣ сочиненія философскаго характера написаны учениками логически-стройно и содержательно. Почти каждая тема представляла большой соблазнъ сойти съ дороги и пуститься въ легкія постороннія соображенія. Сочиненіе на тему: „Счастье въ насъ, а не внѣ насъ" вызвало замѣчаніе учителя, что— „тема не понята правильно".

Воспитанники пермскаго реальнаго училища писали, напротивъ, очень большія философскія разсужденія на темы: „Физическое и нравственное значеніе труда", „Что значитъ имѣть живое эстетическое чувство?" „Значеніе идеала въ жизни отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ обществъ" [2]).

Какъ легко сбиться и быть непослѣдовательнымъ въ большомъ сочиненіи философскаго характера,—это ясно изъ сочиненія: „На основаніи произведенія Карамзина „О счастливѣйшемъ времени жизни" вывести опредѣленіе разсужденія и частей его" [3]). Довольно обстоятельная работа воспитанника VIII класса представила не мало логическихъ промаховъ; мѣстами ученикъ давалъ характеристику произведенія Карамзина, забывъ о той точкѣ зрѣнія, съ которой онъ собственно долженъ былъ его разсматривать. Ту же участь имѣло сочиненіе „Здоровье и сила—выше богатства" [4]). Ученикъ слишкомъ

---

[1]) Темы, писанныя дополнительнымъ классомъ.

[2]) Всѣ темы исполнены ученик. пермскаго реал. александ. учил. VII кл.

[3]) Ставропольская гимназія.

[4]) Симбирская гимназія, VI классъ.

широко поставилъ рѣшеніе вопроса и съ трудомъ могъ установить общій принципъ для сравнительнаго разсмотрѣнія основныхъ понятій темы - здоровья, силы и богатства. Тема—„Жизнь есть училище терпѣнія“ [1]) даже не вызвала у учениковъ яснаго представленія о содержаніи.

Темы историко-философскаго характера открываютъ предъ учениками цѣлое море идей, въ которомъ легко утонуть. Напримѣръ, „Значеніе великихъ людей для современнаго потомства“ [2]). Что можетъ воспитанникъ написать на эту тему, когда вопросъ о роли личности въ исторіи до сихъ поръ еще составляетъ предметъ спора среди философовъ и историковъ? Что можетъ сказать учитель ученикамъ на эту тему? Если одинъ скажетъ одно, то другой не безъ доводовъ можетъ стоять на противоположной точкѣ зрѣнія.

Вообще, философскія темы, которыя подъ-часъ могутъ казаться легкими, на самомъ дѣлѣ принадлежать къ разряду очень трудныхъ. Онѣ предполагаютъ обдуманность, зрѣлость мысли и даже нѣкоторое знакомство съ жизнью, если признать справедливымъ выраженіе—„primum—discere, deinde—vivere, denique—philosophare“.

Темы чисто психологическаго характера, судя по выставочнымъ сочиненіямъ, давались ученикамъ очень рѣдко. Между тѣмъ работы этого рода могли бы особенно заинтересовать учениковъ и принести громадную пользу. Конечно, психологіи, какъ науки, воспитанники гимназій и реальныхъ училищъ не изучаютъ; но чтобы написать разсужденіе на тему „Что вліяетъ на характеръ человѣка“ [3]), не нужно спеціальнаго изученія психологіи. Полезную мыслительную работу могутъ вызвать слѣдующія темы психологическаго и этическаго характера: „Излишняя самонадѣянность ведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ“ [4]), „Трудъ — необходимый элементъ человѣческой жизни“ [5]), „Вредныя слѣдствія эгоизма“ [6]), „Воспоминаніе и надежда какъ источники радостей для человѣка“ [7]) и т. п.

Такъ какъ темы на философски-психологическіе мотивы требуютъ особенно точной формулировки, то такую тему, какъ „Страданіе нужно намъ“ [8]), нельзя признать удачною, такъ какъ самый тезисъ можетъ быть оспариваемъ.

Темы этико-педагогическаго характера общи съ психологическими: „Характеристика воззрѣній Крылова на воспитаніе юношества по его

---

[1]) Кіевская 2-я гимназія, VIII классъ.

[2]) Изюмское реальное учил. VII кл. [3]) Ливенское реальное учил., VI кл.

[3]) Изюмское реальное учил., VII кл. [5]) Изюмское реальное учил. VII кл.

[6]) Томское александр. реальн. учил., VI кл. [7]) Кіевская 2-я гимн., VIII классъ.

[8]) Ливенское реальное учил., VII кл.

баснямъ" [1]) „Воспитательное значеніе басенъ Крылова" [2]), „Обязанности человѣка по отношенію къ самому себѣ" [3]), „Значеніе милостыни" [4]), „Православный храмъ и русское духовенство въ воспитательномъ отношеніи" [5]), „Товарищество и дружба въ школьной жизни" [6]).

Нельзя обойти молчаніемъ содержанія этого послѣдняго сочиненія въ виду его характерности. Ученикъ старшаго возраста прямо заявляетъ, что „товарищество основывается вовсе не на взаимной симпатіи учениковъ; можно съ увѣренностью сказать,—пишетъ авторъ, — что всякій ученикъ очень не симпатизируетъ, по крайней мѣрѣ, половинѣ своего класса". Далѣе: „между членами школьнаго товарищества существуетъ принципъ раздѣленія труда... Этотъ трудъ распредѣляется сообразно прилежанію товарищей, такъ что наиболѣе усерднымъ ученикамъ зачастую приходится исполнять работы менѣе прилежныхъ... Въ старшихъ классахъ бываетъ, что ученики... не будучи въ состояніи сами исполнить (задуманную работу), въ большинствѣ случаевъ просто „сдуваютъ" домашнія и даже классныя работы у лучшихъ учениковъ; такой ученикъ хочетъ „проѣхаться на чужой счетъ"... Этимъ худшимъ товарищамъ лучшіе помогаютъ „просто по обязанности, чтобы не подорвать принципа товарищества". Заслуживаютъ вниманія такія слова въ этомъ ученическомъ сочиненіи: „во главѣ товарищества становятся обыкновенно самые лѣнивые и—нечего грѣха таить—самые развратные ученики. Они и руководятъ направленіемъ воспитанниковъ своего класса, при чемъ эти послѣдніе (воспитанники) стараются подтвердить остроумную теорію Дарвина о происхожденіи видовъ, показывая, что въ человѣкѣ очень много замашекъ его предка—обязьяны. Есть еще особый видъ товарищества — кружки. Кружковщина (слово, подчеркнутое учителемъ) ослабляетъ вредное вліяніе товарищества. Кружковщина является явленіемъ очень желательнымъ" и т. п. Характерно заключеніе сочиненія: „разработать вполнѣ данную тему, — говоритъ авторъ,—очень трудно, потому что она очень обширна. Поэтому я ставилъ себѣ задачей передать только *внѣшнюю* (нашъ курсивъ) физіономію товарищества, оставивъ въ сторонѣ его внутренній смыслъ и цѣль". Сочиненіе это было первоначально оцѣнено балломъ „че-

---

[1]) Кіевская 2-я гимназія, VIII класса.

[2]) Пермское реальное училище, VII кл.

[3]) Ливенское реал. учил., VII кл.

[4]) Ловичское реальное учил., VII классъ.

[5]) Владикавказское реальное учил., VII кл.

[6]) Пермское реальное учил., VI класса.

тыре минусъ", но потомъ этотъ баллъ переправленъ на „три". Рецензія учителя: „Не употребляйте рѣзкихъ и вульгарныхъ выраженій и сравненій". Конечно, здѣсь дѣло не въ вульгарности выраженій.

Другой ученикъ московскаго учебнаго округа въ сочененіи на тему: „Кто нашъ другъ?" *) пишетъ такъ: „конечно, между людей можно найти нѣсколькихъ друзей, но такъ какъ такихъ людей въ настоящее время очень мало, то человѣкъ не долженъ искать нравственной поддержки въ людяхъ, каждый человѣкъ долженъ быть царемъ своего собственнаго міра, долженъ искать поддержки въ своихъ собственныхъ дѣлахъ".

Своеобразнымъ характеромъ отличаются нѣкоторыя письменныя работы ученицъ женскихъ гимназій. Для образца укажемъ на работу: „Составъ словъ и дѣленіе ихъ, а также и части дѣленія" **). Все сочиненіе ведется въ формѣ діалога—примѣрнаго педагогическаго урока въ начальной школѣ. Напр., „учитель: скажите, изъ чего состоитъ наша рѣчь?" „Отвѣтъ: наша рѣчь состоитъ изъ звуковъ". Учитель поправляетъ на поляхъ: „изъ словъ, а слова состоятъ изъ слоговъ, а слоги изъ звуковъ". „Какъ раздѣляются звуки?" и т. д. Рецензія: „Смѣшанъ методъ урока репетиціоннаго съ урокомъ дидактическимъ. Во многимъ мѣстахъ вопросы поспѣшны и голословны." Въ такомъ же родѣ написаны сочиненія о „роли именъ прилагательныхъ", „о значеніи падежей" и т. п. Стремленіе къ излишнему анализу, кажется, вводитъ въ подобныя работы много излишней формалистики и педантизма.

Педагогическіе пробные опыты воспитанниковъ учительскихъ семинарій—это нѣчто доходящее до странностей по мелочной пунктуальности. Напр., ученикъ разсказываетъ, какъ онъ поведетъ „развлекательныя" занятія въ классѣ съ цѣлью предупредить утомленіе учениковъ. „Для этого,—пишетъ онъ,—поступаю такъ: всѣ отдѣленія оставить работы, спрятать тетради. Разъ, два! Встать! Разъ, два! Кругомъ! Разъ, два! Направо! Разъ! два! Кругомъ! Разъ, два! Руки къ себѣ въ кулаки! Разъ! Выбросить впередъ! Два! Вверхъ! Разъ, два! Смирно! Слушать тонъ! Будемъ пѣть: „многи лѣта" (задавъ тонъ sol, заставляю всѣхъ пѣть). Смирно! I отд. поставить стулья для письма! II отд. прямо! Разъ, два! Всѣ отдѣленія сѣсть! Разъ, два! Третье отдѣленіе!... ***) и т. д. Эти „развлеченія" нехороши уже тѣмъ, что они написаны... и ученику приходится переводить ихъ съ бумаги на практику.

---

*) Ливенское реальное училище, III классъ.

**) Полтавская женская гимназія, VIII класса.

***) Кутаиская учительская семинарія, III классъ.

Закавказская учительская семинарія (г. Гори, Тифлис. губ.) экспортировала между прочимъ любопытную „тетрадь для выписокъ изъ прочитанныхъ книгъ ученика семинаріи Омарбекова въ періодъ времени съ 15 ноября 1894 года по 15 мая 1895 года Съ внѣшней стороны выписки безукоризненны: чисты, опрятны и исполнены каллиграфически. Содержаніе выписокъ весьма разнообразно. Тутъ есть длинныя цитаты изъ „Міра Божьяго" о Генрихѣ Гейне въ семейной жизни, объ особенностяхъ человѣка... выписки о „каблукахъ" и „подошвахъ" чередуются съ „самодѣятельностью" и „характеромъ" (Смайльса). Рядомъ съ выписками о Тарасѣ Бульбѣ и Петрѣ Великомъ слѣдуютъ статейки о кофе, какъ барометрѣ о населеніи земного шара, долговѣчности птицъ, выборкѣ китайцами книгъ для чтенія и т. п.

Въ Кубанской учительской семинаріи (станица Ладожская) ученикъ писалъ весьма дѣльное самостоятельное разсужденіе на тему: „Значеніе внѣкласснаго чтенія". Въ одномъ мѣстѣ онъ, между прочимъ, пишетъ: „когда школа для ученика станетъ домомъ, а учитель—отцомъ, вотъ когда пусть читаетъ ученикъ... Жаль, что во многихъ школахъ чтеніе божественныхъ книгъ ведется спустя рукава". Учитель: „положеніе это ни на чемъ не основано".

VII.

Темы-переводы *классическаго характера* хорошо упражняютъ мысль въ формально-логическомъ направленіи, служатъ лучшимъ средствомъ умственной дисциплины, но лишь при главномъ условіи—когда ученики понимаютъ переводимое, заинтересованы въ содержаніи иностраннаго текста; тогда они и переводу постараются дать литературную форму. При требованіяхъ же одной грамматической и стилистической точности, какія господствуютъ въ большинствѣ гимназій и справедливо вызываютъ основательныя обвиненія и нареканія какъ въ обществѣ, такъ и въ печати,—темы классическаго направленія являются для учениковъ лишь обязательной работой, ничего не говорящей ни уму ни сердцу воспитанника. Что, напр., можетъ говорить уму и сердцу тема, рекомендуемая Гавриловымъ: „Пища боговъ и земныхъ обитателей по „Иліадѣ и Одиссеѣ". [1]) Вотъ почему эти большіе переводы изъ „Memorabilia" и „Анабазиса" Ксенофонта [2]). „Содержаніе рѣчи Цицерона въ защиту Секста

---

[1]) „Руководство къ веден. и соч. письм. упраж". стр. 122 126. Ж. М. Н Пр. 1876 г. Ноябрь „Наша педагог. литер." стр. 14.

[2]) Варшавс. IV гимн., IV классъ.

Росція", [1]) „Осада и взятіе Сагунта по Ливію" [2]) имѣютъ очень мало воспитательно-образовательнаго значенія.

Особую категорію занимаютъ темы филологическаго характера, но съ содержаніемъ русскихъ литературныхъ образцовъ. Сюда относятся темы въ родѣ такихъ: „Античныя формы въ одѣ Ломоносова— на день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы" [3]), „Сущность ложно-классицизма и его вліяніе на русскую литературу," [4]) Восьмая ода Ломоносова со стороны языка" [5]). Не совсѣмъ ясно, что требуется послѣднею темою. Наклонность къ классицизму доходитъ въ одномъ сочиненіи, написанномъ на тему „Значеніе славянскаго языка для русскаго", до того, что ученикъ силится собственными измышленіями доказать родство русскаго языка съ греческимъ черезъ славянскій. Трудно рѣшить, чѣмъ побуждается ученикъ къ такимъ филологическимъ тонкостямъ въ средне-учебномъ заведеніи. Большое недоумѣніе вызвала у учениковъ тема: „Какъ складывается литературная рѣчь у народовъ? [6]).

Любовь къ классицизму и классическимъ оборотамъ, понятная въ учителѣ, понимающемъ духъ классическихъ произведеній, бываетъ источникомъ замѣчаній, которыя имѣютъ характеръ субъективныхъ впечатлѣній учителя и мало говорятъ ученику. Напр., въ одномъ сочиненіи ученика VI кл. „Содержаніе комедіи Островскаго — „Бѣдность не порокъ"—встрѣтилось такое выраженіе: „Такъ, собравши у себя гостей, веселилась Пелагея Егоровна съ дочерью". Учитель счелъ нужнымъ написать: „Эта фраза напоминаетъ поэмы Гомера" [7]). Эту замѣтку учитель, конечно, написалъ для самого себя.

Наконецъ, есть разрядъ темъ, которыя трудно отнести къ какому-либо изъ указанныхъ разрядовъ, и для которыхъ самымъ подходящимъ было бы названіе публицистическихъ темъ. Таковы, напр., темы: „Вліяніе общества на развитіе человѣка", „Нравственное значеніе трудолюбія" [8]), „Облагораживающее вліяніе изящныхъ искусствъ" [9]), „Значеніе памятниковъ, воздвигнутыхъ великимъ людямъ" [10]), „Патріотизмъ и его значеніе въ народной жизни" [11])

---

[1]) Виленская 2-я гимназія, VII кл.

[2]) Вилен. 2-я гимн., VIII кл.

[3]) Варшавскій учебный округъ. Варш. IV гимн., VI классъ.

[4]) Изюмское реальное училище, VII классъ.

[5]) Томское Александровское реальное училище VI кл.

[6]) Кіевская 2-я гимназія VIII классъ.

[7]) Томское Александровское реальное училище.

[8]) Симбирская гимназія, VI классъ.

[9]) Орловская гимназія, VII классъ.

[10]) Виленская 2-я гимназія, VIII классъ.

[11]) Орловская гимназія, VIII классъ.

„Знаніе — сила“ [1]), „О грозненскихъ нефтяныхъ источникахъ“ [2]), „Значеніе театра“ [3]), „Опасность отечества вызываетъ народныя силы“ [4]), „Польза изученія классическихъ произведеній литературы [5]), „Значеніе ораторскаго искусства въ общественной жизни“ [6]), „Какъ примирить положенія: „трудъ подрываетъ здоровье“ и „трудъ укрѣпляетъ здоровье“ [7]), „Какой интересъ заключается въ чтеніи книгъ?“ [8]) Эти темы, по своей жизненности, могутъ вызвать у учениковъ вполнѣ самостоятельную и независимую отъ учебнаго матеріала работу мысли.

Прекрасныя также темы: „Какое образованіе можно назвать полнымъ и совершеннымъ“ [9]), „Значеніе плана и системы въ нашихъ трудахъ и занятіяхъ“ [10]), „Значеніе великихъ открытій и изобрѣтеній для развитія торговли и промышленности“ [11]), „Работа и руки— надежныя въ людяхъ поруки“ [12]).

Но такія темы, какъ: „Открытая книга есть та же природа“ [13]), „Преимущества бѣдности предъ богатствомъ“ [14]), „Почему людей хвалятъ только послѣ смерти“ [15]), -— въ самой формулировкѣ своей заключаютъ нѣкоторыя неточности, а въ содержаніи — условность. Не должно также предлагать тезисовъ, возбуждающихъ превратное пониманіе жизни, не давать, напр., такой темы: „Какими средствами ты будешь отражать враговъ, которые угрожаютъ тебѣ по выходѣ изъ школы въ жизнь?“ [16]) Школа должна давать вѣрный взглядъ на жизнь и будущую дѣятельность ученика.

Одинъ изъ педагоговъ на выставочномъ сочиненіи ученика написалъ характерную рецензію: „вы... не приняли во вниманіе совре-

---

[1]) Орловская гимназія, VII классъ.

[2]) Владикавказское реальное училище.

[3]) Ливенское реальное училище, VI классъ (говоря о значеніи театра, ученикъ развиваетъ, между прочимъ, мысль о томъ, что театральныя представленія содѣйствуютъ усиленію патріотизма).

[4]) Орловская гиимназія, VI классъ.

[5]) Пермское реальное училище, VII классъ.

[6]) Кіевская 2-я гимназія, VII классъ.

[7]) Ловичское реальное училище, VII классъ.

[8]) Орловская гимназія, VI классъ.

[9]) Орловская гимназія, VIII классъ.

[10]) Пермское реальное училище, VII классъ.

[11]) Орловская гимназія, VII классъ.

[12]) Рижское реальное училище, VI классъ.

[13]) Ливенское реальное училище, VII классъ.

[14]) Ловичское реальное училище, VI классъ.

[15]) Ловичское реальное училище, VI классъ.

[16]) Журн. Мин. Н. Пр., 1876 г., ноябрь. „Наша педагогическая литература“, стр. 16.

менныхъ взглядовъ и литературныхъ вѣяній, почти незамѣтно вливающихъ старую грубость въ новую болѣе интеллектуальную жизнь“ [1]). Итакъ, отъ ученика VI класса требуется знаніе современныхъ взглядовъ и литературныхъ вѣяній...“ Но какъ могутъ быть ему извѣстны эти взгляды и вѣянія, если многіе педагоги систематически отгораживаютъ отъ своихъ учениковъ всѣ живые вопросы современности и держатъ ихъ умы преимущественно на „Поученіи Владиміра Мономаха“, на „Домостроѣ“ да „Духовной“ Татищева?

„Non scholae, sed vitae discimus!“

„Школа и жизнь все еще не помирились!“ [2]) писалъ нѣкогда Пироговъ. Эти слова въ значительной степени справедливы и въ настоящее время.

Богданъ Степанецъ.

---

[1]) Ставропольская гимназія, VI классъ. Сочиненіе на тему: „Сравненіе воспитанія по „Домострою и по „Духовной“ Татищева“.

[2]) Н. И. Пироговъ: „Собраніе литературно-педагогическихъ статей“. 1861 г., Кіевъ, стр. 78.

О возможности нѣкоторыхъ облегченій въ программахъ гимназій по математикѣ.

Въ современныхъ журналахъ и газетахъ встрѣчаются постоянныя жалобы и нападки на чрезмѣрную требовательность, предъявляемую къ ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній со стороны учителей. Вѣроятно, всякому учителю приходится лично выслушивать въ обществѣ подобныя жалобы. Такъ какъ учителя являются только исполнителями, отвѣтственными за успѣхъ порученнаго имъ дѣла, то всѣ жалобы на излишнюю суровость школьныхъ требованій должны быть отнесены на учебныя программы. А жалобы эти высказываются всего болѣе родителями учениковъ и также людьми, имъ сочувствующими. Естественно, что отецъ мало успѣвающаго ученика жалуется на трудность программъ. Не удивительно и сочувствіе къ подобнымъ жалобамъ со стороны тѣхъ, передъ кѣмъ онѣ высказываются. Но если эти жалобы повторяются часто и даже такими родителями, дѣти которыхъ благополучно проходятъ всѣ школьныя мытарства, тогда уже нельзя такихъ жалобъ пропускать съ усмѣшкой мимо ушей, а слѣдуетъ обратить на нихъ вниманіе. На нынѣшнюю систему обученія нападаютъ люди, смотрящіе на дѣло съ широкой и возвышенной точки зрѣнія. Они предъявляютъ къ школѣ очень высокія требованія и задаютъ строгій вопросъ: можетъ ли современная школа развить въ ученикѣ данныя ему Богомъ способности, чтобы каждый по выходѣ изъ школы могъ съ пользой послужить своему отечеству? Отвѣтъ, разумѣется, получается неблагопріятный, такъ какъ въ современной школѣ всѣ ученики старательно подводятся подъ одинъ уровень. Неспособный къ одному предмету очень часто изгоняется, хотя бы онъ былъ выдающихся способностей по остальнымъ. Въ нынѣшнихъ школахъ мало обращается вниманія на возбужденіе интереса къ какому-либо предмету. Обиліе учебнаго матеріала, предлагаемаго ученикамъ, не даетъ возможности каждому отдѣльному ученику сосредоточиться на интересующемъ его предметѣ. Въ виду этого нельзя не привѣтствовать

всякой мѣры и даже всякаго предложенія, клонящагося къ возможному облегченію и уменьшенію учебныхъ программъ. Въ настоящей замѣткѣ предлагаются на судъ благосклонныхъ читателей, знакомыхъ съ дѣломъ, нѣкоторыя измѣненія въ гимназическихъ программахъ по математикѣ, имѣющія цѣлью облегченіе учениковъ.

Въ 1890 году учебныя программы гимназій по математикѣ были измѣнены. Изъ курса алгебры была выпущена статья „нахожденіе общаго наибольшаго дѣлителя многочленовъ". Съ 1891 года на письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости не предлагаются болѣе задачи по ариѳметикѣ, а съ 1893 г.—геометрическія задачи на построеніе. Это измѣненіе надо считать большимъ облегченіемъ. Въ послѣдніе годы задачи по ариѳметикѣ, предлагаемыя на выпускныхъ экзаменахъ, достигли такой сложности, что содержаніе ихъ едва уписывалось на страницѣ большого формата. Каждая задача требовала для своего рѣшенія знанія нѣсколькихъ правилъ; данныя числа имѣли видъ періодическихъ или непрерывныхъ дробей или очень сложныхъ численныхъ выраженій. Конечно, такія задачи были очень искусственны и довольно трудны для рѣшенія. Появились книжки и особыя прибавленія къ курсамъ ариѳметики, въ которыхъ давались образцы рѣшенія и объясненія ариѳметическихъ задачъ, предлагаемыхъ на испытаніяхъ зрѣлости.

Въ этихъ образцахъ указывалось подробно, какъ надо рѣшать задачи на черновомъ листѣ, какъ располагать и объяснять дѣйствія на бѣловомъ. Упражненія въ рѣшеніи такихъ задачъ отнимали не мало времени. А между тѣмъ, какая была отъ этого польза? Можно развивать математическія способности учениковъ другими болѣе интересными упражненіями. Для учениковъ, мало способныхъ къ математикѣ, совершенно достаточно, если они научатся рѣшать задачи, встрѣчающіяся въ практической жизни. А для рѣшенія такихъ задачъ совсѣмъ не требуется знать многихъ спеціальныхъ правилъ, какъ то: тройныхъ, цѣпныхъ и т. п.; не требуется также знать періодическихъ и непрерывныхъ дробей.

О геометрическихъ задачахъ на построеніе и говорить нечего. Для успѣшнаго рѣшенія ихъ требуется большая практика, искусство черченія и такія способности, какими обладаетъ далеко не всякій.

Нѣтъ ли и въ новѣшихъ гимназическихъ программахъ по математикѣ такихъ мелочей, которыя можно отбросить?

Было время, когда извлеченіе квадратныхъ корней изъ чиселъ относили къ ариѳметикѣ. Теперь оно относится къ алгебрѣ. Прежде и непрерывныя дроби изучались въ ариѳметикѣ. Теперь онѣ переведены въ алгебру. Очередь осталась за періодическими дробями.

Отчего не перенести ихъ въ алгебру? Этимъ облегчится прохожденіе курса ариѳметики во II классѣ и устный экзаменъ по ариѳметикѣ въ III классѣ. Періодическія дроби естественно проходить при изученіи свойствъ геометрическихъ прогрессій. Скобочныя упражненія въ ариѳметикѣ слѣдовало бы оставить. Употребленіе скобокъ выясняется при рѣшеніи задачъ, служащихъ для перехода отъ ариѳметики къ алгебрѣ. Любители скобочныхъ упражненій могли бы съ успѣхомъ замѣнить ихъ упражненіями въ составленіи формулъ для рѣшенія задачъ, такъ какъ при этихъ упражненіяхъ ученики могутъ сразу убѣдиться въ пользѣ и необходимости скобокъ. При отдѣльныхъ скобочныхъ упражненіяхъ такое убѣжденіе не можетъ явиться у учениковъ.

Въ курсѣ ариѳметики III класса можно значительно облегчить сложное тройное правило, если ограничиться наиболѣе простыми задачами и рѣшать ихъ только по способу приведенія къ единицѣ. Процентныя вычисленія и правило пропорціональнаго дѣленія слѣдуетъ оставить, такъ какъ они имѣютъ практическое значеніе. При этомъ правило процентовъ и правило учета векселей можно соединить въ одно общее правило процентныхъ вычисленій. Цѣпное правило и правило смѣшенія давно пора бросить. Особенно курьезно правило смѣшенія. Искусственность его видна уже изъ того, что понадобилось раздѣлить его на два отдѣльныя правила: перваго и втораго рода. Между тѣмъ задачи на это правило и весьма многія, подобныя имъ, рѣшаются разнообразными способами. Отъ слабыхъ ученикокъ достаточно требовать умѣнія рѣшать ихъ алгебраически, при помоши уравненій. Этотъ способъ рѣшенія подобныхъ задачъ легче дается ученикамъ, хотя проходится позднѣе.

Въ курсѣ алгебры IV класса есть отдѣлъ, сильно затрудняющій учениковъ: это разложеніе многочленовъ на сомножителей. Ученики IV и V классовъ наиболѣе обременены уроками. Программы этихъ классовъ наиболѣе нуждаются въ облегченіи. Поэтому было бы весьма полезно перенести систематическое прохожденіе указаннаго отдѣла алгебры въ курсъ VII класса. Ученики VIII класса настолько развиты, что безъ особенныхъ усилій поймутъ всѣ способы разложенія многочленовъ на множителей. Въ курсѣ IV класса можно бы оставить для прохожденія вынесеніе общаго множителя за скобки и разложеніе на множителей такихъ двучленовъ и трехчленовъ, которые представляютъ разность квадратовъ двухъ членовъ и квадратъ двучлена. Этихъ упражненій вполнѣ достаточно, чтобы перейти къ дѣйствіямъ надъ алгебраическими дробями. При упражненіяхъ надъ дробями не слѣдуетъ выбирать трудныхъ примѣровъ. При рѣшеніи уравненій никогда не встрѣчаются дроби сложнаго вида.

Въ курсѣ алгебры IV класса можно совершенно выбросить извлеченіе квадратнаго корня изъ многочленовъ. Извлеченіе квадратнаго корня изъ трехчленовъ производится по соображенію и легко повѣряется въ умѣ. А болѣе этого и не требуется знать для прохожденія остального курса алгебры. Если оказалось возможнымъ отбросить болѣе важную главу алгебры: „нахожденіе общаго наибольшаго дѣлителя многочленовъ“, то почему же не отбросить менѣе важную главу: „извлеченіе квадратнаго корня изъ многочленовъ?“

Въ курсѣ геометріи V класса представляется излишней теорема о сторонѣ правильнаго вписаннаго въ кругѣ десятиугольника. Гораздо проще вычислять сторону десятиугольника по общимъ способамъ тригонометріи, чѣмъ обременять память лишней формулой и теоремой. Также можно было бы отбросить задачу о дѣленіи прямой въ крайнемъ и среднемъ отношеніи.

Способъ предѣловъ можно было бы нѣсколько упростить. При извлеченіи квадратныхъ корней по приближенію не дается никакого понятія о предѣлѣ, а ученики научаются вычислять корни съ даннымъ приближеніемъ. Не трудно бываетъ выяснить имъ, что при извлеченіи квадратнаго корня по приближенію ищутся два числа болѣе или менѣе близкія, между которыми заключается искомый корень. Также поступаютъ преподаватели при объясненіи возможности вычисленія логариѳма всякаго числа. Тоже самое разъясняется ученикамъ VII класса при вычисленіи непрерывныхъ дробей съ безконечнымъ числомъ частныхъ. Отчего не поступать такимъ же образомъ въ курсѣ геометріи V класса при объясненіи возможности вычисленія длины окружности по данному радіусу?

Выяснивъ архимедовъ постулатъ объ объемлющей и объемлемой, можно доказать, что разность между периметромъ описаннаго многоугольника и длиной окружности и разность между длиной окружности и периметромъ вписаннаго многоугольника можно сдѣлать какъ угодно малой, если взять число сторонъ многоугольниковъ достаточно большимъ. Послѣ этого можно приступить къ доказательству возможности вычисленія длины окружности съ извѣстнымъ приближеніемъ, когда радіусъ ея извѣстенъ. При этомъ можно будетъ выяснить ученикамъ, что опредѣляется не самая длина окружности, а двѣ болѣе или менѣе близкія длины, между которыми она содержится. Такъ какъ периметры вписанныхъ и описанныхъ многоугольниковъ пропорціональны радіусу, то не трудно выяснить ученикамъ, что и длина окружности также будетъ пропорціональна радіусу.

Понятіе о перемѣнныхъ и постоянныхъ величинахъ и о предѣлахъ можно ввести въ математику при изученіи свойствъ безконечно-

нисходящихъ геометрическихъ прогрессій и періодическихъ дробей. Ученики VI класса по своему развитію болѣе способны усвоить себѣ трудное понятіе о предѣлѣ, чѣмъ ученики V класса. При выводѣ теоремъ объ измѣреніи объемовъ и поверхностей круглыхъ тѣлъ можно будетъ пользоваться выясненнымъ понятіемъ о предѣлѣ.

Изъ курса алгебры VII класса можно было бы совсѣмъ исключить теорію соединеній и биномъ Ньютона. Глава о биномѣ Ньютона тѣсно примыкаетъ къ высшей математикѣ, а съ элементарной математикой не имѣетъ никакой связи. Въ самомъ дѣлѣ, какое практическое значеніе можетъ имѣть возведеніе двучлена въ какую-угодно степень? А между тѣмъ ученикамъ приходится тратить много времени на изученіе свойствъ коэффиціентовъ бинома и на упражненія для усвоенія этихъ свойствъ. Во многихъ задачахъ, предлагавшихся на испытаніяхъ зрѣлости, про одно изъ данныхъ чиселъ говорится, что оно равно извѣстному члену разложенія бинома, при чемъ самый биномъ представляетъ сумму или разность двухъ ирраціональныхъ одночленныхъ выраженій. Не усвоивъ хорошо главы о биномѣ при помощи продолжительныхъ упражненій, легко ошибиться при нахожденіи требуемаго члена разложенія бинома, а изъ за этой ошибки дальнѣйшее рѣшеніе задачи можетъ сдѣлаться почти невозможнымъ.

Въ программѣ VII класса гимназій по тригонометріи сказано, что прохожденіе этого отдѣла математики имѣетъ главною цѣлью научить учениковъ рѣшенію треугольниковъ. Между тѣмъ въ правилахъ объ испытаніяхъ зрѣлости сказано, что задача по геометріи и тригонометріи должна быть такая, чтобы ученикъ при рѣшеніи ея показалъ не только умѣнье рѣшать треугольники, но также умѣнье преобразовывать выраженія и рѣшать уравненія съ тригонометрическими числами. Нельзя не замѣтить, что въ учебныхъ программахъ требуется нѣсколько менѣе, чѣмъ въ правилахъ объ испытаніяхъ зрѣлости. Конечно, ученикъ, умѣющій сознательно рѣшать треугольники, долженъ умѣть рѣшать простѣйшія уравненія съ тригонометрическими числами, такъ какъ то и другое умѣніе основывается на знаніи свойствъ тригонометрическихъ чиселъ. Но рѣшеніе болѣе сложныхъ тригонометрическихъ уравненій требуетъ особаго навыка и продолжительныхъ упражненій. Въ практическихъ задачахъ по тригонометріи не могутъ встрѣтиться уравненія съ тригонометрическими числами.

Между тѣмъ въ задачахъ по геометріи и тригонометріи, предлагавшихся на испытаніяхъ зрѣлости, нерѣдко встрѣчаются тригонометрическія уравненія. Такія задачи искусственны и далеки отъ практической жизни. Не слѣдовало бы ихъ составлять и предлагать

ученикамъ. Преобразованія тригонометрическихъ выраженій и рѣшеніе тригонометрическихъ уравненій могли бы составлять предметъ однихъ устныхъ испытаній. Впрочемъ задачи по алгебрѣ, предлагаемыя на испытаніяхъ зрѣлости, носятъ еще болѣе искусственный характеръ. Составители задачъ, какъ видно, озабочиваются исключительно тѣмъ, чтобы при рѣшеніи ихъ ученикъ могъ обнаружить знаніе по возможности бо̀льшаго числа правилъ, даже очень мелкихъ и неважныхъ. Не лучше ли тогда задавать нѣсколько отдѣльныхъ естественныхъ и близкихъ къ жизни задачъ на отдѣльныя наиболѣе важныя правила? А то мало способный къ математикѣ ученикъ, сдѣлавъ ошибку въ самомъ началѣ сложной задачи и видя, что у него дѣло не идетъ на ладъ, впадаетъ въ уныніе, теряетъ способность сосредоточиваться и послѣ торопливыхъ и неувѣренныхъ попытокъ совсѣмъ бросаетъ задачу.

Сложныя и искусственныя задачи не могутъ заинтересовать ученика. Давно замѣчено, что учениковъ интересуютъ несложныя математическія объясненія физическихъ явленій. Значитъ, задачи, близкія къ практической жизни, интереснѣе ученикамъ, чѣмъ тѣ искусственныя задачи, надъ которыми имъ приходится изощряться. Нельзя отрицать, что интересъ играетъ важную роль въ преподаваніи. Кромѣ того, интересъ ко всякому предмету наталкиваетъ на дальнѣйшія занятія этимъ предметомъ.

Ученики гимназій были бы значительно облегчены, если бы была увѣренность, что имъ не предложатъ на выпускныхъ экзаменахъ очень трудныхъ и сложныхъ задачъ, подобныхъ тѣмъ, какія мы видимъ въ послѣднемъ отдѣлѣ сборника алгебраическихъ задачъ Бычкова.

П. С.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Проф. Н. И. Новосадскій. Педагогическіе идеалы Платона. Варшава 1904 г.

Извѣстный знатокъ греческой литературы проф. Н. И. Новосадскій весьма кстати познакомилъ наше общество, не обладающее достаточнымъ количествомъ научныхъ работъ по исторіи педагогики, со взглядами греческаго философа на воспитаніе и образованіе дѣтей, которымъ Платонъ удѣлялъ много мѣста, какъ въ большинствѣ своихъ діалоговъ, такъ и въ „Политіи". Великій ученикъ Сократа придавалъ весьма большое значеніе воспитанію и образованію дѣтей, находя, что „изъ всѣхъ живыхъ существъ труднѣе всего руководить ребенкомъ". Кромѣ семейнаго воспитанія, Платонъ считалъ необходимымъ подчинить воспитаніе дѣтей надзору государства, которое должно слѣдить за правильнымъ выполненіемъ учителями взятыхъ ими на себя обязанностей. На первомъ мѣстѣ Платонъ ставитъ внушеніе дѣтямъ правильныхъ нравственныхъ понятій, при чемъ не отвлеченныя слова, а поступки и жизнь самихъ родителей должны служить лучшей школой нравственности для дѣтей. При воспитаніи Платонъ совѣтуетъ обращать особенное вниманіе на индивидуальныя наклонности и способности, предостерегая родителей, какъ отъ излишняго баловства, такъ и отъ чрезмѣрной строгости. Свою педагогическую систему Платонъ изложилъ въ связи съ вопросами объ идеальномъ государственномъ устройствѣ. Здѣсь Платонъ слѣдитъ за постепеннымъ развитіемъ ребенка, давая указанія относительно всей его жизни, начиная съ первыхъ дней его рожденія и кончая полной зрѣлостью. Чрезвычайно любопытны замѣчанія относительно методики отдѣльныхъ наукъ. Какъ истый грекъ, Платонъ придавалъ весьма большое значеніе занятіямъ музыкой и гимнастикой; но выше всего онъ ставитъ математику, которая одинаково нужна какъ философу, такъ и полководцу. Устами Сократа онъ говоритъ въ „Политіи", что „обладающіе природными математическими способностями вообще способны ко всѣмъ наукамъ, а тупые, если они и не получатъ никакой другой пользы отъ обученія и упражненія въ математикѣ, все-таки дѣлаются болѣе сообразительными. Необходимо замѣтить, что діалогъ Платона „Менонъ" представ-

ляетъ собою древнѣйшій и при томъ прекрасный образецъ методики преподаванія геометріи. Многія мысли Платона по вопросамъ воспитанія стоятъ въ связи съ историческими особенностями греческой государственной жизни; но Платонъ ни на минуту не упускалъ изъ виду общей философской идеи, что сохраняетъ за его теоріей интересъ до нашихъ дней. Недостатокъ надлежащаго воспитанія является по Платону одной изъ причинъ нищенства, воровства, грабежей и т. п. преступленій; вообще невѣжество является источникомъ многихъ печальныхъ общественныхъ явленій. Въ свою очередь прочность государственнаго строя, незыблемость законовъ и даже побѣда надъ внѣшними врагами можетъ быть достигнута при правильной постановкѣ воспитанія и образованія. Таково вкратцѣ содержаніе интересной работы проф. Новосадскаго. Легко и увлекательно написанная по первоисточникамъ первостепеннымъ знатокомъ своего дѣла, она заняла бы видное мѣсто и въ богатой педагогической литературѣ запада; у насъ же она является незамѣнимымъ пособіемъ для всѣхъ лицъ, серьезно занимающихся вопросами воспитанія.

Б. Варнеке.

Лавриновичъ. Образованіе рабочихъ въ Россіи. Изд. Журн. „Техническое Образованіе".

Такой до очевидности ясный вопросъ, какъ вопросъ о необходимости образованія для рабочихъ, до сихъ поръ не получаетъ у насъ надлежащаго практическаго разрѣшенія. Между тѣмъ потребность на образованіе растетъ со дня на день въ средѣ самихъ рабочихъ: всѣ воскресныя школы, всѣ вечерніе курсы, устраиваемые въ городахъ, переполнены именно рабочими, которые, не жалѣя своихъ единственныхъ свободныхъ часовъ въ праздники и по вечерамъ послѣ изнурительнаго трудового дня, спѣшатъ хоть крохами знанія удовлетворить свои умственные запросы. Далѣе, правильному ходу дѣла, конечно, препятствуетъ много обстоятельствъ и экономическаго и соціальнаго характера, и всѣ они очень сжато, но совершенно опредѣленно и ясно указаны г. Лавриновичемъ въ его небольшой, но очень хорошо написанной брошюрѣ. Онъ прямо говоритъ, что существующая нормировка рабочаго дня служитъ главной „помѣхой во всѣхъ стремленіяхъ рабочихъ къ знанію". Поэтому прежде всего „надо начать съ пересмотра названныхъ законовъ. Только сокращеніе дня, если не до 8, то по крайней мѣрѣ до 9 — 10 ч. можетъ дать системѣ (образованія) устойчивость и жизнеспособность". И всѣ разговоры о томъ, давать ли рабочимъ общее образованіе или только спеціальное профессіональное не имѣютъ почвы подъ собою: каждому человѣку необходимъ такой минимумъ общаго образованія, какимъ у насъ въ Россіи милліоны совершенно не владѣютъ, и никакое техническое образованіе не можетъ идти иначе, какъ рука объ руку съ общимъ. Г. Лавриновичъ прекрасно разъясняетъ, почему всѣ попытки правительства распространить образованіе

среди рабочихъ до настоящаго времени не дали никакихъ результатовъ. „Въ дѣлѣ распространенія образованія среди рабочихъ, говоритъ авторъ брошюры, сильнѣйшимъ тормазомъ служитъ ихъ малограмотность и слишкомъ большая продолжительность рабочаго дня и на фабрикахъ и въ ремесленныхъ мастерскихъ. Всякая попытка частныхъ лицъ или обществъ придти рабочему населенію на помощь доставленіемъ ему духовной пищи подвергается столь сильнымъ стѣсненіямъ со стороны правительства, что въ большинствѣ случаевъ не достигаютъ цѣли". Расходъ же на образованіе рабочихъ естественно долженъ быть возложенъ на тѣхъ, кто наиболѣе воспользуется отъ поднятія умственнаго уровня рабочихъ, т. е. на фабрикатовъ и хозяевъ разныхъ мастерскихъ". Все это съ большой убѣдительностью подтверждаетъ г. Лавриновичъ и въ концѣ говоритъ: „Такъ какъ русская интеллигенція всегда шла впереди во всѣхъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ, то образованіе рабочихъ, какъ дѣло національное, должно быть ей ввѣрено въ лицѣ представителей городского и земскаго самоуправленія, общественныхъ учрежденій и дѣятелей, извѣстныхъ своими просвѣтительными трудами". Конечно, русская интеллигенція и представители самоуправленія заслуживаютъ вполнѣ довѣрія, но, кромѣ ихъ искреннихъ просвѣтительныхъ трудовъ для организаціи такого великаго дѣла, какъ образованіе рабочихъ, нужны обезпеченныя государственныя, а не частныя только или общественныя матеріальныя средства.

Земство много старается о народномъ образованіи; но мы видимъ, что для успѣшнаго его введенія во всѣ уголки нашего обширнаго отечества у земства и у нашего общества, при всемъ его добромъ желаніи, постоянно не хватаетъ денегъ. Удовлетворить потребность народа въ образованіи есть одна изъ самыхъ первыхъ и насущныхъ обязанностей государства. Въ силу этого и на образованіе рабочихъ государство должно нести обязательный и соотвѣтствующій расходъ. Намъ жаль, что, такъ обстоятельно разсмотрѣвъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, г. Лавриновичъ не указалъ и необходимости государственной матеріальной помощи для общаго образованія рабочихъ.

С. Р.

Народная литература. Сборникъ отзывовъ библіотечной коммиссіи Кіевскаго Общества Грамотности о книгахъ для народнаго чтенія. Выпускъ первый. Кіевъ 1903 г. Ц. 75 к.

Кіевское Общество Грамотности представляетъ собою отрадный уголокъ, въ которомъ нашли себѣ пріютъ силы и знанія интеллигентныхъ кіевлянъ. Возродившись на развалинахъ утвержденнаго еще въ 1882 г. Общества для распространенія въ юго-западномъ краѣ русской грамотности и религіозно-нравственнаго просвѣщенія, нынѣ дѣйствующее Общество обнаружило плодотворную кипучую дѣятельность. Она выразилась въ организаціи цѣлой сѣти воскресныхъ школъ и публичныхъ лекцій для народа, въ устройствѣ Народнаго Дома, безплатныхъ читаленъ-библіотекъ въ самомъ Кіевѣ и сельскихъ

библіотекъ, въ открытіи книжнаго склада, въ устройствѣ подвижного музея учебныхъ пособій, однимъ словомъ, она вылилась въ общемъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ обычно выражается просвѣтительная дѣятельность, направленная на широкія народныя массы. Конечно, эта дѣятельность развивается не вполнѣ планомѣрно; нѣкоторые проекты Общества, какъ напримѣръ, проектъ объ изданіи народной газеты, не нашли осуществленія; но въ данномъ случаѣ вина падаетъ уже не на само Общество: строгая регламентація налагаетъ тяжелую руку на ходъ общественныхъ работъ и часто въ корнѣ убиваетъ общественную иниціативу.

Въ настоящее время упомянутое Общество выпустило въ свѣтъ свое новое изданіе подъ заглавіемъ „Народная литература". Это изданіе представляетъ собою собраніе трудовъ отдѣльныхъ секцій, работающихъ при Библіотечной Коммиссіи Общества по рецензированію книгъ для народнаго чтенія. Хотя самъ по себѣ терминъ „народная литература" и звучитъ довольно странно, однако нельзя не согласиться съ авторомъ предисловія, предпосланнаго настоящему изданію, что „у насъ не прошло еще время изданія *особыхъ* книгъ для народа". Необходимость въ послѣднихъ, коренясь на своеобразныхъ условіяхъ русской жизни, въ свою очередь вызываетъ необходимость въ особыхъ руководствахъ, которыя дали бы возможность оріентироваться въ имѣющейся на лицо народной литературѣ. На встрѣчу-то этой давно назрѣвшей потребности и идетъ Кіевское Общество Грамотности, издавъ сборникъ отзывовъ о народной литературѣ.

Всѣхъ отзывовъ, вошедшихъ въ первый выпускъ настоящаго изданія, 642; рецензируемыя книги распредѣлены по пяти отдѣламъ: 1) отдѣлъ беллетристики, 275 рецензій; 2) отдѣлъ исторіи (русская и всеобщая исторія, біографіи замѣчательныхъ людей, исторія литературы и историческая беллетристика), 170 рецензій; 3) отдѣлъ географіи, этнографіи и путешествій, 80 рецензій; 4) отдѣлъ естествознанія (астрономія, физика, химія, зоологія, ботаника, минералогія и геологія), 80 рецензій; 5) отдѣлъ медицины,—37 рецензій. Въ концѣ приложенъ алфавитный указатель авторовъ. Сообразно соотвѣтствію тремъ принципамъ, положеннымъ въ основу коллективнаго труда секцій, рецензируемыя книги распредѣляются еще по тремъ разрядамъ: къ первому относятся тѣ, которыя удовлетворяютъ всѣмъ основнымъ требованіямъ, т. е. отличаются, во 1-хъ, содержательностью, во 2-хъ, вѣрностью изложенія согласно современнымъ воззрѣніямъ науки и, въ 3-хъ, прекрасной формой изложенія (въ беллетристическихъ произведеніяхъ требуется художественная форма, въ научныхъ—ясное литературно-правильное изложеніе); ко второму разряду отнесены тѣ книги, которыя не отвѣчаютъ послѣднему изъ указанныхъ требованій, но которыя могутъ читаться, несмотря на это, съ интересомъ; къ третьему разряду относились „произведенія, а) которыя не отличались содержательностью, и притомъ форма въ нихъ стояла ниже указаннаго minimum'а, или б) въ которыхъ пустота содержанія не искупалась нѣкоторыми

достоинствами изложенія, или в) которыя, имѣя извѣстную цѣнность по содержанію, грѣшили черезчуръ рѣзко выраженными дефектами формы, благодаря чему дѣлали книгу трудно-читаемой". Хотя самъ по себѣ первый принципъ, положенный въ основу рецензированія, принципъ содержательности — понятіе очень растяжимое, однако, этотъ недостатокъ до извѣстной степени искупается въ виду того, что въ каждой рецензіи помѣщено вкратцѣ содержаніе разбираемой книги.

Считая вновь вышедшее изданіе Кіевскаго Общества Грамотности очень полезнымъ, мы рекомендуемъ его не только сельскимъ и городскимъ учителямъ, но и самой широкой публикѣ: въ составъ отзывовъ, вошедшихъ въ настоящее изданіе, включены и отзывы о дѣтскихъ книгахъ, такъ что оно можетъ служить руководствомъ родителямъ при выборѣ для дѣтей книгъ для чтенія. Цѣна книги—75 коп. довольно высока: слѣдовало-бы для народныхъ учителей и учительницъ сдѣлать скидку.

Е. А.

Т. Моръ. Утопія. Перев. съ лат. А. Г. Генкель при участіи Н. А. Макшеевой. Спб. 1903 г. Ц. 90 к., стр. 320.

„По истинѣ золотая книжка" Мора относится къ числу тѣхъ немногихъ сочиненій, на которыя время не оказываетъ никакого вліянія. Напечатана она была около 1516 г., а *полный* ея переводъ на русскій языкъ сдѣланъ только теперь. Вотъ почему о ней можно говорить, какъ о новости для русскаго читателя, знакомаго съ Моромъ лишь по историческимъ трудамъ. И для школы этотъ переводъ имѣетъ цѣнное значеніе, такъ какъ въ средней школѣ ученикамъ приходится слышать о Морѣ. Привлекательна и личность великаго англійскаго гуманиста, умершаго мученической смертью, привлекательна и его „Утопія", сдѣлавшаяся образцомъ всѣхъ политико-экономическихъ романовъ. Достаточно напомнить только имена Т. Кампанеллы („Городъ солнца"), Бэкона („Новая Атлантида"), Берклея, Верасса, множество фантастическихъ романовъ XVII в., утопіи XIX в., извѣстный русскимъ читателямъ романъ Беллами („Черезъ сто лѣтъ") и др., чтобы видѣть, какое огромное вліяніе оказалъ Моръ на всю послѣдующую литературу исканія счастія, мечтаній о лучшемъ будущемъ.

Среди другихъ гуманистовъ Моръ отличался своимъ философскимъ развитіемъ. Онъ былъ извѣстенъ, какъ адвокатъ, какъ классически образованный ученый, прекрасный знатокъ экономической жизни Англіи, такъ какъ онъ вращался среди лондонскихъ купцовъ, наконецъ—какъ выдающійся государственный дѣятель въ одну изъ сложныхъ эпохъ англійской исторіи, когда совершался переломъ во всемъ поземельномъ строѣ Англіи. Личность Мора хорошо очерчена въ приложенной къ русскому переводу его біографіи. Здѣсь же приведено въ переводѣ письмо Эразма Роттердамскаго къ Гуттену о Морѣ,— характерное и очень живое, мягкое по тону, дружеское.

„Судя по твоимъ словамъ", говоритъ знаменитый гуманистъ, „прекрасныя ученыя сочиненія Томаса Мора приводятъ тебя въ такой восторгъ, что ты любишь его до обожанія: но и не ты одинъ, высокочтимый Гуттенъ, а многіе раздѣляютъ твое восхищеніе". Дальше идетъ портретъ Мора въ интимной обстановкѣ, среди семьи, друзей, въ обществѣ.

„Утопія" Мора состоитъ изъ двухъ частей. Свои взгляды, какъ и Платонъ, Моръ излагаетъ въ формѣ діалога съ Рафаэлемъ Гитлодеемъ. Онъ приглашаетъ его къ обѣду, и разговоръ до обѣда представляетъ собою уничтожающую критику англійскаго государственнаго строя. Нужно хорошо быть знакомымъ съ экономической исторіей Англіи въ XVI в., чтобы оцѣнить соціальные взгляды Мора, его жалобы на паденіе сельской жизни, чтобы понять его горячую защиту угнетеннаго класса и нападки на частную собственность. Во второй части рисуется тотъ золотой вѣкъ, который видѣлъ Рафаэль на островѣ „Нигдѣ" (Утопія). Здѣсь всѣ люди равны, здѣсь царитъ полная религіозная свобода, нѣтъ частной собственности, денегъ здѣсь нѣтъ, а земля является національной собственностью. Для всѣхъ утопійцевъ положенъ обязательный трудъ, здѣсь царитъ женская равноправность. Внутреннее управленіе въ „Утопіи" чисто демократическое, выборное, съ участіемъ всѣхъ гражданъ. Однако, для самыхъ грязныхъ работъ Моръ допускаетъ рабство. Наука въ „Утопіи" играетъ очень крупную роль.

Въ приложеніяхъ къ „Утопіи" напечатано письмо Мора къ Эгидію (предисловіе автора), помѣщена полезная справка объ изданіяхъ Утопіи и объ отношеніи къ ней современниковъ, наконецъ, помѣщены примѣчанія къ переводу. Книжка хорошо издана, переводъ сдѣланъ литературно.

П. Конскій.

М. Ѳ. Быстровъ. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. (Изложеніе монографическое). Сборникъ чтеній для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. (Жуковскій, Пушкинъ, Бѣлинскій, Гоголь, Майковъ, Гончаровъ, Гр. А. К. Толстой, Некрасовъ, Тургеневъ, Тютчевъ, Фетъ, Островскій). Изд. А. К. Пурышева. Спб. 1904 г. 216 стр. Цѣна не обозначена.

Книга г. Быстрова имѣетъ нѣсколько заглавій. Изъ нихъ первое можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію, противъ котораго авторъ предостерегаетъ читателей въ своемъ предисловіи. „Прочитавъ заглавіе моей книжки,—говоритъ г. Быстровъ,—можетъ быть, многіе приступятъ къ чтенію ея съ предвзятымъ намѣреніемъ найти въ ней *учебникъ* *) исторіи новѣйшей русской литературы, подобный установившемуся по традиціи типу учебниковъ, и, разочаровавшись въ своемъ ожиданіи, найдутъ это заглавіе не вполнѣ подходящимъ къ книжкѣ. Спѣшу оговориться, что словами „Учебный курсъ" я

*) Курсивъ автора.

главнымъ образомъ имѣлъ въ виду указать на объемъ курса, а не на способъ изложенія его. На нѣкоторыя особенности изложенія указываютъ слова: Изложеніе *монографическое* *) и сборникъ *чтеній* **) для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ". Уяснивши смыслъ перваго заглавія своего труда, авторъ въ томъ же предисловіи высказывается противъ существующаго типа учебниковъ русской литературы. „Мнѣ кажется,— пишетъ г. Быстровъ,—что требовать отъ учебника связнаго изложенія курса исторіи новѣйшей русской литературы, съ подробными разборами и характеристиками литературныхъ типовъ, значило бы уложить этотъ живой предметъ въ слишкомъ узкія рамки, лишить его всей жизненной силы. Учебникъ, какъ кажется мнѣ, отнюдь не долженъ идти далѣе сообщенія біографическихъ данныхъ о писателѣ, общей характеристики его писательской дѣятельности и очерка контуровъ главнѣйшихъ литературныхъ типовъ".

Таковы тѣ требованія, которымъ, по мнѣнію г. Быстрова, долженъ удовлетворять учебникъ исторіи русской литературы. Изъ вышеприведенныхъ словъ видно, что авторъ придерживается точки зрѣнія, которая со второй половины XIX в. была наукой оставлена. Литература уже перестала разсматриваться, какъ явленіе, подчиненное въ своемъ развитіи исключительно своимъ собственнымъ внутреннимъ законамъ. Эта точка зрѣнія замѣнилась иною, состоящею въ томъ, что литература находится въ тѣсной связи съ общественно-политическимъ, умственнымъ, нравственнымъ и т. д. развитіемъ даннаго народа. При первой точкѣ зрѣнія литература есть не что иное, какъ совокупность произведеній, свалившихся, подобно „Голубиной книгѣ", съ неба— то по какой-то счастливой случайности къ намъ русскимъ, то почему-то къ нѣмцамъ, то отчего-то къ англичанамъ. Съ принятой въ наукѣ точки зрѣнія литература оказывается кровно связанной съ тѣмъ національнымъ организмомъ, изъ котораго она возникла. Литературныя произведенія, вышедшія изъ-подъ пера того или другого отдѣльнаго лица-писателя, при научномъ изученіи ихъ, являются болѣе или менѣе яркимъ и полнымъ выраженіемъ чувствъ, стремленій и идей не одного только автора, но и цѣлаго класса людей, къ которому авторъ принадлежитъ: въ литературныхъ произведеніяхъ подаютъ свои голоса, кто смѣлые, кто робкіе, различные классы, на которые распадается вся нація; въ литературныхъ произведеніяхъ, болѣе или менѣе открыто или замаскированно, выражаются исторически создавшіяся отношенія этихъ классовъ. Русская литература первой половины XIX в. была, за весьма немногими исключеніями, выразительницей тѣхъ чувствъ, стремленій и идей, которыя возникли и развивались въ дворянско-помѣщичьемъ классѣ со времени освобожденія дворянъ при императрицѣ Екатеринѣ II отъ обязательной службы государству и до освобожде-

*) Курсивъ автора.

**) Курсивъ автора.

нія крестьянъ. Только помня хорошо общественно-политическое происхожденіе этой литературы, можно, какъ слѣдуетъ, понять и оцѣнить и самую литературу и ту галлерею типовъ (Чацкій, Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ и пр.), которая ею порождена. Такимъ образомъ, съ научной точки зрѣнія литература уже не можетъ быть разсматриваема, какъ какая-то отвлеченная, поднимающая и поднимающаяся надъ жизнью, забава, хотя и возвышенная, но все-таки забава нашихъ эстетическихъ чувствъ: она въ своей совокупности становится выразительницей глубоко жизненной драмы, совершающейся подъ категорическимъ императивомъ законовъ историческаго развитія...

Не разбирая книги г. Быстрова съ принимаемой мною точки зрѣнія, я остановлюсь на высказываемыхъ авторомъ мнѣніяхъ по нѣкоторымъ очень важнымъ вопросамъ. Мнѣнія эти раздѣляются, если не ошибаюсь, большинствомъ нашихъ педагоговъ-словесниковъ, а не однимъ только г. Быстровымъ.

Въ учебной русской литературѣ принято, часто съ давнихъ временъ, давать тому или другому направленію, тому или другому писателю извѣстное освѣщеніе, которое держится очень упорно, несмотря на то, что условія, создавшія такого рода освѣщеніе, давнымъ давно исчезли, и самое освѣщеніе нуждается въ значительныхъ поправкахъ, требуемыхъ болѣе спокойнымъ анализомъ. Въ началѣ XIX в. у насъ шла борьба между неоклассицизмомъ и сначала сантиментализмомъ, а потомъ романтизмомъ. Въ борьбѣ этой принимали участіе всѣ выдающіеся писатели тогдашняго времени, между прочимъ, и Бѣлинскій, одинъ изъ наиболѣе безпощадныхъ враговъ неоклассицизма. Неоклассицизмъ, за которымъ скрывались великія тѣни XVIII в.—Кантемиръ, Ломоносовъ, Фонвизинъ, Державинъ, стоялъ на пути къ дальнѣйшему движенію русской литературы, обновлявшейся новыми силами, выдвигавшимися новыми общественно-народными слоями. Поэтому очень важно было разбить тотъ кумиръ, которому принадлежала еще огромная власть въ царствѣ литературы. Ясно, что единственно возможное отношеніе къ этому кумиру со стороны представителей новыхъ теченій могло быть только безпощадно полемическое, сказавшееся, между прочимъ, и въ изобрѣтеніи только у насъ, въ Россіи, существующаго термина „ложный классицизмъ“ *). Съ тѣхъ поръ прошло много времени. Нѣтъ въ настоящее время ни неоклассицизма, ни сантиментализма, ни романтизма (точнѣе—неоромантизма). Всѣ эти три направленія, освободившись во взаимной борьбѣ отъ узости и односторонности, которыя присущи были каждому изъ нихъ въ отдѣльности, вошли, какъ составные элементы, въ русскую литературу того направленія, которое называютъ „реальнымъ“, „реально-національнымъ“ и пр. Въ виду этого, казалось бы, всякій поводъ относиться къ неоклассицизму полемически давнымъ давно уже упраздненъ справедливымъ судомъ исторіи. Между тѣмъ наши пе-

*) Поучительную исторію этого термина можно найти въ V томѣ „Полнаго собранія сочиненій“ В. Г. Бѣлинскаго (1901 г.) подъ редакціей г. Венгерова стр. 542—544.

дагоги (въ томъ числѣ и г. Быстровъ) продолжаютъ энергично валить тотъ кумиръ, который давнымъ давно не только поваленъ, но и убранъ и даже переплавленъ для образованія совершенно новыхъ предметовъ. Пора къ неоклассицизму отнестись гг. педагогамъ *научно*. Это значитъ, во-первыхъ, пора разстаться съ полемическимъ терминомъ „ложно“ или „псевдоклассицизмъ“, неизвѣстнымъ въ западно-европейской наукѣ, и замѣнить его терминомъ „неоклассицизмъ“ въ параллель къ термину „неоромантизмъ“ (*неоромантизмъ*, замѣтьте, гг. педагоги, а не ложноромантизмъ или псевдоромантизмъ). Французская поэзія, называвшая себя классическою и сдѣлавшаяся образцомъ подражанія для всѣхъ европейскихъ народовъ, считала себя такой по праву: она классическая потому, что выражала думы, чувства и стремленія тѣхъ классовъ населенія, которые имѣли большое значеніе во Франціи въ XVII и въ XVIII вв. *); она классическая и потому, что внитала въ себя или, лучше сказать, возродила къ жизни нѣкоторые элементы древне-классической литературы, гармонировавшіе съ латинской стихіей во французской національности. Во-вторыхъ, въ русскомъ неоклассицизмѣ необходимо отличать *прежде всего* положительные элементы (къ которымъ относится, напр., разнообразіе *формъ* словесныхъ произведеній) и *затѣмъ* уже отрицательныя, а не наоборотъ, какъ это до сихъ поръ дѣлаютъ наши педагоги. Но и отмѣчая отрицательныя стороны неоклассицизма, необходимо дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Такъ называемыя „разсудочность“ и „холодность“ неоклассицизма стали считаться недостатками только тогда, когда этимъ свойствамъ съ особенною силою были противопоставлены „чувствительность“, сантементализма и „пламенность“ неоромантизма. Но мы уже не сантименталисты и не романтики. Мы, имѣющіе передъ собою, напр., „Обломова“ Гончарова съ его безстрастно-спокойнымъ изображеніемъ жизни, какъ мы должны относиться къ „разсудочности“ и „холодности“ неоклассицизма? Отвѣтствуйте, гг. педагоги!

Или возьмемъ такъ называемый поучительный элементъ неоклассицизма, относительно котораго мы съ гордымъ сознаніемъ своего превосходства готовы высказаться словами поэта:

---

*) О русскомъ неоклассицизмѣ г. Быстровъ пишетъ: „Такъ какъ въ эпоху ложнаго классицизма литература была *совершенно оторвана отъ жизни и общественныхъ интересовъ*, то она и была, очевидно, достояніемъ лишь однихъ высшихъ классовъ общества, служа для нихъ не болѣе, какъ забавою „любезною, пріятною, сладостною и полезною, какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ“ (Стр. 5). Итакъ, Митрофанушка, Простакова и пр., изображенныя въ „Фелицѣ“ близкія къ Екатеринѣ II лица „совершенно оторваны отъ жизни и общественныхъ интересовъ“ и были достояніемъ... и т. д. Но вѣдь и литература XIX в.—вся является выраженіемъ различныхъ классовъ населенія, главнымъ образомъ дворянско-помѣщичьяго, т. е. высшаго. Изъ этого не слѣдуетъ однако что она не имѣетъ значенія и была только забавой.

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ.
Душѣ противны вы, какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры:
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!

Это говоритъ Пушкинъ въ тяжелыя для него минуты общественнаго непониманія. Но тотъ же Пушкинъ въ иное время указывалъ поэту, помимо „звуковъ сладкихъ“ и „молитвъ“, иную задачу:

Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.

Тотъ же Пушкинъ, подводя итоги своей дѣятельности, съ удовлетвореніемъ говорилъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ *).

А Лермонтовъ:

Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
. . . .
Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ножонъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Что означаютъ эти чудные стихи? Неужели два величайшихъ нашихъ поэта старались навязать „чистой“, „божественной“ поэзіи поучительныя цѣли,

*) Другой варіантъ этого мѣста въ стихотвореніи „Памятникъ“ еще выразительнѣе:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу
И милосердіе воспѣлъ.

такъ называемую тенденцію? Да, нѣчто въ этомъ родѣ. И я снова спрашиваю, какъ нужно отнестись къ поучительному элементу неоклассицизма?

Въ статьѣ о Жуковскомъ г. Быстровъ повторяетъ обычную ошибку, состоящую въ томъ, что основная заслуга Жуковскаго заключается въ насажденіи у насъ романтизма. *Жуковскій — не романтикъ, а сентименталистъ*. Слѣдовательно, и заслугъ его надо искать въ чемъ-либо другомъ. Если г. Быстровъ обратится къ IV-му тому „Исторіи русской литературы" А. Н. Пыпина (2-ое изд. 1903 г.), то онъ найдетъ тамъ, между прочимъ, слѣдующія строки, принадлежащія академику А. Н. Веселовскому: „Отзвуки державинской помпы, едва-ли ему *) свойственной, слышатся въ его раннихъ опытахъ и позже въ патріотическихъ одахъ; затѣмъ имъ надолго, я сказалъ бы навсегда, овладѣлъ карамзинскій сантиментализмъ". „...Сентиментализмъ далъ ему готовыя поэтическія формулы, программу жизни; въ карамзинской школѣ все это было или становилось игрой, стихотворнымъ отводомъ напускной чувствительности; Жуковскій пережилъ многое на дѣлѣ, глубоко и правдиво. Онъ—единственный настоящій поэтъ этого направленія; отголоски западнаго романтизма, залетавшіе къ намъ тогда къ великому недоумѣнію нашей критики, затронули его позднѣе не новыми задачами, а развѣ мотивами, которые растворялись въ готовомъ уже міросозерцаніи; таково и его отношеніе къ байронизму. *Онъ не романтикъ*, какимъ называли его у насъ и еще называютъ, *а карамзинецъ*, мимо котораго проходили событія и настроенія, зарождалась новая поэтическая школа, а онъ былъ тѣмъ же, какимъ сложился въ 1805—20-хъ годахъ, гуманно и любовно относясь ко всему, что было ему встрѣчно, что укладывалось въ его пониманіе жизни" (стр. 242—243). Такъ говоритъ спеціалистъ по всеобщей и русской литературѣ, и такъ слѣдовало бы излагать дѣло и въ учебныхъ курсахъ литературы.

Характеризуя Жуковскаго съ старой точки зрѣнія, г. Быстровъ не останавливается совсѣмъ на общественно-политическихъ воззрѣніяхъ этого писателя, насколько они выразились въ замѣчательныхъ наставленіяхъ его воспитаннику, впослѣдствіи императору Александру II, а также въ его „Мысляхъ и замѣчаніяхъ". Хотя въ учебный курсъ о Жуковскомъ этотъ отдѣлъ не входитъ, однако для полноты представленія о писателѣ г. Быстрову слѣдовало бы коснуться и указываемой мною стороны. Вѣдь нашелъ же возможнымъ г. Быстровъ помѣстить въ своей книгѣ двѣ статьи о Бѣлинскомъ, чего совсѣмъ не требуется учебными программами, (стр. 41 — 123), и за это автора можно только поблагодарить. Бѣлинскій (а раньше его Полевой и Надеждинъ) знаменуетъ собой огромный поворотъ въ исторіи русской литературы, именно перемѣщеніе центра умственныхъ и нравственныхъ интересовъ изъ дворянско-помѣщичьяго сословія въ другіе классы населенія, полу-

*) Жуковскому.

чившіе у насъ въ своей совокупности названіе „разночинцевъ". Помимо этого, для учениковъ ознакомленіе съ Бѣлинскимъ важно и потому, что у Бѣлинскаго можно найти образцы художественной прозы (такъ называемаго въ теоріи словесности „разсужденія").

Въ статьѣ о Гоголѣ авторъ касается вопроса о томъ, почему Гоголь назвалъ „Мертвыя души" поэмой. Г. Быстровъ склоняется къ мнѣнію московскаго проф. Веселовскаго, который видитъ въ „Мертвыхъ душахъ" подражаніе „Божественной комедіи" Данте. Я полагаю, что и это объясненіе, подобно многимъ другимъ, лишено всякихъ основаній. Названіе „поэмы" Гоголь далъ „Мертвымъ душамъ" не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ это слово, а въ нѣсколько иномъ. Если г. Быстровъ обратится къ полному собранію сочиненій Гоголя изд. Маркса (1901 г.), то въ XII-мъ томѣ онъ найдетъ сочиненіе Гоголя подъ заглавіемъ „Учебная книга словесности" (стр. 5—26). Здѣсь на стр. 15—16 даются опредѣленія „эпопеи" и „меньшихъ родовъ эпопеи" (къ которымъ относится поэма). Вотъ что говоритъ Гоголь: „Въ новые вѣки произошелъ родъ повѣствовательныхъ сочиненій, составляющихъ какъ бы средину между романомъ и эпопеей, героемъ котораго бываетъ хотя частное и невидное лицо, но однако-же значительное во многихъ отношеніяхъ для наблюдателя души человѣческой. Авторъ ведетъ его жизнь сквозь цѣпь приключеній и перемѣнъ, дабы представить съ тѣмъ вмѣстѣ вживѣ вѣрную картину всего значительнаго въ чертахъ и нравахъ взятаго имъ времени, туземную почти статистически схваченную картину недостатковъ, злоупотребленій, пороковъ и всего, что замѣтилъ онъ во взятой эпохѣ и времени, достойнаго привлечь взглядъ всякаго наблюдательнаго современника, ищущаго въ быломъ, прошедшемъ живыхъ уроковъ для настоящаго". Такого рода поэмы, говоритъ Гоголь, могутъ быть написаны и въ стихахъ и въ прозѣ. „Мертвыя души", очевидно, совершенно подходятъ подъ опредѣленіе, данное Гоголемъ „меньшимъ родамъ эпопеи", а вмѣстѣ съ тѣмъ падаютъ и тѣ объясненія, на которыя потратили много силъ и остроумія наши критики.

Стихотвореніе Майкова, помѣщенное на стр. 143 („Выглянь, милая сосѣдка...") едва-ли поучительно и удобно для учащейся молодежи.

Не останавливаясь на другихъ недостаткахъ книги, я перейду къ ея достоинствамъ. Авторъ излагаетъ предметъ очень живо и легко. Нѣкоторыя изъ его статей, напр., статья о Майковѣ, очень хороши, какъ характеристики творчества разсматриваемыхъ авторовъ. Во всѣхъ статьяхъ сборника и учащіеся и педагоги найдутъ достаточно, а иногда и очень много, матеріала для живыхъ бесѣдъ по вопросамъ литературы и для сочиненій.

В. Келтуяла.

Петръ Васильевъ. Синтаксисъ русскаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. 2-е изд., вновь обработанное. М. 1903.

„Цѣль предполагаемаго руководства“, сказано въ предисловіи, „съ одной стороны — изложить учебный матеріалъ синтаксиса русскаго языка въ возможно простой, краткой и доступной для учащихся формѣ, а съ другой — указать и на такія особенности построенія нашей рѣчи, ознакомленіе съ которыми, если и излишне для учащихся чисто русскаго происхожденія, то, на основаніи опыта, безусловно необходимо для учениковъ-инородцевъ“. И далѣе: „Ученіе о падежахъ, обыкновенно опускаемое въ учебникахъ синтаксиса русскаго языка, какъ несущественно важное для дѣтей, родной языкъ которыхъ русскій, имѣетъ, по моему мнѣнію, важное практическое значеніе для учащихся, родной языкъ которыхъ не русскій“. Такое соображеніе выдвигалось и нами не однажды. Примѣры и задачи авторъ подбираетъ, пользуясь подлинно литературными источниками. Словомъ, задачи у г. Петра Васильева—весьма правильныя. Несравненно хуже приведены онѣ въ исполненіе. Обѣщана „краткая форма“, а между тѣмъ, кромѣ, кажется, всевозможнѣйшихъ придаточныхъ предложеній, толкуются, напр., и „сочетанія“, и цѣлыхъ одиннадцать видовъ періода, и тончайшіе случаи употребленія знаковъ препинанія и пр. и пр. Это одно. Другое — весьма и весьма относительная и условная „простота и доступность“ изложенія.

Не избавленъ учебникъ и отъ разныхъ несообразностей и схоластическихъ лукавствъ ходячихъ грамматикъ. Въ личномъ предложеніи подлежащее—на лицо или легко подразумѣвается; въ безличномъ и нельзя подразумѣвать опредѣленнаго подлежащаго. И вскорѣ находимъ „безличное предложеніе“—„вѣкъ живи, вѣкъ учись“. И ученикъ долженъ изощряться въ выдѣленіи опредѣленнаго и неопредѣленнаго, легко и не легко подразумѣваемаго — подлежащаго. Послѣ глагола требовать ставится родительный падежъ, „если онъ означаетъ стремленіе къ предмету неопредѣленному, и—винительный падежъ, если означается предметъ опредѣленный: „кто требовалъ признанія твоего? я сталъ требовать казенную квартиру“. Казенная квартира, конечно, вещественнѣе признанья. Но будто противорѣчитъ духу языка оборотъ — „требовать казенной квартиры?“ Уступительное предложеніе никакъ не опредѣляется въ книжкѣ. И, быть можетъ, это лучше для него нежели подвергнуться такой характеристикѣ: „условныя предложенія выражаютъ условіе, при которомъ дѣйствіе главнаго предложенія можетъ совершиться или не совершиться“. „Раздѣлительнымъ называется сочетаніе предложеній, находящихся по мыслямъ въ такомъ между собою отношеніи, что въ извѣстное время только одна изъ нихъ можетъ осуществиться. „Реветъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ, трубитъ-ли рогъ... поетъ-ли дѣва за холмомъ, на всякій звукъ и т. д.“ И ученикъ недоумѣваетъ: развѣ и звѣрь, и рогъ, и дѣва никогда не дѣйствуютъ одновременно? Да, заключимъ мы, „ученіе о падежахъ“ имѣется въ

очень многихъ грамматикахъ, его и повторилъ г. Петръ Васильевъ у себя. И для оглашенія недоработаннаго—не было основаній.

А. П. Налимовъ.

С. Бобинъ. Краткій курсъ географіи. Ч. І. Кіевъ. 1903 г.

Курсъ географіи С. Бобина предназначается для первыхъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Авторъ его, преподаватель географіи въ Кіевскомъ коммерческомъ училищѣ, высказалъ свой взглядъ на преподаваніе этого предмета во время XI-го съѣзда естествоиспытателей. Секція географіи этого съѣзда въ 1901 г. вмѣстѣ съ преподавателями географіи при Педагогическомъ музеѣ посвятила цѣлое засѣданіе вопросу о болѣе правильной постановкѣ преподаванія географіи. Въ основу всѣхъ преній былъ положенъ докладъ г. Иванова: „Физическое землевѣдѣніе, какъ необходимый вступительный и заключительный отдѣлъ преподаванія полнаго курса въ средней школѣ" *). Очень интересныя пренія сводились къ подтвержденію необходимости соединенія преподаванія географіи съ естествовѣдѣніемъ въ младшихъ классахъ.

На физическомъ землевѣдѣніи — т. е. на физическомъ изученіи жизненныхъ и географическихъ явленій на земномъ шарѣ должны быть основаны всѣ другіе отдѣлы географіи. Этотъ предметъ наиболѣе способенъ возбудить любознательность учениковъ, его наблюдательность и способность замѣчать вліяніе законовъ природы на окружающую ихъ жизнь. На почвѣ физическаго изученія земного шара основывается и дальнѣйшее — антропогеорафическое изученіе всѣхъ странъ.

Такимъ образомъ, политическая географія даетъ какъ бы картину той культурной работы, которую совершаетъ тотъ или иной народъ надъ физическими условіями своей земной территоріи, и какъ онъ ею пользуется для своихъ человѣческихъ интересовъ. Въ заключеніе же многіе предлагали послѣ частнаго физическаго и антропогеорафическаго (или политическаго) изученія всѣхъ частей земного шара общій курсъ землевѣдѣнія, въ которомъ бы давалась общая картина всѣхъ географическихъ явленій и выводились бы изъ нихъ географическіе законы, правящіе на всемъ земномъ шарѣ.

Это—прекрасный идеальный планъ преподаванія географіи, расширяющій и предѣлы самого предмета преподаванія и дающій ему широкое образовательное значеніе. Современное преподаваніе географіи и въ начальной и въ средней нашей школѣ еще слишкомъ далеко отъ такой ясной и интересной программы. Участіе г. Бобина въ преніяхъ секціи выразилось въ томъ, что, соглашаясь съ основными положеніями Иванова, онъ сказалъ, что въ курсъ физическаго землевѣдѣнія долженъ быть введенъ отдѣлъ динамики земли и что преподаваніе должно быть антропоцетнтрическимъ, имѣя въ виду выяснить жизнь людей среди самыхъ характерныхъ сочетаній географическихъ факторовъ.

---

*) См. Дневникъ XI съѣзда естествоиспытателей стр. 565—575. 1903 г.

Онъ указалъ на необходимость „совмѣстнаго прохожденія политической географіи и историческихъ разъясненій“. Всѣ эти замѣчанія, доказывая его солидарность съ основными положеніями, выработанными по вопросу преподаванія географіи на секціи XI съѣзда, — даютъ намъ право съ этой точки зрѣнія и разсматривать выпущенный имъ курсъ географіи.

Въ своемъ предисловіи г. Бобинъ говоритъ, что онъ имѣетъ въ виду учениковъ, уже знакомыхъ съ элементарными географическими понятіями, а потому онъ сразу начинаетъ съ формы земли и космографическихъ свѣдѣній, но не считаетъ предлагаемый имъ порядокъ передачи свѣдѣній ни для кого обязательнымъ, предоставляя рѣшать вопросъ, „съ чего начинать учителю, смотря потому, съ кѣмъ и въ какихъ условіяхъ ему приходится заниматься. Это, конечно, совершенно правильный взглядъ на дѣло; но къ сожалѣнію, учителя, которые сами знаютъ, съ чего начать и что въ томъ или иномъ порядкѣ дать, и не будутъ нуждаться въ курсахъ географіи. А отъ такого преподавателя, какъ г. Бобинъ, именно и можно было бы ожидать систематизаціи географическихъ свѣдѣній. Жаль также, что введенная имъ вновь глава изъ исторіи земли похожа на конспектъ и полна также неясностей, что врядъ ли дастъ что нибудь безъ подробной ея разработки въ классѣ. Такъ, напр., г. Бобинъ говоритъ: „Въ то время, какъ одни части ихъ“ (материковъ) „существуютъ очень давно, другія присоединились къ нимъ“ (откуда, какъ неизвѣстно) „сравнительно позже, третьи поднимаются надъ уровнемъ моря въ настоящее время“ *). Чтобъ мысль этой фразы стала ясна ученику, нужно не меньше 2-хъ уроковъ, во время которыхъ должна быть выяснена работа подземныхъ и надземныхъ силъ, измѣняющихъ и рельефъ и очертанія суши. Дальнѣйшее изложеніе гораздо доступнѣе и яснѣе. Прекрасны впервые вводимые въ текстъ учебника карты съ рельефомъ земной поверхности и очень хороша его система нѣмыхъ картъ. Карта должна быть такъ хорошо усвоена ученикомъ при правильномъ преподаваніи географіи, чтобъ никогда ни одно названіе, ни одно географическое имя не вставало въ его памяти безъ опредѣленнаго воспоминанія о томъ, гдѣ они находятся на картѣ.

Общее знакомство съ учебникомъ г. Бобина обнаруживаетъ его неотъемлемыя преимущества передъ другими: это его научность, многосторонность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній какъ о жизни на земномъ шарѣ, такъ и взаимодѣйствіи отдѣльныхъ факторовъ. Очень интересны главы „Работа растеній и животныхъ“, о „Распредѣленіи вѣтровъ“. „Распредѣленіе растеній и животныхъ на земномъ шарѣ. Краткое распредѣленіе людей и карты отдѣльныхъ частей свѣта заканчиваютъ первую часть курса географіи г. Бобина. Прекрасные отчетливые и многочисленные рисунки придаютъ книгѣ большую цѣнность, особенно карты.

Предлагаемый г. Бобинымъ матеріалъ ясно показываетъ его методъ пре-

---

*) См. стр. 14.

подаванія начальной географіи: какъ можно болѣе широкое знакомство съ жизнью земной поверхности, необходимыя свѣдѣнія по космографіи и динамикѣ земли. Остается пожалѣть, что весь учебникъ носитъ слишкомъ конспективный характеръ и не дастъ отвѣта на одинъ изъ самыхъ главныхъ вопросовъ современнаго еще вырабатывающагося плана преподаванія элементарной географіи. Намъ нравится также и то, что г. Бобинъ начинаетъ курсъ географіи прямо съ его настоящаго объекта—съ земного шара и карты, не прибѣгая къ планамъ и изученію класса, двора и т. п. пріемамъ, которые пора признать совершенно ничего общаго съ преподаваніемъ географіи не имѣющими. Насколько полезны для уясненія географическихъ понятій всевозможныя экскурсіи, картины, коллекціи и т. п. наглядныя пособія, настолько всѣ излюбленныя прежде предварительныя занятія по такъ называемому родиновѣдѣнію (изученіе своего класса, улицы и т. д.) ничего съ географіей общаго не имѣютъ. Вступленіемъ для географіи должно быть естcтевознаніе — возможно болѣе рано начинаемое и наглядно интересно веденное знакомство съ животными, растеніями, камнями, водой и воздухомъ.

Тогда и земной шаръ окажется паселенъ знакомыми существами и совмѣстная работа воды, солнца и воздуха станетъ гораздо понятнѣе.

Курсъ географіи г. Бобина можно привѣтствовать, какъ одно изъ новѣйшихъ руководствъ, соотвѣтствующихъ новымъ требованіямъ методики географіи. Но онъ можетъ быть хорошо использованъ только преподавателемъ, обладающимъ достаточной подготовкой.

С. Русова.

С. Р. Карлъ Великій. Изданіе Комитета Харьковскаго Общества распро страненія въ народѣ грамотности. Изданіе второе.

Книжка содержитъ описаніе жизни древнихъ германцевъ и ихъ обычаевъ: устройство ихъ жилищъ, нападенія ихъ на Римскую Имперію и переселеніе ихъ туда; описаніе франковъ и жизнеописаніе Карла Великаго, его коронованіе, правленіе и вліяніе на народъ. Не смотря на крайне, по временамъ даже чрезмѣрно, сжатую форму книжки, она все же даетъ довольно полное представленіе о тѣхъ временахъ.

А. Свирскій. Рыжикъ, или приключенія маленькаго бродяги. Изд. библіотеки „Всходовъ“. Ц. 80 к.

Хоть и говорятъ, что въ нашей дѣтской литературѣ много неудачныхъ произведеній, но такихъ, какъ „Рыжикъ“, все же, къ счастью, мало.

Въ этомъ разсказѣ на 350 страницахъ убористаго шрифта повѣствуется объ обманахъ нищихъ и ихъ разгульномъ пьянствѣ, о пьяныхъ и ихъ „ругани“ вообще, о ворахъ и ихъ воровскомъ жаргонѣ въ особенности. Напримѣръ, какъ полезно прочитать дѣтямъ слѣдующія сцены:

1) „Въ это время на другомъ концѣ трактира вспыхнулъ скандалъ. Какой то босякъ, здоровый и рослый, съ пьяной, избитой физіономіей, съ силой

ударилъ сидѣвшую съ нимъ женщину. Та вскрикнула и упала со стула на полъ. Къ буяну подскочили половые и потащили къ выходу. Буянъ оказался человѣкомъ очень сильнымъ, и сладить съ нимъ было не легко. Изрыгая невозможныя ругательства, онъ ногами опрокидывалъ столы, билъ посуду и нѣсколько разъ богатырскими взмахами отшвыривалъ державшихъ его половыхъ. Вся эта дикая, безобразная сцена и всѣ ея дѣйствующія лица, точно въ туманѣ, вырисовывались сквозь ѣдкій табачный дымъ и горячій паръ". (Часть II, стр. 75).

2) Одинъ изъ старшихъ воровъ говоритъ вновь обученнымъ воришкамъ: „смотрите, ребята, это ваши первыя кражи, — не опаскудьтесь". (Часть II, стр. 117).

3) Въ ночлежкѣ нищихъ одинъ пьяный нищій, желая пошутить надъ купленнымъ имъ мальчикомъ Спирькой, „приложилъ къ его босой ногѣ горящій конецъ папиросы. Торжествующій хохотъ нищаго, смѣхъ окружающихъ и нестерпимая боль отъ ожога подняли цѣлую бурю въ сердцѣ обиженнаго мальчика. Злоба быстро выростала въ груди и рвалась наружу. Наконецъ, Спирька не выдержалъ и разразился такими ругательствами, что даже Рыжикъ, проведшій всю свою жизнь на улицѣ никогда не слыхивалъ. Звонкимъ, взволнованнымъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы обиды, выкрикивалъ онъ свои ругательства. На мгновеніе даже его „принципалъ" растерялся отъ этой неслыханной ругани, но затѣмъ подмялъ его подъ себя и сталъ наносить мальчику ударъ за ударомъ" и т. д. (стр. 47).

Личности же свѣтлыя, какъ, напримѣръ, жена бѣднаго столяра Аксинья, которая, не смотря на свою бѣдность, беретъ къ себѣ на воспитаніе двухъ сиротъ, остается въ тѣни.

И мораль книжки не менѣе удивительна, чѣмъ выше приведенныя мѣста: Рыжикъ, герой разсказа, вернувшійся послѣ многихъ злоключеній у воровъ и нищихъ, домой, черезъ годъ, не смотря на ласку окружающихъ, особенно, пріютившей его съ дѣтства Аксиньи, вновь убѣгаетъ изъ дому бродяжничать, на этотъ разъ съ цѣлью никогда домой не возвращаться.

Одно удивительно, какъ такое почтенное издательство, какъ журналъ „Весніе Всходы", обыкновенно съ такимъ выборомъ и съ такой тщательностью относящійся къ выпуску дѣтскихъ книгъ и статьямъ своего журнала, могло выпустить такую книгу и даже включить ее въ число премій.

Н. М.

Станюковичъ. Разсказы стараго боцмана. Москва. Изд. Клюкина. 63 стр. Цѣна 35 к.

Въ книгѣ—три разсказа.

Въ первомъ описывается типъ стараго матроса, встрѣченнаго авторомъ въ маленькомъ городишкѣ Черниговской губерніи. Нилычъ — угрюмый, грубоватый съ виду сердитый старикъ, но въ сущности добрѣйшая душа, жалост-

ливо и сердечно относящійся и къ бѣдному голодному мальчику еврею, котораго онъ прикармливаетъ и учитъ въ сараѣ сапожному ремеслу, — и къ своей кудластой невзрачной собачонкѣ, и ко всякому беззащитному живому существу. Не можетъ Нилычъ подолгу оставаться на мѣстѣ; онъ любитъ странствовать и временно проживаетъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи; онъ хорошій разсказчикъ, очень мѣтко и умѣло описываетъ свою былую жизнь на морѣ и высоко цѣнитъ морскую службу.

Разсказываетъ Нилычъ, какъ онъ во время плаванія неожиданно попалъ въ няньки къ маленькому сыну командира (настоящая прислуга изъ крѣпостныхъ сбѣжала во время стоянки въ иностранномъ городѣ), какъ спасалъ упавшаго въ море ребенка, какъ много пришлось ему вытерпѣть отъ барыни, а черезъ нее подвергнуться наказанію отъ командира.

„На Проворномъ"—разсказъ о крушеніи брига, налетѣвшаго въ бурю на скалу и погибшаго отъ неумѣлыхъ распоряженій упрямаго, самонадѣяннаго, но растерявшагося въ опасную минуту капитана.

Разсказы эти дѣтей средняго возраста едва ли заинтересуютъ: слишкомъ они спеціальны, пересыпаны множествомъ техническихъ морскихъ названій и безъ словаря съ трудомъ понимаются. Да и содержаніе ихъ не столько въ яркой картинѣ, въ описаніи событій, сколько въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ. Прекрасно выведены типы командировъ отжившаго стараго времени: и слабый, неустойчивый „безъ правильнаго разсудка" капитанъ подъ командою у своей злой супруги; и жестокій, холодный, но вѣжливый щеголеватый командиръ, прозванный матросами Павкою за надменность и пустоту; и любимый, уважаемый всѣми старшій офицеръ, „молодецъ" по службѣ, который бьетъ съ большимъ разсудкомъ, „затѣйно" ругается и страшенъ съ виду, но жалѣетъ и понимаетъ матроса. Ругается и боцманъ Арсентьичъ, который съ кулакомъ требуетъ скораго понятія отъ первогодка флотскаго, но самъ за матроса горой: готовъ за него отбывать наказаніе, самъ и въ воду лѣзетъ первый, когда приходится спасать команду.

Общій тонъ и языкъ разсказовъ—добродушный юморъ, мѣткія грубоватыя выраженія не вполнѣ доступны дѣтскому пониманію.

Клавдія Лукашевичъ. Очерки изъ обороны Севастополя.

1) Гроза надвигается.

2) Первая бомбардировка Севастополя.

3) Червиртый бастіонъ.

4) Инкерманское сраженіе.

5) Свѣтлый праздникъ въ Севастополѣ.

6) Севастопольскіе герои.

Изд. Сытина 1903 г. Цѣна каждой книги 3 к.

Эти очерки — глубоко трогательная эпопея славной Севастопольской обороны.

Передъ читателемъ встаютъ, какъ живые, герои Севастополя—Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ и многіе, многіе другіе, всѣмъ извѣстные, всѣми чтимые, и на ряду съ ними еще сотни незамѣтныхъ, безыменныхъ героевъ, которые отдавались всецѣло на служеніе отчизнѣ. Страшныя, потрясающія картины войны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко трогательныя и поднимающія духъ картины всеобщаго беззавѣтнаго служенія родинѣ.

Книжки прочтутся и дѣтьми, и взрослыми съ большимъ интересомъ.

Ил. Смирновъ. Урокъ. Разсказъ для дѣтей. Съ рисунками. Москва. 1903 г. Цѣна 20 к.

Для дѣтей этотъ разсказъ совершенно не годится. Содержаніе его слѣдующее. Бѣдный студентъ берется за урокъ, отъ котораго отказываются всѣ приглашенные учителя. Дѣло въ томъ, что заниматься нужно съ подросткомъ, избалованнымъ и испорченнымъ до того, что его не интересуетъ ничего, кромѣ модныхъ французскихъ романовъ да выѣздовъ на балъ. Отецъ и „замѣтно подкрашенная мамаша“ (какъ это умѣстно въ дѣтской книгѣ!) поощряютъ его франтовскія замашки, и студентъ, несмотря на все желаніе заинтересовать ученика и крайнюю нужду въ заработкѣ, принужденъ отказаться отъ урока. Что интереснаго въ этомъ для дѣтей? Что они почерпнутъ изъ этой книги?

Ил. Смирновъ. Въ татарской слободѣ. Разсказы для дѣтей. Москва. 1903. Изд. Клюкина. Цѣна 25 к.

Описаніе татарской слободы, типовъ татаръ, разговоровъ съ ними гимназиста, пріѣхавшаго на лѣто въ татарскую деревню,— вотъ содержаніе этихъ разсказовъ. Блѣдно, не типично и мало интересно.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники народнаго образованія на западѣ.

Учительскія семинаріи въ Италіи. — Лѣтніе курсы для учителей въ Германіи и Швейцаріи.

Въ ноябрьской книжкѣ Revue pedagogique помѣщена статья г. Toutey по поводу доклада директора итальянскихъ нормальныхъ школъ г. Кастелла. Этотъ докладъ не только рисуетъ подробную картину современнаго состоянія подготовки учителей въ Италіи, но и даетъ историческій обзоръ мѣропріятій правительства въ этомъ дѣлѣ.

До 1845 г. въ Италіи не существовало правильно организованныхъ учрежденій для подготовки учителей, хотя отдѣльныя попытки въ этомъ отношеніи дѣлались еще въ концѣ 18-го столѣтія. Въ 1845 году были основаны учительскія школы двухъ родовъ. Высшая педагогическая школа была открыта при Туринскомъ университетѣ и имѣла цѣлью подготовку учителей для учительскихъ семинарій. Курсъ этой школы былъ однолѣтній и ограничивался слѣдующими предметами: общей грамматикой съ точки зрѣнія воспитательнаго значенія ея; теоріей педагогики и практическими занятіями въ элементарной школѣ. Къ слушанію этихъ курсовъ допускались студенты университета и учителя, имѣвшіе званіе профессора философіи. Кромѣ этой высшей педагогической школы были основаны провинціальныя педагогическія школы, Обученіе въ нихъ продолжалось отъ 1-го августа до 20-го октября. Въ школахъ этихъ читалась теорія, педагогика и методика различныхъ предметовъ; кромѣ того, слушателей знакомили съ обязанностями учителя, съ дисциплинарными требованіями, съ организаціей школъ. Посѣщеніе этихъ курсовъ было обязательно для всѣхъ учителей данной провинціи моложе 50-ти лѣтъ. Школы эти не существовали только на бумагѣ, а быстро привились, — въ годъ изданія новаго закона были основаны 22 такихъ школы въ различныхъ провинціяхъ Италіи,—но вслѣдствіе кратковременности курса, недостаточности педагогическихъ силъ (одинъ профессоръ, одинъ ассистентъ и учитель каллиграфіи составляли весь учительскій персоналъ школы) результаты, достигнутые этими школами, были очень незначительны.

Такъ продолжалось до 1856 года, когда законъ Лануа, дополненный въ 1859 году закономъ Казани, реорганизовалъ эти школы. Новый законъ требовалъ основанія 18-ти нормальныхъ школъ—9-ти мужскихъ и 9-ти женскихъ. Значеніе этого закона состояло въ томъ, что онъ не ограничивалъ дѣятельности учительскихъ школъ одной технической профессіональной подготовкой, а вводилъ

въ программу школы общеобразовательные предметы и расширялъ курсъ до трехъ лѣтъ. Такъ какъ съ одной стороны финансы государства не позволяли такой роскоши для всѣхъ учителей, а съ другой требованіе на учительницъ начальныхъ школъ сразу возросло со введеніемъ обязательности обученія, желающимъ было предоставлено ограничиваться двухгодичнымъ курсомъ, причемъ они получали свидѣтельство на право преподаванія въ низшихъ классахъ, тогда какъ желающіе преподавать въ высшихъ классахъ должны были пройти весь трехгодичный курсъ. Эти новыя школы учреждались правительствомъ; но наряду съ правительствомъ разрѣшено было общинамъ основывать въ провинціяхъ частныя школы съ правомъ полученія диплома подъ условіемъ одинаковости программъ и безплатнаго обученія. Единственное различіе въ правахъ было то, что учащіеся въ частныхъ школахъ получали званіе учителя только послѣ 5-ти лѣтняго занятія преподаваніемъ въ школѣ. Таковъ былъ ходъ дѣла до 1896 года, когда произведено было новое измѣненіе: при семинаріяхъ были устроены подготовительныя общеобразовательныя школы съ трехгодичнымъ курсомъ. Эти школы особенно привились при женскихъ нормальныхъ школахъ. Такимъ образомъ, учительскія семинаріи въ настоящее время въ сущности имѣютъ шестигодичный курсъ.

Дѣло подготовки поставлено въ Италіи настолько хорошо, что итальянскія нормальныя школы получили на всемірной Парижской выставкѣ четыре золотыя медали, четыре серебряныя и одну бронзовую.

Въ настоящее время всѣхъ нормальныхъ школъ—104; изъ нихъ 29 для учителей, и 75 для учительницъ; въ 69 провинціяхъ имѣется по 2 и даже болѣе такихъ школъ для учительницъ; такое преобладаніе объясняется тѣмъ, что въ Италіи въ начальныхъ школахъ обучаютъ предпочтительно учительницы. Мужская нормальная школа—исключительно профессіональная; подготовительные классы при ней не удержались; наоборотъ, при всѣхъ женскихъ семинаріяхъ — трехгодичныя подготовительныя школы. Эти школы содержатся отчасти государствомъ, отчасти общинами. Государство беретъ на себя издержки на содержаніе учителей, на учебныя пособія, библіотеки, лабораторіи и т. п., общины же—на содержаніе и меблировку зданій и плату служителямъ.

Учительскій персоналъ для семинарій подготовляется въ высшихъ нормальныхъ школахъ во Флоренціи и Римѣ, причемъ среди учителей большинство съ среднимъ образованіемъ. Въ подготовительныхъ школахъ изучаются слѣдующіе предметы: родной языкъ, національная исторія, географія, математика, физика, естествовѣдѣніе и гигіена.

Въ спеціальныхъ классахъ — педагогика, мораль, литература, домашнее хозяйство, земледѣліе, пѣніе и ручной трудъ. При семинаріяхъ существуетъ школа для практическихъ занятій. Большинство школъ — открытыхъ; только при 11-ти существуетъ интернатъ.

Въ настоящее время поднятъ вопросъ о томъ, чтобы учительскія школы были исключительно профессіональныя, чтобы для поступленія въ нихъ требовалась солидная общеобразовательная подготовка—окончаніе девятиклассной средней школы, и чтобы дополнительныя подготовительныя школы были уничтожены.

Въ концѣ этой статьи приложена интересная таблица учительскихъ школъ въ разныхъ странахъ Европы и Соединенныхъ штатахъ; изъ нея видно, во 1-хъ, что по числу учащихся въ учительскихъ школахъ Италія занимаетъ первое мѣсто и уступаетъ только Соединеннымъ Штатамъ, а по сравнительному количеству учащихся со всѣмъ населеніемъ—третье: въ Швеціи прихо-

дится 1 учащійся въ семинаріи на—1.562, въ Бельгіи на—1.766 человѣкъ, а въ Италіи—на 2.836 человѣкъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣло подготовки учителей въ Италіи довольно широко и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи.

Но недостаточно, конечно, получить первоначальную подготовку, чтобы остаться на должной высотѣ: учителю необходимо постоянно работать надъ своимъ самообразованіемъ. Такое горячее стремленіе къ дальнѣйшему образованію съ большой силой проявляется среди нѣмецкихъ учителей, образующихъ безчисленное множество различныхъ ферейновъ и обществъ съ чисто педагогическими, научными и образовательными цѣлями.

Общество и правительство приходятъ имъ на помощь. При университетахъ существуютъ особые курсы для учителей и многіе изъ учащихъ, не ограничиваясь семинарскимъ образованіемъ, сдаютъ экзамены на аттестатъ зрѣлости, чтобы посѣщать университетъ. Въ большихъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Берлинѣ, существуютъ постоянные курсы для учителей.

Кромѣ того, каждое лѣто въ вакаціонное время тысячи учителей собираются на лѣтніе курсы, организуемые въ различныхъ городахъ и мѣстечкахъ Германіи.

Курсы эти носятъ то чисто научный, то спеціально-педагогическій характеръ. Иногда это просто кратковременный съѣздъ учителей съ цѣлью прослушать нѣсколько лекцій, обмѣняться мнѣніями, подновить свои знанія. Такой характеръ носили, напримѣръ, курсы организованные въ Штейнгеймѣ учителемъ Іеттеромъ, замѣтка о которыхъ помѣщена въ февральскомъ номерѣ Volksschule за 1904 г. Курсы эти продолжались всего 5 дней—отъ 3-го до 8-го августа. Ихъ посѣщало 46 человѣкъ — 37 учителей, 3 учительницы и 3 священника. Для всѣхъ этихъ съѣхавшихся на курсахъ 46 человѣкъ было приготовлено организаторомъ дѣла помѣщеніе и общій столъ; всѣ расходы на то и другое составило всего 5 марокъ на человѣка за всѣ пять дней; курсы были безплатные, если не считать предварительнаго взноса въ 5 марокъ. Такъ экономно и просто умѣютъ устроиться нѣмцы—1 марка въ день на всѣ расходы по помѣщенію и питанію. Большая часть курсовъ носила чисто спеціальный характеръ и касалась вопросовъ дисциплины, организаціи школъ, методики географіи, нагляднаго обученія, чтенія, пѣнія, новаго характера, который должно принять обученіе религіи; но были и чтенія болѣе общаго характера—о психологіи ребенка и о Кантѣ.

Курсы вообще носили скромный характеръ, и лекторами были на нихъ не знаменитые профессора, а учителя средне-учебныхъ заведеній и пасторы; но очевидно, они удовлетворили участниковъ, такъ какъ возобновятся и въ нынѣшнемъ году. Успѣхъ подобныхъ маленькихъ частныхъ курсовъ показываетъ, во-1-хъ, какъ сильно стремленіе нѣмецкихъ учителей къ общенію другъ съ другомъ и къ пополненію своихъ знаній, а во-2-хъ, какъ развита частная инициатива въ этомъ дѣлѣ. Безъ субсидій, безъ участія правительства и даже общинъ небольшая група образованныхъ учителей средней школы рѣшается и умѣетъ помочь своимъ менѣе счастливымъ собратьямъ-учителямъ народной школы и устраиваетъ для нихъ курсы, насколько возможно, дешевле и удобнѣе. Дѣло тутъ не только въ пріобрѣтеніи свѣдѣній, которыя при такомъ короткомъ срокѣ занятій неизбѣжно должны сообщаться поверхностно, наскоро, а въ общеніи людей, служащихъ одному дѣлу, любящихъ его и стремящихся къ усовершенствованію въ немъ.

Какъ и всегда, время проведено было не въ одномъ только слушаніи

лекцій: на собраніяхъ происходилъ живой обмѣнъ мыслей; были организованы посѣщенія музеевъ, окрестностей, и, наконецъ, даже былъ устроенъ концертъ.

Понятно, какое значеніе могутъ имѣть такія собранія для народнаго учителя, самой дѣятельностью своей осужденнаго на однообразную жизнь въ болѣе или менѣе далекомъ отъ центра уголкѣ.

Кромѣ этихъ вполнѣ частныхъ курсовъ, въ Германіи, какъ уже было сказано, существуетъ много курсовъ въ университетскихъ городахъ съ болѣе обширной и серьезной программой. Подобные лѣтніе курсы для учителей и учительницъ существуютъ, какъ извѣстно, и въ Швейцаріи. Они тоже ограничиваются иногда нѣсколькими днями. Такъ, въ прошломъ году въ Невшателѣ курсы продолжались только съ 20-го іюля по 1-е августа. Они состояли изъ двухъ серій. Серія общихъ курсовъ, на которыхъ читались: 1) Объ эволюціи педагогическихъ идей въ XIX-мъ столѣтіи, 2) Гео-физика съ экскурсіями въ области Юры, 3) Географія политическая, экономическая и соціальная съ демонстраціями въ этнологическомъ музѣе и 4) Объ искусствѣ въ школѣ—съ демонстраціями музея искусствъ. Вторая серія—спеціальные курсы: а) ботаника, зоологія, физика и химія и б) французскій языкъ; курсы для начинающихъ: фонетика, произношеніе, грамматика и упражненія въ разговорномъ языкѣ и высшій курсъ съ упражненіями въ дикціи и стилѣ. Курсы сопровождались бесѣдами, вечеринками и экскурсіями. Эти курсы такъ же, какъ и Цюрихскіе,—платные: 5 фр. предварительнаго взноса, 20 фр. за спеціальные курсы по выбору записавшагося и 10 фр. за общіе курсы.

Въ Цюрихѣ курсы продолжались съ 3-го до 15-го августа и тоже раздѣлялись на спеціальные и общіе. Въ составъ первыхъ входили лекціи по ботаникѣ, зоологіи, химіи и физикѣ и курсъ языка и литературы французской и нѣмецкой съ отдѣленіемъ для начинающихъ.

Общіе курсы были посвящены вопросамъ экспериментальной психологіи въ примѣненіи къ педагогикѣ, знакомству съ новѣйшими литературными школами и исторіей Швейцаріи въ XIX-мъ вѣкѣ.

Е. Р.

Хроника народнаго образованія.

Попытка устранить антагонизмъ между двумя вѣдомствами въ сферѣ начальнаго образованія.—Одно изъ проявленій этого антагонизма въ Калужской губерніи.—Дополнительные классы при городскихъ начальныхъ школахъ.—Вопросъ о закрытіи школьныхъ сберегательныхъ кассъ въ Орловской губерніи.—„Собраніе" учителей Петергофскаго уѣзда.—Изъ области частной инициативы: общество для содѣйствія народному образованію въ Донской области.

Въ предыдущей хроникѣ нами уже было сообщено краткое извѣстіе о работѣ особой коммиссіи по вопросу о порядкѣ открытія начальныхъ школъ. Теперь въ кіевскихъ газетахъ мы находимъ болѣе подробныя свѣдѣнія по тому же предмету, и такъ какъ свѣдѣнія эти имѣютъ большой общій интересъ, то мы и излагаемъ ихъ здѣсь.

Коммиссія, засѣдавшая въ январѣ текущаго года, состояла изъ представителей министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства и работала подъ предсѣдательствомъ товарища оберъ-прокурора св. синода В. К. Саблера. Задачею коммиссіи являлась выработка проекта правилъ о порядкѣ открытія начальныхъ школъ, при которомъ былъ бы устраненъ антагонизмъ

между мѣстными представителями министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства, проявлявшійся неоднократно во многихъ мѣстностяхъ и въ особенности въ Юго-Западномъ краѣ. По предложенію представителей отъ духовнаго вѣдомства, предположенныя правила должны были имѣть силу для всѣхъ мѣстностей Россіи; однако, большинство членовъ коммиссіи склонилось къ тому, что въ земскихъ губерніяхъ долженъ оставаться въ силѣ существующій здѣсь нынѣ порядокъ открытія начальныхъ школъ, и такимъ образомъ коммиссія ограничила свою задачу лишь неземскими мѣстностями. Согласно выработаннымъ для этихъ мѣстностей коммиссіей новымъ правиламъ о порядкѣ открытія начальныхъ школъ, инспекторы народныхъ училищъ и уѣздные наблюдатели церковно-приходскихъ школъ въ теченіе года посредствомъ личныхъ сношеній составляютъ сѣть начальныхъ школъ того и другого вѣдомства и намѣчаютъ пункты, гдѣ желательно и необходимо открыть школу министерскую или церковно-приходскую. Передъ началомъ учебнаго года свои соображенія инспекторы народныхъ училищъ и уѣздные наблюдатели представляютъ на обсужденіе губернскаго совѣщанія, въ составъ котораго входятъ: директоръ народныхъ училищъ, епархіальный наблюдатель и всѣ инспекторы народныхъ училищъ и уѣздные наблюдатели губерніи. Рѣшенія губернскаго совѣщанія о школьной сѣти и открытіи въ извѣстномъ пунктѣ школы того или иного типа представляются на утвержденіе епархіальнаго архіерея и попечителя учебнаго округа. Одновременно съ введеніемъ въ дѣйствіе этихъ правилъ, министерство народнаго просвѣщенія и духовное вѣдомство должны будутъ издать циркулярныя распоряженія, призывающія представителей обоихъ вѣдомствъ къ дружнымъ и единодушнымъ дѣйствіямъ въ дѣлѣ народнаго образованія, причемъ строго будутъ воспрещены дѣйствія, искусственно создающія антагонизмъ двухъ вѣдомствъ.

Выработанныя коммиссіею правила представляютъ пока только проектъ, и нельзя не пожелать, чтобы они такъ и остались въ видѣ проекта, не получивъ силы дѣйствующаго закона. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно видѣть, что цѣль, которая преслѣдовалась при выработкѣ этихъ правилъ,—уничтоженіе междувѣдомственнаго антагонизма,—совершенно не достигается новыми правилами; между тѣмъ правила эти могутъ создать новое зло, несравненно болѣе важное, нежели то, желаніе устранить которое вызвало на свѣтъ проектъ правилъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время антагонизмъ представителей двухъ вѣдомствъ выражается нерѣдко въ томъ, что они стараются повліять на сельскія общества при постановленіи приговоровъ объ открытіи новыхъ школъ съ цѣлью побудить ихъ открывать школы желательнаго этимъ представителямъ вѣдомствъ типа, или стремятся отнять у школы одного типа помѣщеніе для школы другого типа и т. п., причемъ справедливость требуетъ сказать, что такого рода дѣйствія до сихъ поръ были оглашаемы лишь относительно представителей одного изъ соперничающихъ вѣдомствъ. Теперь въ такихъ дѣйствіяхъ не будетъ надобности, такъ какъ вопросъ о томъ, какого типа школа должна быть открыта, будетъ, при дѣйствіи проектируемыхъ правилъ, рѣшаться не тѣми, кто даетъ средства на устройство и содержаніе школы (почему и нѣтъ надобности оказывать на учредителей школы какое либо вліяніе), а на губернскомъ совѣщаніи представителей обоихъ вѣдомствъ. Такимъ образомъ, почва для антагонизма остается прежняя (да и устранить ее никакими циркулярами, конечно, невозможно, пока однимъ и тѣмъ же дѣломъ вѣдаютъ два вѣдомства): но проявляться она будетъ въ иномъ мѣстѣ,—въ засѣданіяхъ губернскаго совѣщанія и въ подготовительныхъ къ нимъ дѣйствіямъ. Несомнѣнно,

что при такомъ положеніи вещей антагонизмъ, объ устраненіи котораго хлопочутъ, будетъ проявляться при указанныхъ условіяхъ еще рѣзче и открытѣе, чѣмъ это было теперь, и избѣжать этого никоимъ образомъ нельзя. Волей-неволей, представители каждаго изъ вѣдомствъ должны будутъ стремиться къ тому, чтобы получить на долю своего вѣдомства возможно большее число вновь открываемыхъ школъ, и братскій дѣлежъ этихъ школъ едва ли при такихъ условіяхъ возможенъ.

Но усиленіе антагонизма между представителями двухъ вѣдомствъ является еще меньшимъ зломъ, какое должны будутъ повлечь за собою проектируемыя правила. Гораздо важнѣе то, что правила эти лишаютъ учредителей школъ— городскія и сельскія общества, промышленныя предпріятія и частныхъ жертвователей—принадлежащаго имъ права избирать самимъ типъ устраиваемой ими школы. Какъ бы ни были велики симпатіи учредителя къ тому или иному типу школы, онъ не можетъ самъ избрать его, а долженъ будетъ устраивать и давать средства на содержаніе школы того типа, какую ему укажетъ губернское совѣщаніе представителей двухъ вѣдомствъ. Не трудно предвидѣть, что въ очень многихъ случаяхъ учредители откажутся давать средства на открытіе и содержаніе школы навязываемаго имъ типа,—предпочтутъ совсѣмъ не открывать школы, нежели дѣлать затраты на устройство и содержаніе школы несимпатичнаго имъ типа. Такимъ образомъ, примѣненіе проектируемыхъ правилъ имѣло бы своимъ послѣдствіемъ неизбѣжное сокращеніе затратъ со стороны городовъ, сельскихъ и волостныхъ обществъ, промышленныхъ предпріятій и частныхъ лицъ на начальныя школы, а такъ какъ у насъ начальное образованіе покоится всецѣло на мѣстныхъ средствахъ, то осуществленіе проектируемаго порядка открытія начальныхъ школъ неизбѣжно привело бы къ пріостановкѣ дальнѣйшаго развитія народнаго образованія.

Въ виду сказаннаго мы снова повторяемъ пожеланіе, чтобы проектируемыя правила такъ и остались въ видѣ проекта, никогда не переходя въ дѣйствительнось. Не достигая цѣли, ради которой они вырабатывались, правила эти тяжело отразятся на положеніи народнаго образованія и притомъ именно въ тѣхъ частяхъ нашего отечества, гдѣ и безъ того, за отсутствіемъ земскихъ учрежденій, дѣло народнаго образованія до сихъ поръ развивается крайне медленно.

Какъ упомянуто выше, коммиссія, выработавшая проектъ новыхъ правилъ о порядкѣ открытія начальныхъ школъ, имѣла въ виду распространить эти правила только на внѣземскія мѣстности. Такимъ образомъ, въ земскихъ губерніяхъ за учредителями и содержателями школъ сохраняется нынѣшнее право избирать самимъ типъ учреждаемыхъ ими школъ. Однако, и здѣсь нерѣдки въ послѣднее время факты, когда это право учредителей школъ фактически совершенно уничтожается. Одинъ изъ такихъ фактовъ имѣлъ мѣсто недавно въ Калужской губерніи. На послѣднемъ мещовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, въ виду неудовлетворительности церковныхъ школъ грамоты, было постановлено прекратить ассигнованіе на эти школы и освободившуюся тысячу рублей вносить ежегодно въ смѣту на открытіе въ уѣздѣ новыхъ министерскихъ и земскихъ училищъ и на учреждаемое въ Мещовскѣ ремесленное училище. Постановленіе это было остановлено калужскимъ губернаторомъ и передано на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Присутствіе, „руководствуясь закономъ 4 мая 1891 года, въ которомъ изложены правила о школахъ грамоты и по каковому закону учрежденіе этихъ школъ предоставляется, между прочимъ, и земствамъ, съ тѣмъ, однако, чтобы

эти школы подлежали исключительно вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства,—нашло, что настоящій вопросъ надлежитъ разсматривать не какъ субсидированіе отъ земства церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, которыя открываются духовнымъ вѣдомствомъ, а какъ прекращеніе ассигнованія на содержаніе такихъ школъ, которыя были учреждены самимъ земствомъ. Принявъ во вниманіе, что мещовское земское собраніе, какъ это видно изъ преній гласныхъ, предполагало, что въ данномъ случаѣ, съ прекращеніемъ отпуска на содержаніе школъ грамоты, школы будутъ все-таки существовать, тогда какъ, по обстоятельствамъ дѣла, прекращеніе этого отпуска равносильно закрытію школъ грамоты, — присутствіе признаетъ, что собранію надлежало обсуждать вопросъ не о выдачѣ пособія на школы грамоты, а о томъ, удовлетворяютъ ли школы своему назначенію или нѣтъ, и если преподаваніе въ двухъ школахъ, какъ о томъ заявили двое гласныхъ, идетъ неуспѣшно, то обсудить вопросъ, преобразовать ли эти двѣ школы грамоты въ земскія училища, или же просить духовное начальство принять мѣры къ упорядоченію въ нихъ преподаванія, а такъ какъ собраніе, оставляя существованіе школъ грамоты, прекратило отпускъ суммъ на ихъ содержаніе и нарушило тѣмъ 1-ый пунктъ прил. къ ст. 6-ой Пол. о зем. учр., по которому всякое постановленіе земскаго собранія, вызывающее денежный расходъ, не иначе можетъ быть приведено въ исполненіе, какъ по внесеніи соотвѣтствующаго кредита въ смѣту, а въ данномъ случаѣ вошедшее въ силу постановленіе собранія, состоявшееся въ 1895 году объ открытіи 20 школъ грамоты, не можетъ быть съ 1 января 1904 года уже приводимо въ исполненіе, то присутствіе, на основаніи 88 ст. Пол. о земск. учр., опредѣляетъ: постановленіе земскаго собранія о прекращеніи отпуска 1.000 р. на содержаніе школъ грамоты и о назначеніи изъ этихъ денегъ 500 р. на ремесленное училище и 500 р. на министерскія училища—отмѣнить".

Мы нарочно привели полностью соображенія по данному вопросу калужскаго губернскаго по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія, чтобы читатели сами могли оцѣнить степень основательности этихъ соображеній. Не трудно видѣть, что по тѣмъ же самымъ соображеніямъ можно отмѣнить всякое постановленіе земскаго собранія, содержащее прекращеніе какого-либо расхода. Земское собраніе рѣшаетъ прекратить выдачу сельскому обществу извѣстной суммы, выдававшейся до сихъ поръ, на содержаніе моста, мотивируя прекращеніе этой выдачи плохимъ содержаніемъ этого моста. Губернское присутствіе, совершенно аналогично своимъ соображеніямъ по вышеизложенному предмету, можетъ отмѣнить это постановленіе земскаго собранія, найдя, что собранію слѣдовало обсуждать не вопросъ о прекращеніи выдачи, а вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли мостъ сдѣлать всецѣло земскимъ, или просить земскаго начальника побудить сельское общество содержать мостъ въ лучшемъ видѣ. Словомъ, по той логикѣ, какой держалось калужское губернское присутствіе по земскимъ дѣламъ, разъ начатая выдача земствомъ средствъ на какой-либо предметъ никогда уже не можетъ быть имъ прекращена. Въ частности по отношенію къ школамъ грамоты въ послѣдніе годы замѣчается все распространяющееся отрицательное отношеніе земскихъ собраній, въ силу чего эти собранія все чаще прекращаютъ выдачу средствъ на ихъ содержаніе, въ виду полной безполезности такой затраты. Теперь, если толкованіе калужскаго присутствія по земскимъ дѣламъ получитъ распространеніе, земскія собранія будутъ лишены возможности избавиться отъ явно безполезнаго расхода съ замѣною его производительною затратою на школы другого типа.

Въ виду этого, въ высшей степени желательно, чтобы вопросъ о мещовскихъ школахъ грамоты дошелъ до сената и получилъ вполнѣ компетентное и руководящее разрѣшеніе.

Послѣ изложенныхъ фактовъ съ особеннымъ удовольствіемъ остановимся на фактѣ, принципіальное значеніе котораго прямо противоположно значенію предыдущихъ фактовъ. Въ изложенныхъ фактахъ проявляется стремленіе сократить уже и безъ того совершенно незначительныя права мѣстныхъ общественныхъ учрежденій въ области народнаго просвѣщенія, тогда какъ тотъ фактъ, къ которому мы теперь переходимъ, представляетъ нѣкоторое расширеніе возможности для этихъ учрежденій имѣть просвѣтительное воздѣйствіе на населеніе. Недавно московскою городскою управою получена копія съ предложенія министерства народнаго просвѣщенія на имя попечителя московскаго учебнаго округа по вопросу о предоставленіи городскимъ общественнымъ управленіямъ Москвы и Петербурга права открывать при начальныхъ школахъ дополнительные классы. Вопросъ этотъ возникъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія вслѣдствіе ходатайства московскаго городского управленія о разрѣшеніи ему открывать дополнительные классы при начальныхъ училищахъ г. Москвы по образцу такихъ же классовъ, учрежденныхъ въ Петербургѣ при Василеостровскомъ начальномъ городскомъ училищѣ. Въ предложеніи министра народнаго просвѣщенія, между прочимъ, изложено: „Начальство московскаго учебнаго округа, отнесясь сочувственно къ самой цѣли учрежденія означенныхъ дополнительныхъ классовъ, не могло, однако, не усмотрѣть, что предположенія Московской городской думы не согласуются ни съ закономъ, ни съ распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ: а) по закону въ начальныхъ народныхъ училищахъ, подчиненныхъ училищнымъ совѣтамъ (ст. 3.471 Св. Зак. т. XI ч. I изд. 1893 г.), не могутъ быть преподаваемы геометрія, исторія, географія и естественная исторія, и б) поэтому и программа, утвержденная для сего рода училищъ министромъ народнаго просвѣщенія 7 февраля 1897 года, предусматриваетъ возможность расширенія курса оныхъ дополнительными свѣдѣніями лишь по предметамъ, преподаваніе коихъ допускается закономъ. По донесеніи мнѣ о семъ, вполнѣ соглашаясь съ вышеприведеннымъ заключеніемъ, я (министръ народнаго просвѣщенія) нашелъ, что возбужденное Московскою городскою думой ходатайство о разрѣшеніи устройства проектированныхъ ею дополнительныхъ классовъ не можетъ быть удовлетворено въ порядкѣ закона, а также, что учрежденіе такового класса при Василеостровскомъ начальномъ училищѣ въ гор. С.-Петербургѣ не оправдывается точнымъ смысломъ законоположеній о начальныхъ народныхъ училищахъ, подчиненныхъ училищнымъ совѣтамъ. Съ другой стороны, по мнѣнію моему, образовательныя потребности именно столичнаго населенія неизбѣжно приводятъ къ постановкѣ вопроса о дополненіи курса начальныхъ училищъ, и именно способомъ, проектированнымъ Московскою думой и уже осуществленнымъ при одномъ изъ начальныхъ училищъ С.-Петербурга. При этомъ я не могъ также не принять во вниманіе, что дѣйствующими законоположеніями допускается дополненіе курса начальныхъ училищъ предметами, не указанными въ ст. 3.471 Св. Зак. т. XI ч. I по изд. 1893 года, лишь путемъ преобразованія ихъ въ двуклассныя приходскія училища по уставу 1828 года или же въ двухклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія по инструкціи 1875 года. Но такое преобразованіе, требуя затраты значительныхъ денежныхъ средствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сопряжено съ изъятіемъ училища изъ вѣдѣнія училищныхъ совѣтовъ, а слѣдовательно — съ устране-

ніемъ и общественныхъ управленій, учреждающихъ училища, отъ участія въ завѣдываніи оными. Признавая такое участіе наилучшимъ средствомъ привлеченія общественнаго сочувствія къ дѣлу, министерство народнаго просвѣщенія предполагаетъ въ выработываемый нынѣ проектъ новаго Положенія о низшихъ учебныхъ заведеніяхъ внести соотвѣтствущія измѣненія дѣйствующихъ законоположеній объ училищныхъ совѣтахъ и предметахъ ихъ вѣдѣнія. Но осуществленіе сего предположенія по сложности вопросовъ, вызываемыхъ столь крупною реформою, требуетъ времени. Между тѣмъ условія, въ которыхъ находятся народное образованіе въ столицахъ, какъ въ отношеніи запроса на сіе образованіе, такъ и въ отношеніи имѣющихся въ нихъ на лицо педагогическихъ силъ, позволяютъ, по мнѣнію моему, нынѣ же допустить въ Петербургѣ и Москвѣ, извѣстныя изъятія изъ общаго порядка организаціи сего образованія, тѣмъ болѣе, что учебное начальство въ этихъ городахъ имѣетъ возможность болѣе легкаго и удобнаго контроля надъ школами сравнительно съ прочими мѣстностями имперіи. Въ виду изложеннаго я призналъ желательнымъ, впредь до изданія новаго общаго Положенія о низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, разрѣшать учрежденіе въ Петербургѣ и Москвѣ, въ вѣдѣніи городскихъ училищныхъ совѣтовъ, дополнительныхъ классовъ при начальныхъ народныхъ училищахъ, примѣнительно къ программамъ и продолжительности курса старшаго класса двуклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, учреждаемыхъ по инструкціи 4 іюня 1875 года, но безъ представленія учащимся, окончившимъ курсъ сихъ дополнительныхъ классовъ, правъ по отбыванію воинской повинности, равныхъ съ правами окончившихъ курсъ означенныхъ двуклассныхъ училищъ. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему моему о семъ докладу, въ 20 день текущаго декабря, Высочайше соизволилъ на осуществленіе изъясненныхъ моихъ предположеній".

Это новое распоряженіе, помимо его практическаго значенія для городскихъ управленій Петербурга и Москвы, получающихъ возможность предоставить столичному населенію болѣе широкое образованіе, нежели то, какое дается одноклассною начальною школою, важно еще въ томъ отношеніи, что оно вызвано желаніемъ сохранить „общественное участіе" въ завѣдываніи школами, которое признается „лучшимъ средствомъ привлеченія общественнаго сочувствія" къ дѣлу народнаго просвѣщенія. Само собою разумѣется, что лишеніе учредителей школы права самимъ избирать типъ устраиваемой ими школы или лишеніе земства права прекращать выдачу средствъ на школы грамоты, какъ бы онѣ ни оказались безполезными, т. е. именно устраненіе общества отъ участія въ завѣдываніи школами, неизбѣжно должно повести къ прямо противоположнымъ результатамъ,—къ потерѣ общественнаго сочувствія школьному дѣлу. Наличность вышеизложеннаго взгляда министерства народнаго просвѣщенія на роль „общественнаго участія" въ завѣдываніи школами даетъ право думать, что правила, выработанныя коммиссіею по устраненію антагонизма между двумя вѣдомствами, вѣдающими школьнымъ дѣломъ, не получатъ утвержденія, какъ прямо противоположныя этому взгляду, и точно также, надо полагать, и вопросъ, возникшій въ Калужской губерніи, относительно права земства прекращать ассигновки на школы грамоты, обращая такія ассигновки на настоящія школы, будетъ разрѣшенъ именно согласно съ только что приведенными соображеніями министерства народнаго просвѣщенія относительно „общественнаго участія" въ завѣдываніи школами.

Однимъ изъ благодѣтельныхъ послѣдствій участія общественныхъ учрежде-

нiй въ завѣдываніи школьнымъ дѣломъ является возможность для органовъ власти, вѣдающихъ народнообразовательное дѣло, узнавать своевременно о недостаткахъ той или иной принятой ими мѣры. Дѣло въ томъ, что чиновники всегда склонны находить прекраснымъ все, что исходитъ отъ начальства, и потому даже мѣра, оказавшаяся совершенно безполезною или прямо вредною, можетъ долго трактоваться въ отчетахъ и донесеніяхъ низшихъ органовъ власти, какъ прекрасная и полезная. Иное дѣло—общественныя учрежденія: для нихъ не существуетъ повода преклоняться предъ необычайною мудростью всякой мѣры, принятой тѣмъ или другимъ вѣдомствомъ, и потому голосъ общественныхъ учрежденій въ данномъ отношеніи безусловно незамѣнимъ. Это, между прочимъ, наглядно сказалось въ исторіи школьныхъ кассъ. Учрежденіе при школахъ сберегательныхъ кассъ является одною изъ неудачнѣйшихъ мѣръ, какія только принимались у насъ по отношенію къ школамъ. Всѣ безпристрастные наблюдатели единогласно говорятъ о развращающемъ вліяніи этихъ кассъ на учениковъ. Голосъ печати, общей и педагогической, голосъ общественныхъ собраній, наконецъ, голосъ спеціальныхъ изслѣдователей — единодушно высказывается противъ этихъ кассъ. И тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ отчетовъ инспекторовъ и директоровъ или находятся похвальныя слова по адресу кассъ, или, въ лучшемъ случаѣ, молчаніе. Именно такъ и произошло въ Орловской губерніи, гдѣ земскія собранія съ замѣчательнымъ единодушіемъ рисовали во время послѣдней сессіи печальную картину вліянія кассъ на учащихся. Губернское земское собраніе постановило ходатайствовать предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о закрытіи сберегательныхъ кассъ при сельскихъ начальныхъ школахъ губерніи. Орловскій губернаторъ, ранѣе представленія этого ходатайства въ министерство, запросилъ директора народныхъ училищъ относительно сберегательныхъ кассъ, дѣйствующихъ при городскихъ и приходскихъ училищахъ, и получилъ, конечно, отвѣтъ, что кассы эти дѣйствуютъ успѣшно. Поэтому, представляя въ министерство народнаго просвѣщенія ходатайство орловскаго губернскаго земскаго собранія о закрытіи сберегательныхъ кассъ при начальныхъ сельскихъ училищахъ, орловскій губернаторъ въ своемъ заключеніи высказался въ томъ смыслѣ, что земство поставило вопросъ слишкомъ широко, такъ какъ оно касается и школъ, изъятыхъ изъ вѣдѣнія земства, въ которыхъ, какъ сообщилъ директоръ народныхъ училищъ, кассы не проявили вреднаго вліянія. Губернаторъ полагалъ, что можетъ идти вопросъ лишь о закрытіи кассъ при земскихъ школахъ. При этомъ губернаторъ нашелъ ходатайство земства заслуживающимъ вниманія, такъ какъ у учениковъ народныхъ школъ Орловской губерніи въ большинствѣ случаевъ нечего сберегать, и вмѣстѣ съ тѣмъ приведенные на земскомъ собраніи факты дѣйствительно убѣждаютъ, что населеніе Орловской губерніи не достигло той степени развитія, при которой школьныя сберегательныя кассы могли бы принести существенную пользу. Надо замѣтить, что вопросъ о школьныхъ кассахъ обсуждался, прежде чѣмъ быть внесеннымъ въ губернское земское собраніе, въ нѣсколькихъ уѣздныхъ и губернскомъ училищныхъ совѣтахъ, причемъ учрежденіе кассъ при школахъ было признано нежелательнымъ по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ представленіемъ о населеніи губерніи, какъ о не достигшемъ нужной высоты развитія. И училищные совѣты, и губернское земское собраніе именно потому и высказались противъ школьныхъ кассъ, что видѣли въ нихъ не безъ основанія средство, понижающее нравственное развитіе населенія, и, конечно, такой взглядъ могли высказать только общественныя учрежденія, если принять во вниманіе тотъ чрез-

мѣрный оптимизмъ, съ которымъ школьныя кассы вводились, и ту помпу, которая сопровождала эту мѣру. Представитель бюрократіи, даже рѣшившійся признать желательнымъ упраздненіе кассъ, настолько остороженъ въ заявленіи своего мнѣнія, что мотивируетъ его недостаточною развитостью населенія. Болѣе мелкій чиновникъ, директоръ народныхъ училищъ, даже не рѣшается и въ такомъ смыслѣ высказаться отрицательно противъ кассъ и удостовѣряетъ, что онѣ дѣйствуютъ успѣшно, несмотря на единогласное заявленіе и земскаго собранія, и училищныхъ совѣтовъ относительно вреднаго вліянія кассъ на учащихся. Трудно представить себѣ болѣе наглядный примѣръ той важности, какую имѣетъ участіе общества въ завѣдываніи школьнымъ дѣломъ, такъ какъ только общественное участіе въ этомъ завѣдываніи можетъ гарантировать для центральныхъ учрежденій правительства возможность имѣть правильное представленіе о значеніи тѣхъ или иныхъ принимаемыхъ въ школьномъ дѣлѣ мѣропріятій.

Начало общественности вообще, гдѣ бы оно ни примѣнялось, неизбѣжно даетъ благія послѣдствія. Между прочимъ, въ послѣднее время, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ, кое гдѣ народнымъ учителямъ предоставляется возможность высказываться относительно постановки дѣла народнаго образованія въ той или иной мѣстности и относительно желательныхъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію этой постановки. Въ однихъ случаяхъ такая возможность была предоставлена учителямъ на съѣздахъ, въ другихъ — на особыхъ совѣщаніяхъ при земскихъ управахъ, въ третьихъ — на собраніяхъ членовъ учительскихъ обществъ,—и вездѣ скромный голосъ народнаго учителя, высказанный цѣлымъ собраніемъ этихъ тружениковъ, оказывался въ высшей степени полезнымъ, если, конечно, на него желали обратить вниманіе. Недавно въ Петергофскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи, была предоставлена такая возможность мѣстнымъ учителямъ высказаться относительно нѣкоторыхъ нуждъ мѣстнаго школьнаго дѣла, причемъ совѣщаніе учителей не представляло собою ни съѣзда, ни совѣщанія при земской управѣ, а что-то новое, что было названо въ газетной корреспонденціи, сообщавшей объ этомъ фактѣ, просто „собраніемъ“. Собраніе это происходило два дня подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ. Въ виду интереса этого „собранія“ приводимъ газетное сообщеніе о немъ полностью:

„На собраніе съѣхалось около 90 учащихся. Особенное вниманіе обратилъ на себя рефератъ учительницы, трактовавшей объ образовательныхъ потребностяхъ учащихъ и ихъ удовлетвореніи. Судя по нему, духовные запросы учащихся очень плохо удовлетворяются. Такъ, петербургское общество вспомоществованія учащимъ ничего въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ. Существуетъ при петергофской уѣздной земской управѣ учительская библіотека; но она, вслѣдствіе своей архаической организаціи, совершенно не удовлетворяетъ потребности учителей въ чтеніи; она давно уже не пополняется книгами, хотя земское собраніе каждый годъ ассигнуетъ на ея пополненіе 300 р., а неудобное положеніе библіотеки (въ углу уѣзда) дѣлаетъ для большинства учащихъ пользованіе ею весьма затруднительнымъ, даже невозможнымъ. Для облегченія же доставки книгъ учащимъ со стороны управы никакихъ попытокъ не дѣлается. Собраніе нашло необходимымъ просить уѣздное земство реорганизовать библіотеку, предоставивъ, между прочимъ, учащимъ право выбора для нея книгъ, журналовъ и проч. Кромѣ того, постановлено возбудить передъ земскимъ собраніемъ ходатайство объ образованіи особаго фонда на покупку для учащихъ книгъ, по примѣру Саратовскаго губернскаго земства. Горячія

пренія возбудилъ докладъ учителя „О задачахъ и основахъ воспитанія въ начальной школѣ“. Большинство учащихъ не согласилось съ положеніями докладчика, предлагавшаго земской школѣ идеи и принципы школы церковно-приходской. Къ сожалѣнію, обмѣнъ мнѣніями по докладу былъ прекращенъ предсѣдателемъ. Во время собранія работала небольшая коммиссія изъ учащихъ, выработавшая положеніе о музеѣ наглядныхъ пособій для школъ уѣзда. Собраніе постановило ходатайствовать объ открытіи музея при земской управѣ. На собраніи не было ни членовъ управы, ни гласныхъ“.

Какъ ни скромны рамки подобныхъ „собраній“, какъ ни ограниченъ учитель въ возможности высказаться по тѣмъ или инымъ вопросамъ (пренія неизбѣжно останавливаются предсѣдателемъ, разъ рѣчь коснется живого вопроса), тѣмъ не менѣе, даже и это микроскопическое коллегіальное участіе учителей въ обсужденіи вопросовъ мѣстнаго школьнаго дѣла не можетъ не оказать своего вліянія на ходъ этого дѣла. Навѣрное, въ Петергофскомъ уѣздѣ и учительская библіотека будетъ поставлена теперь въ лучшее положеніе, при которомъ она будетъ хоть немного полезна учителямъ, и вопросъ о музеѣ наглядныхъ пособій будетъ поставленъ на очередь. Общественное участіе въ школьномъ дѣлѣ всегда и во всемъ неизбѣжно оказывается полезнымъ, и надо желать, чтобы, наконецъ, идея о необходимости общественнаго участія въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, выраженная въ приведенномъ выше распоряженіи министра народнаго просвѣщенія относительно дополнительныхъ классовъ при начальныхъ городскихъ школахъ Петербурга и Москвы, нашла широкое примѣненіе во всѣхъ частяхъ народнообразовательнаго дѣла.

Къ тому же мы неизбѣжно приходимъ, когда знакомимся съ проявленіями частной инициативы въ области народнаго просвѣщенія. Всегда приходится поражаться, какъ много успѣваютъ дѣлать наши просвѣтительныя общества, разныя „коммиссіи“ и кружки при самыхъ скромныхъ средствахъ, что, конечно, объясняется тѣмъ, что въ начинаніяхъ частной инициативы затрачивается масса безплатнаго труда, и что работающіе въ этихъ начинаніяхъ работаютъ изъ любви къ дѣлу, а не изъ-за жалованья. Хорошій примѣръ такой работы представляетъ дѣятельность Общества содѣйствія народному образованію въ Донской области, отчетъ котораго за 1903 годъ былъ доложенъ общему собранію членовъ въ Новочеркасскѣ 29 февраля. Какъ видно изъ отчета, дѣятельность общества выражалась въ устройствѣ народныхъ библіотекъ при школахъ, въ устройствѣ и содержаніи народныхъ библіотекъ, существующихъ отдѣльно отъ школъ, въ устройствѣ народныхъ чтеній, въ содержаніи книжнаго склада и въ устройствѣ и содержаніи воскресныхъ школъ. Приведемъ изъ отчета данныя, касающіяся нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ отраслей дѣятельности общества. Пришкольныя библіотеки открыты въ отчетномъ году въ 43 пунктахъ; всего же къ 1 янв. 1904 года дѣйствовало библіотекъ этого рода въ области 77. Въ предстоящемъ году число этихъ библіотекъ должно значительно возрасти, такъ какъ на предложеніе общества учителямъ области завѣдывать пришкольными библіотеками изъявило готовность 107 учителей. Правленіе общества возбудило ходатайства о разрѣшеніи новыхъ библіотекъ въ 60 пунктахъ. Библіотеки эти, имѣя запасъ книгъ на 50—70 и въ меньшемъ числѣ случаевъ на 100 — 110 рублей, конечно, имѣютъ очень скромное значеніе; тѣмъ не менѣе, онѣ несомнѣнно развиваютъ интересъ къ книгѣ въ населеніи и подготовляютъ почву для возникновенія болѣе обширныхъ народныхъ библіотекъ. Такое же значеніе имѣетъ и книжный складъ общества, который вмѣстѣ съ тѣмъ выполняетъ функцію учрежденія, снабжающаго школы области

учебниками и письменными принадлежностями. Такимъ образомъ, складъ въ отчетномъ году продалъ 41.972 учебника на 11.698 р., 9.581 книгу для библіотекъ на 2.874 р. и 65.600 тетрадей, письменныхъ принадлежностей и пособій на 1.976 р. Эти данныя, касающіяся только двухъ отраслей дѣятельности общества, могутъ уже дать представленіе объ обширности размѣровъ этой дѣятельности, причемъ, благодаря массѣ дарового труда, влагаемаго въ учрежденія общества добровольными работниками, затраты общества крайне ничтожны. Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, представляемыхъ нашею жизнью,—того важнаго значенія, какое имѣетъ участіе общества,—какъ въ видѣ дѣятельности общественныхъ учрежденій, такъ и въ видѣ проявленій частной инициативы, — въ области народнаго просвѣщенія. При бюрократической организаціи того дѣла, которое выполняетъ общественная инициатива, понадобились бы въ сотню разъ большія затраты, и все-таки дѣло не дѣлалось бы съ такою любовью и съ такимъ вниманіемъ, какъ это имѣетъ мѣсто при общественномъ выполненіи того же дѣла.

Я. Абрамовъ.

Хроника народныхъ библіотекъ.

41 новая библіотека въ Саратовскомъ уѣздѣ. — Народная библіотека въ память освобожденія крестьянъ, устраиваемая крестьянами.—Общественная помощь библіотекѣ имени В. Г. Короленко, по случаю его юбилея.—Недоразумѣніе во Владимірской губерніи по вопросу о совѣтѣ при народной библіотекѣ.—Народныя библіотеки при учрежденіяхъ попечительства о народной трезвости въ Полтавской губерніи.—Книжный складъ Вятскаго губернскаго земства.—Затрудненія въ организаціи продажи книгъ въ Калужской губерніи.

Недавно изданныя новыя правила о народныхъ библіотекахъ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія начинаютъ понемногу получать практическое примѣненіе. Мы уже сообщали о возбужденіи ходатайства нижегородскимъ уѣзднымъ земствомъ относительно открытія при начальныхъ школахъ нѣсколькихъ десятковъ народныхъ библіотекъ. Теперь такое же ходатайство возбуждено саратовскою уѣздною земскою управою. Именно эта управа проситъ уѣздный училищный совѣтъ разрѣшить открытіе 41 библіотеки при земско-общественныхъ школахъ уѣзда. Библіотеки эти будутъ содержаться отдѣльно отъ ученическихъ и учительскихъ библіотекъ, будутъ пополняться по каталогу народныхъ библіотекъ и будутъ служить для общаго пользованія всего мѣстнаго населенія.

Такимъ образомъ, можно разсчитывать, что новыя правила о народныхъ библіотекахъ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ открытіе значительнаго числа новыхъ народныхъ библіотекъ Какъ извѣстно, народныя библіотеки открывались нерѣдко при начальныхъ школахъ и до настоящаго времени; но такое открытіе разрѣшалось лишь центральными учежденіями министерства народнаго просвѣщенія, и разрѣшеніе давалось лишь подъ условіемъ отвода при школѣ особаго помѣщенія (даже съ отдѣльнымъ отъ школы ходомъ), что на практикѣ, конечно, не всегда соблюдалось, но что въ очень многихъ случаяхъ совершенно тормозило возможность открытія народныхъ библіотекъ при школахъ. Безъ сомнѣнія, лучшій типъ народной библіотеки—библіотека, имѣющая собственное, отдѣльное помѣщеніе и отдѣльнаго библіотекаря, только и занятаго

однимъ дѣломъ завѣдыванія библіотекою. Къ сожалѣнію, матеріальныя условія еще долго будутъ тормозить распространеніе такого типа народной библіотеки, и потому возможность устройства народной библіотеки при начальной школѣ является важнымъ условіемъ роста народно-библіотечнаго дѣла.

Число народныхъ библіотекъ продолжаетъ расти и притомъ съ такою быстротою, что нѣтъ возможности отмѣчать не только всѣ случаи открытія народныхъ библіотекъ, но даже и болѣе интересные факты изъ этой области. Приходится ограничиваться лишь случаями, такъ сказать, особенно поучительными.

Къ числу такихъ случаевъ, безъ сомнѣнія, нужно отнести фактъ предстоящаго открытія народной библіотеки имени Императора Александра II въ память сорокалѣтія освобожденія крестьянъ, устраиваемой самими крестьянами. Именно, бывшимъ 12 февраля сугоновскимъ волостнымъ сходомъ, Калужскаго уѣзда, обсуждался вопросъ объ устройствѣ помянутой библіотеки, причемъ было рѣшено отчислить на этотъ предметъ изъ волостныхъ суммъ единовременно 250 р. Хлопоты по полученію разрѣшенія на открытіе библіотеки и по ея устройству сходъ просилъ принять на себя сосѣдняго землевладѣльца, который изъявилъ на то согласіе и, сверхъ того, заявилъ о томъ, что приметъ мѣры къ полученію средствъ на содержаніе помянутой библіотеки.

Къ числу поучительныхъ фактовъ изъ области народно-библіотечнаго дѣла долженъ быть отнесенъ также нижеслѣдующій. Какъ извѣстно читателямъ нашихъ хроникъ, въ г. Лукояновѣ существуетъ народная библіотека имени В. Г. Короленко, основанная на средства, собранныя почитателями названнаго писателя въ память его плодотворной дѣятельности въ Лукояновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, въ голодный годъ. Библіотека эта состоитъ въ завѣдываніи Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи. Въ прошломъ году, по случаю 25 лѣтія литературной дѣятельности В. Г. Короленко, въ числѣ другихъ проявленій чествованія этого писателя, въ комитетъ по организаціи чествованія стали поступать особыя пожертвованія отъ редакцій журналовъ и газетъ на развитіе библіотеки имени В. Г. Короленко въ г. Лукояновѣ. Такія пожертвованія поступили отъ редакцій: „Вѣстника Казачьихъ Войскъ“ 25 р., „Народнаго Хозяйства“ 50 р., „Русской школы“ 50 р., „Вѣстника Европы“ 100 р., „Журнала для всѣхъ“ 100 р., „Русскаго Богатства“ 100 р., „Міра Божьяго“ 100 р., „Образованія“ 100 р., „Хозяина“ 100 р., „Права“ 100 р., „Юриста“ 100 р., „Вѣстника Самообразованія“ 100 р., „Восхода“ 100 р., „Русской мысли“ 100 р. и „Научнаго Слова“ 50 р. Всего, такимъ образомъ, было собрано 1.275 р., которые недавно и поступили въ распоряженіе Общества распространія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи и которые, безъ сомнѣнія, дадутъ возможность Обществу значительно расширить дѣятельность библіотеки имени В. Г. Короленко.

Намъ уже приходилось высказываться въ томъ смыслѣ, что устройство народныхъ библіотекъ имени того или другого общественнаго дѣятеля и въ особенности дѣятелей въ области науки и литературы является наиболѣе достойнымъ способомъ чествованія этихъ дѣятелей. Въ виду этого мы не можемъ не признать изъ всѣхъ многочисленныхъ проявленій общественныхъ симпатій В. Г. Короленко, имѣвшихъ мѣсто по случаю его юбилея, особенно достойнымъ вниманія фактъ взноса группою редакцій средствъ для развитія дѣятельности народной библіотеки, посвященной имени симпатичнаго писателя.

Къ сожалѣнію, рядомъ съ фактами, свидѣтельствующими о ростѣ народно-библіотечнаго дѣла и о томъ, что значеніе народныхъ библіотекъ, какъ необходимаго звена въ системѣ народнаго просвѣщенія, все болѣе и болѣе сознается нашимъ обществомъ,—приходится наталкиваться и на факты противоположнаго характера, указывающіе на то, что дѣло народныхъ библіотекъ до сихъ поръ еще встрѣчаетъ у насъ самые разнообразные и порою совершенно неожиданные тормазы къ своему развитію. Одинъ изъ такихъ фактовъ имѣлъ мѣсто недавно въ Ковровскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи. Ковровское земство представило губернатору на утвержденіе проектъ устава открываемой земствомъ въ с. Хозниковѣ безплатной народной библіотеки. По принятому земскимъ собраніемъ проекту устава, въ помощь завѣдывающему библіотекою долженъ быть организованъ при библіотекѣ особый совѣтъ для хозяйственнаго завѣдыванія ею. Какъ извѣстно, такіе совѣты, притомъ не только открытые въ помощь завѣдывающему библіотекою, но и являющіеся настоящими распорядителями библіотеки, существуютъ при многихъ народныхъ библіотекахъ, открытыхъ во всѣхъ концахъ Россіи. Одно время былъ изданъ особый циркуляръ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, признававшій существованіе библіотечныхъ совѣтовъ несогласнымъ съ правилами 15 мая 1890 года о народныхъ библіотекахъ. По поводу этого циркуляра саратовское губернское земство входило въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи устройства при народныхъ библіотекахъ особыхъ совѣтовъ, мотивируя свое ходатайство, какъ отсутствіемъ запрещенія въ законѣ учреждать подобные совѣты, такъ и безусловною полезностью такихъ совѣтовъ, объединяющихъ мѣстную интеллигенцію и побуждающихъ ее принимать мѣры къ отысканію средствъ для содержанія библіотеки. Въ удовлетвореніе этого ходатайства со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ послѣдовало разъясненіе въ томъ смыслѣ, что къ образованію при безплатныхъ народныхъ библіотекахъ особыхъ совѣтовъ для хозяйственнаго завѣдыванія ими препятствій не имѣется. Ковровское земское собраніе, принимая проектъ устава Хозниковской библіотеки, въ которомъ предвидится открытіе при библіотекѣ особаго совѣта, имѣло въ виду именно указанное разъясненіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Сверхъ того, собраніемъ былъ принятъ во вниманіе также утвержденный 3 апрѣля 1903 года владимірскимъ губернаторомъ уставъ Мягковской безплатной народной библіотеки, Владимірской губерніи, гдѣ для хозяйственнаго завѣдыванія дѣломъ при библіотекѣ существуетъ особый совѣтъ. Совершенно неожиданно проектъ устава Хозниковской народной библіотеки не получилъ утвержденія со стороны владимірскаго губернатора, такъ какъ онъ нашелъ, что, согласно правиламъ 15 мая 1890 года, никакихъ совѣтовъ при народныхъ библіотекахъ допускаемо быть не должно. На этомъ основаніи губернаторъ опротестовалъ постановленіе земскаго собранія относительно открытія народной библіотеки въ с. Хозникахъ и передалъ это постановленіе на разсмотрѣніе владимірскаго по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія, которое согласилось съ протестомъ губернатора и постановленіе земскаго собранія отмѣнило. Экстренное ковровское земское собраніе 13 февраля, разсмотрѣвъ данный вопросъ, постановило принести на отказъ въ утвержденіи устава жалобу въ надлежащемъ порядкѣ.

Къ сожалѣнію, такого рода тормазы представляютъ въ области народно-библіотечнаго дѣла обычное явленіе. Избѣжать ихъ могутъ только народныя библіотеки, учреждаемыя комитетами попечительства о народной трезвости, для которыхъ, согласно новѣйшимъ правиламъ, необязательно представленіе

на утвержденіе губернаторовъ проектовъ уставовъ народныхъ библіотекъ. Но это облегченіе къ учрежденію народныхъ библіотекъ имѣетъ лишь слабое практическое значеніе въ виду того, что и самыя народныя библіотеки, учреждаемыя комитетами попечительства о народной трезвости, чаще существуютъ только на бумагѣ. Такъ, недавно непремѣнный членъ полтавскаго губернскаго комитета попечительства о народной трезвости представилъ комитету печатный докладъ о результатахъ своего обозрѣнія дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ и ихъ учрежденій въ Полтавской губерніи, рисующій положеніе народныхъ библіотекъ, открытыхъ этими комитетами, въ самыхъ непригляднымъ чертахъ. На бумагѣ въ Полтавской губерніи существуетъ 118 народныхъ библіотекъ, открытыхъ комитетами попечительства о народной трезвости, —цыфра, довольно внушительная. Между тѣмъ докладъ непремѣннаго члена сообщаетъ не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о недостаткѣ книгъ въ названныхъ народныхъ библіотекахъ, объ отсутствіи подходящихъ помѣщеній, о небрежномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ со стороны завѣдывающихъ библіотеками и т. п., что въ общемъ дѣлаетъ существованіе многихъ изъ этихъ библіотекъ совершенно фиктивнымъ и во всякомъ случаѣ совершенно безполезнымъ для населенія, такъ какъ изъ существованія такихъ номинальныхъ библіотекъ извлекаютъ пользу только тѣ, кто получаетъ вознагражденіе за завѣдываніе ими. Такое положеніе народныхъ библіотекъ, учрежденныхъ комитетами попечительства о народной трезвости, не должно насъ удивлять, если принять во вниманіе характеристику вообще дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ Полтавской губерніи, представленную въ своемъ докладѣ непремѣннымъ членомъ. Характеристика эта сводится къ слѣдующему: 1) вообще всѣ почти уѣздные комитеты нерачительно относятся къ исправленію своихъ обязанностей, а одинъ изъ комитетовъ, пирятинскій, совершенно бездѣйствуетъ, и не открывалъ ни одной чайной и ни одной библіотеки; 2) дѣлопроизводство комитетовъ отличается поразительною медленностью; 3) многіе комитеты открываютъ свои засѣданія рѣдко, а нѣкоторые изъ нихъ лишь два-три раза въ годъ; 4) засѣданія комитетовъ посѣщаются членами неаккуратно и притомъ далеко не всѣми, а лишь третью или четвертью всего состава; 5) осмотровъ съ цѣлью ревизіи отдѣльныхъ учрежденій попечительства членами комитетовъ, за исключеніемъ одного, полтавскаго, не дѣлалось и не дѣлается; 6) за всѣми учрежденіями попечительства имѣется очень мало надзора и еще меньше толковаго управленія и умѣлаго руководства и 7) въ числѣ учрежденій попечительства имѣется довольно много такихъ, которыя весьма мало удовлетворяютъ своему назначенію, между тѣмъ на содержаніе ихъ тратятся значительныя суммы. При такомъ отношеніи комитетовъ къ своимъ обязанностямъ, не представляющемъ, впрочемъ, ничего удивительнаго, если принять во вниманіе бюрократическій составъ комитетовъ, возлагать какія бы то ни было надежды на ихъ дѣятельность въ области народно-библіотечнаго дѣла, очевидно, нѣтъ никакихъ основаній.

А между тѣмъ, если въ рукахъ комитетовъ имѣется дѣйствительно надежное средство для борьбы съ пьянствомъ, то такимъ средствомъ является именно хорошо поставленная библіотека. Вообще книга, при растущемъ распространеніи грамотности, могла бы въ значительной мѣрѣ отвлечь народъ отъ пьянства, если бы къ ея распространенію въ народной массѣ не встрѣчалось такого множества самыхъ разнообразныхъ препятствій. Тѣмъ болѣе почтенною является дѣятельность тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя принимаютъ на себя не легкую при нашихъ условіяхъ заботу о распространеніи хорошей книги въ

народной массѣ. Въ этомъ отношеніи, конечно, первое мѣсто принадлежитъ нашимъ земствамъ, которыя заботятся о распространеніи книги въ народной массѣ не только при помощи библіотекъ, но также и путемъ продажи населенію книгъ въ книжныхъ складахъ и чрезъ книгоношъ. Выступленіе на этотъ путь земства вполнѣ понятно. Покойный предсѣдатель вятской губернской земской управы Ватуевъ говоритъ по этому поводу: „Если не будетъ книги у крестьянина, всѣ заботы земства о школахъ потеряютъ смыслъ. Земство будетъ давать только грамотность, которую не къ чему приложить, будетъ давать въ руки ключъ, которымъ нечего отпирать. Книга, и только книга можетъ удовлетворить быстро растущій запросъ на просвѣщеніе со стороны крестьянъ". Согласно съ такимъ взглядомъ своего выдающагося дѣятеля, вятское земство постоянно заботилось и заботится о распространеніи въ народной массѣ книги, учреждая для того и обыкновенныя народныя библіотеки, и такъ называемыя „пятирублевыя" библіотечки, и раздавая массу книгъ ежегодно дѣтямъ, оканчивающимъ курсъ земской школы, и устроивъ земскій книжный складъ, и, наконецъ, выступивъ на путь издательства дешевыхъ книгъ для народа. Какъ видно изъ доклада вятской губернской земской управы послѣднему очередному земскому собранію, вятскій книжный земскій складъ съ каждымъ годомъ развиваетъ все болѣе широкую дѣятельность. Открытый въ 1894 году, онъ сдѣлалъ оборотъ въ этомъ же году на 6.309 р. Чрезъ три года обороты склада достигли 40.757 рублей. Еще черезъ три года оборотъ склада выражался уже суммою въ 84.527 р. Наконецъ, послѣдній годъ далъ оборота въ 129.868 р. при чистой прибыли въ 3.821 р. Широкой дѣятельности склада содѣйствуетъ существованіе 15 отдѣленій его въ губерніи. Однако, указанные размѣры дѣятельности склада далеко еще не достигли возможныхъ предѣловъ. Дѣло въ томъ, что пока отдѣленія склада работаютъ далеко не такъ дѣятельно, какъ это желательно и возможно. По этому поводу губернская управа въ своемъ докладѣ собранію сообщала: „Хотя уѣздныя земства оказываютъ возможную поддержку лучшей постановкѣ отдѣленій, одни—предоставляя безплатно помѣщенія, другія—давая средства на наемъ служащихъ, но одной матеріальной поддержки еще мало. Для того, чтобы отдѣленія отвѣчали своему главному назначенію — содѣйствовать широкому распространенію книги въ народѣ — нужно, чтобы къ этому дѣлу были привлечены всѣ интеллигентныя силы уѣзда какъ изъ состава земскихъ служащихъ, такъ и учителей и учительницъ". Дѣйствительно, возможность содѣйствія земскому складу со стороны всей земской интеллигенціи дастъ огромный толчокъ дѣлу распространенія книги въ народѣ, и нельзя не пожелать, чтобы это содѣйствіе получило самое широкое развитіе и поменьше встрѣчало затрудненій и препятствій. Точно также желательно использованіе такими учрежденіями, какъ земскіе книжные склады, готовой организаціи для распространенія въ массѣ хорошихъ книгъ, какую представляетъ существующая разносная торговля. Вятскій земскій книжный складъ къ этому и стремится, для чего онъ продаетъ по возможно меньшей цѣнѣ крестьянамъ-книгоношамъ имѣющіяся въ немъ книги. Такъ сто „листовокъ" отпускается книгоношамъ за 70 коп., сто картинъ полулистовыхъ за 1 р. 70 коп. и т. д. Неудивительно, что число книгоношъ, имѣющихъ дѣло со складомъ, возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

Но и въ этой области, — въ области распространенія книгъ въ народѣ путемъ продажи ихъ, приходится встрѣчаться съ всякаго рода затрудненіями, о которыхъ нѣкоторое представленіе можетъ дать нижеслѣдующее сообщеніе изъ Калуги, приводимое нами здѣсь полностью:

„Попытки мѣстнаго общества попеченія о начальномъ народномъ образованіи организовать допускаемую уставомъ продажу книгъ въ уѣздѣ оказываются до сихъ поръ безуспѣшными. Первоначально правленіе общества предполагало организовать продажу книгъ при посредствѣ учащихъ въ народныхъ училищахъ. На ходатайство о соотвѣтствующемъ разрѣшеніи губернскій училищный совѣтъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, „чтобы какъ книги, предназначенныя правленіемъ къ продажѣ, такъ и въ двухъ экземплярахъ списки этихъ книгъ предварительно отсылки учителямъ школъ каждый разъ были представляемы правленіемъ на разсмотрѣніе участковыхъ инспекторовъ народныхъ училищъ Калужской губерніи; по разсмотрѣніи списки книгъ инспекторы должны скрѣплять своей подписью, причемъ одинъ экземпляръ списка возвращается въ правленіе для отсылки по принадлежности учителямъ, а другой оставляютъ у себя. Каждая книга, предназначенная къ продажѣ, должна имѣть печать участковаго инспектора народныхъ училищъ“. На такихъ условіяхъ правленіе не нашло возможнымъ начинать дѣло. Изыскивая другіе пути распространенія дешевыхъ и полезныхъ книгъ въ уѣздахъ, правленіе возбудило ходатайство предъ калужскимъ губернаторомъ о разрѣшеніи открыть продажу книгъ въ с. Кондровѣ Медынскаго уѣзда при фабричной лавкѣ, принадлежащей компаніи Троицко-кондровскихъ писчебумажныхъ фабрикъ В. Говарда. Администрація фабрики предоставила обществу мѣсто и продавца. На это ходатайство послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ. Слѣдующею попыткою было ходатайство о разрѣшеніи производить продажу книгъ въ г. Козельскѣ. Отвѣтственнымъ лицомъ для сего былъ представленъ мѣстный податной инспекторъ; но и на это ходатайство послѣдовалъ также отрицательный отвѣтъ 24 минувшаго февраля. Въ обоихъ случаяхъ о причинахъ отказа обществу сообщено не было. Послѣднюю неудачу, впрочемъ, нѣсколько объясняетъ полученное незадолго до исхода ходатайства правленіемъ отношеніе козельскаго уѣзднаго предводителя дворянства г. Сабо, который, получивъ свѣдѣнія о предположеніи общества попеченія о народномъ образованіи открыть въ Козельскѣ книжную торговлю, заявляетъ, что это „несомнѣнно подорветъ существующій уже второй годъ книжный складъ мѣстнаго комитета попечительства о народной трезвости“; „такъ какъ работа двухъ складовъ въ столь маленькомъ городѣ, какъ Козельскъ, не можетъ отвѣчать спросу, а носила бы характеръ конкурренціи учрежденій, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль— просвѣтительную“, то онъ, какъ предсѣдатель комитета трезвости, проситъ не осуществлять этого предположенія и добавляетъ, что „насущной нужды въ открытіи второго книжнаго склада въ Козельскѣ не имѣется“.

Итакъ, въ то время, какъ мы видимъ повсюду малограмотныхъ торговцевъ, получающихъ свободно разрѣшенія на открытіе книжной торговли, спеціальное просвѣтительное общество не имѣетъ возможности получить такого же разрѣшенія, хотя домогательства его не только не представляютъ ничего противозаконнаго, но и прямо предусмотрѣны и поставлены ему въ обязанность утвержденнымъ подлежащею властью уставомъ. Болѣе страннаго положенія вещей трудно что-либо и представить; а оно, къ сожалѣнію, у насъ — вовсе не рѣдкое явленіе.

Я. Абрамовъ.

Хроника воскресныхъ школъ *).

Первые шаги Виленской женской вечерней школы **).

Виленская женская вечерняя безплатная школа начала свою дѣятельность съ 15 сентября 1903 г. День ея открытія наглядно выяснилъ, насколько сильна у насъ въ средѣ взрослаго населенія потребность школы и книжки, какъ непреодолимо стремленіе народа къ грамотѣ. 15 сентября въ школу явилось свыше 300 человѣкъ, которыхъ оказалось невозможнымъ помѣстить въ Пушкинской читальнѣ, почему Виленскій городской комитетъ попечительства о народной трезвости, въ вѣдѣніе котораго передана школа, уступилъ для вечернихъ занятій еще Муравьевскую читальню и Лукишскую чайную. Но и этихъ помѣщеній было недостаточно: пришлось принять только 260 чел. Такимъ образомъ, свѣтлый моментъ открытія школы омрачился грустной необходимостью отказать въ пріемѣ нѣсколькимъ десяткамъ желающихъ учиться. Принятыя ученицы были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ помѣщеніи Пушкинской читальни оставлено 120 человѣкъ, въ Лукишской чайной 80 ученицъ и въ Муравьевской читальнѣ—60 ученицъ, впослѣдствіи переведенныхъ въ Новгородское городское училище, предоставленное школѣ на учебные часы г. директоромъ народныхъ училищъ. Всѣ учащіяся раздѣлены на группы: грамотныхъ, слабо-грамотныхъ, т. е. медленно читающихъ и слабо-пишущихъ, и совсѣмъ неграмотныхъ. Въ группѣ грамотныхъ насчитывается 50 человѣкъ: слабо грамотныхъ 85 ученицъ и поступившихъ неграмотными 125 человѣкъ.

По вѣроисповѣданіямъ учащіяся раздѣляются на православныхъ (25 чел.), старообрядцевъ (23 чел.), католичекъ (190 чел.), лютеранъ (12 чел.), и іудейскаго вѣроисповѣданія (10 чел.). Еврейки посѣщаютъ, главнымъ образомъ, рукодѣльные классы, и объясненіе того обстоятельства, почему у насъ мало записалось ученицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, надо искать въ томъ, что школа зовется христіанской. На самомъ дѣлѣ вечерніе классы широко открываютъ свои двери каждому бѣдняку, ищущему грамоты и знанія, безъ различія національностей. Въ настоящее время въ Новгородской школѣ и въ Лукишской чайной имѣется нѣсколько вакансій, и желательно было-бы видѣть ихъ замѣщенными взрослыми еврейками-работницами, тѣмъ болѣе, что Новгородское, напр., училище находится близъ шоколадной фабрики и многихъ чулочныхъ, гдѣ работаютъ бѣдныя еврейскія дѣвушки.

По роду занятій наши ученицы принадлежатъ къ различнымъ профессіямъ. Въ школѣ учатся ремесленницы, работающія на фабрикахъ (самый большой процентъ, именно 125 чел.), въ винномъ складѣ, въ мастерскихъ, въ канцеляріи шоссейныхъ и водныхъ путей сообщенія, на заводахъ; учатся приказчицы, прачки, поденщицы, прислуга, молочницы, портнихи. Большинство учащихся приходитъ прямо съ работы; запыхавшіяся, въ рабочемъ платьѣ, въ наскоро наброшенной шали спѣшатъ онѣ къ намъ изъ прачешныхъ, мастерскихъ, фабрикъ и заводовъ, отстоящихъ иногда версты на 3 и больше отъ школы; еще не остывшія отъ работы и быстрой ходьбы, торопливо отыскиваютъ онѣ свои мѣста въ классѣ и безмолвно втискиваются между плотно сидящими ученицами. Учащимся обыкновенно самимъ приходится импровизировать

---

*) Всѣ статьи и матеріалы по воскреснымъ школамъ редакція покорнѣйше проситъ посылать въ Харьковъ на имя Христины Даниловны Алчевской или Маріи Николаевны Салтыковой.

**) Изъ „Сѣверо-Западнаго Слова“ № 1815—1816.

себѣ мебель: мѣста всѣ заняты. Но внѣшнія неудобства не смущаютъ этихъ взрослыхъ женщинъ-работницъ, рвущихся къ свѣту и знанію: онѣ принесли откуда то доски, положили на два табурета, уступленные учительницами, обрекающими себя на трехчасовое стоянье,—скамья готова; и чрезъ минуту заскорузлые, не гибкіе отъ работы пальцы уже держатъ перо и старательно выводятъ буквы. Въ большомъ помѣщеніи Пушкинской читальни съ ея низкими потолками жарко и душно. Паръ стоитъ въ воздухѣ. Раскраснѣвшіяся учительницы съ оживленіемъ горячо ведутъ занятія съ группами; ученицы слушаютъ ихъ напряженно, боясь проронить слово. Все, что происходитъ возлѣ, проходитъ совершенно незамѣченнымъ. Смѣшанный гулъ голосовъ напоминаетъ жужжанье рабочаго улья.

Въ вечернюю школу принимаются учащіяся отъ 15-лѣтняго возраста; но иногда дѣлаются исключенія, о которыхъ мы скажемъ ниже. Группируя ученицъ по возрасту, мы находимъ, что отъ 15 до 20 лѣтъ въ школѣ учится 117 чел.; отъ 20 до 30—65 чел.; отъ 30 до 48—20 чел.; до 15 лѣтняго возраста—58 человѣкъ. Преобладающимъ сословіемъ является мѣщанское (137 ученицъ), затѣмъ крестьянское (80 чел.), дворянскаго сословія 43 ученицы. Изъ опросовъ учащихся мы замѣтили, что большинство ихъ—не виленскіе уроженцы, а пришлый народъ, явившійся въ Вильну изъ деревень, мѣстечекъ, уѣздныхъ городовъ: однѣ изъ ученицъ еще съ дѣтства съ родителями перебрались въ Вильно; другія явились сравнительно недавно, въ поискахъ заработка и лучшей доли. Жизнь то и дѣло обманываетъ и комкаетъ ихъ горделивыя радужныя мечты, и заманчивый издали городокъ приноситъ съ собой только нужду; но нашимъ ученицамъ не учиться терпѣнію: зарабатывая какіе-нибудь 5—6 руб. въ мѣсяцъ поденнымъ трудомъ, онѣ ухитряются изъ этихъ средствъ еще и матери-бобылкѣ посылать кое-что, такъ какъ „старухѣ въ зимнюю пору совсѣмъ не съ чего заработать на деревнѣ". Изъ 15-лѣтнихъ подростковъ много сиротъ. „Съ семи лѣтъ въ люди пошла, какъ безъ батьки безъ матки осталась", разсказываетъ одна изъ нихъ. Большинство этихъ бѣднягъ живетъ въ прислугахъ въ небогатыхъ семьяхъ,—„за няньку", говорятъ онѣ, въ сущности замѣняя собой единственную въ домѣ прислугу. Глядя на ихъ испитыя лица, не доразвившіяся тщедушныя фигурки, невольно вспомнишь несчастную Чеховскую „няньку" съ ея злополучной долей, и въ душѣ поднимается горячее чувство къ этимъ обойденнымъ судьбой дѣвочкамъ, и растетъ желаніе хоть школой, хоть грамотой скрасить ихъ безпросвѣтную жизнь, полную непосильнаго труда, недоѣданія и недосыпанья.

Одна изъ 16-лѣтнихъ дѣвушекъ, не помнящая своихъ родителей, съ дѣтства живетъ „у чужой тетеньки"—прачки, очевидно, ея пріемышъ, и съ тѣхъ поръ, какъ себя помнитъ, работаетъ въ прачешной. „Сама одна живу", отвѣчаетъ она на вопросъ, есть-ли у нея кто-нибудь изъ близкихъ.

Большинство учащихся работаетъ на шоколадной фабрикѣ, на пробочной, чулочной, коробочной, конвертной, карандашной, на грифельномъ заводѣ; есть занимающіяся въ канцеляріяхъ; нѣкоторыя состоятъ на фабрикѣ гнутой мебели политурщицами; многія служатъ на мѣстахъ кухарокъ, горничныхъ, нянекъ, прачекъ. Профессія портнихи преобладающая: однѣ уже принимаютъ лично заказы, другія работаютъ въ чужихъ мастерскихъ въ качествѣ мастерицъ. Нѣкоторыя ученицы, живущія за кладбищемъ въ Купріанишкахъ (верстъ за 5 отъ школы), занимаются земледѣльческимъ трудомъ, огородничествомъ и молочнымъ хозяйствомъ. Тѣ изъ учащихся, которыя живутъ дома при родителяхъ, помогаютъ имъ въ хозяйствѣ, носятъ отцамъ-рабочимъ на заводы

обѣды, если живутъ далеко отъ нихъ, няньчатъ младшихъ дѣтей, часто занимаются какимъ-нибудь подсобнымъ кустарнымъ промысломъ: изготовляютъ на домашней машинкѣ чулки, получая заказы изъ магазиновъ, вяжутъ перчатки, шьютъ на заказъ гладью, дѣлаютъ цвѣты, корзинки; очень многія ходятъ къ портнихамъ учиться шить.

По семейному положенію изъ числа взрослыхъ 20 замужнихъ, двѣ вдовы, остальныя дѣвушки. Въ школѣ на одной скамейкѣ сидитъ мать со взрослыми дочерьми; у нѣкоторыхъ изъ замужнихъ дома оставлены маленькія дѣти на рукахъ сосѣдки или только-что вернувшагося мужа: многія изъ такихъ ученицъ не пропустили ни одного урока; значитъ, онѣ сумѣли завоевать симпатію и уваженіе къ ихъ школьнымъ занятіямъ и со стороны сосѣдки, караулящей чужихъ маленькихъ дѣтей, и со стороны мужа. Эти ученицы—жены дворниковъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, почталіоновъ, рабочихъ почтово-телеграфной мастерской, извозчиковъ, плотниковъ, курьеровъ.

Школа содержалась на средства виленскаго городского комитета о народной трезвости, который всегда шелъ на встрѣчу ея нуждамъ и израсходовалъ на содержаніе 3-хъ школъ (Пушкинская, Лукишевская и Новгородская) и 4-хъ рукодѣльныхъ классовъ (Муравьевскіе, Пушкинскіе, Лукишевскіе и Новгородскіе)—296 р. 88 к.

Школа начала свою работу съ педагогическимъ персоналомъ въ 15 человѣкъ; въ настоящее время въ трехъ школахъ насчитывается 40 преподавательницъ и учителей. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ удѣлять школѣ только одинъ день; есть занимающіеся одинъ часъ въ недѣлю; но большинство работаетъ въ оба учебные дня—въ понедѣльникъ и среду—по три часа каждый разъ; и нѣсколько учительницъ, кромѣ учебныхъ дней, отдаютъ школѣ еще и вторникъ, организуя рукодѣльные классы. Такъ какъ обученіе кройкѣ, шитью и вышиванью производится въ 4-хъ помѣщеніяхъ, то учащихся рукодѣлью принято въ школу свыше 300 ученицъ. 5 человѣкъ учащихъ слишкомъ мало для такого количества ученицъ; поэтому въ Муравьевскую читальню приглашена профессіональная учительница кройки за плату. Всѣ остальные учащіе, какъ занимающіеся преподаваніемъ предметовъ, такъ учительницы рукодѣлья, работаютъ безвозмездно. Желательно, чтобы лица, умѣющія шить, кроить, вязать и вышивать, въ виду такого недостатка учащихъ, приняли участіе въ преподаваніи, что очень цѣнно и важно для рукодѣльныхъ классовъ, такъ какъ теперь приходится отказывать въ пріемѣ даже взрослымъ или ограничивать курсъ ученья, т. е., выучивъ одну партію ученицъ кройкѣ, замѣнять ее другой, ждущей очереди, какъ это дѣлается въ Муравьевской читальнѣ.

Большинство нашихъ преподавателей—всѣ люди труда, имѣющіе довольно утомительныя занятія въ теченіе цѣлой недѣли; многіе приходятъ въ школу прямо со службы. Гдѣ же свободная состоятельная молодежь, ежегодно оканчивающая наши среднія учебныя заведенія? Откуда ея непонятное равнодушіе къ умственнымъ запросамъ обездоленныхъ людей, угнетенныхъ жизненными обстоятельствами, но жаждущихъ знанія? Вечерніе классы требуютъ многихъ дѣятелей.

Мы обращаемся къ интелигентной обезпеченной виленской женщинѣ, указывая на возможность интересной плодотворной работы въ вечернихъ классахъ. Личное участіе въ школѣ вполнѣ вознаграждается сознаніемъ живой и полезной работы. Мы просимъ примкнуть къ нашему дѣлу женщинъ-врачей, чьи медицинскіе совѣты подчасъ такъ настоятельно необходимы ученицамъ

вечернихъ классовъ. Желательно, чтобы на помощь намъ пришли своимъ трудомъ новые люди и внесли свѣжія силы въ жизнь нашей юной школы.

Въ сочувствіе виленскаго общества мы твердо вѣримъ: оно поддержало первые шаги вечернихъ классовъ. Въ помощь имъ виленскій клубъ интеллигентныхъ профессій постановилъ передать 200 руб. Три лица пожертвовали—116 руб.

Приступая къ составленію полугодового отчета о вечерней женской школѣ, я имѣю въ виду указать не на однѣ лишь цифры и статистическія денныя, а главнымъ образомъ,—на внутренній строй школы, предполагая, что незнакомые съ дѣломъ люди, быть можетъ, заинтересуются имъ и не откажутъ ему въ своемъ участіи и симпатіи: на помощь дѣлу просвѣщенія народныхъ массъ такъ нужны и силы и поддержка, и знанія. Полгода школьной жизни—очень небольшой срокъ, особенно, если принять во вниманіе, что занятія ведутся только 3 раза въ недѣлю.

И тѣмъ не менѣе, школа имѣетъ возможность достигать хорошихъ результатовъ, благодаря исключительнымъ условіямъ ея существованія. Въ нее идутъ взрослые люди съ сознаніемъ необходимости и пользы знанія. Ихъ вниманія не нужно возбуждать и удерживать: эти учащіяся—олицетвореніе вниманія, усердія и прилежанія. Это—люди тяжелаго труда и неустанной борьбы съ житейскими невзгодами, видящіе сознательно въ книжкѣ и грамотѣ одно изъ могучихъ средствъ для этой борьбы: иначе бы они не пришли сюда, утомленные дневнымъ трудомъ у домашняго очага и рабочаго станка на фабрикахъ и въ мастерскихъ; иначе они не выносили-бы постоянныхъ столкновеній съ грубыми хозяевами, считающими грамоту привилегіею обезпеченныхъ людей. Мнѣ вспоминается одна изъ учениц, кухарка. Старательно выводя буквы за школьнымъ столомъ, она сообщаетъ сосѣдкѣ, что бросаетъ свое мѣсто, гдѣ „хозяйка грызется за школу", и идетъ изъ кухарокъ въ прачки: „Тамъ хоть весь день стираешь, за то можно сгодиться (условиться), чтобы въ школу каждый разъ пускали". И какъ она дорожитъ этими учебными часами, взятыми съ бою, цѣной, можетъ быть, оскорбленія ея человѣческаго достоинства, которое у насъ зачастую совсѣмъ не принимается въ разсчетъ работодателями; какъ проситъ она учительницу подольше заняться съ нею побольше написать ей въ тетрадку новыхъ буквъ, которыя она „одна будетъ выводить по ночамъ, когда всѣ полягутъ". И вотъ эта ученица и ея товарки, все чернорабочій занятой народъ, умудряются въ теченіе недѣли, „когда всѣ полягутъ", просиживая ночи, исписывать цѣлыя тетрадки, пріобрѣтая новыя часто на свои трудовые гроши. Или еще фактъ, ярко рисующій эту жажду ученія, жажду грамоты и свѣта. Бѣдная работница, поступившая позднѣе другихъ совсѣмъ неграмотной въ то время, когда остальныя уже кончаютъ алфавитъ, протягиваетъ подъ партой учительницѣ цѣлковый и умоляюще говоритъ: „Возьмите рубль, займитесь только со мной побольше". Эта монета, составляющая ея недѣльный заработокъ развѣ не жертва, которую она съ такой трогательной мольбой приноситъ ради успѣха въ грамотѣ, ради искренняго желанія учиться? А наши 13—14 лѣтніе подростки, которыхъ, по первоначальному плану, рѣшено было не принимать въ школу? Сколько было пролито слезъ, сколько мольбы, нѣмой укоризны и подчасъ негодованія свѣтилось въ заплаканныхъ дѣтскихъ глазахъ, когда имъ рѣшительно заявлялось: „Не примутъ". Какъ онѣ радовались каждой освобождавшейся вакансіи! И какъ, въ совершенствѣ копируя серьезное выраженіе взрослыхъ учениц, точно соперничая съ ними въ усердіи и прилежаніи, эти „маленькія жен-

щины“, просиживая 3 часа подъ рядъ на одномъ мѣстѣ, не поднимали головы отъ тетрадки и книжки и внимательно, точно и не существовало для нихъ окружающаго гула голосовъ, ловили каждое слово своей только учительницы.

Вотъ это обстоятельство, что учащихся не отдаютъ учиться, а онѣ по собственной инціативѣ рвутся въ школу, и составляетъ ея преимущество предъ училищами обычнаго типа и есть одно изъ главныхъ условій успѣшности занятій.

Вторая характерная черта такого рода школы та, что въ нее идутъ учительницы и учителя изъ за искренней вѣры въ значеніе для народа грамоты, идутъ, такъ сказать, по призванію, буквально вкладываютъ свою душу въ дѣло, и это несомнѣнно отражается на характерѣ преподаванія: въ него вносится живой огонекъ, оно является интенсивнымъ, производительнымъ. Сухого, безразличнаго отношенія вы здѣсь не встрѣтите. Даже люди, незнакомые съ такою формой общественной работы, невольно поддаются общему настроенію: ихъ затягиваетъ это интересное дѣло, подкупаетъ то воодушевленіе, съ какимъ работаютъ учащіеся, ихъ пытливые глаза, устремленные на преподающаго. Какъ то особенно бодрящимъ образомъ дѣйствуетъ на васъ общій видъ класса, ярко выясняющій, какими массами женщины и дѣвушки, алчущія и жаждущія знанія, идутъ въ двери открытой школы. У меня въ рукахъ письмо одной учительницы, молодой дѣвушки, впервые очутившейся въ роли преподавательницы. Съ ней сдѣлался обморокъ въ классѣ; она серьезно заболѣла, и докторъ категорически запретилъ ей посѣщать уроки. А она пишетъ, что всѣми силами хлопочетъ предъ врачами, чтобы хоть по часу разрѣшили быть въ школѣ, что и лѣчится то она усиленно для того, чтобы какъ можно скорѣе заниматься съ такой хорошей и милой группой, какъ ея, и горячо проситъ учредительницу не отдавать никому ея учеництъ, а лишь временно присоединить ихъ къ другой группѣ. Едва окрѣпнувъ, она уже въ школѣ, и проводитъ съ своей группой не только всѣ учебные часы, но еще и занимается въ рукодѣльномъ классѣ. Условія работы дѣйствуютъ настолько бодрящимъ образомъ, что нерѣдко и людей, равнодушныхъ къ школѣ, превращали въ ея друзей. Я не ошибусь, если скажу, что мы хорошо прожили это полугодіе, что стремленіе женщинъ изъ народа овладѣть книгой, какъ источникомъ знанія, встрѣтило въ средѣ учащихъ живой, горячій откликъ, что отъ занятій съ ученицами мы вынесли много свѣтлыхъ, хорошихъ впечатлѣній, что наши симпатіи къ школѣ стали сознательнѣе и прочнѣе.

Въ истекшіе полгода всѣ наши школьные часы мы отдавали ученью, провѣркѣ успѣховъ и недочетовъ учащихся, оцѣнкѣ ихъ умственныхъ способностей, и у насъ не хватало ни силъ, ни времени внимательнѣе всмотрѣться въ нравственный обликъ учащихся, точнѣе опредѣлить ихъ характеръ, узнать условія ихъ жизни, уловить главныя черты, рисующія ихъ индивидуальность. А между тѣмъ мы придаемъ громадное значеніе наблюденіямъ надъ бытомъ, взглядами и вкусами учащихся; для насъ чрезвычайно важно выяснить, чего хотятъ наши ученицы отъ школы, какія внутреннія струны затрогиваютъ въ нихъ стремленіе къ ученію. Мои товарищи по дѣлу, которымъ я съ такой горячей вѣрой въ будущее вечернихъ классовъ передаю ихъ, будутъ имѣть больше времени всмотрѣться въ духовный міръ учащихся, въ ихъ характерныя черты, и свѣтлая мечта о нравственномъ облагораживающемъ вліяніи школы станетъ ближе къ осуществленію. А душа нашихъ ученицъ, въ большинствѣ случаевъ,—воспріимчивая, добрая почва. Вотъ хотя бы 16-ти лѣтняя

А. Ю.—сердечная, пылкая, неугомонная и безпорядочная. Въ школѣ она держится словно дома, не признавая никакихъ стѣсненій и свободно отдаваясь своимъ порывамъ. Наши школьныя стѣны, какъ я уже упоминала, видѣли много слезъ непринятыхъ въ классы подростковъ, не достигшихъ завѣтнаго предѣла—15 лѣтъ. Невозможность помѣстить всѣхъ желающихъ пріучила насъ черство и холодно относиться къ этимъ дѣтскимъ слезамъ. Но Ю. помириться съ чужимъ горемъ, очевидно, было труднѣе, чѣмъ намъ; ея сострадательное сердце не мирилось съ нашей невольной жестокостью: всякій разъ, завидя въ углу маленькія фигурки, утирающія слезы концами закутывающихъ ихъ теплыхъ шалей, она, расталкивая сосѣдокъ, недовольныхъ ея подвижностью, вскакивала съ мѣста и мчалась умолять учительницу: „Вѣдь, плачутъ же, плачутъ“! втолковывала она: „Вѣдь, жа-алко! А эта — еще и сирота! Примите!“ И можно съ увѣренностью сказать, что дѣвочки, солидно работающія за однимъ столомъ со взрослыми, обязаны своимъ поступленіемъ къ намъ настойчивому заступничеству за нихъ отзывчивой Ю. Она какъ то сразу сжилась со школой, считая нашей неотъемлемой собственностью даже стѣны пріютившей насъ Пушкинской читальни. Участливая къ ученицамъ, она полна недружелюбія къ постороннимъ, которые, не зная часовъ нашихъ занятій, заходятъ въ библіотеку перемѣнить книгу. А во время народнаго чтенія въ одно изъ воскресеній она подняла цѣлый бунтъ противъ „мальцевъ, которымъ тутъ совсѣмъ нечего дѣлать“. „Непорядокъ, непорядокъ! И что они тутъ у насъ шляются“! бушевала она, растрепанная и красная, не соображая, что въ „непорядкѣ“ виновата сама, вызвавъ своей неугомонной строптивостью направленное противъ нея недружелюбіе остальной публики. Порывистость натуры наложила свой отпечатокъ и на внѣшность Ю.: ея волосы всегда висятъ клочьями, платье съѣхало на бокъ, руки залиты чернилами, выраженіе оживленнаго лица всегда мѣняется. Читать и писать она научилась очень быстро, занимаясь много дома, исписывая буквами цѣлыя тетради (поступила неграмотной): очевидно, живость ея натуры не исключаетъ усидчивости въ занятіяхъ. Подвижная и любознательная, она живо отдается впечатлѣніямъ. За все полугодіе она не пропустила ни одного урока, и всегда изъ первыхъ появляется въ классѣ такая довольная, точно пришла на праздникъ. Думается мнѣ, что ужъ одна ея несомнѣнная симпатія къ школѣ говоритъ за искренность желанія научиться большему въ классѣ, отнестись довѣрчиво къ нашимъ совѣтамъ и указаніямъ. Я убѣждена, что эта ученица, освоившись съ книгой (она только что кончила алфавитъ), съ горячимъ пыломъ возьмется за чтеніе: у нея слишкомъ живой темпераментъ, чтобы она могла что-нибудь дѣлать безъ увлеченія. Надо только, чтобы школа помогла ей.

Что же касается до нашихъ взрослыхъ и пожилыхъ ученицъ-работницъ, уже установившихся людей съ серьезными, нерѣдко усталыми и грустными глазами, въ которыхъ читается свой, незнакомый намъ, міръ чувствъ и думъ, то онѣ сами въ большинствѣ случаевъ предъявляютъ школѣ опредѣленные запросы, и намъ слѣдуетъ прислушаться къ ихъ голосу и постараться удовлетворить ихъ. „Пришла, чтобы исправить почеркъ, научиться правильнѣе писать: служу въ канцеляріи,—надо воспитывать дѣтей, а я,—вдова“, говоритъ одна изъ ученицъ, и учительница приноситъ ей изъ дому особо-разлинованную тетрадку, чтобы съ ней скорѣе достигнутъ цѣли. „Хочу у васъ подучиться кройкѣ, чтобы вмѣстѣ съ родственницей открыть мастерскую“, говоритъ другая: „жить съ дѣтьми надо“. „Хожу въ школу, чтобы выучиться

говорить по-русски“, сообщаетъ 28-лѣтняя крестьянка, прислуга по профессіи. Эти ученицы пришли къ намъ съ чисто утилитарными, практическими цѣлями, ища въ школѣ улучшенія своихъ жизненныхъ рессурсовъ. Но онѣ такъ горячо цѣнятъ привѣтъ и участіе учительницы, такъ искренно благодарятъ „за ласку“, что невольно поддаешься иллюзіи: не влечетъ-ли ихъ къ школѣ, между прочимъ, и эта теплота отношеній, и не скрашиваетъ-ли она хоть немного ихъ печальную, сѣрую, бѣдную участіемъ долю. Мнѣ вспоминается одна картинка. Школа занимается; идетъ „учебный шумъ“, а у большого стола, за которымъ сидятъ однѣ взрослыя ученицы, стоитъ учительница рядомъ съ женщиной, которая время отъ времени утираетъ слезы и что то разсказываетъ. На лицахъ остальныхъ участливое выраженіе; онѣ какъ то сбились въ кучу, стараясь разобрать слова говорящей. Оказывается, ученица разсказываетъ своей молодой учительницѣ, какъ бѣдствуетъ она съ калѣкой мужемъ, неспособнымъ къ труду, съ маленькими ребятишками, которые пить-ѣсть просятъ, какъ напрасно она ищетъ работы. И эти нѣсколько минутъ, потраченныя на разговоръ о горькой долѣ, не потеряны для школы: они сблизили группу взрослыхъ съ ихъ учительницей. Ученицы оцѣнили это участіе, и оно явится крѣпкимъ цементомъ нашего школьнаго зданія. Дѣйствительно, ученицы этой группы почти совсѣмъ не пропускали уроковъ. И какъ много душевной глубины въ этихъ изстрадавшихся женщинахъ изъ народа. „Тяжела моя жизнь“, пишетъ о себѣ одна изъ пожилыхъ 45-лѣтнихъ ученицъ въ своей тетрадкѣ: „Въ дѣтствѣ только хорошо и жилось. А тамъ совсѣмъ молодую рано замужъ выдали. Мужъ померъ. Одна съ дѣтьми осталась. Опять замужъ пошла, да еще хуже вышло. Много горя и печали и обиды вынесла. А впереди“, мрачнымъ аккордомъ заканчиваетъ она свою грустную повѣсть: „ждетъ самое ужасное, самая страшная изъ всѣхъ бѣдъ—смерть“. Какимъ подспорьемъ для такихъ ученицъ съ ихъ глубоковыстраданнымъ пессимизмомъ можетъ явиться наша „школьная наука“, что могутъ сдѣлать наши классы для измученной жизнью женщины, о которой такъ безпомощно плачетъ русская пѣсня:

„Загонена, забронена,
Рано выдадена“.

А между тѣмъ, какъ ни странно, эта именно ученица смотритъ на нашу школу, какъ на якорь спасенья, и ея безпросвѣтная жизнь не заглушила въ ней любознательности, отзывчивости, душевной чуткости. Она пришла къ намъ, чтобы изучить кройку, для чего посѣщаетъ во вторникъ Муравьевскую читальню, а въ четвергъ и пятницу Лукишскую, гдѣ не только учится кройкѣ, но и помогаетъ учительницѣ. Ея планъ,—изучивъ кройку (шить она умѣетъ), переѣхать съ дѣтьми въ одинъ изъ внутреннихъ городовъ Россіи и заодно съ своей родственницей устроить мастерскую, которая дастъ ей средства къ жизни. Наши предметные уроки она посѣщаетъ безъ пропуска, слѣдовательно, проводитъ въ школѣ каждую недѣлю 5 вечеровъ, и это,—живя на Антоколѣ, за нѣсколько верстъ отъ всѣхъ трехъ школъ. Ея отношеніе къ занятіямъ идеально, къ школѣ — сердечно и задушевно. Не хватитъ-ли перьевъ для учащихся, она торопливо вынимаетъ изъ кармана свои собственныя и раздаетъ ученицамъ: „Вотъ, какъ разъ кстати я и захватила изъ дому“, радостно говоритъ она, довольная, что и сама помогаетъ школѣ. По собственной инціативѣ она слѣдитъ за тѣмъ, чтобы подростки не употребляли дурныхъ словъ, такъ обычныхъ въ жизни фабричнаго люда. Она съ увлеченіемъ чи-

таетъ подаренную ей „Книгу взрослыхъ“ и дѣлится съ учительницей своими впечатлѣніями. „Интересная, хорошая книга“, говоритъ она: „Читаю про чужія земли, съ нашей жизнью сравниваю, и вижу, что въ нашей странѣ, пожалуй, легче, чѣмъ въ другихъ живется: природа то есть помягче. А попробуй-ка каждую минуту ждать, что тамъ гдѣ-то въ горахъ снѣгъ подтаетъ и тебя и всю деревню подъ обваломъ схоронитъ“. Эта симпатичнѣйшая ученица нашей школы живо воспринимаетъ прочитанное, и высокіе идеалы человѣчности доступны и понятны ей. Біографія Песталоцци изъ той же „Книги взрослыхъ“ произвела на нее сильное впечатлѣніе. „Хорошій человѣкъ заботой о другихъ счастливъ“, задумчиво закончила она свой устный пересказъ о жизни швейцарскаго учителя. Очевидно, мгла и голодъ жизни не погасили въ ней искру Божію, хоть и оставили неизбѣжный слѣдъ „тоски, предчувствія, заботы“ и на ея лицѣ, и въ ея думахъ.

Напротивъ этой ученицы, за однимъ столомъ съ ней сидятъ двѣ 20-лѣтнія дѣвушки, жизнерадостныя, цвѣтущія, поверхностныя и беззаботныя, какъ птички. Жизнь еще не наложила на нихъ свою тяжелую руку; или въ ихъ юности слишкомъ много противовѣса ея гнету,—не знаю; но ни одно облачко еще не омрачаетъ ихъ молодыхъ лицъ со взбитыми по модѣ волосами, а живые выразительные глаза, кажется, всегда смѣются, Онѣ тоже не пропускаютъ уроковъ, ихъ жизнь также полна труда; но это не вліяетъ на ихъ настроеніе, и въ своихъ тетрадяхъ онѣ одновременно пишутъ про себя: „Мнѣ очень весело!“ „Я провожу время очень весело“ „Весело, весело, весело!“ говорятъ и ихъ улыбки, и рѣчи, и вся ихъ милая внѣшность. „Я занимаюсь шитьемъ въ мастерской. Мнѣ очень весело. У насъ всегда много работы. Мы шьемъ много платьевъ. Мнѣ очень нравятся эти красивыя платья. Когда я прихожу домой поздно вечеромъ, у меня спрашиваютъ: зачѣмъ я такъ долго занимаюсь? Но я не могу раньше возвращаться, потому что меня не отпускаютъ съ работы. У меня мало времени учиться. Ну, такъ я, когда поздно приду съ работы, то я ночи учусь. За то я не могу хорошо учиться“, пишетъ старшая изъ нихъ, блондинка.

И если при ея жизнерадостности и кажется страннымъ, что ей нравятся тѣ красивыя чужія платья, надъ которыми она сидитъ не разгибаясь съ ранняго утра до поздняго вечера, то восторгъ другой, красивой брюнетки, работницы на шоколадной фабрикѣ, становится уже вполнѣ понятнымъ. „Я провожу время очень весело. Наша работа очень легкая, потому что мы завертываемъ шоколадъ и конфекты, и я очень довольна своей работой. Мы съ фабрики уходимъ ровно въ 7 часовъ. Жалованья я получаю 7 руб. въ мѣсяцъ, но мнѣ очень далеко ходить. Меня любятъ всѣ подруги на фабрикѣ, но и дома меня всѣ очень любятъ, потому что я одна дочь у родителей“, наивно объясняетъ она причину и безъ того понятнаго явленія, такъ какъ трудно, если не любить, то не залюбоваться ея привѣтливымъ личикомъ, граціозностью ея движеній. Эти двѣ ученицы для насъ еще tabula rasa. Что впишетъ на этихъ чистыхъ доскахъ наша школа? Расширитъ-ли ихъ птичье міросозерцаніе, привьетъ-ли въ нихъ любовь къ книжкѣ, научитъ-ли ее понимать? „Когда я поздно приду съ работы, то я ночи учусь“, пишетъ старшая изъ дѣвушекъ; и не значитъ ли это усердіе, что она уже на вѣрной дорогѣ и что нужно теперь одно—внимательное отношеніе къ ней нашей школы. Хотѣлось бы только, чтобы жизнь пощадила эти улыбающіяся дѣвичьи лица, а неизбѣжная старуха-забота подольше не накладывала на нихъ свою суровую печать.

Полученные мною отчеты учительницъ до извѣстной степени выясняютъ, что было пройдено ученицами за полугодіе. Въ группахъ неграмотныхъ, начавшихъ ученье съ первыхъ уроковъ, конченъ алфавитъ, и ученицы, правда, очень медленно, могутъ прочесть и передать содержаніе несложныхъ разсказовъ; пишутъ свое имя и фамилію; списываютъ съ книги; пишутъ подъ диктовку безъ звуковыхъ ошибокъ слова; по ариѳметикѣ—нумерація и устный счетъ, рѣшали задачи. Азбуку проходили по букварю „Первый шагъ" Вахтерова.

Въ группѣ слабограмотныхъ начали читать съ „Первой книжки" Льва Толстого, затѣмъ перешли къ „Міру въ разсказахъ" Вахтерова, гдѣ останавливались на статьяхъ, имѣющихъ нравственно-воспитывающій характеръ, и на дающихъ реальныхъ знаній. Статьи научнаго содержанія—„Дождь, роса и снѣгъ", „Польза вѣтра", „Кто живетъ въ каплѣ воды", „Какъ люди научились разводить рыбъ", а также отдѣлы „О здоровомъ тѣлѣ" и „По бѣлу свѣту"—читались вслухъ самими учительницами, и по поводу прочитаннаго велись бесѣды съ ученицами. Прохожденіе грамматики сводилось къ тому небольшому количеству главныхъ орѳографическихъ правилъ, которыя приводятся въ 5-ти-копеечной грамматикѣ Некрасова. Мы шутя говорили, что этой „грамматики на 5 копеекъ" достаточно, чтобы изложить на письмѣ мысль безъ грубыхъ ошибокъ, и главное вниманіе обращали именно на умѣнье устно излагать мысли. По ариѳметикѣ эти группы прошли всѣ 4 дѣйствія и въ предѣлахъ первой сотни рѣшали задачи и упражнялись въ устномъ счетѣ. Задачникъ и система Гольденберга.

Въ старшей группѣ обученіе велось по той же книгѣ Вахтерова „Міръ въ разсказахъ", при чемъ статьи изъ отдѣла „Родной старины", „Среди животныхъ" и „Изъ зеленаго царства", а также тѣ, гдѣ изображаются отношенія человѣка къ семьѣ, къ обществу, къ самому себѣ и труду, читались ученицами дома самостоятельно, а въ классѣ шелъ обмѣнъ мыслей по поводу прочитаннаго и пересказъ статей.

Въ этихъ группахъ нѣкоторыя изъ ученицъ давно уже окончили курсъ въ женскихъ смѣнахъ, бывшихъ въ Вильнѣ при городскихъ начальныхъ училищахъ и въ церковно-приходскихъ школахъ.

Занятія грамматикой заключались въ диктантѣ на орѳографическія правила и въ разборѣ по частямъ предложенія.

По ариѳметикѣ рѣшали задачи на всѣ 4 дѣйствія надъ числами любой величины. Задачникъ Гольденберга ч. II-я.

Подводя итогъ сказанному, замѣтимъ, что результаты школы въ общихъ чертахъ таковы: однѣ изъ неграмотныхъ уже читаютъ и пишутъ, хотя еще и слабо; другія приближаются къ концу алфавита; грамотныя сдѣлали успѣхи въ чтеніи и письмѣ, въ пониманіи разговорной и литературной рѣчи; всѣ вмѣстѣ свыклись со школой, полюбили своихъ учительницъ. Съ такими данными можно уже смѣло продолжать начатое дѣло. Стремленіе къ знанію, разъ проснувшись, не заглохнетъ въ нашихъ ученицахъ, а учащихъ за ихъ труды и заботы ждетъ много высокихъ и чистыхъ наслажденій отъ общенія съ народомъ на почвѣ школы.

Екатерина Урсыновичъ.

Литературныя чтенія—бесѣды въ С--ой воскресной школѣ въ 1902—3 уч. году.

1. Статистическія данныя.

Чтенія-бесѣды велись по преимуществу по праздничнымъ днямъ среди недѣли. Приходившіе на чтенія-бесѣды записывали на особомъ листѣ свои фамиліи и номера, подъ которыми они значатся въ спискѣ школы. Зарегистрировалось такимъ образомъ каждый разъ около 90% всѣхъ присутствующихъ. Фамиліи бывшихъ на чтеніи-бесѣдѣ учитель записывалъ въ списокъ, гдѣ указывалось: 1) изъ какой группы ученикъ, 2) на какихъ чтеніяхъ онъ былъ. Нижеприведенныя таблицы составлены на основаніи данныхъ такой регистраціи, и поэтому онѣ даютъ цифры ниже дѣйствительныхъ приблизительно на 10%.

Таблица 1.

(Посѣщаемость общая).

14	сентября	было	зарегистрировано	31	уч.
25	"	"	"	53	"
1	октября	"	"	33	"
22	"	"	"	39	"
15	ноября	"	"	37	"
21	"	"	"	47	"
6	декабря	"	"	62	"
5	января	"	"	45	"
24	"	"	"	59	"
14	февраля	"	"	48	"
7	марта	"	"	51	"
25	"	"	"	59	"

Всѣхъ чтеній-бесѣдъ было 12; въ среднемъ каждый разъ было 47 чел.

Таблица 2.

(Посѣщаемость учениковъ).

Всѣхъ учениковъ, перебывавшихъ на чтеніяхъ, зарегистрировано 191 чел., изъ которыхъ:

На	12	чтеніяхъ	былъ	1	чел.
"	11	"	"	1	"
"	10	"	"	2	"
"	9	"	"	3	"
"	8	"	"	6	"
"	7	"	"	8	"
"	6	"	"	5	"
"	5	"	"	12	"
"	4	"	"	12	"
"	3	"	"	26	"
"	2	"	"	43	"
"	1	"	"	72	"

Если не считать тѣхъ, кто былъ на чтеніяхъ - бесѣдахъ по 1, 2, 3 раза, то получается, что чтенія - бесѣды посѣщали только 50 человѣкъ, да и тѣ неаккуратно.

Таблица 3.

Кто былъ на чтеніяхъ - бесѣдахъ только 1 или 2 раза, тѣхъ, очевидно, чтенія не удовлетворяли. Интересно было выяснить, изъ какихъ группъ были эти неудовлетворенные чтеніями ученики. Оказалось слѣдующее:

	Были на чтеніяхъ-бесѣдахъ по 1, 2 раза
Ученики старшихъ группъ	32
„ среднихъ „	38
„ младшихъ „	45
Итого	115

2. Программа чтеній.

1. Палата № 6 разск. Чехова.
2. Проходимецъ „ М. Горькаго.
3. Воскресенье (выдержки) ром. Л. Толстого.
4. Старый бурмистръ р. Гл. Успенскаго.
5. Паденіе крѣпостного права.
6. Соглашеніе (сцена) „ Щедрина (Салтыкова).
7. Кому на Руси жить хорошо „ Некрасова.
8. 9. Мертвыя души (выдержки) Гоголя.
10. Стихотворенія Никитина.
11. Преступленіе и наказаніе (выдержки) Достоевскаго.
12. Пути къ идеалу бесѣда.

3. Порядокъ чтеній-бесѣдъ.

Чтенія - бесѣды продолжались 3—4 часа, съ однимъ или двумя антрактами. Вначалѣ учитель велъ бесѣду съ учениками на тему, которая затрагивается произведеніемъ, назначеннымъ для прочтенія; затѣмъ читалась учителемъ или учениками самая статья; наконецъ, преподаватель дѣлалъ разборъ произведенія и выяснялъ идею его путемъ бесѣды.

Задачей преподавателя было—уяснить, что такое идеалъ, какъ онъ представляется людямъ, и какъ они стремятся къ нему.

Для примѣра приводится схема перваго чтенія - бесѣды.

4. Предварительная бесѣда.

Съ нынѣшняго воскресенья я открываю курсъ чтеній по литературѣ. Что такое литература? Слово литература происходитъ отъ слова литера, буква. Подъ литературой надо разумѣть всѣ печатныя сочиненія. Литература бываетъ художественная и научная. Художественную литературу изучаютъ по эпохамъ, по національностямъ.

Если поставить произведенія литературы различныхъ эпохъ въ послѣдовательный рядъ и прослѣдить ихъ взаимную зависимость, то мы получимъ *исторію литературы.*

Мы займёмся художественной литературой. Художественная литература иначе называется беллетристикой. Беллетристика — слово французское; порусски оно значитъ изящныя произведенія литературы.

Какія произведенія относятся къ беллетристикѣ?

Какія беллетристическія произведенія изъ числа современныхъ вамъ извѣстны?

Назовите ихъ авторовъ.

Мы начнемъ съ Антона Чехова.

Какія произведенія онъ написалъ?

Мы познакомимся здѣсь съ однимъ изъ разсказовъ Ант. Чехова — Палата № 6.

Прежде, чѣмъ знакомиться съ Чеховымъ, мнѣ хочется уяснить съ вами, что такое писатель вообще. Всѣ мы наблюдаемъ жизнь. Однимъ людямъ сочувствуемъ, другихъ ненавидимъ. Къ однимъ поступкамъ относимся безразлично, къ другимъ съ глубокимъ презрѣніемъ.

Но мы всѣ не можемъ одинаково глубоко чувствовать презрѣніе или сочувствіе къ тому или иному поступку человѣка; къ одному и тому же явленію мы относимся различно. Есть между нами даровитые и глубокочувствующіе люди; они постигаютъ жизнь глубже; они умѣютъ и другимъ уяснить глубину своего взгляда и чувства. Къ такимъ даровитымъ людямъ относятся писатели.

Каждый изъ насъ наблюдаетъ жизнь по своему, съ своей точки зрѣнія. Каждому изъ насъ представляется жизнь съ одной стороны: одному кажется жизнь полною смысла, и онъ веселъ, жизнерадостенъ; другому кажется жизнь непрерывнымъ мученіемъ, и онъ страдаетъ, тоскуетъ, грустить. Одинъ всю жизнь наталкивался на радости, а другой видѣлъ одно горе. Такъ и писатели беллетристы. Одни изъ нихъ жизнерадостны, потому что они любятъ жизнь и вѣрятъ въ себя и въ хорошія начала жизни; читая ихъ произведенія, чувствуешь бодрость. Другіе—утомленные, разочарованные—наводятъ на васъ тоску.

Каждый, по достиженіи 25-ти лѣтняго возраста, становится вполнѣ сложившимся человѣкомъ. Каковъ я сегодня, таковъ буду завтра. Перемѣны въ характерѣ бываютъ рѣдки. Благодаря этому, мы отличаемъ человѣка отъ человѣка. Мы знаемъ: если придетъ къ намъ въ гости такой-то — будетъ весело, а если такой-то,—будетъ скучно. Такъ различаемъ мы и писателей. О характерѣ ихъ произведеній мы имѣемъ вполнѣ опредѣленныя представленія. Стоитъ прочесть только одну страницу, чтобы знатоку литературы опредѣлить, кто эту страницу написалъ. Видя напечатанный новый разсказъ какого-либо писателя, мы можемъ напередъ сказать, какъ онъ написанъ, и можемъ даже приблизительно сказать, что въ немъ излагается.

Для ознакомленія съ А. Чеховымъ я взялъ разсказъ его—„Палата № 6“. Почему я остановился на этомъ разсказѣ? Этотъ разсказъ, по мнѣнію иныхъ, стоитъ ниже другихъ произведеній Чехова; но и въ этомъ разсказѣ мы видимъ Чехова во весь ростъ.

Чтеніе разсказа.

Заключительная бесѣда.

Какое впечатлѣніе произвелъ на васъ разсказъ?
Чувствуете ли потребность смѣяться?
Грустно, обидно, больно, но почему?
Не жаль ли Мосейки?
Не противенъ ли Никита?
Нельзя ли объяснить, почему Иванъ Дмитріевичъ очутился въ палатѣ № 6?
Почему сталъ ходить Андрей Ефимовичъ къ сумасшедшему?
Что за жизнь идетъ въ городѣ?
Почему жизнь въ глухомъ городѣ тяжела для развитого образованнаго человѣка?

Дождливый осенній грязный день. Скучно. Идемъ по улицѣ. Прохожіе — промокшіе, прозябшіе, подъ зонтиками, хмурые, торопятся домой. И вы торопитесь тоже уйти отъ этой промозглой грязи... Не сидѣли ли вы въ веселой компаніи, гдѣ карты, водка, тщеславные разговоры? Не чувствовали ли вы при этомъ тоску и не торопились ли вы уйти изъ этой глупой обстановки домой?..

Когда вы читаете такое произведеніе, какъ „Палата № 6“, вы чувствуете, какъ нависаетъ надъ вами сѣрый холодный туманъ, который, какъ кошмаръ, начинаетъ давить васъ и мучить. И счастливы вы, если можете освободиться отъ этихъ невеселыхъ картинъ, отъ тяжелыхъ думъ и впечатлѣній. Но освободится ли отъ нихъ Антонъ Чеховъ?..

Въ чемъ заключаются взгляды и убѣжденія Ивана Дмитріевича? (стр. 31, 32, 36).
Въ чемъ „заключаются“ взгляды и убѣжденія доктора? (16—18; 26—7; 22—5; 31—2; 36).
Говоритъ ли авторъ, кто правъ?
Боленъ ли докторъ? Боленъ ли Иванъ Дмитріевичъ? (37—41).
Что такое нормальный и ненормальный человѣкъ?
Считаетъ ли авторъ доктора больнымъ?

Кто главныя лица разсказа?
Типичны ли они?
Нѣтъ ли неясныхъ мѣстъ въ изложеніи? (4, 15).

Изложеніе не блещетъ яркими красками. Языкъ кратокъ. Авторъ объективенъ, т. е. не вноситъ въ характеристику своихъ героевъ личныхъ своихъ

взглядовъ и отношеній; онъ стоитъ какъ будто въ сторонѣ; *но можетъ ли онъ быть совершенно въ сторонѣ?*

Авторъ глядитъ на васъ во весь ростъ и глядитъ съ каждой страницы своими грустными глазами. Самый сюжетъ разсказа, картины, которыя въ немъ нарисованы, тонъ разсказа — все указываетъ на личность автора, на его духовную и нравственную природу.

Допустимъ, что „Палата № 6" характерное произведеніе А. Чехова; въ такомъ случаѣ мы пришли бы къ заключенію, что Чеховъ изображаетъ неудовлетворенность жизнью, гдѣ царятъ мелкіе интересы, *гдѣ нѣтъ идеала*, тянутся безцвѣтные, сѣренькіе дни, которые не поднимаютъ, и только принижаютъ человѣка, что у Чехова вѣры въ хорошее будущее почти нѣтъ, Чеховъ страдаетъ отъ безцѣльной сутолки жизни...

На произведеніяхъ Чехова лежитъ грустный отпечатокъ. Если вамъ покажется въ иныя минуты жизнь тоже тяжелой, скучной,—идите къ Чехову: онъ откликнется на вашу грусть, посочувствуетъ вамъ, и вы, что называется, отведете душу.

Но дѣйствительно ли жизнь безтолкова и безцѣльна?

П. Казанцевъ.

Воскресная мужская школа въ селѣ Шарканѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи.

По иниціативѣ одного изъ учащихъ земской школы А. З. Ларіонова, группа земскихъ учителей и учительницъ задумала организовать мужскую воскресную школу. 5 декабря 1902 г. было получено разрѣшеніе мѣстнаго инспектора на открытіе воскресной школы при одномъ изъ земскихъ училищъ села Шаркана, а земство предоставило средства въ количествѣ 60 руб. 8 декабря начались занятія. Въ первое воскресенье явилось 13 человѣкъ, а во второе 31 чел.: максимальное число учащихся на учебный день было 33, а минимальное 11; всего перебывало 70 человѣкъ. Я не буду останавливаться на точномъ раздѣленіи и распредѣленіи учащихся; всѣ интересныя въ этомъ отношенія свѣдѣнія собраны въ приложенную ниже статистическую таблицу; отмѣчу только нѣкоторыя характерныя черты. Школа существовала всего 13 воскресеній. Объясняется это тѣмъ, что школа поздно открыта, а закрыть вслѣдствіе мѣстныхъ условій пришлось 23 марта. Характерной особенностью школа служитъ то, что она является полуинородческой и чисто крестьянской: изъ 70 человѣкъ учащихся 48 вотяковъ и 66 земледѣльцевъ-крестьянъ. Вотяки являлись самыми аккуратными посѣтителями, хотя многимъ приходилось ходить довольно далеко за 12 верстъ; всего болѣе было посѣтителей изъ селеній за 8 верстъ—17 человѣкъ; всѣхъ селеній школа обслуживала 13, такъ что районъ ея дѣятельности было довольно обширный.

Относительно посѣщенія школы учениками и причинъ выхода изъ нея я путемъ опроса получилъ слѣдующіе свѣдѣнія: Пропускалъ потому, что „на свадьбѣ былъ, а другой разъ гости ко мнѣ собрались", „ѣздилъ въ заводъ", „дрова возилъ", „молотилъ", „на свадьбу собирался", „не хотѣлось". Не сталъ учиться оттого, что „отецъ не отпускаетъ", „одинъ

работникъ въ семьѣ", „некогда, въ свободное время столярничаю", „все это знаю, я проходилъ въ семинаріи", (учился года $1^1/_2$ въ учительской семинаріи), „хозяинъ, братъ, не пускаетъ, работать велитъ, а надъ ученіемъ смѣется", „въ работникахъ, хозяинъ не пускаетъ", „обижаютъ въ школѣ взрослые" (мальчикъ 11 лѣтъ), „самъ знаю, читалъ, пользы изъ этого ученія не выйдетъ", „отецъ не пускаетъ", „отецъ учился раньше въ школѣ, но ничего не понялъ, потому отъ ученія не видитъ пользы", „поступилъ въ монастырь", „не охота", „не хочетъ, въ кузницѣ работаетъ", „понять не могъ". Какъ видимъ, мотивировка самая разнообразная; относительно 40 человѣкъ никакихъ свѣдѣній о причинахъ ихъ пропуска или выхода изъ школы не получено.

Подводя итоги дѣятельности воскресной школы, я путемъ устнаго и письменнаго опроса выяснилъ, что существованіе воскресной школы на будущій годъ желательно. Начинать занятія необходимо съ октября, а кончать къ Пасхѣ; въ остальное время некогда и ходить неудобно (весной и осенью). Одинъ изъ воскресниковъ высказалъ ту мысль, что можно выбрать время лѣтомъ, но другіе воспротивились этому.

На вопросъ, какую пользу принесла воскресная школа, одинъ изъ воскресниковъ пишетъ: „особенно мнѣ воскресная школа принесла пользу тѣмъ, что пріучила къ чтенію книгъ; благодаря этой школѣ, я началъ понимать въ книгахъ больше, чѣмъ до поступленія въ школу" (вотякъ 22 лѣтъ изъ группы грамотныхъ). Другой: „Я узналъ, что такое звѣзды, что такое воздухъ, электричество, не сталъ вѣрить всякимъ суевѣріямъ".

На вопросъ, зачѣмъ поступили въ воскресную школу, отъ трехъ грамотныхъ вотяковъ получены письменные отвѣты: „Поступилъ я въ школу узнать, что есть правда и что неправда въ природѣ. Желалъ познакомиться съ естествовѣдѣніемъ".—„Поступилъ въ воскресную школу, чтобы не отвыкнуть отъ грамотности и научиться грамотѣ впередъ".— „Я поступилъ въ школу, чтобы научиться грамотѣ". Другіе учащіеся, поступали съ спеціальными опредѣленными запросами: „научиться считать на счетахъ, ариѳметикѣ", „научиться получше писать". Одинъ изъ учащихся заявилъ желаніе учиться на будущій годъ „сельскому хозяйству", другой болѣе опредѣленно и узко „пчеловодству".

Статистика воскресной школы за 1902—1903 уч. годъ.

Учащіеся.

Перебывшихъ въ школѣ въ теченіе года 70 человѣкъ.

Раздѣленіе учащихся по возрасту.

11—14 лѣтъ	10	человѣкъ.
15—16 „	11	„
17—20 „	21	„
21—25 „	15	„
26—30 „	9	„
30—40 „	3	„
Свыше 40 „	1	„

Средній возрастъ 24 года.

Раздѣленіе по занятіямъ.

Земледѣльцевъ	66	чел.
Рабочихъ съ завода	2	„
Торговцевъ	1	„
Другихъ занятій	1	„

По народности.

Русскихъ	22	чел.
Вотяковъ	48	„

По сословію всѣ крестьяне.
По вѣроисповѣданію всѣ православные.

Раздѣленіе по семейному положенію.

Холостыхъ	43	чел.
Женатыхъ	27	„

Раздѣленіе по подготовкѣ при поступленіи.

Неграмотныхъ	5	чел.
Малограмотныхъ	22	„
Грамотныхъ	22	„
Окончившихъ курсъ	21	„

Мѣстожительство учащихся отъ школы находилось въ разстояніи:

менѣе версты (изъ села, гдѣ школа)	4	чел.
1 „	13	„
3 верстъ	1	„
4 „	8	„
5 „	15	„
6 „	5	„
7 „	2	„
8 „	17	„
9 „	3	„
12 „	2	„

Преподающіе.

Число преподающихъ 9: 5 мужчинъ, 4 женщины.

По занятію.

Законоучитель-священникъ	1	чел.
Остальные учителя и учительницы мѣстныхъ и окрестныхъ *земскихъ* училищъ	8	„

По мѣстожительству отъ школы:

Мѣстныхъ	6	чел.	
Въ разстояніи 5 верстахъ	1	„	Мужчины.
„ „ 10 „	1	„	
„ „ 15 „	1	„	

И. Зеленовъ.

Хроника профессіональнаго образованія.

Распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній.—Миргородская художественно-промышленная школа.—Школа безъ учениковъ.—Коммерческое училище въ Могилевѣ.—Сельско-хозяйственные курсы для женщинъ.

Сельско-хозяйственный Совѣтъ при министерствѣ земледѣлія въ послѣдней своей сессіи, между прочимъ, обратилъ вниманіе на весьма важный вопросъ о желательности болѣе тѣснаго сближенія между сельскохозяйственными школами и окрестнымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Какъ сообщаютъ „Изв. Мин. Землед.“, Департаментъ Земледѣлія для достиженія данной цѣли остановился на слѣдующихъ пожеланіяхъ: 1) Установленіе возможно близкаго общенія между сельскохозяйственными учебными заведеніями и окрестнымъ населеніемъ необходимо какъ въ цѣляхъ правильной постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ цѣляхъ возможнаго культурнаго вліянія сихъ послѣднихъ на технику сельскаго хозяйства ближайшаго района. 2) Однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ указаннаго въ п. 1 взаимодѣйствія между сельскохозяйственными учебными (преимущественно низшими) и окрестнымъ населеніемъ является привлеченіе первыхъ къ общественно-агрономической дѣятельности путемъ устройства при сихъ заведеніяхъ случныхъ и зерноочистительныхъ пунктовъ, племенныхъ разсадниковъ, питомниковъ плодовыхъ деревьевъ, складовъ сельскохозяйственныхъ машинъ и сѣмянъ, районныхъ сельскохозяйственныхъ выставокъ, мелкихъ сельскохозяйственныхъ обществъ, сельскохозяйственныхъ чтеній и т. п. 3) Такъ какъ нѣкоторыя изъ помянутыхъ въ п. 2 агрономическихъ учрежденій, на основаніи опыта существующихъ сельскохозяйственныхъ школъ, могутъ быть устраиваемы безъ ущерба для учебнаго дѣла и при наличномъ числѣ преподавателей и нужны лишь нѣкоторыя небольшія средства на покрытіе какъ единовременныхъ расходовъ по устройству и приспособленію построекъ (для складовъ, навѣсовъ для зерноочистительныхъ пунктовъ), пріобрѣтенію нѣкоторыхъ машинъ (вѣялокъ, тріеровъ), инструментовъ, пособій (фонарей, картинъ) и пр., такъ и ежегодныхъ расходовъ по содержанію сихъ агрономическихъ учрежденій и вознагражденіе за особый трудъ лицъ, завѣдующихъ ими —представляется необходимымъ имѣть въ распоряженіи Департамента Земледѣлія особый кредитъ для оказанія матеріальной помощи сельскохозяйственнымъ учебнымъ заведеніямъ для указанной цѣли. 4) Для тѣхъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ общественно-агрономическая дѣятельность можетъ достигнуть значительнаго развитія и такимъ образомъ для успѣшнаго веденія дѣла наличный персоналъ можетъ оказаться недостаточнымъ,—необходимо въ заведенія назначать добавочнаго преподавателя съ отпускомъ для сего по штату дополнительнаго ассигнованія и 5) Общественно-агрономическая дѣятельность сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній, способствуя выполненію ближайшей задачи сихъ заведеній, по распространенію сельскохозяйственныхъ знаній среди населенія, должна быть согласована съ общественно-агрономической дѣятельностью всѣхъ другихъ органовъ Министерства въ данной губерніи вообще, и потому сіи заведенія должны разсматриваться, какъ сотрудники мѣстныхъ Управленій Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ въ области общественной агрономіи, имѣющіе однако, свой, сравнительно небольшой по размѣрамъ, прилегающій къ школѣ, районъ. Совѣщаніе сельскихъ хозяевъ, разсмотрѣвъ докладъ Департамента, постановило все-

цѣло присоединиться къ постановкѣ разсмотрѣннаго вопроса въ формѣ, изложенной въ приведенныхъ положеніяхъ, причемъ считало соотвѣтственнымъ отмѣтить въ послѣднемъ 5 пунктѣ заключеній необходимость согласованія общественно-агрономической дѣятельности сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній какъ съ дѣятельностью другихъ мѣстныхъ учрежденій и органовъ вѣдомства Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, такъ и съ дѣятельностью въ этомъ отношеніи земствъ и сельскохозяйственныхъ обществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду приводившіяся указанія на недостаточность даваемыхъ школой практическихъ знаній, Совѣщаніе сочло нужнымъ возбудить ходатайство о принятіи мѣръ къ лучшей вообще постановкѣ практическихъ занятій учениковъ въ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ и объ увеличеніи суммъ, отпускаемыхъ въ распоряженіе Департамента Земледѣлія на предметъ посылки учениковъ на практику. Въ Совѣтѣ, въ свою очередь, не встрѣтилось возраженій противъ основныхъ положеній доклада Департамента Земледѣлія.

По словамъ „Бирж. Вѣд.", при курсахъ учебно-воспитательныхъ занятій по сельскому хозяйству и природовѣденію въ Мраморномъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ лѣтомъ настоящаго года въ Стрѣльнѣ, по Балтійской ж. д., устраиваются педагогическіе сельскохозяйственные курсы. Курсы эти имѣютъ цѣлью ознакомить слушателей путемъ лекцій, бесѣдъ, рефератовъ и практическихъ работъ съ основными свѣдѣніями по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и съ совершенствованіемъ сельской кустарной промышленности. Большое вниманіе на курсахъ обращается также на примѣненіе сельскохозяйственныхъ знаній и работъ въ воспитаніи дѣтей. При курсахъ имѣются небольшая плодовая школа, огородъ и пасѣка; остальныя практическія работы производятся на ближайшихъ фермахъ. Для педагогической практики при курсахъ имѣется учительская сельскохозяйственная школа и дѣтскіе курсы въ 200 чел. Во второй половинѣ августа въ теченіе цѣлаго мѣсяца до 15-го сентября для желающихъ устраиваются экскурсіи въ ученыя и учебныя учрежденія и образцовыя экономіи Россіи. Плата за полное содержаніе съ 15-го іюня по 15-е августа 30 руб. На курсы принимаются студенты, курсистки, учителя, учительницы и лица съ среднимъ образованіемъ.

Какъ передаетъ „Торг. Пр. Газ.", Министорство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ разрѣшило Рижскому отдѣлу Императорскаго россійскаго общества садоводства устройство передвижныхъ курсовъ по садоводству и его отраслямъ въ разныхъ районахъ Прибалтійскаго края, на слѣдующихъ условіяхъ: продолжительность каждаго курса не болѣе трехъ недѣль, при неограниченномъ числѣ слушателей; плата за обученіе опредѣляется въ размѣрѣ трехъ рублей. На курсахъ проходятся: плодоводство, огородничество, декоративное садоводство и основныя понятія изъ ботаники, растеніеводства, химіи, почвовѣдѣнія, экономіи со счетоводствомъ и метеорологіи. Руководство теоретическими и практическими занятіями возлагается: на инструктора садоводства П. П. Саулита, спеціалиста по плодовому виноделію П. Н. Дэллэ, ученаго управляющаго А. И. Калнина и спеціалистовъ по садоводству — Ю. Н. Аллунана и А. А. Ваннагъ. Завѣдываніе курсами возлагается на предсѣдателя рижскаго отдѣла Ф. П. Ласмана.

„Бирж. Вѣд." сообщаютъ, что Министерство земледѣлія предполагаетъ организовать выдачу пособій на обученіе сельскому хозяйству въ исправительныхъ и учебно-воспитательныхъ колоніяхъ и пріютахъ. Выдачу пособій предполагалось начать съ нынѣшняго 1904 года; но такъ какъ проектъ орга-

низаціи обученія сельскому хозяйству въ исправительныхъ заведеніяхъ спеціально не разработанъ, то государственный совѣтъ, хотя въ принципѣ и отнесся сочувственно къ мысли министерства, но предположенный на это дѣло кредитъ изъ смѣты исключилъ впредь до детальной разработки проекта. Вмѣстѣ съ тѣмъ Госуд. Совѣтъ нашелъ возможнымъ значительно увеличить ассигнованіе на устройство въ губерніяхъ и уѣздахъ публичныхъ чтеній и бесѣдъ по сельскому хозяйству.

Въ одной изъ предшествующихъ „хроникъ" былъ уже отмѣченъ фактъ весьма печальнаго состоянія, въ которомъ нашла образованная Полтавскимъ губ. земскимъ собраніемъ ревизіонная коммиссія Миргородскую художественно-промышленную школу имени Гоголя. Школа эта содержится на совмѣстныя средства Министерства Финансовъ и Полтавскаго губ. Общества, изъ которыхъ каждое затрачиваетъ на это ежегодно по 15 т. р. Завѣдываніе же учебною и воспитательною частью до послѣдняго времени находилось въ вѣденіи учебнаго отдѣла Министерства Финансовъ. Уже съ самаго начала, благодаря неудачному выбору директора, школа стала на ложный путь, превратившись изъ учебнаго заведенія въ промышленное, занятое исключительно выполненіемъ частныхъ заказовъ. Педагогическая сторона дѣла при этомъ отошла на задній планъ, и ученики эксплуатировались исключительно для выполненія горныхъ работъ при изготовкѣ ззказовъ. Въ настоящее время „Хуторянинъ" приводитъ полный текстъ доклада ревизіонной коммиссіи, изъ котораго видно, что беззаботность въ отношеніи преподаванія въ школѣ доведена до предѣловъ, почти невѣроятныхъ. Такъ ученики III кл. прошедшіе всю планиметрію, на вопросъ, что такое гипотенуза, отвѣчаютъ: „не учили"; на вопросъ, какіе бываютъ треугольники, отвѣчаютъ: шестиугольные многоугольные и равнобедренные. Ученики, прошедшіе древнюю исторію по Иловайскому (!), заявляютъ, что не слышали объ Александрѣ Македонскомъ и Юліи Цезарѣ, но твердо помнятъ, что Брутъ былъ финикіецъ, а Македонія находится на берегу Чернаго моря. Результаты же диктовки въ III кл. таковы, что ко времени окончанія училища можно для окончившихъ приходскія и земскія школы опасаться рецидивовъ безграмотности, тѣмъ болѣе, что учебниковъ никакихъ не полагалось, а библіотекою ученики не пользуются уже года два. Не лучше обстоитъ и съ спеціальными предметами и практическими работами: технологія глины не проходится и, въ сущности говоря, никогда и не проходилась; занятія въ мастерскихъ слабо или вовсе не контролируются. Лучше всего поставлено черченіе и рисованіе, хотя для послѣдняго условія освѣщенія чрезвычайно неблагопріятны: такъ, напр., отъ 4 до 5 ч. ученики рисуютъ съ гипса, благодаря отсутствію шторъ, при двойномъ освѣщеніи. Цѣнная библіотека находится въ хаотическомъ состояніи, не дающемъ возможности ею пользоваться.

Одинаково неудовлетворительно поставлена и воспитательная часть, причемъ, отношеніе учителей между собою и къ ученикамъ совершенно ненормальны. Ученики до нельзя распущены, грубы по отношенію къ преподавателямъ, неаккуратно посѣщаютъ уроки и мастерскія, возбуждаютъ своимъ поведеніемъ жалобы горожанъ; администрація школы не всегда отличается желательнымъ тактомъ. Окончившіе ученики попрежнему не находятъ себѣ занятій. Съ своей стороны, земская управа ссылалась на то, что школа находится въ исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ школѣ имѣется до 200 учениковъ, большая часть которыхъ представляетъ собою исключенныхъ изъ другихъ

учебныхъ заведеній. Живутъ ученики на частныхъ квартирахъ, безъ достаточнаго надзора. Формы у нихъ нѣтъ, а потому вина за всякій скандалъ, учиненный въ городѣ, переносится на воспитанниковъ школы. Съ измѣненіемъ же устава, выборъ директора представленъ земству, и управа расчитываетъ постепенно устранить отмѣченные ревизіонной коммиссіей недостатки. Губ. земское собраніе признало возможнымъ сохранить школу и поручило особой коммиссіи выработать программу для нея. Согласно заключенію послѣдней, главнымъ предметомъ преподаванія въ школѣ предполагается признать глиновѣдѣніе. Школа дѣлится на 3 отдѣленія: первое — низшей керамики, два старшихъ отдѣленія — высшей керамики. За границей такія школы имѣютъ 3 лѣтній и даже 4 лѣтній курсъ, какъ, напримѣръ, въ Севрѣ. Но за границей общая подготовка выше, и поэтому слѣдуетъ курсъ у насъ довести до 5 лѣтъ, изъ которыхъ одинъ приготовительный для общеобразовательной подготовки, обученія рисованію и черченію. Въ отдѣленіи низшей керамики должно преподаваться и печное мастерство, вентиляція, отопленіе и пр., какъ въ Вятской печной мастерской. Все это должно быть, вмѣстѣ съ краткимъ курсомъ строительнаго искусства и знакомства съ машинами, пройдено за два первыхъ года и приготовительный курсъ. Высшая керамика распадается на 2 отдѣленія: декоративное и моделировочное. Каждый ученикъ будетъ спеціализироваться въ своей области, причемъ раздѣленіе будетъ произведено въ 2-хъ послѣднихъ классахъ.

Собраніе постановило: 1) утвердить проектъ программы школы; 2) предложить губернской управѣ немедленно ввести ее, не ожидая утвержденія; 3) благодарить коммиссію за выработку программы и 4) возбудить ходатайство о представленіи ученикамъ, окончившимъ школу, права на полученіе свидѣтельства съ званіемъ ученаго мастера, а прошедшимъ курсъ низшей керамики ученаго рисовальщика.

Будемъ надѣяться, что при новыхъ условіяхъ Миргородская школа сдѣлается болѣе достойной памяти Гоголя. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что въ практикѣ школьнаго дѣла бываютъ и болѣе несчастные случаи. Къ числу ихъ нужно отнести существованіе въ Николаевѣ мореходной школы безъ учениковъ, о чемъ сообщаетъ „Од. Листокъ". Такое открытіе сдѣлалъ посѣтившій Николаевъ инспекторъ мореходныхъ учебныхъ заведеній. Вернувшись въ Петербургъ, инспекторъ не замедлилъ, конечно, сообщить о своемъ открытіи отдѣлу торгов. мореплаванія. Фактъ, вѣдь, дѣйствительно чрезвычайно интересный: въ школѣ не оказалось ни одного ученика. Отдѣлъ торгов. мореплаванія, остановившись на столь ненормальномъ явленіи, пришелъ къ заключенію, что морех. школа просто не отвѣчаетъ мѣстнымъ потребностямъ, и доложилъ объ этомъ Главноуправляющему торгов. мореплаваніемъ и портами. Его Высочество Великій Князь Александръ Михайловичъ приказалъ отдѣлу снестись по этому поводу съ мѣстными учрежденіями, субсидирующими морех. школу (субсидируютъ школу гор. управленіе, мѣщанское общество и общество никол. лоцмановъ), и предложить имъ обсудить вопросъ о преобразованіи нынѣшней фактически бездѣйствующей мореходн. школы въ приготовительную школу. Городу и названнымъ обществамъ ставится при этомъ въ условіе сохраненіе нынѣ отпускаемыхъ ими субсидій, хотя, какъ замѣчаетъ отдѣлъ торг. мореплаванія содержаніе приготовительной школы обходится значительно дороже 2-кл. мореходной. Съ своей стороны корресподентъ находитъ, что главными двумя причинами отсутствія учащихся въ нынѣшней морех. школѣ являются слѣдующія обстоятельства: во-1-хъ, требуется слишкомъ высокій плавательный

цензъ при самомъ поступленіи въ школу (10 мѣсяцевъ плаванія!) и, во-2-хъ, какъ это ни странно, некому было позаботиться о своевременномъ опубликованіи положенія и программъ этого новаго учебнаго заведенія.

Могилевская городская дума, какъ пишутъ „Рус. Вѣд.", обсуждала вопросъ объ учрежденіи въ Могилевѣ 7-класснаго коммерческаго училища. По словамъ корреспондента здѣсь нужда въ средне-учебномъ заведеніи сознавалась съ 1875 г. Въ 1880 году городская Дума постановила ходатайствовать о реальномъ училищѣ, ассигновавъ единовременно 28.500 р. на постройку и 5.000 р. ежегодно. Ходатайство было удовлетворенно только отчасти. Въ 1885 году открыто реальное училище съ III и IV классами, затѣмъ переведено въ г. Винницу. Мотивы министерства—недостаточность средствъ, асигнованныхъ городомъ. Взамѣнъ переведеннаго училища министерствомъ народнаго просвѣщенія городу предложено было низшее механико-техническое училище на тѣ же со стороны города пособія, т. е. 5.000 р. ежегодно и 28.000 р. единовременно. Какъ отнесся городъ къ предложенію министерства, изъ доклада не видно. Въ 1895 г. членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, изслѣдовавъ училищную нужду на мѣстѣ, нашелъ для г. Могилева необходимымъ среднее общеобразовательное учебное заведеніе, а не низшее. Городомъ возбуждено ходатайство объ учрежденіи средняго учебнаго заведенія съ обязательствомъ ежегоднаго пособія въ 7.000 р. и единовременнаго въ 58.000 р. Ходатайство не уважено. Въ 1900 г. городская Дума снова возбудила ходатайство объ училищѣ съ обязательствомъ ежегоднаго пособія въ 5.000 р., единовременнаго въ 28.000 и дать землю подъ постройку училища. И это послѣднее ходатайство осталось безъ послѣдствій. Въ настоящее время вопіющая нужда въ училищѣ выдвинула изъ среды интеллигентовъ г. Могилева инціаторовъ, которыми 27-го января въ городской Думѣ было устроено засѣданіе приглашенныхъ горожанъ по училищному вопросу. Въ засѣданіи, на которомъ присутствовало человѣкъ 40 заинтересованныхъ, предложено, минуя министерство народнаго просвѣщенія, обратиться съ ходатайствомъ въ министерство финансовъ о разрѣшеніи коммерческаго училища. Предложеніе принято единогласно. Горожане изъявляютъ согласіе на образованіе первоначальнаго фонда въ 25.000 р. изъ добровольныхъ безвозвратныхъ 500-рублевыхъ взносовъ, причемъ вкладчики получаютъ нѣкоторыя права при опредѣленіи своихъ дѣтей и права контроля надъ училищемъ въ лицѣ своихъ представителей, входящихъ въ составъ попечительнаго совѣта. Въ спеціальномъ засѣданіи по училищному вопросу 4-го февраля городская Дума постановила: 1) ходатайствовать объ училищѣ и утвержданіи выработаннаго управой устава училища, съ каковою цѣлью командировать тутъ же избраннаго члена управы В. А. Хлопова; 2) ассигновать на нужды училища ежегодно 4.000 р.: 3) отвести 1.000 квадратн. саженъ городской земли подъ постройку училища; 4) ходатайствовать о разрѣшеніи сбора съ торговыхъ документовъ въ размѣрѣ процентовъ казенныхъ пошлинъ; 5) ходатайствовать объ утвержденіи директоромъ училища кандидата естественныхъ наукъ надв. сов. Ивана Григорьевича Полобы.

26-го февраля въ большомъ залѣ сельскохозяйственнаго музея состоялось торжественное открытіе временныхъ женскихъ сельскохозяйственныхъ курсовъ, учрежденныхъ обществомъ содѣйствія женскому сельскохозяйственному образованію. Какъ сообщаютъ „Бирж. Вѣд.", торжество открыто было рѣчью министра земледѣлія. А. С. Ермоловъ посвятилъ свою рѣчь высокому значенію русской женщины въ сельскомъ хозяйствѣ какъ въ качествѣ ближайшей помощницы мужа—хозяина имѣнія, такъ иногда и самостоятельной работницы.

Общество содѣйствія сельскохозяйственному образованію съ дня своего основанія всѣ силы свои естественно полагало на осуществленіе своей завѣтной мечты—учрежденіе высшаго сельскохозяйственнаго учебнаго заведенія. Его Высокопревосходительство выразилъ полное сочувствіе этой идеѣ, для осуществленія которой онъ всегда готовъ былъ на все возможное и которая въ недалекомъ будущемъ можетъ быть осуществлена. Понятно, открываемые теперь обществомъ временные курсы не могутъ замѣнить будущій сельскохозяйственный институтъ; они не могутъ имѣть даже такого значенія, каковое признается за постоянными курсами, но тѣмъ не менѣе они несомнѣнно будутъ имѣть плодотворные результаты на русской почвѣ. Объявляя въ заключеніе своей рѣчи настоящіе курсы открытыми, А. С. Ермоловъ высказалъ пожеланія успѣха какъ обществу, организовавшему ихъ, такъ и гг. лекторамъ и слушательницамъ.

На рѣчь министра земледѣлія отъ лица совѣта общества отвѣчали товарищъ предсѣдателя и предсѣдательница комитета курсовъ Н. П. Долгова. Почтенная дѣятельница по женскому сельскохозяйственному образованію „указала на то, что еще въ 1897 году лицами, сочувствующими дѣлу образованія женщины въ этомъ направленіи, была выработана подробная программа по женскому сельскохозяйственному образованію; затѣмъ черезъ два года было учреждено отдѣльное общество, которое существуетъ теперь благодаря просвѣщенному содѣйствію министерства земледѣлія, во главѣ съ его руководителемъ г. министромъ, проявляющемуся какъ въ нравственной, такъ и матеріальной поддержкѣ общества. Съ разрѣшенія г. министра въ 1898 г. издана на средства министерства книга, посвященная обзору дѣятельности женщины въ области сельскаго хозяйства; въ 1900 году по тому же животрепещущему вопросу о правильномъ спеціальномъ сельскохозяйственномъ образованіи женщинъ была образована при министерствѣ особая коммиссія, и въ эту коммиссію съ разрѣшенія г. министра были приглашены женщины, избравшія эту область для своей просвѣтительной дѣятельности. Въ этой коммиссіи вопросъ о сельско-хозяйственномъ образованіи женщины, какъ среднемъ, такъ и высшемъ, былъ признанъ подлежащимъ разрѣшенію. Въ настоящее время разработанъ вопросъ о сѣти низшихъ сельско-хозяйственныхъ женскихъ школъ. Заканчивая свою рѣчь, Н. П. Долгова выразила глубокую благодарность г. министру какъ отъ лица членовъ общества, такъ и отъ корпораціи преподавателей и слушательницъ и искреннее пожеланіе ихъ всѣхъ имѣть честь видѣть его высокопревосходительство въ будущемъ въ моментъ осуществленія завѣтной мечты общества—при открытіи высшаго сельско-хозяйственнаго института.

Министръ земледѣлія С. А. Ермоловъ, выразивъ благодарность за такую лестную оцѣнку его дѣятельности, снова обѣщалъ съ полною готовностью содѣйствовать по мѣрѣ возможности разрѣшенію въ благопріятномъ смыслѣ вопроса объ учрежденіи женскаго сельско-хозяйственнаго института. Благодаря энергіи общества, уже осуществлено многое, что составляетъ громадную потребность нашей родины.

Вторымъ, отъ имени общества содѣйствія женскому сельско-хозяйственному образованію, говорилъ предсѣдатель общества М. А. Стебутъ. Посвятивъ часть своей рѣчи значенію и роли русской женщины въ сельско-хозяйственной экономіи какъ хозяйки, такъ иногда и исполнительницы своей миссіи въ чужомъ имѣніи, онъ указалъ на то, что въ программу курсовъ включены именно тѣ предметы, которые наиболѣе близки женщинѣ — сельскому хозяину. Обществу еще не удалось осуществить свою задушевную мысль — учредить женскій

сельско - хозяйственный институтъ, или создать постоянные курсы; но и отъ того, что имъ теперь создано, оно ожидаетъ хорошихъ плодовъ какъ въ виду отзывчивости преподавателей, такъ и искренняго стремленія къ знаніямъ со стороны слушательницъ. Радуясь успѣху общества, приглашая присутствующихъ присоединиться къ радостному чувству и выразить вмѣстѣ съ обществомъ благодарность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ открытію курсовъ, г. Стебутъ замѣтилъ, что праздникъ омрачаютъ два событія печальнаго свойства, первое—отсутствіе почетной предсѣдательницы общества Ея Императорскаго Высочества Евгеніи Максиміліановны, принцессы Ольденбургской, и происходящія на Дальнемъ Востокѣ военныя дѣйствія. Чтобы смягчить печаль въ первомъ случаѣ, г. Стебутъ предложилъ послать принятую единодушно телеграмму слѣдующаго содержанія: „Ея Императорскому Высочеству принцессѣ Евгеніи Максиміліановнѣ Ольденбургской. Присутствующіе на открытіи вторыхъ въ С.-Петербургѣ женскихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ, министръ земледѣлія, члены общества содѣйствія женскому сельско-хозяйственному образованію, преподаватели и слушательницы открывающихся курсовъ, вознося молитву о долголѣтіи и благоденствіи Вашего Императорскаго Высочества, всепочтительнѣйше просятъ Ваше Императорское Высочество принять выраженіе ихъ всепреданнѣйшей благодарности за оказываемое Вами Августѣйшее покровительство женскому сельско-хозяйственному образованію". Для удовлетворенія чувства скорби по отношенію ко второму печальному событію г. Стебутъ предложилъ сдѣлать возможное — организовать посильную подписку среди участницъ курсовъ на нужды военнаго времени.

Это предложеніе также было принято съ одушевленіемъ.

Послѣ выраженія общихъ пожеланій и привѣтствій собраніе было закрыто. На собраніи присутствовали, кромѣ предсѣдателя и товарища его, также члены общества: Е. П. Мушкетова, Л. Я. Галаховъ, С. Ф. Платоновъ, директоръ департамента земледѣлія С. Н. Ленинъ, Е. П. Калачева, затѣмъ членъ ученаго комитета министерства земледѣлія П. А. Пахомовъ, въ первыхъ рядахъ стульевъ Е. М. Гедда, П. Ф. Суринъ, В. Г. Гнѣдичъ, Р. Э. Блашке, А. А. Ячевскій, г-жа Султанова, В. И. Срезневскій, преподаватели курсовъ П. А. Пахомовъ, А. А. Калантаръ, В. В. Пашкевичъ и слушательницы будущихъ курсовъ.

Того же числа начались занятія. Первыя двѣ лекціи читали по молочному дѣлу — А. А. Калантаръ, по садоводству — В. В. Пашкевичъ. Записалось 60 слушательницъ; множество пріѣзжихъ изъ провинціи. Нѣкоторыя слушательницы пріѣхали съ цѣлью поучиться, чтобы улучшить свое хозяйство, другія, чтобы пріобрѣсти познанія, нужныя для учительницъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, завѣдующихъ земскими сельско-хозяйственными складами, конторщицъ въ имѣніяхъ и т. д. Практическія занятія будутъ вестись лѣтомъ (съ конца апрѣля до 1-го сентября) въ имѣніи академика Ф. В. Овсянникова.

В. Б—чъ.

Дѣятельность коммиссіи народныхъ чтеній Общества для содѣйствія народному образованію и распространенію полезныхъ знаній въ Ярославской губерніи.

Ярославское Общество открыто 2-го марта 1897 года. Но въ первые два года оно почти совершенно не обнаруживало просвѣтительной дѣятельности, хотя такая дѣятельность могла бы широко проявиться въ силу устава, кото-

рый предоставляетъ Обществу широкую программу содѣйствія народному образованію. Осуществленіе этой программы, конечно, много зависѣло отъ губернской администраціи, высшій представитель которой по уставу предсѣдательствуетъ на общихъ собраніяхъ членовъ Общества, и которая могла ставить тѣ или другія преграды къ выполненію программы дѣятельности Общества.— Первые два года въ жизни Общества прошли почти безслѣдно. Правда, были у него нѣкоторыя мѣропріятія, но они, по нашему мнѣнію, носили скорѣе отрицательный характеръ, чѣмъ положительный. Въ эти два года въ Обществѣ не было энергичныхъ, дѣятельныхъ интеллигентныхъ работниковъ, которые бы могли оживить Общество.

Коммиссія народныхъ чтеній при совѣтѣ Общества юридически была основана въ 1897 г., фактически же она бездѣйствовала тоже почти два года и о своемъ существованіи ничѣмъ не напоминала. Раза два она собиралась въ небольшомъ числѣ членовъ и обсуждала вопросъ, какъ бы устроить ей складъ для тѣневыхъ картинъ и фонарей и организовать народныя чтенія по губерніи. Къ сожалѣнію оба раза приходила къ заключенію, что она не въ силахъ открыть такого склада... за неимѣніемъ средствъ.

Неизвѣстно, долго ли находилась бы коммиссія народныхъ чтеній въ такомъ бездѣятельномъ состояніи, если бы въ концѣ 1898 г. ея спокойное существованіе не было нарушено запросомъ *школьной коммиссіи губернскаго земства*, которая спрашивала коммиссію народныхъ чтеній, на какихъ условіяхъ послѣдняя могла бы отпускать тѣневыя картины для народныхъ чтеній въ разныя мѣста губерніи. Этотъ запросъ школьной коммиссіи обсуждался въ совмѣстномъ засѣданіи коммиссіи народныхъ чтеній и библіотечной коммиссіи (которая тогда только что приступила къ работѣ). Нѣкоторые члены (засѣданія 9 декабря 1898 г.) энергично высказались за то, чтобы организацію склада картинъ и фонарей, а также вообще устройство народныхъ чтеній взяла на себя коммиссія народныхъ чтеній Общества. Засѣданіе постановило возбудить черезъ совѣтъ Общества ходатайство передъ Ярославскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ объ ассигнованіи на устройство народныхъ чтеній 700 руб.

Губернское земское собраніе въ январѣ 1899 года удовлетворило ходатайство Совѣта Общества и сдѣлало ассигновку въ размѣрѣ 1.000 руб. на устройство склада тѣневыхъ картинъ и фонарей при коммиссіи съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы пріобрѣтенные на эту сумму волшебные фонари и картины были высылаемы коммиссіею, въ случаѣ требованія, и уѣзднымъ земскимъ управамъ.

Получивши такую солидную матеріальную поддержку со стороны земства, коммиссія не сразу приступила къ работѣ. Въ ея составѣ, какъ и вообще составѣ членовъ всего Общества, было мало интеллигентныхъ, дѣятельныхъ людей. Болѣе планомѣрная работа началась въ коммиссіи только осенью 1899 года. Составъ ея тогда былъ очень незначителенъ, всего 7 членовъ.

Въ этомъ году она сдѣлала немного: выписала фонари, туманныя картины, намѣтила нѣкоторыя мѣропріятія. Къ концу 1899 года коммиссія имѣла въ своемъ распоряженіи уже 20 фонарей, 60 чтеній съ 970 экз. картинъ (10 фонарей и 370 картинъ къ біографіи Пушкина и нѣкоторымъ его произведеніямъ переданы были губернскою земскою управою въ временное пользованіе коммиссіи). Къ началу 1900 г. насчитывалось уже народныхъ 14 аудиторій, которыя пользовались картинами и фонарями изъ склада коммиссіи. Общій расходъ коммиссіи за 1899 г. выразился въ суммѣ 828 рублей.

Начиная съ 1900 г., дѣятельность коммиссіи быстро развивается: число народныхъ аудиторій растетъ изъ года въ годъ, число посѣтителей точно также; бюджетъ прогрессируетъ благодаря матеріальной поддержкѣ общественныхъ учрежденій; коммиссія ежегодно увеличиваетъ свое имущество (картины и фонари). Расширеніе дѣятельности коммиссіи стоитъ въ связи, главнымъ образомъ, съ притокомъ въ составъ ея дѣятельныхъ интеллигентныхъ членовъ, которые взялись за организацію народныхъ чтеній. Число членовъ коммиссіи ежегодно увеличивалось и въ 1902 году достигло 20 человѣкъ.

Въ концѣ 1902 г. насчитывалась уже 201 аудиторія, которыя пользовались изъ коммиссіи брошюрами, картинами и отчасти фонарями. Такимъ образомъ, число народныхъ аудиторій за три года увеличилось въ $14^1/_2$ разъ.

За 1899 г. не имѣется свѣдѣній въ отчетахъ коммиссіи о томъ, сколько было посѣтителей на народныхъ чтеніяхъ въ этомъ году. Но въ 1900 г. число это достигло 35.000 чел., въ слѣдующемъ году 120.000 чел. и, наконецъ, въ 1902 году народныя чтенія посѣтили 180.000 чел. Приведенныя цифры указываютъ вполнѣ ясно на сильное развитіе дѣла народныхъ чтеній въ губерніи. Напримѣръ, въ 1902 году коммиссіи пришлось удовлетворить 1.100 требованій, по которымъ выслано 2.508 чтеній съ картинами. Такое громадное число требованій коммиссія могла удовлетворить благодаря только тому обстоятельству, что инвентарь ея—чтенія-брошюры, свѣтовыя картины, фонари—сильно увеличился за послѣдніе годы. Къ началу 1902 г. коммиссія располагала 43 фонарями, 540 брошюрами-чтеніями и 5.480 картинами, т. е. число фонарей увеличилось за 3 года болѣе, чѣмъ два раза, число чтеній въ 9 разъ и число картинъ въ 6 разъ.

Бюджетъ коммиссіи изъ года въ годъ возрасталъ. Въ 1899 году она израсходовали 828 руб., черезъ три года 2.665 руб., а въ 1903 г. бюджетъ ея выражается солидной цифрой 3.720 руб., изъ коихъ 2.100 руб. ассигновалъ губернскій комитетъ попечительства о народной трезвости—1.000 руб. губернское земство, 400 руб.—уѣздныя земства и т. д.

Въ продолженіе своего существованія, коммиссія встрѣчала всегда сочувственное отношеніе къ своей дѣятельности со стороны губернскаго земства. Оно сыграло въ жизни ея громадную роль, ежегодно ассигнуя значительныя суммы на устройство народныхъ чтеній въ губерніи.

Кромѣ непосредственной организаціи народныхъ чтеній въ губерніи (выписка картинъ, брошюръ для чтеній, пріобрѣтеніе ихъ, выборъ чтеній для аудиторій, разсылки ихъ и т. д.), коммиссія народныхъ чтеній въ 1900 году для ознакомленія разныхъ лицъ и учрежденій въ губерніи съ задачами и дѣятельностью коммиссіи составила и издала слѣдующія изданія: 1) брошюру „Условія пользованія картинами для чтенія съ волшебными фонарями изъ склада Общества“; 2) каталогъ, имѣющихся въ складѣ чтеній и картинъ—который впослѣдствіи нѣсколько разъ выходилъ въ новомъ изданіи, дополненномъ; 3) „Совѣты имѣющимъ дѣло съ волшебными фонарями“; 4) Объявленія коммиссіи объ ея назначеніи. Названныя изданія были разосланы: во всѣ училища,—земскія, министерскія и церковно-приходскія —въ уѣздныя земскія управы, въ уѣздныя отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта, врачамъ, волос. правленіямъ и пр. лицамъ и учредителямъ во многія мѣста губерніи. Благодаря такому распространенію свѣдѣній коммиссіей народныхъ чтеній о томъ, что фонари и картины для чтеній она высылаетъ безплатно (пересылка картинъ на счетъ коммиссіи), въ коммиссію стали десятками (80 всего) поступать ходатайства объ открытіи новыхъ аудиторій.

Всѣ эти ходатайства коммиссій были направлены черезъ Совѣтъ Общества надлежащимъ порядкомъ къ учебному начальству. Но со стороны послѣдняго ставились развитію дѣятельности коммиссіи препятствія. „Иногда коммиссіи—говорится въ „Отчетѣ“ Общества за 1900 г.—приходилось ждать отвѣта годъ, полтора, даже 2 года на возбужденныя ходатайства объ открытіи новыхъ аудиторій“. При этомъ получилось немало отрицательныхъ отвѣтовъ на возбужденныя ходатайства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ лекторами въ народныхъ аудиторіяхъ не утверждались даже учителя народныхъ училищъ, состоявшіе на службѣ.

Коммиссія, начиная съ 1901 г., устраивала осенью и зимой—во время учебнаго года—литературно-музыкально-вокальныя дѣтскія утра, которые имѣли и имѣютъ громадный успѣхъ. Плата за билеты на эти утра отъ 5 до 50 коп. Дѣтямъ бѣдныхъ родителей билеты выдавались безплатно.

Въ концѣ 1901 г. г. начальникъ губерніи утвердилъ офеню (вопросъ объ утвержденіи тянулся около года). При его посредствѣ коммиссія начала продавать дешевыя и хорошія книги по деревнямъ и селамъ, на фабрикахъ и т. д. Первый опытъ продажи книгъ былъ вполнѣ удаченъ; но въ слѣдующемъ году коммиссія эту функцію передала вновь образовавшейся при совѣтѣ общества коммиссіи по распродажѣ изданныхъ книгъ.

Въ 1902 г. коммиссія много времени и труда посвятила на выработку маршрутовъ. Въ каждый маршрутъ входило нѣсколько аудиторій. Въ одну изъ аудиторій, входящихъ въ маршрутъ, посылается рядъ систематическихъ чтеній по разнымъ отдѣламъ. Когда эта аудиторія прочтетъ первое чтеніе, то его посылаетъ въ слѣдующую ближайшую аудиторію, внесенную въ маршрутъ, а вторая, послѣ чтенія,—въ третью и т. д. Цѣль маршрутовъ—систематизація народныхъ чтеній. Всего выработано 19 маршрутовъ, въ которыя вошли 83 аудиторіи.

Въ 1902 году коммиссія организовала сначала празднованіе юбилея Гоголя и Жуковскаго, а потомъ юбилея Н. А. Некрасова по всей губерніи, во всѣхъ аудиторіяхъ и во многихъ начальныхъ училищахъ. Безъ ея иниціативы въ Ярославской губерніи совсѣмъ бы не вспомнили объ юбилеѣ этихъ дорогихъ русскому человѣку писателяхъ.

Два раза—въ 1900 и 1903 г.—коммиссія обслѣдовала народныя аудиторіи. Результаты послѣдняго изслѣдованія въ краткомъ видѣ (таблицы за отсутствіемъ средствъ не могли быть напечатаны), въ 1903 г., къ областной выставкѣ сѣвернаго края, были изданы брошюрой: „Народныя аудиторіи въ Ярославской губерніи“.

Кромѣ того, на выставку коммиссія представила 3 діаграммы, картограмму о народныхъ аудиторіяхъ въ Ярославской губ. и таблицы по изслѣдованію аудиторій.

Въ 1900 году коммиссія думала устроить во время юбилея Волкова рядъ народныхъ чтеній въ городѣ и губерніи, посвященныхъ основателю русскаго театра; но дѣятельность коммиссіи народныхъ чтеній, какъ и прочихъ коммиссій, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ была пріостановлена.

Но мы не будемъ говорить объ этомъ сейчасъ. **А. Локтинъ**.

Въ защиту замужнихъ учительницъ.

(Письмо въ редакцію).

Не такъ давно опубликованный проектъ Мин. Нар. Просв. объ устраненіи *замужнихъ* учительницъ отъ преподавательской должности возбудилъ (какъ то и слѣдовало, конечно, ожидать) массу толковъ и разговоровъ какъ въ публикѣ, такъ и въ печати. Утѣшительно хотя то обстоятельство, что всѣ толкуютъ о нежелательности осуществленія вышеупомянутаго проекта. Но не всѣ доводы, приводимые для выясненія его отрицательной стороны, кажутся мнѣ достаточно убѣдительными и правильными, и поэтому я позволю себѣ на нѣкоторые изъ нихъ сдѣлать возраженіе.

Такъ, напр., одна изъ нашихъ мѣстныхъ газетъ, „Приб. Край“, находитъ, что главная потеря, которую понесутъ замужнія учительницы съ лишеніемъ правъ на педагогическую дѣятельность, будетъ заключаться въ невозможности составить себѣ „карьеру“... Такъ ли это? Не лишится ли она при потерѣ своихъ правъ чего-либо гораздо болѣе существеннаго и насущнаго, чѣмъ одна „карьера“? Не лишится ли она при этомъ... заработка—и не лишится ли она именно тогда, когда онъ ей наиболѣе необходимъ, т. е. на время рожденія ребенка и связанную съ этимъ дѣломъ усиленную затрату денегъ и пр. пр.?

Существуетъ предположеніе, что, выходя замужъ, она становится обезпеченной, имѣя въ лицѣ мужа—работника, на жалованье котораго она будетъ жить. Но, снова спросимъ, такъ ли это? Представимъ себѣ, что учительница стала женою народнаго учителя. Можетъ ли она расчитывать на его заработокъ, котораго зачастую не хватаетъ для его собственнаго прокормленія? О тяжеломъ матеріальномъ положеніи народныхъ учителей достаточно извѣстно; но я все же таки позволю себѣ привести небольшую выписку изъ „Сибирской жизни“. Вотъ что она говоритъ по этому поводу: „На курской выставкѣ по народному образованію была выставлена мѣстнымъ учительскимъ обществомъ взаимопомощи интересная діаграмма о состоятельности народныхъ учителей. Оказывается, что чуть ли не половина пользуется помощью отъ родственниковъ, напр.: въ Рыльскомъ уѣздѣ такихъ—45%, въ Путивльскомъ — 42,5%, въ Корочанскомъ—35,29% и т. д. Есть еще и такіе уѣзды, какъ, напр., Елецкій, гдѣ народ. учитель получаетъ за годъ 60 рублей. „Новое Время“ утверждаетъ, что, если народная учительница станетъ женою мелкаго чиновника,— матеріальное ея положеніе едва ли улучшится. Если даже заработокъ мужа, при болѣе обезпеченномъ положеніи, и окажется достаточнымъ на первое время, то его не будетъ хватать въ дальнѣйшемъ—при разростаніи семьи. Во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ, *особенно въ первыхъ двухъ*, заработокъ жены является необходимымъ добавленіемъ къ заработку мужа, и именно *это* обстоятельство, надо полагать, и должно служить *главнымъ* основаніемъ нежелательности осуществленія проекта.

Нельзя не согласиться также и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что проектъ отзовется отрицательнымъ образомъ не на одномъ лишь *матеріальномъ* положеніи учительницъ. Онъ затрагиваетъ также и духовную сторону дѣла, т. е. онъ лишаетъ учительницу возможности продолжать заниматься тѣмъ дѣломъ, къ которому она, можетъ быть, готовилась многіе и многіе годы... Въ такомъ случаѣ можно констатировать лишь то, что лишенія ея усугубляются.

Желая отстоять право на педагогическій трудъ замужнихъ женщинъ, нашъ мѣстный органъ нѣсколько увлекся, такъ какъ, защищая права этихъ послѣднихъ, онъ въ то же время напираетъ на правоспособность лицъ другой котегоріи—а именно незамужнихъ, доказывая, напр., что онѣ неспособны на педагогическую дѣятельность потому, что не обладаютъ тѣми качествами, которыми можетъ обладать лишь учительница-мать, т. е. женщина, имѣвшая своихъ собственныхъ дѣтей!

„Очень было бы *не* желательно", чтобы педагогическое дѣло перешло въ руки „юныхъ дѣвушекъ и старыхъ дѣвъ", потому что отъ этого „пострадаетъ все учебное дѣло". Учительница незамужняя не можетъ быть „проникнута любовью къ дѣтямъ", такъ какъ она не имѣла своихъ собственныхъ дѣтей... Она не можетъ имѣть ни навыка, ни опыта въ преподаваніи, такъ какъ она не обучала своихъ собственныхъ дѣтей... Оно даже, по мнѣнію газеты, не можетъ имѣть „спокойнаго" характера (присущаго, какъ оказывается; лишь женщинѣ-матери)... Но, спросимъ снова, такъ ли и это? И вѣрно ли то, что обученіе *своихъ* ребятишекъ,—по *своей* собственной программѣ, при условіяхъ *домашней* обстановки можетъ дать навыкъ для преподаванія въ *школѣ*, гдѣ приходится заниматься съ *массой*, человѣкъ въ 40 и болѣе ребятъ, воспитанныхъ при *совершенно* различныхъ условіяхъ? Заниматься по *опредѣленію* программы и въ специфически *школьной* обстановкѣ?! Мнѣ кажется, что *главный* опытъ и навыкъ въ *массовомъ* преподаваніи дастъ какъ замужней, такъ и незамужней учительницѣ только и только сама школа; оріентироваться же въ *школьной* обстановкѣ сможетъ, пожалуй, скорѣе та изъ учительницъ, которой приходилось давать уроки по *чужимъ* домамъ и сталкиваться постоянно, хотя и не съ массой, но все таки съ совершенно *разношерстнымъ* дѣтскимъ элементомъ... Что же касается до любви къ дѣтямъ, которой будто бы проникнуты лишь учительницы-матери, то этотъ доводъ представляется нѣсколько натянутымъ и отзывается шаблономъ. Бываетъ, что одинокій человѣкъ, въ силу имено своей одиночества, привязывается къ своимъ школьнымъ питомцамъ; бываетъ, что люди, любящіе своихъ собственныхъ дѣтей, относятся довольно холодно и не ласково къ чужимъ, съ которыми имъ приходится сталкиваться. Что же касается „спокойствія" замужнихъ — это уже фраза.

Въ упомянутой газетѣ встрѣчается слѣдующее мѣсто, которое также обращаетъ на себя вниманіе, хотя оно и не имѣетъ прямой связи съ введеніемъ проекта, потому что касается *всѣхъ* вообще учительницъ. Предполагается, что въ концѣ концовъ *женщина*-учительница все таки еще долго продержится на своемъ преподавательскомъ мѣстѣ, такъ какъ трудъ ея оцѣнивается много дешевле труда преподавателей мущинъ. Это весьма возможно.

Но подобная привлекательность женскаго труда представляетъ изъ себя болѣе чѣмъ печальное и даже совершенно ненормальное явленіе, которое въ силу какихъ то непонятныхъ причинъ завоевало себѣ, какъ видно, довольно прочное право на существованіе.

Принимая во вниманіе все выше изложенное, остается лишь подтвердить общее мнѣніе о томъ, что учительницу замужнюю устранять отъ педагогической дѣятельности нежелательно ни въ какомъ случаѣ, потому что, насколько показала сама жизнь, семейныя дѣла учительницы не въ такой степени мѣшаютъ ей относиться добросовѣстно къ своимъ школьнымъ занятіямъ, чтобы изъ за этого лишать ее права на преподаваніе, что равносильно лишенію заработка или „*добровольному*" отказу отъ семейной жизни. Замужнія учительницы

относятся къ своему дѣлу *добросовѣстно*. Это видно, между прочимъ, изъ того, что въ печати не приходилось встрѣчать огульныхъ порицаній педагогической дѣятельности семейныхъ учительницъ... Еще недавно пришлось прочесть въ „Русс. Вѣд.“ о томъ, что гласный петербургской думы, г. Архангельскій, подалъ слѣдующее заявленіе: „Въ правѣ ли городъ пользоваться безвыходнымъ положеніемъ труженицъ, да и нужно ли это для пользы дѣла? Замужнія городскія учительницы, вступившія въ бракъ до изданія запрещенія, *прекрасно ведутъ* свои занятія. По всей Россіи, за малымъ исключеніемъ, учительницы пользуются правомъ выхода замужъ, и однако школа отъ этого *не страдаетъ*“.

Но если даже и допустить, что все таки *нѣсколько* школъ пострадаетъ отъ временнаго перерыва въ занятіяхъ или временной замѣны захворавшей (по *семейнымъ* обстоятельствамъ) учительчицы другою, то *много болѣе* страдаетъ наша школа, и особенно народная, отъ совершенно иныхъ причинъ, лежащихъ гораздо глубже, но тѣмъ не менѣе поправимыхъ. Я, конечно, имѣю въ виду тѣ ненормальныя, тяжелыя условія, въ которыя поставлены всѣ наши школы вообще, въ частности же—народная. Учительскій персоналъ въ нихъ обремененъ совершенно непосильными занятіями. На одну учительницу, полагается напр., такая масса учениковъ, что нѣтъ физической возможности управиться съ ними. Ихъ надо учить, но въ то же время надо пріучать къ *школьной* обстановкѣ, совершенно чуждой для ребятишекъ, явившихся изъ какой либо глухой мѣстности. Не имѣя при себѣ помощницы, учительница выбивается изъ силъ (живя при этомъ въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ) и хвораетъ. Хвораетъ постоянно, каждый день, каждый часъ. Начинаетъ терять вѣру въ свое дѣло. Нервы развинчиваются. Дѣти раздражаютъ. Занятія идутъ плохо и... *школа страдаетъ*... И страдать будетъ *хронически*... При *подобномъ* положеніи дѣла развѣ не все равно будетъ для школы, отрѣшатъ ли отъ занятій замужнихъ или нѣтъ? Но, если увеличить запасный штатъ учительскаго персонала съ тѣмъ, чтобы учительница, обремененная занятіями, могла бы временно отдохнуть, такъ же, какъ и заболѣвшая по „семейнымъ дѣламъ“, чтобы она, зная, что и безъ нея работа идетъ правильно и трудъ замѣстительницъ уплачивается, могла прохворать *спокойно* и не торопиться *больною* въ школу, *тогда* бы школа много выиграла. Временный перерывъ необходимъ для пользы дѣла. Рутина хуже вліяетъ на ходъ занятій. Если выбывшую учительницу замѣняютъ сотоварки, *находящіяся* постоянно въ *курсѣ дѣла*, то въ *такомъ* случаѣ, объ ущербѣ для занятій и говорить нечего. Но ихъ, т. е. сотоварокъ надо брать по желанію и обязательно—платить за сверхъ урочное время. Сейчасъ все зависитъ отъ попечителей округовъ, отъ которыхъ затребованы свѣдѣнія, насколько необходимо отрѣшать замужнихъ отъ преподаванія. Будемъ надѣяться на благопріятный исходъ дѣла...

Уже послѣ написанія этой замѣтки мнѣ пришлось прочесть въ одномъ изъ послѣднихъ, январьскихъ, номеровъ „Рус. Вѣд.“ довольно печальныя строки, гласящія о томъ, что петербургская городская училищная коммиссія ходатайствуетъ передъ думой объ ограниченіи преподаванія въ городскихъ училищахъ замужнихъ учительницъ.

Но хотя строки эти и „печальныя“, можно все таки утѣшиться, потому что это пока еще *ходатайство* и, какъ таковое, можетъ и не быть уважено вообще. Въ данномъ же случаѣ тѣмъ паче, такъ какъ такіе мотивы, какъ материнство, которое мѣшаетъ правильности занятій, передача преподаванія временно

въ другія руки и пр. пр., выставляемые коммиссіей, могутъ показаться недостаточно вѣскими для утвержденія въ виду того, что сама коммиссія какъ будто сомнѣвается въ ихъ внушительности; иначе она бы не искала защиты своему рѣшенію ссылкой на Германію. Тамъ, молъ, тоже замужнія не могутъ заниматься преподаваніемъ. Непонятно, почему въ *этомъ* случаѣ мы должны взять примѣръ съ Германіи? Тамъ, кажется, есть много чего, гораздо болѣе достойнаго подражанія... Другіе мотивы—въ родѣ, напр., тѣсноты школьныхъ квартиръ *для семейныхъ*; на это можно возразить лишь то, что давно всѣмъ извѣстно, т. е., что школьныя квартиры бываютъ порой не только что тѣсны для семейнаго, но и совершенно непригодны для самаго неприхотливаго молодого человѣка. Затѣмъ коммиссія находитъ, что замужнія не охотно посѣщаютъ музеи, совершаютъ экскурсіи. Но развѣ только замужнія неохотно отдаютъ свой *праздничный* отдыхъ школѣ? Можно предположить что *всякая* учительница желала бы употребить свободное отъ занятій время для своихъ личныхъ дѣлъ...

Въ виду того, что коммиссія потратила на разрѣшенія столь важнаго и щекотливаго вопроса (устраненіе замужнихъ) всего „*два* часа" времени, можно предположить, что она не успѣла вникнуть во всѣ его детали и поэтому пришла къ такому строгому и безповоротному заключенію.

Какъ было бы интересно, если бы учительницы *сами* повѣдали бы публикѣ о томъ, о чемъ *именно имъ* самимъ и вѣдать надлежитъ, т. е. о своихъ школьныхъ занятіяхъ до брака и впослѣдствіи, когда онѣ, имѣя *своихъ* ребятъ, все таки продолжали занятія въ школѣ, и много ли ей было отъ этого ущерба!—Не могу не позволить себѣ сдѣлать еще небольшую выписку изъ замѣтки въ „Русс. Вѣд.", только что помѣщенной и интересной, въ виду совершенной противоположности—предыдущей выпискѣ, а именно: „Въ засѣданіи коммиссіи Ушинскаго академикъ Фаминцынъ внесъ мотивированное предложеніе о возбужденіи ходатайства передъ петербургской думой объ *отмѣнѣ неправильнаго* и *нераціональнаго* постановленія училищной коммиссіи объ обязательномъ безбрачіи учительницъ городскихъ школъ. Собраніе единогласно постановило обратиться въ думу"...

С. Ѳ. Ц.

При освященіи зданія Маргеланской гимназіи.

Въ 1900 году въ Маргеланѣ, Ферганской области, была открыта мужская прогимназія. Для временнаго помѣщенія ея Военное Министерство, по ходатайству Главнаго Начальника края, предоставило домъ бывшей военной канцеляріи губернатора области. Въ 1903 — 1904 учебномъ году, съ преобразованіемъ прогимназіи въ гимназію и открытіемъ пятаго класса, означенное помѣщеніе оказалось тѣснымъ. На постройку собственнаго зданія 100.000 рублей пожертвовали города Ферганской области, и 42.000 рублей ассигновало Министерство Народнаго Просвѣщенія. Благодаря энергичной дѣятельности предсѣдателя строительнаго комитета военнаго губернатора генералъ-маіора Г. А. Арендаренко, въ ноябрѣ 1903 года зданіе было готово и 2 декабря освящено. На торжественномъ по сему случаю актѣ главный инспекторъ училищъ Керенскій произнесъ слѣдующую рѣчь.

Въ числѣ семи древнихъ и многолюдныхъ городовъ Кокандскаго ханства былъ городъ Маргеланъ. Жители его, хорошіе кулачные бойцы, пользовались худою славою за ихъ неистовыя драки и задоръ. Вблизи города

5*

разстилалась дикая и безводная степь. Пустынно было кругомъ въ теченіе многихъ вѣковъ. Съ присоединеніемъ ханства къ могущественной державѣ Русскаго Императора, 25 лѣтъ тому назадъ, къ югу отъ Маргелана, въ безлюдной пустынѣ положено основаніе русскому городу, ставшему административно-культурнымъ центромъ вновь образованной Ферганской области. Недавняя пустынная мѣстность стала представлять другую картину, — возникъ благоустроенный городъ Новый Маргеланъ. Широкія и чистыя улицы, тѣнистые парки и сады, красивыя общественныя и частныя зданія, промышленныя и торговыя заведенія, благоустроенныя русскія и русско-туземныя училища, желѣзная дорога и, наконецъ, благолѣпный православный храмъ,—все свидѣтельствуетъ не только о быстрыхъ успѣхахъ внѣшняго роста и внѣшняго благоустройства новаго города, но и о значительномъ подъемѣ его духовныхъ интересовъ. И это прекрасное зданіе, отнынѣ, съ благословенія Божія, ставшее помѣщеніемъ гимназіи, представляетъ новое блестящее доказательство всесторонняго преуспѣянія Новаго Маргелана.

Благоустройство школъ во всѣ времена служило показателемъ матеріальнаго и духовнаго развитія народа. Только въ періодъ цвѣтущаго состоянія античныхъ грековъ и римлянъ ихъ гимназіи и палестры представляли удобныя, даже роскошныя и художественныя постройки. Расходовъ на школы тогда не жалѣли, сознавая великое значеніе ихъ въ дѣлѣ физическаго, умственнаго и эстетическаго развитія будущихъ гражданъ.

Съ распространеніемъ христіанства, народныя школы оказались въ иномъ положеніи. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ отдѣльныхъ училищныхъ зданій не было. Учили въ частныхъ домахъ мірянъ и духовныхъ лицъ, въ помѣщеніяхъ при церквахъ и за симъ, въ болѣе позднее время, въ монастыряхъ. Учили многому и строго; но на физическое развитіе учащихся не обращали вниманія. Напротивъ, съ усиленіемъ аскетическихъ идеаловъ, тѣло питомцевъ, какъ нечистый сосудъ души, какъ причину грѣховныхъ помысловъ, старались ослабить и изнурить тяжелыми трудами и лишеніями. О какихъ-либо удобствахъ въ школьныхъ помѣщеніяхъ никто не заботился. Помѣщенія эти, за немногими случайными исключеніями, были неудобны, тѣсны, грязны, холодны, а классныя комнаты, по выраженію историка педагога Раумера, „меланхолически темны“.

Съ эпохою возрожденія взгляды на обученіе и воспитаніе измѣняются къ лучшему. Являются энергичные провозвѣстники новыхъ педагогическихъ идей. Одна за другой слѣдуютъ новыя системы обученія и воспитанія—христіански-теологическая, гуманистическая, или филантропическая, реальная и др. Знаменитые педагоги и философы, какъ Янъ Коменскій, Песталоцци, Шварцъ, Фребель, Дистервегъ, Базедовъ, Локкъ, Спенсеръ, Ратихій, Жакото, Руссо, Монтескье и др. входятъ въ подробное изученіе дѣтской природы, указываютъ, какъ и почему правильнѣе и успѣшнѣе учить, но о томъ, насколько важно при воспитаніи и обученіи цѣлесообразное устройство училищныхъ помѣщеній не говорятъ.

По такому же, въ общемъ, пути, но далеко позади западно-европейской школы шла и русская школа. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ она также ютилась въ домахъ учителей-мірянъ, „мастеровъ“ книжнаго дѣла, или у духовныхъ лицъ. Въ половинѣ XVI вѣка на Московскомъ Стоглавомъ Соборѣ повелѣвалось: „у священниковъ и у діаконовъ и діаковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы вси православніи христіане предавали имъ дѣтей своихъ на ученіе грамотѣ и на ученіе книжнаго письма и церковнаго пѣнія псалтырнаго

и чтенія налойнаго, и тѣ бы священники и діаконы и діаки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести, и всякимъ наказаніемъ церковнымъ". Многія училища древней Руси помѣщались въ монастырскихъ кельяхъ. Скудная обстановка тѣсныхъ, мрачныхъ, душныхъ и холодныхъ помѣщеній увеличивала тяготу книжнаго обученія. Лишь немногіе сердобольные къ дѣтямъ архипастыри, жалѣя удручаемыхъ школяровъ, внушали всѣми силами облегчать учащихся, учить ихъ съ ослабленіемъ, дабы не унывали; а митрополитъ ростовскій Леонтій, всегда кроткій въ обращеніи съ учащимися дѣтьми, „къ церкви ихъ призываше и сладостною кутіею кормяше". Позднѣе, въ концѣ XVI вѣка, по настоянію прибывшихъ въ Москву докторовъ Падуанскаго университета, двухъ братьевъ Лихудовъ, и при содѣйствіи сильнаго при тогдашнемъ дворѣ В. В. Голицына построено было при Заиконоспасскомъ монастырѣ первое спеціальное зданіе для училища, извѣстнаго потомъ подъ именемъ славяно-греко-латинской академіи. При открытіи и освященіи его, какъ важнѣйшемъ событіи, присутствовалъ самъ патріархъ Іоакимъ „съ великимъ торжествомъ, со священнымъ соборомъ". Но и это новое зданіе не многимъ, однако, отличалось отъ обыкновенныхъ монастырскихъ построекъ. Еще позднѣе, при знаменитомъ новгородскомъ архіепископѣ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, авторѣ Духовнаго Регламента, велѣно было строить училищные домы „образомъ монастыря", которые пространствомъ и жильемъ были бы противъ числа дѣтей, и въ домахъ тѣхъ жить дѣтямъ и юношамъ по осьми или десяти человѣкъ въ единой избѣ". Само собою разумѣется, что училищные домы „образомъ монастыря" не могли удовлетворять требованіямъ отъ школьныхъ построекъ послѣдующаго времени. Во весь 18 вѣкъ домашнее обученіе у „мастеровъ" также не улучшалось. Тульскій помѣщикъ, маіоръ Даниловъ, разсказываетъ, что онъ и два двоюродные брата его учились у пономаря Филиппа Грудастаго „въ весьма малой избушкѣ", отъ продолжительнаго сидѣнія въ ней, особенно въ лѣтніе дни, великое мученіе претерпѣвали. „Отъ такого сидѣнья голова моя", говоритъ Даниловъ, „дѣлалась безпамятна, и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока къ вечеру и прочитать не могъ. За что послѣдняя резолюція меня, какъ непонятнаго, сѣчь". Трудно было сохранять память и пониманіе при такомъ ученіи въ „весьма малой избушкѣ". Даже въ просвѣщенный вѣкъ императрицы Екатерины II Великой, когда „Краткимъ наставленіемъ по воспитательной части", И. И. Бецкаго требовалось обращать строгое вниманіе на здоровье дѣтей, чтобы одежда ихъ была проста, а узкія платья и обувь, тугія повязки и шнурованіе не допускались, чтобы воспитанницы и воспитанники мыли руки до локтей, головы чесали и пр.,—даже въ это время о приспособленіяхъ училищныхъ зданій къ требованіямъ физическаго воспитанія не говорилось. Сама императрица, знакомая съ лучшими педагогами-философами того времени, желая, чтобы каждое училищное помѣщеніе было не „темницей, а мѣстомъ пріятнымъ", не указала, какъ это пріятное мѣсто сдѣлать безвреднымъ для здоровья учащихся. Долго не было такихъ указаній и въ 19-мъ вѣкѣ, когда въ обѣихъ столицахъ и въ другихъ большихъ городахъ возводились обширныя и дорогія зданія для учебныхъ заведеній.

Лишь во второй половинѣ прошлаго (19) вѣка, съ блестящими успѣхами естественныхъ наукъ—химіи, физіологіи, анатоміи и др., западно-вропейскіе и русскіе ученые обратили особое вниманіе на патологію школъ. Они нашли въ самыхъ школахъ, въ ихъ устройствѣ и обстановкѣ причины многихъ болѣзней, которыя и назвали „болѣзнями школьными". Прежде другихъ нѣмец-

кій ученый Лоринзеръ заявилъ, что близорукость и разстройство дыхательныхъ органовъ учащіеся очень часто выносятъ изъ школъ. Мнѣніе это вскорѣ подтвердилъ англійскій врачъ Варэ и спеціалистъ по школьной гигіенѣ бреславскій профессоръ-окулистъ Германъ Конъ. По произведеннымъ ими наблюденіямъ оказалось, что въ гимназіяхъ и другихъ школахъ вмѣстѣ съ классами повышается не только число близорукихъ, но и самая степень близорукости,— отъ 12,5% въ самомъ младшемъ классѣ до 55,8% въ старшемъ. Знаменитый берлинскій профессоръ Рудольфъ Вирховъ, коснувшись вліянія школъ на здоровье учащихся, нашелъ, что, кромѣ глазныхъ болѣзней, въ школахъ, вслѣдствіе прилива крови къ головѣ, развиваются головныя боли, кровотеченіе изъ носу, болѣзни грудныхъ органовъ и даже, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, зобъ. Показателями болѣзненности во время уроковъ служатъ, по словамъ профессора, краснота лица, ушей и глаза, или же, наоборотъ, блѣдность, какъ слѣдствіе продолжительнаго суживанія и сжиманія кровеносныхъ сосудовъ. Въ такомъ болѣзненномъ состояніи учащіеся теряютъ интересъ къ ученію; во время уроковъ и въ особенности къ концу ихъ становятся разсѣянными и невнимательными, позѣвываютъ. плохо слѣдятъ за ходомъ классныхъ занятій, слабо понимаютъ и еще слабѣе усвояютъ преподаваемое имъ ученіе.

Одновременно съ западно-европейскими учеными русскіе врачи-гигіенисты начали примѣнять научные методы къ уясненію вреднаго вліянія школьныхъ помѣщеній на здоровье учащихся. Особенно важны и поучительны наблюденія и изслѣдованія профессоровъ и педагоговъ — Доброславина, Покровскаго, Лесгафта, Скворцова, Эрисмана, Виреніуса и др. Для болѣе отчетливой иллюстраціи дѣла университетскіе профессора и состоящіе при учебныхъ заведеніяхъ врачи обслѣдовали санитарное и гигіеническое состояніе нѣсколькихъ гимназій и др. учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Казани и другихъ городахъ. Кромѣ близорукости, они нашли особенно вреднымъ испорченный въ классныхъ помѣщеніяхъ воздухъ. Въ тѣсныхъ, не имѣющихъ правильной вентиляціи классахъ, углекислота, постепенно увеличиваясь во время уроковъ, къ концу ихъ и передъ большой перемѣной увеличивается въ 6, 7 и даже 8 разъ. До начала уроковъ въ нѣкоторыхъ классахъ найдено было этого вреднаго газа отъ 1,1% до 1,16%; къ концу же 3-го и 5-го урока количество его доходило до 8,4%. Такія нормы чрезмѣрны и для здоровья безусловно вредны. Извѣстная поговорка англичанъ: „собственное наше дыханіе есть нашъ злѣйшій врагъ" оказалась, къ сожалѣнію, наиболѣе примѣнимою къ учащимся въ неблагоустроенныхъ школахъ. Испорченный школьный воздухъ, въ которомъ неокрѣпшіе организмы дѣтей и юношей остаются ежедневно по нѣсколько часовъ, причиняетъ ихъ здоровью и росту несомнѣнный вредъ. Поэтому не въ многоученіи только, но и въ неудовлетворительной школьной обстановкѣ кроется причина переутомленія, о которомъ такъ много, даже слишкомъ много говорятъ и пишутъ въ послѣднее время. Не слѣдуетъ забывать, что мудрое изреченіе древнихъ: „въ здоровомъ тѣлѣ— здоровый умъ" имѣетъ болѣе широкое значеніе. Отъ здоровья тѣла зависитъ здоровье не одного ума, а всѣхъ способностей души. Драгоцѣнныя свойства характера: сила и стойкость воли, духъ инициативы, энергія, а также любовь и стремленіе къ изящному, благодушное и радостное настроеніе, такъ называемая уравновѣшенность въ жизни,—всѣ высокія и благородныя качества души рѣдко уживаются въ болѣзненно-слабыхъ тѣлахъ. А такъ какъ задатки и основы для здоровья,—этого величайшаго, ничѣмъ не замѣнимаго въ

жизни человѣка блага, получаются чаще всего въ школьномъ возрастѣ, то на школы, на ихъ цѣлесообразное устройство со стороны гигіенической обращается теперь особенное вниманіе. Въ настоящее время впереди другихъ культурныхъ государствъ стоятъ по этому дѣлу Англія и С.-Американскіе Штаты. Особенно въ послѣднихъ, далекихъ отъ традицій школьной рутины Стараго Свѣта, лучшими зданіями, отвѣчающими всѣмъ требованіямъ строительной техники и школьной гигіены, оказываются зданія училищныя.

И. И. Вецкій — воспитатель дѣтскій, какъ называли его современники, писалъ, что „надобно приводить дѣтей къ ученію подобно, какъ въ пріятное и украшенное цвѣтами поле. Тернія, въ томъ находящіяся, раздражаютъ природу“. Аллегорическое поле, цвѣтами украшенное, это — школа и вся обстановка ея. Дабы не было на этомъ полѣ раздражающихъ дѣтскую природу терній, необходимо охранять его отъ тѣсноты, темноты и нечистоты. Необходимо, чтобы лица, вѣдающія воспитаніемъ дѣтей, зорко слѣдили за соблюденіемъ въ учебныхъ заведеніяхъ правилъ школьной гигіены—за правильнымъ освѣщеніемъ, за вентиляціей, за температурой и пр. Но и этого недостаточно. Какъ бы ни была хороша и гигіенична школа, одной ея для здоровья дѣтей мало. Необходимо, чтобы и семья, по возможности, помогала школѣ. „Чего мы требуемъ отъ школы“, говоритъ профессоръ-гигіенистъ И. П. Скворцовъ, „тоже должно давать и дома, т. е. достаточно удобное и здоровое помѣщеніе, хорошее дневное и ночное освѣщеніе и пр. При такихъ только условіяхъ уменьшатся жалобы на развитіе близорукости, на частое появленіе у учащихся головныхъ болей, малокровія и другихъ мѣстныхъ и общихъ разстройствъ, свидѣтельствующихъ всегда объ упадкѣ общаго питанія и кроветворенія“.— „Въ разстройствѣ питанія, продолжаетъ профессоръ, кроется главная причина пресловутаго школьнаго переутомленія“.

Только что начавшійся 20-й вѣкъ уже называютъ „вѣкомъ дѣтей“. Дѣйствительно, никогда до этого вѣка не было такой горячей, дружной и энергичной заботливости о физическомъ развитіи дѣтей. Въ охранѣ ихъ здоровья правительство и общество, родители и воспитатели,—всѣ, кому дорого счастіе дѣтей, видятъ вѣрный залогъ благосостоянія грядущихъ поколѣній и тѣсно связаннаго съ нимъ дальнѣйшаго культурнаго и политическаго могущества Россіи. Повсюду возникающія педагогическія общества и кружки, школьныя колоніи, дѣтскія санаторіи, усовершенствованная гимнастика, педагогическія экскурсіи, ручной трудъ въ школахъ, заботы правительства о лучшей подготовкѣ учителей и учительницъ, открытіе въ С.-Петербургѣ женскаго Педагогическаго Института и многое другое говорятъ о новомъ направленіи въ воспитаніи. Успѣхи педагогическаго дѣла сдѣлались предметомъ международныхъ выставокъ и конгрессовъ. Въ настоящіе дни въ С.-Петербургѣ съ Высочайшаго Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны соизволенія уже открыта международная выставка „Дѣтскій Міръ“, состоящая подъ Августѣйшимъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ. На выставкѣ этой экспонентами и экспертами почти отъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ Европы будутъ представлены и оцѣнены, между прочимъ, новѣйшіе успѣхи по школьной гигіенѣ, по устройству школьныхъ помѣщеній и устраненію изъ нихъ вреднаго вліянія на здоровье учащихся. Вслѣдъ за симъ въ апрѣлѣ будущаго 1904 года въ г. Нюрнбергѣ, въ Баваріи, имѣетъ быть международный конгрессъ съ представителемъ на немъ отъ Россіи въ лицѣ профессора гигіены въ Харьковскомъ университетѣ И. П. Скворцова. Въ широкой программѣ этого международнаго конгресса вопросы о гигіенѣ школьныхъ зданій, о са-

нитарномъ состоянiи ихъ, о школьныхъ болѣзняхъ и медицинскомъ надзорѣ за школами занимаютъ первое мѣсто. Съ душевною отрадой привѣтствую маргеланское общество съ полученiемъ новаго гимназическаго помѣщенiя въ такое время, когда улучшенiемъ школъ заняты умы лучшихъ людей всего цивилизованнаго мiра. Да будетъ же это просторное, красивое зданiе, богатое свѣтомъ и воздухомъ, да будетъ оно вѣковѣчнымъ памятникомъ Высочайшей Государя Императора милости къ Маргеланской гимназiи, а также истинно-отеческой заботливости о ней главнаго начальника края.

Учащiе и учащiеся сугубо счастливы тѣмъ, что въ самыхъ стѣнахъ заведенiя будутъ имѣть этотъ св. храмъ, училище вѣры и благочестiя. Нѣкогда мудрѣйшему изъ царей, царю храмосоздателю, Господь Богъ изрекъ: „Азъ освятихъ храмъ сей, и будутъ ту очи мои и сердце мое во вся дни". Молитвенно пожелаемъ, да почiютъ и на этомъ храмѣ молитвы и на этомъ храмѣ науки, да почiютъ на нихъ очи Господни и сердце Господне во вся дни. Пожелаемъ, чтобы дѣятельность начальниковъ и наставниковъ Маргеланской гимназiи, при взаимнодовѣрчивомъ общенiи между ними и родителями учащихся, чтобы дѣятельность эта была успѣшна и плодотворна, чтобы воспитанники, сохранивъ физическiя силы свои, выносили изъ Маргеланской гимназiи вмѣстѣ съ знанiями хорошiе религiозно-нравственные навыки, горячую любовь къ родинѣ и безпредѣльную преданность Державному Радѣтелю о просвѣщенiи всѣхъ вѣрноподданныхъ, на всей необъятной дали и шири русской земли,—отъ столицъ до далекихъ азiатскихъ окраинъ ея, до „благословенной" Ферганы.

Ѳ. Керенскiй.

Улучшенiя въ постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ.

Въ Императорскомъ Историко-филологическомъ институтѣ въ текущемъ 1903—4 академическомъ году произошли весьма крупныя перемѣны: директоромъ института назначенъ членъ совѣта Министерства Народ. Просв. академикъ В. В. Латышевъ; инспекторомъ выбранъ конференцiею профессоровъ экстраординарный проф. русской исторiи С. М. Середонинъ. Въ институтѣ возстановлено прежнее дѣленiе на три разряда: 1. древнихъ языковъ, 2. словесности, 3. исторiи и географiи. Открыты три новыя каѳедры: славянскихъ нарѣчiй, всеобщей литературы и педагогики, на которыя избраны конференцiею г.г. П. А. Лавровъ, Д. К. Петровъ и Г. Г. Зоргенфрей. Прежнiй монастырскiй режимъ сильно измѣнился: исчезли пресловутые 11 часовъ, послѣ которыхъ студенты не смѣли оставлять института, отмѣнены квасъ и черный хлѣбъ, служившiе завтракомъ, и выданы всѣмъ студентамъ галоши, въ продолженiе 30-ти лѣтъ не признавшавшiяся. Отношенiя къ студентамъ стали доброжелательныя и гуманныя; въ старомъ зданiи повѣяло духомъ живымъ!

Начальная школа высшаго типа.

Все чаще и чаще земскiя собранiя начинаютъ поднимать вопросъ о необходимости дать народу что-нибудь больше, чѣмъ то начальное образованiе, которое дается ему въ земской и министерской школѣ (не говоря ужъ о церковно-

приходской и школѣ грамоты). Коснулось этого вопроса и костромское земство, еще въ прошломъ году постановившее разработать вопросъ о школѣ повышеннаго типа къ нынѣшнему собранію. Поводомъ послужило желаніе ознаменовать сорокалѣтіе дня освобожденія крестьянъ. Въ числѣ различныхъ предложеній было сдѣлано и предложеніе учредить въ губерніи, если позволятъ средства, цѣлую сѣть школъ повышеннаго типа, которыя бы могли служить дополненіемъ къ обычной начальной школѣ. Проектъ былъ разработанъ, по порученію управы, гласнымъ Ю. А. Спасскимъ и разсматривался въ послѣднюю сессію, но не сразу, а сначала въ подготовительной коммиссіи.

Исходя изъ положенія, что главныя требованія, какія должны быть предъявлены къ повышенному типу начальнаго образованія, должны заключаться въ „отсутствіи профессіональной окраски, законченности и изгнанія офиціальныхъ пріемовъ обученія, концентраціи вниманія преподавателя... на томъ, чтобы привить ученику способность къ самостоятельному мышленію, развить въ немъ болѣе или менѣе сознательное отношеніе при оцѣнкѣ явленій окружающей природы и общественной жизни“—управа пришла къ выводу, что всѣмъ этимъ требованіямъ можетъ удовлетворить только совершенно новая школа, чуждая прежней рутинѣ. Дѣйствительно, сложность нынѣшней общественно-экономической жизни предъявляетъ къ умственной жизни массъ совсѣмъ другіе запросы, чѣмъ это было полвѣка тому назадъ. Сознавая все это и провидя ту громадную практическую пользу, которую принесетъ прямо и косвенно появленіе въ крестьянской средѣ лицъ съ болѣе повышеннымъ образовательнымъ и вообще культурнымъ уровнемъ, близкихъ въ то же время ей по рожденію, привычкамъ и потребностямъ — управа намѣтила основные принципы организаціи новой школы повышеннаго типа въ такихъ чертахъ: 1) проектируемая школа повышеннаго типа должна стоять въ непосредственной и преемственной связи съ начальной школой съ 4-годичнымъ курсомъ обученія, должна быть какъ бы продолженіемъ послѣдней; 2) курсъ обученія въ школѣ долженъ быть трехлѣтній, что въ общей сложности съ начальной школой составитъ семь лѣтъ, и 3) принимая, такимъ образомъ, при трехлѣтней продолжительности обученія совокупное число недѣльныхъ уроковъ равнымъ 90, распредѣлить эти уроки въ такомъ порядкѣ: отводя на Законъ Божій 6 часовъ, по 2 часа на каждый классъ, русскій языкъ 18 часовъ, по 6 часовъ на классъ, ариѳметику, геометрію и черченіе 24 часа,—получимъ свободныхъ 42 часа, которые и могутъ быть всецѣло отданы на общеобразовательные предметы, причемъ на естествознаніе можетъ быть отнесено 18 часовъ, на исторію, географію, гигіену и элементарное законовѣдѣніе—остальные 24 часа. Учителя въ такой школѣ должны быть изъ лицъ, получившихъ среднее педагогическое или высшее общее образованіе. Въ заключеніе своего очень обширнаго (благодаря чисто теоретической разработки вопроса) доклада управа поставила на разрѣшеніе собранія слѣдующіе вопросы: 1) объ ассигнованіи каждогодно по 1.000 р. для накопленія фонда, необходимаго на устройство общеобразовательной съ 3-лѣтнимъ курсомъ школы на изложенныхъ выше основаніяхъ (съ разсчетомъ учредить одну такую школу къ 50-лѣтнему юбилею освобожденія крестьянъ). При этомъ управа добавляла, что такая школа, помимо своихъ образовательныхъ задачъ, выполняя функціи образцоваго показательнаго обученія, дала бы несомнѣнный толчокъ просвѣтительной дѣятельности земства, показывая тотъ путь, по которому послѣднее должно идти.

Подготовительная коммиссія, на разсмотрѣніе которой поступилъ этотъ проектъ, отнеслась къ нему очень критически. Такъ, свою критику коммиссія

начала съ того, что въ Костромской губ. совершенно нѣтъ школъ съ 4-лѣтнимъ курсомъ, откуда могли бы поступать ученики въ повышенную школу, и что даже очень рѣдкіе оканчиваютъ курсъ въ 3-лѣтней школѣ и, слѣдовательно, проектируемая высшая школа останется безъ учениковъ. Далѣе, исчисляя расходы по устройству школы въ 8.000 р., управа, по мнѣнію коммиссіи, слишкомъ понизила ихъ: на эти средства проектируемой школы устроить нельзя. „Не можетъ не отнестись съ глубокимъ сомнѣніемъ коммиссія, по ея собственному выраженію, и къ формулировкѣ задачъ, которыя ставитъ управа проектируемой школѣ...“ А именно - управа въ своемъ докладѣ говоритъ: „ея (т. е. школы) задача пріучить мысль ученика къ самостоятельной работѣ, выработать въ немъ сознательное критическое отношеніе къ окружающей его жизни, пробудить въ немъ общественныя чувства, содѣйствовать усвоенію имъ его гражданскихъ правъ и обязанностей“. Коммиссія же думаетъ, что достаточно вспомнить фактъ, что учениками школы будутъ дѣти въ возрастѣ отъ 13 до 16 лѣтъ, когда мысль только еще начинаетъ пробуждаться, чтобы понять, что и разумныя надежды управы не оправдаются. По мнѣнію коммиссіи, докладъ управы долженъ быть отвергнутъ; но это не значитъ, что земство должно отказаться отъ осуществленія въ будущемъ идеи о школѣ повышеннаго типа. Въ заключеніе коммиссія прибавила, что въ настоящее время будутъ очень полезны всевозможныя теоретическія изслѣдованія по этому вопросу.

Такое заключеніе коммиссіи вызвало цѣлую бурю протестовъ со стороны сторонниковъ школы высшаго типа. Большинство все-таки оказалось на сторонѣ управы, хотя уже заранѣе было извѣстно очень несочувственное отношеніе къ проекту управы со стороны губернской администраціи, выразившееся, между прочимъ, въ рѣчи губернатора при открытіи собранія, сказавшаго, что, по его мнѣнію, земству еще преждевременно задаваться такими проектами, какъ проектъ школы высшаго типа, что прямая обязанность земства удовлетворить нужду народа въ начальномъ образованіи. При этомъ губернаторъ нашелъ проектъ управы плохо мотивированнымъ. Послѣ еще нѣкоторыхъ преній собраніе подавляющимъ большинствомъ постановило—поручить управѣ совмѣстно со школьной коммиссіей (учрежденной только еще въ настоящую сессію) выработать программу школы высшаго типа, взявъ за образецъ вторые классы саратовскаго земства и представить будущему собранію также смѣты расходовъ, связанныхъ съ учрежденіемъ такихъ школъ („Русь“).

Уѣздъ со всеобщимъ образованіемъ.

Это Бахмутскій уѣздъ Екатеринославской губерніи, той самой, въ которой губернское земство, благодаря г. Родзянко, довольно холодно относится къ народному образованію. Бахмутское земство осуществило планъ общедоступности школы съ рѣдкою настойчивостью, въ пять всего лѣтъ, благодаря энергіи уѣздной управы и спеціально избранной для того коммиссіи, въ составъ которой вошли Вл. И. Карповъ, И. К. Ставраковъ, И. И. Ларинъ и Ф. А. Бантышъ. Въ 1898 году коммиссія представила очередному уѣздному земскому собранію вполнѣ разработанный докладъ, въ которомъ изложенъ былъ планъ прогрессивнаго покрытія уѣзда сѣтью народныхъ училищъ. Собраніе постановило: 1) на перестройку новыхъ школъ ассигновать по 15.000 руб. ежегодно въ теченіе 5 лѣтъ, 2) вносить ежегодно въ смѣту по 10 тысячъ рублей на

расширеніе, постройку и ремонтъ существующихъ школъ и 3) ходатайствовать передъ правительствомъ объ отпускѣ въ теченіе 5 лѣтъ по 15 тысячъ рублей на осуществленіе сѣти школъ для введенія всеобщаго начальнаго обученія. На запросъ бывшаго въ то время предводителемъ дворянства А. А. Карпова, можетъ ли бахмутское земство расчитывать на помощь правительства при введеніи всеобщаго обученія въ уѣздѣ и въ какомъ размѣрѣ, былъ полученъ отвѣтъ, что министерство народнаго просвѣщенія, будучи озабочено повсемѣстно равномѣрнымъ распространеніемъ средствъ народнаго образованія, по выясненіи этого вопроса, опредѣлитъ и долю ассигнованія для Бахмутскаго уѣзда. Постройки школъ въ уѣздѣ производились на средства уѣзднаго земства съ незначительною помощью отъ частныхъ лицъ и сельскихъ обществъ. Въ теченіе 5 лѣтъ было выстроено 46 школъ; затраты уѣзднаго земства на постройку школъ выразились въ 104.745 руб. Благодаря широкой постановкѣ дѣла, бюджетъ уѣзднаго земства на народное образованіе возросъ до 112.650 руб. съ 19.210 руб. въ 1897 г. („Южн. Кр.“).

Общеобразовательные курсы въ Москвѣ.

Въ виду возбужденнаго московскимъ губернскимъ земствомъ ходатайства о разрѣшеніи устройства въ Москвѣ лѣтомъ текущаго года общеобразовательныхъ курсовъ для учащихъ въ начальныхъ училищахъ, попечитель московскаго учебнаго округа препроводилъ въ губернскую земскую управу предложеніе, въ которомъ указываетъ порядокъ и условія организаціи такихъ курсовъ. Особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія признано возможнымъ разрѣшить устройство такихъ-же курсовъ будущимъ лѣтомъ владимірскому губернскому земству съ тѣмъ, чтобы къ занятію на курсахъ были допущены лишь тѣ изъ учащихъ, которые кончили курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, учительскихъ семинаріяхъ, институтахъ и школахъ и ни въ какомъ случаѣ не допускались-бы лица постороннія, за исключеніемъ представителей мѣстныхъ земствъ, дающихъ средства на курсы, и вольнослушателей, чтобы за курсами было установлено постоянное наблюденіе при участіи не только мѣстныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ, но и директоровъ училищъ, чтобы программы курсовыхъ предметовъ были тщательно пересмотрѣны и переработаны примѣнительно къ потребностямъ слушателей, причемъ желательно также, чтобы попечителемъ учебнаго округа обращено было вниманіе на конспекты лекцій, которые заблаговременно должны быть представлены въ управленіе округа. Предлагая московской губернской земской управѣ руководствоваться этими указаніями министерства народнаго просвѣщенія, попечитель московскаго округа добавляетъ, что вопросъ объ устройствѣ губернскихъ общеобразовательныхъ курсовъ въ Москвѣ долженъ обсуждаться при непосредственномъ сношеніи учредителей названныхъ курсовъ съ дирекціей народныхъ училищъ московской губерніи, которая съ своей стороны должна сдѣлать сношеніе съ губернской администраціей и съ министерствомъ народнаго просвѣщенія при его посредничествѣ; посредничество-же педагогическаго общества при московскомъ университетѣ въ данномъ случаѣ не представляется необходимымъ, хотя директоръ народныхъ училищъ можетъ воспользоваться лекторами, указанными въ представленіи педагогическаго общества, и другими услугами общества. Педагогическое общество уже представило свои программы курсовъ: по физикѣ (Умова), русской исторіи (Кизеветтера), біологіи (Огнева), естествознанію

(Реформатскаго), исторіи русской литературы (Сакулина), психологіи (Нечаева), школьной гигіены (Игнатьева). Но эти программы встрѣтили возраженіе со стороны директора народныхъ училищъ и потребуютъ соотвѣтствующихъ измѣненій. Вмѣстѣ съ тѣмъ попечитель округа указываетъ, что планъ педагогическаго общества содержитъ въ самыхъ основаніяхъ своихъ капитальный пробѣлъ—отсутствіе всякой попытки къ расширенію знакомства учителей съ религіозно-нравственными вопросами. Поэтому попечитель считаетъ необходимымъ, чтобы директоръ народныхъ училищъ обратился съ просьбой къ епархіальному начальству московской губерніи озаботиться, чтобы на этихъ курсахъ читались и популярныя академическія богословскія лекціи, подходящія къ даннымъ условіямъ. Кромѣ того, попечитель указываетъ на неудобство. чрезмѣрно большого числа слушателей на курсахъ и на необходимость обезпечить полную возможность собесѣдованія слушателей курсовъ съ руководителями курсовъ и не допускать на курсы посторонней публики. („Рус. Вѣд.“)

Общество содѣйствія физическому развитію въ Оренбургѣ.

Общество содѣйствія физическому развитію дѣтей вступило въ шестой годъ своего существованія въ составѣ одного почетнаго члена, 203 членовъ дѣйствительныхъ и 16 членовъ-соревнователей. Средства общества составляются главнымъ образомъ изъ членскихъ взносовъ, пожертвованій, устройства платныхъ дѣтскихъ праздниковъ и чтенія лекцій, и за пятый годъ существованія общества выразились цифрою 1.347 р. 9 коп. Съ такими небольшими средствами общество и ведетъ, насколько возможно, свою дѣятельность по разъ намѣченному пути. Всѣ заботы общества сосредоточены главнымъ образомъ на устройствѣ площадки и сада для дѣтскихъ игръ. Для этой цѣли на берегу р. Урала, откуда открываются очень живописные виды за городъ и гдѣ воздухъ у насъ въ лѣтнее время можно назвать наиболѣе чистымъ, городомъ уступлена поляна, занимающая площадь около $^2/_5$ десятины. Въ настоящее время на этой полянѣ разводится садъ, устроены площадки для игръ, поставлена карусель, пріобрѣтенная обществомъ въ собственность, гигантскіе шаги, качели и проч., такъ что въ недалекомъ будущемъ поляна эта, служившая ранѣе босякамъ излюбленнымъ мѣстомъ для игры въ орлянку, обѣщаетъ сдѣлаться очень привлекательною и интересною для дѣтей. На полянѣ этой общество устраиваетъ въ годъ до 10 дѣтскихъ праздниковъ, привлекающихъ множество дѣтей и даже взрослыхъ различнаго пола и возраста. Въ зимнее время здѣсь устраиваются ледяныя горы, катокъ, катанье на салазкахъ, на лыжахъ и т. п. Всѣми играми и дѣтскими развлеченіями руководятъ въ большинствѣ случаевъ мѣстные педагоги. Праздники эти желательны были бы конечно безплатные; но общество пока еще не располагаетъ свободными средствами, а потому и назначаетъ хотя и небольшую плату: съ дѣтей 5 коп., съ взрослыхъ 10 коп. Кромѣ устройства дѣтскихъ праздниковъ, общество устраиваетъ еще загородныя прогулки и поѣздки, доставляющія очень большое удовольствіе дѣтямъ. Были устроены, напримѣръ, поѣздки по новой Оренбургъ-Ташкентской жел. дор. въ Илецкую Защиту для осмотра шахты соляныхъ копей. Крупной стороной дѣятельности общества является устройство обществомъ дѣтскихъ яслей-пріютовъ. Такіе пріюты были устраиваемы въ селахъ и деревняхъ преимущественно въ лѣтнее время въ „страдную“ пору, когда дѣти крестьянъ часто остаются даже безъ всякаго призора. Средства на со-

держаніе яслей составлялись главнымъ образомъ изъ частныхъ пожертвованій и небольшихъ субсидій общества. Такъ какъ спеціальный фондъ общества на содержаніе яслей невеликъ, то дѣтскіе пріюты-ясли открыты пока только въ трехъ селеніяхъ. Въ будущемъ, вѣроятно, это дѣло разрастется сильнѣе и, быть можетъ, спасетъ жизнь не одному бѣдняку-ребенку. Вся перечисленная дѣятельность общества глубоко симпатична. Жаль только, что общество не располагаетъ достаточными средствами для направленія своей дѣятельности по болѣе широкому пути и массѣ хорошихъ проектовъ общества суждено пока оставаться только проектами. („Н. Вр.“).

Земство и церковно-приходскія школы.

На послѣднемъ Мещовскомъ (калужской г.) земскомъ собраніи въ виду неудовлетворительности церковныхъ школъ грамоты было постановлено прекратить ассигнованіе на эти школы и освобождающуюся отъ сего одну тысячу рублей вносить ежегодно въ смѣту на открытіе въ уѣздѣ новыхъ министерскихъ и земскихъ училищъ и на учреждаемое въ Мещовскѣ ремесленное училище. Постановленіе это было остановлено калужскимъ губернаторомъ и передано на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Присутствіе, „руководствуясь закономъ 4-го мая 1891 г., въ которомъ изложены правила о школахъ грамоты, и по каковому закону учрежденіе этихъ школъ предоставляется между прочимъ и земствамъ, съ тѣмъ однако, чтобы эти школы подлежали исключительно вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства,—нашло, что настоящій вопросъ надлежитъ разсматривать не какъ субсидированіе отъ земства церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, которыя открываются духовнымъ вѣдомствомъ, а какъ прекращеніе ассигнованія на содержаніе такихъ школъ, которыя были учреждены самимъ земствомъ. Принявъ во вниманіе, что мещовское земское собраніе, какъ это видно изъ преній гласныхъ, предполагало, что въ данномъ случаѣ съ прекращеніемъ отпуска на содержаніе школъ грамоты школы будутъ все-таки существовать, тогда какъ по обстоятельствамъ дѣла прекращеніе этого отпуска равносильно закрытію школъ грамоты,—присутствіе признаетъ, что собранію надлежало обсуждать вопросъ не о выдачѣ пособія на школы грамоты, а о томъ, удовлетворяютъ ли школы своему назначенію или нѣтъ, и если преподаваніе въ двухъ школахъ, какъ объ этомъ заявили двое гласныхъ, идетъ неуспѣшно, то обсудить вопросъ, преобразовать ли эти двѣ школы грамоты въ земскія училища или же просить духовное начальство принять мѣры къ упорядоченію въ нихъ преподаванія, а такъ какъ собраніе, оставляя существованіе школъ грамоты, прекратило отпускъ суммъ на ихъ содержаніе и нарушило тѣмъ 1-й пунктъ прил. къ ст. 6-й Пол. о земск. учр., по которому всякое постановленіе земскаго собранія, вызывающее денежный расходъ, не иначе можетъ быть приведено въ исполненіе, какъ по внесеніи соотвѣтствующаго кредита въ смѣту, а въ данномъ случаѣ вошедшее въ силу постановленіе собранія, состоявшееся въ 1895 году объ открытіи 20-ти школъ грамоты, не можетъ быть съ 1-го января 1904 г. уже приводимо въ исполненіе, то присутствіе на осн. 88-й ст. Пол. о земск. учр. опредѣляетъ постановленіе земскаго собранія о прекращеніи отпуска 1.000 руб. на содержаніе школъ грамоты и о назначеніи изъ этихъ денегъ 500 р. на ремесленное училище и 500 р. на министерскія училища—отмѣнить“. („Р. В.“).

Школьное дѣло въ Кубанской области.

Лѣтъ восемь-десять тому назадъ въ Кубанской области между казаками явилось особенное стремленіе къ грамотѣ. Всѣмъ захотѣлось учить своихъ дѣтей. Казакъ понялъ, что грамотному легче служить и хозяйничать. И началъ онъ открывать школы и одноклассныя, и двухклассныя. Это стремленіе къ грамотѣ отозвалось въ сосѣднихъ съ станицами аулахъ, населенныхъ татарами и черкесами. Горецъ тоже понялъ, что, живя возлѣ русскихъ, соприкасаясь во всѣхъ случаяхъ жизни съ ними, ему, не умѣющему говорить по-русски, съ каждымъ годомъ становится труднѣе. И вотъ, во всѣхъ аулахъ, даже самыхъ маленькихъ, школы стали расти, какъ грибы.

„Я, пишетъ корреспондентка „Бирж. В.“, очень интересовалась этимъ движеніемъ горцевъ въ пользу школы; часто бывала въ аулахъ, посѣщала школы, не только расположенныя по Большому и Малому Зеленчукамъ, но бывала не разъ въ школахъ Карачая,—окраины Баталпашинскаго отдѣла. Карачай—это трущоба, куда мало кто заглядываетъ изъ интеллигентныхъ людей. Тамъ бываютъ только люди „по службѣ“, да развѣ какой-нибудь туристъ явится осмотрѣть величественную и дикую природу. Это царство камня, скалъ и лѣса, да шумящихъ по камнямъ ручьевъ, изъ которыхъ составляется наша Кубань. Но вотъ и въ такихъ трущобахъ появились школы одна за другой. Прислали туда учителей, и закипѣла работа. Дѣтей было всегда много, школы были полны. Учителя работали добросовѣстно и были все люди-практики. Начальство тоже не забывало ихъ, и каждый годъ посѣщало всѣ аульныя школы, ободряло и склоняло къ терпѣнію учителей, которымъ, правда, жилось не такъ-то легко. Труды не пропали даромъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ уже приходилось встрѣчать питомцевъ школы на службѣ у своихъ же горцевъ,—кого писаремъ, кого объѣздчикомъ, муртазакомъ, лѣсничимъ, всадниками при атаманахъ отдѣла; нѣкоторые пошли выше—въ семинаріи, въ фельдшерскія школы, и теперь есть уже учителя и фельдшера изъ горцевъ. То тамъ, то сямъ при школахъ появлялись сады, огороды, цвѣтники и небольшія пасѣки, и этимъ учителя дали примѣръ горцамъ заводить таковые у себя. Нѣкоторые учителя занимались земледѣліемъ и распространяли между горцами лучшія хлѣбныя сѣмена. Все это очень поощрялось тогда. Кажется, не было ни одной школы, возлѣ которой вы не встрѣтили бы или цвѣтника, или сада, или огорода. Но вотъ, въ 1899 году, мнѣ пришлось уѣхать изъ Кубанской области далеко на сѣверъ. Прошло четыре года, и я опять вернулась на родину. Первое, что я предприняла по пріѣздѣ, это—посмотрѣть школы, когда-то мнѣ близкія. Поѣхала я и во многихъ школахъ побывала; но грустно-грустно было у меня на душѣ, когда я вернулась домой. Я не узнала школъ: это было что-то жалкое, одни обломки бывшаго. Вездѣ почти я видѣла опустѣвшіе классы. Тамъ, гдѣ раньше было учениковъ до сотни, теперь сидитъ около 20—30 душъ; гдѣ было 40—50 душъ, теперь есть 15—20, а маленькія школы почти пустуютъ. Во всѣхъ аульныхъ школахъ поразительная убыль учениковъ. Напримѣръ, въ этомъ году въ школахъ по Большому Зеленчуку вы только увидите 6—4—2, не болѣе десятка учениковъ, а въ Эрсаконской школѣ, говорятъ, въ прошломъ году учитель занимался почти цѣлый годъ съ 1 ученикомъ. Видно, что никто не интересовался вопросомъ объ увеличеніи учениковъ въ школахъ—ни сами учителя, которые, все-таки, жалованье получали исправно, ни инспекторъ. Теперь вновь назначенный участковый начальникъ, бывшій когда-то учитель, побывавъ въ шко-

лахъ, близко принялъ къ сердцу нужды ихъ, и онъ, навѣрное, употребитъ все возможное, чтобы школы не пустовали. Учителей старыхъ почти нѣтъ въ горскихъ школахъ. Все новые, молодые, почти мальчики, мало опытные и мало развитые. Большая часть изъ нихъ совсѣмъ не получила спеціально-педагогическаго образованія. Семинаристы—рѣдкость, а все питомцы городскихъ училищъ, которые считаютъ себя совершенствомъ, а горца выше животнаго не ставятъ. Горецъ все это знаетъ, чувствуетъ и, конечно, взаимно не любитъ подобнаго учителя. Садики и огороды запущены или совсѣмъ заброшены; въ нихъ больше бурьяна, чѣмъ деревьевъ; часто тамъ пасутся аульные телята да лошади. Въ нѣкоторыхъ садахъ посаженные раньше питомники такъ и выросли на мѣстѣ, образуя лѣсъ. Только кое-гдѣ, какъ рѣдкость, хотя новаго ничего не разводятъ, но не даютъ и погибнуть тому, что есть, — вѣрно изъ жалости. Не хотѣлось вѣрить, что цвѣтущее такъ недавно дѣло могло погибнуть въ 3—4 года. Я видѣла, что этому есть какая-то причина и пришла къ заключенію, что съ перемѣной руководителей, т. е. инспекторовъ, перемѣнился и взглядъ на школу и на сады, и на огороды при школахъ.

Новыя требованія и новые взгляды на сельское хозяйство сильно отразились на школѣ, и съ худшей стороны. Учителя, которыхъ въ силу привычки тянуло къ землѣ, теперь, боясь прослыть матеріалистами и попасть прямо-таки въ немилость у начальства, бросали свои хозяйства и уходили въ другія школы, гдѣ ужъ не было возможности заниматься имъ хозяйствомъ. Садоводство и огородничество, между прочимъ, погибло не только въ аулахъ, но и въ станицахъ Баталпашинскаго отдѣла. Раньше посылались на сельско-хозяйственныя выставки продукты отъ школьныхъ садовъ и огородовъ и пасѣкъ, а теперь и посылать нечего. Когда уже всѣмъ стало ясно, что все раньше заведенное погибло и гибнетъ, то директоромъ былъ изданъ циркуляръ, помѣщенный въ „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ“, съ воззваніемъ къ инспекторамъ обратить особенное вниманіе на сельско-хозяйственныя занятія при всѣхъ школахъ“. („Бирж. В.“).

Народное образованіе въ Рыбинскѣ.

Въ городѣ восемь учебныхъ заведеній средняго и низшаго разряда, двѣнадцать начальныхъ училищъ и нѣсколько церковно-приходскихъ школъ. Десять изъ начальныхъ училищъ содержитъ городъ. Въ начальныхъ мужскихъ учащихся 469 челов., въ женскихъ—206 челов. и въ двухклассномъ—254 челов. На содержаніе этихъ училищъ и на учебныя пособія въ нихъ городъ расходуетъ ежегодно болѣе 14 тыс. руб. Одно начальное училище содержитъ рыбинское ремесленно-промышленное попечительство и одно—покровско-воскресенское благотворительное общество при своемъ пріютѣ. Учащихся въ этихъ двухъ школахъ—133 мальч. и 52 дѣвочки. Кромѣ начальныхъ школъ, въ Рыбинскѣ имѣется одно городское четырехклассное училище съ 301 учащимся и одно трехклассное, открытое съ начала текущаго учебнаго года въ зданіи, пожертвованномъ купцомъ В. А. Карякинымъ. На содержаніе четырехкласснаго училища и параллельныхъ отдѣленій при немъ городское общественное управленіе до нынѣшняго года израсходовало болѣе 7 тыс. руб. Съ открытіемъ же карякинскаго училища параллельные классы упразднены, и часть расходовъ, производимыхъ на эти классы, обращена городскою думою на содержаніе новаго училища. Женская гимназія переполнена, не исключая

и параллельныхъ отдѣленій. Обучается въ гимназіи 464 чел. Въ содержаніи ея городское общественное управленіе принимаетъ участіе ежегоднымъ отпускомъ 4.200 руб. на содержаніе и ремонтъ гимназическихъ зданій, 76 руб. на страхованіе ихъ и 400 р. на вознагражденіе директора мужской гимназіи за завѣдываніе женскою гимназіею. Открытіе второй женской гимназіи или хотя бы прогимназіи является большой необходимостью. Общее число учащихся въ мужской классической гимназіи тоже достигаетъ очень почтенной цыфры—475 челов. На содержаніе шести первыхъ классовъ гимназіи городъ отпускаетъ 19.585 руб. и на содержаніе приготовительнаго класса 1.000 р. Содержаніе же седьмого и восьмого классовъ отнесено къ обязанностямъ губернскаго земства, которое съ 1884 г. отпускаетъ ежегодно 6 тыс. руб. Затѣмъ въ Рыбинскѣ существуютъ механико-техническое училище и ремесленная школа при немъ, основанныя на средства покойнаго М. Е. Комарова. Въ училищѣ 107 учащихся, въ ремесленной школѣ 65 чел. Въ зачеремушной части города, при александровскомъ земскомъ училищѣ когда-то бывшемъ двухклассномъ, имѣется столярно-токарное отдѣленіе. Расходы земства на содержаніе этого училища превышаютъ 6 тыс. руб. въ годъ. Въ уѣздномъ земствѣ уже три раза возникалъ вопросъ о закрытіи этого класса за ненадобностью. Существовавшее при училищѣ переплетное отдѣленіе закрыто еще 31-го декабря 1901 г. Съ 1899 г. въ Рыбинскѣ находится рѣчное училище второго разряда съ двухгодичнымъ курсомъ. Ежегодно оканчиваютъ курсъ до 15 человѣкъ, и всѣ они поступаютъ на судоходную службу. И наконецъ, 1-го сентября 1902 г., открыто въ Рыбинскѣ коммерческое училище. Учащихся за первый годъ, несмотря даже на сравнительно высокую плату за ученіе (100 р.), было 63 челов. Со дня открытія до 1-го января 1903 г. на содержаніе коммерческаго училища израсходовано 11.522 руб. Внѣшкольное образованіе городского населенія еще въ зародышѣ. Кромѣ безплатной библіотеки отъ ремесленно-промышленнаго попечительства на окраинѣ, да платной библіотеки при земской управѣ, ничѣмъ не располагаемъ. Нѣтъ въ Рыбинскѣ ни чтеній, ни народныхъ спектаклей. Попечительство о народной трезвости содержитъ въ такомъ большомъ городѣ и рабочемъ центрѣ, какъ нашъ „мужикъ-городъ“, всего двѣ чайныя-читальни и то съ очень тощимъ запасомъ чтенія. Къ тому же одна изъ чайныхъ (вблизи Сѣнной площади) содержится неопрятно. Сидѣлецъ въ ней также не отличается особой вѣжливостью.

(„Бирж. Вѣд.“).

Общество содѣйствія народному образованію въ Ярославлѣ.

На состоявшемся 27-го февраля засѣданіи совѣта Общества содѣйствія народному образованію въ Ярославской губерніи было выслушано въ числѣ другихъ дѣлъ сообщеніе ярославскаго губернатора о переходѣ Общества изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Присутствовавшій на засѣданіи директоръ народныхъ училищъ П. Н. Мочульскій предъявилъ совѣту требованіе о скорѣйшемъ доставленіи ему отчета о дѣятельности Общества, совѣта и состоящихъ при немъ коммиссій за 1903 г. Много преній на засѣданіи возбудилъ вопросъ относительно порядка разсмотрѣнія списковъ книгъ, предназначенныхъ для выписки коммиссіей по продажѣ и изданію книгъ. Директоръ народныхъ училищъ настаивалъ на томъ, чтобы пріобрѣтались исключительно книги, разрѣшенныя и

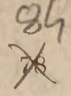
одобренныя имъ, или его помощникомъ—инспекторомъ народныхъ училищъ Ѳ. И. Носиловымъ. Большинство членовъ совѣта находило, что одобреніе списковъ составляетъ право совѣта въ полномъ его составѣ, а потому и не можетъ быть ограничено согласіемъ одного лица, которое однако не лишено возможности высказывать свое мнѣніе въ совѣтѣ при обсужденіи списковъ книгъ. По уставу Общества директоръ народныхъ училищъ состоитъ постояннымъ членомъ совѣта. Затѣмъ на засѣданіи былъ выслушанъ отказъ кн. Д. И. Шаховскаго, А. П. Крылова (предсѣдатель губернской земской управы) и С. А. Мусина-Пушкина (членъ губернской управы) отъ званія членовъ совѣта. Совѣтъ постановилъ назначитъ въ возможно непродолжительномъ времени общее собраніе. („Рус. Вѣд.“).

Приварокъ для учениковъ сельскихъ школъ.

Въ 1900 г. владимірское губернское собраніе постановило ассигновать средства на производство въ небольшомъ размѣрѣ опыта введенія въ земскихъ школахъ приварковъ для учениковъ, ходящихъ въ школу за 1 и болѣе верстъ. Опытъ увѣнчался успѣхомъ. Обычное прежде недоѣданіе и сухояденіе учениковъ, бывшихъ нерѣдко вялыми и страдавшихъ головными болями, отзывалось вредно на ихъ здоровьѣ и на ходѣ учебныхъ занятій. Затѣмъ въ 1903 г. губернское земство признало устройство горячихъ завтраковъ для учащихся крайне желательнымъ при содѣйствіи земства и участіи родителей учениковъ, мѣрой неотложной и постановило ассигновать въ 1904 г. 3.400 руб., половину той суммы, которая нужна для того, чтобы дать возможность 13.500 дѣтей въ теченіе 50 дней въ году получать горячій завтракъ. Подобная помощь признавалась губернскимъ собраніемъ наиболѣе цѣлесообразной, какъ могущая пробудить самодѣятельность въ мѣстномъ населеніи. Важна организація земствомъ всего дѣла правильнаго питанія школьниковъ; но самое горячее участіе въ немъ несомнѣнно должно принимать мѣстное населеніе, главнымъ же образомъ родители учениковъ которые могутъ сообща снабжать учениковъ необходимыми для приварка продуктами натурой. Починъ владимірскаго земства заслуживаетъ полнаго вниманія въ интересахъ охраны народнаго здравія. Отдѣльные случаи организаціи приварковъ въ школахъ учащимъ персоналомъ конечно встрѣчаются повсемѣстно; но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ общимъ на пространствѣ всей губерніи серьезнымъ мѣропріятіемъ, требующимъ со стороны земства самаго ничтожнаго расхода (1 коп. въ день на ученика). („Н. Вр.“).

Преподаваніе гигіены въ начальныхъ школахъ.

Минувшее самарское губернское земское собраніе разсматривало ходатайство новоузенскаго уѣзднаго земства о введеніи въ программу двухклассныхъ министерскихъ училищъ преподаванія свѣдѣній по гигіенѣ и санитаріи. Вопросъ этотъ имѣетъ свою исторію. На совѣщаніи земскихъ врачей Новоузенскаго уѣзда между прочимъ обсуждалось предложеніе раздѣлить уѣздъ на санитарные округа съ учрежденіемъ въ каждомъ изъ нихъ санитарныхъ попечительствъ, на обязанности которыхъ лежала бы забота о санитарномъ бла-



гополучіи и улучшеніи санитарныхъ условій мѣстности. Большинство врачей находило, что при некультурности населенія отъ санитарныхъ попечительствъ можно ожидать мало пользы, что всѣ мѣропріятія, касающіяся народнаго здравія, должны опираться на разумную самодѣятельность населенія, и что гораздо важнѣе поэтому ознакомлять населеніе съ полезными свѣдѣніями по гигіенѣ и санитаріи. Новоузенская земская управа, а затѣмъ и уѣздное собраніе согласились съ этимъ заключеніемъ врачебнаго персонала, причемъ полагали, что школа можетъ служить главнымъ проводникомъ вышеуказанныхъ свѣдѣній въ населеніе. Самарское губернское земское собраніе, выслушавъ мнѣніе губернскаго врачебнаго совѣта, постановило поддержать ходатайство новоузенскаго земскаго собранія. Это постановленіе имѣетъ большое значеніе, такъ какъ выясняетъ одинъ изъ весьма серьезныхъ путей, какимъ можно охранять народное здравіе. („Н. Вр.“).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Въ Юрьевскомъ университетѣ. Число студентовъ университета все увеличивается и къ началу наступающаго семестра достигло уже 2.000 чел., такъ что по численности Юрьевскій университетъ теперь уступаетъ лишь двумъ столичнымъ и Кіевскому св. Владиміра. Этому росту учащихся, къ сожалѣнію, далеко не соотвѣтствуетъ состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій, аудиторій и вообще университетскихъ зданій, близкихъ къ полному разрушенію. Незанятыми остаются иногда по нѣсколько лѣтъ вакантныя каѳедры: напр., не замѣщены каѳедры по такимъ основнымъ предметамъ, какъ химія, внутреннія болѣзни, государственное право; наличные преподаватели обременены порученіями по незанятымъ каѳедрамъ, такъ что нѣкоторые профессора имѣютъ по 15—20 часовъ въ недѣлю. Преподавательскій персоналъ Юрьевскаго университета вообще постоянно мѣняется, и лишь немногіе профессора—Бѣлявскій, Грабарь, Красноженъ, Срезневскій, съ началомъ настоящаго года вступаютъ во второе десятилѣтіе своей преподавательской дѣятельности. Въ настоящее время опять выдвинутъ вопросъ объ открытіи новаго университета въ Сѣверо-Западномъ краѣ. При этомъ, однако, нельзя оставлять дольше и Юрьевскій университетъ въ томъ печальномъ состояніи, въ которомъ онъ теперь находится вслѣдствіе крайняго недостатка матеріальныхъ средствъ. („Н. Вр.“).

Въ обществѣ бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета. 1-го февраля, подъ предсѣдательствомъ А. М. Унковскаго состоялось годовое собраніе общества вспомоществованія бывшимъ студентамъ с.-петербургскаго университета. На собраніи былъ разсмотрѣнъ годичный отчетъ, изъ котораго видно, хотя и медленное, но прогресивное увеличеніе какъ числа членовъ, такъ и денежныхъ средствъ общества. Въ 1903 году вступило 26 новыхъ членовъ, а капиталъ общества увеличился на 1.290 руб., и такимъ образомъ къ 1-му января 1904 г. въ составъ общества входили 125 дѣйствительныхъ и 2 члена-соревнователя, а средства общества достигли къ 1-му января 1904 г.—процентными бумагами 2.900 руб. и наличными деньгами 1.226 р. 4 к. Затѣмъ подлежала разсмотрѣнію приходо-расходная смѣта на 1904 г., сбалансированная въ суммѣ 864 р. 69 к. Утвердивъ годичный отчетъ и смѣту, собраніе избрало на текущій годъ въ члены правленія Н. О.

Розе, Н. Н. Барсова и А. М. Никитина, въ кандидаты къ нимъ: С. С. Бызова, К. Г. Зоргенфрей, С. Ф. Федоровича и въ члены коммиссіи по переработкѣ устава гг. Романова, Шулепникова, Унсвута, Паталѣева, Волкова, Доброва и Андреева. („Бирж. В.“)

Высшіе женскіе курсы. Въ происходившемъ 29 февраля годовомъ собраніи членовъ общества доставленія средствъ высшимъ земскимъ курсамъ въ члены комитета были избраны: В. П. Тарновская, А. Р. Воронина, А. Б. Врасскій и А. Ю. Кадьянъ. Изъ доложеннаго собранію отчета за 1902—1903 годъ видно, что въ составѣ общества числится 1.305 членовъ, изъ которыхъ 75 почетныхъ и 97 пожизненныхъ. Въ отчетномъ году высшіе женскіе курсы обогатились новымъ зданіемъ, въ которомъ помѣщаются зоологическая и ботаническая аудиторіи и кабинеты, а также геологическій кабинетъ. Всѣ комнаты просторны, высоки и свѣтлы. Слушательницы могутъ удобно въ нихъ размѣщаться для научныхъ занятій. На пополненіе курсовой библіотеки комитетъ общества ассигновалъ 3.000 руб. Въ отчетномъ году библіотекой пріобрѣтено 263 сочиненія въ 347 томахъ. Пожертвовано разными лицами 476 книгъ и брошюръ. Въ истекшемъ году комитетомъ было выдано 30 слушательницамъ по 100 р. для годового взноса за слушаніе лекцій. Кромѣ того выдана 31 ссуда, отъ 20 до 35 руб., на сумму 785 р. На приходъ за отчетный годъ поступило 208.238 р., израсходовано 184.291 р. При курсахъ существуетъ общежитіе, приходо-расходъ котораго выразился въ суммѣ 53.464 р. Новыхъ членовъ общества избрано 324. („Н. Вр.“).

Высшіе женскіе курсы въ Харьковѣ. Комитетъ Общества взаимнаго вспоможенія трудящихся женщинъ поднялъ вопросъ объ открытіи въ г. Харьковѣ высшихъ женскихъ курсовъ. Для наилучшей разработки этого вопроса избрана особая коммиссія, которая чрезвычайно энергично и спѣшно собираетъ матеріалы, необходимые для доклада ближайшему собранію членовъ названнаго Общества, состоящаго исключительно изъ женщинъ. Еще года нѣтъ со времени открытія Общества, а оно уже проявило себя съ наилучшей стороны, доказавъ тѣмъ, что русская женщина—превосходная, дѣльная общественная дѣятельница, могущая съ достоинствомъ служить общественнымъ интересамъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что многія земства высказались за участіе женщинъ въ земскихъ собраніяхъ въ качествѣ полноправныхъ членовъ. („Р. В.“).

Высшіе женскіе курсы въ Варшавѣ. Здѣшнія женщины, стремящіяся къ высшему образованію, вынуждены искать его за границей, такъ какъ высшіе женскіе курсы и женскій медицинскій институтъ въ Петербургѣ переполнены. Примѣръ у всѣхъ налицо. Г-жа Складовская-Кюри, получившая нобелевскую премію за открытіе радія, долго работала въ варшавскихъ лабораторіяхъ; но, не найдя здѣсь простора своимъ способностямъ, вынуждена была оставить родину. Чтобы хоть отчасти удовлетворить запросы нашихъ передовыхъ женщинъ, мѣстная интеллигенція рѣшила учредить здѣсь высшіе женскіе курсы по образцу учреждаемыхъ въ Юрьевѣ профессорами юрьевскаго университета. Курсы будутъ помѣщаться въ домѣ, завѣщанномъ помѣщикомъ Іодко, родственникомъ извѣстнаго ученаго Наркевича-Іодко („Нов.“).

Увеличеніе содержанія законоучителей въ Финляндіи. Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить Постановленіе о добавочномъ содержаніи законоучителей православной вѣры въ Финляндіи. По этому Постановленію содержаніе, получаемое преподавателями Закона Божія православнаго исповѣданія въ финляндскихъ элементарныхъ учебныхъ заведеніяхъ, увеличивается, послѣ 5, 10 и 15 лѣтъ преподаванія въ сихъ заведеніяхъ, на 20% каждый разъ („Финл. Газ.“).

Гимназія для взрослыхъ.—Оригинальный типъ гимназіи для взрослыхъ, проектируется въ г. Перми въ видѣ общеобразовательныхъ курсовъ при мѣстной гимназіи для подготовленія желающихъ получить аттестатъ зрѣлости. Курсы эти предположено организовать по образцу томскихъ — пока единственныхъ въ Россіи. Томскіе курсы съ трехлѣтнимъ періодомъ обученія заслужили почетную извѣстность какъ стройностью, такъ и удобопримѣнимостью своей программы („Волж. В.“).

Нежелательные инциденты.—Въ вятскомъ губернскомъ собраніи избраны члены попечительнаго совѣта вятской женской гимназіи. Послѣ выборовъ предсѣдатель собранія Шубинъ (онъ же предсѣдатель вятскаго уѣзднаго съѣзда) высказалъ: „Благодарю большинство изъ васъ за избраніе меня членомъ попечительнаго совѣта; но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не высказать, что положенные мнѣ 14 неизбирательныхъ шаровъ я отношу къ интригѣ нѣкоторыхъ членовъ, и хотя при неблагопріятной для меня баллотировкѣ мнѣ слѣдовало бы отказаться отъ принятія на себя обязанностей по попечительному совѣту, но я убѣжденъ, что мои труды по гимназіи приносятъ существенную пользу, что оцѣнивается по достоинству кѣмъ слѣдуетъ, и поэтому я рѣшился остаться при исполненіи обязанностей члена попечительнаго совѣта, не обращая вниманія на шары лицъ, желавшихъ мнѣ дѣлать непріятное“. Собраніе молча выслушало эти слова; но на другой день по требованію нѣсколькихъ гласныхъ предсѣдатель собранія взялъ обратно свои слова объ интригѣ, какъ оскорбительныя для членовъ собранія.—При обсужденіи доклада управы о женскихъ фельдшерскихъ курсахъ предсѣдатель глазовскаго уѣзднаго съѣзда Брановскій заявилъ въ собраніи, что фельдшерскія ученицы отличаются нравственною распущенностью, и что самое преподаваніе на курсахъ такихъ наукъ, какъ анатомія, физіологія и гинекологія, способствуетъ развитію въ нихъ эротической распущенности. На другой день къ предсѣдателю собранія поступило заявленіе за подписью 27-ми членовъ собранія съ требованіемъ предложить г. Брановскому взять свои слова обратно и извиниться передъ собраніемъ. Г. Брановскій, не беря своихъ словъ обратно, но сдѣлавъ къ нимъ поясненія, не вносящія существеннаго измѣненія въ смыслъ сказаннаго имъ наканунѣ, закончилъ свою рѣчь словами: „Прошу извинить, если я вчера выразился неясно“. Послѣ этого предсѣдатель собранія объявилъ инцидентъ исчерпаннымъ („Рус. В.“).

Просвѣтительныя начинанія въ Лѣсномъ. Съ учрежденіемъ политехникума въ Лѣсномъ и на Кушелевкѣ значительно возросла численность населенія. Въ то же время явилась потребность и въ изысканіи средствъ для начальнаго образованія какъ взрослыхъ низшихъ служащихъ лѣсного и по-

литехническаго институтовъ и рабочаго населенія, ютящагося въ ближайшихъ районахъ, такъ и для ихъ многочисленной дѣтворы. Въ стремленіи удовлетворить этой потребности сошлись между собой преподавательскій персоналъ обоихъ высшихъ учебныхъ заведеній и ихъ жены и образовали кружокъ, занявшійся выработкой устава общества. Общество это проектируется утвердить по образцу существующихъ за Невской заставой и на Васильевскомъ островѣ обществъ народныхъ развлеченій. Подъ его непосредственнымъ вѣдѣніемъ будутъ открыты постепенно школы, народныя читальни, а также устраиваться народныя чтенія и гулянья. При обсужденіи вопросовъ просвѣщенія массы служащаго и рабочаго элемента затронутъ былъ вопросъ и о недостаткѣ вообще книжнаго матеріала для потребностей всего взрослаго населенія, независимо отъ его служебнаго состоянія, о необходимости открыть въ районѣ Лѣсного частную публичную библіотеку („Бирж. В.").

Освобожденіе учителей отъ призыва. Вслѣдствіе телеграммы г. и. д. пріамурскаго генералъ-губернатора Линевича, полученной военнымъ губернаторомъ амурской области 30-го января, учителя низшихъ училищъ освобождены отъ призыва по мобилизаціи. („Владив.").

Миссіонерскій институтъ. Въ слободѣ М.-Узень, центрѣ мѣстнаго сектанства, епархіальное вѣдомство Самарской губ. открываетъ миссіонерскій институтъ, первый въ Россіи. Къ постройкѣ зданія института будетъ приступлено весной текущаго года. Курсъ будущаго института намѣчается четырехлѣтній. Въ него допускаются ученики, кончившіе курсъ министерскихъ школъ и не ниже втораго класса городскихъ училищъ. Кончившіе курсъ въ миссіонерскомъ институтѣ получаютъ права іереевъ и должны будутъ распространять православіе и вести борьбу съ сектантами. („С.-Пет. Вѣд.").

Въ обществѣ взаимнаго вспомоществованія. 29-го февраля состоялось первое годичное собраніе членовъ общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ церковныхъ школахъ г. С.-Петербурга и Петербургскаго уѣзда. Собранію былъ доложенъ отчетъ о дѣятельности и денежныхъ суммахъ общества за истекшій годъ, изъ котораго видно, что дѣятельность этого общества, несмотря на такой короткій срокъ существованія, идетъ очень успѣшно. Приходъ денегъ за отчетный годъ выразился цыфрой въ 1.056 р. 25 к., а расходъ—36 р. 20 к.; членовъ въ обществѣ числится—70 дѣйствительныхъ и 3 пожизненныхъ. Въ отчетномъ году для образованія средствъ общества, кромѣ членскихъ взносовъ, были устроены хоромъ учащихъ концертъ, давшій обществу доходу болѣе 300 р., и В. В. Успенскимъ платная въ пользу общества лекція, также принесшая обществу значительный доходъ. Въ заключеніе были избраны въ члены правленія выбывшіе по жребію П. Н. Лупповъ, В. В. Бобровскій и священникъ А. В. Рождественскій („Спб. В.").

Казенныя пособія земскимъ училищамъ.—Нѣкоторыя изъ земствъ при учрежденіи училищъ назначаютъ средства только на содержаніе личнаго состава и на учебныя пособія; всѣ же остальные расходы обязательно возлагаются на тѣ сельскія общества, для которыхъ открываются училища. Министерство народнаго просвѣщенія, признавая, что экономическое положеніе сельскаго населенія, особенно въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ, значительно ухудшилось, особымъ циркуляромъ признало необходимымъ подтвердить, что представляется вполнѣ логичнымъ и вполнѣ справедливымъ, чтобы пособія, назначаемыя изъ казны на содержаніе земскихъ училищъ, вполнѣ замѣняли ту часть расходовъ, какая падаетъ на счетъ сельскихъ обществъ. Въ виду этого, министерствомъ признано необходимымъ, чтобы отпускъ казеннаго пособія былъ обусловленъ непремѣннымъ освобожденіемъ сельскихъ обществъ отъ подобныхъ расходовъ. („Русь“).

Общеобразовательные курсы въ Калугѣ. Калужское з. собраніе по докладу управы постановило устроить въ 1904 году въ Калугѣ общеобразовательные курсы для учителей и учительницъ земскихъ школъ губерніи, на что ассигновало 3.900 р., и при этомъ ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, „чтобы лица, состоящія на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія, безпрепятственно допускались въ руководители курсовъ“. („Р. В.“).

Школа для неуспѣвающихъ. Коммиссіей по народному образованію разработанъ, согласно порученію Петербургской думы, совершенно новый типъ городской начальной школы, предназначенной исключительно для слабыхъ и неуспѣвающихъ дѣтей. Школы разсчитаны на 20 учащихся обоего пола. Пріемный возрастъ—не старше 11 лѣтъ, но въ школѣ дѣти могутъ оставаться до 16-лѣтняго возраста. Въ программу входятъ слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ, счетъ, рисованіе, пѣніе, гимнастика, ручной трудъ. Занятія производятся круглый годъ (лѣтомъ въ колоніи). При школѣ проектированъ интернатъ. Школѣ дается названіе „вспомогательной“, такъ какъ составъ ея будетъ комплектоваться, главнымъ образомъ, отсталыми учениками городскихъ школъ. („Бирж. В.“).

Открытіе сестрорѣцкой народной читальни и чайной. 2-го февраля состоялось торжественное освященіе новаго дома и открытіе сестрорѣцкой народной читальни, учредителями которой были П. Е. Калачевъ, внесшій еще въ 1894 г. свою лепту на устройство ея, начальникъ сестрорѣцкаго оружейнаго завода С. И. Мосинъ и мѣстное купечество. Благодаря ихъ пожертвованіямъ образовался фондъ, давшій возможность соорудить домъ для читальни. Въ полдень въ новомъ помѣщеніи было отслужено молебствіе наст. собора Петра и Павла, о. Николаемъ Розановымъ, по окончаніи котораго предсѣдателемъ народной читальни полковникомъ А. П. Залюбовскимъ была прочитана историческая записка о сестрорѣцкой народной читальнѣ. Былъ исполненъ гимнъ: „Боже Царя храни“, повторенный по требованію публики, а затѣмъ попечителемъ т. с. В. Н. Мамонтовымъ читальня была объявлена открытой. Въ 3 1/2 часа начались чтенія со свѣтовыми картинами: „Срѣтеніе Господне“,

Народный хоръ пропѣлъ „Коль Славенъ“. Далѣе, сдѣлано сообщеніе о событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ—была демонстрирована карта Японіи и театра военныхъ дѣйствій. По окончаніи чтеній всѣ присутствующіе пропѣли „Спаси Господи“. Обширное зданіе читальни, предназначенное на 500 человѣкъ, едва могло вмѣстить всѣхъ, явившихся на торжество открытія. Читальня была переполнена публикой, которая сердечно благодарила предсѣдателя А. П. Залюбовскаго за его труды и заботы о нуждахъ города. („Бирж. В.“).

Народное образованіе въ Тульской губерніи, подъ вліяніемъ совокупныхъ усилій правительства, земства и отдѣльныхъ лицъ, дѣлаетъ въ послѣднее время довольно замѣтные успѣхи. Главнымъ источникомъ проведенія грамотности въ народъ является школа. Постепенно, но довольно правильно увеличивается число школъ въ губерніи. Съ увеличеніемъ школъ естественно суживается тотъ районъ, на который послѣднія должны распространять свое дѣйствіе. 30 лѣтъ назадъ одна лишь школа должна была удовлетворять потребности 5.743 жителей губерніи; въ настоящее время площадь ея дѣятельности сдѣлалась гораздо ограниченнѣе: 1 школа приходится на 2.317 жителей. Не мѣшало-бы и Тулѣ, большому и богатому городу, озаботиться открытіемъ городскихъ школъ, которыхъ всего одна, такъ что не будь церковно-приходскихъ школъ, въ Тулѣ царила-бы безграмотность. Въ настоящемъ учебномъ году здѣсь имѣются 52 церковныхъ школы, кромѣ второклассной пѣвческой и при ней школы образцовой и кромѣ двухъ образцовыхъ школъ—при семинаріи и епархіальномъ училищѣ. Но имѣющееся количество школъ далеко не удовлетворяетъ потребности 150-ти тысячнаго населенія въ образованіи. Всѣ школы страшно переполнены, и многимъ приходится отказывать въ пріемѣ. Кромѣ того, большинство церковныхъ школъ страдаютъ крайнею негигіеничностью своихъ помѣщеній. Туляки съ нетерпѣніемъ ждутъ открытія обѣщанныхъ школъ въ память Императора Александа III, А. С. Пушкина и городского головы Постникова, но... „улита ѣдетъ...“ („Русь“).

Новое общество въ Царскомъ Селѣ.—Въ Царскомъ Селѣ 14 марта состоялось подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго предводителя дворянства учредительское собраніе новаго общества содѣйствія народному образованію въ Царскосельскомъ уѣздѣ. Судя по проекту устава, общество это, не ограничиваясь одной задачей школьнаго образованія народа, имѣетъ въ виду содѣйствовать развитію населенія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Помимо устройства различныхъ типовъ школъ, общество принимаетъ на себя заботу о внѣшкольномъ образованіи путемъ открытія вечернихъ классовъ, воскресныхъ школъ, народныхъ чтеній, книжныхъ складовъ, выставокъ, устраиваетъ постоянныя и передвижныя библіотеки, старается о проведеніи въ населеніе сельскохозяйственныхъ, техническихъ, профессіональныхъ, гигіеническихъ и др. полезныхъ практическихъ знаній. Но этимъ еще не исчерпывается предполагаемая дѣятельность общества; въ числѣ важныхъ задачъ, которыя оно себѣ намѣтило, нужно упомянуть еще о борьбѣ съ дѣтскою смертностью, о содѣйствіи дальнѣйшему образованію способнѣйшихъ учениковъ и, наконецъ, о матеріальной и нравственной поддержкѣ учащимъ, учившимъ и ихъ семействамъ. Программа такимъ образомъ открываетъ широкую возможность благотворно вліять на

народную массу уѣзда. Другой вопросъ — насколько возможно будетъ осуществить эту программу; но это уже зависитъ отъ личныхъ свойствъ тѣхъ, которые будутъ работать, и отъ тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыя общество сумѣетъ привлечь. Нѣкоторую особенность общества представляетъ составъ правленія, куда обязательно входитъ мѣстный уѣздный предводитель дворянства, инспекторъ народныхъ училищъ Царскосельскаго уѣзда, представители отъ духовнаго вѣдомства, уполномоченные отъ сословныхъ и общественныхъ учрежденій, принявшихъ на себя то или иное содѣйствіе цѣлямъ общества, и кромѣ того шесть выборныхъ общимъ собраніемъ. Членскій взносъ всего 1 р. въ годъ („Н. Вр.").

Русско-китайская школа. Въ Харбинѣ съ начала этого года открыта образцовая русско-китайская школа. Иниціатива открытія этой школы принадлежитъ предсѣдателю цицикарскаго бюро, генералу Джоу-міану. Помѣщеніе весьма удобное, чистое и свѣтлое. Китайскіе мальчики содержатся здѣсь безплатно на полномъ пансіонѣ. Кромѣ класснаго зала, по-европейски устроеннаго, здѣсь есть обширная спальня и столовая. Въ настоящее время въ школѣ обучается 20 мальчиковъ. Они уже хорошо читаютъ и сносно говорятъ по-русски. Такія школы несомнѣнно полезны для упроченія добрыхъ сосѣдскихъ отношеній между нами и китайцами. („Харб. В.").

Духовная пища для войскъ. На происходившемъ 3 апрѣля собраніи членовъ общества грамотности было доложено о дѣятельности спеціальной коммиссіи по снабженію книгами больныхъ и раненыхъ воиновъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и отправляющихся на Дальній Востокъ воинскихъ эшелоновъ. Общество, ассигновавшее изъ своихъ средствъ 1.000 руб. на пріобрѣтеніе дешевыхъ народныхъ изданій, сдѣлало воззваніе о пожертвованіи книгъ и журналовъ; все помѣщеніе и складъ общества, уже отправившаго на Дальній Востокъ болѣе сотни пудовъ книгъ, переполнены пожертвованными книгами, журналами и брошюрами. Самое крупное пожертвованіе книгами въ количествѣ 94.000 экземпляровъ поступило въ распоряженіе общества отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. („Н. Вр.").

Пожертвованія на войну. Попечитель одесскаго учебнаго округа увѣдомилъ лицъ, стоящихъ во главѣ среднихъ учебныхъ заведеній, что собираніе пожертвованій на военныя нужды съ учащихся не обязательно. Если же таковыя и собираются, то они не должны носить характера побужденія со стороны преподавателей и начальниковъ этихъ заведеній. Желательно въ такихъ случаяхъ имѣть при училищѣ кружки. („Ю. Россія").

Школа и алкоголизмъ. Курское земство намѣрено бороться съ алкоголизмомъ чрезъ посредство школы. Земствомъ разработанъ слѣдующій проектъ этой борьбы: на весенніе учительскіе курсы будетъ приглашенъ лекторъ по школьной гигіенѣ, который въ тоже время прочтетъ нѣсколько лекцій о

вредѣ алкоголя для человѣческаго организма, а также о возможной борьбѣ съ пьянствомъ путемъ школы. Изъ этихъ лекцій учителя должны почерпнуть матеріалъ для своихъ совѣщаній по тому же предмету. Союзникомъ учителя въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ могъ бы быть сельскій священникъ; но для этого необходимо, чтобы въ нашихъ храмахъ раздавалась живая проповѣдь, проникновенное слово („Сиб. Ж.“).

Конкурсъ на букварь народныхъ училищъ. Совѣтъ общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III объявляетъ конкурсъ ~~на~~ премію за лучшій учебникъ для начальныхъ народныхъ училищъ, въ 1.000 руб. Учебникъ долженъ быть представленъ въ совѣтъ общества не позже какъ черезъ 2 года по объявленіи конкурса и долженъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) букваря, 2) статей для чтенія и 3) изъ начальныхъ свѣдѣній по ариѳметикѣ. („Бирж. В.“).

Добрый совѣтъ. Въ циркулярѣ попечителя кавказскаго учебнаго округа содержится совѣтъ педагогическому персоналу принять всѣ зависящія мѣры къ тому, чтобы учебная корпорація, обращая вниманіе на событія войны, объясняла ихъ учащимся, соотвѣтственно возрасту послѣднихъ, отмѣчая—сколько знанія, сколько безпредѣльной любви—до пожертвованія всѣмъ—требуетъ служба Государю и Россіи. Только твердая вѣра въ Бога и въ Его промыселъ, любовь къ Россіи и ея Вождю могутъ и въ неудачѣ, и даже въ пораженіяхъ дать всѣмъ намъ ту нравственную твердость, которая необбодима для побѣды надъ всякаго рода препятствіями. Нѣтъ надобности, пишетъ совершенно справедливо т. с. Завадскій,—обходитъ молчаніемъ ту или другую нашу неудачу: пусть и это служитъ побужденіемъ къ усердной молитвѣ къ Богу, новымъ источникомъ горячей любви къ Россіи. („Нов. Об.“)

Начальныя желѣзнодорожныя школы. Какъ видно изъ утвержденныхъ министерствомъ путей сообщенія отчетовъ по постройкѣ кашинской и краснохолмской вѣтвей московско-виндаво-рыбинской желѣзной дороги,—изъ строительныхъ капиталовъ этихъ линій получился остатокъ въ суммѣ 8.891 р. 41 к. Обыкновенно такіе остатки обращаются, съ разрѣшенія министерства, на выдачу наградъ служащимъ при постройкѣ; въ данномъ же случаѣ правленіе общества московско-виндаво-рыбинской дороги рѣшило поступить иначе. На общемъ собраніи акціонеровъ оно заручилось согласіемъ собранія на такое распредѣленіе этой суммы: 2.000 руб. выдать въ награду служащимъ рыбинско-псковской линіи, которые такъ же, какъ и строительный персоналъ, принимали участіе въ постровкѣ своими трудами; остальные же 6.691 р. 41 к. обратить на удовлетвореніе одной изъ насущнѣйшихъ потребностей линейныхъ служащихъ—на развитіе начальныхъ желѣзно-дорожныхъ школъ общества, увеличеніе числа коихъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ мѣръ къ улучшенію быта служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Съ ходатайствомъ объ утвержденіи этого распредѣленія правленіе вошло на-дняхъ въ министерство путей сообщенія. („Бирж. В.“).

Ткачевскіе капиталы. Постановленіе ростовской-на-дону думы о мировой сдѣлкѣ по наслѣдству капитала въ 200 тыс. руб., оставленнаго городу покойнымъ докторомъ Г. Ив. Ткачевымъ на нужды начальнаго образованія, не было утверждено войсковымъ наказнымъ атаманомъ и передано имъ на разсмотрѣніе областного по городскимъ дѣламъ присутствія. Недавно состоялось опредѣленіе присутствія, которымъ отмѣняется упомянутое постановленіе думы: Выслушавъ по настоящему вопросу,—говоритъ присутствіе,—члена совѣта министерства народнаго просвѣщенія, исполняющаго обязанности юрисконсульта т. с. Мамонтова, донское областное присутствіе находитъ, что все состояніе Ткачевъ завѣщалъ на нужды народнаго образованія, а такъ какъ послѣднее подвѣдомственно министерству народнаго просвѣщенія, которое въ этомъ дѣлѣ является заинтересованнымъ не менѣе города Ростова, то поэтому начатый гор. Ростовомъ судебный процессъ съ сыномъ завѣщателя Ткачевымъ могъ быть оконченъ мировой сдѣлкой только по предварительномъ испрошеніи городскимъ управленіемъ согласія отъ министерства народнаго просвѣщенія. При несоблюденіи же городскимъ управленіемъ столь необходимаго въ данномъ случаѣ условія областное по городскимъ дѣламъ присутствіе находитъ состоявшееся постановленіе городской думы о мировой сдѣлкѣ выходящихъ изъ предѣловъ власти городского управленія и подлежащимъ поэтому отмѣнѣ. Такимъ образомъ, городской думѣ въ недалекомъ будущемъ придется вновь заняться вопросомъ о наслѣдствѣ доктора Ткачева. („Р. В.“).

На дальній востокъ. Начитавшись телеграммъ и газетъ, повѣствующихъ о послѣднихъ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ, три воспитанника одной изъ кіевскихъ гимназій, ученики 2 класса Р. С., С. и П. рѣшили отправиться въ Портъ-Артуръ. Заранѣе предвидя отказъ со стороны родителей и гимназическаго начальства, юные патріоты поспѣшили пустится въ далекій путь тайкомъ. Сказано—сдѣлано: собравъ рубля три „подъемныхъ“ и вооружившись нѣсколькими географическими картами Японіи и Дальняго Востока, молодые энтузіасты отправились въ путь рано утромъ 29-го января по Кадетскому шоссе. Обезпокоенные долгимъ отсутстіемъ дѣтей, родители дали знать объ исчезновеніи дѣтей полиціи городской и уѣздной. Были разосланы телеграммы въ Курскъ, Харьковъ, Полтаву, Кременчугъ и на промежуточныя станціи, съ описаніемъ примѣтъ юныхъ бѣглецовъ, которые были застигнуты 31-го января въ деревнѣ Бѣдичи, находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Святошина. Проголодавшіеся и измученные добровольцы были возвращены въ лоно семьи.

(„Кіев. Отг.“)

Памяти Гоголя. Собраніе членовъ общества попеченія о Гребловской начальной школѣ имени Н. В. Гоголя, учрежденной артистами Императорскихъ театровъ, постановило 9 февраля устроить еще одну начальную школу въ деревнѣ Опоченскомъ Рядкѣ Боровическаго уѣзда, ассигновавъ на нее 4.550 р. Затѣмъ рѣшено образовать два фонда: на устройство народнаго театра и на содѣйствіе къ полученію дальнѣйшаго образованія выдающимся по способностямъ ученикамъ, находящимся въ вѣдѣніи общества начальныхъ школъ, а также предоставить правленію общества устроить нѣсколько столовыхъ для учениковъ земскихъ школъ Боровичскаго уѣзда. („Н. Вр.“).

Короткая память. Въ совѣтъ томскаго общества вспомоществованія учащимся поступило отъ студентовъ мѣстнаго университета 78 прошеній о выдачѣ пособій, всего на сумму 3.114 р. 75 к.; въ кассѣ же общества имѣется менѣе 2.000 р. Предсѣдатель общества помѣстилъ въ нѣсколькихъ газетахъ письмо къ должникамъ кассы съ просьбою уплатить числящіеся за ними долги; но ни одинъ долгъ до сихъ поръ еще не уплоченъ. Это не новость. На такое же забвеніе долговъ жалуются и другія благотворительныя общества. Были даже попытки обнародованія именъ неисправныхъ должниковъ; но и это ни къ чему не привело: должники упорно отказываются отъ исполненія лежащаго на нихъ нравственнаго обязательства.

(„Сиб. Ж.“).